

LITTERA SCRIPTA
MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

WEB OF SCIENCE™

EBSCO Discovery Service

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 12, выпуск 3, 2023

NAUCHNYI DIALOG

Volume 12, Issue 3, 2023

Научный диалог

Том 12, выпуск 3, 2023

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации DOI:	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор 10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory UlrichsWeb • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	snior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	Исторические науки Литературоведение Языкознание	
	Архангельск	Краснодар
	Астана (Казахстан)	Москва
	Бийск	Нижний Новгород
	Владикавказ	Пенза
География авторов выпуска	Волгоград	Пятигорск
	Екатеринбург	Санкт-Петербург
	Елабуга	Сургут
	Инчхон (Корея)	Тамбов
	Казань	Тюмень
	Кемерово	Хабаровск
Авторы, имеющие ученую степень	85 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2023

Дата выхода в свет 24.04.2023

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 12, Issue 3, 2023

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel'nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexing	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal's web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vos-tochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed
© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2023	

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**Языкознание. Медиакommunikации. Журналистика**

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)

Андреана Борисова Ефимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)

Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)

Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)

Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)

Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Александр Самуилович Казев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)

Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)

Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)

Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)

Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)

Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogy), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бекоева М. Т., Цаликова М. А.</i> Парантезные построения в тексте романа Алана Черчесова «Венок на могилу ветра»	9
<i>Боднарук Е. В., Астахова Т. Н.</i> Эвиденциальные маркеры в немецкоязычном научном и научно-популярном дискурсе : сравнительный анализ	28
<i>Глушак В. М., Шевякова К. В.</i> Квалиа-структура немецких отэтнонимных прилагательных (на материале лексемы <i>deutsch</i>)	47
<i>Завьялов В. Н., Сон Ён Иль.</i> Конструктивные свойства союза ЧТО... ЧТО... и его семантика	65
<i>Рабенко Т. Г., Нурзет Ц. С.-Б.</i> Обыденная семантика бионимов <i>орел / эзир</i> в русском и тувинском языках (по результатам лингвистического эксперимента)	82
<i>Сигал К. Я.</i> Обособление присубстантивного инфинитива как явление синтаксиса и пунктуации	100

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Гукосьяни О. Ю.</i> Реализация речевых тактик стратегии убеждения в виртуальной коммуникации периода пандемии COVID-19 : коммуникативные ходы	117
<i>Кочетова Л. А., Ильинова Е. Ю.</i> Лингвокультурная специфика дискурсивных практик репрезентации кибербезопасности в русскоязычном медийном пространстве : корпусный подход	134
<i>Никонова Е. А.</i> Editorial как дискурсивный жанр	153
<i>Ребрина Л. Н.</i> Актуальные соционимы в немецкоязычной интернет-коммуникации 2000—2023 годов : семантические дихотомии БЕДНЫЙ — БОГАТЫЙ, МЕСТНЫЙ — ПРИШЛЫЙ	171

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Багаутдинова Г. Г.</i> Стилиевые факторы «орнаментальной прозы» в творчестве И. А. Гончарова	191
<i>Богданова О. В., Баранова Т. Н.</i> Потенциальная энергия претекста : структурно-композиционные особенности «Исаака и Авраама» Иосифа Бродского /	206
<i>Жаманкозова А. Т., Тусунбекова М. Ж., Кажикенова Н. К.</i> Социокультурный аспект бытования топонимических преданий Центрального Казахстана (по материалам экспедиций 2012, 2017 годов)	234
<i>Зудина Д. А., Шарыпина Т. А.</i> Авторская интенциональность Йозефа Вахала как проявление эстетических тенденций культуры рубежа XIX—XX веков	248

Сердечная В. В., Жаткин Д. Н. Переводческие стратегии М. Кузмина при переводе Шекспира.....	269
Тулущева Е. С. Бестиарные мотивы в цикле рассказов Павла Крусанова «Царь головы»	291
Шастина Е. М., Казакова Ю. К. Литературная кинематографичность как нарративная стратегия в художественном тексте (на материале заметок Э. Канетти «Голоса Марракеша»)	305

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ахмадуллин В. А. Деятельность Совета по делам религий по организации хаджа в 1960-е годы	324
Барабанова К. С. Просветительская деятельность Омского медицинского общества в конце XIX — начале XX веков	341
Барышников М. Н. И. И. Чайковский в управлении черноморско-балтийской судоходной линией в 1894—1896 годах.....	361
Егорова К. Б. Беспорядки в Свислочской гимназии в контексте преследования тайных обществ в среде польско-литовской молодежи	382
Муслимова Е. О. Сотрудничество регионов Испании со странами Ближнего Востока и Северной Африки в 1978—2022 годах	398
Немудров К. А., Райнхардт Р. О. Советско-американское научно-техническое сотрудничество в 1960-х — начале 1970-х годов : научная дипломатия как фактор разрядки международной напряженности.....	414
Сафронова А. М. Федор Санников — учитель Екатеринбургской арифметической школы (1734—1741)	430
Слезин А. А. Межпоколенческий разлом российской деревни : влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодежи на рубеже 1920—1930-х годов	446
Цориева И. Т. Национальная школа Северной Осетии в контексте советской культурной политики 1920—1930-х годов	478
Шестакова Н. Ф. Панкельтизм как форма культурного сотрудничества кельтских народов во второй половине XIX — начале XX веков.....	497
АВТОРАМ.....	514
CONTENTS.....	520

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Василий Михайлович Глушак, д-р филол. наук (Москва)
Виктор Николаевич Завьялов, д-р филол. наук (Хабаровск)
Елена Владимировна Боднарук, д-р филол. наук (Архангельск)
Кира Викторовна Шевякова, старший преподаватель (Москва)
Кирилл Яковлевич Сигал, д-р филол. наук (Москва)
Мадина Ахметовна Цаликова, канд. пед. наук (Владикавказ)
Мадина Таймуразовна Бекоева, канд. пед. наук (Владикавказ)
Сон Ён Иль, соискатель (Инчхон, Республика Корея)
Татьяна Геннадьевна Рабенко, д-р филол. наук (Кемерово)
Татьяна Николаевна Астахова, канд. филол. наук (Архангельск)
Цэринчимэд Суге-Баадырович Нурзет, аспирант (Бийск)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(3), 2023]

[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Бекоева М. Т. Парантезные построения в тексте романа Алана Черчесова «Венок на могилу ветра» / М. Т. Бекоева, М. А. Цаликова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-9-27.

Bekeeva, M. T., Tsalikova, M. A. (2023). Parenthetic Constructions in Text of Alan Cherchesov's Novel "A Wreath on the Grave of the Wind". *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 9-27. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-9-27. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-9-27

Парантезные построения в тексте романа Алана Черчесова «Венок на могилу ветра»

Бекоева Мадина Таймуразовна

orcid.org/0000-0002-2682-8776

кандидат педагогических наук, доцент

кафедры русского языка

madina1850@mail.ru

Цаликова Мадина Ахметовна*

orcid.org/0000-0002-8848-6601

кандидат педагогических наук, доцент,

заведующий кафедрой журналистики

и медиакоммуникации

* *корреспондирующий автор*

tsalma07@mail.ru

Северо-Осетинский

государственный университет

имени Коста Левановича Хетагурова

(Владикавказ, Россия)

Parenthetic Constructions in Text of Alan Cherchesov's Novel "A Wreath on the Grave of the Wind"

Madina T. Bekeeva

orcid.org/0000-0002-2682-8776

PhD in Pedagogics, Associate Professor

Departments of the Russian Language

madina1850@mail.ru

Madina A. Tsalikova *

orcid.org/0000-0002-8848-6601

PhD in Pedagogics, Associate Professor,

Head of the Department of Journalism

and Media Communications

* *Corresponding author*

tsalma07@mail.ru

North Ossetian State University

named after Kosta Levanovich Khetagurov

(Vladikavkaz, Russia)

© Бекоева М. Т., Цаликова М. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье поднимается вопрос о роли парантезных построений в романе А. Черчесова «Венок на могилу ветра». Цель исследования состоит в выявлении типов вставных конструкций и определении особенностей их функционирования в тексте романа. Рассматриваются различные факторы, определяющие характер парантезы. Показано, что автор использует парантезные построения для глубокого раскрытия внутреннего мира персонажей, мотивов их действий, подчеркивания многовекторных отношений людей в окружающем мире. Выявлено, что в романе парантеза репрезентируется синтаксическими единицами разного объема, от однородного члена предложения до сверхфразового единства, и оформляется скобками и двусторонним тире. Авторы приходят к выводу, что парантеза является источником дополнительной информации, позволяет интерпретировать текст, исходя не только из представления о внешних событиях романа, но и из анализа мыслей автора и персонажей, представленных во вставных констукциях текста. Установлено, что парантезы в речи женских персонажей отличаются более значительным объемом и большей эмоциональностью, чем вставные конструкции, репрезентирующие мысли мужских персонажей. Доказано, что парантезные построения выполняют функции уточнения, пояснения, детализации, передачи психоэмоционального состояния героев или рассказчика, демонстрации отношения автора к излагаемому.

Ключевые слова:

парантеза; идиостиль писателя; Черчесов; информативная организация текста.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The role of parentheses in A. Cherchesov novel "The Wreath on the Grave of the Wind" is raised in the article. The purpose of the study is to identify the types of insert structures and determine the features of their functioning in the text of the novel. Various factors that determine the nature of parenthesis are considered. It is shown that the author uses parenthesis to deeply reveal the inner world of the characters, the motives for their actions, to emphasize the multi-vector relations of people in the world around. It is revealed that in the novel the parenthesis is represented by syntactic units of different sizes, from a homogeneous member of a sentence to a super-phrasal unity, and is framed by brackets and double-sided dashes. The authors come to the conclusion that the parenthesis is a source of additional information, it allows interpreting the text based not only on the idea of the external events of the novel, but also on the analysis of the thoughts of the author and the characters presented in the parenthetic constructions of the text. It has been established that parentheses in the speech of female characters are more significant in volume and more emotional than parenthetic constructions representing the thoughts of male characters. It is proved that parenthetic constructions perform the functions of clarifying, explaining, detailing, conveying the psycho-emotional state of the characters or the narrator, demonstrating the author's attitude to what is being stated.

Key words:

parenthesis; writer's idiosstyle; Cherchesov; emotional-evaluative, informative organization of the text.

Парантезные построения в тексте романа Алана Черчесова «Венок на могилу ветра»

© Бекоева М. Т., Цаликова М. А., 2023

1. Введение = Introduction

Русскоязычного осетинского писателя Алана Черчесова отличают самобытность и неординарность мышления, умение по-своему видеть окружающую действительность, оригинальный язык и стиль произведений. Его творческий почерк отличает тонкий психологизм, сочетающийся с умением точно и эстетически оправданно пользоваться изобразительно-выразительными средствами русского языка, что получило воплощение в романе «Венок на могилу ветра», рождённом из рассказа «Голый остров». Произведению давали высокую оценку за несвойственную нашему времени серьёзность, с которой писатель размышляет о фундаментальных основах бытия, за своеобразный мифологизм и словесное мастерство.

Арсенал изобразительно-выразительных средств романа необычайно разнообразен. Особого внимания заслуживает синтаксическая структура текста, включающая весь арсенал конструкций русского языка, позволяющих дополнительно к семантическому оформлению мысли тонко передавать оттенки чувств персонажей и авторское отношение к изображаемому. Значительный корпус синтаксических единиц текста произведения «Венок на могилу ветра» занимают вставные конструкции, именуемые *парантезой*. Функциональные и экспрессивные возможности воздействия на читателя парантезных построений (далее — ПП) необычайно разнообразны. Данная статья посвящена изучению видов ПП в романе, их функциональных особенностей, а также разработке классификации парантез в исследуемом произведении.

Актуальность исследования обусловлена постоянным интересом лингвистов к особенностям идиостиля писателей, неотъемлемой частью которого является синтаксическая организация текстов их произведений [Головина, 2022; Кравченко, 2022; Кузнецова, 2023 и др.]. Парантезное построение — одна из синтаксических фигур, которая входит в число возможных маркеров авторского стиля. Парантеза находится в фокусе внимания ис-

следователей на протяжении многих лет, подвергаясь изучению в разных аспектах. Так, в основу анализа вставных конструкций В. В. Дружинина и В. М. Рахманова положили принцип позиционности [Дружинина, 1970; Рахманова, 2007]; И. Г. Сагирян, М. Н. Кулаковский — способность передавать коммуникативно-прагматические установки различными типами ПП [Сагирян, 1999; Кулаковский, 2021]; С. В. Вяткина, И. Ю. Иеронова, Э. П. Новоселецкая, Л. О. Кучмезова — идею эволюции функционирования ПП [Вяткина, 1987; Иеронова, 1994; Новоселецкая, 1993; Кучмезова, 2011]; В. С. Давыдова, И. И. Жирнова, О. В. Марьина — онтологический подход с целью установления причин расчленения высказывания на два плана [Давыдова, 1981; Жирнова, 1989; Марьина, 2015]. Ученые рассматривали особенности связи ПП с основным высказыванием [Кобрина, 1974; Рогозина, 1979; Романенко, 1979; Меркушева, 2002]. В то же время, несмотря на многолетние исследования, вопрос изучения ПП остается в сфере внимания ученых.

Функциональный потенциал ПП позволяет значительно трансформировать структуру предложения в частности и текста в целом, привнося в произведение дополнительную информацию как логического, так и прагматического характера. Имея факультативную природу, парантеза тем не менее позволяет автору значительно модифицировать тональность и напряженность изложения текста, расставляя акценты на нужных элементах, заменяя при необходимости нейтральную тональность прагматически маркированной, создавая также сложные скрепы больших фрагментов повествования подчеркиванием их связей временного, пространственного и причинно-следственного характера. Многозадачность ПП в тексте объясняет необходимость более глубокого изучения их роли. Исследовательский интерес авторов данной статьи усиливает и то обстоятельство, что роль парантезы в тексте романа «Венок на могилу ветра» Алана Черчесова еще не была в фокусе научного исследования, хотя своеобразие романа в определённой степени обусловлено именно рассматриваемым языковым феноменом.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования состоит в анализе типов ПП и особенностей их функционирования в тексте романа. В поле зрения авторов статьи находятся конструкции, которые дополняют основную информацию в предложении, внося в него определенные доминирующие над другими смыслы: к примеру, детализацию, пространственно-временное уточнение, эмоционально-оценочное маркирование ситуации и др. Кроме того, данные конструкции отражают взаимодействие субъектно-речевых планов восприя-

тия, участвуют в формировании образа автора и организации его коммуникации с читателем.

Теоретической базой исследования послужили направленные на изучение структуры и функционирования ПП работы [Аникин, 1967; Береговская, 2004; Зубрилина и др., 1985; Кальниченко, 2014; Коцарь, 1995; Кулаковский, 1996, 2013, 2021; Омаева, 2006; Шишкина, 2012].

Основным методом исследования был избран описательно-аналитический, включающий в себя статистический анализ с целью демонстрации частотности использования приема парантезы и стилистический анализ для выявления семантических особенностей ПП и функций вставных конструкций в тексте романа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Роль парантезных построений в создании системы образов

Одним из ярких элементов экспрессивного синтаксиса в структуре романа Алана Черчесова «Венок на могилу ветра» является вставная конструкция, именуемая *парантезой*. Под *парантезным построением* мы понимаем вставку внутрь одной (основной) фразы другой конструкции, не связанной с первой грамматически, вносящей в изложение дополнительную информацию логического и эмоционально-оценочного характера, оформляющейся графически двойным тире или скобками. Картотека примеров ПП составила 248 примеров, из них выделенных пунктуационно тире — 60 единиц, оформленных с помощью скобок — 188; все конструкции распределены по главам: в 1 главе — 24 и 26 примеров соответственно, во 2 главе — 12 и 70, в 3 главе — 14 и 34, в 4 главе — 10 и 58.

Парантетические конструкции используются А. Черчесовым в тексте романа «Венок на могилу ветра» как прием изображения внутреннего мира персонажа, демонстрации сложной скоррелированности всех деталей, всех действующих лиц. С помощью категории вводности автор глубже, объемнее раскрывает мотивы поступков героев, подчеркивает разнообразие отношений между ними, объясняет взаимосвязи между явлениями природы и психологическими состояниями персонажа, его поступками, а также показывает взаимообусловленность действующих лиц. Черчесов изображает общество во всей совокупности тонких связей и движущих его сил через глубинное раскрытие внутреннего мира героев. Реализация замысла осуществляется в значительной степени посредством парантезы, которая выступает в первую очередь как канал авторского комментирования текста, выражающего его эмоционально-оценочное отношение к происходящему: *Скинув фартук, она выбегает во двор, отворяет калитку, семенит неуклюже по улице (еще бы! Никогда до того не пыталась спасти никого, — только губила), до-*

бегает до дома Хамыца, влетает растрепанно в теплый, пахнущий крошечным детством хадзар ... [Черчесов, 2013, с. 485].

Парантеза, внося изменение в одноплановость синтаксической конструкции, передающей основную информацию в художественном тексте, дает широкие возможности для разнообразных комментариев текста автором [Глотова и др., 2018, с. 7]. Например, комментирование может использоваться для уточнения: *Так никто никогда не узнал, что сегодня две упрямые девчонки да беспутно, напрасно влюбленный в одну из них, упорхнувшую бабочкой со двора, мальчуган (тот самый, что, удачно сбежав со двора, не нашел, слава Богу, того, что сыскала лишь затем лишь от скуки случайность, а потом, очень вовремя и очень впопад, прочь отбросила зависть по-детски ревнивой рукой), — что они, все троем, спасли жизнь человеку, весь тот день напролет боронившему склон [Черчесов, 2013, с. 435].*

Особого внимания заслуживают парантезы, влияющие на полифоничность восприятия повествования за счет множественных вставок, в которых комментируется каждый узел повествования либо каждая деталь описания. Подобные сверхсложные конструкции чаще всего служат эмфатизации высказывания, передают взволнованность персонажа, а кроме того, выражают жесткую критичность автора по отношению к излагаемому либо предельную исповедальную откровенность повествователя. Например: *Князь не прав, — сказала я. — Он не должен тебя убивать, потому что мы тебя любим ... (Конечно, мы понимали, что делаем. Еще бы не понимать! Но стать убийцами душам нашим было легче, чем телам помнить то, как измывались над нами какой-нибудь час назад) ... [Там же, с. 205].*

Эмоционально-экспрессивный потенциал синтаксических построений усиливается привлечением экспрессивных синтаксических фигур и тропов, что характерно для речи, реализующей прагматический потенциал. Зачастую парантеза берет на себя функцию схемы развития действия, актуализируя информацию добавлением эмоционально-экспрессивных ремарок автора, становящихся ключами к пониманию описываемой ситуации либо мотивов поведения, характеристик персонажей. В следующем примере частое включение в основное предложение ПП, выстроенных в риторическую градацию, помогает путем детализации внутренних переживаний героини погрузить читателя в ощущение эмоционального мрака ее мира. При этом чередование основного безэмоционального повествования со вставками, имеющими эмоционально-экспрессивную окраску, создает ощущение постоянного параллельного существования двух пространств: привычной повседневности и в то же время душевных мук жаждущей отмищения женщины: *Наблюдая за тем, как старик чинит лемех для плуга*

(стоит внезапно сорваться с черенка молотку — тот пронзит ему лоб), правит лошадьё в снежную пору (только-только кобылла оступится — и он упадет, заскользит от дороги к обрыву, а там уже — дело удачи и Бога, а Дзака — та совсем ни при чем), косолапо, натужно влезает на крышу хадзара по тщедушной, скрипучей в шагу ветхой лестнице (коль ступенька подломится — уж его тут ничто не спасет), как он полнит внимательным пальцем, прикусив от старания язык, газыри, подсыпая в них порох (достаточно искры — в секунду спалит все лицо), как дремлет, приветив весну, на дворе (так и хочется бросить за шкуру гадюку!), как он треплет руками форель (где-то в ней поджидает его незаметная острая кость. Возьмет и застрянет вдруг в горле), как он спит, запрокинувшись в хrap с головой, выставя большой и лохматый кадык, словно дразнится, хочет ее испытать (где тот нож, где отвага проткнуть ему глотку?.. Вот бы было что просто!), — наблюдая за ним, Дзака ободрялась надеждой ... [Там же, с. 245]. Детальное описание действий старика, его жестов, движений осуществляется сквозь призму раскрытия недобрых желаний героини. При этом в смысловом отношении автором на первый план выводится не синтаксически организованная основная информация о старике, а состояние женщины, ее мучительные желания. Черчесов усиливает выразительность описания за счет активного использования эмоционально-экспрессивных языковых средств: экспрессивных повторов, восклицательных и вопросительных конструкций, бессоюзных конструкций, интонации противопоставления, которая репрезентирована пунктуационно — тире, подчеркивающим быструю смену событий, действия и его результата и т. д.

3.2. Виды парантезных построений в романе

В роли ПП в тексте романа выступают разные члены предложения или предложения различной структуры:

(1) Однородные члены со значением противопоставления, например: *Когда между ними осталось не больше мгновенья, та вдруг вскинулась взглядом, тихо охнула, но обозналась, увидав пред собою лишь грозного зверя —не мать, — а потом захотела куда-то бежать, но медведица кинулась следом, норовя ее обогнать ... [Там же, с. 503].*

(2) Обособления:

— дополнение, например: *Когда двое других (включая женщину) говорили о нём и думали «он» [Там же, с. 70];*

— уточнение, например: *Привлеченный запахом свежей земли, а также глубокой, доброй (совсем по-берложьему) тени, он подбирается к месту, где, притворившись обманом зернистого снега, скрыта она под гниющей травой [Там же, с. 502].*

— присоединение, например: *Они вдвоём, река и он, чужак (да еще — **черный пес**), были ересью, кощунством и искушали Тотразову веру и вдохновенное наитие души его примером самонадеянного отречения от всего, что могло быть начертано лишь небесным перстом ...* [Там же, с. 80];

— приложение, например: *Потом он почувствовал, что его душа — **маленький юркий комок в груди, с тонким голосом** — закрутилась буравчиком в вихорь и, кусая за глотку, забилась в нём громкой обидой ...* [Там же, с. 60];

— определение, например: *Потом друг нашел в небе солнце — **юное, складное, босое** — и тихо закачался в его мягких руках* [Там же, с. 44].

(3) Простые предложения:

— полные двусоставные предложения, например: *Исток начинался чуть в стороне, на самом краю хребта (**когда-нибудь я покажу тебе**)* [Там же, с. 21];

— неполные двусоставные предложения, например: *Рука очень вздулась и, казалось, сделалась больше него самого (**будто сходила вперед лет на двадцать, а потом воротилась, забыв поменять свой размер**)* [Там же, с. 429].

(4) Сложные предложения с различными видами связи:

— сложносочинённые предложения, например: *От столкновения с нею у него помутилось в зрачках. Боль была такая, словно его плечо разорвалось на тысячи мелких осколков (**большое теплое гнездо приютило несколько маленьких жизней, а после кто-то жестокий разнес его палкой в клочки**)* [Там же, с. 44];

— сложноподчиненные предложения с различными видами придаточных, например: *А наутро их мать растолкала нас (**только тут мы поняли, что заснули**) и велела надеть те наряды, что прислал накануне сам князь* [Там же, с. 201]; .

— сложные синтаксические конструкции, например: *Дважды за те четыре дня, что длился подъём, сани опасно сползали к обрыву, повиснув над ними полозом (**внизу горбятся скалы, посверкивает онемевшая река, а сама ты маленькая, как птенец, заглянувший в огромную пасть**), но мужчине удавалось ее спасти* [Там же, с. 150].

(5) Сверхфразовые единства (во втором примере парантеза представлена в форме монолога, разделенного абзацами):

*Близ дороги стоял колодец. Кто-то поднес нам воды в ведре, и сестра медленно излила ее мне на голову. Той, что осталась на дне, я полила ей руки. Обе мы понимали, что нам нужно море (**Море и ночь, но вокруг было утро и люди. Завернувшись в брошенные кем-то сердобольным к нашим ногам лохмотья, мы двинулись прочь, и тут же вслед нам,***

словно опомнившись, полетели плевки, только они уже мало нас трогали. Не в первый раз кто-то хотел себе доказать за наш счет, что сам он лучше пришедшей беды, да тем отвести ее от себя подальше) [Там же, с. 205];

<...> (Занимал меня часто и Бог. Разум упрямо твердил мне, что его нет и не было. Однако случалось, Он все же со мной говорил (а может, говорила лишь я, но Он-то точно все слышал!). Как ни суди, а то, что сделали с нами, представлялось мне хуже и гаже, чем то, что сотворили когда-то с Христом. Если Он есть, думала я, пусть оправдается за нас и Помойку!

Убедить себя в том, что Бога нет, было достаточно просто. Труднее было в это поверить...) [Там же, с. 213].

Отметим, что автор при построении парантезы тяготеет к распространенным предложениям, осложненным различными конструкциями (однородными членами, сравнениями, обособленными определениями или обстоятельствами и др.), что позволяет ему расширять картину происходящего: *Чтобы избавиться от нее, он должен был отречься от будущего (покуда жила память, никакого будущего, в сущности, быть не могло, потому что оно, будущее, было не чем иным, как верным приютом памяти, ее продолжением и следствием, ее усталым рабом), распрощаться с прошлым и отправиться вспять ...* [Там же, с. 3].

Одно предложение может включать в себя несколько вставок, при этом пунктуационное оформление ПП может быть единообразным, то есть оформляться только скобками или только тире, и различаться, например: Помимо Цоцко, вычитывался и сам этот дом (*еще бы: слишком рискованно даже для Казгери делать ставку на неведение тех, кто восполнял его своей недоверчивостью*), вычитались и те, чьи дома не смогли спрятать собственной тени от следящих за ними окон чужаков, вычитался и тот, кто был одинок (*резче слух, подозрительней взгляд*), — оставались Тотраз и жена его, Софья [Там же, с. 404]; Лишь спустя месяцы (*да и то — не с сомненья, а как бы от нечего делать*) он впервые пробрался туда, где давным-давно побывал — *и не раз* — своим расторопным чульем [Там же, с. 405].

3.3. Функции парантезы в тексте

Особого внимания в романе заслуживают ПП с точки зрения их функций и связей с различными уровнями информации в рамках предложения и текста в целом. Так, парантезы в тексте романа служат композиционными приемами, служащими эмоционально-оценочной организации текста, например, они перемещают повествование в пространственно-временном плане, выполняя ретроспективно-перспективную функцию и выступая

маркерами художественного времени. Вставки, реализующие функции ретроспекции и проспекции как композиционных приемов, восстанавливают в полном объеме факты прошлого по отношению к настоящему, объясняют истоки существующего, показывают, забегая вперед, результат того, к чему приведут уже происходящие события: *Через три дня мы вышли на помост. (Возведённый чуть в стороне от арены, он служил маленькой сценой, отведённой под колдовство. Трюк был простой: одна из нас представляла в наряде русалки перед шумливой толпой, пузатый факир с приклеенной бородой и несвежей манишкой произносил заклинания, сверху на железный каркас, внутри которого стояла русалка, внезапно падал белый холст, бил дробь барабан, покривлявшись, факир приближался к белому кокону и поджигал его брызгающей искрами и большой, как дубина, свечой. Тем временем в другом конце помоста, там, где стоял вместительный железный ящик с водой, распаивалась круглая крышка, и из нее, невредимая, вырастала русалка, бросая пену на зрителей. Пока она отвлекала внимание публики, полыхавший огонь заслоняли суетливые пожарники с вёдрами. Не успевали они погасить пламя, как из-под слоя воды меж железных рёбер каркаса вновь появлялась всё та же русалка, вопреки тому, что какой-нибудь миг назад она нырнула у всех на глазах внутрь ящика. В общем, ничего сложного. Чистейшее надувательство. Все, что требовалось для номера, это иметь дыру в полу и не заполнять до пределов железный ящик с водой)* [Там же, с. 215]. Данная парантеза, представленная сложным синтаксическим целым, имеющая достаточно чёткие границы, находится в логических, структурных и функциональных взаимоотношениях с включающим контекстом. Она расширяет и дополняет картину рассказа героини, более того, в данном контексте парантеза становится более существенной с точки зрения информативности, нежели основная часть.

Интенциональные предпосылки включения ПП в ткань повествования обусловлены выполнением ими функций уточнения, пояснения, детализации основного высказывания, ситуации, психо-эмоционального состояния героя или рассказчика: *Они предпочли числиться в изгоях, нежели двинуться дальше (куда угодно, в любую страну, кроме той, откуда бежали), навстречу людям, обычаям и словам, — только б не объяснять, не просить и не оставить следа, на который, пусть ненароком, могли набрести те, чью кровь они опозорили* [Там же, с. 12]. Вставка в данном предложении усиливает ощущение трагизма внутреннего состояния героев (*куда угодно, в любую страну*), создает впечатление отчаяния, испытываемого ими.

Функцию объяснения, уточнения происходящего выполняет вставная конструкция со значением сравнения, при этом формально она может быть

представлена как сравнительным оборотом, так и описательно, целым предложением: *Неловко обхватив ладонями миску, проливая на себя ее содержимое, он сделал несколько глотков — словно наугад, не успев даже обжечься глотком, — а потом, разом опрокинув ее в себя, посмотрел, проверяя, на пустое дно и уронил миску на пол* [Там же, с. 94]. *Счастье наше было спокойно и сонно (ленивая передышка от жизни, когда ты плывёшь рядом с нею на уступчивых волнах, слушаешь все ее звуки, но дышишь чем-то другим и потому никак от неё не зависишь)* [Там же, с. 2].

3.4. Парантеза и речевая характеристика

В реализации идеи художественного произведения важнейшую роль играет взаимосвязь авторской речи и речи персонажей. Первая — это та часть текста, в которой автор обращается к читателю непосредственно, а не через создаваемые им образы. Вторая — это часть структуры образа, позволяющая создавать привязку персонажа к системе социальных координат описываемого автором мира, раскрывать психологическую характеристику личности героя, совокупность его эмоциональных переживаний, силу его чувств, отношение к морально-этическим установкам, которые транслируются автором через текст. Речь персонажа может быть представлена двумя вариантами: внешней (произнесенной) и внутренней (непроизнесенной). Черчесов мастерски пользуется обеими разновидностями: произнесенная речь играет роль как в развитии сюжетной линии, так и в характеристике конкретного действующего лица, а внутренняя речь персонажа, не участвуя в акте коммуникации, раскрывает мотивы поступков персонажей, их эмоциональное состояние, а также конкретную ситуацию с позиций разных действующих лиц. Синтаксис внутренней речи героев романа зачастую отличается от построения их внешней речи своей развернутостью, реализуя задачу отразить психо-эмоциональные особенности конкретного действующего лица и др. В этом отношении можно говорить о схожих функциях внутренней речи и парантезы, раскрывающих психологию героя, мотивы его поступков: — *Мне надобно выстроить дом. Подсобишь? Хамыц кивнул и улыбнулся, доказав, что он все еще друг. «Ну вот, он знает, — подумал Тотраз. — Только виду не подает. Может, сам я знаю поменьше его. А знаю я точно только одно: дом мне нужен, чтоб не сбежать. Но это и он знает»* [Там же, с. 163]. О схожести функций свидетельствует и оформление внутренней речи героя скобками: *Вдвоем с Аланом они уложили ее на землю и смотрели, как рвет на ней одежду сестра и хочет воплями согнать смерть с ее лица, белого и хрупкого («Все равно что задумавшееся о снеге стекло», — подумал сосед), причитая во весь голос и невольно тесня от бездыханного тела расторопную Хамыцеву жену с поднесенной чашей воды* [Там же, с. 179].

В текст романа включается и несобственно-прямая речь, представляющая собой сочетание речи персонажа и писателя, позволяющая последнему продемонстрировать свое отношение к действующему лицу: *Стреляя в пса, он избавлялся не от собаки, а от привязанности ее и покорности, день за днем без всяких слов растравлявших ему душу теплом и беспокоивших давицинную унылость сердца, постепенно делая его, чужака, уязвимее и слабее (да, так и есть: уязвимее и слабее, потому что в миг первой встречи у них не хватило духу даже на то, чтобы опознать в нем хотя бы гостя, а уже нынче они ему смогли дерзить, словно он незадачливый сосед, над которым незазорно и подтрунить)*, ибо в нем подспудно просыпалась предательская надежда [Там же, с. 109]. Используемые вставки в речи персонажа приближаются по форме к внутренней речи, добавляя высказывания некоторую исповедальность или демонстрируя морально-этические импульсы, движущие поступками героев и формирующие их эмоции.

Характер и структура ПП зависят и от того, в чей речи они встречаются. Наиболее эмоциональные, развернутые вставки представлены в повествовании от лица женщин: — *Ты понял. Все верно. Пусть в дороге не было смысла — в ней все же таилась цель. <...> (Пока мы ехали, можно было подолгу спать или думать, сочиняя длинные светлые мысли и вплетая их лентами в горизонт. Стоило табору остановиться — и нам приходилось страдать, ведь мы помнили дом. Он был прочными стенами, а не холстиной, душистой доской, а не проселочной пылью. Он был выглаженной накрахмаленной чистотой, а не кислым потом. Мы помнили теплый уют, теперь же его сменило угрожающее спокойствие тех, кто спал рядом с нами на земляном полу и, заслонившись ровным сном, пугал своей непостижимой близостью к нашим телам. Глядя друг другу в глаза, мы плакали с сестрой над своим бессильным молчанием и слушали в себе мелодию родных когда-то слов, которые при свете дня забывали к нам путь, уступая слух тому языку, что был для степи все равно что хозяином, от которого не сбегать никуда ни коню, ни обиде, ни выгоде ...)* [Там же, с. 200]. В повествовании от лица мужчин вставные конструкции встречаются реже, и они большей частью передают добавочную логическую информацию, детализацию, уточнение, подтверждение и т. д.: ... *он отошел на полсотни шагов, послушный направлению ветра, и, подставляя извлекаемое содержимое под мерцание плотного месяца, тщательно отобрал то, что было нужно ему позарез (порох, соль, большущий нож, бечевку, два огнива), а то, без чего вполне можно обойтись, побросал обратно* [Там же, с. 120]; *Я хватал его вместе с хвоей руками, и он обжигал их горящими иглами. (Вот, погляди на эти волдыри)* [Там же, с. 181]. Хотя и в подобном контексте парантеза

передает эмоционально-экспрессивную информацию, чаще оформленную с помощью тропеизации, что позволяет передать чувственное восприятие мира, например визуальное: *Я бросился было к реке, но вдруг увидел, как загорается тропа — знаешь, словно на пыльную шкуру упали огненные брызги, — и тут я понял, что бежать не нужно* [Там же]. Подчас парантеза в речи персонажа-мужчины играет роль средства передачи его психологического состояния, например, помогает передать страх человека перед силой стихии: *А потом я почувствовал вдруг, что все остановилось, и больше не видно зверей, лишь сзади слышится какое-то чавканье — будто кто-то крошит челюстями лес, — нет больше ветра* [Там же].

Интересно, что парантетические элементы, отражающие эмоциональное душевное состояние персонажей, очень экспрессивны, но редко включают в себя эмоционально окрашенную лексику. Восприятие персонажем другого действующего лица зачастую передается за счет акцента на внешних действиях наблюдаемого, при этом экспрессивность описания создается благодаря обилию глаголов со значением физического действия, что придает тексту особый динамизм. Кроме того, ощущение стремительности, наполненности событиями, деталями, действием фрагмента повествования подчеркивается сложными предложениями с обособлениями (например, деепричастиями и деепричастными оборотами, дополняющими основное действие и тем самым усиливающими динамизм) и однородными членами (в том числе глаголами) или однородными придаточными предложениями, что отражает быструю смену действий, состояний, событий: *Какое-то время мы были с сестрой не больше, чем редкостным угощением для его похотливых друзей. (Грешить нам было хоть и противно, но, в общем-то, сносно, словно бы сонно даже, потому что мы понимали: то, что происходит сейчас, происходит не с нами, а с теми двумя, что просто хотят спасти нам обем угрюмые души и жизнь. Заодно мы учились и ненавидеть, но только не вслух, не напоказ, а незаметно, подспудно, пряча ненависть в память, как монеты в сундук, и зная при этом, что придет день — она нам понадобится. Вся, без остатка. А до того нужно хранить ее невредимой, чтобы выплеснуть в нужный момент, как пламя в лицо, и спалить за собой и в себе все то, что было чужим нам и грязным, что составляло наш долгий муторный плен)* [Там же, с. 202]. В то же время в ПП, отражающих внутреннюю речь персонажей-женщин, встречается эмоционально-оценочная лексика, тропы, что также поддерживает заданную автором тональность речи героинь романа (см. примеры выше: *непостижимая близость, бессильное молчание, светлые мысли, муторный плен* и др.). Заметим, что вставки в речи персонажей-мужчин тоже эмоционально и экспрессивно маркиро-

ваны, но, как правило, синтаксическими средствами (см. пример выше: *порох, соль, большущий нож, бечевку, два огнива*).

Нельзя не отметить, что в романе помощью синтаксических конструкций великолепно задается текстовый ритм, который меняется в зависимости от содержания: от неспешного изложения глубоких раздумий персонажа в обстоятельном внутреннем монологе до эмоционально насыщенного описания духовного смятения действующего лица, безудержного потока мыслей, лихорадочного поиска верного разрешения ситуации или показа стремительно сменяющихся действий. Эта тенденция подхватывается и текстом парантез, позволяя усилить создаваемое автором настроение различных фрагментов романа. Парантетические конструкции в речи персонажей создают впечатление особой искренности, исповедальности, чувства говорящих избавлены от маскировки в угоду общепринятым установкам, стремления оправдать себя, завуалировать потенциально порицаемые обществом действия и желания, они будто бы обнажены в стремлении героев объяснить охватившие их чувства, возникшие импульсы, мотивы поступков. Читатель словно общается с живым, мыслящим, чувствующим человеком.

4. Заключение = Conclusions

Анализ языка романа Алана Черчесова «Венок на могилу ветра» выявил ведущую роль парантезы как черты авторского идиостиля. Персонажи романа живут в сложном мире, в котором любят, ненавидят, борются, плачут, что выражается в произведении разными способами. Среди них важную роль играют ПП, которые репрезентируют не только отношения и психологические состояния героев, но и отношение автора к ним и ситуации, в которой находятся его персонажи. С этой целью Черчесов использует вставные конструкции, представляющие собой как отдельные синтаксические структуры внутри простого предложения (однородные члены, обособленные уточнения, дополнения, определения, пояснения, приложения, присоединения), так и целые предложения разных типов (простые, сложные с сочинительной, подчинительной, бессоюзной связью, сверхфразовые единства). Пунктуационное оформление ПП осуществляется в двух формах, привлекающих внимание к данному приему как особой черте стиля автора: скобками и двусторонним тире внутри предложения.

Данные синтаксические конструкции предназначены выполнять разные смысловые функции в художественной ткани романа: ПП уточняют, объясняют, указывают на причинные связи, прогнозируют и др. Призванные показать движения души героя, его внутренние переживания, вставные конструкции имеют сходство с внутренней речью персонажа, которая

активно представлена в тексте, то есть также выступает в качестве особой характеристики идиостиля автора. При этом парантеза различается в исполнении женских и мужских персонажей как объемом и структурой конструкций, так и лексикой: для героинь свойственна большая эмоциональность, выражающаяся посредством лексем и тропов в значительных по объему высказываниях, а для мужских персонажей — грамматическая усложненность в коротких предложениях или в форме обособления и перечислительного ряда.

Таким образом, парантеза, с одной стороны, является источником дополнительной информации, а с другой — формирует интерпретацию текста. Иными словами, парантеза делает текст функционально амбивалентным. ПП в тексте романа, бесспорно, выполняют классические функции экспликации авторского мнения в связи с излагаемыми событиями в форме пояснения, уточнения, привнося нюансы эмоционально-оценочного или логико-информационного характера, демонстрируя или подчеркивая авторскую позицию.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники

1. Черчесов А. Г. Венок на могилу ветра / А. Г. Черчесов. — Санкт-Петербург : Лимбус Пресс, 2013. — 528 с. — ISBN 5-8370-0245-6.

Литература

1. Аникин А. И. Функции вставных конструкций в современном русском языке / А. И. Аникин // Ученые записи Моск. пед. института им. В. И. Ленина. — 1967. — № 259. — С. 5—44.

2. Береговская Э. М. Очерки по экспрессивному синтаксису / Э. М. Береговская. — Москва : Рохос, 2004. — 208 с. — ISBN 5-9519-0021-2.

3. Вяткина С. В. Становление и развитие вставных конструкций в русском литературном языке ХУШ—ХХ веков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. В. Вяткина. — Ленинград, 1987. — 14 с.

5. Глотова Т. А. Парантезные построения в структуре поэтического текста (на примере поэзии Ирлана Хугаева) / Т. А. Глотова, Д. С. Каркузаева // Вестник Владикавказского научного центра. — 2018. — № 1. — С. 7—9. — DOI: 10.23671/VNC.2018.1.12006.

6. Головина Т. А. вставные конструкции в рассказе Дины Рубиной «Кошки в Иерусалиме» / Т. А. Головина // Лекантовские чтения — 2022 : Материалы Международной научной конференции, Москва, 18 ноября 2022 года. — Москва : Московский государственный областной педагогический университет, 2022. — С. 300—304. — ISBN 978-5-7017-3377-8.

7. Давыдова В. С. Структурно-семантическая характеристика вводных конструкций каузального типа : на материале современного немецкого языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / В. С. Давыдова. — Алма-Ата, 1981. — 202 с.
8. Дружинина В. В. Вводные предложения и их функционирование в современном немецком языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / В. В. Дружинина. — Ленинград, 1970. — 274 с.
9. Жирнова И. И. Семантико-синтаксические и коммуникативно-прагматические функции парантезы в современном немецком языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / И. И. Жирнова. — Алма-Ата, 1989. — 169 с.
10. Зубрилина Л. Н. Предложения с вводными и вставными компонентами / Л. Н. Зубрилина, В. Ф. Мейеров. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. — 76 с.
11. Иеронова И. Ю. Развитие парантезы во французском литературном языке в период с ХУ1—ХХ в. : на материале эпистолярных текстов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.05 / И. Ю. Иеронова. — Санкт-Петербург, 1994. — 163 с.
12. Кальниченко Ю. О. Своеобразие функционирования многокомпонентных сложных высказываний с вставными конструкциями в повести В. В. Набокова «Другие берега» / Ю. О. Кальниченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 6 (36). — Ч. 2. — С. 69—72.
13. Кобрин Н. А. Предложения с вставной предикативной единицей в современном английском языке : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.04 / Н. А. Кобрин. — Ленинград, 1974. — 34 с.
14. Коцарь Э. Б. Вводные слова и словосочетания, вводные предложения, пунктуация : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Э. Б. Коцарь. — Воронеж, 2007. — 48 с.
15. Кравченко М. А. О метаязыковом статусе парентетических конструкций в художественных и публицистических произведениях Е. Водолазкина / М. А. Кравченко // Современный ученый. — 2022. — № 3. — С. 41—49.
16. Кузнецова Е. В. Вставные конструкции как отражение субъективно-авторской модели повествования в романе Г. Газданова «Les chemins nocturnes» / Е. В. Кузнецова // Теоретические и практические аспекты лингвистики, методики преподавания иностранных языков, межкультурной коммуникации и литературоведения : материалы Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов, Астрахань, 22 февраля 2023 года. — Астрахань : Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, 2023. — С. 173—180.
17. Кулаковский М. Н. Типы и функции вставных конструкций в русской художественной прозе 20—30-х годов XX века : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. Н. Кулаковский. — Ярославль, 1996. — 240 с.
18. Кулаковский М. Н. Вставные конструкции в поэзии и прозе А. Белого / М. Н. Кулаковский // Верхневолжский филологический вестник. — 2021. — № 1 (24). — С. 87—94. — DOI: 10.20323/2499-9679-2021-1-24-87-94.
19. Кулаковский М. Н. Вставные конструкции в современном художественном тексте : традиции и новые тенденции функционирования / М. Н. Кулаковский // Ярославский педагогический вестник. — 2013. — № 2. — Том 1 (Гуманитарные науки). — С. 138—142.
20. Кучмезова Л. О. Вставные конструкции в аспекте гендерной лингвистики / Л. О. Кучмезова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2011. — Т. 17. — № 2. — С. 175—179.

21. *Марьина О. В.* Многофункциональность вставных конструкций в русских художественных текстах рубежа XX—XXI веков / О. В. Марьина // *Филолого-коммуникативные исследования*. — 2015. — № 2. — С. 247—255.

22. *Меркушева О. В.* Вставные конструкции как инструмент реализации субъективно-авторской модели повествования : на материале прозы А. И. Солженицына : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. В. Меркушева. — Воронеж, 2002. — 156 с.

23. *Новоселецкая Э. П.* Эволюция функционирования вставных конструкций в английских научных текстах XVIII—XX веков / Э. П. Новоселецкая. — Пермь : Пермск. гос. ун-т, 1993. — 112 с.

24. *Омаева З. Я.* Синтаксические конструкции экспрессивного типа как средство выражения авторских интенций : на материале художественных произведений В. В. Набокова : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / З. Я. Омаева. — Махачкала, 2006. — 176 с.

25. *Рахманова В. М.* Вставные единицы в современной публицистике : на мат. немецкого и башкирского языков : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / В. М. Рахманова. — Уфа, 2007. — 199 с.

26. *Рогозина Т. М.* Вводные компоненты предложения / Т. М. Рогозина // *Структурный синтаксис английского языка*. — JL. — 1979. — С. 121—134.

27. *Романенко Е. Н.* Вставные и вводные предложения в современном немецком языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. Н. Романенко. — Киев, 1979. — 20 с.

28. *Сагирян И. Г.* Функциональные особенности вставок в языке прозы М. А. Булгакова : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / И. Г. Сагирян. — Ростов-на-Дону, 1999. — 23 с.

29. *Шишкина И. С.* Парантетические конструкции в художественном и публицистическом тексте : структура, семантика, прагматика : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / И. С. Шишкина. — Ижевск, 2012. — 23 с.

*Статья поступила в редакцию 13.12.2022,
одобрена после рецензирования 29.03.2023,
подготовлена к публикации 21.04.2023.*

Material resources

Cherchesov, A. G. (2013). *A wreath on the grave of the wind*. Saint Petersburg: Limbus Press. 528 p. ISBN 5-8370-0245-6. (In Russ.).

References

- Anikin, A. I. (1967). Functions of plug-in constructions in modern Russian. *Scientific records of Moscow. ped. V. I. Lenin Institute*, 259: 5—44. (In Russ.).
- Beregovskaya, E. M. (2004). *Essays on expressive syntax*. Moscow: Rokhos. 208 p. ISBN 5-9519-0021-2. (In Russ.).
- Davydova, V. S. (1981). *Structural and semantic characteristics of introductory constructions of causal type: on the material of the modern German language*. PhD Diss. Alma-Ata. 202 p. (In Russ.).
- Druzhinina, V. V. (1970). *Introductory sentences and their functioning in modern German [Text]*. PhD Diss. Leningrad. 274 p. (In Russ.).

- Glotova, T. A., Karkuzaeva, D. S. (2018). Parantez constructions in the structure of a poetic text (on the example of the poetry of Irlan Khugaev). *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center*, 1: 7—9. DOI: 10.23671/VNC.2018.1.12006. (In Russ.).
- Golovina, T. A. (2022). Plug-in constructions in Dina Rubina's story "Cats in Jerusalem". In: *Lecant readings — 2022: Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, November 18 2022*. Moscow: Moscow State Regional Pedagogical University. 300—304. ISBN 978-5-7017-3377-8. (In Russ.).
- Hieronova, I. Y. (1994). *The development of paranthesis in the French literary language in the period from the 19th to the 20th century: on the material of epistolary texts*. PhD Diss. St. Petersburg. 163 p. (In Russ.).
- Kalnichenko, Yu. O. (2014). The peculiarity of the functioning of multicomponent complex utterances with plug-in constructions in V. V. Nabokov's novella "Other Shores". *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 6 (36) / 2: 69—72. (In Russ.).
- Kobrina, N. A. (1974). *Sentences with an inserted predicative unit in modern English*. Author's abstract of Doct. Diss. Leningrad. 34 p. (In Russ.).
- Kotsar, E. B. (2007). *Introductory words and phrases, introductory sentences, punctuation*. Author's abstract of Doct. Diss. Voronezh. 48 p. (In Russ.).
- Kravchenko, M. A. (2022). On the metalanguage status of parenthetical constructions in the artistic and journalistic works of E. Vodolazkina. *Modern scientist*, 3: 41—49. (In Russ.).
- Kuchmezova, L. O. (2011). Insertion constructions in the aspect of gender linguistics. *Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, 17 (2): 175—179. (In Russ.).
- Kulakovskiy, M. N. (2013). Insertion constructions in a modern literary text: traditions and new trends of functioning. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2 (1(Humanities)): 138—142. (In Russ.).
- Kulakovskiy, M. N. (2021). Plug-in constructions in poetry and prose by A. Bely. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, 1 (24): 87—94. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-1-24-87-94. (In Russ.).
- Kulakovskiy, M. N. (1996). *Types and functions of plug-in constructions in Russian fiction of the 20—30s of the XX century*. PhD Diss. Yaroslavl. 240 p. (In Russ.).
- Kuznetsova, E. V. (2023). Plug-in constructions as a reflection of the subjective author's narrative model in G. Gazdanov's novel "Les chemins nocturnes". In: *Theoretical and practical aspects of linguistics, methods of teaching foreign languages, intercultural communication and literary studies: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Teachers, students, undergraduates, postgraduates, Astrakhan, February 22, 2023*. Astrakhan: Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev. 173—180. (In Russ.).
- Maryina, O. V. (2015). Multifunctionality of insert constructions in Russian literary texts of the turn of the XX—XXI centuries. *Philological and communicative research*, 2: 247—255. (In Russ.).
- Merkusheva, O. V. (2002). *Plug-in constructions as a tool for implementing the subjective author's model of narration: based on the material of A. I. Solzhenitsyn's prose*. PhD Diss. Voronezh. 156 p. (In Russ.).
- Novoseletskaya, E. P. (1993). *Evolution of the functioning of plug-in constructions in English scientific texts of the XVIII—XX centuries*. Perm: Perm State University. 112 p. (In Russ.).

- Omaeva, Z. Ya. (2006). *Syntactic constructions of expressive type as a means of expressing author's intentions: based on the material of V. V. Nabokov's works of art*. PhD Diss. Makhachkala. 176 p. (In Russ.).
- Rakhmanova, V. M. (2007). *Insertion units in modern journalism: on the mat. of German and Bashkir languages*. PhD Diss. Ufa. 199 p. (In Russ.).
- Rogozina, T. M. (1979). Introductory components of the sentence. *Structural syntax of the English language. JL*. 121—134. (In Russ.).
- Romanenko, E. N. (1979). *Insertion and introductory sentences in modern German*. Author's abstract of PhD Diss. Kiev. 20 p. (In Russ.).
- Sagiryanyan, I. G. (1999). *Functional features of inserts in the prose language of M. A. Bulgakov*. Author's abstract of PhD Diss. Rostov-on-Don. 23 p. (In Russ.).
- Shishkina, I. S. (2012). *Paranthetic constructions in an artistic and journalistic text: structure, semantics, pragmatics*. Author's abstract of PhD Diss. Izhevsk. 23 p. (In Russ.).
- Vyatkina, S. V. (1987). *Formation and development of plug-in constructions in the Russian literary language of the XUSH—XX centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Leningrad. 14 p. (In Russ.).
- Zhirnova, I. I. (1989). *Semantic-syntactic and communicative-pragmatic functions of paranthesis in the modern German language*. PhD Diss. Alma-Ata. 169 p. (In Russ.).
- Zubrilina, L. N., Meyerov, V. F. (1985). *Sentences with introductory and insertion components*. Irkutsk: Publishing house Irkut. un-ta. 76 p. (In Russ.).

*The article was submitted 13.12.2022;
approved after reviewing 29.03.2023;
accepted for publication 21.04.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(3), 2023]

[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Боднарук Е. В. Эвиденциальные маркеры в немецкоязычном научном и научно-популярном дискурсе : сравнительный анализ / Е. В. Боднарук, Т. Н. Астахова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 28—46. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-28-46.

Bodnaruk, E. V., Astakhova, T. N. (2023). Evidential Markers in German Scientific and Popular Science Discourse: Comparative Analysis. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 28-46. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-28-46. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-28-46

Эвиденциальные маркеры в немецкоязычном научном и научно-популярном дискурсе: сравнительный анализ

Боднарук Елена Владимировна
orcid.org/0000-0003-4405-4513
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры немецкой
и французской филологии
e.bodnaruk@narfu.ru

Астахова Татьяна Николаевна *
orcid.org/0000-0002-2205-2130
кандидат филологических наук, доцент
кафедра английского языка
* *корреспондирующий автор*
t.astahova@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

Evidential Markers in German Scientific and Popular Science Discourse: Comparative Analysis

Elena V. Bodnaruk
orcid.org/0000-0003-4405-4513
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department
of German and French Philology
e.bodnaruk@narfu.ru

Tatyana N. Astakhova *
orcid.org/0000-0002-2205-2130
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of English,
* *Corresponding author*
t.astahova@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University
(Arkhangelsk, Russia)

© Боднарук Е. В., Астахова Т. Н., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведен сравнительный анализ эвиденциальных маркеров в немецкоязычных текстах научного и научно-популярного дискурса. На сегодняшний день отсутствуют научные работы, посвященные сопоставлению средств выражения эвиденциальности в данных разновидностях дискурса. Эвиденциальные маркеры содержат ссылку на источник информации. Исследователи отмечают, что указание на источник информации повышает степень достоверности сообщаемых сведений. Одной из основных характеристик научного и научно-популярного дискурсов является интертекстуальность, выражающаяся с помощью эвиденциальных маркеров, варьирующихся в зависимости от дискурса. Материалом исследования послужили 5 текстов собственно научного (299 указаний на источник информации) и 28 текстов (281 указание на источник информации) научно-популярного дискурсов на немецком языке, посвященные проблемам Арктики. Обнаружено, что высказывания с эвиденциальными значениями «прямая эвиденциальность» и «цитатив» более распространены в научном дискурсе, чем в научно-популярном. Вместе с тем в научных текстах реже, чем в научно-популярных, представлено полное цитирование. Значение «слухи», а также фрагментарное цитирование встречаются в обоих дискурсах довольно редко. Наименьшую частотность обнаружило значение «инференциальность», зафиксированное только в текстах научно-популярного дискурса.

Ключевые слова:

прямая эвиденциальность; косвенная эвиденциальность; полное цитирование; фрагментарное цитирование; цитатив; слухи; научный дискурс; научно-популярный дискурс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The purpose of this article is a comparative analysis of evidential markers in German-language texts of scientific and popular science discourse. The novelty of the study lies in the fact that today there are no scientific works devoted to comparing the means of expressing evidentiality in these types of discourse. Evidence markers contain a link to the source of the information. The researchers note that indicating the source of information increases the degree of reliability of the reported information. One of the main characteristics of scientific and popular science discourse is intertextuality, which is expressed with the help of evidential markers that vary depending on the discourse. The material of the study was 5 texts (299 mentions of the source of information) of scientific and 28 texts (281 mentions of the source of information) of popular science discourse in German, dedicated to the problems of the Arctic. As a result of the study, it was found that statements with evidential meanings "direct evidentiality" and "citation" are more common in scientific discourse than in popular science. At the same time, full citations are less common in scientific texts than in popular science ones. The meaning "rumors" as well as fragmentary quoting are rather rare in both discourses. The lowest frequency was found by the value "inferentiality", fixed only in the texts of popular science discourse.

Key words:

direct evidence; indirect evidentiality; full citation; fragmentary citation; citative; gossip; scientific discourse; popular science discourse.

Эвиденциальные маркеры в немецкоязычном научном и научно-популярном дискурсе: сравнительный анализ

© Боднарук Е. В., Астахова Т. Н., 2023

1. Введение = Introduction

В данной работе производится сравнительный анализ эвиденциальных маркеров, отсылающих к источникам информации в современных текстах научного и научно-популярного дискурсов.

Сегодня существует множество подходов к пониманию дискурса. С момента появления известного определения Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1998, с. 136—137] в российской лингвистике дискурс стали рассматривать как текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте. Дискурс рассматривается также в широком смысле как отражение языковой и социокультурной реальности, как процесс и результат, как коммуникативное событие [Бабаян, 2017, с. 77]. Вместе с тем дискурс имеет и более узкое толкование как «совокупность тематически соотнесенных текстов», например: [Чернявская, 2009, с. 144]. Постоянное расширение понятия «дискурс», связанное в том числе с его чрезвычайной востребованностью в современной научной парадигме [Боднарук, 2016, с. 289], не позволяет определить дискурс, исходя лишь из какого-либо одного подхода. В связи с этим нам близка позиция В. А. Андреевой, различающей моно- и транстекстовые модели дискурса. Монотекстовая модель отождествляет дискурс с конкретным коммуникативным событием. Согласно первой транстекстовой модели дискурс рассматривается как некое когнитивно-тематическое пространство, в котором формируются значимые на данном историческом этапе смысловые позиции, релевантные для определенного социума и выражаемые во множестве текстов. Вторая транстекстовая модель дискурса интерпретируется как коммуникативно-речевая стратегия текстопорождения и текстовосприятия [Андреева, 2015, с. 8—12].

В настоящей статье анализу подвергаются тексты, представляющие сферу речевой деятельности, связанную с наукой. Совокупность таких текстов принято рассматривать как составляющую пространство научного дискурса.

Согласно В. И. Карасику, научный дискурс относится к институциональному типу. Данный тип дискурса реализуется в ситуациях общения

в пределах статусно-ролевых отношений и выделяется на основании двух основных признаков — цели и участников общения [Карасик, 2000].

Целью научного дискурса является передача научных знаний, то есть когнитивной информации. Участниками общения в научном дискурсе выступают исследователи, которые создают тексты для других исследователей в определенной сфере науки [Кравцова, 2012], следовательно, источник и реципиент текста равноправны по статусу. Кроме конструирования нового знания и его публикации, в рамках собственно научного дискурса осуществляется критический анализ полученного научного результата [Андреева и др., 2020, с. 10—11].

В качестве основных характеристик научного дискурса выделяют регламентированность, логичность, структурированность, объективность, точность, абстрактность и некоторые другие [например, Орлова и др. 2021]. Кроме того, для научного дискурса характерна интертекстуальность, которая выражается в наличии цитат, косвенной речи и ссылок на предыдущие работы по изучаемой теме [Попова, 2017; Cohan et al., 2018].

Как известно, научная коммуникация неоднородна. Наряду с собственно научными текстами в различных сферах человеческой деятельности распространены и научно-популярные тексты. Отношения между научными и научно-популярными текстами в рамках функциональной стилистики принято рассматривать как родовидовые. Выделяется, соответственно, *научный стиль* и *научно-популярный подстиль* [Кириченко, 2006, с. 237]. Впрочем, ряд исследователей рассматривают научно-популярный тип речи как самостоятельный функциональный стиль [Там же]. Существует также подход, согласно которому научный стиль делится на *собственно научный*, *научно-популярный*, *научно-учебный* и *научно-деловой* подстили [Щеникова, 2016, с. 31]. Принимая во внимание вышеупомянутые точки зрения, а также учитывая различия между собственно научными текстами и текстами научно-популярного характера в таких значимых дискурсивных характеристиках, как цель и статус участников общения, полагаем возможным выделять наряду с научным дискурсом и научно-популярный дискурс.

Целью научно-популярного дискурса является популяризация научных достижений среди широких кругов общества, вовлечение читателей в жизнь научных сообществ, создание информационной сети, объединяющей ресурсы с научной информацией [Егорова, 2009, с. 43]. В данном дискурсе соединяются свойства медиадискурса и научного дискурса. При этом адресант научно-популярного дискурса имеет более высокий социальный статус, чем адресат [Вишнякова и др., 2019, с. 33]. Как правило, это исследователь, который в доступной форме передает имеющиеся зна-

ния адресату — исследователю или любому человеку, интересующемуся каким-либо научным вопросом.

Для научно-популярного дискурса, как и для научного, характерна интертекстуальность, так как в одном тексте могут содержаться точки зрения разных исследователей на одну проблему. При этом научно-популярный текст часто отличается «мозаичностью», которая выражается в симбиозе вербального компонента (цитаты и косвенная речь) и невербального компонента (шрифт, цвет, фотографии, рисунки, изображения, созданные на основе имеющихся данных, видеофайлы).

Значимую роль играет такая черта научно-популярного дискурса, как оценочность, так как «автор всегда выражает свое субъективное мнение к объекту высказывания» [Шутова, 2013, с. 76], следовательно, в текстах этого дискурса реализуется не только информативная функция, но и функция убеждения [Болсуновская и др., 2015].

Ссылки на источники информации, составляющие основу категории эвиденциальности, играют значимую роль как в научном, так и в научно-популярном дискурсе, обеспечивая обоснованность и аргументированность представленной в тексте информации. Думается, однако, что репертуар, частотность и функционал таких ссылок может существенно разниться от дискурса к дискурсу.

Далее рассмотрим значения, формирующие семантическую категорию эвиденциальности: собственно эвиденциальность и цитирование. Эвиденциальность включает в себя две разновидности — прямую и косвенную [Forker et al., 2018; Willett, 1988]. При прямой эвиденциальности говорящий получает информацию на основании зрительного восприятия, например: «Я вижу, что идет снег». Косвенная эвиденциальность представлена двумя значениями: пересказывательность и инференциальность. В сфере пересказывательности входят такие значения, как цитатив и слухи. При значении «цитатив» в предложении называется конкретный источник информации, а информация передается в косвенной речи (например: *Исследователи отмечают, что объем льда в Арктике ежегодно сокращается*), при значении «слухи» ссылка на источник информации присутствует, однако сам источник не называется (например: *Говорят, что этот фильм интересный*) [Aikhenvald, 2004]. Инференциальность предполагает, что автор текста получает информацию на основе логического умозаключения. При этом в своем высказывании он восстанавливает произошедшую ситуацию, соотнося видимые результаты с имеющимися у него знаниями [Козинцева, 2007, с. 18] (например: *По-видимому, медведь убил человека*).

Цитирование включает в себя следующие разновидности: полное, косвенное и фрагментарное цитирование. В первом случае высказывание

приводится в тексте полностью, при фрагментарном цитировании автор включает в текст лишь часть цитаты, при косвенном — автор текста передает информацию своими словами [Варченко, 2012, с. 27, 34—36]. Следовательно, косвенное цитирование и значение «пересказывательность» являются идентичными.

Эвиденциальность выражается посредством маркеров, в качестве которых выступают грамматические, лексико-грамматические или лексические средства со значением «ссылка на источник информации» [Астахова, 2015; Страхова, 2016]. Так, например, грамматическим эвиденциальным маркером является конъюнктив, лексическим — модальное слово *angeblich* (якобы), лексико-грамматическим — предложные конструкции *X zufolge* (согласно X), *nach Worten von X* (по словам X). Исследователи отмечают, что для выражения эвиденциальности могут использоваться и такие невербальные средства, как гиперссылки, см., например, [Ковш, 2021]. К эвиденциальным маркерам целесообразно отнести также внутритекстовые ссылки, которые представляют собой общепринятое в научном дискурсе указание на источник информации.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Категория эвиденциальности самым тесным образом связана с собственно научным и научно-популярным дискурсами. Будучи представлена в них прежде всего посредством интертекстуальности, она является одним из конститутивных признаков данных дискурсов. В связи с этим данное исследование призвано дополнить общую характеристику научного и научно-популярного дискурса и пролить свет на ряд различий между ними, касающихся особенностей представления ссылок на источник информации.

В работе задано языковое и тематическое ограничение: предпринят сравнительный анализ источников информации в современных немецкоязычных текстах научного и научно-популярного дискурсов, посвященных арктической тематике.

В качестве материала исследования послужили тексты, извлеченные из электронных копий изданий, рассматривающие проблемы арктического региона. Было проанализировано пять статей собственно научного дискурса, три из которых опубликованы в научном журнале “Polarforschung”, одна — в научном журнале “Agrarforschung Schweiz”, одна — в сборнике научных статей “Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietät der Wissenschaften zu Berlin” (2020). Источником примеров из научно-популярного дискурса послужили 28 статей, опубликованных на сайтах Spektrum.de и Wissenschaft.de. Методом сплошной выборки было выявлено 580 примеров (299 из научного дискурса и 281 из научно-популярного дискурса), которые со-

держат указания на источник информации. Извлеченные примеры были классифицированы и проанализированы в соответствии с типом эвиденциального значения, которое в них выражено.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Результаты сравнительного анализа обнаруживают ряд различий в способах представления источников информации в немецком научном и научно-популярном дискурсе об Арктике (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение эвиденциальных значений
в текстах собственно научного и научно-популярного дискурсов

Эвиденциальное значение	Научный дискурс	Научно-популярный дискурс
Прямая эвиденциальность	14 %	3,3 %
Цитатив	76,3 %	64,4 %
Слухи	1,7 %	0,7 %
Полное цитирование	6,4 %	29,8 %
Фрагментарное цитирование	1,7 %	1 %
Инференциальность	-	0,7 %

3.1. Средства выражения прямой эвиденциальности

Значение «прямая эвиденциальность» встречается в обоих типах дискурса в целом довольно редко, при этом оно представлено в научном дискурсе чаще (14 %), чем в научно-популярном (3,2 %). В научном дискурсе данное значение чаще всего реализуется в виде ссылки на изображение (иногда в сочетании с глаголом зрительного восприятия): *Ab hier klarte es auf und man konnte in der Ferne die Südgrenze von Franz Josef Land **sichten** (Abb. 9) [Schennerlein, 2018, S. 43]. (С этого места прояснилось, и вдали можно было **увидеть** южную границу Земли Франца-Иосифа (Рис. 9)).* (Здесь и далее перевод наш).

Источник информации может быть эксплицирован посредством сочетания подлежащего и сказуемого, содержащими в своей семантике визуальный компонент: *Beobachtungen aus Alaska zeigen aber auch, dass der generelle Anstieg der Permafrosttemperatur von kürzeren Phasen relativer Abkühlung unterbrochen war... [Permafrost ..., 2012, S. 23]. (Однако **наблюдения на Аляске также показывают**, что общее повышение температуры вечной мерзлоты прерывалось более короткими периодами относительного похолодания...).*

Необходимо отметить, что научные тексты арктической тематики иногда содержат повествования об арктических экспедициях, в том числе

в историческом ключе, что может несколько отличать их по стилю изложения от академических текстов в общепринятом понимании и даже в некотором роде сближать с текстами научно-популярного дискурса. Однако все основные признаки научности изложения в этих текстах сохраняются.

Средства выражения прямой эвиденциальности в научно-популярном дискурсе более разнообразны и представлены в основном лексическими единицами с визуальной семантикой в главных предложениях в составе сложноподчиненных: *Bilder aus Ryrkaypiy und anderen russischen Siedlungen am Polarkreis zeigen ... (Фотографии с Рыркайпия и других русских поселений за полярным кругом показывают ...)*; *Eine neue Animation zeigt ... (Новая анимация показывает ...)*, а также парентетическими конструкциями: *wie ein Video dokumentiert ... (Как показано в видеозаписи ...)*. Например: *Wenn sich das arktische Eis im Sommer zurückzieht, müssen die Bären für Tage ins Wasser. Beobachtungsdaten zeigen nun, dass sich das Problem weiter verschärft [Spektrum]. (Когда арктический лед тает летом, медведям приходится погружаться в воду на несколько дней. Данные наблюдений сейчас показывают, что проблема продолжает усугубляться).*

3.2. Средства выражения косвенной эвиденциальности

Значение «цитатив», эквивалентное косвенному цитированию, несколько чаще встречается в научном дискурсе (76,3 % случаев), чем в научно-популярном (64,4 %). Это различие обусловлено тем, что в научном дискурсе ссылка на источник информации обязательна, это повышает уровень достоверности научного текста, в то время как в научно-популярном дискурсе акцент делается чаще на передаче самой информации, чем на ее источнике. При этом средства выражения данного значения в научном дискурсе менее разнообразны и в 56,9 % случаев (из 76,3 %) представлены краткими внутритекстовыми ссылками на научные труды других исследователей или на документы: *In Alaska haben sich die Bodentemperaturen bis 2005 allerdings bereits wieder ihren Höchstständen aus der ersten Hälfte der 1990er Jahre genähert (RICHTER-MENGE et al. 2006) [Permafrost ..., 2012, S. 23]. (Однако на Аляске к 2005 году температура грунта уже снова приблизилась к самым высоким показателям первой половины 1990-х годов (RICHTER-MENGE et al. 2006).*

В ряде случаев такие ссылки сопровождаются глаголом *sehen* (смотреть) в форме императива: *siehe LANTUIT et al. 2012 (смотри LANTUIT и др. 2012)*, — или вводятся уточняющими сокращениями: *z.B. BETTS et al. 2001 (например, БЕТТИС и др. 2001)*, *vgl. SCHIRRMUSTER et al. 2012 (ср. ШИРРМАЙСТЕР и др. 2012).*

Значение «цитатив» в научном дискурсе выражается также сочетанием подлежащего, указывающего на носителя информации, и сказуемого, пред-

ставленного обычно глаголом речевой деятельности, в составе главного предложения (такие случаи составляют 8,4 % из 76,3 %): **Prof. Weickmann, an Bord für die meteorologischen Arbeiten zuständig, betonte, wie hilfreich die schon vorhandenen Polarstationen entlang der sibirischen Küste für die Navigation des Luftschiffes sein könnten** [Schennerlein, 2018, S. 37]. (**Профессор Вайкманн, отвечающий за метеорологическую работу на борту, подчеркнул, насколько полезными для навигации дирижабля могут быть уже существующие полярные станции вдоль сибирского побережья**).

При этом в 3,7 % из этих случаев в придаточном предложении присутствует конъюнктив I или II, служащий грамматическим средством выражения косвенной речи: **Die Teilnehmer kamen zu dem Schluss, dass der Unterschied zwischen festem Eis und offenem Wasser auch ohne Hilfsmittel aus dem U-Boot leicht erkennbar sei...** [Ibid., S. 46]. (**Участники пришли к выводу, что разница между прочным льдом и открытой водой легко различима с подводной лодки без каких-либо вспомогательных средств...**).

1,7 % случаев составляют примеры, в которых предложение с конъюнктивом I следует за предложением, где указан источник информации: **In einem vertraulichen Bericht, der die Ausführung dieser geheim geplanten Teilexpedition beschreibt** (LZ-Archiv FN, LZA016/441), **wird zunächst die einmalige wissenschaftliche Gelegenheit der Arktisfahrt über Nordland (Svernaja Zemlja) hervorgehoben ... Außerdem könne man verschiedene Transportmittel an verschiedenen Punkten je nach Bedarf absetzen...** [Ibid., S. 41]. (**В конфиденциальном отчете, описывающем выполнение этой тайно запланированной частичной экспедиции** (LZ-Archiv FN, LZA016/441), **впервые подчеркивается уникальная научная возможность арктического путешествия над Северной Землей ... Кроме того, можно использовать разные транспортные средства в разных точках, установленных по мере необходимости...**).

В 3,3 % проанализированных примеров источник информации приводится в составе вводной предложной конструкции: **nach neuesten Schätzungen von TARNOCAI et al. (по последним оценкам ТАРНОКАИ и др.)**.

В 2,8 % случаев источник информации представлен в обобщенном виде: **Untersuchungen an den Küsten der Dmitri-Laptew-Straße in Nordjakutien belegen die Erhaltung von fossilen Eiskeilen in Horizonten, die vor der Eem-Interglazial entstanden, und auf ein Alter von ca. 200.000 Jahren datiert wurden** (SCHIRRMESTER et al. 2002) [Permafrost ..., 2012, S. 26]. (**Исследования на побережье пролива Дмитрия Лаптева в северной Якутии свидетельствуют о сохранении ископаемых ледяных клиньев в горизонтах, возникших до Эмского межледниковья, возраст которых составляет около 200 000 лет** (SCHIRRMESTER et al. 2002)). При этом на передний

план обычно выдвигаются какие-то детали проведенного третьими лицами исследования, а не его исполнители.

Относительно немногочисленны (1,3 %) гиперссылки на источники информации: *Ein erster Schritt in diese Richtung ist z.B. das ESA DUE (European Space Agency Data User Element) Permafrost-Projekt (<http://www.ipf.tuwien.ac.at/permafrost/>)* [Ibid., S. 30]. (Первым шагом в этом направлении является, например, проект ESA DUE (Элемент пользователя данных Европейского космического агентства) по изучению вечной мерзлоты (<http://www.ipf.tuwien.ac.at/permafrost/>)). Эта особенность может объясняться требованиями оформления, которые предъявляет журнал к публикуемым материалам.

В 1 % примеров в качестве маркера косвенной речи используется глагол *sollen*, а сам источник информации указывается в предыдущем предложении: ***Auch der dann von der Landegruppe einzuschlagende Weg ist recht detailliert beschrieben: zunächst südwärts an der Ostküste entlang bis auf etwa 79° zum Depot III und von dort aus ins Innere des Landes bzw. sogar bis zur Westküste. Abhängig davon soll der Weg weiter südwärts entweder entlang der West- oder der Ostküste folgen bis zur Südspitze, wo das Depot II vorgefunden werden soll*** [Schennerlein, 2018, S. 41]. (***Путь десанта также описан очень подробно: сначала на юг вдоль восточного побережья примерно до 79° до Склада III, а оттуда в глубь страны или даже до западного побережья. В зависимости от этого путь продолжается дальше на юг либо вдоль западного, либо восточного побережья до южной оконечности, где находится Склад II***). Подробнее об эвиденциальном употреблении глагола *sollen* см. [Астахова, 2015, с. 118—120].

Остальные случаи выражения значения «цитатив» в научном дискурсе являются комбинациями вышеперечисленных способов.

В научно-популярном дискурсе значение «цитатив» встречается реже, чем в научном. Наиболее часто для выражения данного значения используется сочетание подлежащего и сказуемого в составе главных предложений в сложноподчиненных (16 % случаев из 64,4 %). 0,4 % случаев составляют предложения, в которых цитатив выражается с помощью подлежащего и сказуемого в главном предложении и конъюнктива в придаточном: ***Russische Behörden warnen, dass es verboten sei, auf die bedrohten Tiere zu schießen*** [Spektrum]. (***Российские административные органы предупреждают, что стрелять в животных, находящихся под угрозой исчезновения, запрещено***).

В 15,6 % значение «цитатив» выражается с помощью парентетических конструкций: *In der russischen Siedlung Ryrkaypiy im Autonomen Kreis der Tschuktschen in Ostsibirien wurden deshalb alle öffentlichen Aktivitäten abge-*

sagt und Schulen geschlossen, **wie die BBC berichtet** [Ibid.]. (Поэтому в российском поселке Рыркайпий Чукотского автономного округа в Восточной Сибири все общественные мероприятия были отменены, а школы закрыты, **сообщает «Бу-би-си»**).

В 6,9 % случаев цитатив в научно-популярных текстах эксплицируется посредством предложных конструкций: *Im Mai 2017 betrug die Ausdehnung des arktischen Meereises **den Daten der Wissenschaftler zufolge** 12,52 Millionen Quadratkilometer* [Ibid.]. (По данным ученых, в мае 2017 года площадь арктического морского льда составляла 12,52 млн км²).

В 6,1 % проанализированных примеров ссылка на источник информации выражена с помощью конъюнктива I, а источник указан в предыдущем предложении: *Ob die freigesetzten Kunststoffteilchen dann in der Arktis verbleiben oder weiter Richtung Süden transportiert werden, **wissen die Wissenschaftler nicht**. Wahrscheinlich sei aber, dass die Müllreste relativ schnell in die Tiefe sinken* [Wissenschaft]. (Ученые не знают, остаются ли выброшенные пластиковые частицы в Арктике или переносятся дальше на юг. Однако вполне вероятно, что остатки мусора относительно быстро погружаются в глубину). Обратим внимание, что при этом источник обычно указывается общо — словом *ученые*, без имен исследователей.

4,3 % случаев составляют предложения, в которых источник указан в следующем отдельно стоящем предложении: *Der Arktische Ozean könnte in der jüngeren geologischen Vergangenheit ein riesiger Süßwassersee gewesen sein. Das jedenfalls **vermuten Wissenschaftler des Alfred-Wegener-Instituts in Bremerhaven** auf Basis einer aktuellen Forschungsarbeit* [Spektrum]. (В недавнем геологическом прошлом Северный Ледовитый океан мог быть огромным пресноводным озером. По крайней мере, **так предполагают ученые из Института Альфреда Вегенера в Бремехafenе**, основываясь на данных актуального исследования).

В 4 % примеров дается ссылка на источник информации в виде гиперссылки, а сам источник не называется: ***Wenn die arktische Eisbedeckung im Zuge des Klimawandels weiter zurückgeht**, werden Eisbären zu immer ausgedehnteren Schwimmtappen gezwungen* [Ibid.]. (Если ледяной покров Арктики продолжит уменьшаться в результате изменения климата, белые медведи будут вынуждены преодолевать все более длинные расстояния). В данном случае присутствует гиперссылка на другой материал, посвященный таянию льда в Арктике, на том же сайте: <https://www.spektrum.de/news/keine-erholung-fuers-arktische-meereis/1408043>.

3,3 % случаев составляют примеры, где источник представлен в одной из частей бессоюзного сложного предложения: ***Die Ergebnisse zeigten:** Die Proben aus der Arktis enthielten zum Teil mehr als 12.000 Mikroplastik-Teilchen*

pro Liter Meereis... [Wissenschaft]. (Результаты показали: некоторые образцы из Арктики содержали более 12 000 частиц микропластика на литр морского льда...).

В 2,9 % случаев в научно-популярном дискурсе указываются гиперссылки на научные статьи и номера DOI, являющиеся цифровым идентификатором статьи, например: *Quelle: Lawrence Berkeley National Laboratory, Fachartikel: Nature Climate Change, doi: 10.1038/s41558-018-0258-y [Ibid.] (Источник: Национальная лаборатория Лоуренса Беркли, статья: Nature Climate Change, doi: 10.1038/s41558-018-0258-y').*

2,5 % составляют случаи, когда указание на принадлежность информации другому лицу выражается с помощью модального глагола *sollen*, а сам источник информации приводится в предшествующем контексте, например: *Auf der Suche nach Nahrung dringen sie sogar in Wohnblöcke ein wie ein Video dokumentiert. In Einzelfällen sollen Menschen auch schon gejagt worden sein... [Spektrum]. (В поисках пищи они даже проникают в жилые кварталы, как показано на видео. Говорят, что в отдельных случаях на людей уже охотились...).* Здесь факт, что белые медведи преследуют людей, стал известен благодаря видеозаписи.

В 1,8 % примеров источник указан в диктумной части предложения, а не вынесен в модусную рамку, например: *Die Autoren der Studie nennen veränderten Export von Süßwasser und veränderte Einträge aus den küstennahen Bereichen Sibiriens in den zentralen Arktischen Ozean als wahrscheinlichste Gründe [Wissenschaft]. (В качестве наиболее вероятных причин авторы исследования называют изменившийся экспорт пресной воды и изменившийся приток воды из прибрежных районов Сибири в центральную часть Северного Ледовитого океана).*

Значение «слухи» встречается в обоих дискурсах крайне редко: 1,7 % в научном дискурсе, 0,7 % в научно-популярном. Следует подчеркнуть, что под данным значением в научном и научно-популярном дискурсе понимается исключительно передача чужой речи в обобщенном виде, без точного называния источника информации (а не передача слухов как таковых). В научном дискурсе в 1,4 % случаев это значение выражается в главных предложениях в составе сложноподчиненных, имеющих в качестве подлежащего неопределенно-личное местоимение *man*: *Zwar weiß man, dass die Routenführung entgegen der ursprünglicher Planung einer zirkumpolaren Fahrt auf Grund der weltweit einsetzenden wirtschaftlichen Rezession deutlich verkürzt werden musste [Schennerlein, 2018, S. 33]. (Известно, что маршрут пришлось значительно сократить, вопреки первоначальному плану циркумполярного похода, из-за мирового экономического спада).* Местоимение *man* указывает на то, что информация могла поступить из несколь-

ких источников и / или может быть отнесена к уже достаточно известной научному сообществу.

0,3 % примеров являются ссылками на неизвестные источники: (*Unbekannt 1909*) (*Неизвестно 1909*).

В научно-популярном дискурсе значение «слухи» выражается также с помощью безличных главных предложений, входящих в состав сложноподчиненных: *Schon länger ist bekannt, dass diese Entwicklung auch das Phytoplankton im Polarmeer beeinflusst* [Wissenschaft]. (*Уже давно известно, что это развитие также влияет на фитопланктон в полярных морях*).

Высказывания с **полным цитированием** в научных текстах встречаются намного реже (6,4 %), чем в научно-популярных (29,8 %). Данный факт можно объяснить тем, что автор научного текста стремится к обобщению информации, к избеганию дословной передачи текста источника с целью повысить процент оригинальности текста. Приведем пример цитаты из текста научного дискурса: *Sverdrup bemerkt: „Die ganze Einrichtung machte keinen sehr vertrauenswürdigen Eindruck...“* (1933, 4) [Schennerlein, 2018, S. 45]. (*Свердруп отмечает: «Вся установка не произвела очень надежного впечатления...»* (Sverdrup 1933, 4)).

В научно-популярном дискурсе цитаты, представляя собой высказывания авторитетных личностей, добавляют тексту основательности и достоверности, привлекают внимание читателя к освещаемым проблемам: *„Die Arktis ist eine besonders sensible Region, weil hier mehrere positive Rückkopplungen wirken“, erklären Jong-Yeón Park vom Max-Planck Institut für Meteorologie in Hamburg und seine Kollegen* [Wissenschaft]. (*«Арктика — особенно чувствительный регион, поскольку здесь действуют несколько положительных обратных связей», — объясняют Джонг-Йеон Парк из Института метеорологии Макса Планка в Гамбурге и его коллеги*).

Фрагментарное цитирование представлено в научном (1,7 %) и в научно-популярном дискурсе (1 %) довольно редко. Приведем пример из научно-популярного дискурса: *Das ermögliche, „die Mischung in die zentrale Arktis zu transportieren, mehr als 1000 Kilometer von ihrer Quelle entfernt“* [Spektrum]. (*Это позволило бы «транспортировать смесь в центральную Арктику, более чем за 1000 километров от ее источника»*). При этом сам источник информации указан в предыдущем предложении. Ограниченное употребление данного значения обусловлено тем, что фрагмент цитаты может быть использован автором необоснованно.

Значение «инференциальность», под которым подразумевается логический вывод о произошедшей ситуации на основании информации, полученной посредством зрительного восприятия, и имеющихся знаний говорящего, было обнаружено только в проанализированных текстах научно-

популярного дискурса, оно встречается крайне редко (0,7 %). Рассмотрим следующий пример: *Angelockt wurden die Tiere **wahrscheinlich** von einer offenen Mülldeponie in der Nähe, wo sie nach Nahrung suchen* [Ibid.]. (**Вероятно**, животных привлекла открытая мусорная свалка неподалеку, где они ищут пищу). В примере логический вывод о том, что привлекало животных (белых медведей), делается на основании того, что автор видел свалку вблизи данного места и имеет знания о том, что медведи обычно ищут там еду. Таким способом передаются личные наблюдения автора текста.

4. Заключение = Conclusions

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Выражение эвиденциальности имеет свои особенности в немецко-язычном собственно научном и научно-популярном дискурсах. Так, значение «прямая эвиденциальность» более распространено в научном дискурсе (14 %), чем в научно-популярном (3,3 %). В научном дискурсе оно чаще выражается с помощью ссылки на изображение (например, (*Abb. 6*) 'Рис. 6'), а в научно-популярном дискурсе — с помощью лексических средств (чаще всего в роли подлежащего и сказуемого с визуальным компонентом в семантике), присутствующих в главных предложениях в составе сложноподчиненных (например, *Beobachtungen zeigen ... (наблюдения показывают ...)*) или в парентетических конструкциях (*wie ein Video dokumentiert ... (Как показано в видеозаписи)*).

Значение «цитатив» также более часто встречается в научном дискурсе (76,3 %), чем в научно-популярном (64,4 %). Основным средством выражения данного значения в научном дискурсе являются краткие внутритекстовые ссылки на научные труды других исследователей или на документы (например, *RICHTER-MENGE et al. 2006*) (56,9 % случаев из 76,3 %). В научно-популярном дискурсе процент подобных ссылок, представляющих собой, как правило, название работы, DOI и гиперссылку, значительно ниже (2,9 % из 64,4 %). Как в научном, так и в научно-популярном дискурсе для выражения данного значения используется сочетание подлежащего и сказуемого с речемыслительным компонентом семантики в главных предложениях; при этом в придаточной части может использоваться конъюнктив I и II для поддержания идеи косвенности. В некоторых случаях ссылка на источник информации выражается только с помощью конъюнктива I, а источник информации присутствует в предыдущем предложении. В обоих дискурсах цитатив также реализуется посредством предложных конструкций и глагола *sollen*.

Кроме того, для указания источника информации в собственно научном и научно-популярном дискурсах используются гиперссылки. Однако

в научном дискурсе сам источник обязательно указывается в тексте статьи, а в научно-популярном довольно часто в тексте приводится только ссылка, которая отсылает к источнику информации на другую веб-страницу.

В научно-популярном дискурсе источник информации может быть представлен также в парентетических конструкциях, в отдельно стоящих предложениях, содержащих модусную рамку предыдущего предложения, в частях бессоюзных предложений.

Значение «слухи», под которым, как отмечалось, понимается передача чужой речи в обобщенном виде, встречается в обоих дискурсах крайне редко. Реализация данного значения связана с тем, что источник информации в тексте не называется, что достигается за счет использования местоимения *man* или безличных конструкций (типа *es ist bekannt ... (известно ...)*).

Высказывания с полным цитированием в собственно научных текстах встречаются намного реже (6,4 %), чем в научно-популярных (29,8 %). Фрагментарное цитирование представлено как в научном (1,7 %), так и в научно-популярном дискурсе крайне редко (1 %). Значение «инференциальность» встретилось также крайне редко (0,7 %) и только в текстах научно-популярного дискурса.

В целом собственно научный и научно-популярный дискурсы обнаруживают как сходства, так и различия в плане выражения эвиденциальности. Сходства обусловлены необходимостью соблюдения критерия научности, различия же вызваны разными целями и ориентацией на разного реципиента.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Permafrost* in den arktischen und subarktischen Tiefländern (Permafrost in arctic and subarctic lowlands) / T. Sachs, M. Langer, L. Schirmeister, D. Thannheiser // Polarforschung. — 2012. — Vol. 81 (1). — Pp. 23—32. — DOI: 10013/epic.39226.d001.
2. *Schennerlein B.* Die Aeroarctic und die Arktisfahrt des Luftschiffes „Graf Zeppelin“ LZ 127 im Juli 1931 und die Fahrt des U-Boots „Nautilus“ / B. Schennerlein // Polarforschung. — 2018. — Vol. 88 (1). — Pp. 31—48. — DOI: 10.2312/polarforschung.88.1.31.
3. Spektrum — *Spektrum.de* [Electronic resource]. — Access mode : www.spektrum.de (accessed 1.03.2023).
4. Wissenschaft — *Wissenschaft.de* [Electronic resource]. — Access mode : www.wissenschaft.de (accessed 1.03.2023).

Литература

1. Андреева В. А. Научная коммуникация 2.0 : особенности представления научного контента на немецкоязычных научно-популярных YouTube-каналах / В. А. Андреева, Л. Б. Копчук // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 9—25. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-9-25.
2. Андреева В. А. Позиции дискурса в современной лингвистике / В. А. Андреева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2015. — Выпуск 2. — С. 7—14.
3. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 136—137. — ISBN 5-85270-307-9.
4. Астахова Т. Н. Полевая структура эвиденциальности в немецком медиадискурсе : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Т. Н. Астахова. — Архангельск : САФУ, 2015. — 234 с.
5. Бабаян В. Н. Различные подходы к определению понятия «Дискурс» и его основные характеристики / В. Н. Бабаян // Верхневолжский филологический вестник. — 2017. — № 1. — С. 76—81.
6. Боднарук Е. В. Корпусный анализ эвиденциальных глаголов *sagen* и *behaupten* в современном немецкоязычном медиадискурсе / Е. В. Боднарук, Т. Н. Астахова // Научный диалог. — 2020. — № 4. — С. 9—26. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-9-26.
6. Боднарук Е. В. О соотношении понятий «текст» и «дискурс» / Е. В. Боднарук // Вузовская наука — региону : материалы 14 всеросс. научной конференции 25 февр. 2016 г. / отв. ред. Л. И. Соколов. — Вологда : Изд-во ВоГУ, 2016. — С. 288—290.
8. Болсуновская Л. М. Способы выражения позиции автора в научном и научно-популярном дискурсах / Л. М. Болсуновская, Д. С. Найдина // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 2. — Часть 15. — С. 3413—3416.
9. Варченко В. В. Цитатная речь в медиа-тексте / В. В. Варченко. — Изд. 2-е. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 240 с. — ISBN 978-5-397-02413-6.
10. Вишнякова А. В. Научный и научно-популярный дискурсы : интегральные и дифференциальные признаки / А. В. Вишнякова, Т. Б. Кузёма, О. А. Шутова // Гуманитарно-педагогическое образование. — 2019. — Т. 5. — № 3. — С. 31—35.
11. Егорова Л. А. К вопросу об определении понятия «научно-популярный дискурс» / Л. А. Егорова // Русистика. — 2009. — № 1. — С. 42—46.
12. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. — Волгоград : Перемена, 2000. — С. 5—20. — ISBN 5-88234-444-1.
13. Кириченко Н. В. Научно-популярный подстиль / Н. В. Кириченко // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / ред. М. Н. Кожина. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — С. 236—242. — ISBN 5-89349-342-7.
14. Козинцева Н. А. Типология категории засвидетельствованности / Н. А. Козинцева // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сб. ст. памяти Н. А. Козинцевой / ред. В. С. Храковский. — Санкт-Петербург : Наука, 2007. — С. 13—36. — ISBN 978-5-02-026530-1.
15. Ковш М. И. Гиперссылка как средство выражения и усиления категории эвиденциальности в новостном медиатексте / М. И. Ковш // Язык и культура : взгляд молодых : материалы IV Междунар. научной студенческой конференции «Язык и культура : взгляд молодых» / гл. ред. М. Н. Русецкая. — Москва : Государственный ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. — С. 250—253.

16. Кравцова Е. В. Научный дискурс как вид институционального типа дискурса / Е. В. Кравцова // Вестник ЮУрГУ. Серия : Лингвистика. — 2012. — № 25. — С. 130—131.
17. Орлова О. Г. Концептуальные подходы к научному дискурсу и некоторым особенностям его функционирования / О. Г. Орлова, В. Л. Карачиева // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2021. — Т. 23. — № 2. — С. 521—531. — DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-2-521-531.
18. Попова Т. Г. Научный дискурс и интертекстуальные связи / Т. Г. Попова // Евразийское Научное Объединение. — 2017. — Т. 2. — № 11 (33). — С. 145—147.
19. Страхова В. С. Маркеры эвиденциальности в языке СМИ / В. С. Страхова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2016. — № 6 (745). — С. 165—174.
20. Христофорова Н. И. Особенности реализации категории интертекстуальности в электронных научно-популярных текстах с невербальным компонентом / Н. И. Христофорова // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — № 3 (82). — С. 534—537. — DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00645.
21. Чернявская В. Е. Лингвистика текста : Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. — Москва : Либроком, 2009. — 248 с. — ISBN 978-5-397-00289-9.
22. ШUTOва О. А. Категория оценки в научно-популярном дискурсе / О. А. ШUTOва // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2013. — № 1. — С. 75—79.
23. Щеникова Е. В. Функциональные стили / Е. В. Щеникова. — Москва : Флинта : Наука, 2016. — 80 с. — ISBN 978-5-9765-2282-4.
24. Aikhenvald A. Y. Evidentiality / A. Y. Aikhenvald. — Oxford : Oxford University, 2004. — 452 p.
25. Cohan A. Scientific document summarization via citation contextualization and scientific discourse / A. Cohan, N. Goharian. — International Journal on Digital Libraries. — 2018. — Vol. 19. — № 2—3. — Pp. 287—303. — DOI: 10.1007/s00799-017-0216-8.
26. Forker D. Evidentiality and its relations with other verbal categories / D. Forker, A. Y. Aikhenvald // The Oxford Handbook of Evidentiality. — 2018. — Pp. 65—84. — DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198759515.013.3.
27. Willett Th. A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality / Th. Willett // Studies in Language. — 2018. — Vol. 12 (1). — Pp. 51—97. — DOI: 10.1075/SL.12.1.04WIL.

Статья поступила в редакцию 04.02.2022,
одобрена после рецензирования 29.03.2023,
подготовлена к публикации 15.04.2023.

Material resources

- Sachs, T., Langer, M., Schirmeister, L., Thannheiser, D. (2012). Permafrost in den arktischen und subarktischen Tiefländern (Permafrost in arctic and subarctic lowlands). *Polarforschung*, 81 (1): 23—32. DOI: 10013/epic.39226.d001. (In Germ.).
- Schennerlein, B. (2018). Die Aeroarctic und die Arktisfahrt des Luftschiffes „Graf Zeppelin“ LZ 127 im Juli 1931 und die Fahrt des U-Boots „Nautilus“. *Polarforschung*, 88 (1): 31—48. DOI: 10.2312/polarforschung.88.1.31. (In Germ.).
- Spektrum — *Spektrum.de*. Available at: www.spektrum.de (accessed 1.03.2023). (In Germ.).

Wissenschaft — *Wissenschaft.de*. Available at: www.wissenschaft.de (accessed 1.03.2023). (In Germ.).

References

- Aikhenvald, A. Y. (2004). *Evidentiality*. Oxford: Oxford University. 452 p.
- Andreeva, V. A. (2015). Positions of discourse in modern linguistics. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant*, 2: 7—14. (In Russ.).
- Andreeva, V. A., Kopchuk, L. B. (2020). Scientific communication 2.0: features of the presentation of scientific content on German-language popular science YouTube channels. *Nauchnyy dialog*, 12: 9—25. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-9-25. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1998). Discourse. In: *Linguistics. The Great Encyclopedic Dictionary*. Moscow: The Great Russian Encyclopedia. 136—137. ISBN 5-85270-307-9. (In Russ.).
- Astakhova, T. N. (2015). *The field structure of evidentiality in the German media discourse*. PhD Diss. Arkhangelsk: SAFU. 234 p. (In Russ.).
- Babayan, V. N. (2017). Various approaches to the definition of the concept of “Discourse” and its main characteristics. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, 1: 76—81. (In Russ.).
- Bodnaruk, E. V. (2016). On the correlation of the concepts of “text” and “discourse”. In: *University Science — to the region: materials of the 14th All-Russian Scientific conference on February 25, 2016*. Vologda: VSU Publishing House. 288—290. (In Russ.).
- Bodnaruk, E. V., Astakhova, T. N. (2020). Corpus Analysis of Evidential Verbs *sagen* and *behaupten* in Modern German-Language Media Discourse. *Nauchnyi dialog*, 4: 9—26. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-9-26. (In Russ.).
- Bolsunovskaya, L. M., Naidina, D. S. (2015). Ways of expressing the author’s position in scientific and popular science discourses. *Fundamental research*, 2 (15): 3413—3416. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2009). *Linguistics of the text: Polycode, intertextuality, interdiscursivity*. Moscow: Librocom. 248 p. ISBN 978-5-397-00289-9. (In Russ.).
- Cohan, A., Goharian, N. (2018). Scientific document summarization via citation contextualization and scientific discourse. *International Journal on Digital Libraries*, 19 / 2—3: 287—303. DOI: 10.1007/s00799-017-0216-8.
- Egorova, L. A. (2009). On the question of the definition of the concept of “popular science discourse”. *Rusistika*, 1: 42—46. (In Russ.).
- Forker, D., Aikhenvald, A. Y. (2018). Evidentiality and its relations with other verbal categories. *The Oxford Handbook of Evidentiality*. 65—84. DOI: 10.1093/oxford-hb/9780198759515.013.3.
- Karasik, V. I. (2000). On the types of discourse. In: *Linguistic personality: institutional and personal discourse: collection of scientific tr.* Volgograd: Change. 5—20. ISBN 5-88234-444-1. (In Russ.).
- Khristoforova, N. I. (2020). Features of the implementation of the category of intertextuality in electronic popular science texts with a nonverbal component. *The world of science, culture, education*, 3 (82): 534—537. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00645. (In Russ.).
- Kirichenko, N. V. (2006). Popular Science litter. In: *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*. Moscow: Flint: Nauka. 236—242. ISBN 5-89349-342-7. (In Russ.).

- Kovsh, M. I. (2021). Hyperlink as a means of expressing and strengthening the category of evidentiality in the news media text. In: *Language and culture: the view of the young: materials of the IV International Scientific Student Conference "Language and culture: the view of the young"*. Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language. 250—253. (In Russ.).
- Kozintseva, N. A. (2007). Typology of the category of attestation. In: *Evidentiality in the languages of Europe and Asia: collection of articles in memory of N. A. Kozintseva*. Saint Petersburg: Nauka. 13—36. ISBN 978-5-02-026530-1. (In Russ.).
- Kravtsova, E. V. (2012). Scientific discourse as a kind of institutional type of discourse. *Bulletin of SUSU. Series: Linguistics*, 25: 130—131. (In Russ.).
- Orlova, O. G., Karakchieva, V. L. (2021). Conceptual approaches to scientific discourse and some features of its functioning. *Bulletin of Kemerovo State University*, 23 (2): 521—531. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-2-521-531. (In Russ.).
- Popova, T. G. (2017). Scientific discourse and intertextual relations. *Eurasian Scientific Association*, 2 / 11 (33): 145—147. (In Russ.).
- Shchenikova, E. V. (2016). *Functional styles*. Moscow: Flint: Nauka. 80 p. ISBN 978-5-9765-2282-4. (In Russ.).
- Shutova, O. A. (2013). Evaluation category in popular science discourse. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 1: 75—79. (In Russ.).
- Strakhova, V. S. (2016). Evidential markers in the language of mass media. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6 (745): 165—174. (In Russ.).
- Varchenko, V. V. (2012). *Quote speech in the media text. 2nd Ed.* Moscow: LIBROCOM. 240 p. ISBN 978-5-397-02413-6. (In Russ.).
- Vishnyakova, A. V., Kuzema, T. B., Shutova, O. A. (2019). Scientific and popular science discourses: integral and differential signs. *Humanitarian and pedagogical education*, 5 (3): 31—35. (In Russ.).
- Willett, Th. (2018). A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality. *Studies in Language*, 12 (1): 51—97. DOI: 10.1075/SL.12.1.04WIL.

*The article was submitted 04.02.2022;
approved after reviewing 29.03.2023;
accepted for publication 15.04.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(3), 2023]

[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Глушак В. М. Квалиа-структура немецких отэтннимных прилагательных (на материале лексемы *deutsch*) / В. М. Глушак, К. В. Шевякова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 47—64. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-47-64.

Glushak, V. M., Shevyakova, K. V. (2023). Qualia-Structure of German From-Ethnonymic Adjectives (based on *deutsch* Lexeme). *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 47-64. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-47-64. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-47-64

Квалиа-структура немецких отэтннимных прилагательных (на материале лексемы *deutsch*)

Глушак Василий Михайлович *

orcid.org/0000-0002-0193-8071

доктор филологических наук,
профессор

кафедры немецкого языка

*** корреспондирующий автор**

glushakvm@mail.ru

Шевякова Кира Викторовна

orcid.org/0000-0002-8601-6083

старший преподаватель

кафедры немецкого языка

glushakvm@mail.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)

Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Qualia-Structure of German From-Ethnonymic Adjectives (based on *deutsch* Lexeme)

Vasily M. Glushak *

orcid.org/0000-0002-0193-8071

Doctor of Philology, Professor
of the German Language Department

*** Corresponding author**

glushakvm@mail.ru

Kira V. Shevyakova

orcid.org/0000-0002-8601-6083

senior lecturer

of the German Language Department

glushakvm@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Глушак В. М., Шевякова К. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена выявлению скрытых значений отэтнонимного прилагательного *deutsch*, которые не фиксируются в современных немецких лексикографических источниках в качестве отдельных значений. Они могут быть выявлены благодаря использованию методики определения квалиа-структур, разработанной Дж. Пустейовским. В каждом отэтнонимном прилагательном можно выявить агентивные, конститутивные, формальные и телические значения (или атрибуты) квалиа-структуры (Qualia Structure). В качестве материала исследования послужили авторитетные аутентичные толковые словари немецкого языка. Выявленные значения квалиа-структуры распределяются на ядерные, приядерные и периферийные. Ядерные семы реализуют постоянные и обязательные признаки объекта, а периферийные семы являются необязательными или непостоянными. Значения, представленные во всех пяти словарях, образуют ядро. Установлено, что ядерные семы реализуют только агентивные атрибуты объектов. Значения, которые были указаны не во всех словарях или выявлены на основе анализа приведенных в словарной статье примеров, составляют приядерную зону. В эту зону входят формальные и конститутивные значения. Значения, которые не имеют соответствий в словарных дефинициях или выявлены в ходе анализа примеров в словарных статьях, образуют периферию поля лексикографических значений отэтнонимного прилагательного. Такие значения манифестируются телическими атрибутами квалиа-структуры.

Ключевые слова:

квалиа-структура; этноним; отэтнонимное прилагательное; дефиниционный анализ; лексикография; полевая структура значений.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to revealing the hidden meanings of the from-ethnonymic adjective *deutsch*, which are not recorded in modern German lexicographic sources as separate meanings. They can be identified using the methodology for determining qualia structures developed by J. Pustejovsky. Agentive, constitutive, formal and telic meanings (or attributes) of the qualia structure can be identified in each from-ethnonymic adjective. Authoritative authentic explanatory dictionaries of the German served as the material for the study. The revealed values of the qualia structure are divided into nuclear, subnuclear and peripheral. Core semes implement permanent and mandatory attributes of an object, while peripheral semes are optional or non-permanent. The values represented in all five dictionaries form the core. It has been established that nuclear semes implement only agentive attributes of objects. Values that were not indicated in all dictionaries or were identified on the basis of the analysis of the examples given in the dictionary entry constitute the nuclear zone. This zone includes formal and constitutive meanings. Meanings that do not have correspondences in dictionary definitions or are revealed during the analysis of examples in dictionary entries form the periphery of the field of lexicographic meanings of from-ethnonymic adjective. Such meanings are manifested by the telic attributes of the qualia structure.

Key words:

qualia structure; ethnonym; from-ethnonymic adjective; definitional analysis; lexicography; field value structure.

Квалиа-структура немецких этнотнотнотных прилагательных (на материале лексемы *deutsch*)

© Глушак В. М., Шевякова К. В., 2023

1. Введение = Introduction

Для распознавания смыслов в структуре многозначного слова традиционных методов исследования может оказаться недостаточно [Боярская, 2015, с. 81]. Это в полной мере относится и к этнотнотнотным прилагательным, которые представляют собой лексемы с минимальным семантическим составом. Они манифестируют происхождение объекта или лица, а также их принадлежность к соответствующему этносу или государству. При этом ни один из глубинных смыслов, базирующихся на стереотипных восприятиях реципиентов, не зафиксирован в современных лексикографических источниках. Справедливости ради стоит отметить, что выполнение этой задачи осложняется тем, что значения этнотнотнотного прилагательного, ассоциируемые с тем или иным стереотипным свойством, не обязательно присутствуют в сознании всех носителей языка и подвергаются забвению, если длительное время не актуализировались. Кроме того, на настоящее время ни для одной лингвокультурной общности не описан конечный набор как авто-, так и гетеростереотипов. Задача усугубляется тем, что с течением времени одни стереотипы исчезают и появляются новые.

Этнотнотнотные, или этнотнотные прилагательные еще не становились предметом лингвистического исследования глубинных значений и смыслов. Как правило, они квалифицируются как относительные прилагательные для обозначения признака через отношение к соответствующему этносу. В современной лингвистике этнотнотнотные прилагательные выступают в качестве предмета исследования преимущественно в работах структурно-семантического и фразеологического направления, в которых рассматривается способность этнотнотнотных прилагательных обозначать принадлежность различных объектов внешнего мира к определенной этнической группе и придавать им специфический национальный колорит [Абильдинова, 2017; Богомяглова, 2005; Ефремов, 2018; Тейкин 2020; Чекина, 2022].

Данное исследование нацелено на выявление скрытых значений этнотнотнотных прилагательных в немецком языке на материале лексемы

deutsch (немецкий), которые не фиксируются в современных немецких лексикографических источниках в качестве отдельных значений, но представлены в примерах к словарным статьям и могут быть выявлены благодаря применению когнитивных процедур извлечения значений слов.

Несмотря на описанную выше сложность, на современном этапе развития лингвистической науки с утверждением дискурсивно-когнитивной парадигмы пришло осознание того, что значения слов реализуются не только в терминах семантики, но и на уровне концептуальных образований или схем, существующих в сознании носителя языка [Cruse, 1995, с. 46]. Не у каждого слова все значения зафиксированы в словарях, и, по метафоричному выражению Л. М. Лещевой, они «дремлют в сознании, ждут небольшого толчка, чтобы реализовать себя» [Лещева, 1996, с. 195].

Понимание процесса создания разных смыслов одним словом входит в задачи когнитивной лингвистики. Это потребовало от лингвистов-когнитивистов предложить новые методы для анализа процесса актуализации значений и способов репрезентаций знаний, скрытых в слове. Одним из вариантов моделирования смысловой структуры слова стала теория так называемых квалиа-структур (Qualia Structure), разработанная Дж. Пустейовским и его учениками и последователями, см., например: [Bouillon, 2001; Copestake, 1996; Pustejovsky, 1995; Pustejovsky et al., 1993; Pustejovsky et al., 1996]. В отечественном языкознании теория Дж. Пустейовского пока еще не нашла широкого применения в лингвистике. Очевидно, этим объясняется тот факт, что до сих пор не существует общепринятого перевода термина Qualia Structure: Qualia-структура, структура Qualia [Боярская, 2015, с. 81], QUALIA-роли [Васильева и др., 2017], квалификативная или квалификационная структура [Рахилина, 2010, с. 248]. В теории Дж. Пустейовского термин QUALIA согласуется с понятием Quale («квалиа», от лат. *qualitas* «свойства, качества», мн. число *quale* «какого сорта; какого рода») и используется в англоязычной аналитической философии сознания для обозначения отдельного аспекта значения слова, определяемого на основе отношения между концептом, выраженным словом, и другим концептом, который возникает благодаря этому слову [Pustejovsky et al., 2016, с. 3]. В отечественной науке термин *квалиа* является устоявшимся, поэтому в своем исследовании мы будем переводить термин Дж. Пустейовского в транскрибированном виде как *квалиа-структура*. Для употребления данного понятия в форме определения можно использовать прилагательное *квалификационный*, например: *квалификационная роль рассматриваемого слова*. Как нам представляется, мотивировка употребления термина *квалификационный* является

обоснованной, поскольку здесь речь идет об атрибутах квалиа-структуры, которые позволяют квалифицировать значения объектов, то есть причислить их к определенному разряду.

Теория Дж. Пустейовского, которую еще называют теорией генеративного лексикона, базируется на выделении четырех элементов: аргументативной структуры, структуры событий, структуры лексического наследования и квалиа-структуры. Первые три структуры касаются преимущественно процессуальности, четвертая — формирования и репрезентации смысла. Именно квалиа-структура представляется релевантной для нашего исследования, поэтому разберем ее подробнее.

Квалиа-структура включает в себя четыре атрибута (или значения) объектов, лиц и явлений и распространяется на существительные и группы существительных, то есть конструкции «определение + существительное (с прилагательными и причастиями в виде определения)» и «существительное + генитивный атрибут или предложное дополнение: формальный, конститутивный, телический или целевой и агентивный» [Pustejovsky, 1995, с. 85; Pustejovsky et al., 2016, с. 7—8].

Формальный (formal) атрибут отвечает на вопрос: «Что это за вещь, какова ее природа?» — и предполагает ответ: «X есть кто-то или что-то». В нем закодирована таксономическая информация о лексической единице, такая как расположение, позиция и ориентация в пространстве, размеры или величина, форма, очертания, цвет, объем, место. В лексической единице заключена информация о понятийной категории, с которой она связана по принципу представителя определенного класса, рода или вида. Именно это отношение позволяет понять природу объекта, отличив его от других видов.

В то время как формальные атрибуты представляют собой базовые категориальные знания, позволяющие приписать живое существо или вещь к определенному классу, информация, вытекающая из **конститутивного** (constitutive) атрибута важна для дифференциации объекта внутри класса. Конститутивная роль квалиа-структуры позволяет получить сведения о том, что находится «внутри» этого объекта [Pustejovsky et al., 2016, с. 19]. С помощью конститутивного атрибута происходит кодирование информации о частях объекта, качестве состояний и процессов, происходящих внутри объекта (например, температура, патогенность, чистота субстанции и т. п.), материале, из которого состоит объект, и его весе. На вопрос об атрибуте: «Из чего / из каких компонентов состоит вещь?» — вытекает ответ: «X является частью чего-то или кого-то; X состоит из чего-то».

В **телическом**, или **целевом** (telic) атрибуте закодирована информация о функции и целевом назначении объекта. Основные вопросы, с по-

мощью которых можно установить телическую роль: «Для чего нужна вещь? Как она работает?». Ответом служат следующие образцы: «X используется для чего-то; X функционирует в качестве чего-то». Значение, выраженное телическим атрибутом, часто соответствует деятельности, в которой обычно задействован объект, обозначаемый именем существительным. Так, например, *магазин* выполняет телическую роль «продажа товара», а телическим атрибутом *театра* является «постановка спектаклей».

Агентивный (agentive) атрибут содержит информацию о происхождении объекта, его создателе или производителе, которую можно выявить с помощью вопросов: «Как возникла вещь? Чем вызвано появление вещи?». Ответ «X создан кем-то или чем-то» предполагает такие денотаты, как создатель, объекты естественного рода, артефакты и объекты, указывающие на каузальные связи. Наши когнитивные способности позволяют отличить те объекты, которые возникают естественным образом, от различных артефактов, которые человек или другое живое существо намеренно создает для удовлетворения своих потребностей.

Разработчики теории генеративного лексикона отмечают, что некоторые квалификационные роли слова определены лексически, то есть уже заложены в семантике слова. В других словах их можно установить лишь с учетом контекста [Pustejovsky et al., 2016, с. 9—10). Более того, не всякая лексическая единица может иметь все четыре атрибута квалиа-структуры.

Таким образом, квалиа-структура Дж. Пустейовского представляет собой один из механизмов конструирования смысловой структуры слова. В каждом слове можно выявить до четырех атрибутов значения. При этом одни атрибуты могут быть декодированы легко и зафиксированы в лексикографических источниках. Другие атрибуты квалиа-структуры могут быть выявлены путем контекстуального и когнитивного анализа, учитывая ассоциативные и стереотипные связи анализируемого слова с другими элементами высказывания и возможные изменения в семантической структуре слова вследствие процессов вторичной номинации.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для проведения семного анализа значения необходимо получить языковой материал с применением соответствующих методов исследования, среди которых для наших целей релевантным является метод компонентного анализа. Этот метод помогает выявить косвенные данные о семном составе значения, которые в дальнейшем требуют интерпретации, толкования и систематизации.

Метод компонентного анализа традиционно является основным методом выявления значения слова, цель которого — установить «определённым образом организованный набор семантических компонентов» [Кобозева, 2000, с. 111]. Обнаруженные семантические компоненты распределяются по полемому принципу: определяются ядерные и периферийные признаки значения. Ядерные семы реализуют постоянные и обязательные признаки объекта, а периферийные семы являются необязательными и непостоянными.

Метод компонентного анализа реализуется с помощью различных процедур. Наиболее распространенной является анализ словарных дефиниций, существующий в семасиологии с 60-х годов XX века. Некоторые исследователи считают дефиниционный анализ разновидностью компонентного анализа [Моисеев, 2010, с. 143]. Словарные дефиниции, представленные в лексикографических и энциклопедических источниках, называют не семы, а синонимы, которые часто являются тавтологичными и не могут дать полного семного описания лексемы. Следовательно, исследователь должен сам интерпретировать компоненты словарных дефиниций и переформулировать их в семный вид. Кроме того, в лексикографических источниках закреплены, как правило, лишь основные ядерные семы. Замечено, что во многих случаях в словарной статье отсутствуют даже некоторые ядерные и большинство периферийных признаков. Но эта процедура подходит в качестве определения исходного материала для семного конструирования значения слова [Стернин, 2013, с. 10]. Те значения, которые зафиксированы во всех словарях и приводятся первыми, считаются ядерными. Если какое-нибудь значение представлено не во всех словарях, то оно квалифицируется как периферийное. Для более эффективного определения значений отэтнонимных слов мы будем анализировать дефиниции, предложенные лексикографами для описания значений прилагательного, и их признаки, а также примеры с позиции соответствия их определенным атрибутам квалиа-структуры.

Известно, что анализ словарных дефиниций лексем в разных словарях преследует цель не только определить схожие значения, но и выявить дополнительные признаки, которые могут быть представлены в отдельных словарях и обогащают лексикографическое значение исследуемого слова.

В нашем исследовании дефиниционный анализ лексемы *deutsch* проводился на основе аутентичных немецкоязычных словарей: *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* (DWDS), Duden — *Deutsches Universalwörterbuch* Duden (DUDEN), *Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache* (Langenscheidt), *PONS Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache* (PONS) и *Wahrig Deutsches Wörterbuch* (Wahrig).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Атрибуты квалиа-структуры отэтнотимного прилагательного *deutsch* в словаре DWDS

Самое большое количество дефиниций при лексикографическом представлении значений отэтнотимного прилагательного *deutsch* находим в словаре DWDS. Соответствующая словарная статья предлагает пять значений этого слова. Для удобства чтения мы перевели все дефиниции на русский язык:

- то, что относится к Германии и ее населению, принадлежит Германии и ее населению, является частью Германии;
- сделанный, произведенный, возникший в Германии;
- родом из Германии, гражданин Германии, принадлежащий к немецкому этносу;
- характерный, типичный для Германии и ее жителей;
- связанный с языком населения Германии.

Если соотнести все дефиниции прилагательного *deutsch*, представленные в словаре DWDS, с атрибутами квалиа-структуры, то выясняется, что все они представляют собой агентивные атрибуты существительных. Однако не все представленные примеры реализуют агентивные свойства. Выделенные жирным шрифтом словосочетания не в полной мере соответствуют той дефиниции значения, которую они призваны проиллюстрировать. Так, в дефиниции «*1) то, что относится к Германии и ее населению, принадлежит Германии и к ее населению*», является частью Германии» все существительные из представленных примеров являются конкретными сущностями и находятся в семантическом отношении части и целого с существительными Германия и немцы как собирательный образ немецкой нации. В то же время в примерах *die friedliche Lösung der deutschen Frage* (мирное решение немецкого вопроса) (здесь и далее перевод наш. — В. Г., К. III.) и *die deutsche Wiedervereinigung* (немецкое / германское объединение) главенствующие существительные *Frage* и *Wiedervereinigung* являются абстрактными понятиями и семантически не вступают в отношения части и целого с лексемами *Deutschland* и *Deutsche*. Семантическая валентность этих слов предполагает наличие телического актанта, то есть кодирующего информацию о том, для какой цели объект предназначен. Если проанализировать обозначаемую этими словами ситуацию, то можно прийти к заключению, что *германский вопрос* или *германская проблема* (в русской терминологии) представляет собой комплекс проблем, связанный со стремлением немцев в разной форме в период с 1806 по 1990 годы преодолеть территориальную раздробленность и объединить политически вынужденное разделение земель, населенных немцами. Таким образом,

очевиден телический характер рассматриваемых словосочетаний, которые можно при помощи описательной интерпретации представить следующим образом: *die deutsche Frage* — проблема, связанная с поиском возможностей преодоления раздробленности немецких земель, и *die deutsche Wiedervereinigung* — объединение страны, связанное с поиском возможностей создание из ФРГ и ГДР единого немецкого государства.

Дефиниции словаря DWDS к прилагательному *deutsch* «2) сделанный, произведенный, возникший в Германии» и «3) родом из Германии, гражданин Германии, принадлежащий к немецкому этносу» маркируют соотнесенность с артефактами, физическими объектами, различными классами объектов (обозначенных обобщенными наименованиями), а также лиц. В сочетании с определением *deutsch* «немецкий» группа существительного реализует агентивный атрибут, то есть указывает на немецкое происхождение объектов и лиц.

В дефиниции «4) характерный, типичный для Германии и ее жителей» словаря DWDS агентивность является не единственным атрибутом квалиа-структуры. Если проанализировать присутствующие в примерах главенствующие существительные на предмет дифференциальных сем «материальный (конкретный) — нематериальный (абстрактный) объект», то станет очевидно, что к рассматриваемой дефиниции прилагательного *deutsch* в качестве примера предлагаются только существительные, называющие нематериальные объекты. Материальными объектами принято называть объекты и вещи, которые в отличие от нематериальных сущностей имеют физическую форму [Линькова, 2014, с. 283]. За исключением трех примеров — *die deutsche Schrift, ein deutscher Tanz*; <nazistisch> *der deutsche Gruß* (немецкий шрифт, немецкий танец; <нацистск.> немецкое приветствие) — все словосочетания, приводимые в качестве иллюстративного материала к рассматриваемой дефиниции, содержат в своем составе наименования нематериальных сущностей. Более того, существительные обозначают ценности или черты характера. Если приписать таким существительным только агентивные свойства путем прибавления отэтнонимного прилагательного, то всю именную группу можно трактовать как черту характера или ценность, возникшую только у немцев, что было бы в смысловом плане неправильным. Ценности и черты характера имеют универсальный характер и свойственны всем лингвокультурным общностям. Вместе с тем в каждой культуре объем и содержание этих понятий уникальны, то есть может быть сделан акцент на определенных компонентах. В анализируемых примерах отэтнонимное прилагательное *deutsch* наряду с агентивным признаком имплицитно некое конститутивное свойство, которое ассоциируется с особенностью (зачастую обусловленной авто- или гетеро-

стереотипами) манифестации черты характера немцев или общечеловеческих ценностей по сравнению с другими лингвокультурами. Для точного декодирования конститутивного атрибута требуется более широкий контекст употребления именного словосочетания. Таким образом, трактовка группы существительного с позиций характерных или типичных для Германии и для ее жителей признаков требует учета как агентивных, так и конститутивных свойств.

Иллюстрирующие дефиницию «4) *характерный, типичный для Германии и ее жителей*» в словаре DWDS примеры *die deutsche Schrift, ein deutscher Tanz*; *<nazistisch> der deutsche Gruß* (немецкий шрифт, немецкий танец; *<нацистск.>* немецкое приветствие) характеризуют материальные сущности и в них, помимо агентивного атрибута квалиа-структуры, присутствует формальный атрибут. Наши наблюдения позволили сделать вывод о том, что формальные признаки предмета — это такие признаки, которые воспринимаются органами чувств человека: зрением, слухом, на вкус, обонянием, осязанием, чувством равновесия и положения в пространстве (вестибулярным аппаратом). Интерпретируя рассматриваемые примеры, можно описать их формальный компонент следующим образом:

— *die deutsche Schrift* — различные специальные фактуры шрифта, использовавшиеся до 1945 года в немецкоязычном пространстве наряду с обычным написанием букв, как и в остальных странах, использовавших латинский шрифт;

— *ein deutscher Tanz* — вид танца, появившийся в Германии и пользовавшийся популярностью в Европе в 16—18 веках, состоит из спокойного предварительного танца в четном такте с переходом в более быстрые движения в тройном такте, отличается близким телесным контактом;

— *<nazistisch> der deutsche Gruß* — приветствие в Германии во времена национал-социализма, характеризовавшееся поднятием правой руки под углом примерно в 45 градусов с распрямленной ладонью.

Среди примеров, иллюстрирующих дефиницию «5) *связанный с языком населения Германии*», представлены два сочетания в переносном значении, которые утратили свою агентивную сущность: *<umgangssprachlich, übertragen> mit jmdm. (einmal) deutsch reden = jmdm. offen, unverblümt die Wahrheit sagen; das heißt auf gut deutsch = ohne Beschönigung* (<разговорн., переносн.> говорить с кем-либо по-немецки = сказать кому-либо правду открыто, без прикрас). Рассматриваемые образцы обозначают немецкий язык не как созданное немцами и принадлежащее им средство общения, а как одно из конститутивных свойств речевого поведения.

3.2. Атрибуты квалиа-структуры отэтнотнимного прилагательного *deutsch* в словаре DUDEN

Словарь DUDEN приводит три дефиниции отэтнотнимного прилагательного *deutsch*:

- то, что относится к немцам и Германии;
- то, что относится к языку, на котором говорят в Германии, Австрии и некоторой части Швейцарии;
- написанное прописью (Schreibschrift), используемой в немецком языке.

Первые два значения прилагательного *deutsch* в словаре DUDEN и DWDS совпадают. С позиции квалиа-структуры эти значения призваны реализовать агентивные свойства объектов. Третье же значение, представленное в виде эксплицитной дефиниции, манифестирует формальный атрибут, связанный с особым написанием или начертанием немецких букв. Сходное значение было выявлено нами ранее в словаре DWDS на основе разбора примера.

В дефиниции «1) то, что относится к немцам и Германии» приводятся примеры: *das ist typisch deutsch; deutsch gesinnte (sich der deutschen Sprache und Kulturgemeinschaft bewusst zugehörig führende und dies auch zum Ausdruck bringende) Politiker* (это — типично по-немецки; по-немецки настроенные политики (те, кто осознанно чувствует свою принадлежность к немецкому языковому и культурному сообществу и выражает это)). Помимо наличия агентивного атрибута, выделенные примеры обладают также конститутивным атрибутом, участвующим в реализации значения «характерный, типичный для Германии и ее жителей», которое в словаре DWDS было выделено в отдельную дефиницию.

Значение «говорить правду прямо, открыто и без прикрас» в словаре DUDEN так же, как и в словаре DWDS, эксплицитно не дефинируется и выводится на основании анализа примера, представляющего собой устойчивое выражение со словом *deutsch* в его вторичной номинации *mit jemandem deutsch reden / sprechen (umgangssprachlich: jemandem offen, unverblümt die Meinung sagen: mit dem musst du mal deutsch reden, damit er zur Vernunft kommt)* (поговорить с кем-то по-немецки (разговорн.: сказать кому-то открыто, прямо, что вы думаете: вы должны поговорить с ним по-немецки, чтобы он одумался.)).

3.3. Атрибуты квалиа-структуры отэтнотнимного прилагательного *deutsch* в словаре Langenscheidt

В словаре Langenscheidt в словарной статье к отэтнотнимному прилагательному *deutsch* приводятся четыре дефиниции, которые также зафиксированы в двух описанных выше лексикографических источниках:

— то, что относится к Германии и ее гражданам <история, государство, гражданство, народ>;

— то, что относится к языку, на котором говорят в Германии, Австрии и некоторой части Швейцарии <говорить с кем-либо по-немецки; общаться по-немецки>;

— в прописи, которая существовала до примерно 1940 года <буквы, шрифт; написано по-немецки>;

переносн. устн. *mit j-m deutsch reden: j-m offen und direkt seine Meinung sagen, ohne ihn zu schonen* (говорить с кем-либо по-немецки: высказывать свое мнение открыто и напрямую, не жалея собеседника).

Первые две дефиниции «1) то, что относится к Германии и ее гражданам <история, государство, гражданство, народ>» и «2) то, что относится к языку, на котором говорят в Германии, Австрии и некоторой части Швейцарии» реализуют агентивные атрибуты квалиа-структуры. Две другие дефиниции «3) в прописи, которая существовала до примерно 1940 года <буквы, шрифт; написано по-немецки>» и во вторичной номинации «4) высказывать свое мнение открыто и напрямую, не жалея собеседника» выражают формальное и, соответственно, конститутивное свойство объектов. В отличие от словарных статей в первых двух лексикографических источниках, дефиниции прилагательного *deutsch* в словаре Langenscheidt иллюстрируются только одним примером, поэтому выявить новые значения путем анализа языковых выражений не представилось возможным.

3.4. Атрибуты квалиа-структуры отэтнотимного прилагательного *deutsch* в словаре PONS

В словаре PONS приводятся две дефиниции к отэтнотимному прилагательному *deutsch*:

— то, что относится к Германии; то, что касается Германии;

— так, как это делают немцы; на немецкий манер; на немецком языке.

Дефиниция «1) то, что относится к Германии; то, что касается Германии» сопровождается примерами, которые однозначно трактуются как выражающие агентивные свойства объектов. Дефиниция «2) так, как это делают немцы; на немецкий манер; на немецком языке» включает в себя, по нашему мнению, два значения, реализующие разные атрибуты квалиа-структуры: а) «так, как это делают немцы, на немецкий манер» (конститутивное свойство) и б) «на немецком языке» (агентивное свойство). Кроме того, к этой дефиниции приводятся два примера во вторичном значении, которые содержат конститутивный атрибут квалиа-структуры: *mit jmdm. deutsch reden = jmdm. ohne Umschweife die Wahrheit sagen* (говорить по-немецки с кем-либо = говорить кому-либо правду без обиняков) и *auf gut*

Deutsch gesagt = einfach und deutlich gesagt (на хорошем немецком языке = изложить просто и ясно).

3.5. Атрибуты квалиа-структуры этнонимного прилагательного *deutsch* в словаре Wahrig

Словарь Wahrig дает две эксплицитные дефиниции прилагательного *deutsch* и несколько примеров безотносительно к выделенным значениям:

- то, что относится к Германии и ее гражданам;
- в языке, на котором говорят в Германии, Австрии и (части) Швейцарии.

Выделенные значения соответствуют агентивным атрибутам объектов и присутствовали в словарных статьях по прилагательному *deutsch* во всех рассмотренных выше лексикографических источниках. Интерес представляют примеры *der Deutsche Schäferhund* (немецкая овчарка) и *der Deutsch-Französische Krieg* (франко-немецкая / прусская война). Как мы отметили выше, прилагательное, обозначающее агентивный признак существительного-объекта (*Германия и немцы как собирательный образ немецкой нации*), должно находиться с ним в семантическом отношении части и целого. Этому условию соответствует только пример *der Deutsche Schäferhund*. Но даже в случае с этим словосочетанием прилагательное *deutsch* указывает не только страну происхождения овчарки, но имплицитно и на формальные (внешние) отличия этой породы собак. Это значение мы можем дефинировать следующим образом: «формальные отличия пород животных, выведенных в Германии». В другом примере *der Deutsch-Französische Krieg* семантическая валентность главенствующего существительного предполагает наличие не агентивного (то есть где зародилась война), а телического актанта (то есть направленность войны: вовлечение Франции и Германии в вооруженную конфронтацию).

4. Заключение = Conclusions

Дефиниционный анализ этнонимного прилагательного *deutsch*, проведенный на основе пяти авторитетных немецких словарей, позволяет схематически выстроить обобщенную полевую структуру его лексикографических значений. Ядро поля образуют значения, которые были определены во всех пяти словарях (в схеме ниже выделены жирным шрифтом). Значения, которые были указаны не во всех словарях или хотя бы в одном из изученных лексикографических источников, выявлены нами на основе анализа приведенных в словарной статье примеров. Они составляют приядерную зону (в схеме выделены курсивом). Те значения, которые не имеют соответствий в словарных дефинициях и установлены нами на основе примеров, образуют периферию поля лексикографических значений этно-

АГЕНТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ	ФОРМАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ
- то, что относится к Германии и ее населению, принадлежит Германии и ее населению, является частью Германии (сделанный, произведенный, возникший в Германии, родом из Германии, принадлежность к немецкому государству и этносу) - то, что относится к языку, на котором говорят в Германии, Австрии и части Швейцарии	- немецкий танец - приветствие в Германии во времена национал-социализма, характеризовавшееся поднятием правой руки - формальные отличия пород животных, выведенных в Германии - особое написание букв, использовавшееся до 1945 года в немецкоязычных странах
DEUTSCH	
- направленность на решение проблем, связанных с объединением Германии - вовлечение Германии в вооруженную конфронтацию	- характерный, типичный для Германии и ее жителей - говорить правду прямо, открыто и без прикрас - выражаться ясно и четко
ТЕЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ	КОНСТИТУТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

Рис. 1. Поле лексикографических значений прилагательного *deutsch*

нонимного прилагательного *deutsch* (в схеме располагаются в серой зоне) (рис. 1).

Если интерпретировать полевое распределение отэтнотонимного прилагательного *deutsch* терминами генеративного лексикона Дж. Пустейовского, то становится очевидным, что ядерные значения реализуют только агентивные атрибуты объектов. Эксплицитно представлены формальные и конститутивные значения, однако они манифестируют лишь приядерные атрибуты квалиа-структуры и представлены не во всех лексикографических источниках. Телические атрибуты объектов с помощью отэтнотонимного прилагательного *deutsch* не были эксплицитно отмечены ни в одном из изученных словарей и выведены лишь в процессе анализа нескольких примеров.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. DWDS — *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/sitemap> (accessed 25.12.2022).
2. DUDEN — *Deutsches Universalwörterbuch* Duden. [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.duden.de> (accessed 25.12.2022).
3. Langenscheidt — *Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache* : das einsprachige Wörterbuch für alle, die Deutsch lernen / Hrsg. D. Götz. — Berlin, München, Wien, Zürich, New York : Langenscheidt, 2015. — 1343 p. — ISBN 5-89531-023-0.
4. PONS — *PONS Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache* / Hrsg. W. Wolski. — Stuttgart : Klett Verlag, 2018. — 1706 p. — ISBN 3125174295.
5. Wahrig — *Wahrig Deutsches Wörterbuch* / Hrsg. R. Wahrig-Burfeind. — München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 2018. — 1151 p.

Литература

1. *Абильдинова Ж. Б.* Этнические стереотипы сквозь призму языка / Ж. Б. Абильдинова. — Москва : ФЛИНТА, 2017. — 240 с. — ISBN 978-5-9765-3370-7.
2. *Богомяжкова Е. В.* Этнонимы современного немецкого языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. В. Богомяжкова. — Санкт-Петербург, 2005. — 223 с.
3. *Боярская Е. Л.* Разработка методологии когнитивного анализа многозначного слова / Е. Л. Боярская // Методы когнитивного анализа семантики слова : компьютерно-корпусный подход / отв. ред. В. И. Заботкина. — Москва : Языки славянской культуры, 2015. — С. 81—118. — ISBN 978-5-94457-209-7.
4. *Васильева Н. В.* Фреймовое моделирование больших терминосистем (на примере англоязычной строительной терминологии) [Электронный ресурс] / Н. В. Васильева, А.З. Абдурахманова // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков : периодический сборник научных статей (электронное научное издание). — 2017. — № 9. — С. 94—114.
5. *Ефремов В. А.* Этнонимы в составе фразеологизмов : истоки языка вражды / В. А. Ефремов // Материалы международной научной конференции / отв. ред. В. А. Ефремов. — Тула : Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. — С. 217—222.
6. *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. — Москва : Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с. — ISBN 5-8360-0813-2.
7. *Лещева Л. М.* Когнитивные аспекты лексической полисемии / Л. М. Лещева. — Минск : МГЛУ, 1996. — 245 с.
8. *Линькова Ю. И.* Особенности семантической структуры русских и английских глаголов, выражающих посессивные ситуации выигрыша и проигрыша / Ю. И. Линькова // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2014. — № 1 (23). — С. 282—285.

9. Моисеев М. В. Применение дефиниционного анализа в лингвокультурологическом исследовании / М. В. Моисеев // Вестник Омского государственного университета. — 2010. — № 3. — С. 142—148.

10. Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций / Е. В. Рахилина. — Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2010. — 584 с. — ISBN 978-5-91172-032-2.

11. Стернин И. А. Методы исследования семантики слова [Электронный ресурс] / И. А. Стернин. — Режим доступа : http://www.sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Semasiologija/Metodi_analiza_semanitiki.pdf (дата обращения 05.12.2022).

12. Тейкин М. С. Статус этнонима в ономастике / М. С. Тейкин // Гуманитарные науки в Якутии : исследования молодых ученых : сборник научных статей Республиканской научно-практической конференции, Якутск, 16 апреля 2020 года. — Якутск : Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, 2020. — С. 15—19. — ISBN 978-5-902198-57-4.

13. Чекина А. А. Этноним «немец» как презентатор немецкого культурного стереотипа (на материале русской литературы и публицистики XIX в.) / А. А. Чекина // Русский лингвистический бюллетень. — 2022. — № 1 (29). — С. 150—153. — DOI: 10.18454/RULB.2022.29.1.35.

14. Bouillon P. Qualia and the Structuring of Verb Meaning / P. Bouillon // The language of word meaning. — Cambridge : Cambridge University Press, 2001. — Pp. 149—168.

15. Copestake T. Briscoe A. Semi-productive polysemy and sense extensions / T. Copestake // Journal of Semantics. — 1996. — № 12. — Pp. 15—67.

16. Cruse D. A. Polysemy and Related Phenomena / D. A. Cruse // Computational Lexical Semantics / ed. by P. St. Dizier, E. Viegas. — New York : Cambridge University Press, 1995. — Pp. 34—49.

17. Pustejovsky J. The generative lexicon / J. Pustejovsky. — Cambridge, Mass : MIT Press, 1995. — 298 p.

18. Pustejovsky J. Lexical knowledge representation and natural language processing / J. Pustejovsky, B. Boguraev // Artificial Intelligence. — 1993. — № 63. — Pp. 193—223.

19. Pustejovsky J. Aspectual coercion and logical polysemy / J. Pustejovsky, P. Bouillon // Lexical semantics : the problem of polysemy. — Oxford : Oxford University Press, 1996. — Pp. 132—162.

20. Pustejovsky J. A Guide to Generative Lexicon Theory [Electronic resource] / J. Pustejovsky, E. Ježek. — Oxford : Oxford University Press, 2016. — Access mode : <https://gl-tutorials.org/wp-content/uploads/2015/12/GL-QualiaStructure.pdf> (accessed 09.01.2023).

Статья поступила в редакцию 30.02.2023,
одобрена после рецензирования 15.04.2023,
подготовлена к публикации 22.04.2023.

Material resources

DWDS — *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: <https://www.dwds.de/sitemap> (accessed 25.12.2022). (In Germ.).

DUDEN — *Deutsches Universalwörterbuch Duden*. Available at: <https://www.duden.de> (accessed 25.12.2022). (In Germ.).

- Langenscheidt — *Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache: das einsprachige Wörterbuch für alle, die Deutsch lernen*. (2015). Berlin, München, Wien, Zürich, New York: Langenscheidt. 1343 p. ISBN 5-89531-023-0. (In Germ.).
- PONS — *PONS Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache*. (2018). Stuttgart: Klett Verlag. 1706 p. ISBN 3125174295. (In Germ.).
- Wahrig — *Wahrig Deutsches Wörterbuch*. (2018). München: Deutscher Taschenbuch Verlag. 1151 p. (In Germ.).

References

- Abildinova, Zh. B. (2017). *Ethnic stereotypes through the prism of language*. Moscow: FLINT. 240 p. ISBN 978-5-9765-3370-7. (In Russ.).
- Bogomyagkova, E. V. (2005). *Ethnonyms of the modern German language*. PhD Diss. St. Petersburg. 223 p. (In Russ.).
- Bouillon, P. (2001). Qualia and the Structuring of Verb Meaning. In: *The language of word meaning*. Cambridge : Cambridge University Press. 149—168.
- Boyarskaya, E. L. (2015). Development of the methodology of cognitive analysis of a polysemous word. In: *Methods of cognitive analysis of word semantics*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 81—118. ISBN 978-5-94457-209-7. (In Russ.).
- Chekina, A. A. (2022). Ethnonym “German” as a presenter of the German cultural stereotype (based on the material of Russian literature and journalism of the XIX century). *Russian Linguistic Bulletin*, 1 (29): 150—153. DOI: 10.18454/RULB.2022.29.1.35. (In Russ.).
- Copestake, T. (1996). Briscoe A. Semi-productive polysemy and sense extentions. *Journal of Semantics*, 12: 15—67.
- Cruse, D. A. (1995). Polysemy and Related Phenomena. In: *Computational Lexical Semantics*. New York: Cambridge University Press. 34—49.
- Efremov, V. A. (2018). Ethnonyms as part of phraseological units: the origins of the language of enmity V. A. Efremov. In: *Materials of the International scientific Conference*. Tula: Tula Production Printing Association. 217—222. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M. (2000). *Linguistic semantics*. Moscow: Editorial URSS. 352 p. ISBN 5-8360-0813-2. (In Russ.).
- Leshcheva, L. M. (1996). *Cognitive aspects of lexical polysemy*. Minsk: MGLU. 245 p. (In Russ.).
- Linkova, Yu. I. (2014). Features of the semantic structure of Russian and English verbs expressing possessive situations of winning and losing. *Historical and socio-educational thought*, 1 (23): 282—285. (In Russ.).
- Moiseev, M. V. (2010). Application of definitional analysis in linguoculturological research. *Bulletin of Omsk State University*, 3: 142—148. (In Russ.).
- Pustejovsky, J. (1995). *The generative lexicon*. Cambridge, Mass: MIT Press. 298 p.
- Pustejovsky, J., Boguraev, B. (1993). Lexical knowledge representation and natural language processing. *Artificial Intelligence*, 63: 193—223.
- Pustejovsky, J., Bouillion, P. (1996). Aspectual coercion and logical polysemy. In: *Lexical semantics: the problem of polysemy*. Oxford: Oxford University Press. 132—162.
- Pustejovsky, J., Ježek, E. (2016). *A Guide to Generative Lexicon Theory*. Oxford: Oxford University Press. Available at: <https://gl-tutorials.org/wp-content/uploads/2015/12/GL-QualiaStructure.pdf> (accessed 09.01.2023).

- Rakhilina, E. V. (2010). *Linguistics of constructions*. Moscow: Publishing Center “Azbukovnik”. 584 p. ISBN 978-5-91172-032-2. (In Russ.).
- Sternin, I. A. *Methods of word semantics research*. Available at: http://www.sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Semasiologija/Metodi_analiza_semanitiki.pdf (accessed 05.12.2022). (In Russ.).
- Teikin, M. S. (2020). The status of an ethnonym in onomastics. In: *Humanities in Yakutia: studies of young scientists: collection of scientific articles of the Republican Scientific and Practical Conference, Yakutsk, April 16, 2020*. Yakutsk: Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 15—19. ISBN 978-5-902198-57-4. (In Russ.).
- Vasilyeva, N. V., Abdurakhmanova, A. Z. (2017). Frame modeling of large term systems (on the example of English-language construction terminology). *Linguistics and methods of teaching foreign languages: a periodic collection of scientific articles (electronic scientific publication)*, 9: 94—114. (In Russ.).

*The article was submitted 30.02.2023;
approved after reviewing 15.04.2023;
accepted for publication 22.04.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(3), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Завьялов В. Н. Конструктивные свойства союза ЧТО... ЧТО... и его семантика / В. Н. Завьялов, Сон Ён Иль // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 65—81. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-65-81.

Zavyalov, V. N., Song Yong Il. (2023). Constructive Properties of Union CHTO... CHTO... and Its Semantics. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 65-81. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-65-81. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-65-81

Конструктивные свойства союза ЧТО... ЧТО... и его семантика

Завьялов Виктор Николаевич¹

orcid.org/0000-0001-5087-162X

доктор филологических наук,
профессор

кафедры русского языка
и издательского дела

***корреспондирующий автор**

victorzoff@list.ru

Сон Ён Иль^{*2}

orcid.org/0009-0004-6800-1330

соискатель

introducing@naver.com

¹Тихоокеанский
государственный университет
(Хабаровск, Россия)

²(Инчхон, Республика Корея)

Constructive Properties of Union CHTO... CHTO... and Its Semantics

Victor N. Zavyalov¹

orcid.org/0000-0001-5087-162X

Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian

and Publishing

*** Corresponding author**

victorzoff@list.ru

Song Yong Il^{*2}

orcid.org/0009-0004-6800-1330

Post-Graduate Student

introducing@naver.com

¹Pacific National University
(Khabarovsk, Russia)

²(Incheon, The Republic of Korea)

© Завьялов В. Н., Сон Ён Иль, 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются конструктивные свойства союза *что ... что ...* и обусловленные ими его семантические особенности. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в русистике союз *что ... что ...* описан посредством анализа его конструктивных свойств. Основное внимание уделяется морфолого-синтаксической характеристике словоформ, входящих в сферу действия данного союза, принципам их взаимоотношения между собой, а также внешним связям с синтаксическими структурами, в которых задействована союзная конструкция в целом. Дополнительным инструментарием является этимологическая характеристика *что ... что ...*. Теоретическая значимость заключается в предложенном алгоритме описания, который может быть использован при характеристике аналогичных средств синтаксической связи. Полученные результаты сопоставляются с конструктивными свойствами союза *хоть ... хоть ...*, выявленными ранее с помощью аналогичного алгоритма. На основании этого уточняется семантика обоих средств синтаксической связи. Установлено, что в силу своих конструктивных свойств союз *что ... что ...* стремится нивелировать семантические различия между сочиненными альтернативами, в то время как *хоть ... хоть ...*, наоборот, делает акцент на противопоставлении их друг другу.

Ключевые слова:

союз; конструктивные свойства; союзная конструкция; синтаксический ряд; сочинение; разделительная связь; семантика; синонимия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the constructive properties of the union *что ... что ...* and its semantic features due to them. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time in Russian studies the union *что ... что ...* is described by analyzing its constructive properties. In this case, the main attention is paid to the morphological and syntactic characteristics of the word forms included in the scope of this union, the principles of their relationship with each other, as well as external links with syntactic structures in which the union construction as a whole is involved. An additional toolkit is the etymological characteristic of *что ... что ...*. The theoretical significance lies in the proposed description algorithm, which can be used to characterize similar means of syntactic communication. The results obtained are compared with the constructive properties of the union *khot' ... khot' ...*, identified earlier using a similar algorithm. Based on this, not only the semantics of both means of syntactic communication is specified. It has been established that, due to its constructive properties, the union *что ... что ...* seeks to level the semantic differences between the composed alternatives, while *khot' ... khot' ...*, on the contrary, focuses on opposing them to each other.

Key words:

union; constructive properties; allied construction; syntax row; composition; separation bond; semantics; synonymy.

Конструктивные свойства союза ЧТО... ЧТО... и его семантика

© Завьялов В. Н., Сон Ён Иль, 2023

1. Введение = Introduction

Исследование конструктивных свойств союза *что... что...* и выявление на основе полученных данных его индивидуальных семантических особенностей осуществляется в настоящей статье по аналогичной методике, которая была использована нами применительно к союзу *хоть... хоть...* (см.: [Завьялов, 2022]). Кроме того, мы опираемся на некоторые результаты лексикографического описания обоих союзов, представленного в [Лексикографические портреты..., 2022, с. 203—222].

Союз *что... что...*, как и союз *хоть... хоть*, если судить по данным «Национального корпуса русского языка» (далее — НКРЯ), тоже является относительно новым средством синтаксической связи в современном русском литературном языке, проникшим в него из разговорной речи, о чем отчасти свидетельствует его употребление в XVIII веке в драматургических произведениях и мемуаристике. Например:

Салидар. *Кто это рассмоит. Все равно что тафтяные, что китайчетые. Нынече почали носить и бархатные* (А. Сумароков. Приданое обманом (1769)); Кутейкин. *Не хрю, но хрю. Скотинин. Всё один черт, что хрю, что хрю.* (П. Плавильщиков. Сговор Кутейкина (1789)); *Семья большая, детей куча: что рождение, что именины, то бал, и все званы без разбору, кто только по адрес-календарю поставлен в списке* (И. Долгоруков. Повесть о рождении моем... (1791—1798)) [НКРЯ].

Союз *что... что...* зафиксирован во всех академических толковых словарях с однотипными формулировками и отнесением то к разделительным, то к соединительным средствам синтаксической связи, а также с указанием на его схожесть с союзом *хоть... хоть...* (*хоть*). Ср.:

«Разделительный. Соединяет однородные члены предложения, повторяя при каждом из них, указывает на равноправие, одинаковость предметов, явлений, действий, положений и т. п.; соответствует по значению: *ли... ли, хоть... хоть*» [СРЯ, с. 687]; «Соединительный союз *что...*, *что...*. Употребляется при сопоставлении повторяющихся членов предложения или предложений в начале каждого из них в значении, близком союзу *хоть* [ССРЛЯ, с. 1127] (см. также: [ТСРЯ, с. 1298; СТСРЯ, с. 928]).

Аналогичный подход имеет место и в научной литературе. Так, В. Н. Перетрухин говорит о соединительно-разделительных союзах, в качестве которых выступают и «повторяющиеся *хоть... хоть...* и *что... что...*» [Перетрухин, 1979, с. 139]. Н. Д. Пятницкий относит *что... что...* и *хоть... хоть...* к союзам с «разделительно-пояснительной семантикой» [Пятницкий, 2009, с. 39]. В свою очередь, В. З. Санников включает *что... что...* в особую группу разделительных союзов (*ли... ли (ли... или); что... что; хоть... хоть; будь то... или*), у которых «компоненты равноценны (причем эта равноценность подчеркивается) и обратимы» [Санников, 2008, с. 42]. И. Н. Кручинина указывает на «ярко выраженное разделительное значение» соединения *что... что...* [Кручинина, 2009, с. 178], в ее трактовке это «относительное местоимение *что*: Всем вор взял: *что* ростом, *что* лицом, *что* красотой (Лесков)» [Там же].

В «Русской корпусной грамматике» союз *что... что...* также квалифицируется как разделительный. При этом уточняется, что данный союз «указывает не просто на равноценность компонентов, а на равноценность таких компонентов, которые при обычных обстоятельствах не должны быть равноценными и только в силу особого эмоционального состояния Субъекта ситуации или Говорящего, а именно, его безразличия, становятся равноценными» [РКГ]. Это определение по существу не отличается от определения союза *хоть... хоть...*, суть которого согласно «Русской корпусной грамматике» заключается в том, что он, как и *что... что...*, «только в еще большей степени <...> выражает личное отношение Субъекта или Говорящего к происходящему» [Там же].

Таким образом, мы имеем дело не только с недостаточно изученным средством синтаксической связи — союзом *что... что...*, но и с синонимической парой *что... что...* / *хоть... хоть...*, требующей дифференцированного описания с целью получения более точного представления о ней. Все это в целом и определяет научно-методическую и учебно-практическую значимость настоящей статьи.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

2.1. Уточнение объекта описания

Союз *что... что...* связывает открытые синтаксические структуры, содержащие пропозициональную семантику альтернативности по отношению к друг другу и в силу этого воспринимающиеся в общем контексте высказывания как равнозначные. Например:

Он был привязчивый, Хаджарат! Что лошадь, что собака, что человек — прикипал душой (Ф. Искандер. Сандро из Чегема) [НКРЯ].

Члены синтаксического ряда *лошадь, собака, человек* онтологически противопоставлены друг другу, но вместе с тем равноценны в плане выбора Говорящим или Слушающим.

Если союз *что... что...* связывает две альтернативы, то между ними присутствуют антонимические отношения как общезыкового, так и контекстуального характера:

— *А ему все едино: **что** тайные, **что** явные. Каждый себе на уме. Каждый — сам* (А. Хруцкий. Окаянные дни Ивана Алексеевича); — ***Что** на большом заводе, **что** в малой кузнице, все едино — ответственное дело* (М. Шолохов. Поднятая целина) [Там же].

Антонимия может также выражаться лексическим повтором с частицей *не* и предлогом *без*, а также отрицанием с помощью слова *нет*:

— *А эти, — он презрительно мотнул в сторону очереди, — им **что** баран, **что** не баран, всё одинаково* (И. Грекова. Дамский мастер); ***Что** при царе, **что** без царя — кражу считали серьезным преступлением* (К. Крылов. Право владеть); *Однако, с божьей помощью, в короткое время так наметался, **что** все равно, **что** читал, **что** нет* (М. Салтыков-Щедрин. За рубежом) [Там же].

Если же альтернатив имеется более двух, то между ними устанавливаются синонимические отношения в рамках общего для их контекста денотата:

*Все едино. **Что** семь смертных грехов, **что** десять заповедей, **что** Крещение Господне, **что** Сретение, **что** Нагорная проповедь, **что** Нагорный Карабах* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова) [Там же].

Возможно комбинирование антонимичных и синонимичных альтернатив:

*Ему-то бельмастому все было едино: **что** ночной бой, **что** дневной, **что** враги, **что** перелесок — знай руби, пока не остановят...* (Е. Лукин. Катали мы ваше солнце) [Там же].

Союз *что... что...* функционирует в языке художественной литературы, а также в публицистическом и разговорном стилях речи. В официально-деловом и научном стилях факты употребления не отмечены.

От собственно союза *что... что...* необходимо отличать омонимичные явления, связанные с дистрибуцией лексемы *что* в качестве подчинительного союза, союзного слова и вопросительного местоимения, а также различные фразеологизированные соединения с ней:

*Я старался брать то, что было характерно для человека, то, **что** повторялось в его жизни, то, **что** не казалось случайностью, минутным впечатлением, вспышкой* (М. Зощенко. Перед восходом солнца); *Он сказал, **что** он актер нашего городского драматического театра, **что** зовут его Левкоев Евгений Дмитриевич, **что** теперь он ведет драмкружок в нашей*

школе (Ф. Искандер. Мученики сцены); *А что тебе Клеман, и — в конце концов — что тебе Жорж, хотя он был твой брат?* (Г. Газданов. Эвелина и ее друзья) [Там же]. И т. п.

2.2. Конструктивные свойства союза ЧТО... ЧТО...

Анализ конструктивных свойств союза представляет собой комплексное описание его морфолого-синтаксических и собственно синтаксических особенностей, см.: [Прияткина, 2007, с. 28—38; 2019, с. 38—112; Шереметьева, 2014, с. 19—21; Служебные слова..., 2017, с. 135—233; Лексикографические портреты..., 2022, с. 140—222].

2.3. Морфолого-синтаксические свойства

Морфолого-синтаксические свойства союза определяются минимальным составом организуемой им конструкции, включающим в себя словоформы, непосредственно взаимодействующие с ним по линии синтаксической связи.

Союз *что... что...* организует конструкции с соподчиненными параллельными членами, относящимися к общему члену, который представлен в таких конструкциях, как правило, неглагольными словоформами, зачастую коррелирующими со словоформами ряда через предикативную связь, включая нулевую.

В основном это именные, прономинативные, наречные ряды (1), а также инфинитивные и атрибутивные глагольные (2):

Ногти что на руках, что на ногах отросшие и черные (А. Иванов. Пославцы); *Перед законом что городское, что сельское товарищество равны* («Новгородские ведомости»); *Вот же люди: идет время, все вокруг меняется, чего только не произошло, а они что в тридцать лет, что в шестьдесят* (С. Шикера. Выбор с натуры); — *Так мы с тобой далеко зайдем... Что тебе про меня, что мне про тебя — давай оставим это* (В. Дудинцев. Белые одежды); — *Я на этот вопрос всегда одинаково отвечал: я — казак, а казак что справа налево, что слева направо — все равно казак* (Л. Аннинский. Гардемарин Иванов) [НКРЯ];

Герасимов привез ему ответ, что по возвращению западной церкви все равно что двоять, что троять аллилуйю (Н. Костомаров. Русская история...); *А то ведь рубль-то — всё рубль. Что заработанный, что уворованный — он все один и тот же светляк целковый* (Е. Салиас. Крутоярская царевна); — *Да конечно же, конечно же... Я, Глаша, сяду. Ведь уж все равно, что стоя, что сидя* (Н. Лейкин. Наши за границей) [Там же].

Ряды с личными глагольными лексемами встречаются очень редко. Нами зафиксировано лишь отдельные факты их употребления, причем основным видом функционирования является дублирование словоформы при отрицании:

— *А бабам что говори, что не говори: верят одному Ефиму, плачут: пойдй да пойдй...* (В. Осеева. Динка прощается с детством); *То есть разницы нету — что спи, что не спи, всё одно, сон* (В. Пелевин. Чапаев и пустота); *Пропала Москва задарма: что учился, что нет* (О. Павлов. Дело [Там же]).

Факты, не связанные с дублированием глагольной словоформы, единичны:

Что Феликса верни, что Николая поставь, все вызовет напряжение в обществе («Известия») [Там же].

Конструкции, в которых в качестве членов ряда встречаются личные глагольные словоформы, являются прежде всего моносубъектными. Полисубъектные глагольные ряды в конструкциях с союзом *что... что...* нами не зафиксированы.

2.4. Собственно синтаксические свойства

Собственно синтаксические свойства союза связаны с различными коммуникативно-прагматическими средствами, входящими в сферу его действия. Это могут быть частицы, дейктические и модальные слова, конкретизаторы и уточнители, обобщающие элементы и цетера, а также ритмомелодика, интонация, актуальное членение, внутритекстовые связи и отношения и пр.

Каждая синтаксическая структура с *что... что...* является ремой. Сочиненные словоформы и их синтаксические группы могут занимать позиции любых членов предложения. Порядок следования компонентов является свободным, а его выбор обусловлен коммуникативными установками говорящего. Ср.:

Вскоре ему и это стало безразлично: что дождливый день, что солнечный (Ю. Мамлеев. О чудесном) & *что солнечный день, что дождливый* («Культура») [НКРЯ].

Для конструкций с союзом *что... что...* характерно взаимодействие со словоформами с обобщающей и уступительной семантикой (*всё, всё равно, всё одно (едино), одинаково, какая разница, один черт* и под.) (1), а также употребление в коммуникативно-прагматических условиях присоединения, пояснения, вставки, парцелляции сочиненных членов (2), что обозначается на письме посредством структурно не обусловленных знаков препинания (запятая, тире, скобки, точка, двоеточие):

Теца его, что грязного, что чистого, все равно терпеть не может (Б. Левин. Инородное тело); *Какая же разница? Все одно, что первый, что пятый* (С. Веселовский. Дневник); *Хранение единой строки одинаково грозит мне казематом что там, что здесь* (А Солженицын. В круге первом);

Детей своих он обожает, что родных, что приемных (А. Маринина); — *Там у меня припасу сготовлено: что сухарей, что мяса, — уныло тянет Барда* (В. Шишков. Ватага); *У них-то у самих — что ясная денежка, что тусклая — все едино, лишь бы вес и резьба сходны были* (Е. Лукин. Катали мы ваше солнце); *В двадцатом веке о коневодстве и вовсе думать забыли. Что об обычном, что о морском* (М. Бару. Кольчуга из щучьей чешуи) [Там же]. И т. д. (См. также соответствующие примеры, приведенные выше).

Если же говорить в целом, что по своим собственно синтаксическим свойствам союз *что... что...* практически ничем не отличается от других разделительных союзов, которым свойственно взаимодействие с аналогичными коммуникативно-прагматическими средствами.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Анализ полученных результатов и обобщение

Установлено, что словоформы, входящие в сферу действия союза *что... что...*, являются в большинстве своем непредикативными. С чем это связано? Рассмотрим этимологическую составляющую вопроса, исходя из положения о неразрывной связи современных семанτικο-синтаксических свойств союзов, как и прочих служебных единиц, с исходной семантикой лексем, на базе которых они сформированы (см.: [Виноградов, 2001, с. 579; Кузнецова, 1997; Николаева, 2008, с. 116—117; Собчакова, 2017] и др.).

3.2. Этимологические аспекты конструктивных свойств союза ЧТО... ЧТО...

В «Русской грамматике» отмечены предложения типа *Что я ему?* Они «открываются вопросительным словом *что*, за которым следует имя в форме им. п.; в предложение обычно входит детерминант: <...> *А что мне отец?; Что для него совесть?; Что мы все ему?; Что мне страхи на старости-то лет?* Такие предложения выражают экспрессивное отрицание» [Русская грамматика, 1982, с. 392]. Иначе говоря, здесь имеют место риторические высказывания, организованные посредством конструкций с вопросительной местоименной словоформой *что*. Риторические высказывания могут нести различную иллокутивную нагрузку, которая в той или иной мере обусловлена их конкретными структурными и интонационными особенностями (см.: [Степанова, 2019]). А. В. Канафьева квалифицирует подобные построения как прономинальную модель (*Что кому-то (мне, тебе, ему, ей, нам, вам, им) до кого-то (чего-то)?*), семантика которой — «экспрессивная констатация несущественности, неважности кого-либо (чего-либо) для воспринимающего субъекта» [Канафьева, 2021, с. 44], а

«интонационные особенности заключаются в том, что уровень базового тона приходится на прономинальный компонент как конденсирующий эмоциональную составляющую риторического высказывания» [Там же, с. 36] (см. также: [Ушакова, 2018, с. 56—60]).

Наше внимание привлекли высказывания с дистрибутивным повтором компонентов данной модели. Интонация в них может быть как собственно вопросительной (1), так и ориентированной на восклицательность (2), что находит свое отражение и в пунктуации на письме:

*Мы пойдем к нашим новеньким братьям, Мы к Гучкову пойдем в комитет, **Что нам** стоны людей и проклятья, **Что нам** Маркса великий завет?* (М. Горький. Жизнь Клим Самгина), ***Что мне** эти Василии, **что мне** эти Иваны?* (А. Макушинский. Город в долине), — ***Что мне** он, **что мне** все они? Бунтовщики!* (А. Красницкий. Трон и любовь);

***Что им** культура, **что им** люди! Все это нужно для журналов и газет, которые выпускаются для заграничной, лежковерной публики* (Т. Чернавина. Побег из ГУЛАГа), *На все объяснения курортник этот только согласно кивает головой да хмыкает. **Что ему** до города, **что ему** до многовековой истории его и **что ему** до музеев!* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); ***Что мне** снег, **что мне** зной, **Что мне** дождик проливной, Когда мои друзья со мной!* (М. Пляцковский) [НКРЯ].

Совмещение интонаций вопросительности и восклицательности является неотъемлемой составляющей риторических высказываний. Специалисты давно отмечают, что «риторический вопрос равносильен категорическому суждению плюс восклицание» [Попов, 1950, с. 22]. По этим причинам возможно и комбинированное употребление знаков препинания:

— *Ну, что ты хочешь от «товарищей», — говорил мне Красин в тот же день, когда мы остались с ним вдвоем и могли без свидетелей обменяться впечатлениями. — **Что им** гобелены, **что им** музейные комоды «буль»?!. Им это нипочем, как нипочем и сама Россия...* (Г. Соломон. Среди красных вождей) [НКРЯ].

Однако при повествовательном интонационном оформлении риторичность может уступать место перечислительности с коммуникативно-прагматической семантикой сетования. В таких случаях на письме восклицательность / вопросительность уже не отражается:

— ***Что мне** до дождя, **что мне** до всех стихий, когда я подле тебя... отвечай же мне, милая...* (А. Бестужев-Марлинский. Вадимов) [Там же].

В подобных высказываниях зачастую присутствует синкретизм значений, при котором затруднительно разграничить их риторический и повествоательно-перечислительный аспекты, а субъектный детерминант (обычно местоименный) становится в определенной мере избыточным. Ср.:

— *Тожe — захотели со мной драться!* — сказал Буратино, не обращая внимания на радость Мальвины и Пьеро. — **Что мне кот, что мне лиса, что мне полицейские собаки, что мне сам Карабас Барабас — тьфу!** Девчонка, полезай на собаку, мальчишка, держись за хвост. Пошли... (А. Н. Толстой. Приключения Буратино) [Там же], ср. * — **Что кот, что лиса, что полицейские собаки, что сам Карабас Барабас — тьфу!**

При этом в случае эллипсиса местоименного детерминанта интонационный центр смещается на рядоположенные словоформы, вследствие чего даже при риторичности высказывания разделительно-перечислительные отношения становятся определяющими для его семантики:

— *Да это не потому!* — зашумели на Ваську. — *Это ерунда! Какая разница — что на коне, что на мотоцикле?* (В. Шукшин. Печки-лавочки), — *А не один черт, что два, что десять? Давай еще разрешим во все двенадцать отделов ревкома по одному — накинem джужинку на свой риск!* (Д. Фурманов. Мятeж);

— *Как возможно только помыслить представлять старину?.. После того скажешь, пожалуй: «Не все ль едино, что в два, что в три перста креститься!..»* (П. Мельников-Печерский. На горах), — *Тогда один черт! — по-майорски грубовато и откровенно решил хозяин. — Что тридцать, что сорок!* (В. Конецкий. Начало конца комедии); *Дуб потому и растет по тысяче лет — ведь ему время не нужно! Ему что десять, что тысяча лет! А для меня время — это все* (В. Дудинцев. Не хлебом единым) [Там же].

В результате перехода высказывания в сугубо повествовательную и эмоционально не окрашенную плоскость окончательно появляется рассматриваемый нами союз *что... что....* Ср:

Дуб потому и растет по тысяче лет — ведь ему время не нужно. Ему что десять, что тысяча лет. А для меня время — это все.

Таким образом, этимология союза *что... что...* связана со структурным и коммуникативно-прагматическим переразложением риторической конструкции с вопросительным местоимением *что* и местоименным детерминантом при ее дистрибутивном повторе.

Однако даже и в этом случае иногда может возникать синкретизм риторической конструкции и союзной:

Лефорт дивился роскоши и величю реки — без конца и без края. — Что король французский, что император австрийский, — говорил он, — о, если бы побольше у тебя денег, Петер... Нанять побольше инженеров в Европе, побольше офицеров, побольше умных людей... Какой великий край, дикий и пустынный край!.. (А. Н. Толстой. Петр Первый) [Там же].

Не совсем ясно, какая именно конструкция употреблена: союзная (*Что король французский, что император австрийский — всё равно*) или

риторическая (*Что нам король французский?! Что нам император австрийский?!*). И лишь в широком контексте появляется возможность определить, что, вероятнее всего, в данном случае имеет место риторическая конструкция.

Можно сделать вывод, что семантика союза *что... что...* обусловлена глубинным риторическим вопросом, нейтрализованным на поверхностном синтаксическом уровне перечислительной репрезентацией Говорящим альтернативных пропозиций.

3.3. Особенности синонимии союзов ЧТО... ЧТО... и ХОТЬ... ХОТЬ...

Теперь рассмотрим вопросы, связанные с синонимией союзов *что... что...* и *хоть... хоть...*

Исходя из концепции Московской семантической школы, можно заключить, что синонимы должны иметь одинаковые сочетаемостные характеристики (см.: [Апресян, 2009, с. 203]). Этот принцип был в исчерпывающей мере реализован в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» [НОССРЯ]. Вместе с тем исследования показывают, что контекст все же накладывает определенные «ограничения на способность синонимов к взаимозамене, а взаимозаменяемость как критерий синонимии имеет многоаспектный характер» [Белов, 2018, с. 405]. В нашем случае в дело вступают также и конструктивные особенности объектов данного исследования — союзов *что... что...* и *хоть... хоть...*

Как нам известно, по морфолого-синтаксическому составу словоформ конструкции с союзом *что... что...* являются преимущественно непредикативными, а сам союз этимологически тяготеет к риторическому вопросительно-восклицательному плану. В свою очередь, союз *хоть... хоть...* более ориентирован на взаимодействие с предикативными глагольными словоформами в силу своей прототипической связи с категорией желательности, обусловленной этимологией компонента *хоть*, восходящего к основе глагола *хотеть* (см.: [Завьялов, 2022, с. 39—41; Лексикографические портреты... 2022, с. 203—204]).

Исходя из этого, можно утверждать, что зона расхождения между конструктивными и, соответственно, семантико-синтаксическими свойствами этих союзов проходит по линии предикативность / непредикативность. Так, в следующих конструкциях с *хоть... хоть...*, в которых задействованы предикативные глагольные словоформы, невозможна подстановка *что... что...*:

Его мысль оформляется хоть в слова, хоть в танцевальные периоды с одинаково исчерпывающей точностью («Культура») [НКРЯ]; невозможно: * *мысль оформляется что в слова, что в танцевальные периоды*;

— *Кашу бери, пожалуйста, **хоть** два ведра, **хоть** три* (Б. Екимов. Пиночет) [Там же]; невозможно: * *бери **что** два ведра, **что** три*;

*Идите вы с кошкой на улицу и там — **хоть** гадайте, **хоть** с медведем на гитаре **играйте!***» (Н. Войцк. Посоветоваться с Алисой) [Там же]; невозможно: * ***что** гадайте, **что** ...на гитаре **играйте***.

В свою очередь, в конструкциях с союзом *что... что...* взаимозамена с *хоть... хоть...* осуществляется свободнее в силу более универсальных конструктивных свойств последнего, но тем не менее разница между семантикой данных союзов явственно ощущается:

*Тут он изобразил голос Зубра, у которого **что** по-немецки, **что** по-русски, **что** по-«аглички» манера говорить оставалась та же* (Д. Гранин. Зубр) [Там же], ср.: * *Тут он изобразил голос Зубра, у которого **хоть** по-немецки, **хоть** по-русски, **хоть** по-«аглички» манера говорить оставалась та же*.

Если высказывание с союзом *что... что...* ориентировано на подчеркивание равнозначности сочиненных пропозиций, то при использовании союза *хоть... хоть...*, наоборот, акцент делается на их противопоставлении друг другу.

Аналогичная картина и при замене *хоть... хоть...* на *что... что...*:

*А его **хоть** так, **хоть** этак — **всё равно** не было* (А. Мацанов. Бабник) [Там же]. Ср.: *А его **что** так, **что** этак — **всё равно** не было*.

Таким образом, повторимся, союз *что... что...* стремится нивелировать семантико-синтаксические различия между перечисляемыми альтернативами, в то время как *хоть... хоть...*, наоборот, сигнализирует о них. Определенную роль при этом играют и различные коммуникативно-прагматические особенности высказывания. В этом отношении напрашивается сравнение *что... что...* и *хоть... хоть...* с союзами *или* и *либо* соответственно. Первый представляет собой сращение соединительного союза *и* и вопросительной частицы *ли* (*и + ли*) [Фасмер, 1986, с. 127], в силу чего его конструктивные свойства, как и у *что... что...*, только на других прототипических основаниях, направлены на объединение сочиненных альтернатив (слабая дизъюнкция). Что касается *либо*, то он восходит, как полагают, к древнерусскому союзу *любо*, являющемуся в своей первооснове соответствующим кратким прилагательным среднего рода [Стеценко, 1977, с. 191], и, как и *хоть... хоть...*, сообщает об определенных различиях между альтернативами (сильная дизъюнкция). Ср.:

*А его **или** так, **или** этак — **всё равно** не было & А его **либо** так, **либо** этак — **всё равно** не было* (ср.: ***любо** так, **любо** этак*) (см.: [Лексикографические портреты..., 2022, с. 192—193]).

Итак, значения союзов *что... что...* и *хоть... хоть...* могут быть разграничены по линии семантико-синтаксического сходства / различия

между сочиненными ими альтернативами в структуре высказывания. В силу этого синонимия данных союзов является не просто неполной, но и онтологически противопоставленной с точки зрения слабой и сильной дизъюнкции, как это имеет место у союзов *или* и *либо*.

4. Заключение = Conclusions

В результате проведенного исследования подтверждено, что конструктивные свойства союзов отражаются и на их семантических свойствах. Немаловажную роль в этом играет их этимология.

Союз *что... что...* организует конструкции с соподчиненными параллельными членами, относящимися к общему члену, который представлен в таких конструкциях, как правило, неглагольными словоформами, зачастую коррелирующими со словоформами ряда через предикативную связь, включая нулевую. Таким образом, по морфолого-синтаксическому составу словоформ конструкции с союзом *что... что...* являются преимущественно непредикативными.

В этимологическом плане *что... что...* тяготеет к риторическому высказыванию с вопросительным местоимением *что* и субъектным детерминантом, нейтрализованным на поверхностном синтаксическом уровне, по причине того, что Говорящий начинает перечислять альтернативные риторические пропозиции. Это приводит к эллипсису местоименного детерминанта в риторической конструкции и перемещению ее интонационного центра на рядоположенные словоформы, вследствие чего конструкция из риторической переходит в союзную с образованием соответствующего союза — *что... что...*

Анализ конструктивных свойств союза *что... что...* также способствовал и разграничению его семантики с синонимичным союзом *хоть... хоть...*. Зона расхождения между союзами проходит по линии предикативность / непредикативность. Союз *хоть... хоть...* ориентирован прежде всего на взаимодействие с предикативными глагольными словоформами в силу своей прототипической связи с категорией желательности, обусловленной этимологией компонента *хоть*, восходящего к основе глагола *хотеть*.

Установленная в исследовании аналогия между семантическими параметрами союзов *что ... что ...* / *хоть ... хоть ...* и *или* / *либо* свидетельствует о наличии в системе русских средств разделительной связи устойчивой онтологической оппозиции на основе подчеркивания семантико-синтаксических сходств и различий сочиненных альтернатив в структуре высказывания. Этот критерий может быть взят за основу исследования всей системы выражения разделительных отношений в современном русском языке,

которая является очень сложной и разветвленной и требует дальнейшего как интегрального, так и дифференцированного описания.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 25.02.2023).
2. НОССРЯ — *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Языки славянской культуры ; Вена : Wiener slavistische almanach, 2004. — 1417 с. — ISBN 5-94457-159-4.
3. РКГ — *Русская корпусная грамматика* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://rusgram.ru> (дата обращения 21.02.2023).
4. СРЯ — *Словарь русского языка* : В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд., стереотип. — Москва : Русский язык, 1988. — Т. IV. — 800 с.
5. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка* : В 17-ти т. — Москва — Ленинград : Наука, 1965. — Т. XVII. — 2127 с.
6. СТСРЯ — *Современный толковый словарь русского языка* / гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2001. — 960 с. — ISBN 5-7711-0103-6.
7. ТСРЯ — *Толковый словарь русского языка* : В 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : ГИ ИНС, 1940. — Т. IV. — 1500 с.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии : в 2 т. : Парадигматика / Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — Т. 1. — 568 с. — ISBN 978-5-9551-0304-4.
2. Белов В. А. Взаимозаменяемость как критерий синонимии (экспериментальное и корпусное исследование) / В. А. Белов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2018. — Т. 15. — Вып. 3. — С. 390—411. — DOI: 10.21638/spbu09.2018.306.
3. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — Москва : Русский язык, 2001. — 720 с. — ISBN 5-200-03017-X.
4. Завьялов В. Н. Морфолого-синтаксические свойства союза ХОТЬ... ХОТЬ... и его семантика / В. Н. Завьялов, Ли Ляньмэй // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 29—45. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-29-45.
5. Канафьева А. В. Риторическое высказывание в синтаксическом строе современного русского языка / А. В. Канафьева. — Москва : ИИУ МГОУ, 2021. — 170 с. — ISBN 978-5-7017-3269-6.
6. Кручинина И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке / И. Н. Кручинина. — Изд. 2-е, испр. — Москва : URSS, 2009. — 209 с. — ISBN 5-02-010885-5.

7. Кузнецова Р. Д. Отражение путей и способов образования союзов в их строении и функционально-семантических свойствах / Р. Д. Кузнецова // Неполнозначные слова : история, семантика, функционирование. — Тверь : ТГУ, 1997. — С. 7—13.
8. *Лексикографические портреты служебных слов : монография* / Е. А. Стародумова, Е. С. Шереметьева, В. Н. Завьялов ; отв. ред. : Е. А. Стародумова, Е. С. Шереметьева, В. Н. Завьялов. — Владивосток : ДВФУ, 2022. — 322 с. — ISBN 978-5-7444-5325-1.
9. Николаева Т. М. Непарадигматическая лингвистика : (История «блуждающих частиц») / Т. М. Николаева. — Москва : Языки славянской культуры, 2008. — 376 с. — ISBN 5-9551-0231-1.
10. Перетрухин В. Н. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке / В. Н. Перетрухин. — Воронеж : ВГУ, 1979. — 209 с.
11. Петров А. В. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка : монография / А. В. Петров. — Архангельск : ПГУ, 2007. — 293 с. — ISBN 978-5-88086-686-1.
12. Попов П. С. Суждение и предложение / П. С. Попов // Вопросы синтаксиса современного русского языка. — Москва : Учпедгиз, 1950. — С. 5—35.
13. Прияткина А. Ф. Формальные средства двух синтаксических уровней / А. Ф. Прияткина // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции) / Избранные работы. — Владивосток : ДВГУ, 2007. — С. 28—38. — ISBN 978-5-7444-1940-0.
14. Прияткина А. Ф. Формальные средства двух синтаксических уровней / А. Ф. Прияткина // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные работы. — Владивосток : ДВГУ, 2007. — С. 28—38. — ISBN 978-5-7444-1940-0.
15. Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения : учебное пособие / А. Ф. Прияткина. — Изд. 2-е, стер. — Москва : Флинта, 2019. — 175 с. — ISBN 5976539955.
16. Пятницкий В. Д. Конструкции с союзами *что...что* и *хоть...хоть* в русском языке / В. Д. Пятницкий // Русский язык в школе. — 2009. — № 9. — С. 66—70.
17. *Русская грамматика* : В 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1982. — Т. II. — 710 с.
18. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — 624 с. — ISBN 978-5-9551-0236-8.
19. *Служебные слова в лексикографическом аспекте : монография* / Е. А. Стародумова, В. Н. Завьялов, Е. С. Шереметьева. — Владивосток : ДВФУ, 2017. — 377 с. — ISBN 978-5-7444-3960-6.
20. Собчакова Н. М. Контрастивный анализ функционального потенциала, этимологии и семантики английских временных союзов / Н. М. Собчакова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2017. — № 1. — С. 63—67.
21. Степанова Е. Б. Функции риторических вопросов со словами *где, куда и откуда* / Е. Б. Степанова, Чжан Юэ // Научный диалог. — 2019. — № 1. — С. 133—146. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-133-146.
22. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка / А. Н. Стеценко. — Москва : Высшая школа, 1977. — 352 с.

23. Ушакова А. П. Синтаксические фразеологизмы с семантикой неодобрения в современном русском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. П. Ушакова. — Ярославль, 2018. — 227 с.

24. Фасмер А. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / А. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1986. — Т. II. — 673 с.

25. Шереметьева Е. С. Описание служебных слов в концепции Дальневосточной синтаксической школы и грамматика конструкций / Е. С. Шереметьева // Вестник АТА-ПРЯЛ. — 2014. — № 4. — С. 19—21.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023,
одобрена после рецензирования 05.04.2023,
подготовлена к публикации 15.04.2023.

Material resources

NKRYA — *The National Corpus of the Russian language*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 25.02.2023). (In Russ.).

NOSSRYA — *A new explanatory dictionary of synonyms of the Russian language*. (2004). Moscow: Languages of Slavic Culture; Vienna: Wiener slavistische almanac. 1417 p. ISBN 5-94457-159-4. (In Russ.).

RCG — *Russian Corpus Grammar*. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed 02/21/2023). (In Russ.).

SSRLYA — *Dictionary of modern Russian literary language: In 17 volumes, XVII*. (1965). Moscow—Leningrad: Nauka. 2127 p. (In Russ.).

STSRYA — *Modern explanatory dictionary of the Russian language*. (2001). St. Petersburg: Norint. 960 p. ISBN 5-7711-0103-6. (In Russ.).

The SRYA — *Dictionary of the Russian language: In 4 volumes, IV*. (1988). Moscow: Russian language. 800 p. (In Russ.).

TSRYA — *Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 volumes, IV*. (1940). Moscow: GI INS. 1500 p. (In Russ.).

References

Apresyan, Yu. D. (2009). *Research on semantics and lexicography: in 2 volumes: Para-digmatika, 1*. Moscow: Languages of Slavic cultures. 568 p. ISBN 978-5-9551-0304-4. (In Russ.).

Belov, V. A. (2018). Interchangeability as a criterion of synonymy (experimental and corpus research). *Bulletin of the St. Petersburg University. Language and literature*, 15 (3): 390—411. DOI: 10.21638/spbu09.2018.306. (In Russ.).

Fasmer, A. (1986). *Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes, II*. Moscow: Progress. 673 p. (In Russ.).

Kanafyeva, A. V. (2021). *A rhetorical utterance in the syntactic structure of the modern Russian language*. Moscow: IJU Moscow State University. 170 p. ISBN 978-5-7017-3269-6. (In Russ.).

Kruchinina, I. N. (2009). *Structure and functions of compositional communication in the Russian language. Ed. 2nd, ispr*. Moscow: URSS. 209 p. ISBN 5-02-010885-5. (In Russ.).

Kuznetsova, R. D. (1997). Reflection of ways and methods of formation of unions in their structure and functional-semantic properties. In: *Incomplete words: history, semantics, functioning*. Tver: TSU. 7—13. (In Russ.).

- Lexicographic portraits of service words: monograph.* (2022). Vladivostok: FEFU. 322 p. ISBN 978-5-7444-5325-1. (In Russ.).
- Nikolaeva, T. M. (2008). *Nonparadigmatic linguistics: (The history of "wandering particles")*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 376 p. ISBN 5-9551-0231-1. (In Russ.).
- Paladkina, A. F. (2007). Formal means of two syntactic levels. In: *Russian syntax in grammatical aspect (syntactic connections and constructions). Selected works*. Vladivostok: DVSU. 28—38. ISBN 978-5-7444-1940-0. (In Russ.).
- Paladkina, A. F. (2007). Formal means of two syntactic levels. In: *Russian syntax in grammatical aspect (syntactic connections and constructions). Selected works*. Vladivostok: DVSU. 28—38. ISBN 978-5-7444-1940-0. (In Russ.).
- Paladkina, A. F. (2019). *Russian language. The syntax of a complicated sentence: a textbook. 2nd Ed., erased*. Moscow: Flint. 175 p. ISBN 5976539955. (In Russ.).
- Peretrukhin, V. N. (1979). *Problems of syntax of homogeneous sentence terms in modern Russian*. Voronezh: VSU. 209 p. (In Russ.).
- Petrov, A. V. (2007). *Impersonality as a semantic and grammatical category of the Russian language: monograph*. Arkhangelsk: PSU. 293 p. ISBN 978-5-88086-686-1. (In Russ.).
- Popov, P. S. (1950). Judgment and sentence. In: *Questions of syntax of the modern Russian language*. Moscow: Uchpedgiz. 5—35. (In Russ.).
- Pyatnitsky, V. D. (2009). Constructions with unions that...that and though...Russian Russian language at least. In: *Russian language at school*, 9: 66—70. (In Russ.).
- Russian grammar: In 2 vols., II.* (1982). Moscow: Nauka. 710 p. (In Russ.).
- Sannikov, V. Z. (2008). *Russian syntax in semantic-pragmatic space*. Moscow: Languages of Slavic cultures. 624 p. ISBN 978-5-9551-0236-8. (In Russ.).
- Service words in lexicographic aspect: monograph.* (2017). Vladivostok: FEFU. 377 p. ISBN 978-5-7444-3960-6. (In Russ.).
- Sheremetyeva, E. S. (2014). Description of service words in the concept of the Far Eastern syntactic school and grammar of constructions. *Bulletin of ATAPRYAL*, 4: 19—21. (In Russ.).
- Sobchakova, N. M. (2017). Contrastive analysis of functional potential, etiology and semantics of English temporary conjunctions. *Bulletin of the Orenburg State University*, 1: 63—67. (In Russ.).
- Stepanova, E. B., Zhang Yue. Functions of rhetorical questions with the words where, where and from. *Nauchnyj dialog*, 1: 133—146. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-133-146. (In Russ.).
- Stetsenko, A. N. (1977). *Historical syntax of the Russian language*. Moscow: Higher School. 352 p. (In Russ.).
- Ushakova, A. P. (2018). *Syntactic phraseological units with the semantics of disapproval in modern Russian*. PhD Diss. Yaroslavl. 227 p. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (2001). *Russian. Grammatical teaching about the word*. Moscow: Russian Language. 720 p. ISBN 5-200-03017-X. (In Russ.).
- Zavyalov, V. N., Li Lianmei. (2022). Morphological and syntactic properties of the union THOUGH... THOUGH... and its semantics *Nauchnyj dialog*, 11 (4): 29—45. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-29-45. (In Russ.).

*The article was submitted 16.02.2023;
approved after reviewing 29.03.2023;
accepted for publication 15.04.2023.*

Рабенко Т. Г. Обыденная семантика бионимов *орел* / *эзир* в русском и тувинском языках (по результатам лингвистического эксперимента) / Т. Г. Рабенко, Ц. С.-Б. Нурзет // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 82—99. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-82-99.

Rabenko, T. G., Nurzet, Ts. S.-B. (2023). Ordinary Semantics of Bionym *Orel* and *Ezir* [*Eagle*] in Russian and Tuvan Language (Results of a Linguistic Experiment). *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 82-99. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-82-99. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-82-99

Обыденная семантика бионимов *орел* / *эзир* в русском и тувинском языках (по результатам лингвистического эксперимента)

Рабенко Татьяна Геннадьевна^{1 *}
orcid.org/0000-0003-3434-8542

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры
стилистики и риторики

* *корреспондирующий автор*
tat.rabenko@yandex.ru

Нурзет Цэринчимэд Суге-
Баадырович²

orcid.org/0000-0003-2373-6152
аспирант кафедры
русского языка и литературы
tchimed@vk.com

¹ Кемеровский
государственный университет
(Кемерово, Россия)

² Алтайский государственный
гуманитарно-педагогический
университет имени В. М. Шукшина
(Бийск, Россия)

Ordinary Semantics of Bionym *Orel* and *Ezir* [*Eagle*] in Russian and Tuvan Language (Results of a Linguistic Experiment)

Tatyana G. Rabenko^{1 *}
orcid.org/0000-0003-3434-8542

Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of Department
of Stylistics and Rhetoric

* *Corresponding author*
tat.rabenko@yandex.ru

Tserinchimed S.-B. Nurzet²
orcid.org/0000-0003-2373-6152
Postgraduate Student, Department
of Russian Language and Literature
tchimed@vk.com

¹ Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

² Shukshin Altai State University
for Humanities and Pedagogy
(Biysk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты сопоставительного анализа обыденной семантики бionимов *орел* / *эзир* в русском и тувинском языках. Актуальность исследования определяется его вписанностью в проблематику современной этноконцептологии в той ее части, которая сопрягается с описанием обыденной семантики в языках разных этносов. Научная новизна исследования обусловливается использованием методологических приемов, позволяющих проследить участие разных слоев семантики в концептуализации слова и выявить значимость в этом процессе различных факторов (объективных свойств референта и национально-культурных особенностей информантов). Установлено амбивалентное восприятие орла в русской и тувинской лингвокультурах. С одной стороны, это сильная, величественная птица, символически воплощающая собой все мужские добродетели (силу, статью, гордость), пользующаяся особым почитанием и избираемая в качестве государственного символа. С другой стороны, орел ассоциируется с птицей хищной и опасной. Мифологическое восприятие орла как царственной птицы, выполняющей роль посредника между Небом и Землей, более явно прослеживается в тувинской лингвокультуре. В обыденном представлении носителя тувинского языка орел воплощается как «танцующая» птица, подражание полету которой наполнено этнокультурным смыслом и связано с этнокультурной идентификацией.

Ключевые слова:

этноконцептология; концептуализация; национальная картина мира; обыденная семантика; лингвистический эксперимент; бionим; орел.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of a comparative analysis of the everyday semantics of the bionym *Orel* and *Ezir* [*Eagle*] in the Russian and Tuvan languages are presented. The relevance of the study is determined by its incorporation into the problems of modern ethnoconceptology in that part of it that is associated with the description of everyday semantics in the languages of different ethnic groups. The scientific novelty of the study is due to the use of methodological techniques that allow us to trace the participation of different layers of semantics in the conceptualization of a word and to reveal the significance of various factors in this process (the objective properties of the referent and the national and cultural characteristics of the informants). The ambivalent perception of the eagle in Russian and Tuvan linguistic cultures has been established. On the one hand, it is a strong, majestic bird, symbolically embodying all male virtues (strength, becoming, pride), enjoying special reverence and elected as a state symbol. On the other hand, the eagle is associated with a bird of prey and danger. The mythological perception of the eagle as a royal bird, acting as an intermediary between Heaven and Earth, is more clearly seen in the Tuvan linguistic culture. In the ordinary view of a Tuvan native speaker, the eagle is embodied as a “dancing” bird, the imitation of the flight of which is filled with ethnocultural meaning and is associated with ethnocultural identification.

Key words:

ethnoconceptology; conceptualization; national picture of the world; ordinary semantics; linguistic experiment; bionym; eagle.

Обыденная семантика бионимов *орел* / *эзир* в русском и тувинском языках (по результатам лингвистического эксперимента)¹

© Рабенко Т. Г., Нурзет Ц. С.-Б., 2023

1. Введение = Introduction

В настоящей работе представлены результаты сопоставительного изучения двух национальных языковых картин мира через описание обыденной семантики бионимов *орел* / *эзир* в русском и тувинском языках.

Актуальность исследования определяется его вписанностью в проблематику современной этноконцептологии в той ее части, которая связана с описанием обыденной семантики разных этносов, что основывается на исходном теоретико-методологическом положении об инвариантности бытия в его национально-этнической интерпретации. Научная новизна исследования обуславливается использованием методологических приемов (эксперимент по выявлению функционально-семантической многослойности лексемы), позволяющих проследить участие разных слоев семантики в концептуализации слова и выявить значимость в этом процессе различных факторов — свойств референта (физических, биологических, поведенческих) и национально-культурных особенностей информантов.

Идея статуйирования языка как культурного кода нации является ключевой в современной лингвистике. Язык представляется не просто орудием общения, а средством познания, накопления и хранения культурно-значимой информации. Будучи основным инструментом познания, язык закрепляет результаты познавательной деятельности человека. С помощью языка человек получает обобщенные знания и вместе с тем разделяет явления действительности на составные элементы, классифицирует их; выявляя сходства и разли-

1 Исследование выполнено с использованием оборудования Центра коллективного пользования научным оборудованием КемГУ в рамках соглашения № 075-15-2021-694 от 05.08.2021, заключенного между Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Кемеровский государственный университет». // The research was conducted on the equipment of the Research Equipment Sharing Center of Kemerovo State University, agreement No. 075-15-2021-694 dated August 5, 2021, between the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Minobrnauka) and Kemerovo State University (KemSU).

чия объектов, подводит новые объекты к категории уже известных ему объектов. «Каждый язык <...> по-своему членит мир, то есть имеет свой способ его концептуализации» [Маслова, 2018, с. 9], иначе — осмысления и интерпретации знаний о мире, строящихся на основании определенных моделей, категорий и стереотипов конкретного языка. В рамках концептуализации человек «осмысливает поступающую к нему информацию, образует в своем сознании концепты, отражающие его собственное видение окружающего мира» [Кубрякова, 2004, с. 315]. Будучи важнейшим видом концептуализации, языковая концептуализация сопрягается с «обогащением семантики определенного понятия признаками, заимствованными из семантики языковых показателей, лексикализирующих это понятие» [Воркачев, 2014, с. 17].

Актуализируя идею существования концептуального уровня в сознании человека [Бирвиш, 1981, с. 195; Демьянков, 1994, с. 29—30; Кубрякова, 2004, с. 314; Павиленис, 1983, с. 100], мы исходим из признания амбивалентной связи неязыкового уровня концептуальной репрезентации знания и языкового уровня значения. С одной стороны, семантический уровень языка противопоставлен концептуальному уровню. С другой стороны, языковое выражение предстает как «интерпретация восприятий окружающего мира в рамках концептуальной системы» [Ланге-Соболева, 2021, с. 30]. В процессе концептуализации действительности формируется картина мира — «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, 2007, с. 36]. В настоящем исследовании рассматривается картина мира, представленная в обыденном сознании. Последнее понимается как «особая форма осмысления накопленных, но не всегда освоенных знаний, которые могут быть итогом непосредственного личного опыта каждого; коллективного социального опыта; теоретических знаний, которые по своему происхождению лежат вне рамок обыденного знания и непосредственной жизненной практики» [Семашко, 2003, с. 9; Мосиенко, 2014, с. 251].

Цель настоящего исследования в воссоздании фрагмента языковой картины мира через посредство описания обыденной семантики бионимов *орел / эзир*, сформированной в повседневном коммуникативном опыте рядовых носителей русского и тувинского языков.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В работе использован ряд методов, дифференцируемых на разных этапах исследования: на этапе сбора материала задействован метод лингвистического эксперимента, на этапе обработки и анализа материала — метод научного описания, сопоставительный метод, количественный прием статистического метода.

Обозначим методику проведения лингвистического эксперимента. В разработке анкеты для эксперимента использована методика сбора материала, предложенная авторами лексикографических проектов «Словарь обыденных толкований русских слов» [СОТРС, 2012] и «Разноязычный словарь обыденной семантики бионимов» (последний готовится к изданию). Об эвристических возможностях ассоциативной лексикографии в описании языковой картины мира см. [Голев, 2015, с. 3; Лебедева, 2019, с. 226; Уфимцева, 2019, с. 12].

Анкета включала шесть заданий.

«1. Какие ассоциации возникают у вас в сознании при восприятии слова «орел»?

2. Какие значения имеет данное слово?

3. Назовите первые пришедшие на ум фразы, в составе которых есть данное слово.

4. Какие предметы и явления могут быть названы данным словом? (Например, роза — название цветочного магазина).

5. Какие созвучные слова приходят вам на ум, когда вы слышите данное слово? (Например, волк — шёлк, смолк).

6. Как вы считаете, почему так названо явление, обозначенное данным словом?» [СОТРС, 2012, с. 4].

Задания были разработаны с целью эксплицировать различные уровни обыденной семантики: понятийной, концептной, ассоциативной. На данном этапе исследования осуществлена лишь предварительная систематизация разноязычного материала. В последующем предполагается его дифференциация с учетом характера экспликации разных слоев обыденной семантики: чувственно-ассоциативной (она сопряжена с первым вопросом), понятийной (связана со вторым вопросом), концептной (все последующие вопросы). Эксперимент проходил в очной форме и с помощью системы Google Forms. Задания предъявлялись респондентам на их родном языке. Метаязыком описания послужил русский язык, на который переводились результаты, полученные в ходе опроса на тувинском языке. При исследовании фиксировались все ответы, в том числе отрицательные, когда испытуемые не дали ответа (их количество обозначено в круглых скобках после общего количества положительных ответов).

Эмпирическая база исследования представлена следующим количеством реакций:

рус. 1 — 162 (отрицательные 0), 2 — 153 (6), 3 — 87 (15), 4 — 79 (22), 5 — 99 (19), 6 — 38 (62) (всего 625 реакций, плюс 124 отрицательных).

тув. 1 — 127 (5), 2 — 76 (24), 3 — 65 (36), 4 — 69 (31), 5 — 73 (33), 6 — 34 (66) (всего 444 реакций, плюс 195 отрицательных).

В лингвистическом эксперименте приняли участие по 100 испытуемых — носителей русского и тувинского языков. Это преимущественно студенты различных институтов ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» и ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина», ФГБОУ ВО «Кызылский педагогический колледж Тувинского государственного университета», а также 46 испытуемых — жителей сел Сарыг-Сеп, Дерзиг-Аксы, Эрзин (Тува).

Результаты проведенного эксперимента позволяют выявить как универсальные (то есть представленные в языковом сознании носителей различных языков) характеристики бионима, так и идиозмические, обусловленные национальной картиной мира и историко-национальными традициями носителей сопоставляемых языков. Квалифицируя те или иные характеристики бионима как универсальные, отметим, что степень проявления этих свойств (частотность ассоциаций, актуализирующих эти свойства) может значительно разниться в сравниваемых языках, что также определяет национальную специфику картины мира, отражаемой в языке.

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

3.1. Универсальные свойства бионимов *орел* / *эзир*

Для носителей обоих языков орел — это птица: рус. *птица* 63; тув. *куш* (*птица*) 28. Типовая ассоциативная реакция — *хищная птица*. В 57 русскоязычных анкетах и 85 тувинских обнаруживаются ассоциации, объединенные семантическим признаком ‘хищник’: рус. *хищная птица* 24; *хищник* 18; *хищный* 3; *семейство ястребиных*; тув. *араатан куш* (*хищная птица*) 5; *эзир араатан-дыр* (*орел — хищник*).

Хищнические качества орла актуализируются в ассоциациях, объединяемых семой ‘охота’ (всего 12/11): рус. *Охотник* 5; *охота* 4; *охотится*; *нападение*; тув. *аңчы* (*охотник*) 4; *аңнаар куш* (*птица-охотник*) 4; *койгунарже аңнаар* (*охотиться на зайцев*); *олча* (*добыча*).

Как хищник орел представляется птицей грозной и опасной (всего 12/6): рус. *Грозный* 5; *грозная птица* 4; *опасность*; *опасный*; тув. *каржы куш* (*жестокая птица*) 3; *тек айыылдыг куш-дыр* (*очень опасная птица*); *шала коргунчуг* (*немного страшная*).

Восприятие орла как воинственной птицы эксплицируется в сравнительном обороте: *налетел, как орел*. См. *налететь* в знач. «Летя, напасть» [БТС, 1998, с. 587].

Образ орла-охотника поддерживается ассоциациями, полученными в ходе ответа на четвертый вопрос анкеты, определяющий возможные объекты номинации. В обыденном представлении носителей русского и

тувинского языков словом *орел / эзир* можно номинировать *магазин для охоты 2; магазин оружия; аңчы улустуң садыы (магазин охотника)*.

Определяя значение бионимов *орел / эзир*, носители задействованных в исследовании языков называют ассоциации, указывающие на внешние признаки птицы:

а) массивное телосложение орла¹ (всего 25/45): рус. *большой 11; большая птица 7; крупная птица 5; огромная птица*; тув. *улуг (большой) 34; эң улуг (самый большой) 4; дыка улуг (очень большой) 3; ыздыр кушкаш (крупная птица) 2; хөрээ делгем (широкая грудь)*;

б) длинные и широкие крылья (всего 7/5): рус. *с большими крыльями 6; размах крыльев*; тув. *чалгыннаары улуг (большие крылья) 2; чалгыннаары калбак куш (птица с большими крыльями); эң улуг чалгынныг (с самыми большими крыльями)*;

в) клюв с загнутым окончанием, что поддерживает семантику хищнического характера птицы (всего 5/2): рус. *клюв 3; с изогнутым клювом 2*; тув. *думчуу сыдырык (приплюснутый нос); думчуу ыргая берген куш (птица с кривым клювом)*; в русском языке тонкий нос с горбинкой называют *орлиным носом* [БТС, 1998, с. 726];

г) сильные ноги и острые длинные когти (всего 3/2): рус. *птица с острыми когтями; крупные, острые когти; сильные и сравнительно длинные ноги, с оперением до самих пальцев*; тув. *узун дырбактыг (с длинными когтями); дырбактары чидиг (с острыми когтями)*.

Преимущественно в ответах тувинских информантов представлены ассоциации, указывающие на окраску оперения орла (всего 2/17): рус. *черный 2*; тув. *хүрең өңнүг (бурого цвета) 6; кара өңнүг (черного цвета) 6; бажы ак (белая голова); куу (серый); сарыг (желтого)*; а также на значительный размер глаз и хвоста птицы: *карактары улуг (с большими глазами) 2, узун кудуруктуг (с длинным хвостом)*.

Представители обеих лингвокультур называют поведенческие качества орла. Среди них отличительные лётные свойства птицы (способность летать / парить высоко в небе): рус. *летать 6; полет 3; высота 3; высоко летает 2; символ высоты; он постоянно парит в вышине близко к Солнцу*; тув. *бедик ужар (высоко летает) 18; дээрде ужар (летающая по небу) 10; ужар (летать) 8; ужуп турар (летит орел) 5; дээрде эзир ужуп турар (в небе летит орел) 5; хүн 3 (солнце); өрү бедик черге ужар (летающая в высоких местах)*.

1 Значительный размер этой птицы лег в основу ее наименования. См.: *Орел* «общеслав. суф. производное (ср. козел, зяблик — от зябел — и пр.) от той же основы, что нем. Ааг “орел”, греч. ornīs “птица” и т. д. Исходно орел — “большая птица” (суф. -ль- первоначально был увеличительным)» [Шанский, 2001, с. 214].

Данная характеристика орла — «высоко парить в небе» — метафорически эксплицируется в сравнительных оборотах: *высоко паришь, как орел; высоко летаешь, как орел*. См.: *высоко летать* в знач. «занимать видное положение в жизни, в обществе» [Федоров, 2008, с. 343].

Общепризнанные незаурядные лётные качества орла актуализируются в ответах на вопрос: какие предметы и явления могут быть названы словом *орел*? Русскоязычные респонденты полагают, что этим словом могут быть названы *самолет; вертолет; турагенство; летающий аттракцион; парашют*.

В ассоциативном поле бионимов обнаруживаются ассоциации, объединяемые семантическим признаком ‘скоростная характеристика полета’. В тувинском языке этот признак вербализуется преимущественно посредством ассоциаций, обладающих национально-культурной спецификой: *Эзир-кара аът* (имя скакуна «Черный орел») 6; *эки аът* (хорошая лошадь) 2; *дүрген* (быстрый) 2. *Эзир-кара* — имя знаменитого тувинского скакуна, который неоднократно выигрывал конные скачки в 30-е годы прошлого века. Память о нем до сих пор живет в народе, тувинцы дают это имя своим лошадям.

Среди поведенческих характеристик орла отмечается гнездование (всего 7/12): рус. *гнездо* 3; *орел вылетел из гнезда*; тув. *эзир уязы* (гнездо орла) 7; *уя* (гнездо) 6.

Преимущественно в ответах представителей тувинской лингвокультуры обнаруживаются ассоциации, объединенные семантическим компонентом ‘пища’ (всего 3/12): рус. *мышки; может утащить собачку; в поле ловит мышь*; тув. *эът* (мясо) 2; *олча* (добыча), *аъи-чем* (еда); *каттар* (ягоды); *койгунарже аңнаар* (охотиться на зайцев); *эзир узун курту тудуп алган* (орел схватил длинного червя); *аъи-чем оорлаар хөлдөргө* (ворует еду в озерах); *хамык чүвени теп болур* (может что-нибудь украсть на лету); *чемин бооду тудуп чиир, өске бир чыткан өңга дөгбес* (сам добывает себе пищу, не трогает падаль).

Восприятие орла как хищной птицы актуализируется при вербализации его поведенческих качеств, связанных с добыванием пищи (всего 2/6). Атакуя свою жертву, орел рус. *нападает* 2; тув. *бичии амытаннарже халдаар* (нападает на маленьких животных) 2; *тириг амытаннарже халдаар* (нападает на животных) 2; *чүү-хөө тевер* (крадет всякое на лету); *куш чугле экизин теп алыр* (хватает только лучшую добычу). Орел — это *ооржу кушкаш* (птица-вор). Он *кажар* (хитрый). Для номинации действий, посредством которых орел добывает пищу, используются глаголы ЛСГ физического воздействия на объект: *нападать, набрасываться, хватать* — и ЛСГ отчуждения: *утащить, украсть, своровать* [БТСРГ, 2007, с. 183, 573].

В ответах русскоязычных респондентов отмечаются особенности издаваемого птицей крика (всего 8): рус. *громкие крики* 5; *громкая птица* 2; *орлиный крик*. При ответе на вопрос о возможной этимологии исследуемого бионима группа испытуемых (8 человек) связывает происхождение существительного *орел* с глаголом *орать*, основываясь на созвучии слов.

Носители задействованных в исследовании языков указывают место обитания птицы. Респонденты едины в определении места «проживания» орла — это горы, степь, лес, тайга (всего 28/49): рус. *тайга* 7; *горы* 5; *горная птица* 3; *степная птица* 2; *орел летает над лесом*; *каньон*; *дикие прерии*; *поля*; *степной орел*; тув. *даг (гора)* 5; *даглар (горы)* 4; *ыяш (лес, дерево)* 4; *арга (лес)* 3; *дагларга чурттаар (живет в горах)* 2; *хову (степь)* 2; *ховуга чурттаар (живет в степи)* 2; *хая-даштарга чурттаар (обитает в скалистых местах)*; *шөлдөрдө ужар куш (летает на озерах)*. Ассоциации, актуализирующие место обитания птицы, в большей степени обнаруживаются в ответах тувинских респондентов.

Представители задействованных в исследовании лингвокультур отмечают особые физические качества орла. Среди них прежде всего зоркость (всего 46/5): рус. *зоркость* 10; *хорошее зрение* 10; *зоркий* 6; *зоркость* 5; *острый глаз* 2; *зоркий глаз* 2; *острое зрение* 2; тув. *эки карактарлыг (имеет хорошее зрение)* 2; *карактары чидиг (с острым зрением)*.

Признак зоркости, отличающий орла, актуализируется в сравнительных конструкциях, метафорических номинациях, возникающих на основе этой физической способности птицы: рус. *орлиное зрение* 6; *орлиный глаз* 5; *зоркий, как орел* 6; *глаз, как у орла* 4; *меткий/острый/зоркий, как орел*; тув. *дидим карааның шоозу чидиг кижги (человек с острым зрением)*. Данный признак более частотен в ответах русскоязычных респондентов.

Образ орла как птицы, отличающейся зоркостью, наблюдательно, поддерживается ассоциациями, полученными в ходе ответа на вопрос о возможных предметах или явлениях номинации. В представлении испытуемых словом *орел* / *эзир* могут номинироваться *оптика* 4; *бюро слежки за людьми*; *кедениңи кижги (человек, который следит за кем-то)*. Признак зоркости эксплицируется в прецедентном тексте: «... нюх как у собаки, а глаз, как у орла» («Песня гениального сыщика»).

Помимо зоркости, орел отличается острым, пронизательным взглядом. Это качество орла — острый, пронизательный, гордый взгляд — метафорически воплощается в русских сочетаниях *орлиный взгляд* 6, *орлиный взор*, *смотреть орлом*, *смотреть свысока*.

Среди отличительных качеств орла его необыкновенная физическая сила (всего 18/13): рус. *сила* 11; *сильный* 6; тув. *куштүг (сильный)* 2; *шыгы-*

рак куикаш (могучая птица) 2; куштуг буттарлыг (с сильными ногами); куштуг чалгыннарлыг (с сильными крыльями).

Небывалая физическая сила орла, мифологизированная в представлении носителей обоих языков (и не только этих языков), восходит к культу орла, описанному Л. Я. Штернбергом [Штернберг 1925]. «... огромная сила этого хищного пернатого, дающая ему возможность уносить в своих когтях ввысь крупную добычу, в глазах примитивного (судя по материалу исследования, и современного. — Т. Р., Ц. Н.) человека ставит его выше самых крупных хищников сухопутных, окружая ореолом всемогущего существа» [Штернберг, 1925, с. 718].

В обыденном представлении носителей русского и тувинского языков¹ орел исполнен царственного величия и могущества (всего 19/12): орел *величественный 4; всемогущий; могущественный*. С орлом ассоциируется *величие 3; величество; великий человек уподобляется орлу*. Орел — это рус. *царь птиц 3, король 3; тув. тайга ээзи (хозяин тайги); «дээр ээзи» (хозяин неба); куштар ээзи боорга (хозяин птиц); куштарның тергиини (совершенство среди птиц); өскелерден чүү-даа талазы-биле бедик (лучшие других птиц)*. Орел, по признанию одного из русскоязычных респондентов, «звучит могущественно».

Символическое осмысление орла в сопряжении с идеей физической силы, мощи, мужества, воинственности, маскулинности поддерживается посредством ассоциаций, сопряженных с возможными объектами номинации. Бионимами *орел / эзир* могут номинироваться *военный самолет 2; военный корабль²; магазин военной формы или атрибутики; охранное агентство 4; магазин спортивного инвентаря 2; магазин парашютного снаряжения; спорткомплекс; штурмовой ураган; магазин мужских костюмов; тув. аңчы улустуң садыы (магазин охотника); эр улус херекселдери садыы (магазин товаров для мужчин)*.

Ассоциативный материал обнаруживает ассоциаты, представляющие эстетическую оценку орла (всего 12/7): в обыденном представлении русских и тувинцев орел *красивый 10; красивая птица; красавец; онза чараш куш (очень красивая птица) 3; эң шевер куштарның бирээзи (одна из самых красивых птиц)*.

В ассоциативном поле бионимов *орел / эзир* обнаруживаются символические признаки. О символическом образе птицы в русской лингвокультуре см. [Ма Лиши, 2022, с. 16—17]. Традиционно орел выступает

1 Восприятие орла как главного среди птиц, «хозяина небес» характерно для ряда народов, в том числе славянских, см. [Гура, 1997, с. 610—611].

2 Примечательно, что первый русский военный корабль в честь русского государственно-го герба был назван «Орлом» (1669) [<https://flot.com/history/io1-1.htm>].

как символ гордости (всего 88/19): рус. *гордый* 27; *гордая птица* 10; *гордость* 9; *гордый вид* 6; *гордый орел* 5; тув. *чоргаар (гордый)* 7; *чоргаар куш (гордая птица)* 5; *чоргаар эзир (гордый орел)*. Признак гордости актуализируется при метафорических номинациях: орел — это *гордый человек* 19; тув. *чоргаар эр (гордый мужчина)*; в сравнительных оборотах — рус. *гордый, как орел* 12; тув. *эзир ышкаш чоргаар (гордый, как орел)* 2. Данный признак более частотен в ответах русскоязычных респондентов.

Символическое восприятие орла как величественной, сильной и смелой птицы лежит в основе возведения этой птицы в ранг государственного символа (геральдический признак) (всего 36/2): рус. *двуглавый* 9; *герб* 5; *символ России* 4; *США* 4; *Россия* 2; тув. *сүлде (герб)* 2. Такого рода ассоциации представлены преимущественно в ответах русскоязычных респондентов. В этой же группе респондентов присутствуют ассоциации, отсылающие к одноименному российскому городу: *город Орел* 4; «*орел твердой порубежной с эпохи Грозного царя*» (Ю. Строев «Гимн города Орла»).

Среди символических признаков орла называется признак свободы. В представлении русского человека образ орла устойчиво ассоциируется со свободой (всего 25): рус. *свобода* 12; *символ свободы* 5; *свободная птица* 5; *орел — птица свободы!* 2. Идея свободолюбия звучит в сравнительных конструкциях и метафорических номинациях, где данный сигнификативный компонент референцируется на человека: рус. *свободный, как орел*; *свободный и величавый человек*.

Лишь в ответах носителей русского языка зафиксированы ассоциации, объединенные темой нумизматики: *монета* 11; *орел и решка* 4; *сторона монеты* 4; *решка* 3; *другая / обратная сторона монеты* 3, а также связанное с этой темой название ТВ-программы: *теле-шоу* 3.

В эстетических представлениях русского и тувинского человека орел является метафорическим воплощением лучших мужских качеств: силы, храбрости, мужественной красоты. Гендерный символизм, основанный на восприятии орла как птицы, стереотипно воплощающей маскулинное начало, актуализируется посредством многочисленных ассоциаций, которые возникают на базе метафорической номинации мужчины (преимущественно молодого): рус. *молодой человек* 13; *мужчина* 6; *сильный молодой человек* 6; *лидер* 2; *статный человек* 2; *мудрый* 2; *ну парень, прям орел!*; *Орел!* = *молодец*; *молодой человек с Кавказа*; *видный человек*, *широкоплечий мужчина*, *отважный/храбрый человек*; тув. *эзир куш дег эрес эрлер (храбрые, как орлы, мужчины)*; *куштүг эр кижини (сильный мужчина)*; *куш эрестиг кижини (сильный смелый человек)*; *дурт-сыны чараш эр кижини дөмөйлөп болур (можно сравнить мужчину с красивой фигурой)*; *эзир ышкаш чараш (красивый, как орел)*.

Среди прочих ответов, полученных от носителей тувинского языка, выделяются ассоциации, содержащие национально-культурную специфику. В восприятии тувинца эзир (орел) — это *эки аьт ээзи (хозяин хорошего коня), ээзи (хозяин)*. В языковой картине мира тувинцев — кочевого народа — образ коня занимает особое место. «Через культ коня проявлена освоенность жизненного пространства кочевника» [Ондар, 2014, с. 9]. Потому мужчина в традиционной тувинской культуре — это прежде всего наездник, хозяин хорошего скакуна.

Орнитоморфная символика прослеживается в тувинском мужском имени: *кижи ады «Эзир-оол» (мужское имя Эзир-оол) 17; оолдар ады (имя для мальчика) 2. Эзир-оол* является распространенным мужским именем в тувинской лингвокультуре. Зафиксированы и такие ответы: *ыт ады (кличка собаки) 3.*

В сфере «прецедентные тексты» имеют место цитаты из песенных, стихотворных произведений, отражающих особенности восприятия этих бионимов в описываемых языках: «Вскормленный в неволе орел молодой» 4 (А. С. Пушкин «Узник»); «Взвейтесь, соколы, орлами!» (русская народная солдатская строевая песня)¹; «Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца» (В. Я. Строчков «Песни пламенных лет»); «Орлята учатся летать» (Н. Н. Добронравов «Орлята учатся летать»); «Выходила песню заводила про степного сизого орла» (песня «Катюша»); «Над очертаньем рек и сел парит, парит степной орел» 3 (песня А. Маршала «Не улетай»); «Хороший ты парень, но не орел» (фильм «Простая история»); тув. чор-гаар чуртап чоруур (свободно жить. Слова из песни). В русскоязычных ответах обнаружены ассоциации, отсылающие к древнегреческому мифу о Прометее: *Прометей 2; картина «Орел, терзающий Прометей».*

Ассоциативный портрет бионимов *орел / эзир* дополняют русские и тувинские пословицы: рус. *Не учи орла летать, а соловья петь 2; Орел не ловит мух 2; Орлы летают одиноко, бараны пасутся стадами;* тув. *эки эзир тевер, кусун, сааскан дойлаар (хороший орел добудет, вороны, сороки пируют).*

3.2. Национально-специфические свойства бионимов *орел / эзир*

У представителей тувинской лингвокультуры орел (*эзир*) устойчиво ассоциируется с национальной борьбой хуреш (всего 69 ассоциаций, в том числе *хуреш 11*). Хуреш — ритульная игра тувинского праздника На-

1 Л. Ю. Гусев в своей работе «Птицы русского фольклора» отмечает, что орнитоним орел по частоте упоминания в русских народных песнях и былинах стоит среди птиц на втором месте после сокола [Гусев, 1996 с. 55]. Проследивая связь образов птиц с жанровой принадлежностью фольклорного текста, автор отмечает, что образ орла представлен преимущественно в исторических песнях и притчах.

адым, которая «выявляет и социально возносит мужское начало» [Ондар, 2014, с. 11]. Неотъемлемой частью борьбы хуреш является исполнение танца орла (девиг). В представлении носителей тувинского языка эзир (орел) — это *мөге (борец хуреш) 13; эзир мөге (орел-борец — почетное звание лучшего борца хуреш) 6; хуреш киржикчизи (участник соревнования по национальной борьбе) 2* (всего 24 ассоциации).

Полет орла в восприятии тувинцев подобен танцу: *тевер куш (танцующая птица) 5, эзир девиг чор (орел танцует)*. «Борцы, исполняющие танец орла, выходя в начале соревнований к краю поля перед судьями и зрителями и медленно ступая, раскинув широко руки, как крылья, подражают птичьему полету высоко в облаках» [Санчай, 2014, с. 114]. Тувинский танец девиг (танец орла) предстает как «интегральное явление культуры, в котором характерные для представителей тувинского этноса <...> ритуально-обрядовые движения <...> окрашены этнокультурными смыслами и связаны с этнокультурной идентификацией» [Ондар, 2016, с. 6]. Борец, исполняющий танец орла, «не только присваивает себе качества орла, но и внешне буквально перевоплощается в него» [Там же, с. 11]: *девиир (танцевать в национальной борьбе) 6; эзир куш дег девиг самна (как орел, танцуй) 4; эзир дег девиир (танцует, как орел) 3; ачам эзирниң девиш деп шаңнал алган (мой отец взял приз «Танец орла»); мөгелер шүгеш эзир дег девиир (борцы, выиграв, танцуют как орлы); зирлер дег мөгелер (борцы, словно орлы)* (всего 39 ассоциаций, отсылающих к образу борца хуреш). Борца хуреш отличает *хөрээ делгем* (широкая грудь), «*кушкаш хөректиг*» (дословно «с птичьей грудью»). Внешне такая грудь имеет посередине более четкое разграничение грудных мышц. Тувинцы считают людей с такой грудью более более predisposed к успешному занятию борьбой.

Ассоциации, восходящие к танцу орла, широко представлены при перечислении возможных предметов номинации: *хуреш залының ады (название спортивного зала для борьбы) 5; «Эзирлер уязы» — спортзал ады («Гнездо орла» — название спортзала) 2* (всего 12 ассоциаций, восходящих к названию спортивного зала для борьбы хуреш). Единичны ассоциации *тыва торгулар сады* (магазин тувинского шёлка); *кафе ады (название кафе)*.

«Образ орла в миропонимании тувинцев тесно связан с Небом (Верхним миром) силой, скоростью и справедливостью» [Там же]. В ответах тувинских респондентов наблюдается значительная частотность ассоциаций, соотносительных с семантическим признаком ‘небо’ (ср. 9 ассоциаций в русскоязычных ответах и 43 в тувинских): рус. *небо 5; летит высоко в небе*; тув. *дээр (небо) 27; дээрде ужар (летающий по небу) 10*. В представлении тувинца орел — это *дээр эзи* (хозяин неба). Полагаем,

что небо воспринимается тувинскими респондентами не только как воздушное пространство, где парит орел, а как место обитания высших сил, посредником с которыми выступает орел. Подобное восприятие неба отражает особенности национального мировидения тувинцев, а именно существование в духовной культуре этого народа культа Неба, имеющего смысл духовного Неба-Отца [Смадан, 2018, с. 502].

4. Заключение = Conclusion

Таким образом, проведенное исследование позволяет выявить объем и реальное содержание слова-бионима в обыденном сознании носителей русского и тувинского языков.

Обнаруживается ряд признаков, которые обуславливаются объективными свойствами денотата. В ассоциативном поле бионима вербализуются ассоциации, актуализирующие внешние характеристики птицы (цвет оперения, большие крылья, крючковатый нос), ее поведенческие (способность парить высоко в небе, гнездование, нападение на жертву, место обитания) и физические (физическая сила, зоркость) качества. В обыденном представлении русского человека и тувинца орел устойчиво ассоциируется с хищной птицей, обладающей мощным телосложением, крючковатым клювом, длинными когтями, позволяющими захватывать добычу.

При обнаружении некоторой типизированности в обозначении внешних и поведенческих характеристик орла у представителей обеих лингвокультур обнаруживаются различия в частотности проявления ряда признаков. Представители тувинской лингвокультуры «более сведущи» в описании внешних признаков орла, его поведенческих качеств (характер пищи и особенности ее добывания посредством охоты, место обитания). Полагаем, что данное обстоятельство связано с географическими особенностями региона, в котором проживают тувинцы. Тува располагается в центральной части Азии, где представлен, помимо таежного, пустынно-степной ландшафт. Открытое пространство позволяет человеку наблюдать за этой птицей.

В ответах носителей обоих языков актуализируются символические признаки бионима. Представители русской и тувинской лингвокультуры оценивают орла с позиции гендерной эстетики. Эстетический идеал русского и тувинского мужчины связан с орлом. Орел выступает как воплощение маскулинного начала и сопряженных с ним понятий силы, мужественной красоты, храбрости. Однако проявленность символических характеристик орла различна. Русскоязычные информанты более разнообразны в оценочно-символической характеристике орла: орел ассоциируется с гордостью, свободой, статью, уверенностью в себе, мудростью. Преимущественно в русскоязычных ответах эксплицируется геральдический признак.

В содержании исследуемых бионимов выявляется мифологический компонент, восходящий к культу орла и поддерживаемый историческими и национально-культурными традициями народа. В обыденном сознании русских и тувинцев сохраняется мифологическое восприятие орла как величественной и могущественной птицы — царя птиц. Выраженность мифологического содержания бионимов в большей степени обнаруживается в ответах тувинских респондентов, что обусловливается традициями, восходящими к национальной тувинской борьбе хуреш. В танце орла тувинский мужчина — борец хуреш — перевоплощается в орла, «примеряет» на себя качества этой птицы, его силу и храбрость.

Итак, концептуальное содержание бионимов *орел* / *эзир* обнаруживает в русской и тувинской лингвокультурах амбивалентное восприятие данной птицы: с одной стороны, это сильная, величественная, свободная, парящая высоко в небе птица, символически являющая собой воплощение всех мужских добродетелей, пользующаяся особым почитанием и избираемая в качестве государственного символа, с другой стороны, орел ассоциируется с птицей хищной, опасной, жестокой, внушающей страх. Мифологическое восприятие орла как царственной и могущественной птицы, выполняющей роль посредника между Небом и Землей, более явно прослеживается в тувинской лингвокультуре. В обыденном представлении носителя тувинского языка орел воплощается как величественная «танцующая» птица, подражание полету наполняется этнокультурным смыслом и связывается с этнокультурной идентификацией.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БТС — *Большой толковый словарь русского языка* / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 1998. — 1534 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
2. БТСРГ — *Большой толковый словарь русских глаголов* : свыше 10 000 глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Москва : АСТ-ПРЕСС, 2007. — 573 с. — ISBN 978-5-462-00615-9.
3. СОТРС — *Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы* : в 2 т. / М. Ю. Басалаева, М. Е. Воробьева, Н. Д. Голев, Я. А. Дударева, А. В. Замилова, Л. Г. Ким, Е. В. Кишина, Т. Ю. Кузнецова, Н. В. Мельник. — Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2012. — Т. 1 : А—М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) (478 слов-стимулов). — 536 с.
4. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. — Москва : Астрель : АСТ, 2008. — 828 с. — ISBN 978-5-17-049014-1.

5. Шанский Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка : происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. — Москва : Дрофа, 2001. — 399 с. — ISBN 5-7107-8679-9.

Литература

1. Бирвиш М. Семантика / М. Бирвиш // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1981. — Выпуск 10. — С. 177—198.
2. Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология и ее терминотерминологическая система / С. Г. Воркачев // Политическая лингвистика. — 2014. — № 3 (49). — С. 12—20.
3. Голев Н. Д. Разноязычный словарь обыденной семантики бионимов как источник сопоставительных исследований наивной картины мира носителей различных языков / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким, С. В. Степанович // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015. — № 2. — С. 29—35.
4. Гусев Л. Ю. Птицы русского фольклора : Лингвистическое исследование / Л. Ю. Гусев. — Курск : Издательство Курского педагогического университета, 1996. — 111 с.
5. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. — Москва : Индрик, 1997. — 912 с.
6. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 17—33.
7. Кубрякова Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — ISBN 5-94457-174-8.
8. Ланге-Соболева Т. А. Проблема раскрытия термина «концептуализация» в современной лингвистике / Т. А. Ланге-Соболева // Наука и образование сегодня. — 2021. — № 6 (65). — С. 27—32.
9. Лебедева Н. Б. Обыденная семантика бионимов в славянских и неславянских лингвокультурах (по результатам эксперимента) / Н. Б. Лебедева, Т. Г. Рабенко // Русин. — 2019. — № 56. — С. 226—241. — DOI: 10.17223/18572685/56/14.
10. Ма Лиши. Символизация орнитологических образов в русской лингвокультуре : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Ма Лиши. — Москва, 2022. — 19 с.
11. Маслова В. А. Современная лингвистика — наука о человеке, его сознании, языке и культуре / В. А. Маслова // Гуманитарный вектор. — 2018. — Выпуск 13. — № 1. — С. 6—11. — DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-1-6-11.
12. Мосиенко М. К. «Обыденное сознание» и смежные термины / М. К. Мосиенко // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. — 2014. — № 1. — С. 249—252.
13. Ондар И. О. Генезис и трансформация тувинского танца в культуре Тувы : автореферат диссертации ... кандидата культурологии : 24.00.01 / И. О. Ондар. — Красноярск, 2016. — 24 с.
14. Павилёнис Р. И. Проблема смысла : современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павилёнис. — Москва : Мысль, 1983. — 286 с.
15. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2007. — 250 с.
16. Самдан З. Б. Символика времени и пространства в тувинской мифологии / З. Б. Самдан // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 6 (73). — С. 501—504.

17. Санчай Ч. Х. «Танец орла» — духовно-художественное наследие тувинского народа / Ч. Х. Санчай // Новые исследования Тувы : электронный информационный журнал. — 2014. — № 1. — С. 113—119.

18. Семаш А. Ю. Обыденное сознание и коммуникативные аспекты рекламы : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.01 / А. Ю. Семаш. — Санкт-Петербург, 2003. — 16 с.

19. Уфимцева Н. В. Языковая картина мира и ассоциативная лексикография / Н. В. Уфимцева, О. В. Балясникова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2019. — Т. 18. — № 1. — С. 6—22. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.1>.

20. Штернберг Л. Я. Культ орла у сибирских народов : Этюд по сравнительному фольклору / Л. Я. Штернберг. — Ленинград : Издательство академии наук СССР, 1925. — С. 717—740.

Статья поступила в редакцию 20.02.2023,
одобрена после рецензирования 14.04.2023,
подготовлена к публикации 24.04.2023.

Material resources

BTS — *A large explanatory dictionary of the Russian language*. (1998). St. Petersburg: Norint. 1534 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).

BTSRG — *A large explanatory dictionary of Russian verbs: more than 10,000 verbs. Ideographic description. Synonyms. Antonyms. English equivalents*. (2007). Moscow: AST-PRESS. 573 p. ISBN 978-5-462-00615-9. (In Russ.).

Fedorov, A. I. (2008). *Phraseological dictionary of the Russian literary language*. Moscow: Astrel: AST. 828 p. ISBN 978-5-17-049014-1. (In Russ.).

Shansky, N. M., Bobrova, T. A. (2001). *School etymological dictionary of the Russian language: the origin of words*. Moscow: Bustard. 399 p. ISBN 5-7107-8679-9. (In Russ.).

SOTRS — *Dictionary of everyday interpretations of Russian words. Dictionary of Nature: in 2 volumes, 1: A—M (APRICOT—ANT) (478 words-stimuli)*. (2012). Kemerovo: Kemerovo State University. 536 p. (In Russ.).

References

Birvish, M. (1981). Semantics. In: *New in foreign linguistics, 10*. Moscow: Progress. 177—198. (In Russ.).

Demyankov, V. Z. (1994). Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach. *Questions of linguistics, 4*: 17—33. (In Russ.).

Golev, N. D., Kim, L. G., Stevanovich, S. V. Multilingual dictionary of everyday semantics of bionyms as a source of comparative studies of the naive picture of the world of speakers of various languages. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2*: 29—35. (In Russ.).

Gura, A. V. (1997). *Animal symbolism in the Slavic folk tradition*. Moscow: Indrik. 912 p. (In Russ.).

Gusev, L. Yu. (1996). *Birds of Russian folklore: Linguistic research*. Kursk: Publishing House of Kursk Pedagogical University. 111 p. (In Russ.).

Kubryakova, E. S. (2004). *Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in*

- the knowledge of the world*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 560 p. ISBN 5-94457-174-8. (In Russ.).
- Lange-Soboleva, T. A. (2021). The problem of disclosure of the term “conceptualization” in modern linguistics. *Science and Education today*, 6 (65): 27—32. (In Russ.).
- Lebedeva, N. B., Rabenko, T. G. (2019). Everyday semantics of bionyms in Slavic and non-Slavic linguocultures (according to the results of the experiment). *Ru-sin*, 56: 226—241. DOI: 10.17223/18572685/56/14. (In Russ.).
- Ma Lishi. (2022). *Symbolization of ornithological images in the Russian linguoculture*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 19 p. (In Russ.).
- Maslova, V. A. (2018). Modern linguistics — the science of man, his consciousness, language and culture. *Humanitarian Vector*, 13 (1): 6—11. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-1-6-11. (In Russ.).
- Mosienko, M. K. (2014). “Everyday consciousness” and related terms. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*, 1: 249—252. (In Russ.).
- Ondar, I. O. (2016). *Genesis and transformation of Tuvan dance in Tuva culture*. Author’s abstract of PhD Diss. Krasnoyarsk. 24 p. (In Russ.).
- Pavlenis, R. I. (1983). *The problem of meaning: a modern logical and philosophical analysis of language*. Moscow: Mysl. 286 p. (In Russ.).
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Semantic and cognitive analysis of language*. Voronezh: Istoki. 250 p. (In Russ.).
- Samdan, Z. B. (2018). The symbolism of time and space in Tuvan mythology. *The world of science, culture, education*, 6 (73): 501—504. (In Russ.).
- Sanchai, Ch. Kh. (2014). “Eagle dance” — the spiritual and artistic heritage of the Tuvan people. *New studies of Tuva: electronic information journal*, 1: 113—119. (In Russ.).
- Semash, A. Yu. (2003). *Everyday consciousness and communicative aspects of advertising*. Author’s abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 16 p. (In Russ.).
- Sternberg, L. Ya. (1925). *The cult of the eagle among the Siberian peoples: An etude on comparative folklore*. Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 717—740. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V., Balyasnikova, O. V. (2019). Linguistic picture of the world and associative lexicography. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 18 (1): 6—22. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.1>. (In Russ.).
- Vorkachev, S. G. (2014). Linguocultural conceptology and its terminological system. *Political Linguistics*, 3 (49): 12—20. (In Russ.).

*The article was submitted 20.02.2023;
approved after reviewing 14.04.2023;
accepted for publication 24.04.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(3), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Сигал К. Я. Обособление присубстантивного инфинитива как явление синтаксиса и пунктуации / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 100—115. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-100-115.

Seagal, K. Ya. (2023). Separation of Sub-substantive Infinitive as a Phenomenon of Syntax and Punctuation. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 100-115. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-100-115. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-100-115

Обособление присубстантивного инфинитива как явление синтаксиса и пунктуации

Сигал Кирилл Яковлевич
orcid.org/0000-0001-9400-4587
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
отдел экспериментальных
исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Separation of Sub-substantive Infinitive as a Phenomenon of Syntax and Punctuation

Kirill Ya. Seagal
orcid.org/0000-0001-9400-4587
Doctor of Philology,
Chief Researcher
Department of Experimental
Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Сигал К. Я., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предлагается анализ такого явления письменной речи, как обособление инфинитива в присубстантивной позиции, с точки зрения синтаксиса и пунктуации. Материалом исследования является микрокорпус, составленный путем сплошной выборки из текстов русской художественной прозы второй половины XX — начала XXI веков. Актуальность исследования заключается в необходимости уточнения пунктуационной кодификации обособления присубстантивного инфинитива, появившейся в русской академической науке только в начале XXI века. Показано, что обособление присубстантивного инфинитива определяется его участием в выражении пояснительных отношений. Согласно наблюдениям автора, факторами, обуславливающими обособление инфинитива в присубстантивной позиции, являются эксплицитная реализация пояснительного союза, наличие катафорических слов в зоне поясняемого компонента, неспособность инфинитива образовать словосочетание с поясняемым субстантивным компонентом, восклицательный характер поясняющего компонента. Анализ речевых фактов приводит к выводу о том, что постановка знаков препинания при обособлении присубстантивного инфинитива ориентирована на коммуникативно-смысловой принцип пунктуации и что знаки препинания выполняют в этой пунктуационной позиции смыслодифференцирующую либо экспрессивно-смысловую функцию. Продемонстрировано, что обособленный присубстантивный инфинитив выделяется знаками «тире» или «двоеточие». При этом двоеточие тяготеет к контекстной специализации, а тире — к большей частотности употребления.

Ключевые слова:

синтаксис; пунктуация; присубстантивный инфинитив; пояснительная конструкция; коммуникативно-смысловой принцип пунктуации.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

An analysis of such a phenomenon of written speech as the separation of the infinitive in the sub-substantive position is proposed from the point of view of syntax and punctuation. As a material for the study, a microcorpus was used, compiled by a complete selection from the texts of Russian artistic prose of the second half of the 20th — beginning of the 21st centuries. The relevance of the study lies in the need to clarify the punctuation codification of the sub-substantive infinitive separation, which appeared in Russian academic science only at the beginning of the 21st century. It is shown that the separation of the sub-substantive infinitive is determined by its participation in the expression of explanatory relations. According to the author's observations, the factors that determine the separation of the infinitive in the sub-substantive position are the explicit implementation of the explanatory conjunction, the presence of cataphoric words in the zone of the explained component, the inability of the infinitive to form a phrase with the explained substantive component, the exclamatory nature of the explanatory component. The analysis of speech facts leads to the conclusion that the setting of punctuation marks when separating the sub-substantive infinitive is focused on the communicative-semantic principle of punctuation and that punctuation marks perform a meaning-distinguishing or expressive-semantic function in this punctuation position. It is shown that a separate sub-substantive infinitive is marked by "dashes" or "colons". At the same time, the colon tends toward contextual specialization, and the dash — toward greater frequency of use.

Key words:

syntax; punctuation; sub-substantive infinitive; explanatory construction; communicative-semantic principle of punctuation.

УДК 811.161.1'367.625.41

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Обособление присубстантивного инфинитива как явление синтаксиса и пунктуации

© Сигал К. Я., 2023

1. Введение = Introduction

Как уже отмечалось специалистами в области пунктуации, здесь «кодификация не всегда вовремя отражает существующую норму» [Шубина, 2006, с. 52]. Это приводит к образованию «лакун в правилах», «когда норма существует и в целом принимается всеми грамотными носителями языка, однако правила ее не учитывают» [Шмелев, 2021, с. 18]. Устранение подобных лакун в кодификации устойчивых тенденций в пунктуационном узусе (то есть в практике употребления знаков препинания) происходит тогда, когда не учтенные прежде пунктуационная позиция и реакция на нее определенным знаком препинания описываются как пунктуационная норма. Так, если в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 года обособление присубстантивного инфинитива как пунктуационное явление вовсе не отражено [Правила..., 1956], то в полном академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации», созданном в начале XXI века, эта лакуна устранена: обособлению присубстантивного инфинитива здесь посвящены полностью § 60 и частично § 82 [Правила..., 2014, с. 209—210; 223—224]. Представляется, что в данном случае кодификация пунктуационной нормы была вызвана более частым обращением пишущих к обособлению присубстантивного инфинитива во второй половине XX — начале XXI веков, в чем проявилась тенденция к смысловоразличительному и экспрессивно-смысловому употреблению знаков препинания.

В современных русских текстах присубстантивный инфинитив может употребляться как необособленный (без знаков препинания) и как обособленный, выделенный посредством тире или двоеточия. Ср.: *В пакете, который доставил офицер связи, был приказ корпусу срочно наступать* [Бк, с. 8]; *<...> живые люди здесь, в окопах, выполняли отданный им, Бессоновым, приказ — драться в любом положении до последнего патрона* *<...>* [Бон, с. 343]; *<...> он (Васков. — К. С.) туда Осянину поставил. С тем же приказом: мелькать, шуметь да костер палить* [Вас, с. 73]. Тот факт, что зависимые инфинитивы, относящиеся к одному и тому же в лексическом плане субстантивному компоненту, получают разное пун-

ситуационное оформление, означает, что реакция определенным знаком препинания на пунктуационную позицию присубстантивного инфинитива либо отсутствие таковой во многом обусловлены коммуникативно-смысловыми намерениями пишущих. Кроме того, об этом свидетельствует возможность переоформления пунктуационной позиции присубстантивного инфинитива: допустим, в первом примере приемлема также постановка тире или двоеточия. Ср.: *В пакете, который доставил офицер связи, был приказ корпусу — срочно наступать* и *В пакете, который доставил офицер связи, был приказ корпусу: срочно наступать*. Очевидно, что в своей пунктуационной деятельности пишущий должен отдать предпочтение обособленной либо необособленной форме присубстантивного инфинитива, а в случае обособления присубстантивного инфинитива — выбрать один из выделяющих знаков препинания: тире или двоеточие. Отсюда цель настоящей статьи — анализ обособления присубстантивного инфинитива как явления синтаксиса и пунктуации.

Актуальность исследования заключается, во-первых, в уточнении пунктуационной кодификации обособления присубстантивного инфинитива путем «сопоставления кодификации с реальным употреблением во всем его разнообразии» [Шварцкопф, 1988, с. 187]; во-вторых, в разъяснении семантики обособленного присубстантивного инфинитива (в сопоставлении с необособленным) и факторов, влияющих на обособление инфинитива в присубстантивной позиции; в-третьих, в установлении коммуникативно-смыслового принципа пунктуации, на который ориентировано обособление присубстантивного инфинитива.

Научная новизна статьи состоит в совмещении двух линий исследования: структурно-семантической характеристики обособления присубстантивного инфинитива и обнаружения коммуникативно-смысловых оснований для пунктуационного выделения обособленного присубстантивного инфинитива. Правомерность подобного подхода к изучению пунктограммы подтверждается достаточно давно известным в теории пунктуации положением о том, что «знаки препинания не фимиам для воскурения синтаксису, а служат какой-нибудь цели. Цель эта <...> может быть только одна — пояснить читателю мысль пишущего» [Житомирский, 1915, с. 197].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужил микрокорпус, состоящий из 150 предложений-высказываний, в которых имеются прежде всего обособленный присубстантивный инфинитив, а также присубстантивный инфинитив без обособления и синтаксические построения, сходные по семантике и / или по составу компонентов с конструкцией, включающей обосо-

бленный присубстантивный инфинитив. Этот микрокорпус был составлен путем сплошной выборки из текстов русской художественной прозы второй половины XX — начала XXI веков. В статье приведено ограниченное количество иллюстративных примеров, однако в микрокорпусе почти за каждым из них стоят десятки однотипных речевых фактов.

При исследовании обособления присубстантивного инфинитива в данной работе применялись такие методы, как структурно-семантический анализ, лингвистический эксперимент в виде различных трансформаций, соотнесение нормативного представления пунктограммы с пунктуационной практикой.

Стоит отметить, что в трудах по синтаксису и пунктуации проблему обособления присубстантивного инфинитива обычно затрагивают лишь попутно, иногда, впрочем, предлагая тонкие наблюдения над речевыми фактами (ср., например, [Варюшенкова, 2013, с. 31—34; Фурашов, 1984, с. 90—96] и особенно [Клюсов, 1975]). Вместе с тем некоторые имеющиеся обобщения, касающиеся обособления присубстантивного инфинитива, не могут быть верифицированы. В частности, утверждается, что «инфинитив в качестве определения отделяется от определяемого слова знаком “тире”, если определяемое слово уже имеет при себе определение» [Правила..., 2014, с. 210]. Однако это ограничение довольно искусственно. Ср.: <...> *как тогда выполнить задание — **перехватить** рокаду и **держаться** до последнего?* [Пр, с. 366]; *Старых слушал презрительно, как **ненастоящее**. В нем самом **нетерпение**: **рассказать*** [Бк, с. 259]. В обоих случаях обособленный инфинитив, маркированный, кстати говоря, не только знаком «тире», но и знаком «двоеточие», относится к субстантивному компоненту, не имеющему распространителей. Кроме того, здесь становится очевидно, что обособление присубстантивного инфинитива не зависит от того, представлен ли этот компонент инфинитивным оборотом либо отдельным инфинитивом. Поэтому-то при кодификации степень распространенности обособленного присубстантивного инфинитива можно вовсе не оговаривать (ср., однако, [Правила..., 2014, с. 210]).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Обособление присубстантивного инфинитива: синтаксический аспект

Вне сферы обособления присубстантивный инфинитив употребляется в качестве зависимого компонента словосочетания. Так, например, в словосочетании *наука отступать* присубстантивный инфинитив, связанный с главным компонентом посредством примыкания, реализует его атрибутивную валентность и тем самым участвует в выражении атрибутивных

отношений. При этом такого рода инфинитив является «особым членом предложения; отождествление его с определением <...> носит неграмматический характер» [Панов, 2007, с. 146]. При возникновении потребности в пояснении определяемого осуществляется интонационный разрыв субстантивно-инфинитивного словосочетания, то есть перестройка его на основе синтаксической формы обособления. Ср.: *Всем троим, по-видимому, чужда была великая наука — отступать* [Вл, с. 379]. Пояснительные отношения маркируются здесь выделительным знаком препинания — тире.

В субстантивно-инфинитивном словосочетании имеются предпосылки обособления его зависимого компонента с целью выражения пояснительных отношений. Во-первых, в инфинитиве присутствует субстантивное начало, допускающее его примыкание к субстантивному компоненту; для выражения же пояснительных отношений необходима категориально-семантическая однопорядковость поясняемого и поясняющего компонентов. Во-вторых, присубстантивный инфинитив обладает «строго фиксированной постпозицией» [Фурашов, 1984, с. 91], что позволяет интонационно отчленять его уже как поясняющий компонент, придавая ему коммуникативную значимость, «выделяя его в качестве единицы повышенной информативности» [Пономаренко, 1999, с. 35]. В-третьих, инфинитивный атрибут «всегда изъясняет (раскрывает) свернутый событийный характер содержания того или иного члена предложения» [Шелякин, 2011, с. 72]. В связи с этим нужно отметить, что далеко не каждому обособленному присубстантивному инфинитиву и поясняемому им компоненту может быть приведено в соответствие субстантивно-инфинитивное словосочетание. Ср.: — *Лодка в порядке, — сказал Лешка майору Зарубину. — Остался пустяк — переплыть реку* [Ас, с. 345] и **пустяк переплыть*.

«Пояснение как конструкция, — пишет А. Ф. Прияткина, — это особый тип ряда, состоящий из двух параллельных членов. Члены, связанные пояснительными отношениями, параллельно, независимо друг от друга, отнесены к общему для них третьему члену» [Прияткина, 2019, с. 65]. Ср.: *Передали команду: соблюдать тишину* <...> [Пр, с. 280] → *Передали команду и Передали соблюдать тишину*. Подобный параллелизм (как синтаксическая связь) может «преодолеваться» вследствие грамматической разнотипности поясняемого и поясняющего компонентов при обособлении присубстантивного инфинитива. Ср.: *А потом был обций фант: станцевать вальс* <...> [Вас, с. 27]. Здесь на первый план выходят взаимосвязь при пояснении присубстантивного инфинитива и субстантивного компонента, к которому тот относится (особенно при материально выраженном пояснительном союзе *а именно*), и примыкание, преобразованное за счет интонационного выделения инфинитива в присубстантивной позиции.

Однако в обоих случаях пояснительные отношения могут быть трансформированы в конструкцию тождества (с обратным порядком компонентов). Ср.: *Соблюдать тишину* — команда и *Станцевать вальс* — общий фант.

Хорошо известно, что «присубстантивные инфинитивы чаще всего обособляются при существительных, соотносительных по значению с глаголами речевого акта, мысли, чувства, воли, и при существительных со значением цели» [Клюсов, 1975, с. 77]. Ср.: *Старшина из взвода охраны разбудил его* (гвардии лейтенанта Блинова. — К. С.) *в половине шестого утра и передал приказание* Алехина: немедленно **явиться** к подполковнику Полякову [Богм, с. 213]; *Нет, она* (Вера. — К. С.) *не могла погасить в себе радости* — **увидеть** своего за столько дней непосильной работы и издевательств охранников [Пр, с. 293]; *Его* (Зыкова. — К. С.) *и хватило-то на решение лишь единственной дерзкой задачи* — <...> **назвать** новорожденную девку именем Нелли [Ас, с. 574]. Наряду с ними следует отметить обособление инфинитива при субстантиватах, а также при местоимениях типа *одно, другое*, которые либо согласуются с субстантивным компонентом, к которому относится обособленный инфинитив, либо субстантивируются. Ср.: <...> *снова требуют* пленные **исполнить обещанное** командованием — **переправить** их на другую сторону реки <...> [Там же, с. 633]; <...> *в нем* (в Рогове. — К. С.) *осталось жить лишь одно желание*, заглушившее все остальное, — **идти и увидеть** все самому <...> [Пр, с. 160]; *Безусловно, каждый из этих тысяч мечтал только об одном: поймать!*.. [Богм, с. 443].

Применительно к необособленному присубстантивному инфинитиву было установлено, что он может относиться как к автосемантическому, так и к синсемантическому существительному [Фурашов, 1984, с. 90—91]. Характерно, что присубстантивный инфинитив способен обособляться при существительных обоих семантических типов. Ср.: *Иосиф Швейк изобрел выход* из любого затруднения солдатской жизни — **становиться придурком, швейковаться** [Гр, с. 133] и *Иосиф Швейк изобрел выход* из любого затруднения солдатской жизни <...>; *А Мамурина стегало безутишное, как зубная боль, стремление* — **оправдаться** перед партией и правительством [Сол, с. 67—68] и **А Мамурина стегало безутишное, как зубная боль, стремление* <...>. Однако исключительно при автосемантическом существительном обособленный присубстантивный инфинитив приобретает присоединительный оттенок значения, поскольку «присоединенный член может быть только после той части высказывания, которая имеет собственную рему» [Прияткина, 2019, с. 154—155].

Вообще говоря, обособление присубстантивного инфинитива зависит большей частью не от семантических ограничений на субстантивный ком-

понент, к которому тот относится, а от намерения структурировать пояснительные отношения так, чтобы посредством обособленного инфинитива были актуализированы «“действенные” проявления» [Клюсов, 1975, с. 78] той или иной предметной сущности. Ср.: *Впрочем, то был **стиль** не одного Терещенко, но установившийся уже во всей армии — **говорить** о противниках так по-солдатски насмешливо <...>* [Вл, с. 188]; *Было намечено одно общее **дело** — **подать** заявление о регистрации брака во Дворец бракосочетания* [Ул, с. 350]. То же самое можно сказать о субстантивном компоненте фразеологического сочетания, к которому относится обособленный инфинитив. Ср.: *«Бедняга, — **подумал он** (Грюнтер. — К. С.) без всякого сожаления. — <...> Ты неплохой парень, есть много хуже тебя, но такая, видно, тебе выпала **карта** — **дежурить** со мной в паре <...>»* [Пр, с. 212]. Показательно, что от данных пояснительных конструкций невозможно перейти к субстантивно-инфинитивным словосочетаниям (**стиль говорить, *дело подать, *карта дежурить*), так как развертка этих пояснительных конструкций происходит непосредственно при создании высказывания по модели либо по образцу употребления обособленного инфинитива в присубстантивной позиции.

При том, что пишущий, реализуя свою установку на атрибутивную либо на пояснительную конкретизацию посредством инфинитива, в какой-то мере волен предпочесть его необособленный или обособленный статус, имеются факторы (или условия), которые приводят к обособлению инфинитива в присубстантивной позиции. Во-первых, наличие пояснительного союза *а именно*, однозначно указывающего на пояснительные отношения между существительным и зависимым от него инфинитивом и, соответственно, на отдельную пояснительную пропозицию. Ср.: *Майор Шикин наставительно просит остальных девушек, увидевших падение подружки, <...> оказать ей товарищескую **помощь, а именно**: откровенно **сообщить** майору Шикину о произошедшем* [Сол, с. 39]. При опущении пояснительного союза (кстати, более характерном для узуса) обособление присубстантивного инфинитива стимулируется осознанием того, что пояснительный союз мог бы быть употреблен «без ущерба для смысла» [Розенталь, 1996, с. 150]. Ср.: — <...> *В его (Фауста. — К. С.) дважды старческом мозгу, для циничного Мефистофеля затемненном и безумном, засверкала великая **идея** — **осчастливить** человечество* [Сол, с. 47] и <...> *засверкала великая **идея** — **а именно осчастливить** человечество.*

Во-вторых, обособлению присубстантивного инфинитива способствуют катафорические слова (субстантиваты и согласуемые распространители), находящиеся в зоне поясняемого компонента. Ср.: *Одного он (Щербатов. — К. С.) не мог только: **защитить** от неминуемого свою семью*

[Бк, с. 97]; *Ссылались на такую причину — не вызывать ответный огонь на себя* [Гр, с. 135]. При катафорических словах основная информационно-смысловая нагрузка в высказывании ложится на присубстантивный инфинитив с зависимыми словами. Ср.: **Одного он не мог только <...>, *Ссылались на такую причину <...>*. В-третьих, обособление необходимо тогда, когда инфинитив не образует словосочетания с поясняемым субстантивным компонентом. Ср.: *Министр Госбезопасности еще бы не знал, еще бы сам не употреблял этот простейший следовательский прием: **встречать** вошедшего недоброжелательным молчанием* [Сол, с. 151] и **прием **встречать***. В-четвертых, «обособление становится обязательным, если инфинитив отличается от повествовательного строя предшествующей части предложения своей восклицательной интонацией» [Клюсов, 1975, с. 78]. Ср.: *Так или нет, но съездил Горяинов в Москву и привез **указание: этого не трогать!*** [Сол, с. 59].

Как правило, в линейной структуре высказывания обособленный присубстантивный инфинитив размещается в финальной части, что указывает на «усиленное смысловое и эмоциональное обособление» [Бурак, 2010, с. 117] инфинитива как поясняющего компонента. При перемещении такого рода инфинитива в интерпозицию поясняющий компонент приобретает семантический (и, безусловно, интонационный) оттенок вставки. Например: *В камере **предложение** Опрядкина — все **валить** на покойного маршала — **встретили по-разному*** [Вл, с. 360]. Это подтверждается допустимостью замены знака препинания «двойное тире», постановка которого вызвана интерпозицией обособленного присубстантивного инфинитива, на скобки. Ср.: *В камере **предложение** Опрядкина (все **валить** на покойного маршала) **встретили по-разному***.

3.2. Обособление присубстантивного инфинитива: пунктуационный аспект

Функциональное предназначение знаков препинания (тире или двоеточия), маркирующих обособление присубстантивного инфинитива, зависит прежде всего от сводимости либо несводимости присубстантивного инфинитива и опорного для него субстантивного компонента к словосочетанию. При сводимости к словосочетанию пунктуационное маркирование выполняет смыслоразличительную функцию, при которой знак препинания оказывается «своеобразным сигналом смысла — необходимого и достаточного для передачи замысла автора» [Валгина, 2004, с. 148]. Так, в высказывании *<...> вот даже такая **привычка** Трофимова — **думать**, наклонив голову, ставилась ему в вину* [Пр, с. 173] только благодаря знаку «тире» выражаются не атрибутивные отношения, свойственные словосочетанию *привычка думать*, а пояснительные. Тот факт, что смысловая

интенция, приводящая к смыслоразлительному употреблению знака препинания, принадлежит конкретному пишущему, не превращает это пунктуационное средство в авторский знак. Дело в том, что разные авторы при необходимости передать пояснительные отношения в том же лексико-грамматическом контексте, который допускает выражение атрибутивных отношений, демонстрируют одинаковое пунктуационное поведение.

При несводимости к словосочетанию пунктуационное выделение обособленного присубстантивного инфинитива выполняет экспрессивно-смысловую функцию, состоящую в акцентировании семантики пояснительной конструкции. В частности, в высказывании *Оськин хотел проявить **находчивость и дерзость**: еще во время артподготовки **двинуть** свою роту вслед за первым батальоном полка Бескапустина <...>* [Ас, с. 375] знак «двоеточие» указывает не на предпочтение пояснительных отношений атрибутивным (ср.: **находчивость и дерзость двинуть*), а на выразительность передачи пояснительных отношений. В основе экспрессивно-смысловой функции — обязательность маркирования пунктуационной позиции между опорным и поясняющим компонентами посредством знака препинания [Пономаренко, 1999, с. 36]. Важно отметить, что экспрессивно-смысловая функция знаков препинания обнаруживается всякий раз, когда при развертке высказывания действуют и другие факторы, влияющие на обособление инфинитива в присубстантивной позиции: материальная выраженность пояснительного союза, наличие катафорических слов в зоне поясняемого компонента, восклицательный характер поясняющего компонента.

Смыслоразличительная и экспрессивно-смысловая функции присущи знакам препинания, обслуживающим обособление присубстантивного инфинитива, по той причине, что детерминантой пунктуационной деятельности в данном случае является коммуникативно-смысловой принцип пунктуации. Такое терминологическое обозначение объясняется тем, что в пунктуации «коммуникативный фактор можно интерпретировать как широко понятый смысловой. Практически это единый принцип, противопоставленный формально-синтаксическому <...>» [Прияткина, 2007, с. 378]. Коммуникативно-смысловой принцип пунктуации обеспечивает «осознанное и целенаправленное оформление письменной речи — с как можно более глубоким проникновением в ее содержание и чувством ответственности при стремлении донести нужную информацию до адресата без потерь» [Там же, с. 381]. В рамках обособления присубстантивного инфинитива коммуникативно-смысловой принцип пунктуации обуславливает маркирование посредством тире либо двоеточия пояснительных отношений и информационного фокуса, в который попадает поясняющий (инфинитивный) компонент в финальной части высказывания. Реализация коммуни-

кативно-смыслового принципа пунктуации основана здесь на семиотическом замещении пояснительной (по-другому, предупредительной) паузы, а точнее — ее акустического образа во внутренней речи, выделительным знаком препинания (ср. в связи с этим идею У. Чейфа о «прислушивании к внутреннему голосу (listening to the inner voice itself)» в процессе оперирования пунктуацией [Chafe, 1988, p. 53]).

В современном пунктуационном узусе обособленный присубстантивный инфинитив оформляется только двумя выделительными знаками препинания: тире и двоеточием. Употребление именно тире и двоеточия определяется их знаковой сущностью, системной значимостью этих «метаязыковых семасиограмм», «отражающих смысловые и синтаксические отношения» [Зиндер, 1987, с. 73]. При пояснении с обособленным присубстантивным инфинитивом, размещенным в финальной части высказывания, тире используется потому, что оно маркирует отсутствие связки в инфинитивно-номинативных предложениях тождества, в которые могут быть преобразованы пояснительные конструкции с подобным лексико-грамматическим составом, и обычно заменяет запятую в случае постановки обособленной конструкции, в том числе пояснительной, в конце высказывания; двоеточие же — потому, что ему присуще маркировать пояснительные отношения в бессоюзных сложных предложениях. Пишущие чаще отдают предпочтение тире, чем двоеточию. При этом стоит заметить, что «двоеточие — специфический знак выделения обособленного инфинитива, почти не встречающийся» при других прецедентах обособления [Клюсов, 1975, с. 79].

Особого комментария здесь требует отнесение тире и двоеточия как маркеров обособленного присубстантивного инфинитива, размещенного в финальной части высказывания, к выделительным знакам препинания: ведь по своей функции в пунктуационной системе двоеточие и одиночное тире являются разделительными знаками препинания. На самом деле в данной пунктуационной позиции представлен левый элемент двойного тире, то есть собственно выделительного знака препинания. Правый же его элемент поглощен конечным знаком препинания (точкой, восклицательным знаком и т. д.). Двоеточие приобретает выделительную функцию благодаря самой пунктуационной позиции и допустимости замены на элемент двойного тире. Выступая в выделительной функции, двоеточие увеличивает свои выразительные возможности в пунктуационном маркировании.

Тире и двоеточие, применяемые при обособлении присубстантивного инфинитива, являются почти свободными пунктуационными вариантами. Ср. разные знаки препинания в контактных репликах художественного диалога: — <...> У меня же одна **забота**: скорее бы **умереть**. — Грех это, юноша, очень большой **грех** — **желать** себе смерти [Ас, с. 413]. В данном

случае без особых смысловых потерь вместо двоеточия можно было бы поставить тире, и наоборот. Правда, такая свободная вариантность знаков препинания имеет место далеко не всегда. Например, двоеточие заметно преобладает при употреблении катафорических слов в зоне поясняемого компонента. Ср.: *Комендант хотел что-то придумать, что-то немедленно решить, но в голове было отчаянно пусто, и только **одно** годами воспитанное **желание** назойливо тревожило: **доложить** [Вас, с. 67]; **Одно** оставалось: к болотам **отходить** [Там же, с. 119].* Приоритет двоеточия связан в подобных структурах со способностью этого знака препинания служить маркером изъяснительного смысла, указывающим на содержательное раскрытие семантически опустошенного поясняемого компонента. Кроме того, функциональное сближение с тире придает здесь двоеточию способность выражать «более подчеркнутое пояснение» [Правила..., 2014, с. 224].

Пунктуационное оформление обособленного инфинитива в присубстантивной позиции существенно с точки зрения «пунктуационной аналогии» [Блинов, 1990, с. 79], проявляющейся в постановке одинаковых знаков препинания в конструкциях, сходных по семантике и / или по составу компонентов. Во-первых, пунктуационная аналогия представлена в пояснительных конструкциях, образованных либо существительными в тождественных падежных формах (в особенности с девербативом в функции поясняющего компонента), либо присвязочными компонентами в форме инфинитива. Ср.: *Вероятно, он (Кобрисов. — К. С.) занимался самым бесполезным **делом** — **планированием** прошлого <...> [Вл, с. 182]; Не надо было **играть в деревянные лошадки** — **призывать** этого олуха Попивода и **обсуждать** с ним фельетоны против Тито [Сол, с. 155].* Во-вторых, пунктуационная аналогия имеется при обособлении инфинитива, не находящегося в присубстантивной позиции. Ср., например, выделение инфинитивного обстоятельства цели посредством тире: *Все ходячие **опять потянулись к столу** — **смотреть** [Бк, с. 342].*

4. Заключение = Conclusions

В заключение обобщим те сведения, которые были получены при анализе обособления присубстантивного инфинитива в синтаксическом и пунктуационном аспектах.

Необособленный и обособленный инфинитив в присубстантивной позиции представляет разные синтаксические формы, призванные активировать атрибутивные и пояснительные отношения соответственно. Несмотря на то, что обособление присубстантивного инфинитива вызвано обычно пояснительной интенцией, при развертке высказывания действуют факторы, с неизбежностью ведущие к такому обособлению.

Постановка знаков препинания при обособлении присубстантивно-го инфинитива определяется коммуникативно-смысловым принципом пунктуации, требующим смысловой обусловленности пунктуационного маркирования. В зависимости от сводимости либо несводимости обособленного присубстантивного инфинитива и опорного для него субстантивного компонента к словосочетанию знаки препинания выполняют разные функции: смысловоразличительную либо экспрессивно-смысловую. При обособлении присубстантивного инфинитива пунктуация обеспечивает маркирование пояснительных отношений и вместе с тем информационного фокуса, который создается интонационным отрывом поясняющего (инфинитивного) компонента в конце высказывания.

Для пунктуационного маркирования обособленного присубстантивно-го инфинитива используются два знака препинания: тире (точнее — левый элемент двойного тире) и двоеточие, реализующие выделительную функцию. В данной пунктуационной позиции тире и двоеточие обычно взаимозаменяемы, хотя в отдельных ее контекстных вариациях (например, при употреблении катафорических слов в зоне поясняемого компонента) предпочитается двоеточие. Однако, как и на других участках русской пунктуационной системы, более продуктивным при обособлении присубстантивного инфинитива оказывается тире.

**Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.**

**The author declares no conflicts
of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. Ас — *Астафьев В. П.* Прокляты и убиты / В. П. Астафьев. — Москва : Эксмо, 2020. — 736 с. — ISBN 978-5-699-78673-2.
2. Бк — *Бакланов Г. Я.* Навеки девятнадцатилетние / Г. Я. Бакланов. — Москва : Вече, 2020. — 352 с. — ISBN 978-5-4484-1945-4.
3. Богм — *Богомолов В. О.* Момент истины (В августе сорок четвертого...) / В. О. Богомолов. — Москва : Детская литература, 2013. — 525 с. — ISBN 978-5-08-004994-1.
4. Бон — *Бондарев Ю. В.* Горячий снег / Ю. В. Бондарев. — Москва : Вече, 2020. — 352 с. — ISBN 978-5-4484-1631-6.
5. Вас — *Васильев Б. Л.* А зори здесь тихие... ; В списках не значился / Б. Л. Васильев. — Москва : Детская литература, 2015. — 393 с. — ISBN 978-5-08-005366-5.
6. Вл — *Владимов Г. Н.* Генерал и его армия / Г. Н. Владимов. — Москва : Время, 2016. — 576 с. — ISBN 978-5-9691-1433-3.
7. Гр — *Гранин Д. А.* Мой лейтенант / Д. А. Гранин. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2020. — 254 с. — ISBN 978-5-222-32061-7.
8. Пр — *Проскурин П. Л.* Исход / П. Л. Проскурин. — Москва : Вече, 2019. — 448 с. — ISBN 978-5-4484-0701-7.
9. Сол — *Солженицын А. И.* Собрание сочинений : В 9 тт. : В круге первом / А. И. Солженицын. — Москва : ТЕРРА, 1999. — Т. 2. — 830 с. — ISBN 5-300-02806-1.

10. Ул — Улицкая Л. Е. Зеленый шатер : в 2 тт. / Л. Е. Улицкая. — Москва : Эксмо, 2011. — Т. 2. — 384 с. — ISBN 978-5-699-52305-1.

Литература

1. Блинов Г. И. Методика изучения пунктуации в школе. 2-е изд. / Г. И. Блинов. — Москва : Просвещение, 1990. — 208 с. — ISBN 5-09-001105-2.
2. Бурак І. Л. Вызначэнне канструкцый з узмоцненым адасабленнем / І. Л. Бурак // Беларуская лінгвістыка. — Мінск : Беларуская навука, 2010. — Выпуск 65. — С. 116—119.
3. Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации / Н. С. Валгина. — Москва : Высшая школа, 2004. — 259 с. — ISBN 5-06-004937-X.
4. Варюшенкова Е. Н. Синтаксические функции присущестительного инфинитива в предложении / Е. Н. Варюшенкова. — Владимир : ВлГУ, 2013. — 128 с. — ISBN 978-5-9984-0321-7.
5. Житомирский К. Г. Молох XX века : (Правописание) / К. Г. Житомирский. — Москва : Труд, 1915. — 258 с.
6. Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма / Л. Р. Зиндер. — Ленинград : Наука, 1987. — 109 с.
7. Ключев Г. Н. Обособление инфинитивов / Г. Н. Ключев // Русский язык в школе. — 1975. — № 1. — С. 74—79.
8. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку / М. В. Панов. — Москва : Языки славянской культуры, 2007. — Т. 2. — 848 с. — ISBN 5-9551-0190-X.
9. Пономаренко Е. В. Пояснение как языковая единица : (К вопросу о функциональных связях дискурса) / Е. В. Пономаренко. — Москва : Академия ФПС России, 1999. — 144 с.
10. Правила русской орфографии и пунктуации. — Москва : Учпедгиз, 1956. — 176 с.
11. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. — 432 с. — ISBN 978-5-462-00930-3.
12. Прияткина А. Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции) : Избранные труды / А. Ф. Прияткина. — Владивосток : ДВГУ, 2007. — 388 с. — ISBN 978-5-7444-1940-0.
13. Прияткина А. Ф. Русский язык : Синтаксис осложненного предложения. 2-е изд. / А. Ф. Прияткина. — Москва : ФЛИНТА, 2019. — 180 с. — ISBN 978-5-9765-3995-2.
14. Розенталь Д. Э. Справочник по орфографии и пунктуации / Д. Э. Розенталь. — Москва : СТОЛЕТИЕ, 1996. — 368 с. — ISBN 5-7459-0077-6.
15. Фурашов В. И. Несогласованные определения в современном русском языке / В. И. Фурашов. — Москва : МГПИ им. В. И. Ленина, 1984. — 113 с.
16. Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация : система и ее функционирование / Б. С. Шварцкопф. — Москва : Наука, 1988. — 192 с. — ISBN 5-02-010873-1.
17. Шелякин М. А. Русский инфинитив (морфология и функции). 2-е изд. / М. А. Шелякин. — Москва : ФЛИНТА ; Наука, 2011. — 160 с. — ISBN 978-5-89349-869-1.
18. Шмелев А. Д. Вопросы пунктуации в работе Орфографической комиссии Российской академии наук : лингвистические основы кодификации / А. Д. Шмелев // Язык и метод — 7. Русская пунктуация в коммуникативном аспекте. — Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2021. — С. 15—21. — ISBN 978-83-233-5023-1.

19. Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка / Н. Л. Шубина. — Москва : Издательский центр «Академия», 2006. — 256 с. — ISBN 5-7695-2881-8.

20. Chafe W. Punctuation / W. Chafe // Proceedings of the 22nd Annual Mid-America Linguistics Conference. — Kansas : University of Kansas, 1988. — Pp. 34—55.

Статья поступила в редакцию 19.10.2022,
одобрена после рецензирования 29.03.2023,
подготовлена к публикации 17.04.2023.

Material resources

- As — Astafyev, V. P. (2020). *Cursed and killed*. Moscow: Eksmo. 736 p. ISBN 978-5-699-78673-2. (In Russ.).
- Bk — Baklanov, G. Ya. (2020). *Forever nineteen-year-olds*. Moscow: Veche. 352 p. ISBN 978-5-4484-1945-4. (In Russ.).
- Bogm — Bogomolov, V. O. (2013). *The Moment of Truth (In August of the forty-fourth ...)*. Moscow: Children's Literature. 525 p. ISBN 978-5-08-004994-1. (In Russ.).
- Bon — Bondarev, Yu. V. (2020). *Hot snow*. Moscow: Veche. 352 p. ISBN 978-5-4484-1631-6. (In Russ.).
- Gr — Granin, D. A. (2020). *My lieutenant*. Rostov-on-Don: Phoenix. 254 p. ISBN 978-5-222-32061-7. (In Russ.).
- Pr — Proskurin, P. L. (2019). *Exodus*. Moscow: Veche. 448 p. ISBN 978-5-4484-0701-7. (In Russ.).
- Sol — Solzhenitsyn, A. I. (1999). *Collected works: In 9 tt, 2.: In the first circle*. Moscow: TERRA. 830 p. ISBN 5-300-02806-1. (In Russ.).
- Ul — Ulitskaya, L. E. (2011). *Green tent: in 2 tt., 2*. Moscow: Eksmo. 384 p. ISBN 978-5-699-52305-1. (In Russ.).
- Vas — Vasiliev, B. L. (2015). *And the dawns are quiet here ...; The lists did not include*. Moscow: Children's Literature. 393 p. ISBN 978-5-08-005366-5. (In Russ.).
- Vl — Vladimov, G. N. (2016). *General and his army*. Moscow: Vremya. 576 p. ISBN 978-5-9691-1433-3. (In Russ.).

References

- Blinov, G. I. (1990). *Methods of studying punctuation at school. 2nd ed.* Moscow: Prosveshchenie. 208 p. ISBN 5-09-001105-2. (In Russ.).
- Burak, I. L. (2010). Definition of constructions with reinforced separation. In: *Belarusian linguistics*, 65. Minsk: Belorusskaya Navuka. 116—119. (In Belar.).
- Chafe, W. (1988). Punctuation. In: *Proceedings of the 22nd Annual Mid-America Linguistics Conference*. Kansas: University of Kansas. 34—55.
- Furashov, V. I. (1984). *Unagreed attributes in modern Russian*. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute named after V. I. Lenin. 113 p. (In Russ.).
- Klyusov, G. N. (1975). Separation of infinitives. *Russian language at school*, 1: 74—79. (In Russ.).
- Panov, M. V. (2007). *Works on general linguistics and the Russian language, 2*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 848 p. ISBN 5-9551-0190-X. (In Russ.).
- Ponomarenko, E. V. (1999). *Explanation as a linguistic unit: (On the question of functional connections of discourse)*. Moscow: Academy of FPS of Russia. 144 p. (In Russ.).

- Priyatkina, A. F. (2007). *Russian syntax in grammatical aspect (syntactic connections and constructions): Selected works*. Vladivostok: DVSU. 388 p. ISBN 978-5-7444-1940-0. (In Russ.).
- Priyatkina, A. F. (2019). *Russian language: Syntax of a complicated sentence. 2nd ed.* Moscow: FLINT. 180 p. ISBN 978-5-9765-3995-2. (In Russ.).
- Rosenthal, D. E. (1996). *Handbook of Spelling and Punctuation*. Moscow: CENTURY. 368 p. ISBN 5-7459-0077-6. (In Russ.).
- Rules of Russian spelling and punctuation*. (1956). Moscow: Uchpedgiz. 176 p. (In Russ.).
- Rules of Russian spelling and punctuation. Complete Academic Reference*. (2014). Moscow: AST-PRESS BOOK. 432 p. ISBN 978-5-462-00930-3. (In Russ.).
- Schwarzkopf, B. S. (1988). *Modern Russian punctuation: the system and its functioning*. Moscow: Nauka. 192 p. ISBN 5-02-010873-1. (In Russ.).
- Shelyakin, M. A. (2011). *Russian infinitive (morphology and functions). 2nd ed.* Moscow: FLINT; Nauka. 160 p. ISBN 978-5-89349-869-1. (In Russ.).
- Shmelev, A. D. (2021). Questions of punctuation in the work of the Spelling Commission of the Russian Academy of Sciences: linguistic foundations of codification. In: *Language and method — 7. Russian punctuation in the communicative aspect*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. 15—21. ISBN 978-83-233-5023-1. (In Russ.).
- Shubina, N. L. (2006). *Punctuation of the modern Russian language*. Moscow: Publishing Center “Academy”. 256 p. ISBN 5-7695-2881-8. (In Russ.).
- Valgina, N. S. (2004). Actual problems of modern Russian punctuation. Moscow: Higher School. 259 p. ISBN 5-06-004937-X. (In Russ.).
- Varyushenkova, E. N. (2013). *Syntactic functions of a sub-substantive infinitive in a sentence*. Vladimir: VISU. 128 p. ISBN 978-5-9984-0321-7. (In Russ.).
- Zhytomyrskiy, K. G. (1915). *Moloch of the XX century: (Spelling)*. Moscow: Trud. 258 p. (In Russ.).
- Zinder, L. R. (1987). *An essay on the general theory of writing*. Leningrad: Nauka. 109 p. (In Russ.).

*The article was submitted 19.10.2022;
approved after reviewing 29.03.2023;
accepted for publication 17.04.2023.*

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Екатерина Андреевна Никонова, канд. филол. наук (Москва)

Елена Юрьевна Ильинова, д-р филол. наук (Волгоград)

Лариса Анатольевна Кочетова, д-р филол. наук (Волгоград)

Лариса Николаевна Ребрина, д-р филол. наук (Волгоград)

Ольга Юрьевна Гукосьянц, канд. филол. наук (Пятигорск)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(3), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Гукосьянц О. Ю. Реализация речевых тактик стратегии убеждения в виртуальной коммуникации периода пандемии COVID-19 : коммуникативные ходы / О. Ю. Гукосьянц // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 117—133. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-117-133.

Gukosyants, O. Yu. (2023). Implementation of Speech Tactics of Persuasion Strategy in Virtual Communication during COVID-19 Pandemic: Communication Moves. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 117-133. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-117-133. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-117-133

Реализация речевых тактик стратегии убеждения в виртуальной коммуникации периода пандемии COVID-19: коммуникативные ходы

Гукосьянц Ольга Юрьевна

orcid.org/0000-0001-7879-8436

кандидат филологических наук, доцент
кафедры западноевропейских
языков и культур
gukosjants@mail.ru

Пятигорский
государственный университет
(Пятигорск, Россия)

Благодарности:

Публикация подготовлена в рамках
проекта МК-1675.2022.2 (Комплексное
прагматингвистическое исследование
механизмов провоцирования
и предотвращения возникновения
и развития конфликтных ситуаций
в виртуальной среде в условиях пандемии)
по гранту Президента
Российской Федерации

Implementation of Speech Tactics of Persuasion Strategy in Virtual Communication during COVID-19 Pandemic: Communication Moves

Olga Yu. Gukosyants

orcid.org/0000-0001-7879-8436

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Western European
Languages and Cultures
gukosjants@mail.ru

Pyatigorsk State University
(Pyatigorsk, Russia)

Acknowledgments:

The publication was prepared as part
of the project MK-1675.2022.2
(Comprehensive pragmalinguistic study
of the mechanisms for provoking and
preventing the emergence and
development of conflict situations
in a virtual environment during a pandemic)
under a grant from the President
of the Russian Federation

© Гукосьянц О. Ю., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируются коммуникативные ходы, посредством которых осуществляются тактики, реализующие стратегию убеждения: тактика ссылка на авторитет, тактика рассуждения / уговора и тактика негативного сценария. Исследование проведено на материале более 150 веток комментариев к постам в Живом Журнале, представляющих собой примеры осуществления указанных тактик, опубликованных в период пандемии COVID-19 и отобранных методом сплошной выборки. Основными методами исследования явились методы лингвостилистического, прагмалингвистического и контекстуального анализа, описательный и сопоставительный методы. Сделано заключение, что тактике ссылки на авторитет свойственны коммуникативный ход упоминания авторитетного лица, коммуникативный ход уточнения, демонстрации собственной осведомленности, коммуникативный ход сравнения / сопоставления; тактика рассуждения / уговора достигалась посредством применения коммуникативного хода демонстрации неопровержимости заключений, коммуникативного хода выражения предположения; тактика негативного сценария воплощалась в коммуникативных ходах обманутого ожидания и предсказания апокалипсиса.

Ключевые слова:

интернет-опосредованная коммуникация; коммуникативный ход; коммуникативная стратегия убеждения; речевая тактика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The communicative moves are analyzed, through which tactics of persuasion strategy are implemented: the tactics of referring to authority, the tactics of reasoning / persuasion and the tactics of a negative scenario. The study was conducted on the material of more than 150 threads of comments on LiveJournal posts, which are examples of the implementation of these tactics, published during the COVID-19 pandemic and selected by a continuous sample. The main research methods were the methods of linguo-stylistic, pragmalinguistic and contextual analysis, descriptive and comparative methods. It is concluded that the tactics of referring to authority are characterized by a communicative course of mentioning an authoritative person, a communicative course of clarification, demonstration of one's own awareness, a communicative course of comparison / alignment; the tactics of reasoning / persuasion was achieved through the use of a communicative course of demonstrating the irrefutability of conclusions, a communicative course of expressing an assumption; the tactics of the negative scenario were embodied in the communicative moves of deceived expectations and the prediction of the apocalypse.

Key words:

Internet-mediated communication; communication move; communicative strategy of persuasion; speech tactics.

Реализация речевых тактик стратегии убеждения в виртуальной коммуникации периода пандемии COVID-19: коммуникативные ходы

© Гукосьянец О. Ю., 2023

1. Введение = Introduction

В контексте современных лингвистических изысканий, посвященных манипулятивным возможностям, предоставляемым виртуальным пространством как средой осуществления коммуникации, актуальным видится рассмотрение реализации коммуникативных стратегий и тактик коммуниканта-манипулятора через описание совокупности применяемых им коммуникативных ходов и указание характерных языковых особенностей.

Исследование агрессивных конфликтных сообщений, представляющих собой комментарии к постам в Живом Журнале, опубликованным в период пандемии COVID-19, позволило в качестве одной из наблюдаемых авторских интенций вычленить манипуляцию, заключающуюся в скрытом воздействии на сознание пользователей посредством обоснования продвигаемой позиции или возбуждения коллективной ненависти с целью создания собственной «группы поддержки» [Гукосьянец и др., 2022, с. 180].

Основные стратегические задачи, преследуемые пользователями, публикующими сообщения такого характера, — деформирование сознания окружающих, навязывание собеседникам конкретного мнения, образа действий, установки, самоутверждение, доминирование над собеседником, провоцирование тем самым столкновения.

Исследование показало, что данные стратегические задачи при обмене комментариями к постам в Живом Журнале в период пандемии COVID-19 достигались с помощью трех коммуникативных стратегий, являющихся частными проявлениями (микро-стратегиями) общей стратегии манипулирования — стратегия убеждения, стратегия разоблачения и стратегия самопрезентации.

В настоящей работе предпринята попытка систематизации коммуникативных ходов, посредством которых осуществляются тактики, реализующие стратегию убеждения. Анализу особенностей реализации стратегии убеждения, в том числе и описанию тактик реализации данной стратегии,

посвящены работы как российских, так и зарубежных ученых (см., в частности: [Дубских и др., 2021; Мирошниченко, 2018; Ситосанова, 2021; Туманова, 2015; Atkinson et al., 2013; Bench-Capon, 2002; Koit, 2018; Parmar et al., 2023; Popova, 2018; Zalake, 2021]. В представленном исследовании к числу тактик реализации стратегии убеждения относим тактику ссылки на авторитет, тактику рассуждения / уговора и тактику негативного сценария.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Термин *коммуникативный ход*, появившийся в науке достаточно давно (70-е годы XX века), до сегодняшнего дня не получил однозначной трактовки. В работе Т. А. ван Дейка (2000) находим упоминание понятия «ход», который, согласно автору, «можно определить как такую функциональную единицу последовательности действий, которая способствует решению локальной или глобальной задачи под контролем подобной стратегии» [Ван Дейк, 2000, с. 274].

В. И. Карасик, предлагая классификацию речевых актов, заключает, что «реализация речевого акта часто включает несколько коммуникативных ходов», которые в тексте работы исследователь именует также «типовые компоненты» [Карасик, 1991, с. 140].

О. С. Иссерс утверждает, что коммуникативные ходы представляют собой «методы и приемы, которые по отдельности или в комплексе ведут к решению сверхзадачи, являются конституентами речевых тактик» [Иссерс, 2008, с. 110].

Созвучно позиции О. С. Иссерс «коммуникативный ход» трактуется в ряде диссертационных исследований. В частности, в работе А. Ю. Кудрявцевой коммуникативный ход понимается как «один из вариантов реализации коммуникативной тактики, представляющий собой один или более речевых поступков говорящего, направленных на решение задачи, выполнение которой необходимо для достижения общей, глобальной цели» [Кудрявцева, 2017, с. 74].

О. А. Саенко в диссертационной работе (2005) предлагает следующее определение: «Коммуникативный ход — это речевой или неречевой прием, выступающий в роли средства реализации той или иной тактики, развивающий взаимодействие между партнерами по коммуникации и продвигающий общение к достижению поставленной цели» [Саенко, 2006, с. 7].

А. В. Ланских в диссертационном исследовании (2008) предлагает ввести понятие «речевой шаг». Согласно предложенным в работе определениям, «речевой ход — это характеризующийся определенным способом речевой организации фрагмент реплики одного коммуниканта, посредством которого осуществляется манифестация коммуникативной тактики». Рече-

вой ход, в свою очередь, «предстает в виде целевых объединений функционально сопряженных элементарных речевых действий с определенной коммуникативной интенцией», которые именуются речевыми шагами [Ланских, 2008, с. 10—11].

И. И. Гулакова в диссертационном исследовании (2008), характеризую феномен коммуникативного конфликта и конкретизируя речевые тактики и коммуникативные стратегии конфликтной коммуникации, относит коммуникативный ход к компонентам коммуникативных тактик наравне с целью речевого взаимодействия, предварительной информацией о предстоящем событии, позицией в диалоге, установкой на взаимодействие и используемыми для реализации стратегической цели языковыми ресурсами [Гулакова, 2004, с. 16].

В настоящей работе, аналогично позиции, выдвигаемой О. С. Иссерс, коммуникативный ход рассматривается «как прием, выступающий в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики», характеризующий «стратегическую линию одного из партнеров» [Иссерс, 2008, с. 117]. Исчисление приемов, обеспечивающих осуществление речевых тактик стратегии убеждения, активно используемых в период пандемии COVID-19 пользователями Живого Журнала, представляет собой **цель настоящей работы**.

Материалом исследования в работе послужили отобранные методом сплошной выборки более 150 веток комментариев к постам в Живом Журнале, представляющих собой примеры осуществления тактики ссылки на авторитет, тактики рассуждения / уговора, тактики негативного сценария с целью воплощения стратегии убеждения. Основными **методами исследования** явились методы лингвостилистического, прагмалингвистического и контекстуального анализа. Указанные методы обеспечили понимание роли и функций лингвистических средств, используемых для достижения намерения говорящего, обеспечили контекстуальное изучение рассматриваемых коммуникативных ситуаций. Обобщение, систематизация, классификация, интерпретация полученных данных, характеристика коммуникативных ходов, реализующих тактики ссылки на авторитет, тактики рассуждения / уговора, тактики негативного сценария с целью воплощения стратегии убеждения, осуществлялись с помощью описательного и сопоставительного методов.

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

Наблюдение за приемами более низкого в сравнении с речевыми тактиками порядка, используемыми в комментариях пользователей Живого Журнала периода пандемии COVID-19 и служащими инструментами акту-

ализации стратегии убеждения, позволило сгруппировать их в зависимости от применяемых пользователями речевых тактик указанной стратегии. Проанализируем приемы и шаги, предпринятые пользователями сети для реализации речевых тактик стратегии убеждения и именуемые в настоящей работе «коммуникативные ходы».

3.1. Коммуникативные ходы, характерные для реализации тактики ссылки на авторитет

Рассмотрение коммуникативных ходов стратегии убеждения начнем с первой характерной для данной стратегии в рамках настоящего исследования тактики — *тактики ссылки на авторитет*. Отметим, что тактика ссылки на авторитет дает возможность заручиться высокой степенью доверия со стороны читателей и, как результат, оказать планируемый манипулятивный эффект. Анализ эмпирической базы показал следующие характерные для реализации данной тактики коммуникативные ходы.

3.1.1. Коммуникативный ход упоминания авторитетного лица

«Авторитетом» в анализируемой выборке выступали известные люди, специалисты и эксперты, деятели науки, политики. Авторами комментариев предлагались цитаты из выступлений данных личностей, делался акцент на заслуги цитируемого лица, степень его признания научным сообществом.

(1) *В связи с нынешней вакцинацией понятие «эффективность» совершенно неуместно. Речь может идти только об опасности, рисках и способности увеличивать количество зараженных. Французский врач-инфекционист и микробиолог Дидье Рауль: «Никогда не было столько случаев (Covid-19), никогда! И чем больше мы вакцинируем, тем больше случаев. Эта вакцина не защищает от эпидемии вообще, совсем...».* Так во всем мире, независимо от использованных вакцин (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников. — О. Г.) (комментарий от 03.02.2022 г., https://prof-afv.livejournal.com/120289.html?media&ila_campaign=medius&ila_location=category_koronavirus&ila_context=koronavirus_block, дата обращения 21.01.2023) [AA].

Автор предлагаемого комментария, выражая свое мнение об опасности вакцинации и выступая, таким образом, против данного мероприятия, ссылается на высказывание авторитетного, на его взгляд, ученого, цитирует его. Заметим, что цитата является авторским переводом, что становится понятным из последующих сообщений автора. В этой связи интересным представляется способ подачи автором комментария информации: при достаточно эмоционально представленной цитате Д. Рауля, собственные слова пользователя лаконичны и безэмоциональны. Речь автора наполнена формами устного делового общения (в связи с, употреблением краткой

формы имени прилагательного в качестве сказуемого *понятие неуместно*), благодаря чему комментарий выглядит весьма нарочито.

3.1.2. Коммуникативный ход уточнения, демонстрации собственной осведомленности

В данном случае в комментариях зачастую наблюдалось указание источника информации — ссылок на публикации, названий журналов, энциклопедий, словарей, в которых предлагались пояснения, определения, результаты проводимых рейтингов и опросов, цифровые показатели.

(2) *Зря вы так, мы же еще не договорили и хлопнуть дверью перед носом собеседника — минимум, невежливо. Вы, конечно, красавец, вместе со своим окружением, спору нет, да только на простой вопрос не дали ответ, вместо этого — оскорбления и самолюбование. Идея лишать человека права голоса — гнилая идея... Между тем самый солидный в мире медицинский журнал «Ланцет», никогда не публикующий непроверенную информацию, а тем более фейки, разместил на своих страницах исследование, показывающее, что «вакцины» от COVID-19 эффективны только на 0,84 %, т. е. менее чем на один процент и не соответствуют заявленной эффективности, причем ни одна из нахваливаемых ранее вакцин! Статья озаглавлена — «COVID-19 vaccine efficacy and effectiveness — the elephant (not) in the room» ([https://www.thelancet.com/action/showPdf?pii=S2666-5247\(21\)00069-0](https://www.thelancet.com/action/showPdf?pii=S2666-5247(21)00069-0)). Это еще не все. Позже, 29 октября 2021 года, в этом же «столбовом» медицинском журнале «The Lancet» вышел новый разгромный материал «Передача инфекции в сообществе и кинетика вирусной нагрузки варианта “дельта” SARS-CoV-2 (B.1.617.2) у вакцинированных и невакцинированных лиц в Великобритании: проспективное, длительное и когортное исследование»... Снова обращаю ваше внимание на то, что «The Lancet» является одним из ведущих медицинских периодических изданий в мире. В указанном длительном исследовании было клинически обследовано свыше 600 пациентов (текст оригинала на английском языке: [https://www.thelancet.com/journals/laninf/article/PIIS1473-3099\(21\)00648-4/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/laninf/article/PIIS1473-3099(21)00648-4/fulltext)) (комментарий от 10.01.2022 г., https://prof-afv.livejournal.com/120289.html?media&ila_campaign=medius&ila_location=category_koronavirus&ila_context=koronavirus_block, дата обращения 21.01.2023) [Там же].*

Автор комментария достаточно резко ставит в укор собеседнику его нежелание общаться с лицами, не разделяющими его позицию. В речи автора наблюдаем использование фразеологизма *хлопнуть дверью* (Е. И. Зиновьева, А. С. Алёшин [Зиновьева и др., 2014] вслед за А. Д. Козеренко, Г. Е. Крейдлином [Козеренко и др., 1999] именуют данное выражение жестовым фразеологизмом и предлагают учитывать следующее неодобрительное значение данного выражения: «привлечь к себе внимание, сделав

напоследок что-либо необычное» [Зиновьева и др., 2014, с. 363]). В речи автора присутствует ирония в адрес собеседника: слово *красавец*, обладающее положительно-оценочным значением, употреблено в прямо противоположном смысле, что подтверждается в дальнейшем наличием противительного союза *да*, указанием на противоположные характеристики героя: *на простой вопрос не дали ответ, вместо этого — оскорбления и самолюбование*. Аргументируя собственную позицию, автор комментария ссылается на публикации в медицинском журнале, который оценивает как *самый солидный в мире, никогда не публикующий непроверенную информацию, «столбовой», один из ведущих медицинских периодических изданий в мире*. Характеристику журнала как достоверного источника информации автор подчеркивает дважды (*Снова обращаю ваше внимание...*). Автор предлагает ссылки на упомянутые публикации и акцентирует внимание на числе испытуемых — *свыше 600 пациентов*.

3.1.3. Коммуникативный ход сравнения / сопоставления

Реализация данного коммуникативного хода осуществляется путем расхваливания одной позиции через принижение остальных. В комментариях наблюдаем использование оппозиции, сравнений, повторов.

(3) — *Всю статистику Германии в пух и прах раскритиковала (аргументировано) депутат Сара Вагенкнехт... Но youtube удалил ее видео, что примечательно. Никто не опровергает. Просто удаляют. В Германии и большинстве стран очень легко делают нужную ваксерам статистику — например, просто не тестируют вакцинированных. Зато в Великобритании провели исследование нормально. Эти данные удалось скопировать до удаления видео Сары.*

Получается: Гинцбург врет, давая интервью журналистам, которые на 100 % его поддерживают, но всегда можно заявить, что было журналистское переложение. Он когда-нибудь опровергал то, что сообщали СМИ, ссылаясь на него?!!! **Его затыкают как Сару?!!! Нет!**

— *Сара неплохой политик и очаровательная женщина, но насколько не специалист по эпидемиологии или хотя бы анализу данных... А Гинцбург сам вирусолог по образованию — школа вирусологии на биолого-почвенном факультете МГУ, на котором он учился, была одной из сильнейших в СССР, так что с врачами ему особо выверять нечего (а по вопросам лечения он, сколь я помню, не высказывался)* (комментарии от 04.02.2022 г., https://prof-afv.livejournal.com/120289.html?media&ila_campaign=medius&ila_location=category_koronavirus&ila_context=koronavirus_block, дата обращения 21.01.2023) [Там же].

Настоящий пример является демонстрацией попытки каждого из коммуникантов поддержать авторитетную, по его мнению, личность и прини-

зитель значимость лица, одобряемого собеседником. В первом комментарии высокую оценку и одобрение действий Сары Вагенкнехт автор подчеркивает с помощью экспрессивного фразеологизма *в пух и прах* (выражение имеет помету «экспрес.» во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» [Фёдоров, 2008]). Усиление значимости мнения С. Вагенкнехт достигается резким переходом к другой личности с помощью вводного слова *получается*. Неодобрительное отношение автора к действиям А. Л. Гинцбурга выражается в попытке уличить его в обмане (*Гинцбург врет*). Лимитирование выступлений С. Вагенкнехт средствами массовой информации противопоставлено поддержке, оказываемой А. Л. Гинцбургу со стороны СМИ. Недовольство автора данным фактом проявляется в использовании просторечного *заткнуться* (в «Толковом словаре русского языка» глагол *заткнуться* ‘перестать говорить, кричать’ имеет пометы «прост.» (просторечное), «пренебр.» (пренебрежительное) [Ожегов и др., 2003, с. 222]). Наличие экспрессивно-оценочной и разговорной лексики, сочетание вопросительных и восклицательных знаков для передачи высокой эмоциональности, искусственная диалогизация монологического текста (*Его затыкают как Сару?!!! Нет!*) показывают крайнее возмущение автора происходящей, на его взгляд, несправедливостью.

Аналогичный коммуникативный ход сравнения / сопоставления при реализации тактики ссылки на авторитет использует и второй собеседник. Автор комментария делает акцент на отсутствии соответствующего образования у С. Вагенкнехт (*Сара ... несколько не специалист по эпидемиологии или хотя бы анализу данных*), усиливая данный факт наречием *несколько*, подчеркивающим полное отсутствие знаний в освещаемой области, усилительно-выделительной частицей *хотя бы*. Построение собственно противопоставления осуществляется с помощью противительного союза *а* (*А Гинцбург...*). Далее следуют указание на образование А. Л. Гинцбурга (*вирусолог по образованию*) и высокая оценка оконченного им образовательного учреждения, выраженная с помощью прилагательного в превосходной степени *сильнейший* (*школа вирусологии на биолого-почвенном факультете МГУ, на котором он учился, была одной из сильнейших в СССР*). Сравнивая две личности по данному критерию, автор, таким образом, доказывает авторитетность и профессионализм А. Л. Гинцбурга.

В целом при реализации коммуникативных ходов тактики ссылки на авторитет в исследуемой выборке наблюдалось использование сравнительных конструкций, оценочных прилагательных, прилагательных в превосходной степени, повторов, усиления передаваемого значения с помощью наречий, частиц. Синтаксические конструкции простые, реже сложносочиненные с противительными союзами.

3.2. Коммуникативные ходы, характерные для реализации тактики рассуждения / уговора

Следующей наблюдаемой в анализируемом материале тактикой реализации стратегии убеждения является *тактика рассуждения / уговора*.

Она характеризуется демонстрацией аргументов в пользу поддерживаемого автором вопроса / позиции с целью оказания давления на адресата. В отличие от предыдущей тактики в данном случае источник аргументации не называется, но подробные объяснения, предоставляемые адресантом, логичны и последовательны, усомниться в них не представляется возможным.

К коммуникативным ходам, свойственным данной тактике, в рамках проводимого исследования отнесем следующие.

3.2.1. Коммуникативный ход демонстрации неопровержимости заключений

(4) *Очень много объективной информации блокируется. Значит, есть что скрывать. Никакого доверия к информации ваксеров вообще не может быть. Прививки не бессмысленны, они опасны. То, что неэффективны, это факт. И они не могли быть эффективными, потому что эффективных не создали перед опытами на людях, а многие ученые считали, что в принципе невозможно создать под респираторные вирусы, новые штаммы которых создаются очень быстро* (комментарии от 04.02.2022 г., https://prof-afv.livejournal.com/120289.html?media&ila_campaign=medius&ila_location=category_koronavirus&ila_context=koronavirus_block, дата обращения 21.01.2023) [Там же].

Высказывая собственную позицию по обсуждаемой теме, автор комментария прибегает к тактике рассуждения / уговора, актуализируя ее с помощью коммуникативного хода демонстрации неопровержимости (или иллюзии неопровержимости за счет эксплицированной логической структуры) заключений. В тексте комментария наблюдаем использование вводного слова *значит*, которое предшествует некоторому выводу, сделанному автором с опорой на вышеприведенные данные. О несомненности выражаемой идеи заявляется через использование лексемы *факт* в функции сказуемого (*это факт*). Каузальность в предлагаемом для анализа примере выражает союз *потому что*, связывающий части сложного предложения. Однозначность позиции автора подчеркивается наличием двойного отрицания, усиленного наречием *вообще* (*Никакого доверия ... вообще не может быть*), конструкции *в принципе* в функции обстоятельства, исключающей любую вероятность совершения действия, подчеркивающей категоричность высказывания (*что невозможно*).

3.2.2. Коммуникативный ход выражения предположения

Помимо обоснования неоспоримости собственной позиции, в процессе анализа эмпирической базы нами был отмечен еще один менее катего-

ричный коммуникативный ход, актуализирующий тактику рассуждения / уговора, — коммуникативный ход выражения предположения.

(5) Дисбаланс случаев и контролей **видимо** равно характерны для всех привитых. Про **какую-то** целенаправленную политику что группы риска прививаем одной вакциной, а остальных другой — **мне что-то не напоминается**. Напротив, памятуя про ажиотажи «мне не спутник, мне другое», **предположил бы** обратное, что более активная и здоровая часть народонаселения пыталась выбрать «другое». Так что этот фактор **если и значим, то скорее** более для спутника. **Поправьте если я ошибаюсь**, но в ходе эксперимента должны получаться некие усредненные численные значения $f(a)$, которые далее статистически расширяются в ДИ с учетом всех факторов. Расширяются, **как мне представляется**, в обе стороны примерно одинаково. Очереди за эпиваком были именно после начала массовой вакцинации. Насколько это было реально масштабно, **мне неизвестно**, но в новостном поле, да и по множественным вопросам на форумах «хочу эпивак где, как» это было заметное явление. **Я не утверждаю** что это было реально массовым явлением и тем более что оно оказало какое-то влияние на статистику в посте Профессора, **просто предполагаю**, что **если** эти факторы и были значимыми, **то** они играли **скорее** против спутника, т. к. истерии **видимо** были подвержены больше здоровые и активные граждане, нежели группа риска (комментарии от 02.02.2022 г., https://prof-afv.livejournal.com/120289.html?media&ila_campaign=medius&ila_location=category_koronavirus&ila_context=koronavirus_block, дата обращения 21.01.2023) [Там же].

Коммуникативный ход выражения предположения отличается наличием сослагательного наклонения, неуверенности, отсутствие четкой формулируемой позиции. В предлагаемом примере перечисленные характеристики подчеркиваются неоднократным употреблением вводных слов **видимо**, **скорее**, наличием неопределенного местоимения **какой-то** (**про какую-то целенаправленную политику...**), наречия **что-то**, поясняющего глагол и выступающего в функции обстоятельства, смягчающего ультимативность высказывания (**мне что-то не напоминается**). Снижение степени категоричности обеспечивается также благодаря сослагательному наклонению (**предположил бы**), применением конструкции с участием условных союзов **если и ... то** для выражения предположения, усиленного эллипсисом во второй (правой) части конструкции (**если и значим, то скорее более для спутника**). Нежелание вступать в открытый конфликт в связи с возможными разногласиями по высказываемым позициям автор комментария демонстрирует с помощью следующих фраз, обеспечивающих ему заблаговременное оправдание: **поправьте если я ошибаюсь, как мне представляется, мне неизвестно, я не утверждаю, просто предполагаю**.

Отметим, что тактике рассуждения / уговора, реализуемой в рамках исследуемого эмпирического материала с помощью двух обозначенных выше коммуникативных ходов, свойственна попытка аргументации высказывания, наличие вводных слов для передачи предположения, неуверенности, источника сообщения (которым, как правило, является сам автор — *по моему мнению, на мой взгляд*), структурирования доводов при перечислении. Синтаксические конструкции простые, сложноподчиненные с придаточными причины, следствия, реже сложносочиненные, характерно наличие вводных слов.

3.3. Коммуникативные ходы, характерные для реализации тактики негативного сценария

Третьей тактикой, реализующей коммуникативную стратегию убеждения, является *тактика негативного сценария*.

В рамках настоящей выборки ей свойственны два представленных ниже коммуникативных хода, связанные с прогнозированием катастрофы в случае несоблюдения поддерживаемых автором комментария правил, невыполнения необходимых, по его мнению, обязанностей.

3.3.1. Коммуникативный ход обманутого ожидания

(6) Гинцбург обещал защиту от заражения на 2 года, а, возможно, на всю жизнь. **Потом как-то оказалось, что** каждые полгода нужно вакцинироваться, а вакцина действует не сразу. **Потом** он и его подчиненные заявили, что вакцина эффективна и для дельты. **Оказалось, что** некие антипрививичники виноваты в том, что появилась вдруг дельта, от которой эффективности нет. Нужно было, наверное, за две недели всем-всем вакцинироваться, хотя это даже теоретически невозможно было... **По факту** защиты вообще никакой. Не суток! (комментарий от 04.02.2022 г., https://prof-afv.livejournal.com/120289.html?media&ila_campaign=medius&ila_location=category_koronavirus&ila_context=koronavirus_block, дата обращения 21.01.2023) [Там же].

Пример (6) представляет собой четко структурированный комментарий с прослеживающейся композицией: завязка — ожидаемое событие; драматизация — нарастание напряженности ситуации по мере несоблюдения обещанного, открытия новых фактов; кульминация в итоге — несовпадение реальности с ожиданием. Возмущение и негодование автора усиливаются с помощью местоименного наречия *потом*, указывающего на последовательность действий, наречия *как-то*, использования безличного *оказалось* с союзом *что* в значении вводной конструкции, которые акцентируют неожиданность происходящего. Противопоставление действительности некоторым неоправдавшимся ожиданиям показано с помощью устойчивого сочетания *по факту*. Усиление экспрессивности в комментарии достигается

ется с помощью наречия *вообще* и финального уточнения, которое можно рассматривать в данном контексте как семантический повтор (...*защиты вообще никакой. Не суток!*).

3.3.2. Коммуникативный ход предсказания апокалипсиса

(7) *Твоя судьба пещерного дикого неандертальца — не прививаться и гарантированно заболеть на 3—5 недель, а еще лучше сдохнуть и обеспечить работой похоронное бюро* (комментарий от 14.07.2021 г., <https://ilyavaliev.livejournal.com/8938975.html>, дата обращения 22.01.2022) [Там же].

Предсказание болезни, скорейшей гибели, неизбежности негативного сценария для отказывающегося от прививки собеседника являет собой реализацию коммуникативного хода предсказания апокалипсиса. Подобные предсказания, адресованные конкретному лицу, содержат, как правило, негативную оценку умственных возможностей адресата, оскорбление его личности (*пещерный дикий неандерталец*). Предсказания, адресованные группе людей, зачастую построены с использованием дихотомии «свой — чужой» (пример (8)), где «свои» — *умные*, они *прививаются* и *спасают себе жизнь*, а «чужих» осуждают, оскорбляют и презируют (*идиоты не прививаются и самостоятельно героически дохнут*). Неизбежность негативного сценария для невакцинированных подтверждается употреблением наречия *гарантированно* (пример (7)), фразеологизма *рано или поздно* (пример (8)).

(8) *Никакой принудиловки нет. Умные прививаются — идиоты не прививаются и самостоятельно героически дохнут сотнями в день)))* Выбора у тебя нет. Или поумнеть или на больничную койку и в могилу. **Рано или поздно** но заболеют все непривитые и не имеющие иммунитета (комментарий от 14.07.2021 г., <https://ilyavaliev.livejournal.com/8938975.html>, дата обращения 05.03.2022) [Там же].

Реализации тактики негативного сценария при использовании указанных выше коммуникативных ходов обманутого ожидания и предсказания апокалипсиса свойственно наличие оппозиций, что, безусловно, имеет высокую степень воздействия на публику: «свои» противопоставлены «чужим», ожидание противопоставлено реальности, прошлое — настоящему, настоящее — будущему. Присутствует лексика с семантикой разочарования, обмана, гибели, глаголы совершенного вида.

4. Заключение = Conclusions

Исследование речевого поведения пользователей, заключающегося в навязывании собеседникам конкретного мнения, образа действий, установки, в самоутверждении, доминировании над собеседником, провоцировании столкновения, что наблюдалось при анализе комментариев к постам

в Живом Журнале, опубликованным в период пандемии COVID-19, позволило интерпретировать указанные действия как реализацию коммуникантами стратегии манипулирования. В настоящей статье, имеющей целью исчислить приемы воплощения (коммуникативные ходы) речевых тактик стратегии убеждения (одной из частных случаев стратегии манипулирования), сделаны следующие заключения.

Отмечено, что тактике ссылки на авторитет в анализируемом материале исследования свойственны коммуникативный ход упоминания авторитетного лица, коммуникативный ход уточнения, демонстрации собственной осведомленности, коммуникативный ход сравнения / сопоставления. К лингвистическим средствам, свойственным перечисленным коммуникативным ходам, можно отнести использование сравнительных конструкций, оценочных прилагательных, прилагательных в превосходной степени, повторов, усиления передаваемого значения с помощью наречий, частиц, а также построение простых, реже сложносочиненных с противительными союзами синтаксических конструкций.

Осуществление тактики рассуждения / уговора в рассматриваемых контекстах достигалось посредством применения коммуникативного хода демонстрации неопровержимости заключений, коммуникативного хода выражения предположения. Их отличают такие приемы и средства, как попытка коммуникантов аргументировать высказывания, наличие вводных слов для передачи предположения, неуверенности, источника сообщения, структурирование доводов при перечислении, простые либо сложноподчиненные синтаксические конструкции с придаточными причинами, следствия.

Тактика негативного сценария, являясь третьей тактикой, реализующей коммуникативную стратегию убеждения, воплощается в коммуникативных ходах обманутого ожидания и предсказания апокалипсиса. Указанным приемам свойственно наличие оппозиций, лексики с семантикой разочарования, обмана, гибели, глаголов совершенного вида.

**Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.**

**The author declare no conflicts
of interests.**

Источники

1. АА — *Архив* авторов.
2. *Фёдоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. — Москва : Астрель, АСТ, 2008. — 878 с. — ISBN 978-5-17-049014-1.
3. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд. — Москва : ЭЛПИС, 2003. — 944 с. — ISBN 5-902872-08-1.

Литература

1. *Гукосянц О. Ю.* Коммуникативные стратегии и тактики троллей-агрессоров в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19 / О. Ю. Гукосянц, О. А. Алимурадов, З. У. Хакиева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 175—196. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-175-196.
2. *Гулакова И. И.* Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01, 10.02.19 / И. И. Гулакова. — Орел, 2004. — 19 с.
3. *Дейк Т. А. ван* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с. — ISBN 5-80157-202-3.
4. *Дубских А. И.* Лингвопрагматические и семантические средства реализации стратегии убеждения в английском политическом дискурсе / А. И. Дубских, А. В. Бутова, О. В. Кисель // Гуманитарные исследования. — 2021. — № 4 (80). — С. 43—49. — DOI: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-043-049.
5. *Зиновьева Е. И.* Лексикографические средства представления внутренней формы и динамики значения фразеологизма (на примере выражения хлопнуть дверью) / Е. И. Зиновьева, А. С. Алёшин // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2014. — № 3 (45). — С. 362—364.
6. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с. — ISBN 978-5-382-00698-7.
7. *Карасик В. И.* Язык социального статуса / В. И. Карасик. — Москва : Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991. — 495 с.
8. *Козеренко А. Д.* Тело как объект природы и тело как объект культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жестов) / А. Д. Козеренко, Г. Е. Крейдлин // Фразеология в контексте культуры. — 1999. — С. 269—277.
9. *Кудрявцева А. Ю.* Речевые реализации стратегии доминирования в официальном полилоге : на материале ток-шоу : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. Ю. Кудрявцева. — Санкт-Петербург, 2017. — 184 с.
10. *Ланских А. В.* Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. В. Ланских. — Екатеринбург, 2008. — 22 с.
11. *Мирошниченко Г. А.* Коммуникативная стратегия вербального убеждения в российской телевизионной рекламе / Г. А. Мирошниченко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Литературоведение. Журналистика. — 2018. — Т. 23. — № 2. — С. 215—223. — DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-2-215-223.
12. *Саенко О. А.* Коммуникативный ход возражения в современном французском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.05 / О. А. Саенко. — Иркутск, 2006. — 17 с.
13. *Ситосанова О. В.* Стратегия уговаривания в бытовом дискурсе / О. В. Ситосанова // Сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета. — 2021. — № 18 (1). — С. 310—313. — DOI: 10.36629/2686-7788-2021-1-1-310-313.
14. *Туманова Г. А.* Коммуникативная стратегия убеждения и особенности её реализации в политическом дискурсе : на материале русского и немецкого языков : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Г. А. Туманова. — Москва, 2015. — 283 с.
15. *Atkinson K.* A strategy for efficient persuasion dialogues / K. Atkinson, P. Bench-Capon, T. Bench-Capon // Communications in Computer and Information Science. — 2013. — Vol. 358. — Pp. 332—347. — DOI: 10.1007/978-3-642-36907-0_22.

16. *Bench-Capon T.* Agreeing to differ : modelling persuasive dialogue between parties without a consensus about values / T. Bench-Capon // *Informal Logic*. — 2002. — Vol. 22 (32). — Pp. 231—245.
17. *Koit M.* Reasoning and communicative strategies in a model of argument-based negotiation / M. Koit // *Journal of Information and Telecommunication*. — 2018. — Vol. 2. — № 3. — Pp. 291—304. — DOI: 10.1080/24751839.2018.1448504.
18. *Parmar J. B.* A journey from persuasion to decision of generation Z : empirical evidence of rhetoric effect strategies in advertisement / J. B. Parmar, H. Gupta, C. Patel // *Academy of Marketing Studies Journal*. — 2023. — Vol. 27(2). — Pp. 1—14.
19. *Popova K.* Persuasion strategy in online social advertising / K. Popova // *Training Language and Culture*. — 2018. — Vol. 2 (2). — Pp. 55—65. — DOI: 10.29366/2018tlc.2.2.4.ь
20. *Zalake M.* The effects of virtual human's verbal persuasion strategies on user intention and behavior / M. Zalake, A. G. de Siqueira, K. Vaddiparti, B. Lok // *International Journal of Human-Computer Studies*. — 2021. — Vol. 156 (1). — P. 102708. DOI: 10.1016/j.ijhcs.2021.102708.

*Статья поступила в редакцию 18.03.2023,
одобрена после рецензирования 17.04.2023,
подготовлена к публикации 24.04.2023.*

Material resources

- AA — *Archive of authors*. (In Russ.).
- Fedorov, A. I. (2008). *Phraseological dictionary of the Russian literary language*. Moscow: Astrel, AST. 878 p. ISBN 978-5-17-049014-1. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Y. (2003). *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th ed.* Moscow: ELPIS. 944 p. ISBN 5-902872-08-1. (In Russ.).

References

- Atkinson, K., Bench-Capon, P., Bench-Capon, T. (2013). A strategy for efficient persuasion dialogues. *Communications in Computer and Information Science*, 358: 332—347. DOI: 10.1007/978-3-642-36907-0_22.
- Bench-Capon, T. (2002). Agreeing to differ: modelling persuasive dialogue between parties without a consensus about values. *Informal Logic*, 22 (32): 231—245.
- Dubskikh, A. I., Butova, A. V., Kisel, O. V. (2021). Linguopragmatic and semantic means of implementing persuasion strategies in English political discourse. *Humanitarian Studies*, 4 (80): 43—49. DOI: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-043-049. (In Russ.).
- Gukosiants, O. Y., Alimuradov, O. A., Khakieva, Z. U. (2022). Communicative Strategies and Tactics of Trolls-Aggressors in Computer-Mediated Communication during COVID-19 Pandemic. *Nauchnyj dialog*, 11 (7): 175—196. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-175-196. (In Russ.).
- Gulakova, I. I. (2004). *Communicative strategies and tactics of speech behavior in a conflict situation of communication*. Author's abstract of PhD Diss. Eagle. 19 p. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2008). *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Moscow: LKI Publishing House. 288 p. ISBN 978-5-382-00698-7. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (1991). *Language of social status*. Moscow: Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences, Volgograd Pedagogical Institute. 495 p. (In Russ.).

Koït, M. (2018). Reasoning and communicative strategies in a model of argument-based negotiation. *Journal of Information and Telecommunication*, 2 (3): 291—304. DOI: 10.1080/24751839.2018.1448504.

Kozerenko, A. D., Kreidlin, G. E. (1999). The body as an object of nature and the body as an object of culture (on the semantics of phraseological units based on gestures). *Phraseology in the context of culture*. 269—277. (In Russ.).

Kudryavtseva, A. Yu. (2017). *Speech implementations of the dominance strategy in the official polylogue: on the material of the talk show*. PhD Diss. St. Petersburg. 184 p. (In Russ.).

Lanskikh, A. V. (2008). *Speech behavior of reality show participants: communicative strategies and tactics*. Author's abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 22 p. (In Russ.).

Miroshnichenko, G. A. (2018). Communicative strategy of verbal persuasion in Russian television advertising. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Literary Studies*, 23 (2): 215—223. DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-2-215-223. (In Russ.).

Parmar, J. B., Gupta, H., Patel, C. (2023). A journey from persuasion to decision of generation Z: empirical evidence of rhetoric effect strategies in advertisement. *Academy of Marketing Studies Journal*, 27(2): 1—14.

Popova, K. (2018). Persuasion strategy in online social advertising. *Training Language and Culture*, 2 (2): 55—65. DOI: 10.29366/2018tlc.2.2.4.б

Saenko, O. A. (2006). *The communicative course of objection in the modern French language*. Author's abstract of PhD Diss. Irkutsk. 17 p. (In Russ.).

Sitosanova, O. V. (2021). Strategy of persuasion in everyday discourse. *Collection of scientific papers of Angarsk State Technical University*, 18 (1): 310—313. DOI: 10.36629/2686-7788-2021-1-1-310-313. (In Russ.).

Tumanova, G. A. (2015). *Communicative strategy of persuasion and the features of its implementation in political discourse: on the material of Russian and German languages*. PhD Diss. Moscow. 283 p. (In Russ.).

Van Deik, T. A. (2000). *Language. Cognition. Communication*. Blagoveshchensk: I. A. Baudouin de Courtenay BGC. 308 p. ISBN 5-80157-202-3. (In Russ.).

Zalake, M., De Siqueira, A. G., Vaddipart, K., Lok, B. (2021). The effects of virtual human's verbal persuasion strategies on user intention and behavior. *International Journal of Human-Computer Studies*, 156 (1): 102708. DOI: 10.1016/j.ijhcs.2021.102708.

Zinovieva, E. I., Aleshin, A. S. (2014). Lexicographic means of representing the internal form and dynamics of the meaning of phraseology (on the example of the expression slam the door). *Problems of history, philology, culture*, 3 (45): 362—364. (In Russ.).

*The article was submitted 18.03.2023;
approved after reviewing 17.04.2023;
accepted for publication 24.04.2023.*

Кочетова Л. А. Лингвокультурная специфика дискурсивных практик репрезентации кибербезопасности в русскоязычном медийном пространстве : корпусный подход / Л. А. Кочетова, Е. Ю. Ильинова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 134—152. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-134-152.

Kochetova, L. A. Ilyinova, E. Yu. (2023). Linguocultural Specifics of Cybersecurity Discursive Practices Representation in Russian Media Communication: Corpus-Assisted Approach. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 134-152. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-134-152. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-134-152

Лингвокультурная специфика дискурсивных практик репрезентации кибербезопасности в русскоязычном медийном пространстве: корпусный подход

Кочетова Лариса Анатольевна *

orcid.org/0000-0002-5278-7373

доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры теории
и практики перевода и лингвистики

* *корреспондирующий автор*

kochetova@volsu.ru

Ильинова Елена Юрьевна

orcid.org/0000-0002-3310-4020

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теории и практики
перевода и лингвистики

ilyinov@volsu.ru

Волгоградский

государственный университет
(Волгоград, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-00509,
<https://rscf.ru/project/23-28-00509/>

Linguocultural Specifics of Cybersecurity Discursive Practices Representation in Russian Media Communication: Corpus-Assisted Approach

Larisa A. Kochetova *

orcid.org/0000-0002-5278-7373

Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department
of Theory and Practice
of Translation and Linguistics

* *Corresponding author*

kochetova@volsu.ru

Elena Yu. Ilyinova

orcid.org/0000-0002-3310-4020

Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department
of Theory and Practice
of Translation and Linguistics

ilyinov@volsu.ru

Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00509,
<https://rscf.ru/project/23-28-00509/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о семантической, прагматической и ценностной специфике дискурсивных практик кибербезопасности. Новизна работы состоит в применении методологии корпусной лингвистики к исследованию дискурса, понимаемого как опосредованная языком социальная практика. Актуальность работы обусловлена интересом лингвистики к изучению русскоязычных дискурсивных практик, формирующих новую социальную реальность в цифровом обществе. Методами корпусной лингвистики реконструирована когнитивно-семантическая структура дискурсивного тезауруса, включающая новый пласт лексических единиц русского языка, выявлены тематические группы слов и проанализирована их дистрибуция в различных жанрах дискурса кибербезопасности. Установлено, что наряду с терминологией, ориентированной на трансфер операционального, практического знания о безопасных онлайн-практиках, в корпусе регулярно используются лексические единицы военной и агрессивной семантики, что указывает на противоречие между целями дискурса, направленными на формирование позитивного ценностного отношения к цифровым технологиям, и языковыми средствами их достижения. Показано, что нейтральные лексемы в результате регулярного употребления в негативно окрашенных контекстах приобретают отрицательные оценочные коннотации, что также может способствовать формированию недоверия пользователей к новым технологиям, усиливая ощущения риска, порождая тревогу и обеспокоенность.

Ключевые слова:

дискурс; корпус; дискурсивная практика; корпусная методология; дискурс кибербезопасности; русский язык.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of the semantic, pragmatic and axiological specifics of cybersecurity discursive practices as it is displayed in the genres of media and online communication is considered. The novelty of the work lies in the application of the corpus linguistics methodology to the study of discourse, understood as a language-mediated social practice. The relevance of the work is due to the interest of linguistics in the study of discursive practices that shape a new social reality formed as a result of the Russian language functioning. By using the methods of corpus linguistics, the cognitive-semantic structure of discursive thesaurus, which comprise a new layer of lexical units, has been reconstructed, thematic groups of lexical units have been identified and their distribution in various genres of cybersecurity discourse has been established. It has been found that along with the terminology focused on the transfer of operational, practical knowledge about safe online practices, the texts in the corpus regularly employ lexical units with military and aggressive semantics, which indicates the contradiction between the goals of the discourse aimed at forming a positive attitude towards digital technologies, and language means employed to achieve them. It is shown that due to regular occurrence of neutral lexical units in negatively colored contexts, they develop negative evaluative connotations, which also contributes to the formation of users' distrust of new technologies, enhances the feeling of risk, and generates anxiety and concern.

Key words:

discourse; corpus; discursive practice; corpus methodology; cybersecurity discourse; Russian.

УДК 811.161.1'42:004.738.5

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Лингвокультурная специфика репрезентации дискурсивных практик кибербезопасности в русскоязычном медийном пространстве: корпусный подход

© Кочетова Л. А., Ильинова Е. Ю., 2023

1. Введение = Introduction

Безопасность как состояние защищенности от угроз жизни, имуществу и здоровью личности, общим интересам социума всегда воспринимается как одна из базовых потребностей, что определяет значимость этого концепта в системе коллективных и индивидуальных ценностей человека. Вместе с тем общее представление о безопасности демонстрирует определенную динамику, приобретая на каждом этапе развития социума новые концептуальные признаки. Проблематика безопасности в современном мире имеет множество измерений, одним из которых становится безопасность в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, так называемая информационная, или кибербезопасность. Масштабное использование информационно-коммуникационных технологий вывело на повестку дня вопрос о безопасности в компьютерно-цифровом пространстве, которое на сегодняшний день предоставляет особые инструменты сбора, хранения, распространения информации, цифровые средства и каналы институциональной и межличностной коммуникации. Указанный феномен неизбежно вызывает интерес современных философов и культурологов, социологов, политологов, психологов, специалистов финансово-экономических и иных сфер. Лингвистический аспект изучения особенностей репрезентации стратегий кибербезопасности в современном дискурсивном пространстве также актуален и требует научного осмысления.

Активное внедрение компьютерных технологий в повседневную жизнь широких слоев общества предполагает трансфер знаний о принципах и сферах их безопасного применения, что находит отражение в дискурсивных практиках кибербезопасности. Можно утверждать, что в идеале целью данных дискурсивных практик является трансфер знаний о безопасных моделях онлайн-поведения пользователей, стимулирование онлайн-практик, защищающих личное пространство и информацию от посягательств

со стороны внешних акторов, что неизбежно объективируется в семантике и прагматике языковых знаков, которые концептуализируют представления об этом социально-значимом феномене, задают поведенческие паттерны, определяют ценностное отношение членов дискурсивного сообщества к компьютерно-информационным технологиям.

Цель данной статьи — на основе корпусной методологии реконструировать когнитивно-семантическую структуру дискурсивного тезауруса кибербезопасности, определяющего ценностно окрашенное восприятие изучаемого явления членами дискурсивного сообщества. Признавая, что трансфер знаний о кибербезопасности является неотъемлемой частью образа жизни в XXI веке, наше исследование отвечает на вопросы о том, как организована когнитивно-семантическая структура дискурсивного тезауруса кибербезопасности и какие тематические группы образуют единицы языка, транслирующие знания об этом феномене; как распределяются выделенные тематические группы лексики в текстах различных жанров и какие дополнительные оценочные смыслы возникают в результате регулярного использования нейтральных и терминологических единиц в негативно окрашенных контекстах; как когнитивно-семантическая структура дискурсивного тезауруса влияет на поведение, ожидания, установки и реакции адресата в области кибербезопасности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Теоретическую базу исследования составили: конструктивистская теория дискурса, рассматривающая его как набор текстов и речевых конструкций, определяющих социальный и политический контекст того или иного явления, формирующих идеологию или образ мышления [Laclau 1995]; понимание дискурса как «содержательно-тематической общности текстов» [Чернявская, 2017, с. 142] и как опосредованной языком формы социальной практики; корпусный анализ дискурса [Baker, 2006; Teubert et al., 2007; Анашкина и др., 2021]; методика корпусного анализа, основанная на методе извлечения ключевых слов [Gabrielatos, 2018; Кочетова и др., 2019]; работы по семантическому дискурсивному анализу [Орлова, 2021]; метод категориально-семантической реконструкции дискурсивного тезауруса [Ильинова, 2016]; труды, посвященные анализу современных российских практик социализации и влияния на различные целевые аудитории в медиакommunikации [Бродовская и др., 2019; Змазнева, 2018]; общей аксиологической проблематике и прагматике медиатекста [Карасик, 2013; Общая и русская лингвоаксиология, 2022]; труды, рассматривающие отдельные социально-значимые феномены [Ефремова, 2021; Леонтьева и др., 2020; Ребрина, 2021; Parvareh, 2023].

Дискурс кибербезопасности объединяет русскоязычные медийные тексты различной целевой и адресной направленности. Он включает регулятивные тексты, в частности, документы российского законодательства и политико-правовые акты (Указ Президента РФ от 05.12.2016 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022)), регламентирующие документы (стандарт ISO/IEC 27032:2012 «Информационные технологии. — Методы обеспечения безопасности — Наставления по кибербезопасности»), профессионально-ориентированные и рекламно-маркетинговые тексты, размещенные на сайтах технологических компаний (например, сайт компании «Лаборатория Касперского»), информационно-просветительский контент, размещенный на специализированных сайтах бизнес-структур (ярким примером которого является сайт «Кибрарий», разработанный «Сбером»), а также авторскую публицистику в жанрах сетевой коммуникации (форумы, блоги, чаты и др.).

Методика корпусного анализа включала когнитивно-семантическое моделирование дискурсивного тезауруса собранной коллекции медиатекстов о кибербезопасности, контекстуальный анализ прямых номинаций и имплицитных оценочных семантических знаков, интерпретативный анализ ценностной прагматики медийного контента, уточнение специфики способов концептуализации представлений о кибербезопасности в дискурсивных практиках профессионально-ориентированного, новостного, информационно-просветительского форматов, ориентированных на трансфер операционного, практического знания, а также практиках рекламно-маркетингового воздействия, направленного на продвижение продуктов и услуг, обеспечивающих безопасность использования компьютерных технологий.

Для создания тематического корпуса, репрезентирующего дискурсивные практики кибербезопасности, использовался список ключевых слов и словосочетаний, который формировался вокруг таких стержневых единиц, как *информационная безопасность*, *кибербезопасность*, а также включал тематически связанные с проблемой цифровой безопасности специальные словосочетания: *риск для информационной безопасности*, *киберриск*, *риск для кибербезопасности*, *кибератака*, *риск кибератаки*, *риск атаки на кибербезопасность*.

Тексты для специализированного корпуса отбирались из медийного контента, включающего профессионально ориентированные тексты (<https://securitylab.ru>, cyberrus.com, <https://bit.spels.ru/index.php/bit> и др.); новостные тексты (tass.ru, ura-news.ru, ria.ru, irkutskmedia.ru, newsclick.ru, kommersant.ru, vedomosti.ru и др.); информационно-просветительский контент, размещенный на специализированных сайтах (<https://promo.sber>.

ru/kibrary, psblog.ru, <https://www.anti-malware.ru>, securitylab.ru, itworld.ru, osp.ru, withsecurity.ru, vsluh.net, csaa.ru), рекламно-маркетинговые тексты, предлагающие решения для обеспечения кибербезопасности (securityvision.ru, rt-solar.ru, staffcop.ru и др.), а также тексты, размещенные в сетевых медиа (<https://netology.ru/blog>, <https://vk.com/cybersi>).

Структура корпуса «Дискурсивные практики кибербезопасности» (КДПК), отражающая его количественные характеристики и жанровое разнообразие, представлена далее (табл. 1). Корпус включает 531 документ объемом 298 157 слов.

Таблица 1

Структура корпуса
«Дискурсивные практики кибербезопасности (КДПК)»

Жанры медиаконтента	Пропорция (%)	Количество слов	Количество текстов
Профессионально-ориентированные: в т.ч.			
экспертные	41,40	123 544	220
доклады и отчеты	2,52	540	14
Информационно-просветительские	18,21	54 314	97
Новостные	18,10	54 241	96
Рекламно-маркетинговые	18,08	53 929	96
Сетевые	1,53	4 589	8
Всего	100	298 157	531

Собранный корпус подвергался компьютерной обработке при помощи встроенного функционала сервера «CQPweb» («Corpus Query Processor») [<https://cqpweb.lancs.ac.uk/>], предлагающего функцию загрузки собственного корпуса. Анализ лексического материала КДПК проводился с помощью методов корпусной лингвистики, включающих построение списков слов, конкордансов и их контекстуальный анализ, выделение ключевых слов, лингвостатистику, приемы интерпретации дискурсивной семантики. Применялись методы систематизации, типологизации средств лексической репрезентации кибербезопасности, моделирования тематических групп лексики, регулярно присутствующих в дискурсивных практиках.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Языковые характеристики корпуса дискурсивных практик кибербезопасности

Специфика семантической организации дискурсивных практик кибербезопасности определялась при помощи функции построения списка слов

корпуса, а также метода выделения ключевых слов, что позволило выявить наиболее частотные и уникальные лексические единицы, определить их частеречную принадлежность, проанализировать семантическое наполнение текстов и на этой основе провести когнитивно-семантическую реконструкцию дискурсивного тезауруса, уточнить прагматическую специфику и определить ценностное наполнение дискурсивных практик кибербезопасности.

Далее представлено «облако» ключевых слов (рис. 1), полученное в результате сопоставления частотности слов исследуемого корпуса «КДПК» с референциальным корпусом, в качестве которого использовался корпус русскоязычных текстов средств массовой информации «Uppsala Russian Corpus», доступный на платформе «CQPweb».

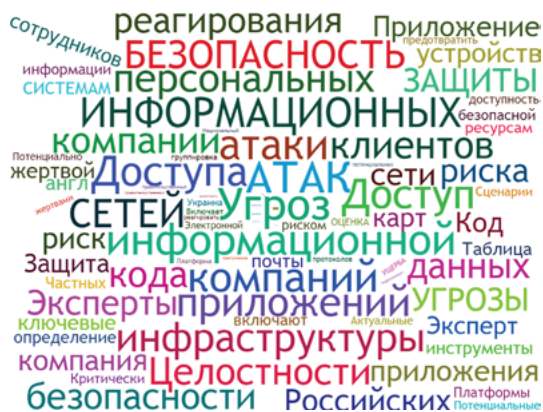

Рис. 1. Облако «ключевых слов» русскоязычного корпуса дискурсивных практик кибербезопасности в сопоставлении с корпусом «Uppsala Russian Corpus», построенного с использованием статистической меры Log Ratio (0.01 % фильтр значимости, адаптированной к пороговому уровню $LL = 36.49$); лексические единицы имеют минимальную частоту 3 в списке слов обоих корпусов.

Как показывает анализ ключевых слов (рис. 1), исследуемый корпус характеризуется высокой плотностью семантических единиц, относящихся к тематическому полю «Информационно-технологический дискурс» (*приложение, сеть, код, платформа* и др.), отсутствием эмоционально-оценочной лексики, выражающей отношение и мнение, наличием нейтральных дескриптивных прилагательных (*информационный, электронный, компьютерный, персональный* и др.). Результаты семантического анализа уникальных ключевых слов корпуса (то есть лексем, отсутствующих русскоязычном корпусе, с которым проводится сопоставление) показали, что тезаурус дискурса кибербезопасности отличается терминологической си-

стемностью и включает сложносоставные единицы с компонентом *кибер-*, означающим ‘связанный с компьютерами, существующий в интернете’ (*кибербезопасность, кибератака, киберугроза* и др.) и специализированные словосочетания: *стратегия кибербезопасности, сфера кибербезопасности, основа кибербезопасности, область кибербезопасности, обеспечение кибербезопасности* и др. Следует отметить, что приставка *кибер-* присоединяется к самым обычным словам, образуя их аналоги в виртуальном пространстве (о формировании двойственной реальности в цифровом пространстве см. [Маринова, 2023]).

Изучение системных характеристик корпуса проводилось с учетом дис-трибуции некоторых категориально-семантических классов слов в аспекте жанровой вариативности, отражающей способы концептуализации смыслов в дискурсе. Результаты анализа представлены далее (табл. 2). В соответствии с полученными данными основу тезауруса дискурса кибербезопасности составляют классы существительных, глаголов и прилагательных (в среднем 33,25 % от общего числа, 8,15 % и 9,76 %, соответственно).

Таблица 2

**Жанровая вариативность частеречных характеристик
корпуса дискурсивных практик кибербезопасности (КДПК)**

Жанры Частеречная принадлежность	профессионально-ориентированные	информационно-просветительские	новостные	рекламно-маркетинговые	сетевые, блоги
существительные	40 378 (32,6 %)	17 809 (32,7 %)	17 454 (32,1 %)	18 976 (35,1 %)	1 480 (32,3 %)
прилагательные	11 630 (9,4 %)	5 516 (10,1 %)	4 985 (9,1 %)	5 399 (10,0 %)	420 (9,2 %)
глаголы	5 023 (4,0 %)	3 824 (7,0 %)	5 687 (10,4 %)	5 023 (9,3 %)	488 (10,6 %)
наречия	2 849 (2,3 %)	835 (1,5 %)	1 412 (2,6 %)	1 129 (2,1 %)	140 (3,0 %)
местоимения	792 (0,6 %)	83 (0,1 %)	285 (0,5 %)	298 (0,6 %)	46 (1,1 %)
союзы	6 648 (5,3 %)	2 176 (4,0 %)	2 851 (5,2 %)	2 864 (5,4 %)	324 (7,0 %)
прочие	56 224 (45,8 %)	24 071 (44,6 %)	21 567 (40,1 %)	20 240 (37,5 %)	1 691 (36,8 %)
Кол-во слов	123 544	54 314	54 241	53 929	4 589

Анализ дистрибуции количественных характеристик категориально-семантических классов слов в текстах различных жанров не выявил их ярко выраженной специфики. Существенное преобладание существительных, номинирующих ключевые понятия дискурса кибербезопасности, низкая частота глагольной лексики и прилагательных, личных местоимений, служебных и дискурсивных единиц, формирующих смысловую связность текстов, свидетельствуют о доминировании информативной тональности в различных жанрах.

Анализ сочетаемости ядерных единиц, номинирующих рассматриваемую концептуальную сферу (*безопасность, кибербезопасность*), показывает, что они образуют характерные терминологические сочетания с дескриптивными прилагательными, формируя «семантическое ядро» дискурсивного тезауруса (например, *индивидуальная кибербезопасность, оперативная кибербезопасность, глобальная кибербезопасность, национальная безопасность, национальная стратегия кибербезопасности*). Нейтральные дескриптивные прилагательные дискурса кибербезопасности образуют множественные коллокации с ядерными существительными информационно-технологической тематики: *информационн- (-ая / -ый / -ое) (безопасность, система, инфраструктура, среда, ресурс, пространство, актив, поток); цифров- (-ая / -ой) (трансформация, информация, идентификация, эпоха, среда, грамотность, формат, мир, след); компьютерн- (-ый / -ая / -ое) (сеть, система, информация, программа, техника, безопасность); программн- (-ый / -ое / -ый) (обеспечение, продукт, код, закладка, инструмент, модуль, среда, компонент, средство, комплекс)*.

Однако сочетания нейтральных в оценочном отношении прилагательных и негативных оценочно окрашенных существительных (*информационная война, компьютерное мошенничество, компьютерный вирус*), регулярно используемых в дискурсивной практике кибербезопасности, приобретают негативные оценочные импликации, формирующие осторожно-критичный взгляд на компьютерные технологии, который может выражаться в их неприятии вследствие нежелания подвергаться рискам. Следует отметить, что формирование негативной семантической просодии (о семантической просодии см. [Louw, 1993; Stubbs, 1995]) наблюдается и в использовании регулярной словообразовательной модели, в которой морфема «кибер-» объединяется с единицей, обозначающей отрицательно оцениваемые явления реальности, что приводит к появлению негативно-оценочной семы в значении ключевого термина *кибернетика*, определяющего терминологическую специализацию общего дискурсивного тезауруса кибербезопасности.

Изменением оценочного знака могут отличаться и другие общеупотребительные лексические единицы. Так, прилагательное *новый* регулярно

используется в качестве атрибута в терминологических сочетаниях, актуализирующих в своей семантике негативные явления и действия в цифровом пространстве (например: *новые методы взлома, новые риски, новые и новые угрозы, новые векторы атаки, новые опасности, новые преступные IT-профессии*), и, как следствие, приобретает отрицательно окрашенное значение.

Как показывает таблица 2, глагольная лексика в изучаемых текстах отмечена существенно меньшей частотой употребления по сравнению с существительными. Тем не менее глаголы чаще используются в новостных, сетевых и рекламно-маркетинговых текстах, что указывает на присутствие в них нарратива, выступающего как средство информирования и убеждения; в профессионально-ориентированных и информационно-просветительских текстах доля глаголов существенно меньше. Насыщенность информационно-просветительских текстов номинативными лексическими единицами, образующими дистанцию между адресантом текста и его получателями, отсутствие эмоциональной привязки свидетельствуют о расхождении между целями дискурса кибербезопасности (донесение до широкого круга пользователей компьютерными технологиями стратегий безопасного поведения) и средствами их реализации.

Анализ семантики глаголов дискурса кибербезопасности позволил выделить разноплановые в тематическом и оценочном отношении группы лексики. В дискурсе кибербезопасности используются глагольная лексика, актуализирующая стратегии безопасного поведения в виртуальном пространстве: *избегать, распознавать, минимизировать, устранять, ограничивать, контролировать, обновлять, удалить* и др., например: (1) Регулярно **обновляйте** свой сайт и **устраняйте** известные уязвимости. Любое ПО, как-либо связанное с работой ваших сервера и сайта, всегда должно быть обновлено (<https://www.securitylab.ru/analytics>).

В семантической организации текстов корпуса идентифицируются глагольные единицы, обозначающие различные виды преступных действий. Отметим, что в дискурсе кибербезопасности семантика слов данной группы расширяется, поскольку они, образуя коллокации с существительными, обозначающими понятия виртуальной среды, семантизируют противоправные действия в цифровом пространстве, направленные на нарушение целостности и неприкосновенности нематериальных объектов: *взломать / взламывать (приложение, систему защиты, сеть, сервис, аккаунт, учетную запись, веб-камеру, программное обеспечение), проникать (сеть, защищенные системы, системы компании, компьютер, виртуальное пространство), подвергнуться (кибератакам, хакерским атакам, кибернападениям, риску, опасности сбоев, взлому), нарушать (аутентификацию,*

информационную безопасность, конфиденциальность), украсть (данные, ценную информацию, персональные данные).

Заметное место в дискурсивных практиках кибербезопасности занимают глаголы и глагольные сочетания военной семантики: *проводить кампанию, бороться (с угрозами, атаками, вредоносным ПО, вирусами, киберпреступниками), противостоять (кибератакам, угрозам, ударам), атаковать, наносить удары*. Высокую частотность в корпусе имеют глаголы *защищать, защищаться*, образующие коллокации с лексическими единицами, обозначающими как реальные, так и виртуальные объекты атак: *данные, целостность, информацию, сеть, организацию, систему, приложение, инфраструктуру, актив, запись, человека, пользователя, компании, государственные учреждения, мобильные устройства, компьютеры, ИТ-инфраструктура, сети, программное обеспечение, сайты, стратегические объекты, системы водоснабжения, персональные данные, отрасль здравоохранения, информационные ресурсы*, что придает угрозам глобальный характер. Таким образом, формируется новый пласт лексики и терминологических сочетаний, которые образуют основу тезауруса дискурса и определяют его ценностное наполнение, задающее поведенческие стратегии и формирующее восприятие кибербезопасности как социально-значимого феномена членами русского дискурсивного сообщества.

Прагматика дискурсивных практик кибербезопасности, в значительной мере обусловленная специфической дистрибуцией тематических групп лексики, моделирующих концептуальное пространство различных жанров, будет рассмотрена в следующем разделе.

3.2. Жанровая специфика дистрибуции тематических групп тезауруса корпуса дискурсивных практик кибербезопасности

В исследуемом материале дискурсивный тезаурус кибербезопасности репрезентирован следующими группами лексики, определяющими специфику различных жанров в репрезентации смыслов: «Информационные и компьютерные технологии», «Знания», «Закон» и «Преступление», а также «Опасность», «Война», «Агрессия».

Тематическая группа лексики «Информационные и компьютерные технологии» включает терминологические единицы сферы компьютерных технологий (например, *кибер, интернет, программное обеспечение, приложение, система аутентификации, облачные технологии, ИТ-инфраструктура, ботнет, маршрутизатор, фильтрация, приложение, сервер, брандмауэр* и др.). Тематическая группа «Знание» объединяет лексические единицы с антонимичными семантическими признаками наличия / отсутствия знания (например, *информация, осведомленность, иден-*

тификация, знание, учение, киберкомпетентность, киберграмотность, киберсознание, сомнение, пробел, формула, опыт, навык, компетенция).

Отдельные лексические единицы входят в пласт общей и специальной лексики, которая соотносится с административно-правовым регулированием информационной деятельности, например, тематическая группа «Закон» ассоциируется с законодательными и нормативно-правовыми актами (*закон, юридический, киберстрахование, кибернетическая ответственность, киберзаконодательство, конвенция, согласование, юрист, доктрина, указ, кодекс, документ, статья, право, закон*); логически связанная с ней группа «Преступление» включает слова, обозначающие типы угроз, виды преступлений, номинации субъектов преступлений и пострадавших, способы расследования (например, *киберпреступность, киберпреступление, киберпреступный, киберзахват, кибервзлом, кибермошенничество, кибершпионаж, киберограбление, киберзапугивание, киберпроникновение, кибершпионский, кибердетектив, киберполиция, киберрасследование, кибертерроризм, киберфорензика, киберкриминалистика, кибер-разоблачение, кибер-буллинг; киберпреступник, киберзлоумышленник, кибер-бандит, киберхулиган, кибер-шантажист, кибербанда; кибервзломщик, кибервымогатель, кибершантаж, жертва*).

Регулярное использование в дискурсивном тезаурусе лексических единиц, номинирующих социально неодобряемые явления и действия, указывает на негативное оценочное информирование об отдельных формах деятельности в информационно-коммуникативном пространстве. Тональность негативной оценки поддерживается словами с семантикой опасности (семантизация вреда, угрозы: *риск, беспокойство, страх, опасение, брешь, уязвимость, вредоносный, утеря, срыв, перебой, сокрытие*), военной лексикой, включающей лексические единицы, концептуализирующие незаконные действия акторов в сфере кибердеятельности в терминах военных действий: *кибервойна, киберфронт, кибервойско, киберучения, киберармия, киберпротивник, кибератака, кибервоздействие, кибероружие, кибернападение, киберзахват, кибернаступление, кибернаступательный, кибервторжение, киберсдерживание, кибервмешательство, кибер-рейд, кибер-агрессия, киберполигон, кибероперация, кибероборона, киберразведка*. Сопряженная с данной тематической группой лексика, передающая семантику агрессии, усиливает общую прагматику опасности и угрозы безопасности пользователей виртуального интернет пространства: *киберугроза, насилие, давление, эскалация, блокирование, противостояние, жертва, вред, борьба, вторжение*.

Установив общую семантическую организацию дискурсивного тезауруса, мы провели анализ дистрибуции тематических групп лексики в раз-

личных жанрах кибербезопасности с целью определения жанровой специфики семантических доминант, репрезентирующих смыслы.

Таблица 3

Дистрибуция тематических групп лексики
в жанрах дискурсивных практик кибербезопасности

Жанры контента Темати- ческая группа	новостной	информа-ци- онно-просве- ти-тельский	професси- онально-ори- ентиро-ван- ный	рекламно- маркетинго- вый	сетевой
«Знание»	4 959.35	5 228.85	5 188.43	9 178.74	3 704.51
«Закон»	2 046.62	3 627.07	2 452.57	3 727.12	2 179.12
«Преступление»	2 249.22	349.82	1586.48	1 186.75	871.75
«Опасность»	4 664.37	10 807.53	11 348.18	11 088.65	3 268.69
«Агрессия»	1 696.13	1 159.92	1 068.45	1 019.86	1 089.56
«Война»	4 664.36	3 961.00	3 083.92	2 299.32	1 525.39

Как показывает таблица 3, в количественном выражении в каждом из рассматриваемых жанров семантическая доминанта дискурсивных практик кибербезопасности образована лексическими единицами с семантикой опасности, которая поддерживается темой «Агрессия». Так, в информационно-просветительском, профессионально-ориентированном, рекламно-маркетинговом контенте объектом описания становятся проблемы, нарушения, негативные последствия использования интернет-технологий, вызывающие ощущения риска и незащитности: (2) *Эпоха цифровизации и процессы цифровой трансформации грозят снова изменить парадигму защиты — все становится цифровым и вместе с возможностями порождает и новые риски* (<https://www.it-world.ru/cionews/security/>); (3) *Сегодня один из векторов — это подача фейковой информации от имени взломанных источников* (kommersant.ru); (4) *Такие типы атак фактически превращают сервисы и информацию в оружие* (myseldon.com).

В исследуемых жанрах важное место занимает тематика экспертного знания и просвещения, что связано с необходимостью внедрения в общественное сознание терминологических и юридических понятий, передающих знание о новых технологиях, способах преодоления угроз и рисков. Примечательно, что тема знания в текстах информационно-просветительских и профессионально-ориентированных жанров сопряжена с доминирующей стратегией медиатизации опасности и рисков, например: (5) *Раньше хакерам необходимо было обладать огромными знаниями, чтобы на-*

писать зловед, внедрить его и украсть данные. Теперь человек без специальных навыков может воспользоваться услугами посредников (<https://www.forbes.ru/tehnologii>). В новостных и рекламно-маркетинговых текстах доминируют лексические единицы с семантикой преступления и используется метафорическая семиотика войны: (6) *В США идет расследование самой крупной кибератаки современности, целью которой стали многие жизненно важные правительственные учреждения страны. Хакеры чаще всего предпочитают атаковать не конкретную цель, а стремятся охватить максимально возможное количество жертв* (https://www.rbc.ru/technology_and_media).

Состав лексики рекламно-маркетинговой сферы указывает на жанровую специфику семантической организации текстов. Доминантой в них становится лексика с семантикой «Знание» (9178.74) и «Опасность» (11088.75), что позволяет предположить, что в целях маркетингового воздействия на адресата (возможного потребителя услуги) составители текстов позиционируют себя как носителей экспертного знания, например: (7) *Компания «Интеллектуальная безопасность» является резидентом ИТ-кластера Сколково по направлению «Кибербезопасность» и разрабатывает передовые решения в области управления и автоматизации процессов информационной безопасности для практического применения в государственном и корпоративном сегментах* (<https://www.securityvision.ru>); эксплуатируют страх перед технологиями, намеренно усиливая семантику опасности: (8) *«ДиалогНаука» предоставляет широкий спектр программных и аппаратных средств защиты информации производства ведущих отечественных компаний для защиты от вирусов, спама, сетевых атак, утечки конфиденциальной информации и других угроз информационной безопасности* (<https://www.dialognauka.ru>); (9) *Это недостаток программно-технического средства или информационной системы в целом, который может быть использован для реализации угроз безопасности информации, то есть уязвимость — это слабое место актива или средства контроля и управления, которое может быть использовано злоумышленниками* (<https://www.securityvision.ru/blog>).

Публикации в сетевом дискурсе часто преследуют цели, сходные с рекламно-маркетинговым контентом. Авторы блогов, претендуя на роль «лидера мнения», пытаются совместить реализацию информативно-просветительской цели с интенцией саморекламы: (9) *Обычные люди тоже становятся целью для киберпреступников. Злоумышленники используют для кибермошенничества актуальные проблемы. Например, в активно эксплуатируется тема вакцинации и QR-кодов* (<https://vk.com/cybersi>). Для этой разновидности медийного контента характерно минимальное ис-

пользование специальной лексики, стремление к упрощенному разъяснению причин и последствий кибератак с целью предупреждения пользователей о возможных угрозах.

4. Заключение = Conclusions

Использование методологии корпусной лингвистики в анализе текстовых массивов дискурсивных практик кибербезопасности на материале русскоязычного медийно-сетевого контента позволило провести когнитивно-семантическую реконструкцию дискурсивного тезауруса и верифицировать основные черты его системной организации. Семантически тезаурус организован вокруг стержневого понятия «кибербезопасность», которое вербализовано терминологическими единицами и словосочетаниями, представляющими собой специализированные именные и глагольные коллокации, характеризующимися информативной, описательно-дескриптивной семантикой научно-технического содержания, номинирующими виды информационной безопасности, ее субъектов и типы действий, определяющих безопасное онлайн-поведение и направленных на предотвращение угрозы. С другой стороны, тезаурус включает значительный пласт негативно окрашенных лексических единиц и коллокаций, формирующий отрицательное оценочное поле дискурса.

Проведенное исследование позволило провести категоризацию лексических единиц дискурсивной практики «кибербезопасность» и изучить их дистрибуцию и контекстуально-семантические особенности в различных форматах русскоязычного медийного и сетевого контента. Анализ показал, что, наряду с терминами и единицами общего характера, относящимися к сферам «Информационные и компьютерные технологии», «Знание», «Закон», в дискурсе кибербезопасности регулярно присутствует милитарно-агрессивная лексика, образующая тематические группы «Опасность», «Преступление», «Война», «Агрессия» и формирующая негативную рецепцию компьютерных технологий в сознании представителей русскоязычного дискурсивного сообщества. Выявленная специфика организации тезауруса дискурса объективирует научную гипотезу данного исследования о биполярности ценностных представлений о кибербезопасности как новой социальной реальности в современных дискурсивных практиках, где наряду с реализацией информативной, информационно-просветительской функций и интенцией позитивной маркизации компьютерных технологий формируется дискурсивная негативная оценка у нейтральных в оценочном плане языковых единиц, что усиливает семантику риска и опасности, формирует критичное отношение и недоверие к ним пользователей.

Предложенная методика изучения семантической, прагматической и аксиологической дискурсивных составляющих с помощью методов корпусного анализа представляется перспективной для решения важной методологической задачи — фиксации и анализа актуальных дискурсивных практик, ориентированных на ценностное освоение феноменов новой социальной реальности.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. КДПК — *Корпус* дискурсивных практик кибербезопасности. — CQPweb [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://cqpweb.lancs.ac.uk/usr/6c/lakvolgu/> (дата обращения 14.01.2023).
2. Uppsala Russian Corpus — CQPweb [Electronic resource]. — Access mode : <https://cqpweb.lancs.ac.uk/> (accessed 16.01.2023).

Литература

1. Анашкина И. А. Корпусно-ориентированный метод дискурс-анализа (на материале английского языка) / И. А. Анашкина, И. И. Конькова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2021. — № 2. — С. 30—42. — DOI: 10.15593/2224-9389/2021.2.3.
2. Бродовская Е. В. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи : результаты комплексного прикладного исследования / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Пырма, А. В. Сиянков, А. А. Азаров // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. — 2019. — № 1. — С. 228—251. — DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.11.
3. Ефремова М. П. Концепт «SAFETY/SECURITY» в английской языковой картине мира : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / М. П. Ефремова. — Санкт-Петербург, 2021. — 25 с.
4. Змазнева О. А. Коммуникативное пространство соцсетей начала XXI в. : файлы образов и потоки сознания / О. А. Змазнева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : Философские науки. — 2018. — № 3 (27). — С. 16—22.
5. Ильинова Е. Ю. Семантическая категоризация при реконструкции тематического содержания текста новостного сообщения / Е. Ю. Ильинова // Когнитивные исследования языка. — 2016. — № 26. — С. 537—539.
6. Карасик В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2013. — 320 с. — ISBN 978-5-94244-043-5.
7. Кочетова Л. А. Когнитивно-корпусный подход к анализу конструирования ценностных смыслов в рекламном дискурсе / Л. А. Кочетова, И. В. Кононова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2019. — № 2. — С. 65—74.

8. Леонтьева Т. В. Репрезентация противоположностей в слове друг-враг : контекстный анализ / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина // Мир русского слова. — 2020. — № 2. — С. 35—39. — DOI: 10.24411/1811-1629-2020-12035.
9. Маринова Е. В. Эволюция понятия «виртуальная личность» в цифровую эпоху (социо-лингвистическое исследование на материале русских текстов) / Е. В. Маринова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 151—169. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169.
10. *Общая и русская лингвоаксиология : коллективная монография* / М. С. Милованова (отв. ред.), К. Я. Сигал, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Б. И. Фоминых, Н. А. Боженкова, Л. М. Гончарова, А. Н. Матрусова, Р. Р. Шамсутдинова ; ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. — Москва — Ярославль : Издательство «Канцлер», 2022. — 390 с. — ISBN 978-5-98269-258-0.
11. Орлова Н. В. Семантические ряды как инструмент анализа дискурса (на материале дискурса о поколениях) / Н. В. Орлова // Научный диалог. — 2021. — № 1 (7). — С. 108—122. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-108-122.
12. Ребрина Л. Н. Семантика вражды : обозначения агрессивного субъекта в Интернет-коммуникации / Л. Н. Ребрина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2021. — Т. 20. — № 4. — С. 74—90. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.6>.
13. Чернявская В. Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике / В. Е. Чернявская // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2017. — № 50. — DOI: 10.17223/19986645/50/9.
14. Baker P. Using Corpora in Discourse Analysis / P. Baker. — London : Continuum, 2006. — 208 p.
15. Gabrielatos C. Keyness Analysis: nature, metrics and techniques / C. Gabrielatos // Taylor, C. & Marchi, A. (eds.) *Corpus Approaches to Discourse : A critical review*. — Oxford : Routledge, 2018. — Pp. 225—258.
16. Laclau E. The Time is out of Joint / E. Laclau // *Diacritics*. — 1995. — Vol. 25. — № 2. — Pp. 85—96.
17. Louw B. Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies / B. Louw // M. Baker, G. Francis and E. Tognini-Bonelli (eds), *Text and Technology : In Honour of John Sinclair*. — Amsterdam : John Benjamins, 1993. — Pp. 157—175.
18. Parvaresh V. Covertly communicated hate speech : A corpus-assisted pragmatic study / V. Parvaresh // *Journal of Pragmatics*. — 2023. — Vol. 205. — Pp. 63—77. — DOI: 10.1016/j.pragma.2022.12.009.
19. Stubbs M. Collocations and semantic profiles. On the cause of the trouble with quantitative studies / M. Stubbs // *Functions of Language*. — 1995. — № 2/1. — Pp. 23—55.
20. Teubert W. *Corpus Linguistics. A short introduction* / W. Teubert, A. Cermakova. — London et al. : Continuum, 2007. — 176 p. — ISBN 9780826494801.

*Статья поступила в редакцию 16.03.2023,
одобрена после рецензирования 18.04.2023,
подготовлена к публикации 24.04.2023.*

Material resources

KDPC is a corpus of discursive cybersecurity practices — *CQPweb*. Available at: <https://cqpweb.lancs.ac.uk/usr/6c/lakvolgu/> (accessed 14.01.2023). (In Russ.).

Uppsala Russian Corpus — *CQPweb*. Available at: <https://cqpweb.lancs.ac.uk/> (accessed 16.01.2023).

References

- Anashkina, I. A., Konkova, I. I. (2021). Corpus-oriented method of discourse analysis (based on the material of the English language). *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Problems of linguistics and pedagogy*, 2: 30—42. DOI: 10.15593/2224-9389/2021.2.3. (In Russ.).
- Baker, P. (2006). *Using Corpora in Discourse Analysis*. London: Continuum. 208 p.
- Brodovskaya, E. V., Dombrovskaya, A. Yu., Pyrma, R. V., Sinyakov, A. V., Azarov, A. A. (2019). The influence of digital communications on the formation of professional culture of Russian youth: the results of a comprehensive applied research. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, 1: 228—251. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.11. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2017). Methodological possibilities of discursive analysis in corpus linguistics. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 50. DOI: 10.17223/19986645/50/9. (In Russ.).
- Efremova, M. P. (2021). *The concept of “SAFETY/SECURITY” in the English language picture of the world*. Author’s abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 25 p. (In Russ.).
- Gabrielatos, C. (2018). *Keyness Analysis: nature, metrics and techniques*. Oxford: Routledge. 225—258.
- General and Russian linguoaxiology: A collective monograph*. (2022). Moscow—Yaroslavl: Publishing house “Chancellor”. 390 p. ISBN 978-5-98269-258-0. (In Russ.).
- Ilinova, E. Yu. (2016). Semantic categorization in the reconstruction of the thematic content of the text of a news message. *Cognitive studies of language*, 26: 537—539. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2013). *Language matrix of culture*. Moscow: Gnosis. 320 p. ISBN 978-5-94244-043-5. (In Russ.).
- Kochetova, L. A., Kononova, I. V. (2019). Cognitive-corpus approach to the analysis of the construction of value meanings in advertising discourse. *Questions of cognitive linguistics*, 2: 65—74. (In Russ.).
- Laclau, E. (1995). The Time is out of Joint. *Diacritics*, 25 (2): 85—96.
- Leontieva, T. V., Shchetinina, A. V. (2020). Representation of opposites in the word friend-enemy: contextual analysis. *The world of the Russian word*, 2: 35—39. DOI: 10.24411/1811-1629-2020-12035. (In Russ.).
- Louw, B. (1993). Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies. In: *Text and Technology: In Honour of John Sinclair*. Amsterdam: John Benjamins. 157—175.
- Marinova, E. V. (2023). Evolution of the concept of “virtual personality” in the digital age (socio-linguistic research based on Russian texts). *Nauchnyj dialog*, 12 (1): 151—169. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169. (In Russ.).
- Orlova, N. V. (2021). Semantic series as a discourse analysis tool (based on the discourse on generations). *Nauchnyj dialog*, 1 (7): 108—122. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-108-122. (In Russ.).
- Parvaresh, V. (2023). Covertly communicated hate speech: A corpus-assisted pragmatic study. *Journal of Pragmatics*, 205: 63—77. DOI: 10.1016/j.pragma.2022.12.009.
- Rebrina, L. N. (2021). Semantics of enmity: designations of an aggressive subject in Internet communication. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 20 (4): 74—90. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.6>. (In Russ.).

- Stubbs, M. (1995). Collocations and semantic profiles. On the cause of the trouble with quantitative studies. *Functions of Language*, 2/1: 23—55.
- Teubert, W., Cermakova, A. (2007). *Corpus Linguistics. A short introduction*. London et al.: Continuum. 176 p. ISBN 9780826494801.
- Zmazneva, O. A. (2018). The communicative space of social networks of the beginning of the XXI century: image files and streams of consciousness. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences*, 3 (27): 16—22. (In Russ.).

*The article was submitted 16.03.2023;
approved after reviewing 18.04.2023;
accepted for publication 24.04.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(3), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Никонова Е. А. Editorial как дискурсивный жанр / Е. А. Никонова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 153—170. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-153-170.

Nikonova, E. A. (2023). Editorial as a Discursive Genre. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 153-170. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-153-170. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-153-170

Editorial как дискурсивный жанр

Никонова Екатерина Андреевна
orcid.org/0000-0001-9260-4554
кандидат филологических наук,
старший преподаватель
кафедры Английского языка № 3
ekatnikon2014@yandex.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Editorial as a Discursive Genre

Ekaterina A. Nikonova
orcid.org/0000-0001-9260-4554
PhD in Philology, Senior Lecturer,
Department of English No. 3
ekatnikon2014@yandex.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Никонова Е. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается editorial как дискурсивный жанр англоязычной прессы. Концепция дискурсивного жанра была разработана М. Монтгомери на примере текстов массмедиа и позволяет объединить подход к рассмотрению жанра, с одной стороны, как рекуррентной устойчивой структуры, а с другой — как структуры подвижной и изменчивой. Утверждается, что данный подход особенно актуален для медиатекстов ввиду существующих сложностей с выработкой их типологии и определения их статуса. Выделены жанрообразующие черты editorial: использование разговорной речи, аргументативность, интертекстуальность, высокая экспрессивность, присутствие индивидуально-авторских номинаций, а также применение дискурсивных практик рекомендации и прогнозирования. Определена структура жанра: она представляет собой трехступенчатую модель, где особую роль играет вывод, который, в свою очередь, может принимать такие формы, как вывод-рекомендация, вывод-прогноз, вывод-оценка, а также различные комбинации всех трех типов выводов. Установлено, что с точки зрения содержательного наполнения editorial освещает наиболее актуальные вопросы, находящиеся в центре общественно-политических дебатов. Дано определение editorial как жанра качественной англоязычной прессы, который выступает в качестве инструмента продвижения политических интересов газеты и оказания влияния на общественные ценности и взгляды.

Ключевые слова:

дискурсивный жанр; editorial; жанры медиа; медиалингвистика; жанроведение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Editorial is considered as a discursive genre of the English-language press. The concept of the discursive genre was developed by M. Montgomery on the example of mass media texts and allows us to combine the approach to considering the genre, on the one hand, as a recurrent stable structure, and on the other hand, to emphasize its mobility and variability. It is argued that this approach is especially relevant for media texts due to the existing difficulties in developing their typology and determining their status. The genre-forming features of editorial are highlighted: the use of colloquial speech, argumentativeness, intertextuality, high emotionality of the language, the presence of individual author's nominations, as well as the use of discursive practices of recommendation and forecasting. The structure of the genre is defined: it is a three-stage model, where the conclusion plays a special role, which, in turn, can take such forms as conclusion-recommendations, conclusion-forecast, conclusion-evaluation, as well as various combinations of all three types of conclusions. It has been established that, from the point of view of content, the editorial covers the most pressing issues that are at the center of socio-political debates. The definition of editorial is given as a genre of high-quality English-language press, which acts as a tool for promoting the political interests of the newspaper and influencing public values and attitudes.

Key words:

discursive genre; editorial; media genres; media linguistics; genre studies.

Editorial как дискурсивный жанр

© Никонова Е. А., 2023

1. Введение = Introduction

Вопрос о типологическом статусе текстов СМИ остается одним из наиболее чувствительных аспектов медиалингвистики. Развернувшуюся дискуссию можно свести к двум основным проблемным моментам. Во-первых, существует наложение вариантов названия коммуникативных форм медиа. Во-вторых, «многомерный характер» медиатекстов [Добросклонская, 2000] и их изменчивость, подвижность [Miller, 2017, p. 135] осложняют процесс фиксации типологических признаков и, как следствие, вызывают сомнения в их статусе. Проблема становится ощутимее при попытках выработки универсальной кросс-культурной системы медиатекстов. Так, например, в отечественной лингвистике нет аналога англосаксонскому тексту «feature» или «editorial», и попытки их соотношения с «занимательной статьей» и «редакторской колонкой» в российской журналистике ставят под вопрос актуальность уже принятых в отечественной науке характеристик данных текстов. В связи с этим поиск инструмента определения статуса и границ медиатекста остается актуальным. Представляется, что наиболее продуктивным решением данного вопроса является анализ текстов СМИ в качестве *дискурсивных жанров*.

Данная концепция выработана М. Монтгомери на примере теленовостей [Montgomery, 2007] и получила развитие у ряда зарубежных исследователей (см. Дж. Бернадин [Bernadine, 2016], Р. Сэлли [Sally, 2018] и др., однако на настоящий момент получила недостаточное освещение в отечественной лингвистике, тем не менее отмечается существенный эвристический потенциал данного подхода для анализа медиажанров [Иванова, 2022, с. 12].

Такой подход, с одной стороны, позволяет рассмотреть жанры как устойчивые стандартизированные структуры (а значит, дает основания для выделения характерных жанрообразующих черт), а с другой — обеспечивает понимание жанра как конфигурации дискурсивных элементов [Montgomery, 2007, p. 26] и тем самым объясняет «подвижность» жанров.

Целью данного исследования является обоснование продуктивности применения понятия дискурсивного жанра к медиатекстам. Исследование выполнено на примере editorial, текстотипа, широко представленного в англосаксонской журналистской традиции. В данном исследовании мы

придерживаемся именно англоязычного наименования жанра; *редакторская статья* или *редакторская колонка* как варианты перевода *editorial* не являются, на наш взгляд, терминологически точными, поскольку представляют в российских журналистских реалиях аутентичные жанры. Поскольку концепция дискурсивного жанра объединяет в себе жанроведческий и дискурсивный подходы к жанру, то в качестве инструментов исследования были задействованы, с одной стороны, приемы дискурсивного анализа текста (для описания дискурсивной природы жанра, и в частности — выделения и характеристики дискурсивных практик, используемых в *editorial*), а с другой, процедуры стилистического, лексического, грамматического, синтаксического анализа текста (для описания структуры, стиля и содержания *editorial*). Новизна исследования заключается в рассмотрении *editorial* как самостоятельного жанра англоязычных СМИ.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Эмпирическим материалом исследования послужили 60 публикаций *editorial* качественной англоязычной прессы, размещенных в таких изданиях, как *the Economist*, *the Guardian*, *the Washington Post*, за 2020—2023 годы. В качестве методов исследования использовались инструменты дискурсивного, стилистического, лексического и грамматического анализа текста. Интерпретация *editorial* как самостоятельного жанра осуществлялась на основе классического жанроведческого и дискурсивного подхода к рассмотрению жанра.

Понятие «жанр» находится в фокусе внимания многих лингвистических парадигм (жанры получают осмысление в рамках семиотической парадигмы (Т. В. Шмелева [Шмелева, 2007], В. Е. Гольдин [Гольдин, 2002]), изучаются с позиций прагматики (К. Ф. Седов [Седов, 1999]), ведутся когнитивные исследования жанра (Г. Г. Слышкин [Слышкин, 2005], А. Г. Баранов [Баранов, 1999]; В. В. Дементьев [Дементьев, 2012] и др.), что допускает разночтения в интерпретации ряда ядерных характеристик явления. Тем не менее все эти подходы объединяет взгляд на жанр как на определенную стандартизированную форму. В основе данной формы находятся устойчивое структурно-содержательное наполнение и специфическое вербальное оформление. Это понимание, заложенное в трактовку жанра, находит отражение в бахтинской триаде, представленной структурным, содержательным и стилевым единством [Бахтин]. Рассмотрение медиатекстов с позиции жанра имеет право на существование ввиду неоспоримости наличия определенных прототипов в сознании потребителей. Тот факт, что тексты СМИ легко распознаются в отношении типовой модели, объясняется наличием «жанрового мышления» (*genre-thinking*) [Kelly, 217, p. 291] и

«жанровых ключей» (genre cues) [Молодыхенко, 2021, с. 94], что заметно облегчает процесс взаимодействия производителя и потребителя медиатекстов. Однако анализа медиатекстов через призму жанра недостаточно для их комплексного глубокого исследования, поскольку тексты СМИ отличаются многомерностью [Добросклонская, 2002, с. 69]: во-первых, один и тот же текстотип может быть воплощен посредством различных знаковых систем, а во-вторых, одна содержательно-стилевая структура может быть реализована посредством целой серии жанров или форматов (например, новостное сообщение может быть представлено как короткая новость-молния, расширенная заметка, интервью, репортаж). В результате возникает сомнение в целесообразности истолкования данного текстотипа как единого самостоятельного жанра, разрешить которое в рамках традиционного жанроведения не представляется возможным. Чтобы преодолеть это противоречие между наличием устойчивой узнаваемой модели текста, с одной стороны, и подвижностью и гибкостью границ этой модели — с другой, целесообразно использование концепции дискурсивного жанра.

Дискурсивный жанр — характерное узнаваемое построение элементов дискурса с целью реализации конкретной коммуникативной задачи или комплекса задач, как правило, имеющее «жанровый ярлык», хорошо известный коммуникантам [Montgomery, 2007, р. 26]. Иначе говоря, жанр понимается как стандартизированный набор элементов, создающих структуру, в рамках которой могут происходить дискурсивные изменения [Montgomery, 2007, р. 26], то есть дискурсивный жанр позволяет объяснить нестабильность, подвижность границ жанров, в том числе медиажанров, а также перенести акцент на их процессуальный характер. Итак, описание дискурсивного жанра происходит в рамках жанроведческого и дискурсивного подходов к жанру: с одной стороны, в фокусе внимания исследователей находится классическое бахтинское понимание жанра как стабильной рекуррентной формы, обладающей единством структуры, стиля и содержания, а с другой, в качестве ключевой характеристики жанра выделяется дискурсивность, то есть его социальная ориентированность, выраженная за счет дискурсивных практик.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Социально-политическая значимость editorial

Оформление и распространение жанра editorial связано с превращением газет на рубеже XIX—XX веков в самостоятельный социальный институт, способный оказывать влияние на общественно-политические настроения. Кроме того, именно editorial способствовал зарождению журналистики мнений [Schudson, 1978] и стал инструментом поддержания независимости газет от влияния различных политических групп [Conboy,

2005]. Сегодня editorial не имеет такого революционного значения для медиасферы, однако ряд исследований, показывает, что позиции, транслируемые в editorial, могут оказывать существенное влияние на разделяемые в данном обществе ценности и мнения (J. N. Druckman [Druckman, 2005], P. Norris [Norris, 1999], K. F. Kahn [Kahn, 2002]). «То, как автор editorial интерпретирует и использует факты для того, чтобы убедить, сформировать актуальную повестку или раскритиковать, может иметь большое значение для читателя» [Hallock, 2007, с. 11]. Однако тексты жанра editorial ориентированы не на широкие массы, они предполагают узкую целевую аудиторию: «Мы можем полагать, что члены парламента, конгресса, министры, топ-менеджеры корпорации или другие общественные лидеры следуют мнению наиболее уважаемых газет» [Dijk] (здесь и далее перевод наш. — *Е. Н.*). Специфика позиций, высказываемых в editorial, заключается в том, что они носят институциональный характер и являются не личной точкой зрения редактора, а представляют собой мнение редакции газеты, журнала [Dijk et al., 2001, с. 29]. О том, что целью editorial является выражение коллективного мнения, свидетельствует и то, что статьи данного жанра не подписываются, поскольку автор «многолик». Кроме того, сами газеты указывают на институциональный характер мнений, высказанных на страницах editorial. Например, The Washington Post дает следующую характеристику: «Editorials содержат в себе мнения и позиции The Washington Post как института и формируются в процессе дебатов между членами редакционной коллегии» [The Washington Post].

Жанр editorial возник в результате усиления общественно-политической роли газет и до сегодняшнего дня сохранил за собой статус голоса издания [Никонова, 2022], способного оказывать влияние на общественные настроения и решения политиков / политических групп. Отметим, что утверждение о способности editorial оказывать непосредственное влияние на сферу политики не является голословным; ряд исследований доказывают данную тенденцию, см.: [Firmstone, 2008; Firmstone 2019; Tirkkonen-Condit 1989]. Жанровые характеристики editorial обусловлены данной социальной ролью.

3.2. Editorial: структурно-содержательно-стилевое единство

Содержательная основа жанра editorial определяется двумя аспектами. Во-первых, данный жанр представлен именно в качественной прессе [Firmstone 2019] и спектр освещаемых здесь тем ограничивается социально-политическими вопросами. Во-вторых, как и любой другой жанр СМИ, editorial нацелен на освещение наиболее актуальных вопросов, находящихся в центре общественно-политических дебатов.

Что касается структуры жанра, то исследователи (T. van Dijk [Dijk], H. Katajamaki [Katajamaki], K. Nanri [Nanri]) указывают на наличие оформ-

ленной модели текста, включающей введение, основную часть и вывод, что типично для любого другого жанра СМИ. Исследования, нацеленные на кросс-культурный анализ editorial, показывают вариации в структуре выводов в зависимости от страны, в которой выходит в свет печатное издание. Так, С. Тирконен-Кандит, сравнивая британские, американские и финские тексты editorial, делает вывод о том, что в англо-американской традиции принято четко формулировать свою позицию по результатам приведенных аргументов в заключении статьи, в то время как финские журналисты стараются избегать делать какие-либо выводы, особенно если речь идет о противоречивых и острых вопросах, таким образом, вывод-оценка либо отсутствует, либо переживает какую-то трансформацию [Tirkkonen-Condit, 1989]. Анализ англоязычных качественных изданий демонстрирует следующие варианты выводов: вывод-рекомендация, вывод-прогноз, вывод-оценка, а также возможны комбинации всех трех типов выводов [Никонова, 2023].

Стилистические особенности editorial вытекают из целевой установки жанра на «вмешательство в сферу политики и оказание влияния на общественное сознание» [Firmstone, 2019]. Для жанра характерна высокая степень эмоциональности и убедительности: в editorial прослеживается «резкое отношение к политике, а также высокая степень эмоциональности языка» [Hallock, 2007, p. 41], что определяет такие его стилистические черты, как использование разговорной речи, аргументативность, интертекстуальность, высокая экспрессия, присутствие индивидуально-авторских номинаций [Никонова, 2022].

Разговорная речь. Несмотря на то, что editorial является «родным» жанром для качественной прессы, которая в меньшей степени подвержена тенденции демократизации речи, для жанра характерно широкое использование разговорной лексики, что связано с прагматическим эффектом актуализации фигуры автора и интимизации отношений «автор — читатель» и в конечном счете позволяет оказать эмоциональное воздействие на адресата. Интенсивное использование разговорной речи сближает жанр с такими более «свободными» жанрами, как колонка или мнение (opinion).

(1) *Having been slow to respond, the Federal Reserve is now **cranking up** interest rates at the fastest pace since the 1980s, while the dollar is at its strongest for two decades, causing chaos outside America* [the Economist, 6.10.22] // Поскольку Федеральный резерв США очень долго реагировал, сейчас он вынужден задираť ставку рефинансирования, чего не было с 1980-х, в то время как доллар находится на своем пике за последние десятилетия, что вызывает панику за пределами Америки (здесь и далее перевод наш. — Е. Н.).

В примере (1) наблюдаем обращение к фразовому глаголу *crank up*, сопровождаемому в Cambridge Dictionary пометкой «informal» (то есть

глагол относится к неформальному слою лексики), что позволяет на фоне более формального повествования создать эффект «раскованной речи», в результате чего автор акцентирует внимание на увеличении ставки рефинансирования Федрезервом США как наиболее важном событии.

Использование разговорных речевых конструкций нацелено на диалогизацию текста: стимулирование диалога с аудиторией выступает в качестве способа интенсификации интериоризации — принятия новой информации, ее встраивания в картину мира адресата [Пром, 2022, с. 147], что отвечает целевой установке editorial на оказание влияния на политические взгляды читателей.

(2) *“Get it,” said Liz Truss, the prime minister, in an address to the Conservative Party conference in Birmingham on October 5th, “and I have listened.” She doesn’t, and she hasn’t* [the Economist, 06.10.2022] // «Поняла», — заявила Лиз Трасс, премьер-министр, в своей речи на конференции Консервативной партии в Бирмингеме 5 октября, — «и я прислушалась». На самом деле нет.

В примере (2) используется парцелляция с элементами эллипсиса: это конструкция, характерная для разговорной речи, стремящейся к компрессии. В результате автор достигает эффекта живого диалога с читателем, что позволяет привлечь внимание аудитории к авторской оценке бездействия премьер-министра Лиз Трасс и способствовать усвоению этой точки зрения читателем.

Индивидуально-авторские номинации. Использование индивидуально-авторских номинаций в тексте позволяет сформировать у адресата заданное восприятие, придать суждению оценочный характер [Клушина, 2023, с. 49]. Будучи «голосом» общества [Firmstone 2019], авторы editorial прибегают к использованию концептуальной лексики, метафорам, ярлыкам и неологизмам для «встраивания» в сознание реципиента определенных смыслов и идей. Остановимся более подробно на индивидуально-авторской номинации. Ниже рассмотрим пример использования окказионального неологизма *Bidenomics* (*байденномика*) для обозначения экономической политики администрации Дж. Байдена:

(3) *Yet the consequences of nearly two years of Bidenomics go well beyond stoking inflation. Bidenomics takes on two of the biggest long-term threats facing America: the rise of an increasingly autocratic China, and the looming dangers of climate change* [The Economist, 27.10.2022] // Тем временем последствия почти двух лет байденномики включают далеко не только ускоренную инфляцию. Ее результат — две долгосрочные угрозы для Америки: усиление автократии КНР и надвигающаяся угроза изменения климата.

Неологизмы используются в речи для обозначения новых явлений / событий / предметов и сохраняют эту функцию в текстах СМИ. Исполь-

зование неологизма «*байденоника*» позволяет автору сконцентрировать внимание читателя на экономической политике администрации президента Дж. Байдена как чем-то новым, нетипичном, отличающемся от обычного комплекса экономических инструментов / механизмов. В результате в сознании читателей создается смысловая цепочка: «экономическая политика Байдена > отклонение от нормы > отрицательная оценка».

Интертекстуальность. Жанр editorial аккумулирует в себе информацию всего номера издания, однако ввиду достаточно небольшого объема автор вынужден прибегать не к прямому указанию на источник информации, а к внутритекстовым ссылкам.

(4) *Energy inflation is spilling over into the rest of Europe's economy, creating an acute dilemma for the European Central Bank. It needs to raise interest rates to control prices. But if it goes too far it could destabilise the euro zone's weaker members, not least indebted Italy (see Finance & Economics section)* [the Economist, 24.11.2022] // Инфляция, вызванная ростом цен на энергоресурсы, распространяется на экономики остальной Европы, создавая серьезную дилемму для Европейского Центрального Банка. Ему необходимо поднимать ставку рефинансирования для контроля цен. Но если он переусердствует, то может дестабилизировать наиболее слабых членов еврозоны, например, погрязшую в долгах Италию (см. раздел Финансы и Экономика).

В примере (4) в качестве аргумента, подтверждающего высказанную мысль, автор дает ссылку на статью в текущем номере, где приводится подробный комментарий по данному вопросу.

Экспрессия. Для editorial характерна эмоциональность, что связано с целевой установкой на воздействие на адресата. Наиболее частотные приемы создания экспрессии — использование превосходных степеней прилагательных, сравнений, эмоционально-оценочной лексики и идиом.

Обращение автора к превосходным степеням прилагательных не является грамматически обусловленным и имеет целью усилить экспрессию текста:

(5) *This week's G20 meeting took place in Indonesia, the most important country that people routinely overlook* [the Economist, 19.11.2022] // На этой неделе встреча стран-членов G20 прошла в Индонезии, наиболее важной стране, которую по привычке игнорируют.

В данном примере отсылка автора к Индонезии как «самой важной стране» не имеет дословного значения, а является намеренным преувеличением. Представляется, что прагматический смысл данного приема — создать иронический эффект (Индонезия — действительно небольшое государство, чье мнение часто остается без внимания на международной

арене), ирония же, в свою очередь, является эффективным инструментом привлечения внимания читателей [Скибина, 2018].

Идиомы, сравнения и эмоционально-оценочная лексика несут в себе отпечаток авторской позиции и также нацелены на убеждение читателей в истинности высказываемого мнения.

(6) *There are squabbles over detail, too, with Republicans averse to bail-outs for state and local governments. Some of this is the cynicism of a lame-duck congress* [Financial Times, 25.11.2020] // Есть также бесплодные споры о деталях, поскольку республиканцы выступают против государственных кредитов и кредитов для местного правительства. Некоторые из причин — результат философии правительства, которое не справляется со своими полномочиями.

В анализируемом примере автор использует тактику дискредитации Конгресса США в том числе за счет использования эмоционально-оценочного глагола *squabble* (“to argue about something that is not important” (спорить о чем-то неважном) [Cambridge Dictionary] и идиоматического выражения *lame duck* (неудачник), используемого в отношении правительств и политиков, которые представлены имеющими малое, недостаточное влияние. Все это позволяет усилить образ Конгресса как несостоятельного.

Аргументативность. Цель, лежащая в основе editorial и отличающая данный жанр от других жанров журналистики мнений, — высказывать мнение и доказывать его [Biber, 2009], что определяет аргументативный характер текстов editorial. Отметим, что поскольку жанр editorial не относится к объективным жанрам, то в большинстве случаев автор приводит риторические аргументы в поддержку своих идей / позиций. Например, рассмотрим отрывок из editorial “Stand and deliver” газеты The Times:

(7) *(T) It is perhaps not surprising that the Cop27 climate conference should have begun with an argument over “reparations” for the loss and damage caused by extreme weather events blamed on climate change. (A₁) Devastating floods in Pakistan earlier this year led to at least 1,700 deaths and caused an estimated \$44 billion of damage. (A₂) In Africa, extreme droughts have led to crop failures, starvation and loss of livelihoods. (A₃) Rising sea levels are threatening entire communities in small island states in the Pacific and Indian oceans and the Caribbean. (A₄) Few of the countries most affected by climate change had any responsibility for the historic carbon emissions blamed for rising temperatures, yet it is estimated the cost of the damage for the 55 most vulnerable countries could hit \$585 billion a year by 2030. Not surprisingly, they want rich countries responsible for the pollution to pay* [The Times, 07.11.2022] // Возможно, это неудивительно, что конференция по климату Cop27 должна была начаться со спора о «репарациях» за потери и ущерб, вызванный

экстремальными погодными условиями в результате изменения климата. Разрушительные наводнения в Пакистане ранее в этом году привели как минимум к 1 700 смертям и нанесли ущерб, исчисляемый \$44 млрд. В Африке сильная засуха привела к неурожаю, голоду и потере источников дохода. Повышение уровня моря угрожает целым коммуна, проживающим на маленьких островах в Тихом и Индийском океане и Карибском бассейне. Мало кто из стран, которые наиболее страдают от изменения климата, несут хоть какую-то ответственность за исторический максимум выбросов углекислого газа в результате изменения климата, хотя ущерб наиболее уязвимых стран исчисляется \$585 млрд в год к 2030 году. Неудивительно, что они хотят, чтобы богатые страны, которые несут ответственность за изменение климата, платили за нанесенный ущерб.

Автор приводит аргументы ($A_1 — A_4$), призванные доказать, что ущерб, нанесенный развивающимся странам из-за неблагоприятных погодных условий, вызван изменением климата и требует компенсации со стороны развитых стран, которые несут основную ответственность за происходящее. Однако анализ аргументов показывает, что они остаются на уровне субъективных заявлений, поскольку причинно-следственная связь между экстремальными природными явлениями и изменением климата автором не доказана, а навязывается как истинная.

3.3. Дискурсивные практики, используемые в editorial

Дискурсивный характер editorial находит отражение в реализации дискурсивных практик, а именно в дискурсивных практиках рекомендации и прогнозирования, которые тесно переплетаются и наслаиваются, что связано с тем, что рекомендации всегда сопровождаются их обоснованием, аргументацией, установлением причинно-следственных связей, выражением оценок и прогнозированием, что в конечном счете усиливает аналитическую составляющую текста.

Дискурсивная практика рекомендации реализуется за счет директивных речевых актов, выраженных модальными глаголами различной побудительной силы (*must, have to, to be to, need, ought to, will* реализуют наиболее «жесткую» форму рекомендации; *should, shall, may, might, could* — более мягкую), придаточных условных, побудительных предложений, а также прямой формы выражения рекомендации (конструкции типа “We recommend ...” (мы рекомендуем), “We hope ...” (мы надеемся), “We believe ...” (мы считаем), etc.).

Дискурсивные практики прогнозирования могут выражать высокую и низкую степень вероятности. Для трансляции прогноза относительно возможных будущих обстоятельств используются модальные глаголы *might / may / could / would*, а также придаточные условные; для прогнозов инва-

риантных событий — Present Continuous. Как отмечалось выше, частотны случаи использования дискурсивной практики прогнозирования «в связке» с дискурсивной практикой рекомендации:

(8) *But the coming month will be tense whatever he does. Mr. Bolsonaro has convinced a lot of Brazilians of terrifying falsehoods about Lula, such as that he would close down churches. The president has primed his supporters to distrust both Brazil's electronic voting system and its traditional, fact-checking media. If he loses, he may claim that he won and urge his supporters to take to the streets. A second term for such a man would be bad for Brazil — and the world. Only Lula can prevent it. Claiming the centre ground is the best way to do so* [The Economist, 04.10.2022] // Но ближайшие месяцы будут напряженными, что бы он ни делал. Ж. Болосонаро убедил множество бразильцев в фактах о Луле, которые не являются правдой, таких, например, как то, что он закроет церкви. Президент сделал все, чтобы его сторонники перестали доверять как избирательной системе Бразилии, так и традиционным проверяющим факты СМИ. Если он проиграет, он может заявить, что он выиграл, и заставить своих сторонников выйти на улицу в знак протеста. Второй срок для такого человека будет проблемой для Бразилии и мира. Только Лула может предотвратить это. Занять промежуточную позицию — лучший выход из ситуации.

В данном отрывке автор рассуждает о возможных последствиях проигрыша Ж. Болсонаро на президентских выборах, используя придаточное условное и модальный глагол *would*. Далее в форме повелительного наклонения автор дает рекомендацию, как стоит поступать избирателям на текущих выборах. Таким образом, в выводе автор сочетает элементы прогнозирования и рекомендации.

4. Заключение = Conclusions

Использование концепции дискурсивного жанра, выработанной М. Монтгомери, является продуктивным инструментом описания медиатекстов, поскольку позволяет, с одной стороны, отразить такую черту текстотипов СМИ, как узнаваемость и рекуррентность, а с другой — подчеркивает их подвижность и изменчивость.

Editorial представляет собой жанр качественной англоязычной прессы, который выступает в качестве инструмента продвижения политической воли газет и оказания влияния на общественные ценности и взгляды. Данная социальная роль жанра формирует матрицу его жанровых черт: использование разговорной речи, аргументативность, интертекстуальность, высокая экспрессивность, присутствие индивидуально-авторских номинаций, а также применение дискурсивных практик рекомендации и прог-

нозирования. Что касается структуры жанра, то она является стандартной для текста СМИ и состоит из введения, основной части и вывода. Вывод играет особую роль и может принимать такие формы, как вывод-рекомендации, вывод-прогноз, вывод-оценка, а также различные комбинации всех трех типов выводов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declare no conflicts of interests.

Литература

1. Баранов А. Г. Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности / А. Г. Баранов // *Жанры речи*. — 1997. — С. 4—12.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин. — Режим доступа : http://www.philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (дата обращения 2.01.2023).
3. Гольдин В. Е. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий / В. Е. Гольдин, О. Н. Дубровская // *Жанры речи*. — 2002. — Выпуск 3. — С. 5—17.
4. Дементьев В. В. «Актуализатор» и «актуализаторство» в парадигме когнитивной генерики / В. В. Дементьев // *Жанры речи*. — 2012. — Выпуск 8. — С. 60—99.
5. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов : опыт исследования современной английской медиа речи / Т. Г. Добросклонская. — Москва : МАКС Пресс, 2000. — 288 с. — ISBN 978-5-396-00100-8.
6. Иванова С. В. Новость как дискурсивный жанр : не отсутствующая структура / С. В. Иванова // *Terra Linguistica*. — 2022. — № 3. — С. 7—14. — DOI: 10.18721/JHSS.13301.
7. Клушина Н. И. Стратегия именования в воздействующей речи / Н. И. Клушина // *Вестник Московского университета*. — Серия 10. Журналистика. — 2006. — № 5. — С. 49—65.
8. Молодыхенко Е. Н. Метапрагматика и жанр : объединяя подходы / Е. Н. Молодыхенко, Ю. Шпицмюллер // *Russian Journal of Linguistics*. — 2021. — Т. 25. — № 1. — С. 89—104.
9. Никонова Е. А. Жанр editorial в англоязычной качественной прессе / Е. А. Никонова // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. — 2022. — Выпуск 3 (221). — С. 56—66.
10. Пром Н. А. Диалогизация дискурса и жанра в медиа [Электронный ресурс] / Н. А. Пром // *Жанры речи*. — 2022. — № 2 (34). — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/dialogizatsiya-diskursa-i-zhanra-v-media> (дата обращения 8.01.2023).
11. Седов К. Ф. Жанры речи в становлении дискурсивного мышления языковой личности / К. Ф. Седов // *Русский язык в контексте культуры*. — Екатеринбург : УрГУ, 1999. — С. 86—99.
12. Скибина О. М. Иронический заголовок как средство выразительности в журналистской деятельности (на примере региональных газет) / О. М. Скибина // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. — 2018. — Т. 1. — № 1. — С. 138—146. — EDN YSIXPO.
13. Слышкин Г. Г. Речевой жанр : перспективы концептологического анализа / Г. Г. Слышкин // *Жанры речи*. — 2005. — Выпуск 4. — С. 34—50.

14. Шмелева Т. В. Жанроведение? Генристика? Генология? / Т. В. Шмелева // Антология речевых жанров : повседневная коммуникация. — Москва : Лабиринт, 2007. — С. 62—67. — ISBN 5-87604-190-4.
15. Jones B. Television news and the digital environment : A triadic multimodal approach for analysing moving image media / B. Jones // *African Journalism Studies*. — 2016. — № 37. — Pp. 116—137.
16. Biber D. Register, genre and style / D. Biber, C. Susan. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009. — 344 p. — ISBN 9780511814358.
17. *Cambridge Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 9.01.2023).
18. Conboy M. The print industry-yesterday, today and tomorrow : An overview / M. Conboy ; R. Keeble (Ed.) // *Print journalism : A critical introduction*. — Oxford, U.K : Routledge, 2005. — Pp. 4—8. — ISBN 9780203006764.
19. Dijk van. T. Opinions and ideologies in editorials [Electronic resource] / van T. Dijk. — Access mode : <http://www.discursos.org/unpublished%20articles/Opinions%20and%20ideologies%20in%20editorials.htm> (accessed 9.01.2023).
20. Druckman J. N. The impact of media bias : How editorial slant affects voters / J. N. Druckman, M. Parkin // *The Journal of Politics*. — 2005. — № 67 (4). — Pp. 1030—1049.
21. *Financial Times*. The pressing urgency of further US fiscal relief [Electronic resource]. — 25.11.2020. — Access mode : <https://www.ft.com/content/d16c06f0-6321-421d-a000-96249f084fe2> (accessed 10.01.2023).
22. Firmstone J. Editorial journalism and newspapers' editorial opinions [Electronic resource] / J. Firmstone. — 2019. — Access mode : https://www.researchgate.net/publication/339886788_Editorial_journalism_and_newspapers_editorial_opinions (accessed 10.01.2023).
23. Firmstone J. The Editorial Production Process and Editorial Values as Influences on the Opinions of the British Press Towards Europe / J. Firmstone // *Journalism Practice*. — 2008. — № 2. — Pp. 212—229.
24. Hallock S. M. Editorial and opinion : The dwindling marketplace of ideas in today's news / S. M. Hallock. — Westport, CT : Praeger, 2007. — 256 p. — ISBN 0275993302.
25. Kahn K. F. The slant of the news : How editorial endorsements influence campaign coverage and citizens' views of candidates / K. F. Kahn, P. J. Kenney // *American Political Science Review*. — 2002. — № 96 (2). — Pp. 381—394.
26. Katajamäki H. An Editorial and its Intertextual Links : Case Study of a Finnish Business Newspaper [Electronic resource] / H. Katajamäki. — Access mode : https://www.researchgate.net/publication/267545802_An_Editorial_and_its_Intertextual_Links_Case_Study_of_a_Finnish_Business_Newspaper (accessed 11.01.2023).
27. Kelly A. R. Postscript : futures for genre studies / C. R. Miller, A. R. Kelly (eds.). — North Carolina State University Raleigh, North Carolina, USA, 2017. — 312 p.
28. Miller C. R. Emerging genres in new media environment / C. R. Miller, A. R. Kelly (eds.). — North Carolina State University Raleigh, North Carolina, USA, 2017. — 312 p. — ISBN-10: 3319402943.
29. Montgomery M. Discourse of broadcast news / M. Montgomery. — London ; New York : Routledge, 2007. — 265 p. — ISBN 9780415358729.
30. Nanri K. An Anatomy of the homogeneity and innocuousness of Japanese editorials [Electronic resource] / K. Nanri. — Access mode : <https://www.semanticscholar.org/>

paper/An-Anatomy-Of-The-Homogeneity-And-Innocuousness-Of-Nanri/dffb50ba3021a4b-3288c5064bc0aac7fcef27 ac6 (accessed 14.01.2023).

31. Norris P. On message : Communicating the campaign / P. Norris. — Thousand Oaks, CA ; London, U.K : SAGE, 1999. — 224 p.

32. Reardon S. Natural selection : Empiricist discourse in the talk of broadcast journalists / S. Reardon // Discourse & Communication. — 2018. — № 12. — Pp. 80—98. — DOI: 10.1177/1750481317735711.

33. Schudson M. Discovering the news : A social history of American newspapers / M. Schudson. — New York, NY : Basic Books, 1978. — 119 p.

34. *The Economist*. A new macroeconomic era is emerging what will it look like [Electronic resource]. — 6.10.2022. — Access mode : <https://www.economist.com/leaders/2022/10/06/a-new-macroeconomic-era-is-emerging-what-will-it-look-like> (accessed 16.01.2023).

35. *The Economist*. Britain's conservatives do not understand how much things have changed [Electronic resource]. — 06.10.2022. — Access mode : <https://www.economist.com/leaders/2022/10/06/britains-conservatives-do-not-understand-how-much-things-have-changed> (accessed 18.01.2023).

36. *The Economist*. Europe faces an enduring crisis of energy and geopolitics [Electronic resource]. — 24.11.2022. — Access mode : <https://www.economist.com/leaders/2022/11/24/europe-faces-an-enduring-crisis-of-energy-and-geopolitics> (accessed 18.01.2023).

37. *The Economist*. It's not inflation [Electronic resource]. — 27.10.2022. — Access mode : <https://www.economist.com/leaders/2022/10/27/the-risks-of-bidenomics-go-beyond-inflation> (accessed 20.01.2023).

38. *The Economist*. To win Brazil's presidency Lula should move to the centre [Electronic resource]. — 04.10.2022. — Access mode : <https://www.economist.com/leaders/2022/10/04/to-win-brazils-presidency-lula-should-move-to-the-centre> (accessed 21.01.2023).

39. *The Economist*. Why Indonesia matters [Electronic resource]. — 19.11.2022. — Access mode : <https://www.economist.com/leaders/2022/11/17/why-indonesia-matters> (accessed 23.01.2023).

40. *The Times*. The Times view on Cop27's opening dispute : stand and deliver [Electronic resource]. — 07.11.2022. — Access mode : <https://www.thetimes.co.uk/article/the-times-view-on-cop27s-opening-dispute-stand-and-deliver-nz6nsqgv0> (accessed 23.01.2023).

41. *The Washington Post* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.washingtonpost.com/opinions/the-posts-view/> (accessed 25.01.2023).

42. Tirkkonen-Condit S. Argumentation in Finnish vs. English and German Editorials / S. Tirkkonen-Condit // Text, interpretation, argumentation. — Hamburg : Helmut, 1989. — Pp. 173—181.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023,
одобрена после рецензирования 14.04.2023,
подготовлена к публикации 24.04.2023.

References

- Bakhtin, M. M. *The problem of speech genres*. Available at: http://www.philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (accessed 2.01.2023). (In Russ.).
- Baranov, A. G. (1997). Cognotypicity of the text. To the problem of levels of abstraction of textual activity. *Genres of speech*. 4—12. (In Russ.).

- Biber, D., Susan, C. (2009). *Register, genre and style*. Cambridge: Cambridge University Press. 344 p. ISBN 9780511814358.
- Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 9.01.2023).
- Conboy, M. (2005). The print industry-yesterday, today and tomorrow: An overview. In: *Print journalism: A critical introduction*. Oxford, U.K: Routledge. 4—8. ISBN 9780203006764.
- Dementyev, V. V. (2012). “Actualizer” and “actualization” in the paradigm of cognitive gen-
eristics. *Genres of speech*, 8: 60—99. (In Russ.).
- Dijk van. T. *Opinions and ideologies in editorials*. Available at: <http://www.discursos.org/unpublished%20articles/Opinions%20and%20ideologies%20in%20editorials.htm> (accessed 9.01.2023).
- Dobrosklonskaya, T. G. (2000). *Questions of studying media texts: the experience of studying modern English media speech*. Moscow: MAKSS Press. 288 p. ISBN 978-5-396-00100-8. (In Russ.).
- Druckman, J. N., Parkin, M. (2005). The impact of media bias: How editorial slant affects voters. *The Journal of Politics*, 67 (4): 1030—1049.
- Financial Times. (2020). *The pressing urgency of further US fiscal relief*. 25.11. Available at: <https://www.ft.com/content/d16c06f0-6321-421d-a000-96249f084fe2> (accessed 10.01.2023).
- Firmstone, J. (2019). *Editorial journalism and newspapers’ editorial opinions*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/339886788_Editorial_journalism_and_newspapers'_editorial_opinions (accessed 10.01.2023).
- Firmstone, J. (2008). The Editorial Production Process and Editorial Values as Influences on the Opinions of the British Press Towards Europe. *Journalism Practice*, 2: 212—229.
- Goldin, V. E., Dubrovskaya, O. N. (2002). Genre organization of speech in the aspect of social interactions. *Genres of speech*, 3: 5—17. (In Russ.).
- Hallock, S. M. (2007). *Editorial and opinion: The dwindling marketplace of ideas in today’s news*. Westport, CT: Praeger. 256 p. ISBN 0275993302.
- Ivanova, S. V. (2022). News as a discursive genre: not missing structure. *Terra Linguistica*, 3: 7—14. DOI: 10.18721/JHSS.13301. (In Russ.).
- Jones, B. (2016). Television news and the digital environment: A triadic multimodal approach for analysing moving image media. *African Journalism Studies*, 37: 116—137.
- Kahn, K. F., Kenney, P. J. (2002). The slant of the news: How editorial endorsements influence campaign coverage and citizens’ views of candidates. *American Political Science Review*, 96 (2): 381—394.
- Katajamäki, H. *An Editorial and its Intertextual Links: Case Study of a Finnish Business Newspaper*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/267545802_An_Editorial_and_its_Intertextual_Links_Case_Study_of_a_Finnish_Business_Newspaper (accessed 11.01.2023).
- Kelly, A. R. (2017). *Postscript: futures for genre studies*. North Carolina State University Raleigh, North Carolina, USA. 312 p.
- Klushina, N. I., Kelly, A. R. (eds.). (2006). Naming strategy in influencing speech. *Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism*, 5: 49—65. (In Russ.).
- Miller, C. R., Kelly, A. R. (eds.). (2017). *Emerging genres in new media environment*. North Carolina State University Raleigh, North Carolina, USA. 312 p. ISBN-10: 3319402943.

- Molodychenko, E. N., Shpitsmuller, Yu. (2021). Metapragmatics and genre: combining approaches. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (1): 89—104. (In Russ.).
- Montgomery, M. (2007). *Discourse of broadcast news*. London; New York: Routledge. 265 p. ISBN 9780415358729.
- Nanri, K. *An Anatomy of the homogeneity and innocuousness of Japanese editorials*. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/An-Anatomy-Of-The-Homogeneity-And-Innocuousness-Of-Nanri/dffb50ba3021a4b3288c5064bc0aac7fcef27ac6> (accessed 14.01.2023).
- Nikonova, E. A. (2022). The editorial genre in the English-language quality press. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 3 (221): 56—66. (In Russ.).
- Norris, P. (1999). *On message: Communicating the campaign*. Thousand Oaks, CA; London, U.K: SAGE. 224 p.
- Prom, N. A. (2022). Dialogization of discourse and genre in the media. *Genres of speech*, 2 (34). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialogizatsiya-diskursa-i-zhanra-v-media> (accessed 8.01.2023). (In Russ.).
- Reardon, S. (2018). Natural selection: Empiricist discourse in the talk of broadcast journalists. *Discourse & Communication*, 12: 80—98. DOI: 10.1177/1750481317735711.
- Schudson, M. (1978). *Discovering the news: A social history of American newspapers*. New York, NY: Basic Books. 119 p.
- Sedov, K. F. (1999). Genres of speech in the formation of discursive thinking of a linguistic personality. In: *Russian language in the context of culture*. Yekaterinburg: UrGU. 86—99. (In Russ.).
- Shmeleva, T. V. (2007). Genre studies? Genristics? Genology? In: *Anthology of speech genres: everyday communication*. Moscow: Labyrinth. 62—67. ISBN 5-87604-190-4. (In Russ.).
- Skibina, O. M. (2018). Ironical heading as a means of expression in journalistic activity (on the example of regional newspapers. *Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev*, 1(1): 138—146. (In Russ.).
- Slyshkin, G. G. (2005). Speech genre: perspectives of conceptual analysis. *Genres of speech*, 4: 34—50. (In Russ.).
- The Economist. (2022). *A new macroeconomic era is emerging what will it look like*. 6.10. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2022/10/06/a-new-macro-economic-era-is-emerging-what-will-it-look-like> (accessed 16.01.2023).
- The Economist. (2022). *Britain's conservatives do not understand how much things have changed*. 06.10. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2022/10/06/britains-conservatives-do-not-understand-how-much-things-have-changed> (accessed 18.01.2023).
- The Economist. (2022). *Europe faces an enduring crisis of energy and geopolitics*. 24.11. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2022/11/24/europe-faces-an-enduring-crisis-of-energy-and-geopolitics> (accessed 18.01.2023).
- The Economist. (2022). *It's not inflation*. 27.10. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2022/10/27/the-risks-of-bidenomics-go-beyond-inflation> (accessed 20.01.2023).
- The Economist. (2022). *To win Brazil's presidency Lula should move to the centre*. 04.10. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2022/10/04/to-win-brazils-presidency-lula-should-move-to-the-centre> (accessed 21.01.2023).

- The Economist. (2022). *Why Indonesia matters*. 19.11. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2022/11/17/why-indonesia-matters> (accessed 23.01.2023).
- The Times. (2022). *The Times view on Cop27's opening dispute: stand and deliver*. 07.11. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/the-times-view-on-cop27s-opening-dispute-stand-and-deliver-nz6nsqgv0> (accessed 23.01.2023).
- The Washington Post*. Available at: <https://www.washingtonpost.com/opinions/the-posts-view/> (accessed 25.01.2023).
- Tirkkonen-Condit, S. (1989). Argumentation in Finnish vs. English and German Editorials. In: *Text, interpretation, argumentation*. Hamburg: Helmut. 173—181.

*The article was submitted 01.02.2023;
approved after reviewing 14.04.2023;
accepted for publication 24.04.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(3), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Ребрина Л. Н. Актуальные соционимы в немецкоязычной интернет-коммуникации 2000—2023 годов : семантические дихотомии БЕДНЫЙ — БОГАТЫЙ, МЕСТНЫЙ — ПРИШЛЫЙ / Л. Н. Ребрина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 171—189. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-171-189.

Rebrina, L. N. (2023). Current Socionyms in German Internet Communication in 2000—2023: Semantic Dichotomies POOR — RICH, LOCAL — ALIEN. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 171-189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-171-189. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-171-189

**Актуальные соционимы
в немецкоязычной
интернет-коммуникации
2000—2023 годов:
семантические дихотомии
БЕДНЫЙ — БОГАТЫЙ,
МЕСТНЫЙ — ПРИШЛЫЙ**

Ребрина Лариса Николаевна
orcid.org/0000-0003-0512-980X
ResearcherID: G-6420-2015
Scopus Author ID: 56241972800
доктор филологических наук, доцент
кафедры иноязычной коммуникации
и лингводидактики
lnrebrina@volsu.ru

Волгоградский
государственный университет
(Волгоград, Россия)

**Current Socionyms
in German Internet
Communication
in 2000—2023:
Semantic Dichotomies
POOR — RICH,
LOCAL — ALIEN**

Larisa N. Rebrina
orcid.org/0000-0003-0512-980X
ResearcherID: G-6420-2015
Scopus Author ID: 56241972800
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Language
Communication and Linguodidactics
lnrebrina@volsu.ru

Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

© Ребрина Л. Н., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Неологические процессы в лексико-семантической подсистеме коллективных «этикеток» отражают меняющуюся социальную реальность и закономерности ее языкового освоения. В статье проведен анализ новых соционимов немецкого языка, функционирующих в интернет-коммуникации. Характеризуются словообразовательные, семантические-мотивационные, синтагматические, функциональные признаки соционимов-неологизмов, принадлежащих семантическим группам БЕДНЫЙ — БОГАТЫЙ, МЕСТНЫЙ — ПРИШЛЫЙ. Показано, что материальный и территориальный параметры на современном этапе развития германского общества являются значимыми основаниями сегрегации социального пространства. Заявляется о неравномерной неологизации рассматриваемых семантических областей. Установлено, что актуализация коллективных имен в немецкоязычной интернет-коммуникации реализуется преимущественно на основе собственных ресурсов языка, посредством узуального и незуального словообразования. К узуальным способам словообразования отнесены словосложение и суффиксация; к незуальным — лексикализация аббревиатур, соположение, субституция. Новые соционимы демонстрируют ограниченный функциональный потенциал, употребляются обычно для обобщенного обозначения субъекта или социальной группы. Охарактеризована способность новых соционимов функционировать в контекстах с разной тональностью. Выделены ассоциируемые с обозначаемыми социальными группами признаки, регулярно вербализуемые в контекстах с соционимами.

Ключевые слова:

соционимы; интернет-коммуникация; неологизмы; немецкий язык; семантика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Neological processes in the lexico-semantic subsystem of collective “labels” reflect the changing social reality and the patterns of its language development. The results of the analysis of new socionyms of the German language, functioning in modern Internet communication is presented in the article. Derivative, semantic-motivational, syntagmatic, functional signs of socionyms-neologisms belonging to the semantic groups POOR — RICH, LOCAL — ALIEN are characterized. It is shown that the material and territorial parameters at the present stage of development of the German society are significant grounds for the segregation of social space. The conclusion is made about the uneven neologization of the considered semantic areas. It has been established that the actualization of collective names in the German-speaking Internet communication is realized mainly on the basis of the language’s own resources, through the usual and non-usual word formation. Compounding and suffixing are referred to the frequency usual ways of word formation; non-usual — lexicalization of abbreviations, juxtaposition, substitution. New socionyms demonstrate a predominantly limited functional potential, they are used most often for a generalized designation of a subject or a social group. The ability of new socionyms to function in contexts with different tonality is characterized. The signs associated with the designated social groups, which are regularly verbalized in the contexts of the use of the studied socionyms-neologisms, are singled out.

Key words:

socionyms; internet communication; neologisms; German; semantic.

Актуальные соционимы в немецкоязычной интернет-коммуникации 2000—2023 годов: семантические дихотомии БЕДНЫЙ — БОГАТЫЙ, МЕСТНЫЙ — ПРИШЛЫЙ

© Ребрина Л. Н., 2023

1. Введение = Introduction

Новые соционимы, в особенности на фоне растущего интереса к феноменам «социальной атомизации» общества (термин Х. Арендт), практикам социального исключения и включения, а также важности языковых фактов для соционимии и социометрии, представляют собой актуальный и интересный исследовательский объект лингвистики. Неологизация данной семантической области отражает современные изменения архитектуры общества, социальных ролей и ориентиров, самих самоопределяющих и идентификационных коммуникативных практик. Соционимы (понятие введено А. С. Кустаревым [Кустарев, 2012]) могут выполнять интегрирующую и дифференцирующую функции, быть по-разному этически, эстетически, эмоционально нагружены в зависимости от отнесения субъекта и объекта «социального этикетирования» к группе «своих» / «чужих». Новые соционимы обозначают вновь появляющиеся на основе различных территориальных, политических, экономических, физиологических, социокультурных параметров идентичности или отражают актуализированное представление о традиционных идентичностях, выдвигая на первый план другие признаки денотата или реализуя его иную оценку.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Современные исследователи регулярно обращаются к изучению соционимов: работы С. И. Гарагули о прагматическом компоненте значения наименований идентичностей [Гарагуля, 2009]; А. С. Кустарева о соционимах *интеллигенция, креативный класс* [Кустарев, 2006, 2012]; М. А. Лаппо о критериях отнесения лексем к словарю идентичности [Лаппо, 2013]; В. М. Зариповой о закономерностях функционирования соционимов в языке газеты [Зарипова, 2016]; Л. М. Алькоффа о систематизации обозначений «видимых» идентичностей [Alcoff, 2005]; Ф. Мицзита о лингвокультурных

различиях перифрастических соционимов в русском и китайском языках [Мицзिति, 2020]; М. А. Соловьевой и Е. Ю. Новиковой об обозначениях групп субъектов по профессии в русском и немецком языках [Новикова, 2006; Соловьева, 2018]; М. Ламмерт о функционально-семантических признаках соционимов французского языка [Lammert, 2021]; А. А. Макаровой о мотивологических, ономазиологических характеристиках зооморфных коллективных обозначений жителей русского Севера [Makarova et al., 2020]; М. Леколь о закономерностях функционирования отдельных соционимов в политическом дискурсе Франции [Lecolle, 2020]; Г. Т. Безкоровайной, Ю. Н. Эбзеевой и Л. Н. Гишкаевой о семантических и функциональных признаках номинаций английской знати [Безкоровайная, 2021] и др. При этом на фоне сложившейся исследовательской традиции изучение закономерностей неологизации в данной номинативной области и структурно-семантических характеристик ее новых лексических единиц (ЛЕ) остается важной задачей, позволяет определить релевантные на современном этапе развития общества параметры и признаки стигматизации социальных групп, закономерности языкового освоения меняющейся социальной реальности.

Материалом исследования послужил контент 2000—2023 годов немецкоязычного сегмента интернета. Цель исследования заключается в изучении словообразовательных, семантико-мотивационных, функциональных характеристик актуальных соционимов немецкого языка семантических групп БЕДНЫЙ — БОГАТЫЙ и ПРИШЛЫЙ — МЕСТНЫЙ; определении релевантных на современном этапе развития общества параметров социального расслоения общества, отражающихся неологическими процессами в рассматриваемой лексической подсистеме. Алгоритм исследования включает следующие шаги: 1) анализ динамики употребляемости новых соционимов, в том числе с использованием данных веб-корпусов Института немецкого языка в Мангейме [DWDS], инструмента статистического анализа Google Books Ngram Viewer [GBNV]; 2) словообразовательная, семантико-мотивологическая, синтагматическая характеристика описываемых соционимов; определение вербализуемых в контекстах употребления ЛЕ ассоциируемых с обозначаемыми субъектами признаков; 3) оценка «тяготения» соционима к контекстам с определенной тональностью; 4) характеристика нелогических процессов в рамках названных семантических групп «социальных этикеток», релевантных параметров современной социальной сегрегации общества Германии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Предварительная систематизация материала свидетельствует о наиболее активной неологизации в рамках семантических дихотомий БЕД-

НЫЙ — БОГАТЫЙ, ПРИШЛЫЙ — МЕСТНЫЙ, на которые приходится 40,5 % отобранных новых соционимов. Для иллюстрации анализа рассмотрим некоторые примеры.

3.1. Семантическая группа БЕДНЫЙ — БОГАТЫЙ

Hartzist2. ЛЕ Hartzist употребляется в современной интернет-коммуникации в двух значениях: Hartzist¹ («сторонник реформ Хартца») и Hartzist2 (разговорное, «живущий на базовое сниженное пособие по безработице — Hartz IV»). Относящийся к рассматриваемой нами подгруппе лексико-семантический вариант Hartzist² является производным от разговорного обозначения базового пособия по безработице в Германии, существующего с 2002 года — «Hartz» / «Hartz IV». Обозначение Hartz (IV), в свою очередь, представляет собой метонимическое отонимное образование от фамилии германского экономиста и реформатора рынка труда Петера Хартца, возглавлявшего комиссию по реформе рынка труда, в результате деятельности которой в 2005 году данное пособие было существенно снижено. ЛЕ Hartzist¹ — отонимный суффиксальный дериват. Мотивационная форма (МФ): *HARTZ/IST*¹; лексический мотиватор (ЛМ): *Hartz* (фамилия экономиста); структурный мотиватор (СМ): *KommunIST*, *CDUIST*, *GroKoIST*; выражаемый СМ классификационный признак (КП): обозначение лица по его приверженности некой идее, учению; мотивационное значение (МЗ): «лицо, <связанное с> Хартцем». МФ: *HARTZ/IST*²; ЛМ: *Hartz* (обозначение пособия по безработице); СМ: *GermanIST*, *AntagonIST*, *EgoIST*, *AutIST*; КП: обозначение лица по его роду занятий, свойству; МЗ: «лицо, связанное с <пособием по безработице> Хартца». Зафиксировано активное функционирование в интернет-коммуникации *Hartzist*¹ с 2003 года; *Hartzist*² — с 2006 года. В контекстах употребления интересующей нас ЛЕ *Hartzist*² регулярно получают отражение признаки обозначаемого субъекта: «бедный», «не работающий», «в стесненных обстоятельствах»; частотными ЛЕ-партнерами выступают: *abhängen von* (Dat.), *nicht arbeiten*, *eine Bedrohung darstellen*, *Leben fristen*, *kümmertlich dahinleben* (*Hartzist*² — субъект). В интернет-коммуникации (в публикациях онлайн-газет, комментариях их читателей и на информационных сайтах) ЛЕ используется преимущественно для обозначения, неконкретного обозначения группы субъектов (*Sozialrentner*; *Hartzisten* ... — *sie alle hängen bereits oder bald von Steuereinnahmen ab* ... [TAZ] — Вышедшие на пенсию на общих основаниях, харцисты ... — они все уже зависят или вскорости станут зависимыми от величины собираемых налогов) (здесь и далее перевод наш. — Л. Р.). Не зафиксировано употребление ЛЕ *Hartzist*² в качестве обращения, обозначения конкретного субъекта, средства самопрезентации. Анализ материала свидетельствует о преобладающем тяготении ЛЕ к контекстам с общей не-

гативной тональностью (*Diese und vergangene Regierungen haben daraus ... Armutsgesellschaft gemacht. In der Summe stellen die 8 Millionen Hartzisten eine größere Bedrohung als der internationale Terrorismus dar* [HB] — Теперешнее и прошлые правительства ... создали общество бедности. В целом 8 миллионов живущих на пособие по безработице харцистов представляют большую угрозу, чем международный терроризм).

Следует отметить, что оним *Hartz* демонстрирует высокую словообразовательную активность: а) *hartzten* — не работать и жить на базовое пособие по безработице; б) *verhartzt* — длительное время безработный, живущий на базовое пособие; в) *Hartzianer* — синоним к *Hartzist*¹; г) *Hartz-IV-Karriere* — ироничное обозначение жизненного пути живущего на базовое пособие длительное время безработного; д) соционим *Aufstockerhartzler* — разговорная номинация работающего с заработной платой ниже установленного законом минимума, получающего базовое пособие по безработице в качестве доплаты; используется наиболее активно с 2010 года, преимущественно на информационных сайтах, для обобщенного обозначения группы / неопределенного субъекта как представителя группы, в контекстах с разной тональностью; е) соционим *Hartzler* — уничижительное, грубое обозначение; активно используется с 2006 года (пик употреблений — 2013 год [DWDS]), прежде всего в онлайн-газетах и в комментариях их читателей, а также на форумах, информационных сайтах, в сообществах социальных сетей; как правило, в контекстах с негативной тональностью; соционим *Hartzler* — альтернативная форма к *Hartzler*; уничижительное, грубое обозначение; активно употребляется с 2007 года, преимущественно на форумах и в комментариях к публикациям онлайн-газет, в контекстах с негативной тональностью; ЛЕ *Hartzler* и *Hartzler* — соционимы-синонимы к ЛЕ *Hartzist*²; в отличие от ЛЕ *Hartzist*² часто используются для указания на конкретный субъект, самопрезентации, в качестве оценочного обращения.

ALG2ler: ЛЕ *ALG2ler* иллюстрирует лексикализацию аббревиатуры, представляет собой суффиксальный дериват от инициальной аббревиации основ сложного слова *ArbeitsLosenGeld* ‘пособие по безработице’ (начальные буквы основ приведены прописными буквами) с использованием соположения, то есть соединения в одно слово и слитного написания аббревиатуры и цифры. *Arbeitslosengeld II* — синоним разговорного обозначения *Hartz IV*, официальное название выплачиваемого в Германии с 01.01.2005 г. в соответствии с Кодексом социального права базового пособия по безработице, переименованного 01.01.2023 г. в *Bürgergeld* ‘государственная социальная помощь для нуждающихся трудоспособных лиц’ (букв. «пособие гражданина»). ЛЕ *ALG2ler* является синонимом к ЛЕ *Hartzist*², *Hartzler*, *Hartzler*. МФ: *ALG2/LER*; ЛМ: *ALG 2* (от *Arbeitslosengeld II*); СМ: *EigenbröiLER*,

RuheständLER, ProvinzLER, ÜbergewichtLER, AbstinenzLER, ArmutsgrenzLER; КП: «обозначение субъекта по профессии, занятию, действию, свойству»; МЗ: «субъект, <имеющий отношение> к базовому пособию по безработице». Данная ЛЕ часто реализует (контекстуально обусловленную) пейоративную функцию, как и целый ряд других обозначений субъекта с суффиксом *-ler* (например, многие сложнопроизводные слова, суффиксальные дериваты от глагольной основы, некоторые суффиксальные образования от существительных [Vaňková, 2012]). Собранный иллюстрационный материал свидетельствует об активном функционировании ЛЕ *ALG2ler* с 2008 года, преимущественно на форумах, сайтах сообществ, в комментариях к публикациям онлайн-газет. В контекстах регулярно получают отражение признаки называемого субъекта: «не работающий», «имеющий мало средств к существованию», «ленивый», «неудачник», «нежеланный»; ЛЕ-партнерами выступают: *Geringverdiener, arbeitslos, gnädig* (иронично), *arbeitsunwillig, bezuschußt, keinen Anspruch haben, Schulden machen, herumlümmeln* (*ALG2ler* — субъект). ЛЕ *ALG2ler* используется преимущественно для обобщенного, неконкретного обозначения субъекта / группы субъектов (*mein dad war ... geringverdiener, ... ich denke wir lebten damals so wie es heute wohl alg2ler tun, kein urlaub, keine schicken klamotten, jeder trug die kleider vom anderen rauf* [urbia] — мой отец ... зарабатывал мало, ... я полагаю, мы жили тогда так, как сегодня живут безработные на социальном пособии, никакого отпуска, никаких дорогих тряпок, каждый донашивал за другим), а также для самопрезентации (*ich will zur meiner Freundin ziehen (Sie hat eigene Wohnung ist berufstätig und verdient nicht schlecht) und ich bin leider immer noch ein ALG2ler* [VF] — Я хочу переехать к своей подруге (у нее есть квартира, работа, неплохая зарплата), а я, к сожалению, все еще на пособии по безработице). Не зафиксировано употребление ЛЕ в функции обращения, для обозначения конкретного субъекта. Описываемая ЛЕ употребляется в контекстах с общей негативной тональностью (*dort eh nur die künftigen ALG2ler herumlümmeln* [WF] — там околачиваются только будущие нищие безработные); реже — в нейтральных контекстах (*Es ist ja nicht verboten als ALG2ler ein Auto zu fahren* [FG] — Будучи безработным на социальном пособии не запрещено водить машину).

Luxusbürger. С 1970-х годов в употребление входит ЛЕ *Luxusbürger* для шутивого обозначения благополучного Великого Герцогства Люксембург, которое занимает первое место в мире по размеру ВВП на душу населения, по данным МВФ. Пики употреблений приходятся на 1981 и 2014 годы [GBNV]. В собранном материале зафиксировано активное использование с 2003 года производного существительного *Luxusbürger* для обозначения жителей Люксембурга. По аналогии, с ассоциативной отсылкой к данной ЛЕ, было образовано сложное существительное *Luxusbürger* со схо-

жими ядерными семантическими признаками ('богатый', 'с множеством возможностей', 'избалованный'), которое, как показывает наш материал, активно функционирует в интернет-коммуникации с 2013 года (на сайтах сообществ и форумах, в комментариях к публикациям онлайн-газет, социальных сетях (в порядке убывания)) и используется для наименования обеспеченных жителей Германии. МФ: *LUXUS/BÜRGER*; ЛМ: *Luxusbürger*; *Luxus*, *Bürger*; СМ: *EU-bürger*, *Mitbürger*, *Bundesbürger*; КП: «обозначение субъекта по некому признаку»; МЗ: «житель страны, < характеризующийся свойством> „люкс“». ЛЕ-партнерами выступают: *verwöhnt*, *reich*, *übersensibel*, *fett-neureich*, *parasitär*, *wirklich*, *eifrig*, *fett*, *top*, *modern*, *elitär*, *unzufrieden*; *beschweren*, *sich fühlen*, *Spaß verstehen*, *residieren* (в качестве субъекта). В контекстах вербализуются следующие ассоциируемые с называемым субъектом признаки: «богатый», «избалованный», «привыкший к роскоши», «наслаждающийся», «пресыщенный», «раздражающий». ЛЕ *Luxusbürger* употребляется для обобщенного, неконкретного обозначения субъекта / группы (*Wohl nur Luxusbürger, die nicht aufs Geld schauen. Alle anderen würden davon Abstand nehmen* [AZ] — Наверное, только состоятельные люди, которые не смотрят на деньги. Все остальные воздержались бы от этого); не зафиксировано использование ЛЕ для обозначения конкретного субъекта, самоидентификации, в качестве обращения. ЛЕ используется в контекстах с обобщенной негативной тональностью (*Unser überzogener Individualismus und diese Extrawürste übersensibler Luxusbürger wird uns noch teuer zu stehen kommen* [ZT] — Наш чрезмерный индивидуализм и эти особые претензии сверхчувствительных граждан класса люкс обойдутся нам еще дороже). Синонимичной данной ЛЕ является сложное существительное *Luxusdeutsche* (менее частотное), используемое в интернет-коммуникации с 2010 года, преимущественно в комментариях к публикациям в онлайн-газетах, а также на форумах и в блогах для обозначения богатого, благополучного немца. МФ: *LUXUS/DEUTSCHE*; ЛМ: *Luxus*, *Deutsche*; СМ: *FranzösE*, *RussE*, *GriechE*; КП: «обозначение субъекта по принадлежности к группе, национальности»; МЗ: «немец, < характеризующийся свойством> „люкс“». ЛЕ-партнерами выступают: *selbstsicher*, *typisch*, *verschwenderisch*, *verwöhnt*; *wegbeißen*, *alles haben wollen*, *nichts tun*, *erhalten* (в качестве субъекта); в собранных контекстах указывается на следующие признаки называемого субъекта / группы: «богатый», «избалованный», «расточительный», «эгоистичный», «самоуверенный», «бездельничающий». ЛЕ *Luxusdeutsche* употребляется чаще всего для обозначения неопределенного субъекта / группы (*Typisch Luxusdeutsche... Wollen alles haben aber nichts selber dafür tun* [PD] — Типичные богатые немцы ... Хотят все иметь, но ничего сами для этого не делать); в единичных случа-

ях — для самопрезентации (*Ich liebe diesen Laden. Nicht nur das die tolle Produkte haben, die wir Luxusdeutschen schon lange nimmer in der Erinnerung haben ...* [DS] — Я люблю этот магазин. И не только за их классные продукты, о которых мы, благополучные немцы, уже забыли ...). Не зафиксировано использование ЛЕ для обозначения конкретного субъекта и в качестве обращения. ЛЕ употребляется, как правило, в контекстах с негативной тональностью (*Wieviele arme Menschen auf der Erde lassen sich in Buntschlandland noch unterbringen und menschenwürdig versorgen, wenn die verwöhnten Luxusdeutschen ihre verschwenderischen Vergnügungen einschränken* [NBP] — Сколько бедных людей на Земле еще могут получить жилье и достойное содержание в нашей Германии, если бы избалованные роскошью немцы ограничили свои расточительные удовольствия).

3.2. Семантическая группа «МЕСТНЫЙ — ПРИШЛЫЙ»

Следует отметить возникновение в последнее десятилетие множества новых относящихся к миграционной проблематике ЛЕ, указывающих на чрезвычайную актуальность темы для жителей Германии, например (кроме описываемых нами ниже): *Migrationsdingsda* (*Dingsda* называет лицо, имя которого неизвестно / забыто, ср. «как там его?», 2020), *Mihigrü* (послоговое сокращение сложного слова *Migrationshintergrund*, 2019), *Migrationsvordergrund* (образованное посредством субституции от существительного *Migrationshintergrund* лукавое, шутливое самообозначение мигрантов, чье немецкое происхождение легко читается по внешним признакам и имени, 2021) [IM]; *Bio-Deutsche* (сложное существительное для обозначения граждан Германии без миграционного прошлого; появилось в карикатуре М. Омурка 1996 года, получает распространение с 2002 года, с 2010 включается в политический дискурс, в особенности новыми правыми политиками) [Nouripour, 2014]; *Pass-Deutsche* (сложное существительное для наименования иностранцев с гражданством Германии, 2016) [MM].

Migrationshintergrunder. ЛЕ сокращает исходное нейтральное обозначение (*Person mit Migrationshintergrund*), активно функционирует в интернет-коммуникации уже с 2008 года, чаще всего в публикациях онлайн-газет, а также в комментариях к ним, реже — на форумах, в постах интернет-сообществ, в блогах. ЛЕ представляет собой суффиксальный дериват от существительного *Migrationshintergrund*. МФ: *MIGRATIONSHINTERGRUND/LER*; ЛМ: *Migrationshintergrund*; СМ: *DoppelzüngLER*, *AbweichLER*, *BurnoutLER*; *BoreoutLER*, *HartzLER*, *ALG2LER*; КП: «обозначение субъекта по профессии, занятию, действию, свойству»; МЗ: «субъект, < характеризующийся наличием > мигрантских корней. Описываемая ЛЕ в контекстах часто употребляется пейоративно (ср. *Hartzler*). ЛЕ-партнерами выступают: *kriminell*, *rotzfrech*, *rechtgläubig*, *total scheiße*, *islamisch*, *mit islamischer Sozialisa-*

tion, schwer oder gar nicht integrierbar; fremd bleiben, sich nicht integrieren, Stunk machen, profitieren, sich diskriminiert fühlen, aus dem islamischen Kulturkreis stammen, nicht Deutsch sprechen, sich als Opfer begreifen, in der Mehrheit sein, Jobs wegschnappen (Migrationshintergrunder — субъект действия). В контекстах вербализуются ассоциируемые с называемым субъектом признаки: «чужой», «из исламской страны», «не интегрировавшийся в немецкое общество», «присутствующий в большом количестве», «мешающий», «неодобряемый», «требующий». Соционим используется преимущественно как обобщенное указание на группу субъектов (*Gibt es etwa nicht auch so schon genug Arbeitslose, als dass uns diese ... Migrationshintergrunder noch die Jobs wegschnappen? Also: Prima Politik das! Weitsichtig [CM]* — Разве мало уже безработных, чтобы еще эти ... мигранты отбирали у нас работу? В общем: отличная политика! Дальновидная); реже — как средство самопрезентации (*Ich als “Migrationshintergrunder” kann bestätigen ... [PF]* — Я как человек с иммигрантскими корнями могу подтвердить ...); в единичных случаях — в функции обращения (*Liebe Migrationshintergrunder und Migrationshintergrunderinnen, wenn man nicht gerade mit Alexa redet, wird die Bedeutung eines Satzes zwischen den Gesprächsteilnehmern fest gelegt [RP]* — Уважаемые мигранты и мигрантки, если непосредственно не говорите с Алексой, то смысл предложения формируется участниками разговора в контексте их беседы) или обозначения конкретного субъекта (*Aber das Burleskeste ist daran, daß sich Leute wie der Migrationshintergrunder Gudenus der mich als Autochthonen rotzfrech expatriieren wollte [KZ]* — Но самое комическое, это такие люди, как иммигрант Гуденус (германский политик), который нагло хотел меня как коренного жителя экспатриировать). ЛЕ употребляется, как правило, в контекстах с обобщенной негативной тональностью (*Müßte nicht auch das Wort „deutsch“ aus unserer Nationalhymne getilgt werden, durch das sich Migrationshintergrunder diskriminiert fühlen müssen? [SZ]* — Может быть, нам еще вычеркнуть слово «немецкий» из нашего государственного гимна, потому что из-за него мигранты почувствуют себя дискриминированными?).

MiMiMi / Mimimi. Данный послоговый звуковой акроним представляет собой сокращение выражения *Mitbürger mit Migrationshintergrund* (согражданин иммигрантского происхождения) [DSt]. Интересной данную ЛЕ делает не только ее акронимная форма, но и ее ассоциативная неодноплановость, поскольку она отсылает к немецкоязычному омониму *Mimimi*¹ / *mimimi*¹, а последний, в свою очередь, обнаруживает неоднозначную лексическую и фонетическую мотивации. *Mimimi*¹ представляет собой уничижительную или ироничную реплику, указывающую на чью-либо чрезмерную изнеженность, проявляющуюся в не соответствующих ситуации нытье, хныканье, жалобах; в современном разговорном языке ЛЕ может употребляться не только как

междометие-восклицание, но и как существительное, прилагательное, а также в качестве обращения [RA]. С одной стороны, ЛЕ воспроизводит звуковой образ псевдочитации «плача» неким лицом, раздраженным таким поведением, с другой стороны, связывается в сознании носителей языка с существительным *Mimose* (ср. значение прилагательного *mimosenhaft* — чувствительный, нежный как мимоза), а также с беспомощными жалостливыми восклицаниями Биккера — ассистента профессора Бунзена — в юмористической телепрограмме «Маппет-шоу» (1976—1981 годы) [RA; MM].

Описываемый новый соционим *MiMiMi*² широко используется в немецкоязычной интернет-коммуникации с 2014 года для ироничного обозначения мигрантов (в особенности не / плохо интегрировавшихся в немецкое общество), преимущественно в публикациях онлайн-газет и комментариях к ним, а также в постах интернет-сообществ. Популярности и распространению данной ЛЕ способствовал выпущенный в 2016 году одноименный ироничный трек немецкого рэпера и хип-хоп исполнителя Сэми Делюкса. МФ: *Mi/Mi/Mi*; ЛМ: *Mitbürger mit Migrationshintergrund, Mimimi*¹; СМ: *DummI, KommI, PrimI*; КП: «сокращенное, разговорное, часто ироничное обозначение субъекта по некому признаку, называемому производящей единицей»; МЗ: «согражданин с мигрантскими корнями». ЛЕ-партнерами выступают: *hier geboren, halb deutsch, nicht integriert, viele, zahlreich, nicht blond und blauäugig, verwöhnt, Abneigung, Opferrolle, nennen, nicht mögen, begrüßen* (*Mimimi* — объект); *Job klauen, leben, nicht deutsch sprechen, laut sein, stammen aus, arbeiten, sich fremd fühlen, rumlaufen* (*Mimimi* — субъект). В собранных контекстах обозначаемым данной ЛЕ субъектам приписываются признаки: «многочисленные», «говорящие о своей дискриминации», «чувствующие себя чужими», «плохо интегрирующиеся в немецкое общество. ЛЕ *Mimimi* употребляется как обобщенное указание на группу субъектов (*Der erste ‚MiMiMi‘ wurde 1994 in den Bundestag gewählt* [Unique] — «Первое “лицо иностранного происхождения” было избрано в Бундестаг в 1994 году); часто также для самопрезентации (*Eh, ich bin ein Mimimi, — Und ganz egal, was ich auch tu‘, — Ich werd’ hier niemals der perfekte Schwiegersohn, — Nur wegen meinem Papa seiner Migration* [SD] — Эй, я согражданин с мигрантскими корнями, ... — И не важно, что я делаю, — я никогда не буду здесь хорошим зятем, — Только из-за моего папы-мигранта); реже — для обозначения конкретного субъекта (*Der erfahrene MiMiMi Omid Nouripour sammelt diese Begriffe ...* [FNP] — Опытный согражданин с мигрантскими корнями Оmid Нурипур (германский политик) собирает эти понятия ...); в единичных случаях — в функции обращения (*Ich freue mich ja eigentlich, dass ihr Mimimis mich endlich wieder belustigt* [DH] — На самом деле я очень рад, что вы, сограждане-мигранты, наконец-то снова

меня развлекаете). ЛЕ употребляется в контекстах с разной тональностью (*Jetzt mimimi rufen ist so lächerlich. Macht einfach die Grenze zu, fertig. Das erinnert mich an die Sache mit Westberlin und den Libanesen* [JF] — Звать сейчас этих сограждан-мигрантов — это так нелепо. Просто закройте границу, и все. Это напоминает мне историю с Западным Берлином и ливанцами; *Mit uns sprach er über ... die Arbeit als ‚MiMiMi‘ im Parlament* [Unique] — Он говорил с нами о том, как ему, мигранту, работается в парламенте).

Schon-Immer-Deutsche. С 2010 года в немецкоязычном сегменте интернета активно употребляется статистически устойчивое сочетание *schon immer Deutsche*; с 2014 года после публикации Омидом Нурипуrom малого иронического лексикона «терминов» миграции [Nouripour, 2014] используется образованное посредством соположения сложно-синтаксическое существительное *Schon-immer-Deutsche* (букв. «всегда-немцы») для обозначения граждан Германии без мигрантских корней, отграничения данной категории граждан от иностранцев (*Ausländer*), граждан мигрантского происхождения с немецким гражданством или без (*Migrationshintergrunder / Mimimi, Pass-Deutsche*). ЛЕ употребляется прежде всего в публикациях онлан-газет, реже — на форумах, в постах и комментариях интернет-сообществ. Стремление словесно «обособить» эту часть населения Германии обусловило появление целого ряда пробных неониминаций (см., например, [Gerster, Nürnberger, 2021]: *Oder wäre „Autochthone Deutsche“ die bessere Bezeichnung? „Biodeutsche“, „Standarddeutsche“, „Alt-Deutsche“, „Schon-immer-Deutsche“?* — Или, возможно, «автохтонные немцы» было бы более удачным обозначением? «Бионемцы», «стандартные немцы», «старонемцы», «всегда-немцы?»), из которых наиболее употребительными являются описываемая ЛЕ и синонимичная ей ЛЕ *Biodeutsche*. МФ: *SCHON/IMMER/DEUTSCHE*; ЛМ: *schon, immer, Deutsche*; СМ: *Expat-DEUTSCHE, Mihigrude-DEUTSCHE, Pass-DEUTSCHE, BeuteDEUTSCHE*; КП: «обозначение субъекта-немца по некому признаку, называемому производящей единицей»; МЗ: «субъект, <который был> всегда немец». ЛЕ-партнерами выступают: *ethnisch, ohne Migrationshintergrund, im Gegensatz zu Ausländer, Bio-Deutsche; hier aufwachsen, zusammenleben, deutsch sprechen, miteinander leben, zweifeln, erleben, Werte verwirklichen, betonen (Schon-Immer-Deutsche* — субъект действия). В контекстах реализуется приписывание обозначаемым субъектам следующих признаков: «этнический немец», «без мигрантских корней», «живущий всю жизнь в Германии», «живущий дружно со всеми», «отличающийся от иностранцев и мигрантов». ЛЕ функционирует преимущественно как обобщенное указание на группу субъектов (*Die Protagonistin setzt alles daran, ihre Herkunft unsichtbar zu machen: ... im Deutschen besser zu werden als die Schon-immer-Deutschen ...* [DfK] — Главная героиня-

ны делает все возможное, чтобы скрыть свое происхождение: ... овладеть немецким лучше этнических немцев ...). ЛЕ употребляется в контекстах с разной тональностью (*Statt friedlich und gleichberechtigt miteinander zu leben, wird der Spalt zwischen Schon-Immer-Deutschen und Menschen mit Migrationshintergrund vergrößert* [IY] — Вместо того, чтобы жить мирно и на равных вместе друг с другом, растёт разрыв между этническими немцами и гражданами с мигрантским прошлым; *Deren Zusammenleben mit den "Schon-immer-Deutschen" hat viele kuriose Begriffe hervorgebracht* [Nouripour, 2014] — Их совместное проживание с «всегда-немцами» породило множество занятных понятий).

4. Заключение = Conclusions

Материальный и территориальный параметры составляют на современном этапе развития германского общества значимые основания сегрегации социального пространства. Неологизация в рамках семантических дихотомий БЕДНЫЙ — БОГАТЫЙ, ПРИШЛЫЙ — МЕСТНЫЙ в период 2000—2023 годов происходит неравномерно относительно антонимических подгрупп. Наиболее лексически представлены подгруппы БЕДНЫЙ (71,4 %) и ПРИШЛЫЙ (62,5 %), что позволяет говорить об активной стигматизации данных социальных групп. Развитие названных лексико-семантических подсистем реализуется преимущественно на основе собственных ресурсов языка, посредством узувального (частотны словосложение, суффиксация, в том числе отонимных образований) и неузувального (частотны лексикализация аббревиатур, соположение, субституция) словообразования. Соционимы-неологизмы используются в интернет-коммуникации чаще всего для обобщенного обозначения неконкретного субъекта как представителя группы. Новые соционимы, характеризующие коллективного социального субъекта по его материальному положению, представляют собой большей частью дериваты отонимных образований, сложные слова, производные единицы от лексикализованных аббревиатур; функционируют преимущественно в жанрах неформальной интернет-коммуникации и тяготеют к контекстам с негативной обобщенной тональностью. ЛЕ данной группы отражают связь в ментальных представлениях носителей языка признака «бедный» с признаками «не работающий», а также (в половине случаев) «ленивый»; признака «богатый» — с признаками «привыкший к роскоши», «избалованный». Соционимы-неологизмы семантической группы ПРИШЛЫЙ — МЕСТНЫЙ употребляются преимущественно в публикациях онлайн-газет, в контекстах с разной тональностью; $\frac{1}{4}$ конститuentов имеют широкий функциональный потенциал (используются как средство указания на конкретного субъекта, самопрезентации,

в качестве оценочного обращения); при этом ЛЕ подгруппы МЕСТНЫЕ отличаются меньшим спектром функций. Превалируют сложные или сокращенные слова, менее продуктивными способами образования данных единиц являются соположение, субституция, суффиксация. Представления о пришлое субъекте включают признаки «не интегрировавшийся в общество», «многочисленный»; признак «местный» связывается в первую очередь с признаком «отличающийся от мигрантов».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. AZ — *Allgäuer Zeitung*, 15.12.2022. Kommentar zum teuren Weihnachtsbaum in Oberstdorf. [Electronic resource]. — Access mode : https://www.allgaeuer-zeitung.de/allgaeuer/kommentar-zum-teuren-weihnachtsbaum-in-oberstdorf_arid-509313 (accessed 16.02.2023).
2. CM — *Culturmag*, 12.12.2009. Bescheidener Vorschlag V [Electronic resource]. — Access mode : <http://culturmag.de/crimemag/bescheidener-vorschlag-v/1050> (accessed 26.01.2023).
3. DfK — *Deutschlandfunk Kultur*, 09.12.2020. Verleugnung des Andersseins. [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.deutschlandfunkkultur.de/anna-prizkau-ueber-fast-ein-neues-leben-verleugnung-des-100.html> (accessed 10.03.2023).
4. DH — *Du bist Halle*, 20.09.2022. Omikron.... [Electronic resource]. — Access mode : <https://dubisthalle.de/omikron-neue-impfempfehlung-der-stiko-zur-covid-booster-impfung> (accessed 16.02.2023).
5. DS — *Netzwerk Deutshebz*, 20.04.2020 [Electronic resource]. — Access mode : <https://deutshebz.com/bavaria/mix-markt-135174> (accessed 11.03.2023).
6. DSt — *DerStandard*, 14.11.2015. MiMiMis. Schüblinge und Biodeutsche [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.derstandard.at/story/2000025663061/wortkunde-mimimis-schueblinge-und-biodeutsche> (accessed 26.02.2022).
7. DWDS — *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/> (accessed 26.01.2023).
8. FG — *Netzwerk Finanzfrage*, 2017 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.finanzfrage.net/g/frage/auto-und-hartz4---was-ist-nun-richtig> (accessed 16.01.2022).
9. FNP — *Frankfurter neue Presse*, 18.02.2016. Nouripour liest [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.fnp.de/lokales/kreis-gross-gerau/ruesselsheim-ort29367/nouripour-liest-auslaender-debatte-augenzwinkern-10672742.html> (accessed 16.01.2022).
10. HB — *Handelsblatt*, 20.08.2010. Hartz-IV-Kinder. [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/hartz-iv-kinder-lehrer-machen-front-gegen-leyens-bildungs-chipkarte-seite-2/3520396-2.html> (accessed 10.01.2023).
11. JF — *Junge Freiheit*, 06.08.2021 [Electronic resource]. — Access mode : <https://jungefreiheit.de/politik/ausland/2021/lukaschenko-schliesst-grenze-fuer-zurueckgeschickte-migranten/> (accessed 16.03.2023).
12. IM — *Inventar der Migrationsbegriffe*, Ein Projekt der interdisziplinären Forschungsgruppe "Die wissenschaftliche Produktion von Wissen über Migration". [Electronic

resource]. — Access mode : <https://www.migrationsbegriffe.de/migrationshintergrund> (accessed 11.02.2023).

13. IY — Ibrahim Yetim. 06.10.2016. Doppelte Staatsbürgerschaft [Electronic resource]. — Access mode : <https://ibrahim-yetim.de/doppelte-staatsbuergerschaft-anerkennung-statt-spaltung/> (accessed 06.03.2023).

14. KZ — *Kleine Zeitung*. 03.08.2018 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.kleinezeitung.at/politik/innenpolitik/5474393> (accessed 11.03.2023).

15. MM — *Mundmische* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.mundmische.de/bedeutung/8213-mimimi> (accessed 06.02.2023).

16. NBP — *N0by* blogspot. 16.06.2011. Die Reise von Moria [Electronic resource]. — Access mode : <http://n0by.blogspot.com/2020/09/die-reise-von-moria-durch-die-merkel.html> (accessed 26.02.2023).

17. PD — *Forum* Psychic.de. 21.05.2012 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.psychic.de/forum/einsamkeit-forum-f37/einsamkeit-hilfen-t35527.html> (accessed 11.02.2023).

18. PF — *Pickupforum*. 23.12.2013. Als Kanacke keine Chance in Kölner Clubs [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.pickupforum.de/topic/127290-als-kanacke-keine-chance-in-k%C3%B6lner-clubs/> (accessed 20.03.2023).

19. RA — *Redensarten-Index* Wörterbuch und Portal für Redensarten, Redewendungen, idiomatische Ausdrücke. Sprichwörter, Umgangssprache [Electronic resource]. — Access mode : https://www.redensarten-index.de/suche.php?suchbegriff=Mimimi&bool=relevanz&gawoe=an&sp0=rart_ou&sp1=rart_varianten_ou&von=rartstmap (accessed 22.01.2023).

20. RP — *Magazin* Republik. 08.08.2018. Welche #MeTwo-Tweets [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.republik.ch/2018/08/08/welche-metwo-tweets-koennte-man-ueber-ihr-verhalten-schreiben/diskussion?focus=48fde37b-541f-4825-89e2-41601a6db1a0> (accessed 13.02.2023).

21. SD — *Samy Deluxe*. 01.04.2016. «MiMiMi» [Electronic resource]. — Access mode : <https://genius.com/Samy-deluxe-mimimi-lyrics> (accessed 10.02.2023).

22. SN — *Sprachnudel*. Nachschlagewerk für die deutsche Sprache [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.sprachnudel.de/woerterbuch/Hartzer> (accessed 26.01.2023).

23. SZ — *Saarbrücker Zeitung*. 09.03.2018. Es heißt doch auch Muttersprache. [Electronic resource]. — Access mode : https://www.saarbruecker-zeitung.de/app/consent/?ref=https://www.saarbruecker-zeitung.de/nachrichten/meinung/standpunkt/es-heisst-doch-auch-muttersprache_aid-7855449 (accessed 14.01.2023).

24. TAZ — *Die Tageszeitung*. 06.11.2006. Wie geht es uns, Herr Küppersbusch? [Electronic resource]. — Access mode : <https://taz.de/!325328/> (accessed 10.02.2023).

25. Unique — *Unique-online.de*. 01.01.2015. Interview mit Omid Nouripour. [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.unique-online.de/interview-omid-nouripour/7247/> (accessed 10.02.2023).

26. Urbia — *Forum* urbia.de. 02.01.11. [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.urbia.de/forum/6-kids-schule/2962016-alg2ler-gleich-hauptschule> (accessed 07.02.2023).

27. VF — *Verfassungsfein.de*. 04.03.2014 [Electronic resource]. — Access mode : <https://verfassungsfein.de/viewtopic.php?f=90&t=27933&p=292072> (accessed 11.03.2023).

28. WF — *Netzwerk* WinFuture. 12.02.2013 [Electronic resource]. — Access mode : <https://winfuture.de/news,74580.html> (accessed 06.02.2023).

29. ZT — *Zeit*. 06.02.2019. Sind Impfgegner asozial? [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.zeit.de/gesellschaft/2019-02/politikpodcast-servus-grueezi-hallo-6-februar-2019?page=4> (accessed 18.02.2023).

Литература

1. *Безкоровайная Г. Т.* Изменение семантики и функционирования английских номинантов знати под влиянием эволюции социокультурного контекста / Г. Т. Безкоровайная, Ю. Н. Эбзеева, Л. Н. Гишкаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2021. — Т. 12. — № 2. — С. 472—500. — DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-472-500.

2. *Гарагуля С. И.* Антропонимическая прагматика и идентичность индивида : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.04 / С. И. Гарагуля. — Москва, 2009. — 42 с.

3. *Заринова В. М.* Номинация лиц в языке газеты : эволюция этикетных тенденций / В. М. Заринова. — Самара : Изд-во СГАУ, 2016. — 180 с. — ISBN 978-5-7883-1065-7.

4. *Кустарев А. С.* Нервные люди : очерки об интеллигенции / А. С. Кустарев. — Москва : КМК, 2006. — 374 с. — ISBN 5-87317-275-7.

5. *Кустарёв А. С.* Соционимы: креативный класс [Электронный ресурс] / А. С. Кустарев // Неприкосновенный запас. — 2012. — Выпуск 3 (83). — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/nz/2012/3/socziionimy-kreativnyj-klass.html>.

6. *Ланно М. А.* Самоидентификация : семантика, прагматика, языковые ресурсы : монография / М. А. Лаппо. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2013. — 180 с. — ISBN 978-5-85921-977-3.

7. *Мицзити Ф.* Продуктивные тематические группы перифраз (соционимы, топонимы, культуронимы) русского языка в лингвокультурологическом аспекте (на фоне китайского языка) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ф. Мицзити. — Санкт-Петербург, 2020. — 200 с.

8. *Новикова Е. Ю.* Структура, семантика и тенденции развития наименований лиц по профессии в современном немецком языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. Ю. Новикова. — Москва : МГЛУ, 2006. — 25 с.

9. *Соловьева М. А.* Имена существительные — номинации лиц по профессии и роду занятий в русском языке XXI века : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. А. Соловьева. — В. Новгород, 2018. — 22 с.

10. *Alcoff L. M.* Visible identities : Race, gender, and the self / L. M. Alcoff. — Oxford. Oxford University Press, 2005. — 335 p. — ISBN-13 978-0-19-513734-7.

11. *Gerster P.* Vermintes Gelände — Wie der Krieg um Wörter unsere Gesellschaft verändert. Die Folgen der Identitätspolitik / P. Gerster, Ch. Nürnberger. — München : Wilhelm Hyene Verlag, 2021. — 224 p. — ISBN 978-3-641-28565-4.

12. *Lammert M.* Collective human names in French : semantic, lexical and discursive issues / M. Lammert // Journal of French language studies. — 2021. — № 31 (1). — Pp. 118—120. — DOI: 10.1017/S0959269519000358.

13. *Lecolle M.* Plurality and its Nominal Wording. La France, les Francais, le peuple francais : Similarities and Differences / M. Lecolle // Academic journal of modern philology. — 2020. — № 9 (9). — Pp. 131—142.

14. *Makarova A. A.* Zoomorphic pattern in collective nicknames among the residents of the russian north / A. A. Makarova, Y. B. Popova // Voprosy onomastiki-problems of onomastics. — 2020. — № 17 (1). — Pp. 30—46.

15. *Nouripour O.* Kleines Lexikon für MiMiMis und Bio-Deutsche : [Mitbürger mit Migrationshintergrund und Schon-Immer-Deutsche] / O. Nouripour. — München : Dt. Taschenbuch-Verl, 2014. — 199 S. — ISBN 9783423260329.

16. *Vaňková L.* Suffigierte Personenbezeichnungen als Emotionalisierungsmittel. Neuere Korpus-Recherchen zu bekannten negativ wertenden Suffixbildungen / L. Vaňková // *Studia Germanistica*. — 2012. — № 7 (10). — Pp. 9—59.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023,
одобрена после рецензирования 19.04.2023,
подготовлена к публикации 24.04.2023.

Material resources

AZ — *Allgäuer Zeitung*. 15.12.2022. *Kommentar zum teuren Weihnachtsbaum in Oberstdorf*. Available at: https://www.allgaeuer-zeitung.de/allgaeu/kommentar-zum-teuren-weihnachtsbaum-in-oberstdorf_arid-509313 (accessed 16.02.2023). (In Germ.).

CM — *Culturmag*. 12.12.2009. *Bescheidener Vorschlag V*. Available at: <http://culturmag.de/crimemag/bescheidener-vorschlag-v/1050> (accessed 26.01.2023). (In Germ.).

DfK — *Deutschlandfunk Kultur*. 09.12.2020. *Verleugnung des Andersseins*. Available at: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/anna-prizkau-ueber-fast-ein-neues-leben-verleugnung-des-100.html> (accessed 10.03.2023). (In Germ.).

DH — *Du bist Halle*. 20.09.2022. *Omikron....* Available at: <https://dubisthalle.de/omikron-neue-impfempfehlung-der-stiko-zur-covid-booster-impfung> (accessed 16.02.2023). (In Germ.).

DS — *Netzwerk Deutschebz*. 20.04.2020. Available at: <https://deutschebz.com/bavaria/mix-markt-135174> (accessed 11.03.2023). (In Germ.).

DSt — *DerStandard*. 14.11.2015. *MiMiMis. Schüblinge und Biodeutsche*. Available at: <https://www.derstandard.at/story/2000025663061/wortkunde-mimimis-schueblinge-und-biodeutsche> (accessed 26.02.2022). (In Germ.).

DWDS — *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 26.01.2023). (In Germ.).

FG — *Netzwerk Finanzfrage*. 2017. Available at: <https://www.finanzfrage.net/g/frage/auto-und-hartz4---was-ist-nun-richtig> (accessed 16.01.2022). (In Germ.).

FNP — *Frankfurter neue Presse*. 18.02.2016. *Nouripour liest* Available at: <https://www.fnp.de/lokales/kreis-gross-gerau/ruesselsheim-ort29367/nouripour-liest-auslaender-debatte-augenzwinkern-10672742.html> (accessed 16.01.2022). (In Germ.).

HB — *Handelsblatt*. 20.08.2010. *Hartz-IV-Kinder*. Available at: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/hartz-iv-kinder-lehrer-machen-front-gegen-leyens-bildungs-chipkarte-seite-2/3520396-2.html> (accessed 10.01.2023). (In Germ.).

JF — *Junge Freiheit*. 06.08.2021. Available at: <https://jungefreiheit.de/politik/ausland/2021/lukaschenko-schliesst-grenze-fuer-zurueckgeschickte-migranten/> (accessed 16.03.2023). (In Germ.).

IM — *Inventar der Migrationsbegriffe*, Ein Projekt der interdisziplinären Forschungsgruppe “Die wissenschaftliche Produktion von Wissen über Migration” [Electronic resource]. Available at: <https://www.migrationsbegriffe.de/migrationshintergrund> (accessed 11.02.2023). (In Germ.).

- IY — Ibrahim Yetim. 06.10.2016. *Doppelte Staatsbürgerschaft*. Available at: <https://ibrahim-yetim.de/doppelte-staatsbuergerschaft-anerkennung-statt-spaltung/> (accessed 06.03.2023). (In Germ.).
- KZ — *Kleine Zeitu.*, 03.08.2018. Available at: <https://www.kleinezeitung.at/politik/innenpolitik/5474393> (accessed 11.03.2023). (In Germ.).
- MM — *Mundmische*. Available at: <https://www.mundmische.de/bedeutung/8213-mimimi> (accessed 06.02.2023). (In Germ.).
- NBP — *N0by.blogspot*. 16.06.2011. *Die Reise von Moria*. Available at: <http://n0by.blogspot.com/2020/09/die-reise-von-moria-durch-die-merkel.html> (accessed 26.02.2023). (In Germ.).
- PD — *Forum Psychic.de*. 21.05.2012. Available at: <https://www.psychic.de/forum/einsamkeit-forum-f37/einsamkeit-hilfen-t35527.html> (accessed 11.02.2023). (In Germ.).
- PF — *Pickupforum*. 23.12.2013. *Als Kanacke keine Chance in Kölner Clubs*. Available at: <https://www.pickupforum.de/topic/127290-als-kanacke-keine-chance-in-k%C3%B6lner-clubs/> (accessed 20.03.2023). (In Germ.).
- RA — *Redensarten-Index Wörterbuch und Portal für Redensarten, Redewendungen, idiomatische Ausdrücke, Sprichwörter, Umgangssprache*. Available at: https://www.redensarten-index.de/suche.php?suchbegriff=Mimimi&bool=relevanz&gawoe=an&sp0=rart_ou&sp1=rart_varianten_ou&von=rartstmap (accessed 22.01.2023). (In Germ.).
- RP — *Magazin Republik*. 08.08.2018. *Welche #MeTwo-Tweets*. Available at: <https://www.republik.ch/2018/08/08/welche-metwo-tweets-koennte-man-ueber-ihr-verhalten-schreiben/diskussion?focus=48fde37b-541f-4825-89e2-41601a6db1a0> (accessed 13.02.2023). (In Germ.).
- SD — *Samy Deluxe*. 01.04.2016. *«MiMiMi»*. Available at: <https://genius.com/Samy-deluxe-mimimi-lyrics> (accessed 10.02.2023). (In Germ.).
- SN — *Sprachnudel. Nachschlagewerk für die deutsche Sprache*. Available at: <https://www.sprachnudel.de/woerterbuch/Hartzer> (accessed 26.01.2023). (In Germ.).
- SZ — *Saarbrücker Zeitung*. 09.03.2018. *Es heißt doch auch Muttersprache*. Available at: https://www.saarbruecker-zeitung.de/app/consent/?ref=https://www.saarbruecker-zeitung.de/nachrichten/meinung/standpunkt/es-heisst-doch-auch-muttersprache_aid-7855449 (accessed 14.01.2023). (In Germ.).
- TAZ — *Die Tageszeitung*. 06.11.2006. *Wie geht es uns, Herr Küppersbusch?* Available at: <https://taz.de/!325328/> (accessed 10.02.2023). (In Germ.).
- Unique — *Unique-online.de*. 01.01.2015. *Interview mit Omid Nouripour*. Available at: <https://www.unique-online.de/interview-omid-nouripour/7247/> (accessed 10.02.2023). (In Germ.).
- Urbia — *Forum urbia.de*. 02.01.11. Available at: <https://www.urbia.de/forum/6-kids-schule/2962016-alg2ler-gleich-hauptschule> (accessed 07.02.2023). (In Germ.).
- VF — *Verfassungsfein.de*. 04.03.2014. Available at: <https://verfassungsfein.de/viewtopic.php?f=90&t=27933&p=292072> (accessed 11.03.2023). (In Germ.).
- WF — *Netzwerk WinFuture*. 12.02.2013. Available at: <https://winfuture.de/news,74580.html> (accessed 06.02.2023). (In Germ.).
- ZT — *Zeit*. 06.02.2019. *Sind Impfgegner asozial?* Available at: <https://www.zeit.de/gesellschaft/2019-02/politikpodcast-servus-grueezi-hallo-6-februar-2019?page=4> (accessed 18.02.2023). (In Germ.).

References

Alcoff, L. M. (2005). *Visible identities: Race, gender, and the self*. Oxford. Oxford University Press. 335 p. ISBN-13 978-0-19-513734-7.

- Bezkorovaynaya, G. T., Ebzeeva, Yu. N., Gishkaeva, L. N. (2021). Changing the semantics and functioning of the English nominees of the nobility under the influence of the evolution of the socio-cultural context. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 12 (2): 472—500. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-472-500. (In Russ.).
- Garagulya, S. I. (2009). *Anthroponymic pragmatics and identity of the individual*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 42 p. (In Russ.).
- Gerster, P., Nürnberger, Ch. (2021). *Vermintes Gelände — Wie der Krieg um Wörter unsere Gesellschaft verändert. Die Folgen der Identitätspolitik*. München: Wilhelm Hyene Verlag. 224 p. ISBN 978-3-641-28565-4. (In Germ.).
- Kustarev, A. S. (2006). *Nervous people: essays on the intelligentsia*. Moscow: KMK. 374 p. ISBN 5-87317-275-7. (In Russ.).
- Kustarev, A. S. (2012). Socionyms: creative class. *Inviolable reserve*, 3 (83). Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/3/soczionimy-kreativnyj-klass.html>. (In Russ.).
- Lammert, M. (2021). Collective human names in French: semantic, lexical and discursive issues. *Journal of French language studies*, 31 (1): 118—120. DOI: 10.1017/S0959269519000358.
- Lappo, M. A. (2013). *Self-identification: semantics, pragmatics, language resources: monograph*. Novosibirsk: Publishing House of NGPU. 180 p. ISBN 978-5-85921-977-3. (In Russ.).
- Lecolle, M. (2020). Plurality and its Nominal Wording. La France, les Français, le peuple français: Similarities and Differences. *Academic journal of modern philology*, 9 (9): 131—142.
- Makarova, A. A., Popova, Y. B. (2020). Zoomorphic pattern in collective nicknames among the residents of the Russian north. *Voprosy onomastiki*, 17 (1): 30—46.
- Mitsiti, F. (2020). *Productive thematic groups of periphrases (socioonyms, toponyms, cultural names) of the Russian language in the linguoculturological aspect (against the background of the Chinese language)*. PhD Diss. St. Petersburg. 200 p. (In Russ.).
- Nouripour, O. (2014). *Kleines Lexikon für MiMiMis und Bio-Deutsche: [Mitbürger mit Migrationshintergrund und Schon-Immer-Deutsche]*. München: Dt. Taschenbuch-Verl. 199 S. ISBN 9783423260329. (In Germ.).
- Novikova, E. Yu. (2006). *Structure, semantics and trends in the development of names of persons by profession in the modern German language*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow: MGLU. 25 p. (In Russ.).
- Solovyova, M. A. (2018). *Nouns — nominations of persons by profession and occupation in the Russian language of the XXI century*. Author's abstract of PhD Diss. V. Novgorod. 22 p. (In Russ.).
- Vaňková, L. (2012). Suffigierte Personenbezeichnungen als Emotionalisierungsmittel. Neuere Korpus-Recherchen zu bekannten negativ wertenden Suffixbildungen. *Studia Germanistica*, 7 (10): 9—59. (In Germ.).
- Zaripova, V. M. (2016). *Nomination of persons in the language of the newspaper: the evolution of etiquette trends*. Samara: Publishing House of SSAU. 180 p. ISBN 978-5-7883-1065-7. (In Russ.).

*The article was submitted 20.03.2023;
approved after reviewing 19.04.2023;
accepted for publication 24.04.2023.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

.....

Арилана Тулендиевна Жаманкозова, канд. филол. наук (Астана, Казахстан)
Вера Владимировна Сердечная, д-р филол. наук (Краснодар)
Гульзада Гадульяновна Багаутдинова, канд. филол. наук (Казань)
Дарья Алексеевна Зудина, магистр, аспирант (Нижний Новгород)
Дмитрий Николаевич Жаткин, д-р филол. наук (Пенза)
Елена Михайловна Шастина, д-р филол. наук (Елабуга)
Елена Сергеевна Тулушева, канд. филол. наук (Москва)
Мадина Жанбырбаевна Тусупбекова, канд. пед. наук (Астана, Казахстан)
Науша Кабешевна Кажикенова, канд. пед. наук (Астана, Казахстан)
Ольга Владимировна Богданова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Татьяна Александровна Шарыпина, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Татьяна Николаевна Баранова, соискатель (Санкт-Петербург)
Юлия Константиновна Казакова, канд. филол. наук (Елабуга)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(3), 2023]

[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Багаутдинова Г. Г. Стилиевые факторы «орнаментальной прозы» в творчестве И. А. Гончарова / Г. Г. Багаутдинова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 191—205. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-191-205.

Bagautdinova, G. G. (2023). Stylistic Factors of “Ornamental Prose” in Work of I. A. Goncharov. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 191-205. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-191-205. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-191-205

Стилиевые факторы «орнаментальной прозы» в творчестве И. А. Гончарова

Багаутдинова Гульзада Гадудьяновна
orcid.org/0000-0003-1709-1087

кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры русской литературы
и методики ее преподавания
gbagautdinova@yandex.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
(Казань, Россия)

Stylistic Factors of “Ornamental Prose” in Work of I. A. Goncharov

Gulzada G. Bagautdinova
orcid.org/0000-0003-1709-1087

PhD in Philology, Associate Professor,
Doctoral Candidate, Department
of Russian Literature and Methods of its
Teaching
gbagautdinova@yandex.ru

Kazan (Volga region)
Federal University
(Kazan, Russia)

© Багаутдинова Г. Г., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Русская литература «золотого века» не рассматривалась в аспекте орнаментальности, за исключением некоторых произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова. Актуальность статьи определяется тем, что «орнаментальность» позволяет выявить особенности поэтики на протяжении всего творческого пути И. А. Гончарова. Научная новизна заключается в том, что автор обращается к малоизученной проблеме в гончароведении — «орнаментальной прозе», изучение которой позволяет затронуть и невыявленные вопросы ритма. Выполнен анализ некоторых орнаментальных средств, преимущественно на материале «малой» прозы И. А. Гончарова. Утверждается, что писатель использует различные фигуры повтора, основанные на смысловой избыточности, и орнаментальные средства, ориентированные на симметрию. Вводится понятие полиритмичности применительно к ритмической структуре произведений И. А. Гончарова. Таким образом, в произведениях писателя создается ритм, основанный на смысловой «плетенке», и соблюдается принцип симметрии, созданный художественными приемами «орнаментальной прозы» и «ритмической прозы». Все это позволяет структурировать текст и преодолеть его формально-содержательную энтропию, что определяет уникальность «орнаментальности» в сочинениях И. А. Гончарова.

Ключевые слова:

орнаментальная проза; И. А. Гончаров; фигуры речи; симметрия; ритмическая проза; полиритмичность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Literature of the “golden age” of Russian literature, as a rule, was not considered in terms of ornamentality, with the exception of some works by A. S. Pushkin, N. V. Gogol, A. P. Chekhov. The relevance of the article is determined by the fact that “ornamentality” makes it possible to identify the features of poetics throughout the entire career of I. A. Goncharov. The scientific novelty lies in the fact that the author refers to a little-studied problem in pottery — “ornamental prose”, the study of which allows touching on the unidentified issues of rhythm. Some ornamental means mainly on the material of the “small” prose of I. A. Goncharov analyzed in the article. The author of the article concludes that the writer uses various figures of repetition, based on semantic redundancy, and ornamental means, focused on symmetry. The concept of polyrhythm is introduced in relation to the rhythmic structure of works by I. A. Goncharov. Thus, a rhythm is created based on the semantic “braiding”, and the principle of symmetry created by the artistic techniques of “ornamental prose” and “rhythmic prose” is observed. All this makes it possible to structure the text and overcome its formal content entropy, which determines the uniqueness of I. A. Goncharov’s “ornamentality”.

Key words:

ornamental prose; I. A. Goncharov; figures of speech; symmetry; rhythmic prose; polyrhythm.

Стилевые факторы «орнаментальной прозы» в творчестве И. А. Гончарова

© Багаутдинова Г. Г., 2023

1. Введение = Introduction

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления специфики «орнаментальности» в творчестве И. А. Гончарова, поскольку «орнаментальная проза» выражает доминантные особенности поэтики писателя.

Признаки «орнаментальной прозы» выявляются на протяжении всего творчества писателя, но могут варьироваться: например, в романах И. А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» «орнамент» создают не только разные орнаментальные средства, но и мотивы, тогда как во многих произведениях малой прозы писателя преобладают орнаментальные средства.

Исследование «орнаментальной прозы» невозможно без изучения ее ритмической организации, поскольку ритм является существенной стороной поэтики подобных произведений. Ритм «Обыкновенной истории» и «Обломова» И. А. Гончарова находился в исследовательском ракурсе гончароведов [Гузь, 2013, Пыrkов, 2017], но не рассматривался в аспекте «орнаментальной прозы».

Ранее мы изложили некоторые наши наблюдения над ритмической организацией произведений, написанных в разные периоды творчества писателя [Багаутдинова, 2018; Багаутдинова, 2021; Багаутдинова, 2022]. Нами было доказано, что своеобразие ритма прозы в творчестве И. А. Гончарова определяют, среди прочих ритмообразующих факторов, разнообразные фигуры речи: лексические повторы, грамматико-синтаксические повторы, основанные на симметрии, например, хиазмы, симплоки, которые в свою очередь определяют стиливое своеобразие «орнаментальной прозы».

Научная новизна данной статьи определяется специальным анализом ритмико-стилевого своеобразия произведений И. А. Гончарова в аспекте «орнаментальности». Под *стилем* понимается в работе «эстетическая целостность содержательной формы, системное единство общеэстетических принципов и формальных компонентов или носителей стиля...» [ЛЭС, с. 421].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

«Орнаментальная проза» восходит к стилю «плетение словес», или стилю второго южнославянского влияния [Прохоров, 1968], расцвет которого приходится на конец XIV — начало XV веков — эпоху Предвозрождения [Лихачев, 1973].

С. Матхаузерова включает стиль плетения словес в общую теорию древнерусского стиха, несмотря на то, что в Древней Руси отмечается господство прозы [Матхаузерова, 1986]. Логика ученого понятна, так как «орнаментальность» предполагает ритмичность, а разделение на стих и прозу, по мнению М. Л. Гаспарова, появилось лишь в начале XVII века: «До этого вместо противоположности «стих — проза» в сознании древнерусского человека жила другая противоположность: «текст поющийся — текст произносимый» [Гаспаров, 1985, с. 264].

Одним из аргументов осмысления стиля «плетения словес» как специфического вида стихотворной культуры является его связь со словом *ирмос* — «плетение», или «вязань», «извитие». С. Матхаузерова в своих выводах опирается на статьи Евфимия Чудовского, одного из самых образованных московских книжников XVII века.

Организирующим ритмическим принципом в стиле «плетения словес», по мнению С. Матхаузерой, является тот, который имеет место в геометрии орнамента [Матхаузерова, 1986, с. 89—90]. Ритмическое ожидание в орнаменте вызывает «принцип смены простых и сложных мотивов, восприятие сложного мотива как конструкции более простых мотивов, соединение и разъединение мотивов, включение одних мотивов в другие...» [Там же, с. 89]. Мотивом здесь называются повторяющиеся художественные элементы. Как считает С. Матхаузерова, «по примеру ирмоса и во всем плетении словес важную роль играют повторение и варьирование однозначных, однокоренных иди даже однозвучных слов и их взаимные комбинации» [Там же].

С. Матхаузерова обратила внимание на семантическую сторону создания ритма в стиле «плетения словес». О. Ф. Коновалова, также исследовавшая этот стиль, не исключала среди ритмообразующих факторов и другие приемы, например, звуковые, синтаксические повторы: «Плетение словес — это своеобразный словесный орнамент, представляющий собой сочетание однокоренных и созвучных слов, синонимии и ритмики речи, сложного синтаксиса и нагнетания однородных сравнений и эпитетов...» [Коновалова, 1966, с. 101].

Если истоки «орнаментальности» заложены в древнерусской литературе, то ее последующее развитие исследователи усматривают главным образом в истории литературы Серебряного века, а также в 20—30-е годы XX века и связывают основные тенденции стиля с творчеством А. Белого,

А. Ремизова, И. Бабеля, Е. Замятина, Б. Пильняка [Голубков, 1992; Долгополов, 1988; Кожевникова, 1976; Колобаева, 1994].

По словам Н. А. Кожевниковой, «основа организации текста в орнаментальной прозе — повтор и возникающие на его основе сквозная словесная тема и лейтмотив» [Кожевникова, 1976, с. 56]. Принцип лейтмотивности является конструктивным в орнаментальной прозе: «Повторяются не только определенные слова, но и слова одного смыслового плана, отдельные предложения, образы, целые сцены. Текст организуют сходные и контрастные внутренние словесные темы и лейтмотивы, которые создают его единство» [Там же, с. 57]. Кроме того, «наиболее существенный признак, по которому орнаментальная ... проза противопоставлена повествовательной норме, — тяготение к непрямому словоупотреблению» [Там же]. Таким образом, ритм в подобной прозе создается преимущественно за счет смыслового повтора.

Немецкий исследователь В. Шмид, помимо вышеназванного историко-литературного периода, «поэтическое» начало усматривает также в прозе 19 века: А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова [Шмид, 1998]. В. Шмид так же, как и российские исследователи, считает, что орнаментальная проза сродни поэтической, поэтому в ней на первый план выходит не нарратив, а ассоциативность, ритм, лейтмотивность. Об «орнаментальности» говорят применительно к прозе, которая тесно связана с мифами; так или иначе лишена событийности («проза как поэзия»); наделена более всего ассоциативными семантико-тематическими перекличками и метафорически «украшена» [Там же; Шмид, 2003].

В отличие от «орнаментальной прозы» 20 века, «орнаментальная проза» XIX века недостаточно подробно изучена, а «орнаментальная проза» И. А. Гончарова и вовсе не была предметом научных изысканий филологов. Тогда как гипотетически (на уровне текстуальных наблюдений произведений писателя) предполагаем, что «орнаментальная проза» И. А. Гончарова воплощает доминантные особенности поэтики творчества этого писателя.

Кроме того, подытоживая наблюдения литературоведов, исследовавших стиль «орнаментальной прозы», начиная с ее истоков — стиля «плетения словес» — и заканчивая литературой XX века, отметим, что ритм в прозе И. А. Гончарова является одним из основных компонентов, определяющих ее художественные особенности.

Фигуры речи в контексте «орнаментальной прозы», как правило, лишь упоминаются, но редко рассматриваются, за исключением ассонансов и аллитераций, тогда как «орнаментальная проза» чрезвычайно насыщена и «украшена» весьма причудливыми фигурами речи, что вполне логично для ее специфики. «Орнаментальная проза» выражает «идею затрудненной формы» [Кожевникова, 1976, с. 58].

Основным материалом для исследования послужило позднее творчество писателя — произведения: «Литературный вечер» (1880), «Слуги старого века» (1888), «Превратность судьбы» (1891). Для контекстуального анализа привлекаются романы писателя: «Обыкновенная история» (1847), «Обрыв» (1869).

Анализ художественных приемов на данном этапе работы позволяет выявить закономерности употребления того или иного компонента «орнаментальной прозы» в произведениях И. А. Гончарова.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Рассмотрим фигуры речи, формирующие «избыточность» смысла, поскольку они образованы лексическими, тавтологическими повторами, характерными для стиля «орнаментальной прозы».

3.1. Фигуры прибавления в «малой» прозе И. А. Гончарова 1880—1890-х годов

Полиптон («Литературный вечер»): «Григорий Петрович вытащил его из гнезда, обещал *хороший* роман, *хорошее* общество, *хороших*, даже прекрасных дам и *хороший* ужин» [Гончаров, 1980, с. 39]. Четырехкратный повтор в различных грамматических формах лексемы *хороший*, притом в сочетании с разными определяемыми словами, создает градацию. Кроме того, возникает двойной ритм: на уровне грамматики (перечисляются однородные дополнения *роман, общество, ужин*) и на уровне семантики: тавтологическое употребление лексемы *хороший* создает своего рода заволаживающую своей повторяемостью семантическую «плетенку».

Этот же прием наблюдаем в очерке «Превратности судьбы»: «Возы брали из амбара *кули* и отвозили купцам, а Хабаров отмечал число *кулей*...» [Гончаров, 1952, с. 485].

Удвоение. Эта фигура речи встречается нередко в очерках И. А. Гончарова, например в «Слугах старого века»: «Ах ты, *тихоня, тихоня!*»; «*пирожок...пирожок...* принесли!»; «*Ступайте! Ступайте!*» [Гончаров, 1980, с. 150]. Причем удвоение слов сопровождается аллитерацией звуков [х], [т], [п] в смежных словах. В очерке «Уха»: «*Придет, придет!*...»; «*сейчас, сейчас!*...» [Там же, с. 215]. В очерке «Превратности судьбы»: «...но усердствовал все *более и более*...» [Гончаров, 1952, с. 483].

Многократный повтор одного и того же слова: «А если она полезла к вам, да еще грозит мне, так нарочно, назло ей, *буду* ходить, *буду, буду!*» («Слуги старого века») [Гончаров, 1980, с. 143]. Или: «Через пять минут я *опять* позвонил, и *опять, и опять*» [Там же, с. 149]. И. А. Гончаров усиливает художественный эффект звукописью: аллитерациями [п], [т] и ассонансами [а]. Кроме того, наречие *опять*, если присмотреться к его

звукобуквенному составу, включает в себе лексему *пять*, которая является отдельным структурно-семантическим компонентом этого предложения, — созвучные слова нарочито сталкиваются в пределах одного предложения, возникает игра слов.

Кольцо: В «Слугах старого века»: «...с остатками переплета или вовсе без переплета» [Гончаров, 1980, с. 130]; «я жил тогда в том же доме, где и теперь живу» [Там же, с. 152]. Даже в контексте небольшого предложения Гончаров стремится к разнообразию ритма, употребляя однокоренные слова, реализующие различные словообразовательные модели: «...пить, но не упиваться!» [Там же, с. 151]. В очерке «Уха»: «Уха вышла на славу, совершенно Демьянова уха» [Там же, с. 214].

Частотным в прозе И. А. Гончарова является орнаментальное средство, основанное на симметрии, — хиазм. В малой прозе писателя встречаются разные виды хиазмов.

(1) Классический хиазм, в котором прослеживается синтаксический параллелизм и полная инверсия. Например, в «Литературном вечере» (1880): «Если ты считаешь меня равнодушным к романам или вообще к литературе, то все же это не значит, чтобы я был равнодушен к тебе и к твоему произведению» [Гончаров, 1980, с. 33]; «...будут довольны слушатели автором и автор слушателями — дело для него совсем не в том» [Там же, с. 34].

(2) Двойной хиазм, то есть в пределах двух смежных предложениях образуются две тождественные инвертивные конструкции: «В свободные утра он или сам ехал, или к нему ехали с визитами; потом он обедал у знакомых или у него обедали знакомые» [Там же, с. 33];

(3) Встречаются хиазмы, в инвертируемых частях которого возникает дополнительный смысл. Э. М. Береговская называет подобный вид хиазма «семантически осложненным хиазмом» [Береговская, 2004, с. 24]. Например, в очерке «Литературный вечер» Красноперов говорит журналисту: «...вовсе не от избытка благоговения не упоминаете вы о боге, а потому, что не веруете! Или веруете по Ренану: спаситель-де принес в мир прекрасное учение, а сам был хороший человек, а не бог!» [Гончаров, 1980, с. 73]. Образуется семантически осложненный хиазм, в котором не просто инвертивно повторяются части предложений, а добавляется новый смысл: «не веруете или веруете по Ренану»;

(4) В «Слугах старого века» слуга Матвей говорит: «Если что изнаосится или разобьется, вы извольте отметить на «ерестрике», — приставал он ко мне, — а если я что разобью или потеряю, так из жалованья у меня вычтете...» [Там же, с. 173]. Во второй части хиазма происходит замена «повторяющегося» слова: вместо «изнаосится» употребляется «потеряю».

Кроме того, появляется новое значение в хиастическом обороте, так как Матвей в силу своей щепетильности предлагает своему хозяину разные варианты поддержания его благосостояния. Конечно же, в контексте этот хиастический оборот приобретает комическую направленность.

(5) Хиазмы, образованные фразеологизмами, можно обнаружить в «Слугах старого века» (1888): «Впрочем, в наше нестрогое литературное время многое и многим сходит легко с рук: может быть, и мне сойдет» [Там же, с. 129]. Возникает своего рода каламбур из-за усечения во второй части хиазма компонента *с рук*. Или: «Он переносил все: и побои своего барина, терпел постоянную голодуху, падал силами от работы, но не падал духом» [Там же, с. 178]. Данный хиазм образуется частичным лексическим повтором, в результате которого образуется новое устойчивое выражение с жизнеутверждающим смыслом — *не падал духом*, в основу которого положен фразеологизм с противоположным значением — *падать духом*. В первой части хиазма повторяется слово *падал*, которое соединяется в первой части с предложно-падежной конструкцией *от работы*, а во второй части к глаголу прибавляется частица *не* и лексема *духом*;

(6) Хиазм-цитата, то есть хиазм, созданный «чужим словом». Например, в «Слугах старого века» цитируется фраза из последней строфы восьмой главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина: *«Иных уж нет, а те дале-че»* [Там же, с. 156]. Кроме того, эта цитата-хиазм является своего рода множественной цитатой, поскольку встречается у А. С. Пушкина в «Бахчисарайском фонтане», в характеристике авторства которой он в свою очередь, как известно, указывает Саади. Кроме того, эта цитата одновременно является и фразеологизмом, точнее, она стала им (на правах крылатого выражения) впоследствии.

Валентин — один из главных персонажей цикла очерков — читает нараспев «Песню («Минувших дней очарованье...») В. А. Жуковского: «И зримо ей в минуту стало незримое с давнишних пор» [Там же, с. 137].

Если оценивать частотность орнаментальных средств, то в прозе малых и средних эпических форм самым частотным орнаментальным средством хиазм оказывается в «Слугах старого века».

3.2. Фигуры прибавления в романном художественном мире И. А. Гончарова

Романная структура И. А. Гончарова также изобилует хиазмами. Только в эпилоге «Обыкновенной истории», весьма небольшом по объему, эта фигура речи встречается четырежды. Например: «Доктор уж не раз перекладывал от нетерпения *то левую ногу на правую, то правую на левую*» [Гончаров, 1997, с. 454]. Перед нами, как видим, классический хиазм. Или: «...женишься по любви, — говорил Александр, — любовь пройдет и бу-

дешь жить привычкой; женишься не по любви — и придешь к тому же результату: привыкнешь к жене» [Там же, с. 464] — семантически усложненный хиазм с элементами игры слов.

Своего рода каламбур создает и следующий хиастический оборот: «Когда я любил... — отвечал Александр в раздумье, — тогда женитьба не давалась...». — «А теперь женишься, да любовь не дается, — прибавил дядя, и оба они засмеялись» [Там же]. Своеобразие этого хиазма проявляется и в том, что он сконструирован из двух высказываний персонажей: Александр начинает фразу, Петр Иванович продолжает. В результате перекрестного диалога возникает «крестообразное» изречение — хиазм.

Хиазм создается из диалога Лизаветы Александровны и Александра Адуева: «Вы хотите сказать, ma tante, что теперь я... не умен и... не благороден...». — «Боже сохрани! нет! Но теперь вы умны и благородны... по-другому, не по-моему...» [Там же, с. 467].

Таким образом, множественное употребление подобных фигур прибавления, образующих симметрию (удвоение, кольцо, хиазм), то есть лексико-грамматическую соизмеримость частей, из которых состоят эти риторические конструкции, позволяет прийти к выводу о неслучайности их использования И. А. Гончаровым, они выступают в качестве вполне осознанно конструируемых автором приемов.

3.3. Симметрия фигур речи и «ритмическая проза». Полиритмичность

И. А. Гончаров большое значение придавал структуре произведения, его «постройке», уподобляя работу писателя архитектору, зодчему, о чем он неоднократно упоминал в письмах. Например, в письме к А. Н. Майкову от 11/23 апреля 1859 года И. А. Гончаров написал отклик на его поэму: «...поэма не вся напечатана, из нее вырезано сердце, разрушена ее симметричность, словом она искажена и со стороны архитектуры, и со стороны мысли, а ведь она вся построена на двух столпах, на двух, так сказать, основаниях...» [ЛН, с. 359].

В «Обрыве» также встречается слово *симметрия*: «Да и тетки не могли видеть беспорядка: чуть цветы раскинутся в вазе прихотливо, входила Анна Васильевна, звонила девушку в чепце и приказывала собрать их в симметрию» [Гончаров, 2004, с. 18]. Или: «Она (Софья. — Г. Б.) засмеялась и стала собирать в симметрию цветы...» [Там же, с. 30]. Райский, пытающийся «оживить» Софью Беловодову, говорит ей: «Цветы не будут стоять так симметрично в вазах, и всё здесь заговорит о любви» [Там же, с. 36]. Не вдаваясь в комментарий, заметим лишь, что слово *симметрия* употребляется с различной коннотацией, но значимость этого понятия в контексте творчества И. А. Гончарова несомненна. Нас понятие симметрии интере-

сует прежде всего в соотношении с понятием «ритм», поскольку оба они являются идентичными категориям соразмерности, пропорциональности, одинаковости.

Наблюдения над прозой И. А. Гончарова позволяют прийти к выводу о ее полиритмичности [Багаутдинова, 2022]. Термин *полиритмичность* образован нами по аналогии с термином *полиритмия*, употребляемым в музыкальном мире, в котором *полиритмия* означает «одновременное сочетание двух или нескольких ритмических рисунков» [БЭС, с. 171].

В контексте работы *полиритмичность* означает употребление разных ритмообразующих факторов, определяющих как уровень формы, так и уровень содержания ритмической организации текста, то есть употребление разных ритмических единиц в том или ином контексте, например: звуковые повторы «ритмической прозы» и тематические повторы «орнаментальной прозы»; синтаксический параллелизм «ритмической прозы» и «семантическая плетенка» «орнаментальной прозы»; звуковые повторы и симметрия, которую образует система персонажей, и т. д.

Подобные пассажи в поздних очерках И. А. Гончарова особенно частотны в «Литературном вечере». Например, факторы «орнаментальной прозы» (инверсия, анафора, тавтология, градация) и «ритмической прозы» [Жирмунский, 1966] — синтаксический параллелизм — прослеживаются в той части очерка, в которой Чешнев рассуждает о русском народе: «...но лишь только *явится туча* на горизонте, / *загремит война*, / *постигнет* Россию *зараза, голод* — // смотрите, / *как соединяются* все нравственные и вещественные *силы*, / *как все сливается* в одно чувство, в одну мысль, в одну волю...» [Гончаров, 1980, с. 106]. В данном фрагменте наблюдается параллелизм двусоставных нераспространенных предложений, построенных на основе инверсии: *явится туча, загремит война, постигнет зараза, голод* (однородные подлежащие). Кроме того, в этом сложном предложении параллелизм создают составляющие его предложения, соединенные союзом *как* + сказуемое (местоимение *все*) + определения (однородные: *нравственные и вещественные*) + подлежащее (*силы*) и союз *как* + подлежащее (*всё*) + сказуемое (*сливается*) + однородные дополнения (*чувство, мысль, волю*).

Разнообразие ритмическому рисунку придают инверсии сказуемых, местоимения (подлежащего), использование различных ритмообразующих средств (параллелизм различных типов предложений, перечисление однородных определений, дополнений), орнаментальных средств (тавтологический повтор предлога «в», употребление лексем *одно, одну* (2 раза) — все вместе создает градацию).

Синтаксический параллелизм предложений и полиптотон, образующий эпифору, наблюдаются и в эпизоде, в котором профессор рассуждает о том,

каким должен быть роман: «а) Одни писатели дорожат более всего своею идеею, // так сказать, внутреннюю задачу, / заботясь о том, что выразить; / для них искусство — средство, а не цель; б) // другие, напротив, увлекаются *формой*, // дорожа тем, как выражать; // с) наконец, третьи, первоклассные таланты, счастливо соединяют в себе и содержание, и *форму*» [Гончаров, 1980, с. 82]. Ритм образуется троекратным повторением одинаково построенных предложений: подлежащие, выраженные местоимениями (*одни, другие, третьи*) и существительным, + сказуемое (*дорожат, увлекаются, соединяют*) + дополнения (идеею, *формой*). Очень часто в «ритмической прозе» встречаются однородные члены предложения, соединенные союзом: *и содержание, и форму*. Кроме того, эпифору образует тавтологический повтор в конце соотносящихся предложений (б и с) существительного *форма*, но в разных падежах (полиптотон): *формой* и *форму*.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, орнаментальные средства являются в прозе И. А. Гончарова не только принадлежностью стиля «орнаментальной прозы», а весьма мощным структурообразующим и ритмообразующим принципом: неоднократный (не менее трех раз для возникновения ритма) повтор орнаментальных средств, их различных комбинаций создает симметрию — ритм прозы.

Текстуальные наблюдения над художественными произведениями И. А. Гончарова позволяют прийти к выводу об их полиритмичности. В качестве ритмообразующих факторов выступают многообразные приемы, присущие различным видам ритмически организованной прозы, в частности, «орнаментальной прозы» и «ритмической прозы». Использование риторических фигур, основанных на симметрии, а также соединение даже в небольшом контексте приемов «орнаментальной прозы» и «ритмической прозы» — синтаксический параллелизм — придает строгую упорядоченность художественным текстам писателя. Проникновение какой бы то ни было асимметрии упорядочивается другими уровнями текста.

Если отталкиваться от наблюдений В. Шмида, исследовавшего «орнаментальную прозу» Н. В. Гоголя, А. С. Пушкина, А. П. Чехова, то своеобразие «орнаментальной прозы» И. А. Гончарова, в отличие от «аморфности» стиля ее предшественников и последователей, проявляется в строго организованном порядке, четко структурированности, упорядоченности. Возникает своего рода геометрическая симметрия. «Орнаментальный» рисунок писателя строго геометрически задан, подобно ландшафту и архитектуре Санкт-Петербурга — городу, в котором, как известно, писатель прожил почти всю свою жизнь.

**Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.**

**The author declare no conflicts
of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. БЭС — *Большой энциклопедический словарь* : в 2 томах / гл. ред. А. М. Прохоров. — Москва : Советская энциклопедия, 1991. — Т. 2. — 768 с.
2. *Гончаров И. А.* Полное собрание сочинений : в 20 томах / И. А. Гончаров. — Санкт-Петербург : Наука, 1997—2004. — Т. I—VII.
3. *Гончаров И. А.* Собрание сочинений : в 8 томах / И. А. Гончаров. — Москва : Правда, 1952. — Т. 7. — 503 с.
4. *Гончаров И. А.* Собрание сочинений : в 8 томах / И. А. Гончаров. — Москва : Художественная литература, 1980. — Т. 7. — 462 с.
5. ЛН — *Литературное наследство* / ответственные редакторы : С. А. Макашин, Т. Г. Динесман. — Москва : ИМЛИ РАН : Наследие, 2000. — 735 с.
6. ЛЭС — *Литературный энциклопедический словарь* / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. — Москва : Советская энциклопедия, 1987. — 751 с.
7. *Поэтика* : словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. — Москва : Изд-во Кулагиной : Intrada, 2008. — 357 с. — ISBN 978-5-903955-01-5.

Литература

1. *Багаутдинова Г. Г.* Идеал жизни Ильи Ильича Обломова : анализ ритмической структуры прозаического фрагмента (глава IV, часть 2 романа И. А. Гончарова «Обломов») / Г. Г. Багаутдинова // *Русская словесность*. — 2021. — № 4. — С. 100—105.
2. *Багаутдинова Г. Г.* Ритмообразующие принципы в «Слугах старого века» И. А. Гончарова / Г. Г. Багаутдинова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2018. — № 6 (84). — Часть 1. — С. 12—15. — DOI: 10.30853/filnauki.2018-6-1.2.
3. *Багаутдинова Г. Г.* Факторы «ритмической прозы» и «орнаментальной прозы» в дневнике Бориса Райского («Обрыв» И. А. Гончарова) / Г. Г. Багаутдинова // *Филология и культура. Philology and Culture*. — 2022. — № 2 (68). — С. 71—76. — DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-71-76.
4. *Береговская Э. М.* Очерки по экспрессивному синтаксису / Э. М. Береговская. — Москва : Рохос, 2004. — 208 с. — ISBN 5-9519-0021-2.
5. *Гаспаров М. Л.* Опозиция «стих — проза» и становление русского литературного стиха / М. Л. Гаспаров // *Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития*. — Москва : Наука, 1985. — С. 264—277.
6. *Голубков М. М.* Утраченные альтернативы. Формирование монистической концепции советской литературы. 20—30-е гг. / М. М. Голубков. — Москва : Наследие, 1992. — 199 с.
7. *Гузь Н. А.* Ритмическая организация в романах И. А. Гончарова / Н. А. Гузь // *Мир науки, культуры, образования*. — 2013. — № 4 (41). — С. 3—6.
8. *Долгополов Л. К.* Андрей Белый и его роман «Петербург» / Л. Долгополов. — Ленинград : Советский писатель, 1988. — 413 с.
9. *Жирмунский В. М.* О ритмической прозе / В. М. Жирмунский // *Русская литература*. — 1966. — № 4. — С. 103—115.
10. *Кожевникова Н. А.* Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой / Н. А. Кожевникова // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. — 1976. — Т. 35. — № 1. — С. 55—76.

11. Колобаева Л. А. «Право на субъективность» (А. Ремизов и Л. Шестов) / Л. А. Колобаева // Вопросы литературы. — 1994. — № 5. — С. 44—76.
12. Коновалова О. Ф. «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в. : к вопросу о соотношении / О. Ф. Коновалова // Труды Отдела древнерусской литературы. Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси. — Москва ; Ленинград : Наука, 1966. — Т. XXII. — С. 101—112.
13. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. — Москва : Наука, 1978. — 303 с.
14. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков : Эпохи и стили / Д. С. Лихачев. — Ленинград : Наука, 1973. — 254 с.
15. Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова / С. Матхаузерова. — Praha : Univ. karlova, 1976. — 145 с.
16. Новиков Л. А. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого / Л. А. Новиков. — Москва : Наука, 1990. — 180 с. — ISBN 5-02-011026-4.
17. Пекарская И. В. О существующих типологиях стилистических фигур (аналитический обзор) / И. В. Пекарская // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. — 2017. — № 21. — С. 83—95.
18. Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV веке / Г. М. Прохоров // Труды Отдела древнерусской литературы. — Ленинград : Наука, 1968. — Т. 23. — С. 68—108.
19. Пырков И. В. Гнездо над обрывом. Ритм, пространство и время в русской усадебной литературе XIX века (И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. П. Чехов) / И. В. Пырков. — Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2017. — 392 с. — ISBN 978-5-7924-1255-2.
20. Томашевский Б. В. Стих и язык. Филологические очерки / Б. В. Томашевский. — Москва : ГИХЛ, 1959. — 479 с.
21. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с. — ISBN 5-94457-082-2.
22. Шмид В. Проза как поэзия : Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард / В. Шмид. — Санкт-Петербург : ИНАПРЕСС, 1998. — 352 с. — ISBN 5-87135-063-1.
23. Kasack W. Ein Meister auch der kleinen Form. Ivan Gončarov Erzählung. Ein Mai in Petersburg / W. Kasack. — Köln, Wien : Bohlau-Verlag Publ., 1989. — S. 71—77.
24. Thirgen P. Literarische Arkadienbilder im Russland des 18. und 19. Jahrhunderts / P. Thirgen. — Hundisburg : Kultur-Landschaft Haldensleben-Hundisburg, 2007. — S. 169—193.

Статья поступила в редакцию 08.03.2023,
одобрена после рецензирования 12.04.2023,
подготовлена к публикации 24.04.2023.

Material resources

- BES — *A large encyclopedic dictionary: In 2 volumes*, 2. (1991). Moscow: Soviet Encyclopedia. 768 p. (In Russ.).
- Goncharov, I. A. (1952). *Collected works: In 8 volumes*, 7. (1952). Moscow: Pravda. 503 p. (In Russ.).
- Goncharov, I. A. (1980). *Collected works: In 8 volumes*, 7. Moscow: Fiction. 462 p. (In Russ.).
- Goncharov, I. A. (1997—2004). *Complete works: In 20 volumes, I—VII*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.).

- LES — *Literary encyclopedic dictionary*. (1987). Moscow: Soviet Encyclopedia. 751 p. (In Russ.).
- LN — *Literary heritage*. (2000). Moscow: IMLI RAS: Heritage. 735 p. (In Russ.).
- Poetics: dictionary of actual terms and concepts*. (2008). Moscow: Kulagina Publishing House: Intrada. 357 p. ISBN 978-5-903955-01-5. (In Russ.).

References

- Bagautdinova, G. G. (2022). Factors of “rhythmic prose” and “ornamental prose” in the diary of Boris Raisky (“Cliff” by I. A. Goncharov). *Philology and Culture. Philology and Culture*, 2 (68): 71—76. DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-71-76. (In Russ.).
- Bagautdinova, G. G. (2018). Rhythm-forming principles in “Servants of the Old Century” I. A. Goncharova. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 6 (84) / 1: 12—15. DOI: 10.30853/filnauki.2018-6-1.2. (In Russ.).
- Bagautdinova, G. G. (2021). The Ideal of Ilya Ilyich Oblomov’s Life: analysis of the rhythmic structure of a Prose fragment (Chapter IV, Part 2 of I. A. Goncharov’s novel *Ob-lomov*). *Russian Literature*, 4: 100—105. (In Russ.).
- Beregovskaya, E. M. (2004). *Essays on expressive syntax*. Moscow: Rokhos. 208 p. ISBN 5-9519-0021-2. (In Russ.).
- Dolgopopolov, L. K. (1988). *Andrey Bely and his novel “Petersburg”*. Leningrad: Soviet Writer. 413 p. (In Russ.).
- Gasparov, M. L. (1985). Opposition “verse — prose” and the formation of Russian literary verse. In: *Russian versification. Traditions and development problems*. Moscow: Nauka. 264—277. (In Russ.).
- Golubkov, M. M. (1992). *Lost alternatives. Formation of the monistic concept of Soviet literature. 20—30-ies*. Moscow: Heritage. 199 p. (In Russ.).
- Guz, N. A. (2013). Rhythmic organization in the novels of I. A. Goncharov. *World of science, culture, education*, 4 (41): 3—6. (In Russ.).
- Kasack, W. (1989). *Ein Meister auch der kleinen Form. Ivan Gončarov Erzählung. Ein Mai in Petersburg*. Köln, Wien: Bohlau-Verlag Publ. 71—77. (In Germ.).
- Kolobaeva, L. A. (1994). “The right to subjectivity” (A. Remizov and L. Shestov). *Questions of literature*, 5: 44-76. (In Russ.).
- Konovalova, O. F. (1966). “The weaving of words” and the braided ornament of the end of the XIV century.: on the question of the ratio. In: *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. The interaction of literature and fine art in Ancient Russia, XXII*. Moscow; Leningrad: Nauka. 101—112. (In Russ.).
- Kozhevnikova, N. A. (1976). From observations on non-classical (“ornamental”) prose. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences. A series of literature and language*, 35 (1): 55—76. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1978). *Poetics of Ancient Russian literature*. Moscow: Nauka. 303 p. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1973). *The development of Russian literature of the X—XVII centuries: Epochs and styles*. Leningrad: Nauka. 254 p. (In Russ.).
- Matkhauserova, S. (1976). *Ancient Russian theories of the art of words*. Praha: Univ. karlova. 145 p. (In Russ.).
- Novikov, L. A. (1990). *Stylistics of ornamental prose by Andrey Bely*. Moscow: Nauka. 180 p. ISBN 5-02-011026-4. (In Russ.).
- Pekarskaya, I. V. (2017). On existing typologies of stylistic figures (analytical review). *Bulletin of N. F. Katanov Khakass State University*, 21: 83—95. (In Russ.).

- Prokhorov, G. M. (1968). Hesychasm and social thought in Eastern Europe in the XIV century. In: *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*, 23. Leningrad: Nauka. 68—108. (In Russ.).
- Pyrkov, I. V. (2017). *Nest over the cliff. Rhythm, space and time in the Russian manor literature of the XIX century (I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov)*. Saratov: Publishing House of the Saratov State Law Academy. 392 p. ISBN 978-5-7924-1255-2. (In Russ.).
- Schmid, V. (2003). *Narratology*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 312 p. ISBN 5-94457-082-2. (In Russ.).
- Schmid, V. (1998). *Prose as poetry: Pushkin, Dostoevsky, Chekhov, avangard*. Saint Petersburg: INAPRESS. 352 p. ISBN 5-87135-063-1. (In Russ.).
- Thirgen, P. (2007). *Literarische Arkadienbielder im Russland des 18. und 19. Jahrhunderts*. Hundisburg: Kultur-Landschaft Haldensleben-Hundisburg. 169—193. (In Germ.).
- Tomashevsky, B. V. (1959). *Verse and Language*. Philological essays. Moscow: GIHL. 479 p. (In Russ.).
- Zhirmunsky, V. M. (1966). On rhythmic prose. *Russian literature*, 4: 103—115. (In Russ.).

*The article was submitted 08.03.2023;
approved after reviewing 12.04.2023;
accepted for publication 24.04.2023.*

Богданова О. В. Потенциальная энергия претекста : структурно-композиционные особенности «Исаака и Авраама» Иосифа Бродского / О. В. Богданова, Т. Н. Баранова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 206—233. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-206-233.

Bogdanova, O. V., Baranova, T. N. (2023). Potential Energy of Pretext: Structural and Compositional Features of “Isaac and Abraham” by Joseph Brodsky. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 206-233. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-206-233. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-206-233

Потенциальная энергия претекста: структурно-композиционные особенности «Исаака и Авраама» Иосифа Бродского

Богданова Ольга Владимировна *

orcid.org/0000-0001-6007-7657

доктор филологических наук,
профессор,

Научно-исследовательская лаборатория
перспективных проектов в образовании,

*** корреспондирующий автор**

olgabogdanova03@mail.ru

Баранова Татьяна Николаевна

orcid.org/0000-0003-0516-2773

соискатель,

кафедра русской литературы
bysinka27@mail.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при поддержке гранта
Российского научного фонда
№ 22-28-01671 (Русская христианская
гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского)

Potential Energy of Pretext: Structural and Compositional Features of “Isaac and Abraham” by Joseph Brodsky

Olga V. Bogdanova *

orcid.org/0000-0001-6007-7657

Doctor of Philology, Professor,
Research Laboratory

for Advanced Projects in Education,

*** Corresponding author**

olgabogdanova03@mail.ru

Tatyana N. Baranova

orcid.org/0000-0003-0516-2773

degree seeker,

Department of Russian Literature
bysinka27@mail.ru

A. I. Herzen Russian State
Pedagogical University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by a grant
from the Russian Science Foundation
project № 22-28-01671
(Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предложена интерпретация хорошо известного, но редко привлекаемого для целостного анализа произведения И. Бродского «Исаак и Авраам». Если традиционно текст Бродского рассматривается как поэтическое переложение ветхозаветной истории на современный лад, то авторами предложен иной ракурс текстовосприятия — свободные размышления лирического субъекта, героя современного, над древним священным текстом. В результате претензии критиков относительно «хаотичности» и «перегруженности» текста Бродского оказываются снятыми, в противовес продемонстрирована стройность и глубина размышлений лирического субъекта, современного героя-поэта. В ходе анализа уточнена жанровая квалификация «Исаака и Авраама» — не как поэмы (традиционная точка зрения), но «большого стихотворения» (автопрезентация И. Бродского). Предложены расшифровки «сложных» мест стихотворения — образов куста, доски, поезда и др., как представлялось критикам, искусственно привнесенных Бродским в текст и нарушающих цельность произведения. Утверждается, что стихотворение «Исаак и Авраам» явилось не переложением Библии, но попыткой взрослеющего Бродского из сегодняшнего дня осмыслить сакральный текст и на его основе постичь себя, проникнуть в темное прошлое с целью яснее увидеть настоящее.

Ключевые слова:

Иосиф Бродский; Исаак и Авраам; композиционное единство; образная цельность; символическо-метафорический ряд; ракурс восприятия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

An interpretation of the well-known, but rarely used for a holistic analysis of the work of I. Brodsky "Isaac and Abraham" is proposed in the article. If Brodsky's text is traditionally viewed as a poetic retelling of the Old Testament history in a modern way, then the authors propose a different perspective of textual perception — free reflections of a lyrical subject, a modern hero, over an ancient sacred text. As a result, the claims of critics regarding the "chaotic" and "congested" Brodsky's text are removed, in contrast, the harmony and depth of reflection of the lyrical subject, the modern hero-poet, are demonstrated. In the course of the analysis, the genre qualification of "Isaac and Abraham" was clarified — not as a poem (the traditional point of view), but as a "great poem" (I. Brodsky's auto-presentation). Deciphering of the "difficult" places of the poem — images of a bush, a board, a train, etc., as it seemed to critics, was artificially introduced by Brodsky into the text and violated the integrity of the work. It is argued that the poem "Isaac and Abraham" was not a transcription of the Bible, but an attempt by the maturing Brodsky from today to comprehend the sacred text and on its basis comprehend himself, penetrate into the dark past in order to see the present more clearly.

Key words:

Joseph Brodsky; Isaac and Abraham; compositional unity; figurative integrity; symbolic-metaphorical series; perspective of perception.

Потенциальная энергия претекста: структурно-композиционные особенности «Исаака и Авраама» Иосифа Бродского

© Богданова О. В., Баранова Т. Н., 2023

1. Введение = Introduction

Своеобразие поэзии Иосифа Бродского уже на самом раннем этапе его творчества составляет та особенность, что, будучи еще совсем молодым человеком и по существу только начинающим поэтом, он обращался к таким тематическим пластам художественной реальности и затрагивал такие проблемы жизненно-философского плана, что уже в 1960-е годы это ставило его в ряд самых зрелых и опытных художников, современников и предшественников. Начиная с самых первых стихов Бродский обнаруживает не только огромный поэтический дар, но и колоссальный философский потенциал, обращаясь к осмыслению «вечных» вопросов, над которыми тысячелетиями билась человеческая мысль. Таковыми были и 1962—1963 годы в жизни и творчестве Бродского, когда он написал по мотивам ветхозаветной истории одно из своих самых известных «больших стихотворений» — «Исаак и Авраам» (1963).

Авторитетные бродсковеды Л. Лосев и В. Полухина, как и многие другие исследователи, в жанровом отношении квалифицируют «Исаака и Авраама» как поэму. Между тем сам поэт в интервью С. Волкову пояснял: «<...> это на самом деле не поэм[а], а длинные стихи...» [Волков, 2000, с. 35]. И комментировал: «Повествовательная поэзия дает представление о масштабе вещей. Она гораздо ближе к жизни, чем короткое лирическое стихотворение. <...> Надо привыкнуть читать сюжетную поэзию, пусть это и не прекрасный маленький шедевр, который можно прочесть быстро и легко. Чтение поэзии — это борьба, как и все в жизни» [Волков, 2000, с. 36].

Будем держаться определения автора и отнесемся к «Исааку и Аврааму» как к «длинному» стихотворению, как к образцу «сюжетной» или «повествовательной» поэзии. Отметим: важен не термин, а принцип развертывания стихотворного повествования, реализованный Бродским (о характере нарративного строения речь пойдет ниже).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Согласно признанию Бродского, он обратился к сакральным темам, мотивам и образам сразу после первого знакомства с Библией. В «Книге интервью» В. Полухина приводит слова поэта: «Помню, что я написал Исаака и Авраама буквально через несколько дней после того, как прочел Книгу Бытия» [Бродский, 2011, с. 13]. В составленной ею же книге «Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха» работу над текстом «Исаака и Авраама» В. Полухина относит к маю 1963 года: «Май — работает над поэмой “Исаак и Авраам”» [Полухина, 2008, с. 74].

Между тем израильский исследователь З. Копельман в работе о возможном прочтении стихотворения Бродского «Исаак и Авраам» высказала предположение: «Как кажется, стихотворение написано в 1962 г.» [Копельман, 2015, с. 237]. И хотя на текстологическую работу составителей собрания сочинений Бродского принято полагаться (в издании 1998 года стихотворение датировано 1963 годом), однако сомнения на этот счет действительно возникают.

Первое знакомство с Библией Бродский относит к зиме 1961—1962 годов. В. Полухина сообщает: «Зима [начало зимы 1962 г.] — снимает комнату на улице Воинова» — и следом приводит слова поэта: «...Лежа в этой комнате на Воинова, которую я снимал, я читал одновременно Данте и Библию...» [Полухина, 2008, с. 61]. Таким образом, если, согласно Бродскому, он «буквально через несколько дней после прочтения...» приступил к творческому осмыслению библейских текстов, то отнести начало работы над «Исааком и Авраамом» действительно следует не к 1963, но к 1962 году.

Если опереться и на мнение Л. Лосева, который ссылается на свидетельство Н. Горбаневской («О том, как Бродский в мае 1963 года работал над “Исааком и Авраамом” <...>» [Горбаневская, 1996, с. 16]) и упоминает об уже «*лежавшем в черновиках* “Исааке и Аврааме”» [Лосев, 2008, с. 137], то можно предположить, что в основном текст поэмы к маю 1963 года действительно был уже готов, и Бродский дорабатывал его.

Сам же поэт в интервью американскому слависту Д. Бетеа, вспоминая то время, говорил: «Я написал “Исаака и Авраама” в 1962-м, кажется...», см.: [Беркович, 2003].

Однако, как бы то ни было, более важный и сложный вопрос составляет содержательный пласт «большого стихотворения», относительно которого Бродский признавался: «<...> прочитал “Ветхий и Новый Завет” <...> я решил: “Это мой мир”. Я сказал себе: “Какой бы высокой ни оказалась материя, мне от нее никуда не деться”. Поэтому, написав “Исаака и Авраама”, я не совсем понимал, о чем пытаюсь сказать. Мне просто нравилась

эта история, она была жутко интересной, и я решил описать ее» (см.: [Беркович, 2003]).

«Непонятым» было стихотворение для самого Бродского, не понятым оно остается и современными исследователями, каждый из которых избирает некий локальный ракурс анализа, оставляя без внимания цельный и глубинный смысл текста.

Исследователь Л. Альтмарк утверждает: «Как правило, стихи Бродского и так достаточно велики, многословны и требуют достаточного читательского труда для их прочтения и осмысления. Но... большое стихотворение? “Исаак и Авраам” — стихотворение или поэма? <...> Сразу признаюсь, что такого беспомощного и бессвязного текста, тиражируемого солидными и уважаемыми издательствами, я ещё не встречал <...> невнятица <...> нагнетания какого-то непонятого грядущего ужаса <...> всё это статично и неподвижно <...>» [Альтмарк, 2015].

З. Копельман, предлагая собственное прочтение стихотворения «Исаак и Авраам», ориентируется исключительно на намерение «познакомить читателя с возможной интерпретацией еврейской темы в раннем сочинении Бродского» и проводит текстуальные сопоставления «Исаака и Авраама» с историей, изложенной в Танахе (Быт. / Берешит, 22: 1—13), еврейской Библии [Копельман, 2015, с. 235].

Предназначение трагической исторической судьбы еврейства увидел в «Исааке и Аврааме» и израильский исследователь З. Бар-Селла. С точки зрения критика, Бродский, осмысляя в «Исааке и Аврааме» судьбу еврейского народа, «понял свою собственную»: «Бог заключал с евреями не договор, Бог вынес им приговор. И Бродский проделал со своим народом весь путь, до самой смерти. <...> После [“Исаака и Авраама”] у Бродского было два пути: перестать жить или перестать быть поэтом. Он нашел третий: перестал быть еврейским поэтом» [Бар-Селла, 1985, с. 213].

Отдельных поэтологических ракурсов «большого стихотворения» Бродского «Исаак и Авраам» касались исследователи Л. Лосев [Лосев, 2008], В. Полухина [Полухина, 2009], И. Плеханова [Плеханова, 2002], А. Ранчин [Ранчин, 1997], О. Лекманов [Лекманов, 2022], К. Верхейл [Верхейл, 2022], Д. Бетеа [Betea, 1994], Г. Кружков [Кружков, 2022], Р. Измайлов [Измайлов, 2008], Е. Мищенко [Мищенко, 2008] и др. К суждениям этих и других литературоведов прибегнем в ходе последующего анализа, однако повторим: цельное исследование «Исаака и Авраама» до сих пор не предпринималось.

Для проведения намеченного исследования используются следующие методы: прежде всего метод целостного анализа художественного текста, а также типологический и поэтологический методы — в их единстве и дополнительности. Комплексный подход, осуществленный в статье, от-

крывает новые грани творческого своеобразия «большого стихотворения» «Исаак и Авраам» и позволяет обнаружить новые грани поэтического текста Бродского.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Ветхозаветный претекст и его проекция в современность

Название «большого стихотворения» Бродского «Исаак и Авраам» непосредственно указывает на претекст, послуживший ориентиром поэта, — на ветхозаветную историю «Жертвоприношения Исаака Авраамом», зафиксированную в книге «Бытие» (Быт. 22: 1—19). По утверждению известного философа и историка культуры С. С. Аверинцева, «трагическая кульминация А. [Авраама] как “друга Божьего” — испытание его веры» [Аверинцев, 1990, с. 15], когда престарелый Авраам покоряется воле Всевышнего и готов принести в жертву своего долгожданного и любимого сына Исаака, единственного законного наследника, надежду на продолжение рода. Готовность Авраама следовать воле Бога, по С. С. Аверинцеву, — пример абсолютной веры, акт безраздельной преданности и покорности, эталон беспредельной любви, проявленной смертным к Творцу.

История Авраама, первого патриарха Израиля, прародителя (через Исаака) двенадцати колен израилевых, стоит в центре книги Бытия. Между тем Бродский в истории высокого жертвоприношения из двух героев-патриархов выводит на передний план не отца-жертвователя Авраама, а сына-жертву Исаака, тем самым смещая ракурс философско-поэтического осмысления, из пространства Божеской веры и преданности переводя его в сферу драматической (трагической?) судьбы жертвы.

Как следствие возникают вопросы: зачем, с какой целью Бродский скорректировал акценты? что привлекало поэта в судьбе Исаака? каким образом древняя история обрела проекцию в современность?

Бродский, молодой автор, не задавался подобными вопросами, но в более поздних интервью пояснял: «Сама по себе идея проверки <...> мне была не по душе, она идет вразрез с моими принципами. Если Он всевидящ, к чему проверки? Мне просто нравилась сама история, не ахти какая по смыслу и всё-таки великая...», см.: [Беркович, 2003].

Писавшие об «Исааке и Аврааме» уже обращали внимание, что Бродский *осовременивает* сюжетную канву ветхозаветной истории. Одни спрашивают: «но... легитимно ли это?» [Альтмарк, 2015], другие, исходя из наличия «современных вставок», указывают на многочастную (прошлое / современность) композицию произведения. Так, З. Копельман выделяет в стихотворении два сюжета: «сюжет о древности» и «сюжет из нового времени», в каждом из которых «звучат два голоса, есть два действующих

лица» [Копельман, 2015, с. 235]. По мнению исследователя, «смена времени отражена в звучании имен, <...> фонетика служит маркером эпохи, а значит, и сюжета»: «В древности это Исаак и Авраам, а в двадцатом веке в России, как объясняет поэт, библейские имена изменились: имя Исаак превратилось в Исак <...>, а имя Авраам — в Абрам» [Копельман, 2015, с. 235]. В представлении З. Копельман, «два одновременных сюжета разбиты на части и перетасованы, <...> истории рассказываются вперемешку», в итоге композиция стихотворения складывается из трех частей древнего и трех частей современного сюжета, между которыми критик видит «четыре отступления», которые квалифицирует как «медитации Бродского» [Копельман, 2015, с. 235].

В наблюдениях З. Копельман есть резонные основания, однако, на наш взгляд, столь дробной композиции в «большом стихотворении» Бродского нет, текст целен и соорганизован. «Перетасовки» и «перемешки», с нашей точки зрения, искусственно привнесены в текст критиком. Если следовать логике З. Копельман, то мы должны будем указать на структурные особенности иного поэтического образования, чем стихотворение, и счесть «Исаака и Авраама» поэмой. Однако Бродский настаивал — «большое стихотворение». Апелляция к особенностям именно этого жанрового образования и определит вектор наших дальнейших рассуждений.

3.2. Структурно-композиционные особенности «большого стихотворения»

В обращении к тексту «Исаака и Авраама» прежде всего привлекает внимание поэтическая дедикация — посвящение *М. Б.* Не связанное с любовной тематикой, стихотворение сразу обретает отсвет субъективированного и лиризованного повествования, а сюжетная нить древней истории затекстово привязывается к современности — стихотворный текст (вне зависимости от его содержания) оказывается вплетенным в события настоящего. Наличие посвящения словно бы указывает на присутствие внетекстового лица (*М. Б.*, Марины Басмановой), которому и адресован рассказ, с кем и «обсуждается» древняя «великая история».

Зачин стихотворения в точности соответствует дедикации — поэт не переходит на высокий стиль библейского повествования, который мог бы быть эксплуатирован, если бы задачей безличного повествователя было «описание» (*Л. Альтмарк*) ветхозаветного сюжета. Скорее наоборот, Бродский начинает нарратив с раздумий о языке, о произносительной трансформации имен Исаак / Исак и Авраам / Абрам. По сути поэт предлагает «народную этимологию», точнее собственную этимологию ветхозаветных имен, открыто и нескрываяемо приближая героев и изложение древней истории к современности.

Напомним, нечто подобное с именем Божиим в начале XX века проделал А. Блок в поэме «Двенадцать», когда имя *Иисус* прозвучало в простонародной, приближенной к событиям времени огласовке *Исус* — «В белом венчике из роз / Впереди Исус Христос...» [Блок, 1999, с. 12]. В начале 1960-х годов, погруженный в филологические штудии (посещая занятия на филологическом факультете Ленинградского государственного университета (ЛГУ), участвуя в заседаниях литературного общества (ЛИТО), тесно общаясь с филологами, влюбляясь в студенток филфака), Бродский фоновомо учитывать и блоковский опыт.

Бродский-поэт не пересказывает историю Авраама и Исаака, не предпринимает «перевод» древней истории на современный язык — герой-повествователь *размышляет* над историей Исаака и Авраама.

Начиная повествование, лирический герой словно бы вспоминает ветхозаветный текст:

«Идем, Исак. Чего ты встал? Идем».

«Сейчас иду». — Ответ средь веток мокрых

ныряет под ночным густым дождем,

как быстрый плот — туда, где гаснет окрик [Бродский, 1998, с. 252].

Он будто «цитирует» библейскую историю и тут же оставляет исторический сюжет, обращаясь к собственным размышлениям по поводу «протитированного» (в частности, звукового образа имени).

Приведенные в кавычках слова героев, их прямая речь — лаконичны, сдержанны, ветхозаветно скупы. Бродский достаточно точно воспроизводит стилистику, краткость и дробность библеистического изложения, диалогических конструкций священного текста.

<...> Бог искушал Авраама и сказал ему: Авраам! Он сказал: вот я (Быт. 22: 1).

Однако вслед за тем в стилизованном, казалось бы, тексте Бродского неожиданно появляется пейзажная зарисовка и вольно-многословные представления об обстановке, в которой могли пребывать библейские герои. При этом обратим внимание: Бродский графически словно бы выделяет цитату, отделяя ее от последующего текста, порождая визуальное представление о некоем источнике, над которым и задумывается его лирический персонаж. Между «цитатой» из Библии и размышлениями героя-повествователя введен межстрочный разделительный пробел.

Раздумья о форме имени Исаака следуют после пробела:

По-русски Исаак теряет звук.
 Ни тень его, ни дух (стрела в излете)
 не ропшут против буквы вместо двух
 в пустых устах (в его последней плоти).
 Другой здесь нет — пойдй ищи-свищи.
 И этой также — капли, крошки, малость.
 Исак вообще огарок той свечи,
 что всеми Исааком прежде звалась.
 И звук вернуть возможно — лишь крича:
 «Исак! Исак!» — и это справа, слева:
 «Исак! Исак!» — и в тот же миг свеча
 колеблет ствол, и пламя рвется к небу [Бродский, 1998, с. 252].

Сухость и краткость библейского изложения сменяется пространными размышлениями лирического повествователя, окрашенными поэтической образностью («свеча», «огарок свечи»), устойчивыми фразеологическими оборотами («стрела в излете», «пойди ищи-свищи», «последняя плоть») и даже результатами мысленного эксперимента («звук вернуть возможно — лишь крича...»). Неканоническая этимология имени, предложенная повествователем Бродского, не имеет ничего общего с древнееврейской (*Ицхак* — букв. «он будет смеяться» [Тихонов, 1995, с. 196]). Очевидно, что поэт далеко отходит от Пятикнижия, сразу позволяя понять, что он не связывает сюжет стихотворения с непосредственным содержанием Библии, скорее с ее осмыслением.

В сходной манере демонстрируются и размышления героя-повествователя об имени Авраам, заметим, тоже отделенных пробелом от «цитат», сопоставимых с текстом первоисточника.

Совсем иное дело — Авраам.
 Холмы, кусты, врагов, друзей составить
 В одну толпу, кладбища, ветки, храм —
 и всех потом к нему воззвать заставить —
 ответа им не будет. Будто слух
 от мозга заслонился стенкой красной
 с тех пор, как он утратил гласный звук
 и странно изменился шум согласной.
 От сих потерь он, вместо града стрел,
 в ответ им шлет молчанье горла, мозга.
 Здесь не свеча — здесь целый куст сгорел.
 Пук хвороста. К чему здесь ведра воска? [Бродский, 1998, с. 252].

В поэтическом тексте Бродского в силу вступают свободные звуковые ассоциации, игра гласными и согласными, аллитерация и ассонанс (Авраам / храм). Звукопись усиливается перечислительными рядами — *храм, холмы, хворост, куст, ветви* — и дополняется раздумчивой интонацией риторического вопроса.

3. Копельман определила фрагмент об именах Исаака и Авраама как «Отступление первое» [Копельман, 2015, с. 236]. Однако нам представляется, что в восприятии стихотворения Бродского должна быть избрана иная точка отсчета; о моделях фокализации см.: [Власова, 2020]. На наш взгляд, ею становится не Библия как таковая, не «древний сюжет» Авраама и Исаака, а рефлексии лирического персонажа по поводу великой ветхозаветной истории. Герой Бродского пространственно не помещен (не погружен) в историческое прошлое, он изначально пребывает в дне сегодняшнем, история святого жертвоприношения становится лишь предметом его размышлений — не изображения, а осмысления. Историческое библейское пространство делокализуется.

Фактически Бродский выстраивает сюжет как последовательное *чтение лирическим героем* текста Ветхого Завета. Короткие «цитатные» фрагменты, соответствующие священному претексту:

«Идем же, Исаак». — «Сейчас иду».

«Идем быстрее». — Но медлит тот с ответом.

«Чего ты там застрял?» — «Постой». — «Я жду» [Бродский, 1998, с. 252].

— чередуются со значительно большими по объему размышлениями персонажа-повествователя по поводу прочитанного.

Искать «отступления» от библейского сюжета в тексте Бродского необходимости нет — его герой современен (от первых строк до последних). Другое дело, что критиками план отображения в стихотворении был воспринят произвольно, с иного ракурса — Бродский предпринимает не освещение событий Библии, не размышляет о прошлом в апелляции к современности, но наоборот — вектор его размышлений из современности погружается в далекое прошлое. Герой-повествователь Бродского — наш современник, что подтвердит и финальная часть стихотворения (образ героя-поэта, однако об этом позже). Теперь же важно признать: никакой «перетасованности» и изложения «вперемешку» у Бродского нет, сюжетная канва не двоится, не множится, но при верном восприятии выстраивает единую сюжетную канву и сохраняет свою стройность и последовательность от начала до конца.

В таком контексте жанровое определение «Исаака и Авраама» как *стихотворения* действительно должно быть признано более точным, нежели *поэма*. Субъективный ракурс наррации адекватно соответствует лирическому оформлению текста как стихотворения. За текстуальными границами стихотворения вырисовывается картина чтения лирическим персонажем святой истории и желание проникнуть в ее неэксплицированные пласты.

Подобное сюжетно-композиционное строение объясняет, почему герой-нарратор «пропускает» отдельные сюжетные ходы ветхозаветной истории: он не воспроизводит последовательно текст книги Бытия, не перекладывает его на современный лад, но останавливается лишь на тех моментах, которые порождают реакцию в сознании лирического субъекта.

Так, из поля зрения героя Бродского выпадают три дня пути библейских персонажей:

Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколол дров для всесожжения, и встав пошел на место, о котором сказал ему Бог (Быт. 22: 3).

Элиминации подвергаются четко обозначенные библейские детали — ни упоминания о сборах, ни вида осла или отроков не возникает в тексте Бродского. Между тем затекстовая в Библии тяжесть трехдневного пути героев перенесена поэтом на последний — четвертый — день и предстает в виде длинного, долго длящегося, со множеством привнесенных деталей фрагмента о пути Авраама и Исаака по пустыне.

В пустыне Исаак и Авраам
четвертый день пешком к пустому месту
идут одни по всем пустым холмам,
что зыблются сродни (под ними) тесту.
Но то песок. Один густой песок.
И в нем трава (коснись — обрежешь палец),
чей корень — если б был — давно иссох.
Она бредет с песком, трава-скиталец.
Ее ростки имеют бледный цвет.
И то сказать — откуда брать ей соки?
В ней, как в песке, ни капли влаги нет (и т. д.) [Бродский, 1998, с. 253].

Изображение трудного — физически и психологически — пути героев сопровождается у Бродского обильным нагнетанием зрительных образов, сопутствующих представлению о безграничном пространстве пустыни: лу-

стое место, пустые холмы, зыбь песков, один густой песок, простор пустыни, лишенная корней трава-скиталец, ни капли влаги нет, кругом песок, холмы песка², моря песка, пустынный свод небес и т. д. Поэт долго, намеренно долго, настойчиво долго выписывает картину пустынной пустоты, охватывающей собою твердь земли, холмы [песка], море [песка], небо, «справа, слева, сзади, всюду» [Бродский, 1998, с. 253]. Поэт размыкает пределы паремического оборота *море песка*, давая субстантиву свободу, тем самым вводя в пространство пустыни образ обретшего самостоятельность и зримость моря, берегов, прибрежной песочной кромки, «пенной ленты» [Бродский, 1998, с. 253]. Художник стирает границы между твердью, водой и воздухом, достигая ощущения всепроникаемости вселенских сущностей, порождая представление о до-историческом, до-мирном хаосе, предваряющем Божественное творение, словно бы предшествующем рождению главного.

3.3. Образная система стихотворения

Следующий выделенный пробелом фрагмент-строфа — тот, в котором вводится маркер личности повествователя: «Еще я помню: есть одна гора...» [Бродский, 1998, с. 254]. С одной стороны, он действительно кажется «лирическим отступлением», где ранее неперсонифицированный повествователь обретает свое грамматически контурированное я, и тем самым обретает право голоса, собственных воспоминаний и впечатлений. Но, с другой стороны, после картины безбрежия пустынного хаоса этот «вставной» эпизод, спроецированный на древний сюжет, воспринимается как образ-мираж усталых, измученных трудной дорогой путников. Одновременно он поддерживает ранее означенный (проступающий в тексте) мотив бесконечности посредством введения в нарратацию цифры восемь, любимой Бродским «формулы» $8 = \infty$ (о личностной интерпретации чисел см.: [Федяева, 2019]), на «математическом» уровне еще раз подчеркивая беспредельность пространства, в котором оказываются герои.

В пустынно-пустом доисторическом небытии Бродский выделяет только фигуры Авраама и Исаака, заставляя осознать, что история судеб персонажей эксплицирует акт миротворения, будущности рождения (или опасности нерождения) двенадцати колен израилевых.

Между тем Бродский (и его лирический герой) сконцентрирован не столько на древней истории еврейского народа (как полагают З. Копельман и З. Бар-Селла), даже не столько на самой библейской истории жертвоприношения и святой веры Авраама, сколько на отражении этих событий в сознании лирического героя — акцент сделан на взаимоотношениях отца и сына. Повествователь Бродского, как было сказано, герой, воспринимающий историю Авраама с позиции субъекта современности, проецирует историю праотца и прасына на современность, в том числе ментально и на себя. Точнее,

воспринимает ее *через* себя, через собственное видение и понимание имени, образа, судьбы, символики фигур Авраама и Исаака. Погруженный в процесс чтения Библии герой-нарратор домысливает священный текст и наделяет его персонажей чувствами и эмоциями, которые купированы в книге Бытия. Автор опосредует их образы психологическими нюансами, психологизирует персонажей, даже отчасти меняет их поведенческие интенции.

В книге Бытия общение Авраама и Исаака во время пути следования передано сдержанно:

И взял Авраам дрова для всесожжения, и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе (Быт. 22: 6).

Бродский же вводит в текст детали, которые измышлены им самим, и прежде всего это упоминание олицетворенного символического куста — знака приближения к цели пути, к тому месту, где будет разожжен священный жертвенник. Чтобы передать тревогу и опасения Авраама, Бродский моделирует ситуацию, когда персонаж замечает куст («Внезапно Авраам увидел куст...» [Бродский, 1998, с. 254]), слышит его слова («Здесь недалеко», с. 254), но принимает вид, что не услышал слов предупреждения («не подал вида и шагнул во тьму» [Бродский, 1998, с. 255]), чтобы не обратить внимание Исаака на куст, чтобы предназначенный жертве сын не встревожился приближением смерти («Исаак не видел знака» [Бродский, 1998, с. 255]). Бродский, у которого были довольно сложные отношения с отцом, наделяет непрописанный и неразвернутый в Библии персонаж-образ живой человеческой эмоцией. Его Авраам наполняется чувством, приближается к пониманию рефлексии героя-реципиента.

Однако еще более живым и глубоким у Бродского предстает образ Исаака. В Библии, согласно комментариям отцов церкви, Исаак юн, ему не более 15 лет. Между тем у Бродского (согласно речевой характеристике персонажа) герой явно старше, опытнее, наблюдательнее. Стилистически, вслед за книгой Бытия, лишенный возможности пространных высказываний, у Бродского он оказывается наделенным словом — но, ради соблюдения духа Библии, словом или словами, которые *за Исаака* произносит лирический герой-нарратор. Образ Исаака и героя-повествователя в какой-то момент сближаются, сливаются, совмещаются, уравнивая ментальные границы героя и лирического субъекта, тем самым предоставляя право голоса Исааку посредством зоны голоса лирического повествователя.

Поэтическая символика, эксплицированная в тексте стихотворения Бродского, связывает образ Исаака со свечой. Сравнение «человек = свеча» до известной степени прототипично и даже традиционно. Метафора хоро-

шо знакома по Библии, но легко вычитывается и во многих художественных произведениях (как ближайший пример — у родственной Бродскому А. Ахматовой). Однако поэт дополняет вполне знакомый образ-символ новыми оттенками, наделяет новыми коннотациями, которые особенно выразительно проявляются на фоне метафоры «Авраам — куст».

Образ «Авраам — куст» появляется в стихотворении уже в самом его начале, в рассуждении лирического субъекта «Совсем иное дело — Авраам...» [Бродский, 1998, с. 252]. Между тем, когда повествование в стихотворении подходит к осмыслению-фантазии образно-филологической сущности куста, у исследователей появляется немедленная и видимая ассоциация — к Неопалимой купине [Ранчин, 1997, с. 154—155]. Библия как источник образно-сюжетной основы стихотворения неизбежно подталкивает к этой проекции, задает инерцию восприятия.

Отдельные исследователи находят праисток образа куста Бродского в творчестве М. Цветаевой, в ее стихотворном диптихе «Куст». А. Ранчин пишет об этом: «Родство куста и креста заложено уже у Цветаевой: “полная чаша куста” в первом из стихотворений диптиха отсылает к символу литургической чаши; во втором стихотворении куст предстает воплощением глубинного бытийного смысла <...>» [Ранчин, 1997, с. 155].

В целом принимая выдвинутое сопоставление, заметим, однако, что у Бродского внутренняя семантика образа куста много сложнее, «кустистее», она собственно «бродская».

По Бродскому, Авраам — куст. И хотя к «скрытому» монологу Исаака подталкивает обычный куст, встреченный героем на пути в пустыне, однако глубинное наполнение образа-символа раскрывается именно через образ Авраама.

Некоторые исследователи полагают, что Исаак у Бродского «не знает ничего» о собственной судьбе, о выборе жертвенного агнца, что единственный «его путь — путь постижения» [Измайлов, 2008, с. 164—165]. Христианская доктрина (собственно Библия) умалчивает о факте *знания* или *незнания* Исаака — различные интерпретаторы, особенно художники, пред(по)лагают различные варианты (ср. живописные работы Тициана «Жертвоприношение Авраама», Караваджо «Жертвоприношение Исаака», Рембрандта «Жертвоприношение Авраамом Исаака», Луки Джордано «Жертвоприношение Исаака», А. Лосенко «Жертвоприношение Авраама» и др.). Что же касается Бродского, то его Исаак не только знает, но и глубоко осмысляет содержание Божеского повеления.

Первоначально кажется, что лирический субъект смотрит на куст, как на слово, воспринимает его визуально, художнически, кажется, будто графические зрительные впечатления доминируют.

По сути дела, куст похож на все.
На тень шатра, на грозный взрыв, на ризу,
на дельты рек, на луч, на колесо —
но только ось его придется книзу.
С ладонью сходен, сходен с плотью всей.
При беглом взгляде ленты вен мелькают.
С народом сходен — весь его рассей,
но он со свистом вновь свой ряд смыкает.
С ладонью сходен, сходен с сотней рук [Бродский, 1998, с. 255].

Но постепенно в сравнительный ряд встраиваются образы, понятия, категории, выходящие далеко за пределы зрительных геометрий — в едином ряду оказываются *народ, гнездо, птенцы, плоть, кровь, душа*. Потому далее в тексте звучит уже бытийно-онтологическое обобщение:

колеблет ветер здесь не темный куст,
но жизни вид, по всей земле прохожий.
Не только облик (чувств) — должно быть, весь
огромный мир <...> [Бродский, 1998, с. 256].

За образом куста встает *жизни вид*. И если вспомнить, что приводимый внутренний монолог произносит лирический герой-повествователь, но выступающий *голосом Исаака*, то становится понятным, насколько глубоким осознанием роли отца, Авраама, и собственной жертвы наделен Исаак Бродского.

В понимании юного (но, как ясно, не подросткового возраста) героя Авраам-куст — это куст народа, куст племен-родов, это рука и сотни рук, это кровь (на)рода, кровеносные сосуды племен — корень всех корней. В прозренческом представлении сына, отец Авраам — куст (корень) израилева рода, начало всех начал, исток еще не сотворенного из хаоса мироздания, исток жизнетворения. «По сути дела, куст похож на все...» — «В нем сами буквы больше слова, шире...» [Бродский, 1998, с. 256].

Бродский подводит героя-протагониста к пониманию и объяснению — к сыновнему *оправданию* — решимости, выбора и поступка Авраама, Авраама-отца. Каноническая библейская идея бесконечной веры во Всевышнего и идея беспредельной любви к Нему для героя-сына в тексте Бродского отступает на задний план. Юный герой Бродского не просто покоряется отцу, всецело доверяет ему, но *понимает* роль отца-куста, даже *Отца-куста*. И, как следствие, герой-жертва осознает и принимает собственную роль-участь в предстоящем святом приношении.

Как подтверждение слияния двух голосов — Исаака и лирического героя — в структурно-композиционном оформлении размышлений персонажа / персонажей о кусте отсутствуют ранее означенные пробелы, чередующие голос Библии и современного субъекта. Наоборот, в «двухголосом» размышлении героя(-ев) о кусте Бродский смыкает заковыченные «цитаты» из Библии (лаконичные реплики мини-диалога библейских персонажей) с незаковыченными словами-суждениями лирического субъекта-повествователя. Живость и горячность эмоционального переживания Исааком мыслей о кусте сопровождаются выделенным в скобках авторским уточнением — «Внутри него [Исаака] горячий пар скопился. / Он на ходу поднес кувшин ко рту...» [Бродский, 1998, с. 256]. Очевидно, что за незаковыченными (кажется, сюжетно-нарративными) словами-мыслями о кусте-Аврааме стоит именно Исаак.

Образы Авраама-куста и Исаака-свечи объединены в образе весеннего куста: «Весною в нем повсюду свечи, свечи» [Бродский, 1998, с. 255]. Исаак — одна из ветвей куста, одно из соцветий-свечей на весенней ветви куста. И этот образный ряд поддерживается и развивается Бродским: образу Авраама сопутствуют образы листьев, веток, сучьев, сухих ветвей (хвороста), Исааку — образы искр, света, звезд, пламени.

В этом многообразном смешении судьба Исаака предстает сходной с судьбами других «мертвых» веток-сыновей («пук хвороста»). Неподалеку от жертвенника героя посещают мысли о смерти:

Отломленные ветви мертвым сном
почили здесь — в песке нагретом, светлом.
Но им еще придется стать огнем,
а вслед за этим новой плотью — пеплом [Бродский, 1998, с. 257].

В события предстоящего жертвоприношения Бродский вводит еще одну отсутствующую в тексте Библии деталь, вызвавшую негодование критики: «Авраам несет еще и мех / с густым вином» [Бродский, 1998, с. 254]. Так, Л. Альтмарк пишет: история Авраама и Исаака «сопровождается почему-то испытанием принесённого с собой вина, приземляющего образ прародителя Авраама до банального российского выпивохи, сумевшего изречь сие, лишь “отерши рот коротким жестом пьяниц”». Можно, на мой взгляд, придумать объяснение или оправдание всему, что делают герои, но эта деталь для библейских персонажей явно избыточна...» [Альтмарк, 2015].

Между тем Л. Альтмарк ошибается. В тексте Бродского вино пьет не Авраам, а Исаак («Ну, ладно, хочешь выпить?» [Бродский, 1998, с. 258]). Еще точнее, по Бродскому, отец из мехов вливает вино в горло сына:

И вот уж Авраам сжимает мех
своей рукой, и влага льется в горло;
глаза же Исаака смотрят вверх [Бродский, 1998, с. 258].

Все детали предельно точны, все стоят на своих местах. Причем этот «избыточный» (по Л. Альтмарку) жест имеет у Бродского осознанную психологическую мотивацию: страдающий отец («В глазах отца январь...» [Бродский, 1998, с. 258]) хочет пригасить сознание сына, чтобы последующие события не запечатлелись в его разуме и сердце:

Уж начало тепло склонять ко сну <...>
Все ближе сонный царь подходит к Исааку <...>
Не спит лишь Авраам [Бродский, 1998, с. 258].

Прежние мысли-думы Исаака о кусте (Аврааме-кусте), ранее проговоренные в один голос с лирическим героем, теперь попадают в сон героя и получают развитие:

В глубоком сне, во тьме, в сплошной тиши,
сгибаются, мелькают, ввысь стремятся.
И вот пред ним иголку куст вознес.
Он видит дальше: там, где смутно, мглисто
тот хворост, что он сам сюда принес,
срастается с живою веткой быстро.
И ветви все длинней, длинней, длинней,
к его лицу листва все ближе, ближе.
Земля блестит, и пышный куст над ней
возносится пред ним во тьму все выше [Бродский, 1998, с. 259].

Герой-искра, герой-пламя, герой-свеча во сне возносится на небеса, превращаясь в звезду.

Земля блестит — и он плывет над ней.
Горит звезда... [Бродский, 1998, с. 259].

Даже знаки препинания работают в тексте Бродского. Завершающая сон Исаака фраза «Горит звезда...» дана не в перечислительном ряду небесных светил, не через запятую, но через точку — после точки уже как самостоятельная сущность, оторвавшаяся от жертвенного костра искра, превратившаяся в небесную звезду.

Некоторые исследователи, размышляя об истоках создания Бродским «Исаака и Авраама», говорили об экфрастических связях стихотворения с живописными полотнами, в частности с картиной Рембрандта «Жертвоприношение Авраама», см., например: [Лосев, 2008, с. 136—137]. Несомненно, не признать знакомства Бродского с работой Рембрандта, входящей в коллекцию Эрмитажа, нельзя. Однако — особенно в сопоставлении с живописным изображением сцены Рембрандтом — видно, насколько гуманнее и сострадательнее, в итоге психологичнее изображает Бродский своих героев.

У Бродского Авраам, «связавши тело» спящего Исаака (в подобие буквы С),

его понес туда, откуда след
протоптан был сюда, где пламя тлело.
Весь хворост был туда давно снесен,
и Исаака он на это ложе
сложил сейчас <...> [Бродский, 1998, с. 259].

Все жертвенные приготовления Авраам Бродского произвел в то время, пока сын спал (подготовка жертвенника, разложение хвороста, связывание жертвы, перенесение ее на священное место и др.), щадя сыновний взор и сердце. Более того, и в момент появления ангела Исаак еще спит — точнее «Исаак почти разбужен» [Бродский, 1998, с. 261].

В отличие от трактовки Рембрандта (и других живописцев) Бродский акцентирует в Аврааме не мастерские навыки овцевода и торговца мясом (запрокинутая и удерживаемая рукой голова Исаака на полотне Рембрандта), но страдание и мучения отца, горячо любящего своего долгожданного сына, единственного законного наследника, должного быть преданным жертвенному огню.

Еще один упрек, адресованный Бродскому Л. Альтмарком, — «словесный водопад», «путаное и мутное многословие» ангела, известившего Авраама о воле Всевышнего: «<...> из-за бархана появляется Ангел, который вместо того, чтобы просто отвести руку с занесённым ножом, заводит длинный и довольно нравоучительный монолог...» [Альтмарк, 2015].

Однако напомним, что, на наш взгляд, сюжетная линия стихотворения Бродского не воспроизводит сюжет библейской истории, лишь порождает отклик лирического субъекта, прочитавшего, перелистывающего Библию и размышляющего над ней. Потому стилистически-библейской репликой ангела следует считать лаконично короткую: «Довольно, Авраам» [Брод-

ский, 1998, с. 260], тогда как последующий монолог не «нравоучителен», но проективен.

В завершение библейской истории ангел у Бродского почти дословно воспроизводит слова, точнее мираж, виденный героями ранее в пустыне, но теперь обретающий суплементарный смысл («Еще я помню: есть одна гора...» [Бродский, 1998, с. 254, 260]. Если ранее образ прекрасного сада представлял пустынным видением измученных долгим и трудным путем персонажей, то теперь он репрезентирует образ будущего, которое ждет еще не рожденных детей Авраама, число которых «с числом песка сравнится» [Бродский, 1998, с. 260].

В густой траве шумит волной ручей,
и пар в ночи растет по форме русла.
Пойдем туда, где все кусты молчат.
Где нет сухих ветвей, где птицы свили
гнездо из трав. А ветви, что торчат
порой в кострах — так то с кустов, живые <...> [Бродский, 1998, с. 261].

Повторение образа-фрагмента «Еще я помню: есть одна гора...» создает кольцевое обрамление библейской части стихотворения и словно завершает знакомство лирического субъекта с текстом «Жертвоприношения Авраама», будто бы указывает на момент закрытия им Священной книги.

3.4. Расширение хронотопа библейской истории

Однако мысли лирического героя стихотворения не останавливаются, не иссякают, что воспринимается еще одним доказательством не-прямой зависимости Бродского от претекста. Уже вне событийного поля «Жертвоприношения Авраама» (Быт. 22: 1—19) Бродский в продолжение истории колен израилевых точно, лаконично апеллирует к следующим главам Бытия (Быт. 25—27), где вернувшийся домой Исаак повзрослел и женился на Ревекке.

Он вдаль глядит: пред ним шатры лежат,
идет народ, с востока туча идет.
Вокруг костров, как в танце, псы кружат,
шумят кусты, и вот бугор он видит.
Стоит жена, за ней шатры, поля.
В ее руке — зеленой смоквы ветка.
Она ей машет и зовет царя:
«Идем же, Исаак». — «Идем, Ревекка» [Бродский, 1998, с. 263].

В воображении лирического персонажа Бродского случайный оклик Ревекки «Идем же, Исаак» пробуждает в нем воспоминание о давно пережитом, и момент воспоминания отмечен в тексте очередным фрагментом-повтором, обнаруживающим глубокий отпечаток, отложившийся в памяти пережившего давние события Исаака. Трагическая составляющая былых обстоятельств сохраняется в сознании персонажа, не позволяя ему забыть *прошедшее* и знаменуя собой судьбу народа в *будущем*.

«Объяло пламя все суставы „К“
и к одинокой „А“ стремится прямо».
Но не вздымает нож ничья рука,
чтоб кончить муку, нет вблизи Абрама.
Пол-имени еще в устах торчит.
Другую половину пламя прячет.

И СновА жертвА на огне Кричит:
Вот то, что «ИСААК» по-русски значит [Бродский, 1998, с. 264].

В конечных строфах стихотворения Бродского нарративный ракурс смещается: теперь не Исаак присоединяется к мыслям лирического героя, но последний примыкает к мыслям исторического персонажа, соглашаясь с суждением о новых «жертвоприношениях», о непрекращающихся жертвах — *И СновА жертвА на огне Кричит...*

Между тем свести размышление лирического субъекта Бродского до осмысления судьбы единственно еврейского народа вряд ли допустимо. Много раз повторявший, что он еврей по происхождению, но русский поэт (см.: [Лосев, 2008, с. 138]), Бродский в финале стихотворения выводит повествование за пределы Ветхого завета и позволяет спроецировать трагическое суждение о продолжающейся жертвенности на судьбу всего человечества.

На наш взгляд, именно с общечеловеческой проблематикой связан «странный» и вполне самостоятельный фрагмент, поставивший в тупик многих критиков, — стихотворный пассаж о доске.

Никто не знает трещин, как доска
(любых пород — из самых прочных, лучших, —
пускай она толста, длинна, узка),
когда разлад начнется между сучьев.
В сухой доске обычно трещин тьма.
Но это все пустяк, что есть снаружи.

Зато внутри — смола сошла с ума,
внутри нее дела гораздо хуже <и т.д.> [Бродский, 1998, с. 262].

По словам Л. Лосева, «критики писали об этой доске, что она — (а) намекает на “доску” иконы, (б) гробовую доску, (в) что трещины от удара ножа в ней напоминают о попытке уничтожения евреев и о еврейском сопротивлении, (г) что на иврите слово “луах” (“доска”) означает также скрижаль завета и (д) что удар ножом в доску и есть кьеркегоровский “прыжок веры”...» [Лосев, 2008, с. 138]. Предложенные интерпретации не лишены логики и смысла, в целом они соотносимы с сюжетными центрами стихотворения Бродского, но могут быть дополнены.

Бродский создает достаточно пространный фрагмент, который сохраняет образные ряды истории «Жертвоприношения Авраама», сфокусированные им прежде (образ куста, ножа, ветвей, сучков), но — на новом витке сюжетного развития — привносит в рассуждения героя обобщающую мысль — о подневольности ножа, шире о не-свободе человека.

Вонзаешь нож (надрез едва ль глубок)
и чувствуешь, что он уж в чей-то власти.
Доска его упорно тянет вбок
и колется внезапно на две части.
А если ей удастся той же тьмой
и сучья скрыть, то бедный нож невольно,
до этих пор всегда такой прямой,
вдруг быстро начинает резать волны [Бродский, 1998, с. 262].

Мысль о «проверке» — о соотношении собственной и чужой воли — продолжает терзать героя, отчасти исторического Исаака, отчасти героя современного.

Возникающий в финале стихотворения я-персонализированный образ лирического субъекта, по всей видимости, поэта, среди ночи при свече испи-сывающего чистые листы бумаги («Горит свеча, и виден край листа» [Бродский, 1998, с. 265]), позволяет выйти на образ alter ego автора и связать воедино пласты прошлого и настоящего, условно — истории Исаака и Иосифа. Неслучайно заключительный городской пейзаж, закрывающий повествовательный план стихотворения, очень похож на атмосферу Города, созданного Бродским в поэме «Шествие» (1961), см.: [Богданова, 2022, с. 258—281].

Дождь хлещет непрестанно. Все блестит.
Завеса подворотни, окна косит,

по желобу свергаясь вниз, свистит.
Намокшие углы дома возносятся.
Горит свеча всего в одном окне.
Холодный дождь стучит по тонкой раме.
Как будто под водой, на самом дне
трепещет в темноте и жжется пламя.
Оно горит, хоть все к тому, чтоб свет
угас бы здесь, чтоб стал незрим, бесплотен.
Здесь в темноте нигде прохожих нет,
кирпич стены молчит в стене напротив.
Двор заперт, дворник запил, ночь пуста [Бродский, 1998, с. 265].

Лирический я-герой стихотворения «Исаак и Авраам», alter ego автора, встраивается в единую цепь героев и событий прошлого и настоящего, мыслится одной из свечей куста-Авраама, о котором шла речь выше. Инвариантный оборот «Горит свеча...» встречается в финальной — «современной» — части стихотворения пять раз, в других вариантах с корнем *гор-* и *свет/ч-* амплификация доведена до десяти раз. При этом, как это нередко бывает у Бродского, его герой-субъект по сожжению свечи не ждет звездного преображения (подобно Исааку: «Горит звезда...»), но видится самому себе пока еще летним листом, но в уже пустеющем осеннем лесу.

<...> Но сам язык свечи,
забыв о том, что можно звать спасеньем,
дрожит над ней и ждет конца в ночи,
как летний лист в пустом лесу осеннем [Бродский, 1998, с. 265].

«Сезонная» символика (лето → осень) усиливает трагические ноты повествования. Образ леса поддерживает метафору мировой литературы *человек — дерево, человечество — обширный лес*. Лист — малая и самая незначительная часть древесной кроны (весьма характерный для поэзии Бродского ракурс автопрезентации).

Заметим, о «спасении» листа-человека (как полагает Р. Измайлов [Измайлов, 2008, с. 166]) у Бродского речи не идет. Как не идет речи и о грехе, об «онтологической греховности» (как предположил Л. Лосев [Лосев, 2008, с. 138]). В рамках повествования Бродский эксплицирует интерес к истории Авраама и Исаака в иной перспективе. Ценностную установку героя формирует проблема свободы / несвободы — не политической, не социальной, не гражданской, не этнической, но свободы духовной, сво-

боды выбора, воли личностной и / или Божественной. И разрешение дилеммы выбора у Бродского (в отличие от ветхозаветной интерпретации) аксиологически не однозначно, не абсолютно.

В финальном фрагменте стихотворения в мыслях современного героя-поэта путь исторических Авраама и Исаака уже трансформируется и разрастается до *пути* экзистенциального настоящего — образа стремительно мчащегося «бесшумного поезда» [Бродский, 1998, с. 265], который становится символом-синонимом человеческой жизни, пронизывающим вечность (вновь возникает образ восьмерки-бесконечности, сквозного образа-символа поэзии Бродского). Образ 8 мыслью-осью лирического героя условно рассекается на части, порождая еще один характерный для Бродского образ — холмов и равнин, гор и низин. Холмы, как известно, — самобытный и традиционный образ *жизни* у Бродского. Порожденная историческим материалом идея воли-неволи переносится Бродским в современность.

Словно возвращаясь к истории Исаака и Авраама, кольцеобразно завершая «перелистывание» Библии, лирический герой Бродского смыкает образы истории и современности, прошлого и настоящего (пустыни, моря, пути, железнодорожных рельсов, города, каменных домов, деревьев, кустов, городского парка, пламени костра, свечей на столе, подсвечника и др.), на оксюморонном уровне продуцируя мысль о том, что «В тени стволов ясней видна земля...» [Бродский, 1998, с. 264]. Трагическая и одновременно счастливая история Авраама и Исаака заставляет героя Бродского взглянуть на судьбу человечества, на законы выбора людей, на отношения отцов и детей (отцов и сыновей) сквозь темноту про(изо)шедшего — на фоне тени различить свет (Свет). Ветхозаветная история «Жертвоприношения Авраама» не вполне канонически, но поэтически служит у Бродского проекцией к Новому завету, отсылает к идее жертвенности Отца и Сына, Иисуса Христа, становится рефлексией не только в отношении судьбы древнееврейского народа, но и всего народа христианского.

4. Заключение = Conclusions

Прав Л. Альтмарк, когда утверждает, что описать историю Авраама и Исаака «лучше, чем это изложено в Библии, вряд ли возможно» [Альтмарк, 2015]. Однако если взглянуть на текст Бродского как на «большое стихотворение», организованное не непосредственной апелляцией к тексту книги Бытия (не как на «описание»), и дезавуировать образ лирического героя-поэта, в ночи над листом чистой бумаги осмысляющего ветхозаветную историю, то сложность в восприятии идеи и композиции произведения

исчезает, красота и стройность стихотворения выходит на передний план. Даже Л. Лосев, хорошо знавший и понимавший Бродского, писал: «... стих Бродского в “Исааке и Аврааме” местами <...> переусложнен <...> словесно автор не вполне справляется с нахлынувшим на него визионерским потоком» [Лосев, 2008, с. 139]. Однако, с нашей точки зрения, «хаотичность», «выборочность», «фрагментарность», «переусложненность» стихотворения Бродского обретают художественную простоту и ясность, если сменить перспективу, встать на иную позицию текстовосприятия — оттолкнуться от образа героя-повествователя, alter ego автора, обусловившего *собственной мыслью* композиционную логику стихотворения. Следует признать доминанту мысли лирического субъекта, не погруженного в реальность исторической древности, но пытающегося из сегодняшнего дня осмыслить сакральный текст и на его почве постичь себя, проникнуть в темное прошлое с целью яснее понять настоящее. Осознать проблему *я и о(О)тец, выбор мой и е(Е)го*.

Дедикативная отсылка к «М. Б.», удивляющая в рамках не-любовного текста, становится знаком готовности нарратора поделиться вызревшими размышлениями с возлюбленной, единомышленником и современницей.

Можно было бы продолжить анализ стихотворения Бродского в плане интертекстуальных и интермедитативных влияний, в частности в связи с воздействием на молодого поэта идей Сёрена Кьеркегора, однако этот вопрос отчасти уже рассматривался исследователями. О тенденции интересубъектного диалога с Кьеркегором писали Л. Лосев [Лосев, 2008], В. Полухина [Полухина, 2009], Р. Измайлов [Измайлов, 2008], философской сущности литературных влияний касались Г. Кружков [Кружков, 2022] и А. Сергеев [Сергеев, 1997], проблемам метафизики Бродского посвящена докторская диссертация И. Плехановой [Плеханова, 2002]. Этот интерпретационный дискурс может составить ядро дальнейших научных изысканий, связанных с осмыслением стихотворения «Исаак и Авраам», предпринятый же анализ структурно-композиционного выстраивания «библейского» текста Бродского должен способствовать их углублению.

Завершая анализ «большого стихотворения» Иосифа Бродского «Исаак и Авраам» (1963), можно добавить: ранний текст со всей несомненностью отразил духовные поиски молодого поэта. Однако сегодня, по прошествии времени, критика однозначно ставит «Исаака и Авраама» в число лучших произведений Бродского, не делая скидку на молодость и неопытность автора (поэту было тогда всего 23 года). Требования к «Исааку и Аврааму» предъявляются самые высокие, что позволяет признать, что у Бродского не было периода ученичества — он был рожден Поэтом.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Блок А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / А. Блок. — Москва : Наука, 1999. — Т. 5: Поэмы. — 342 с. — ISBN 5-02-011690-4 (т. 5).
2. Бродский И. Исаак и Авраам / И. Бродский И // Сочинения Иосифа Бродского : в 7 т. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1998. — Т. 1. — С. 252—266. — ISBN 5-89803-001-8.
3. Бродский И. Книга интервью / И. Бродский ; сост. В. Полухина. 3-е изд. — Москва : Захаров, 2007. — 783 с. — ISBN 5-8159-0548-8.
4. Бытие. 22: 1—19.

Литература

1. Аверинцев С. С. Авраам / С. С. Аверинцев // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — 672 с.
2. Альтмарк Л. Исаак, Авраам и Иосиф Бродский (2015) [Электронный ресурс] / Л. Альтмарк. — Режим доступа : <https://proza.ru/2015/08/03/515> (дата обращения 30.03.2023).
3. Бар-Селла З. Страх и трепет (из книги Иосиф Бродский : опыты чтения) / З. Бар-Селла // Двадцать два. — 1985. — № 41. — С. 202—213.
4. Беркович Евг. И эллин, и иудей: опыт синтетического интервью с Иосифом Бродским (2003) [Электронный ресурс] / Евг. Беркович. — Режим доступа : <https://berkovich-zametki.com/Nomer27/Brodsky.php> (дата обращения 28.03.2023).
5. Богданова О. В. В поисках самопознания (интертекстуальные пласты поэмы И. Бродского «Шествие») / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 258—281. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-258-281.
6. Верхейл К. Образ Христа у Бродского / К. Верхейл // И. А. Бродский: pro et contra: антология / сост. О. Богданова, А. Степанов. — Санкт-Петербург: РХГА, 2022. — С. 311—329.
7. Власова О. А. «Точка зрения» в литературоведении, истории и истории философии: перспектива диалога / О. А. Власова // Научный диалог. — 2020. — № 1 (11). — С. 193—210. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-193-210.
8. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским / С. Волков. — Москва : Независимая газета, 2000. — 325 с. — ISBN 5-86712-049-X.
9. Горбаневская Н. По улице Бродского / Н. Горбаневская // Русская мысль. — 1996. — № 4111. — 1–7 февраля. — С. 16.
10. Измайлов Р. Библейский текст в творчестве Бродского: священное время и пространство / Р. Измайлов // Сибирские огни. — 2008. — № 5. — С. 164—177.
11. Копельман З. «Запоминать пейзажи за могилами единоверцев» : о возможном прочтении стихотворения Бродского «Исаак и Авраам» / З. Копельман // Параллели. Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. — Москва : Дом еврейской книги, 2015. — С. 234—250.

12. Кружков Г. «Подсвечник» И. Бродского и кое-что об «Исааке и Аврааме» / Г. Кружков // И. А. Бродский: pro et contra: антология / сост. О. Богданова, А. Степанов. — Санкт-Петербург: РХГА, 2022. — С. 748—757.
13. Лекманов О. «Рождественская звезда»: текст и подтекст / О. Лекманов // И. А. Бродский: pro et contra: антология / сост. О. Богданова, А. Степанов. — Санкт-Петербург: РХГА, 2022. — С. 270—274.
14. Лосев Л. Иосиф Бродский : опыт литературной биографии / Л. Лосев. — Москва : Молодая гвардия, 2008. — 447 с. — ISBN 978-5-235-03089-3.
15. Мищенко Е. В. Библейская тема в лирике Иосифа Бродского / Е. В. Мищенко // Сибирский филологический журнал. — 2008. — № 1. — С. 59—63.
16. Плеханова И. И. Преображение трагического : метафизическая мистерия Иосифа Бродского : диссертация ... доктора филологических наук / И. И. Плеханова. — Иркутск, 2002. — 429 с.
17. Полухина В. Больше самого себя : о Бродском / В. Полухина. — Томск : ИД СК-С, 2009. — 416 с. — ISBN 978-5-904255-07-7.
18. Полухина В. Иосиф Бродский : жизнь, труды, эпоха / В. Полухина. — Санкт-Петербург : Звезда, 2008. — 526 с. — ISBN 978-5-7439-0129-6.
19. Ранчин А. «Человек есть испытатель боли...» : религиозно-философские мотивы поэзии Бродского и экзистенциализм / А. Ранчин // Октябрь. — 1997. — № 1. — С. 154—168.
20. Сергеев А. Я. Omnibus / А. Я. Сергеев. — Москва : Новое литературное обозрение, 1997. — 536 с. — ISBN 5-86793-027-0.
21. Тихонов А. Н. Словарь русских личных имен / А. Н. Тихонов, Л. З. Бояринова, А. Г. Рыжкова. — Москва : Школа-Пресс, 1995. — 736 с. — ISBN 5-88527-108-9.
22. Федяева Е. В. Личностные доминанты как вектор процесса языковой интерпретации количества / Е. В. Федяева // Научный диалог. — 2019. — № 5. — С. 169—182. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-169-182.
23. Betea D. Joseph Brodsky and the Criation of Exile / D. Betea. — Princeton : Legacy Library, 1994. — 317 p. — ISBN 0-691-06773-2.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022,
одобрена после рецензирования 29.03.2023,
подготовлена к публикации 15.04.2023.

Material resources

- Blok, A. (1999). *Complete Works and Letters, 5: Poems*. Moscow: Nauka. 342 p. ISBN 5-02-011690-4. (In Russ.).
- Brodsky, I. (1998). Isaac and Abraham. In: *The works of Joseph Brodsky: in 7 vols*. St. Petersburg: Pushkin Foundation. 1: 252—266. ISBN 5-89803-001-8. (In Russ.).
- Brodsky, I. (2007). *Book of interviews*. Moscow: Zakharov. 783 p. ISBN 5-8159-0548-8. (In Russ.).
- Bytie. 22: 1—19.

References

- Altmark, L. (2015). *Isaac, Abraham and Joseph Brodsky*. Available at: <https://proza.ru/2015/08/03/515> (accessed 30.03.2023). (In Russ.).

- Averintsev, S. S. (1990). Abraham. In: Meletinsky, E. M. (ed.). *Mythological Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 672 p. (In Russ.).
- Bar-Sella, Z. (1985). Fear and Trembling (from the book of Joseph Brodsky: Reading Experiences). *Twenty-two*, 41: 202—213. (In Russ.).
- Berkovich, Evg. (2003). *Both Greeks and Jews: the experience of a synthetic interview with Joseph Brodsky*. Available at: <https://berkovich-zametki.com/Nomer27/Brodsky.php> (accessed 28.03.2023). (In Russ.).
- Betea, D. (1994). *Joseph Brodsky and the Criation of Exile*. Princeton: Legacy Library. 317 p. ISBN 0-691-06773-2.
- Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2021). In Search of Self-Knowledge (Intertext of I. Brodsky's Poem "The Procession"). *Nauchnyi dialog*, 11(2): 258—281. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-258-281. (In Russ.).
- Fedyaeva, E. V. (2019). Individual's Dominants as Vector of Language Interpretation of Quantity. *Nauchnyi dialog*, 5: 169—182. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-169-182. (In Russ.).
- Gorbanevskaya, N. (1996). Along Brodsky Street. *Russian Thought*, 4111. February 1—7: 16. (In Russ.).
- Izmailov, R. (2008). Biblical text in Brodsky's work: sacred time and space. *Siberian fires*, 5: 164—177. (In Russ.).
- Kopelman, Z. (2015). "Remember the landscapes behind the graves of fellow believers": about a possible reading of Brodsky's poem "Isaac and Abraham". In: *Parallels. Russian-Jewish historical-literary and bibliographic almanac*. Moscow: House of Jewish Books. 234—250. (In Russ.).
- Kruzhkov, G. (2022). "Candlestick" by I. Brodsky and something about "Isaac and Abraham". In: Bogdanova, O., Stepanov, A. (eds.). *I. A. Brodsky: pro et contra: an anthology*. St. Petersburg: RKHGA. 748—757. (In Russ.).
- Lekmanov, O. (2022). "Christmas Star": text and subtext. In: Bogdanova, O., Stepanov, A. (eds.). *I. A. Brodsky: pro et contra: an anthology*. St. Petersburg: RKHGA. 270—274. (In Russ.).
- Losev, L. (2008). *Joseph Brodsky. The experience of literary biography*. Moscow: Molodaya gvardiya. 447 p. ISBN 978-5-235-03089-3. (In Russ.).
- Mishchenko, E. V. (2008). Biblical theme in the lyrics of Joseph Brodsky. *Siberian Journal of Philology*, 1. 59—63. (In Russ.).
- Plekhanova, I. I. (). *Transformation of the tragic: the metaphysical mystery of Joseph Brodsky*. Doc. Diss. Irkutsk, 2002. 429 p.
- Polukhina, V. (2008). *Joseph Brodsky: life, works, era*. St. Petersburg: Zvezda. 526 p. ISBN 978-5-7439-0129-6. (In Russ.).
- Polukhina, V. (2009). *More than myself: about Brodsk*. Tomsk: ID SK-S. 416 p. ISBN 978-5-904255-07-7. (In Russ.).
- Ranchin, A. (1997). "Man is a pain tester ...": religious and philosophical motives of Brodsky's poetry and existentialism. *October*, 1: 154—168.
- Sergeev, A. Ya. (1997). *Omnibus*. Moscow: New Literary Review. 536 p. ISBN 5-86793-027-0. (In Russ.).
- Tikhonov, A. N., Boyarinova, L. Z., Ryzhkova, A. G. (1995). *Dictionary of Russian personal names*. Moscow: Shkola-Press. 736 p. ISBN 5-88527-108-9. (In Russ.).
- Verheil, K. (2022). Image of Christ by Brodsky. In: Bogdanova, O., Stepanov, A. (eds.). *I. A. Brodsky: pro et contra: an anthology*. St. Petersburg: RKHGA. 311—329. (In Russ.).

- Vlasova, O. A. (2020). “Point of View” in Literary Criticism, History and History of Philosophy: Perspective of Dialogue. *Nauchnyi dialog*, 11: 193—210. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-193-210. (In Russ.).
- Volkov, S. (2000). *Dialogues with Joseph Brodsky*. Moscow: Nezavisimaya Gazeta. 325 p. ISBN 5-86712-049-X. (In Russ.).

*The article was submitted 28.10.2022;
approved after reviewing 29.03.2023;
accepted for publication 15.04.2023.*

Жаманкозова А. Т. Социокультурный аспект бытования топонимических преданий Центрального Казахстана (по материалам экспедиций 2012, 2017 годов) / А. Т. Жаманкозова, М. Ж. Тусупбекова, Н. К. Кажикенова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 234—247. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-234-247.

Zhamankozova, A. T., Tusupbekova, M. Z., Kazhikenova, N. K. (2023). Sociocultural Aspect of Functioning of Toponymic Legends in Central Kazakhstan (Expeditions Materials 2012, 2017). *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 234-247. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-234-247. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-234-247

Социокультурный аспект бытования топонимических преданий Центрального Казахстана (по материалам экспедиций 2012, 2017 годов)

Жаманкозова Арилана Тулендиевна^{1*}

orcid.org/0000-0002-1218-3559

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской филологии

* *корреспондирующий автор*

arilana70@mail.ru

Тусупбекова Мадина Жанбырбаевна¹

orcid.org/0000-0002-1285-1959

кандидат педагогических наук,
ассоциированный профессор
кафедры иностранных языков
madinatussupbekova@gmail.com

Кажикенова Науша Кабешевна²

orcid.org/0009-0006-9462-3517

кандидат педагогических наук, профессор
кафедры казахской и русской филологии
knausha@mail.ru

¹ Евразийский национальный университет
имени Л. Н. Гумилева
(Астана, Республика Казахстан)

² Евразийский гуманитарный институт
имени А. А. Кусаинова
(Астана, Республика Казахстан)

Sociocultural Aspect of Functioning of Toponymic Legends in Central Kazakhstan (Expeditions Materials 2012, 2017)

Arilana T. Zhamankozova^{1*}

orcid.org/0000-0002-1218-3559

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian Philology

* *Corresponding author*

arilana70@mail.ru

Madina Z. Tusupbekova¹

orcid.org/0000-0002-1285-1959

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of Foreign Languages
madinatussupbekova@gmail.com

Nausha K. Kazhikenova²

orcid.org/0009-0006-9462-3517

PhD in Pedagogy, Professor, Department
of Kazakh and Russian Philology
knausha@mail.ru

¹ L. N. Gumilyov Eurasian
National University
(Astana, the Republic of Kazakhstan)

² A. K. Kussayinov Eurasian
Humanities Institute
(Astana, the Republic of Kazakhstan)

© Жаманкозова А. Т., Тусупбекова М. Ж., Кажикенова Н. К., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме бытования и анализу современного состояния преданий и топонимических легенд Центрального Казахстана. Материалом послужили тексты, записанные авторами в экспедициях по Карагандинской области в 2012 и 2017 годах. Современное состояние фольклора Центрального Казахстана отмечено функционированием отдельных жанров: преданий, свадебной поэзии, пословиц, топонимических легенд. Основным пластом функционирования фольклорных образов приходится на предания и топонимические легенды. В заключении делается вывод о том, что казахские предания характеризуются конкретно-информативной функцией. Основным сюжетообразующим компонентом является персонаж, вокруг которого объединяется весь материал, сами сюжеты, как правило, одномотивные, не содержат фантастических элементов и оформлены как повествование о недавнем прошлом. В работе отмечается, что топонимические легенды объясняют названия местностей и связаны, как правило, с именами известных в народе личностей. Спецификой названий является использование говорящих имен или сходство с явлениями природы. Авторы доказывают, что активное функционирование фольклорных образов свидетельствует о благополучной фольклорной ситуации и перспективности дальнейших исследований социокультурного аспекта казахской несказочной прозы.

Ключевые слова:

Казахстан; предания; топонимические легенды; благополучная фольклорная ситуация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the problem of existence and analysis of the current state of legends and toponymic legends of Central Kazakhstan. The material was the texts recorded by the authors on expeditions to the Karaganda region in 2012 and 2017. The current state of the folklore of Central Kazakhstan is marked by the functioning of certain genres: legends, wedding poetry, proverbs, toponymic legends. The main layer of the functioning of folklore samples falls on legends and toponymic legends. It is concluded that the Kazakh legends are characterized by a specific informative function. The main plot-forming component is the character, around which all the material is united, the plots themselves, as a rule, are single-motive, do not contain fantastic elements and are designed as a narration about the recent past. The paper notes that toponymic legends explain the names of localities and are associated, as a rule, with the names of famous people. The specificity of the names is the use of speaking names or similarity with natural phenomena. The authors argue that the active functioning of folklore samples indicates a favorable folklore situation and the prospects for further research on the sociocultural aspect of Kazakh non-fairy tale prose.

Key words:

Kazakhstan; legends; toponymic legends; good folklore situation.

Социокультурный аспект бытования топонимических преданий Центрального Казахстана (по материалам экспедиций 2012, 2017 годов)

© Жаманкозова А. Т., Тусупбекова М. Ж., Кажикенова Н. К., 2023

1. Введение = Introduction

Фольклорное наследие любого народа представляет безусловный интерес во все времена. Фольклор составляет огромный пласт культуры и истории, в нем сконцентрированы этические и эстетические представления людей, сформировавшиеся на протяжении веков. Фольклорные произведения казахского народа аккумулировали в себе первые знания о мире, представления о природе, подготовили появление письменной художественной литературы. Устно-поэтические традиции и мотивы художественно вплетались в ткань первых образцов казахских романов и повестей. Национальные образы мира, категории времени и пространства, сюжетно-композиционные особенности построения фольклорных произведений стали предметом научных исследований и представляют несомненный интерес в современную эпоху. Анализ состояния фольклорной традиции невозможен вне работы с ее носителями. Этим продиктована организация фольклорно-этнографических экспедиций по Центральному Казахстану в 2012 и 2017 годы, где мы вели работу по фиксации, систематизации и анализу жанров устного народного творчества Карагандинской области. Исследования проводились в Бухар-Жырауском, Каркаралинском, Актогайском, Северного Прибалхашья, Шетском, Жанааркинском районах, общая протяженность маршрута составила 3500 км. Локация и маршрут продиктованы научным интересом и возможностями безвозмездного проживания и передвижения авторов статьи, так как Карагандинская область является малой родиной исследователей. Нами были записаны топонимические легенды, предания, пословицы, сведения об обрядовой культуре. В процессе работы было опрошено более 150 информантов. Значительное место среди зафиксированных нами текстов занимает несказочная проза. Ученый К. А. Сагалаев пишет: «Вслед за Е. М. Мелетинским и Е. С. Новик под несказочной прозой мы будем понимать повествования, к которым носители традиции относятся как к достоверным сообщениям» [Сагалаев, 2021, с. 25]. Взяв за основу этот тезис, мы выполнили анализ текстов преданий и

топонимических легенд. Для широкого освещения итогов экспедиций некоторые результаты были опубликованы нами в казахстанских средствах массовой информации [Жаманкозова, 2017, с. 7]. В настоящей статье мы исследуем социокультурный аспект функционирования преданий и топонимических легенд регионов Центрального Казахстана, их современное состояние, роль и значение в современной жизни казахстанского общества.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования стали записанные на аудионосители тексты фольклорных жанров и устной поэзии акынов и сказителей. Казахская духовная культура в силу специфики функционирования представлена устно-поэтическими жанрами, устной поэзией, авторскими поэтическими образцами жырау и акынов, передававшимися из поколения в поколение в устной форме.

Фольклорное наследие казахского народа синкретично и представлено устной поэзией, музыкой, танцами, национальной одеждой, архитектурой, национальной кухней. Безусловный интерес для авторов статьи представляли образцы устной народной поэзии и фольклора. Фольклор Центрального Казахстана отражает социальную и культурную сущность этой территории.

В работе применялись структурно-семантический и аналитический методы исследования. Изучались структура и значение современного казахского фольклора Центрального Казахстана, его функционирование, роль и специфические черты, характерные для выбранного региона.

Начатая в 2012 году экспедиция нашла продолжение в 2017 году. Общая протяженность маршрута составила 3500 километров, учеными были исследованы состояние, функционирование, структура и семантика устно-поэтических образцов Центрального Казахстана. Авторы встретились со 150 информантами 6-ти районов Карагандинской области. Записаны 175 текстов бытования и вариативного исполнения различных образцов несказочной прозы, выполнен структурно-семантический анализ текстов. Бухар-Жырауский, Каркаралинский, Актогайский, Жанааркинский, Шетский районы и район Северного Прибалхашья Карагандинской области стали объектом изучения в рамках заявленной темы. Участники экспедиции проживали в домах у местных жителей с их любезного позволения, что свидетельствует о благоприятном и доброжелательном отношении сельских жителей к исследователям. Каждый район был представлен различными сельскими округами и поселениями, которые авторы статьи посетили в процессе сбора и анализа материала.

Мы не ставили целью сделать частотный анализ повторяющихся сюжетов, поэтому в работе не представлен количественный анализ произве-

дений. Приоритетной задачей исследования стало изучение сюжетно-композиционных черт, ассортимента мотивов и особенностей функционирования устно-поэтических жанров Центрального Казахстана.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Некоторые итоги экспедиции были освещены в казахстанских средствах массовой информации (статья: Всё начинается с фольклора // Казахстанская правда). В настоящей работе представлены топонимические легенды как «важнейшая составная часть устного народного творчества» [Адамбаев, 2019, с. 122].

3.1. Почитание святых в топонимических легендах Казахстана

В районе Северного Прибалхашья есть великолепная цепь гор. Эту местность в народе называют Бектау-ата. В стародавние времена жил святой-аулие по имени Бектау. Он был богатырского телосложения, заботился о благосостоянии и процветании народа. Дух святого Бектау-ата живет повсюду. Одна из гор носит название *Аулие-тас* (священная гора) (здесь и далее перевод наш. — А. Ж.). В ней имеется пещера. По преданию, женщины, не имевшие детей, приходили в эту пещеру и ночевали в ней. Все, кто просил помощи, обретали ее. Поэтому в народе называли эту гору *Аулие*, то есть священной. Предание гласит, что в период сложных казахско-калмыцких отношений и войн сильные ветры и ураганы дули со стороны этой горы. Этим *Аулие-тас* выражал свое недовольство жестокостью и кровопролитием двух народов. Высота этой горы составляет 114 метров над уровнем моря, высота пещеры — 600 метров, длина — 46 метров. В глубине пещеры находится небольшое озеро из подземных вод, а недалеко от пещеры имеется каменное изваяние в форме змеи общей протяженностью 29 метров, обязательным условием было посещение этого каменного изваяния змеи (Информант: Еজেбаев Октябрь 1947 г. р. Урочище Бектау-ата, Северное Прибалхашье). Образ змеи восходит к мифологеме единого образа Матери-Змеи, который детально и глубоко исследовал казахстанский ученый С. Кондыбай [Кондыбай, 2000]. Он всесторонне описал культ Змеи и единый образ Матери-Змеи, «состоящий из образов Змеи / Дракона и Великой Матери» [Жанысбекова, 2018, с. 35]. Исследователи Л. С. Дампилова, И. В. Силантьев, И. Е. Ким, Е. Н. Кузьмина, Ю. В. Шатин пишут: «Для понятий мотива, сюжета, а также образа существует обобщающее или, точнее, собирающее понятие мифологемы, активно используемое в фольклористике, литературоведении, лингвокультурологии и культурной антропологии. Мифологема в пределе соприкасается с архетипом» [Универсалии ..., 2020, с. 16]. В российском литературоведении мифологема раскрыта в трудах Е. М. Мелетинского, В. И. Тюпы, Ю. В. Шатина [Меле-

тинский, 1995; Тюпа, 2002; Шатин, 2015]. В данном случае мы обнаружили наличие мифологемы Матери-Змеи, органически воплощенной внешне в каменном изображении образа змеи и закрепленной в предании. Синкретизм слова, действия и изображения породил веру людей, которая восходит к архаическим истокам сознания и передается из поколения в поколение.

Образ Асана-кайгы сохранился в народной памяти как образ святого отшельника, искавшего для своего народа землю обетованную. Он характеризуется как поэт и философ, предсказывавший будущее земли и народа. Заботясь о благе народа, он искал места, наиболее благоприятные для поселения, содействовал созданию и упрочению казахского ханства. В Актогайском районе сохранились топонимические легенды, в которых названия местностей связывают с именем Асана. Некоторые из этих названий сохранились до сих пор. Место, где росло много белоснежных деревьев (казах. *тал*, *тогай* — дерево, *ак* — белый), он назвал *Актогай*. Реку, у которой конь Асан-кайгы потерял подкову (казах. *шидер* — подкова), назвал *Шидерли*. Гору, у подножья которой он, по преданию, обронил домбру, назвал *Домбралы*. Озеро, в которое он якобы уронил мыло, назвал *Сабынды* кол (мыльное озеро) (перевод наш. — А. Ж.). Волны этого озера имеют сильную пену, что создает эффект мыльного пузыря на воде (информант: Смагулов Мрасил 1938 г. р.). Асан-кайгы был реальным историческим лицом, жившим в XIV веке. После многочисленных походов «хромого Тимура» казахская земля была разорена. Асан-кайгы не только внес лепту в дело сплочения казахского народа, но и объездил все земли от Волги и Каспийского моря до китайской границы, где давал характеристики и названия отдельным местностям и занимался поиском благодатных и пригодных для земледелия и скотоводства земель. В связи с этим он посещал и Карагандинский регион, как следует из топонимических легенд, а впоследствии был признан святым. Характерной особенностью этих легенд является социальная составляющая. Поиск Асаном-кайгы рая на земле выражает глубокий социальный мотив: мечту народа о счастливой жизни. Образ Асана-кайгы стал в культурной памяти народа символом борьбы против насилия и зла. Безусловно, топонимические легенды содержат в себе элементы фантастического, но «легенда не может быть отклонена как результат несовершенного научного понимания или теория заговора фальшивых новостей. Напротив, она отражает систему верований, инициирует ее обсуждение и играет ключевую роль в личном восприятии мира. Легенда наделена властью играть фундаментальную роль в том способе, которым мы интерпретируем события и создаем системы верований. Эти системы могут господствовать, несмотря на значительные научные и фактические доказательства обратного» [Русей-Уиллоуби, 2018, с. 29—30].

Топонимические легенды Актогайского района связаны с именем святого Асана, но наделены элементами вымысла, фантастики. Они отражают общую систему верований древних, сохранившуюся и дошедшую до наших дней. Подобного рода топонимические легенды объясняют названия местностей, сохраняют и поддерживают культ святых, посещавших, по народным преданиям, эти места.

Информанты Шетского района рассказывают о святом Бокесе. Очень богатый человек по имени Жангир пришел к святому (аулие) Бокесу. Бокес предсказал ему, что Жангир умрет от голода. Последний не поверил, заявив, что имеет золото и серебро в достаточном количестве. Позже Жангир заболел раком желудка, перед смертью пригласил к себе Бокеса, подарил ему коня, чапан и признал его святым (информанты: Акаева Алтын 1944 г.р., Туткышев Кабикен 1948 г. р. Шетский район). Композиция повествования, воспроизводимого информантами, продиктована коммуникативной ситуацией и рассчитана на базовые знания слушателя, имеет поучительный смысл. Познавательная и дидактическая функции преобладают над художественной. События описаны реалистически, повествуют об одном эпизоде из жизни святого, носят элемент неожиданности, выполняют назидательно-дидактическую функцию. Ученый-фольклорист Е. Н. Кузьмина пишет: «Фольклор как составная часть традиционной культуры выполняет функции многофакторного регулятора, передающего нравственные, эстетические, мировоззренческие ценности последующим поколениям. Всесторонний комплексный анализ роли фольклора, исследование с позиций достижений современной науки содержания, идейной направленности, поэтических достоинств фольклорных произведений, дошедших до наших дней, выявляет механизм передачи народных знаний, сохранность во времени исторической памяти» [Кузьмина, 2017, с. 10]. Если топонимические легенды объясняют происхождение названий той или иной местности, то легенды о Бокесе несут в себе назидательно-дидактическую функцию, при этом описание природы отходит на второй план, выступает определенным фоном.

3.2. Известные общественные деятели в топонимических легендах Казахстана

Значительная часть топонимических легенд связана с известными общественными деятелями края. Информанты из поселка Акшкол Актогайского района отмечают, что их селение расположено на землях, принадлежавших когда-то Шабанбай-бию. Сам Шабанбай-бий жил неподалеку. В горе Жартас находится ущелье под названием *Сексенбай-сайы* (ущелье Сексенбая) (перевод наш. — А. Ж.). Со слов старожиллов, оно примечательно тем, что находится в середине горы, имеет форму жилища, в нем есть единственный вход-выход в виде дверей. Там держали скот. Именно

это ущелье помогло людям спастись в годы страшного голода в Казахстане в 1921—1927 годах. Это стало возможным, потому что внутри ущелья есть маленькое озеро с подземной ключевой водой и место, пригодное для сушки и хранения мяса (информанты: Кашкимбаева Ырышан 1943 г. р., Кашкимбаев Каукарбек 1942 г. р., Сейтов Кулшимбай 1949 г. р., Жакыпбеков Ильяс 1944 г. р. Поселок Акшкол Актогайского района). Эта сплоченность и взаимное уважение помогли людям выжить в голодное время 30-х годов XX века.

Рядом с селом Актогай находится гора под названием *Карашиоқы* (черная вершина) (перевод наш. — А. Ж.). Небольшая гора действительно имеет черную вершину, которая видна из любой точки села, в ней есть ущелье *Кыдыр-сай* (ущелье Кыдыра) (перевод наш. — А. Ж.). Название горного ущелья связывается местными жителями с именем охотника Кыдыра. Никто не мог сравниться с ним в меткости и ловкости. У Кыдыра было 8 сыновей. Каждому из детей он построил дом, разделил между ними поровну свой скот. Но никому из 8-ми сыновей не отдал он свой лук, опасаясь посеять среди них смуту и раздор. Перед смертью Кыдыр спрятал свой лук в горное ущелье, никто из его детей так и не смог найти лук знаменитого охотника. Не найден он и по сей день. Оттого и горное ущелье названо его именем. С Кыдыром связывают и название местности *Кулан-шат*. Однажды Кыдыр повстречал куланов и, прицелившись, выпустил стрелу в одного из них, но стрела пролетела мимо, не задев животное. Это был единственный случай, когда стрела Кыдыра охотника не достигла цели. С тех пор это место называют *Кулан-шат* (обман кулана) (перевод наш. — А. Ж.) (информанты: Акимжанов Зекен 1938 г. р., Токбергенова Дамеш 1932 г. р., Жаркенов Жетписбай 1957 г. р. Село Касабай Актогайского района Карагандинской области).

В местности Ботакара Бухар-Жырауского района сохранилась легенда о Цецен-кыз, восходящая к середине XVII века, периоду казахско-калмыцких войн. Однажды казахский батыр по имени Нарбота схватился с калмыцким джигитом. Оба противника не уступали друг другу в силе и ловкости. Но, когда после долгой схватки сломались копыта, пали от усталости лошади под всадниками, с головы калмыцкого джигита слетела шапка. По плечам воина рассыпались длинные красивые волосы. Нарбота узнал в своем противнике калмыцкую девушку Цецен, которую давно любил. Он растерялся, и тогда караульный калмык, приревновав Цецен к казахскому джигиту, пустил в него стрелу и убил батыра. Цецен тоже любила Нарботу, поэтому вонзила в себя кинжал. В честь них были названы две горы в тех местах: гора *Ботакара* (*Бота* (верблюжонок) + *кара* (вершина) от антропонима *Нарбота*, в котором соединяются корни *нар* (одногорбый верблюд, символ силы) + *бота* (верблюжонок); то есть *Нарбота* означает «сильный,

как сын верблюда»); и гора *Шешенкара* (от *Цецен*; поскольку в казахском языке нет звука [ц], он заменяется звуком [ш], что отражается в графической передаче наименования: *Шешен* + *кара* (вершина) (информанты: Бейсенбеков Актай 1942 г. р., Магзумов Кабылтай 1948 г. р., Токпанова Мазура 1940 г. р., Сеитов Кабылкарим 1939 г. р. Поселок Акжар Бухар-Жырауского района). Легенда о Цецен-кыз выступает символом мира и любви вопреки трагическому финалу истории влюбленных.

3.3. Реминисценции шаманизма в казахской духовной культуре

Легенды о местных святых и их деяниях являются реликтами архаичных культов, в частности, некоторые образы и мотивы восходят к шаманизму.

В Жанааркинском районе информанты сообщают, что сохранилась могила Жубан-ана, почитаемой как святой. По преданиям, Жубан-ана была очень мудрой женщиной, могла предвидеть те или иные события. Однажды пропал табун лошадей ее мужа. Но косячный, вожак табуна, вернулся, после чего Жубан-ана предсказала, что все лошади вернутся вслед за ним. Никто не поверил ей. Хозяин дома, его сыновья выехали на поиски пропавших коней. Когда через какое-то время лошади сами вернулись в аул, все жители были поражены даром Жубан-аны и с тех пор прислушивались к ее советам. Сама же Жубан-ана стала почитаться как мать всего аула. Ее праху поклоняются до сих пор (информанты: Абдикеров Рыскали 1949 г. р., Есимбеков Махмут 1951 г. р. Жанааркинский район Карагандинской области). Упоминание об этой святой имеется в статье Ч. Валиханова. Он писал: «(Могила), почитаемая кайсаками за гробницу святого (аулие), находится на правом берегу речки Сары-Су... Она имеет вид четырехугольника с десятисторонним пирамидальным верхом и сложена из жженого кирпича. На ней много «джалау», что доказательством святости ее служит. Всякий проезжающий ... совершает обряд, который сопровождается чтением молитв; разумеется, этим (хотят) угодить праведнику и получить через это милость Магомета» [Валиханов, 1985, с. 158]. Мы считаем, что поклонение святым есть не что иное, как проявление следов двоеверия в культуре казахского народа. Ислам проповедует один культ — культ Аллаха. Поклонение Жубан-ана, существующее по настоящее время, позволяет проследить следы двоеверия, восходящие к шаманизму. Тотемические пословицы, поклонение культу домашнего очага, культу домашних животных, культу святых берут начало в шаманизме, господствовавшем в казахской степи до принятия ислама вплоть до X века. Фольклорные образцы Карагандинской области, бытующие в народе до сих пор, — наглядное тому подтверждение.

Следы шаманизма сохранились и в обрядовой поэзии. При этом обрядовая культура казахов сохранилась в большей степени в свадебной по-

эзии. Так, в *сынсу* (плач) (перевод наш. — А. Ж.), прощании невесты с отчим домом, невесту сравнивали с сорванным цветком, улетевшей с озера птицей, упоминали о девичьей судьбе, но неизменным оставался культ домашнего очага, хранительницей которого была женщина (информанты: Абсатова Гульбарам, 1944 г. р., Маташова Батима 1949 г. р., Токпанова Мазура 1940 г. р. Поселок Акжар Бухар-Жырауского района). Культ семьи отразился и в другой свадебной песне *жар-жар* (половинка-половинка) (перевод наш. — А. Ж.). Специфика жар-жар отразилась в подборе художественно-изобразительных средств, необходимых для того, чтобы сделать акцент на светлых сторонах семейной жизни. Невесту возвышали, называя ее «госпожой», желали ей жизни, полной красоты и радостей материнства. При этом готовые поэтические клише выступают основой, скрепляющей смысловую канву текста песни, то есть обеспечивающей сохранение инварианта, устойчивого единого песенного произведения, которое варьируется исполнителями (информанты: Байготанова Гульнар 1935 г. р., Алькешев Абулхааир 1941 г. р., Тлеубаева Бибигайша 1932 г. р., Сулейменова Гульмайра 1950 г. р. Отделение Акшоки села имени Нуркена Абдирова Каркаралинского района). Жар-жар, сохраняя следы шаманизма и общие текстовые установки, претерпела некоторые изменения в форме исполнения (табл.).

Таблица

Традиционное и современное исполнение жар-жар: угасание традиции

Традиционное исполнение древней обрядовой песни жар-жар	Современное состояние исполнения песни жар-жар
Амебейная песня диалоговой формы	Совместный хор гостей
Исполняется в момент отъезда невесты	Исполняется на свадебном тое
Мужской хор исполняет в мажоре, женский в миноре	Вся песня исполняется в мажоре
Импровизированный текст	Устойчивый текст

3.4. Пословицы и поговорки в экспедиционных записях

В продолжение разговора о реминисценциях шаманизма в сохранившихся фольклорных образцах следует сказать о зафиксированных нами в экспедиции пословицах, среди которых немало пословиц о четырех видах домашнего скота: верблюде, коне, корове и овце. Например:

(1) *Тяжела ноша последнего верблюда. Верблюда не спрячешь под мостом. Верблюд идет за солью, а парень к девушке. Верблюдица стонет, верблюжонок плачет.*

(2) *Худому коню и камча тяжела. Человек характером в коня. Кобылица не выиграет скачки (байгу).*

(3) *Корова не ценит поглаживаний, как плохой человек не ценит уважения. Корова много воды выпивает, плохой человек от зависти страдает. Корова не ходит осторожно.*

(4) *Хромая овца мычит после обеда. Двойня у овцы рождается, одна для гостя, другая на вырост оставляется.*

Приведенные пословичные изречения не новы и передаются из поколения в поколение на протяжении нескольких веков. Это, на наш взгляд, связано с кочевым образом жизни казахов. Факт существования пословиц о домашних животных в современный период также свидетельствует о сохранении элементов шаманизма. Чокан Валиханов неоднократно указывал в своих работах на следы двоеверия в казахском обществе, где культ шаманизма наряду с исламом, принесенным в казахскую степь еще в X веке, имеет огромное значение. Ч. Валиханов писал: «Вообще скот, как единственное средство народа, ведет к разным поклонениям к нему: не наступают на кости животных; если прольется молоко, киргиз все (очищает), чтобы не оставить их (в осквернении) и чтобы умиловить..., делая... поклон» [Валиханов, 1985, с. 209—210]. Культ домашних животных рудиментарно находит отражение в пословицах казахского народа Карагандинской области.

Неизменно интересными для исследователей остаются фольклорные материалы, отражающие местные реалии, в том числе основанные на сохраняющихся воспоминаниях о персоналиях, людях, которые когда-то были известными и уважаемыми в своей округе. Во время экспедиции нами была записана новая паремиологическая единица, пословица, не зафиксированная в официальных сборниках пословичных изречений. В поселке Акжар Бухар-Жырауского района помнят знаменитого на всю округу бая Бабака. В 1930-х годах он имел огромные табуны лошадей, около 10 тысяч голов. Бай Бабак обладал хорошей зрительной памятью, мог одним взглядом оценить свой табун и заметить, если недостает коней. Свои табуны Бабак объезжал с четырех сторон. Когда к нему приезжали гости, он просил варить мясо с избытком. Если в казане не оставалось мяса, Бабак ругал домочадцев за скупость. Бабак был своего рода ангелом-хранителем и благодетелем аула, потому что все люди обращались к нему за помощью. После коллективизации многие казахи испытывали трудности и, если случались радость или горе в каком-то доме, шли за помощью к Бабаку. Он никому не отказывал, давал отборных коней. Бабак при жизни просил похоронить его в священном Туркестане, для этой цели готовили 40 скаковых лошадей. Следует заметить, что 40 — сакральное число казахского народа, поэтому цифра эта неслучайна. Бабак умер зимой, были сильные бураны, и лошади растерялись в пути, некоторые погибли. Знаменитого бая по-

хоронили недалеко от его аула. В народе появилась поговорка «Будешь богатым — будь как Бабак» (информанты: Бейсенбеков Ақтай 1942 г. р., Мағзумов Кабылтай 1948 г. р., Токпанова Мазура 1940 г. р., Сеитов Кабылкарим 1939 г. р. Поселок Акжар Бухар-Жырауского района). Этот факт свидетельствует о том, что казахские пословичные изречения сохранились в памяти народа, составляя особый пласт устной народной истории. Пословицы с их назидательностью показывают, что художественное слово, язык обусловлены знаниями, бытом и идеалами, порожденными той или иной эпохой. В них оцениваются лучшие человеческие качества, и они же выступают своеобразным эталоном в общественных взаимоотношениях людей, своеобразным культурным кодом.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, основной пласт функционирования фольклорных образцов Карагандинской области приходится на топонимические предания. Топонимические легенды Центрального Казахстана характеризуются конкретно-информативной функцией, сообщают о факте или явлении как о достоверных событиях, предположительно имевших место в истории народа. Основным сюжетобразующим компонентом является персонаж, вокруг которого объединяется весь материал, сами сюжеты, как правило, одномотивные, не содержат фантастических элементов и оформлены как повествование о недавнем прошлом.

Топонимические легенды, служащие для объяснения наименований местностей, часто соотносительны с именами известных в данной местности людей. Спецификой названий является использование говорящих имен, а также частотность указания на свойства номинируемых объектов.

Обрядовая поэзия не претерпела существенных изменений, что свидетельствует о стремлении к статичности, тексты опираются на готовые поэтические клише, психологический параллелизм. Вместе с тем обрядовая поэзия сохранила в себе следы двоеверия. Представления периода шаманизма рудиментарно присутствуют в топонимических легендах.

В устном народном творчестве нет ни одного жанра, в текстах которого отсутствовали бы пословицы и поговорки в качестве вкраплений. В топонимических легендах Центрального Казахстана паремии привлекаются как средство уточнения мысли. Широкое употребление пословиц о четырех видах домашнего скота свидетельствует о сохранившемся традиционном укладе казахского села, где домашний скот по-прежнему остается основным источником дохода и существования людей.

На материале фольклора Центрального Казахстана можно проследить стремление коллективной народной фантазии объяснить тайны

окружающей природы, увидеть в ней добрые и злые силы. Топонимические легенды сохраняются и сегодня в памяти носителей традиционной казахской культуры, объясняя некоторые природные явления, исторические события, названия местностей, и представляют собой особый пласт культурного опыта, передаваемого из поколения в поколение. Бытование фольклорных образцов Центрального Казахстана на современном этапе свидетельствует о благополучной фольклорной ситуации и перспективности дальнейших исследований социокультурного аспекта казахской несказочной прозы.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. *Адамбаев Б.* Казахское народное ораторское искусство / Б. Адамбаев. — Алматы : Білім, 2019. — 216 с.
2. *Валиханов Ч.* Могила Джубан-ана / Ч. Валиханов // Собрание сочинений в 5-ти томах. — Алматы : Главная редакция казахско советской энциклопедии, 1985. — Т. 4. — 461 с.
3. *Валиханов Ч.* Тенкри (бог) / Ч. Валиханов // Собрание сочинений в 5-ти томах. — Алматы : Главная редакция казахской советской энциклопедии, 1984. — Т. 1. — 432 с.
4. *Жаманкозова А. Т.* Все начинается с фольклора / А. Т. Жаманкозова // Казахстанская правда. — 5 января 2017 г. — № 47.
5. *Жанысбекова Э. Т.* Мифологические образы и мотивы в современной казахстанской прозе / Э. Т. Жанысбекова. — Алматы : Казахский национальный педагогический университет имени Абая, 2018. — 161 с.
6. *Кондыбай С.* Казахская мифология / С. Кондыбай. — Алматы : Нурлы Алем, 2005. — 272 с.
7. *Кузьмина Е. Н.* Основные научные принципы публикации фольклорных произведений (на материале томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока») / Е. Н. Кузьмина // Сибирский филологический журнал. — 2017. — № 1. — С. 5—12. — DOI: 10.17223/18137083/58/1.
8. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. — Москва : Языки русской культуры, 1995. — 406 с. — ISBN 5-02-017878-0.
9. *Руй-Уиллоуби Дж.* Изучение легенды в Западной Европе и США в XX—XXI столетиях / Дж. Руй-Уиллоуби // Сибирский филологический журнал. — 2018. — № 4. — С. 28—36.
10. *Сагалаев К. А.* Несказочная проза юганских хантов в материалах экспедиций Института филологии СО РАН / К. А. Сагалаев // Сибирский филологический журнал. — 2021. — № 4. — С. 24—36. — DOI: 10.17223/18137083/77/2.
11. *Тюпа В. И.* Мифологема Сибири : к вопросу о сибирском тексте русской литературы / В. И. Тюпа // Сибирский филологический журнал. — 2002. — № 1. — С. 27—35.

12. *Универсалии* вербальной культуры : в поисках общего понятия / Л. С. Дампилова, И. В. Силантьев, И. Е. Ким, Е. Н. Кузьмина, Ю. В. Шатин // Сибирский филологический журнал. — 2020. — № 4. — С. 9—28. — DOI: 10.17223/18137083/73/1.

13. *Шатин Ю. В.* Русская литература в зеркале семиотики / Ю. В. Шатин. — Москва : Языки славянской культуры, 2015. — 344 с. — ISBN 978-5-94457-204-2.

*Статья поступила в редакцию 20.02.2023,
одобрена после рецензирования 29.03.2023,
подготовлена к публикации 22.04.2023.*

References

- Adambayev, B. (2019). *Kazakh folk oratory*. Almaty: Bilim. 216 p. (In Russ.).
- Dampilova, L. S., Silant'ev, I. V., Kim, I. E., Kuzmina, E. N., Shatin, Yu. V. (2020). Universals of verbal culture: in search of a common concept. *Siberian Philological Journal*, 4: 9—28. DOI: 10.17223/18137083/73/1. (In Russ.).
- Kondybai, S. (2005). *Kazakh mythology*. Almaty: Nurlı Alem. 272 p. (In Russ.).
- Kuzmina, E. N. (2017). Basic scientific principles of publishing folklore works (based on the material of the volumes of the series “Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East”). *Siberian Philological Journal*, 1: 5—12. DOI: 10.17223/18137083/58/1. (In Russ.).
- Meletinsky, E. M. (1995). *The poetics of myth*. Moscow: Languages of Russian Culture. 406 p. ISBN 5-02-017878-0. (In Russ.).
- Ruey-Willoughby, J. (2018). The study of legend in Western Europe and the USA in the XX—XXI centuries. *Siberian Philological Journal*, 4: 28—36. (In Russ.).
- Sagalaev, K. A. (2021). The untold prose of the Yugan Khanty in the materials of the expeditions of the Institute of Philology SB RAS. *Siberian Philological Journal*, 4: 24—36. DOI: 10.17223/18137083/77/2. (In Russ.).
- Shatin, Yu. V. (2015). *Russian literature in the mirror of semiotics*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 344 p. ISBN 978-5-94457-204-2. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2002). The Mythologeme of Siberia: on the question of the Siberian text of Russian literature. *Siberian Philological Journal*, 1: 27—35. (In Russ.).
- Valikhanov, Ch. (1985). Grave of Dzhuban-ana. In: *Collected works in 5 volumes*, 4. Almaty: The main edition of the Kazakh Soviet Encycloped. 461 p. (In Russ.).
- Valikhanov, Ch. (1984). Tenkri (god). In: *Collected works in 5 volumes*, 1. Almaty: The main edition of the Kazakh Soviet Encyclopedia. 432 p. (In Russ.).
- Zhamankozova, A. T. (2017). Everything begins with folklore. *Kazakhstanskaya Pravda*, 47. January 5. (In Russ.).
- Zhanyzbekova, E. T. (2018). *Mythological images and motifs in modern Kazakh prose*. Almaty: Abai Kazakh National Pedagogical University. 161 p. (In Russ.).

*The article was submitted 20.02.2023;
approved after reviewing 29.03.2023;
accepted for publication 22.04.2023.*

Зудина Д. А. Авторская интенциональность Йозефа Вахала как проявление эстетических тенденций культуры рубежа XIX—XX веков / Д. А. Зудина, Т. А. Шарыпина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 248—268. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-248-268.

Zudina, D. A., Sharypina, T. A. (2023). Josef Váchal's Authorial Intentionality as a Manifestation of Aesthetic Trends in Culture at Turn of 19th—20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 248-268. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-248-268. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI:10.24224/2227-1295-2023-12-3-248-268

Авторская интенциональность Йозефа Вахала как проявление эстетических тенденций культуры рубежа XIX—XX веков

Зудина Дарья Алексеевна
orcid.org/0000-0002-1484-5026
магистр филологических наук,
аспирант кафедры
зарубежной литературы
dazudina@gmail.com

Шарыпина Татьяна Александровна
orcid.org/0000-0002-8585-8983
доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой
зарубежной литературы
swawa@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в лаборатории
«Изучение национально-культурных
кодов мировой литературы в контексте
межкультурной коммуникации»
Университета Лобачевского
при финансовой поддержке Программы
стратегического академического
лидерства «Приоритет 2030»
(тема Н-457-99_2022-2023)

Josef Váchal's Authorial Intentionality as a Manifestation of Aesthetic Trends in Culture at Turn of 19th—20th Centuries

Daria A. Zudina
orcid.org/0000-0002-1484-5026
Master of Philology,
Postgraduate Student,
Department of Foreign Literature
dazudina@gmail.com

Tatiana A. Sharypina
orcid.org/0000-0002-8585-8983
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Foreign Literature
swawa@yandex.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out in the laboratory
“Study of national and cultural codes
of world literature in the context
of intercultural communication”
of Lobachevsky University
with the financial support of the Strategic
Academic Leadership Program
“Priority 2030”
(H-457-99_2022-2023)

© Зудина Д. А., Шарыпина Т. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о формировании нового типа творца-демиурга в условиях культуры рубежа XIX—XX веков. Особое внимание уделяется личности чешского художника Йозефа Вахала. Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами: во-первых, возросшим в последнее время интересом к чешской литературе в России и одновременно с этим недостаточной ее представленностью как на книжном рынке, так и в научной среде; во-вторых, отсутствием русскоязычной критики, непосредственно посвященной творчеству и авторской фигуре Й. Вахала. Описывая культурно-историческую среду, в которой сформировалась творческая личность художника, авторы статьи обращаются как к общеевропейскому контексту, так и непосредственно к чешскому. Установлено, что творчество Й. Вахала имеет глубокую связь с историей его страны. В частности, реакция художника на определенные настроения, царящие в чешском обществе того времени, объясняет его увлеченность барочной эстетикой — краугольным камнем его поэтики. Кроме того, биография Вахала во многом определила тематику и форму его произведений, поэтому понимание его как специфической личности XIX—XX веков способствует более детальному анализу его творчества.

Ключевые слова:

Чехия; чешская литература; богемистика; экспрессионизм; Вахал; *findesiècle*; Gesamtkunstwerk.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the formation of a new type of creator-demiurge in the conditions of culture at the turn of the 19th—20th centuries is considered. Particular attention is paid to the personality of the Czech artist Josef Váchal. The relevance of the study is determined by several factors: firstly, the recent increased interest in Czech literature in Russia and, at the same time, its insufficient representation both in the book market and in the scientific community; secondly, the lack of Russian-language criticism directly devoted to the work and the author's figure of J. Váchal. Describing the cultural and historical environment in which the creative personality of the artist was formed, the authors of the article refer both to the general European context and directly to the Czech language. It has been established that the work of J. Váchal has a deep connection with the history of his country. In particular, the artist's reaction to certain moods prevailing in Czech society at that time explains his passion for baroque aesthetics, the cornerstone of his poetics. In addition, Váchal's biography largely determined the themes and form of his works, so understanding him as a specific personality of the 19th-20th centuries contributes to a more detailed analysis of his work.

Key words:

Czech Republic; Czech literature; bohemianism; expressionism; Váchal; *findesiècle*; Gesamtkunstwerk.

Авторская интенциональность Йозефа Вахала как проявление эстетических тенденций культуры рубежа XIX—XX веков

© Зудина Д. А., Шарыпина Т. А., 2023

1. Введение= Introduction

Эпоху рубежа XIX—XX веков можно с уверенностью назвать отдельной «культурологической дефиницией». Она определяется не столько своей темпоральностью, сколько умозрениями, которые она породила. В их климате возникла особая, принципиально новая культура, характеризующаяся отказом от антропоцентрической картины мира реалистических методов отображения окружающей действительности, а также поиском ранее не использованных художественных форм, стремлением к созданию универсального произведения, в котором слились бы воедино несколько различных видов искусства, и склонностью к моделированию иной, отличной от изначально данной реальности. Творчество при этом понималось как некий акт креационизма, как сила божественного уровня, способная перестроить жизненный порядок или даже воссоздать его заново внутри художественного произведения. Подобные идеи пробудили в «рубежном» сознании представления о художнике как об универсальном творце-демиурге, тем самым культивировав новый тип творческой личности, коей вне всяких сомнений являлся чешский художник Йозеф Вахал (1884—1969).

Мы говорим о Вахале именно как о «художнике», потому что это емкое определение лучше всего отражает специфику его творческой деятельности, в которой он объединил искусство живописи, гравюры, слова, фотографии, книжного оформления и еще множества и множества других проявлений человеческого таланта. Более того, о Вахале как о художнике в смысле воплощения некоего свойственного сознанию рубежа веков архетипа творца-демиурга, имеющего связь с потусторонними мирами, говорит и его особое мировидение, пропитанное мистицизмом и философской иронией.

Каждая книга Й. Вахала представляла собой целостное, синтетическое произведение, выполненное методом эстампа. Все созданные им страницы — как текстовые, так и изобразительные — в свое время были не чем иным, как оттисками отдельных вырезанных им на дереве гравюр. Причем эскизы он, разумеется, разрабатывал сам, как и переплеты, как впо-

следствии и шрифты вместе с литерами для них. Подобный метод подразумевал весьма ограниченный тираж и высокую стоимость экземпляра, это была поистине «штучная работа», рассчитанная на настоящих ценителей. В этом, в сущности, и заключалось творческое кредо Вахала — преодолеть правила утилитарной типографики и возвысить книгу до уровня универсального произведения искусства, доступного далеко не всем.

Посредством данного метода был создан и «Кровавый роман» («Krvavý román»), самое, пожалуй, известное произведение Вахала. Он вышел в свет в 1924 году тиражом 17 экземпляров. «Кровавый роман» носит подзаголовок: «Трактат по истории культуры и литературы». Как и любое привычное нам (псевдо)научное исследование, оно формально состоит из двух частей: «теоретической» и «практической». Первая часть содержит такие заголовки, как «Кровавый роман, его определение и сущность», а также «Кровавый роман до конца XVIII века», и представляет собой пародию на «будительские» тексты. Вторая часть романа озаглавлена как «Опыт типа идеального кровавого романа» и является блестящей стилизацией под непосредственно «кровавые романы» как жанр массовой литературы. При этом произведение имеет тесную связь с эстетикой барокко и экспрессионизма, а в конечном результате воплощает собой идею средневековой книги-артефакта, в которой и текст, и графическая организация, и функциональные элементы едины и подчинены одной цели — претворению в жизнь творческой воли автора.

И личность Йозефа Вахала, и его творчество как проявление креационизма в творческом акте представляют собой яркий феномен эпохи рубежа веков. Однако попыток дать подробный анализ с объяснением всех первопричин, повлиявших на судьбу Вахала, становление его авторской интенциональности и его творчество в контексте культурно-исторического процесса рубежа XIX—XX веков, предпринято не было. В этом заключается научная новизна настоящего исследования.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, возросшим в последнее время интересом к чешской литературе в России и одновременно с этим недостаточной ее представленностью как на книжном рынке, так и в научной среде. Во-вторых, отсутствием русскоязычных исследований, полностью посвященных творчеству Йозефа Вахала, при том что он является одним из самых оригинальных европейских художников конца XIX — начала XX веков, а самое знаменитое его произведение было опубликовано на русском языке более 15 лет назад. В теоретическом отношении анализ интермедиальной дополненности в историко-культурной и компаративной перспективе ориентирован на практику формирования современной творческой личности и креативного социума,

которые приобретают особое место в современном социально-гуманитарном научном поле.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методология исследования опирается на анализ культурно-исторического контекста эпохи рубежа веков С. А. Самсоновой [Самсонова, 2003], а также культурологические дефиниции из работ О. Н. Ивановой [Иванова, 2007] и В. О. Пигулевского [Пигулевский, 2002].

Феномены мифотворчества и житнетворчества относятся к числу наиболее востребованных объектов в фокусе исследовательского внимания. Так, о них рассуждают Е. А. Бычкова [Бычкова, 2001], Л. Н. Воеводина [Воеводина, 2002], Н. Ю. Грякалова [Грякалова, 1998], В. А. Сарычев [Сарычев, 1991].

Некоторые биографические сведения о Йозефе Вахале были почерпнуты из его мемуаров и переписки, некоторые — из исследований, посвященных его жизнеописанию. В частности, детальную картину жизни Вахала, дополняемую фрагментами анализа его творчества, воссоздают в своих монографиях М. Байерова [Bajerová, 1991] и Й. Олич [Olič, 2000]. Психологическая трактовка отдельных эпизодов жизни Вахала удачно представлена в исследовании Й. Котека [Kotek, 2008]. Метод печати, к которому прибегал Вахал при создании своих книг, был последовательно описан К. Дыринком [Dyrnyk, 1930].

Что касается русскоязычных исследований, то они немногочисленны. Так, «Кровавый роман» Вахала упоминается в работах А. Ю. Колянова [Колянов, 2017] и Анны Агаповой [Агапова, 2014]. Обращает на себя внимание обширная сопроводительная статья самого переводчика Александра Бобракова-Тимошкина, благодаря труду которого, наравне с трудом сотрудников издательства, «Кровавый роман» увидел свет в России. Статья носит обобщающий характер и направлена на то, чтобы познакомить аудиторию с автором. Несмотря на отсутствие детального анализа — который жанр сопроводительной статьи и не подразумевает, — текст Бобракова-Тимошкина на сегодняшний день является, пожалуй, самым информативным в русскоязычном пространстве.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Отражение картины мира эпохи рубежа XIX—XX веков в ее художественных практиках

Приступая к разговору об артистической личности Йозефа Вахала, следует в первую очередь отметить отличительные особенности эпохи рубежа XIX—XX веков.

Вследствие небывалого скачка научно-технического прогресса, вытеснившего ручной человеческий труд из промышленности, научных открытий, перевернувших представления о незыблемых законах физики, а также вследствие нарастания социальных противоречий антропоцентрическая картина мира начала стремительно рушиться. Вместе с ней рушились классические модели философии и искусства: в этих областях человек всегда являлся мерой всех вещей, но что им было делать, когда он вдруг оказался смещен из центра на периферию? Очевидно — менять свою направленность.

Отказ от обращенности к человеку (то есть антропоцентризма) в пользу обращенности к окружающему вещественному миру является главным поворотным моментом в культуре рубежа веков. В начале XX века он через первые — робкие по сравнению с последующими авангардистскими экспериментами — попытки символистов увидеть в окружающих их предметах следы присутствия идеала окончательно приходит к своему утверждению в искусстве кубизма, экспрессионизма и т. д.

В то же время европейское искусство конца XIX — начала XX веков начинает проявлять активную склонность к игровому началу. Под игровым началом нами понимается всеобщее увлечение художников приемами театрализации, стилизации, мистификации и т. д. Согласно концепции Й. Хейзинги, «игра — это добровольное действие или занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени и по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в самом этом действии. Она сопровождается чувством напряжения и радости, а также сознанием бытия, иного, нежели «обыденная» жизнь» [Хейзинга, 1992, с. 41]. Обратим внимание на то, что Хейзинга подчеркивает эскапистский характер игры и ее принципиальное отличие от повседневности.

Конечно, эскапистский характер игры некоторым образом соответствует художественным тенденциям перехода в область модернистского искусства, отказывающегося от реалистических принципов изображения мира, однако здесь имеется в виду игра как средство побега от удручающей действительности со всем ее филистерством, джагернаутом научно-технического прогресса и псевдоидеалами, мертвыми и пустыми. (Не случайно в конце XIX — начале XX веков организуется такое количество костюмированных балов). Думается, в данном контексте уместно будет упомянуть еще об одной функции игры, выделенной Ю. М. Лотманом. По мысли учёного, игра — это еще и «моделирующая деятельность» [Лотман, 2002, с. 277]. Иными словами, в процессе игры создается некая реальность, альтернативная той, в которой осуществляется игровое действие. В этом аспекте игровое начало культуры рубежа веков коррелирует с ее пристрастием к мифотворчеству, а в особенности — с пристрастием художников творить мифы о самих себе.

Механизм создания художником мифа о самом себе связан с концепцией житнетворчества — одной из основополагающих категорий культуры конца XIX — начала XX веков. Идея житнетворчества, как можно судить уже по самой форме слова, заключается в разрушении границ между искусством и жизнью. В результате акта житнетворчества появляется «смысловое и ценностное единство, которое в свою очередь выступает источником различных трансформаций» [Колесникова, 2003, с. 13]. То есть художник заимствует для эстетизации собственной жизни готовые модели, формы, концепции и т. п., предоставляемые ему искусством. Искусство же (в контексте творческой деятельности художника) наполняется биографическими материалами, которые приобретают характер мистификации или же становятся сюжетной основой для художественного произведения. Таким образом, житнетворчество — это явление, характеризующееся взаимопроникновением искусства и жизни.

Итогом процесса житнетворчества является миф о художнике, который включается в культуру, дополняя и трансформируя ее. Л. Е. Артамошкина даже вводит в научный оборот концепцию «биографии как текста культуры» на основании того, что житнетворчество художника рано или поздно оформляется в «биографический тип», который так или иначе воспроизводится последующими поколениями. «Главная закономерность формирования биографического типа в культуре, — пишет Л. Е. Артамошкина, — явлена появлением Имени в культуре, становящегося знаком определенного типа проживания жизни, определенного типа биографии, создаваемой ее носителем, творцом, человеком, проживающим свою собственную жизнь. Имя, вошедшее в плоть памяти культуры, воспроизводится в ней усилиями жизни как биографии тех, кто избирает это имя вектором и ориентиром, мелодией собственной судьбы» [Артамошкина, 2012, с. 200]. В этом смысле художник, осуществляющий жизнестроительные практики, приобретает черты демиурга, бросающего вызов самому Богу. Ведь он, подобно Богу, сумел, во-первых, преобразовать уже существующий, «объективный» мир, а во-вторых, сотворить некую новую реальность и пробудить к жизни внутри этой новой реальности новую личность — свое творческое *alter ego*.

3.2. Концепция житнетворчества и авторская интенциональность Йозефа Вахала как проявление эстетических тенденций эпохи *fin de siècle*

Что же делает Йозефа Вахала образцовой артистической личностью своей эпохи? В первую очередь речь идет, конечно, о самобытном творческом методе Вахала, характеризующем его как универсального творца-демиурга, которому подвластны многие искусства, с помощью которых он единолично может создать новый мир в своем произведении. Так, твор-

ческий метод Вахала объединял искусство живописи, гравюры, слова, фотографии, каллиграфии, а также мастерство наборщика, переплетчика, книжного оформителя и т. д. К слову, подписывался Вахал не иначе, как «Йозеф Вахал, *резчик по дереву*», как бы утверждая связь своего «я» с искусством. Резчик по дереву — это тот персонаж, та мифологизированная фигура, которая задает вектор правильного восприятия автора. Вахал намеренно делал на этом акцент, поскольку хотел, чтобы его воспринимали именно как кустарного мастера (фигуру не самую востребованную в эпоху научно-технического прогресса), посвятившего свою жизнь созданию уникальных диковинных вещей.

Кроме того, стоит учитывать и интерес Вахала к теософии и оккультизму, которым он нередко бравировал. Приведем в пример его воспоминания об участии в неких «*спиритических сеансах, граничащих с магическими обрядами*» [Olić, 2000, с. 26], проводимых в подвале виллы скульптора Л. Шалоуна. Характерно то, что каких-либо данных (например, воспоминаний или писем других участников), подтверждающих слова Вахала, нам найти не удалось. Вероятно, спиритические сеансы действительно имели место, но в порядке всеобщего увлечения мистицизмом, характерного для конца XIX века. В полном смысле магическими обрядами они не являлись. Судя по всему, в указанном эпизоде вновь активизируется механизм создания художником мифа о самом себе. Вахал стремился представить себя как человека, причастного к сверхъестественному, как мага и визионера.

Непосредственно в «Кровавом романе» процесс создания произведения Вахал также определяет как магическое действо. По мысли художника, творчество — это «*магия без участия демонов и дьявола. Магия без помощи каббалы и заклинаний. Магия для каждого, без различия политических и религиозных убеждений*» [Вахал, 2005, с. 293]. А так как в творческом процессе по сюжету одновременно выступают все три вахаловских alter ego, то они, соответственно, представляются магами, равно как и сам Вахал.

Отметим, что восприятие художников и поэтов как магов и визионеров, как проводников первоидеи идеального мира в мире профанном на рубеже веков также отсылает к концепции творца-демиурга.

Творческая манера Вахала представляла собой сплав самых востребованных эстетических программ эпохи: модерна, символизма, экспрессионизма. Рассмотрим в качестве доказательства этого тезиса гравюру Вахала «Рай» («Ráj»), созданную в 1912 году (рис. 1). На ней изображены Адам и Ева в Эдеме, окруженные райскими зверями и птицами; у их ног — Змей-искуситель, над их головами — крона Древа познания; Ева срывает Запретный плод. Перед нами — чисто символистский сюжет. Все фигуры на картине стилизованы, условны, обозначены плавными, обтекаемыми

Рис. 1. Гравюра Й. Вахала «Рай» («Ráj»), 1912

контурами; перспектива отсутствует — изображение плоскостное; картина отличается декоративностью и обилием вычурных флоральных мотивов — очевидно, в техническом плане мы имеем дело с модерном. Но палитра, между тем, модерну вовсе не свойственна. Модерн предпочитал естественные, приглушенные тона. Здесь же — экспрессионистское буйство цвета и контрастов. Таким образом, в данной работе Вахала сочетаются художественные принципы нескольких направлений и в то же время проявляется характерный авторский стиль.

Важно понимать, что Вахал не принадлежал ни одному течению всецело. Несомненно, он часто находил близкой по духу технику тех или иных художественных направлений, симпатизировал их отдельным философским принципам, но никогда не принимал их идеологию до конца. Ему также претило быть отождествляемым с какой-то конкретной художественной средой. Поэтому Вахал — не экспрессионист, не символист и не модернист. Он — исключительный Художник рубежа веков, для которого нет ни границ, ни рамок, который подобно алхимику сочетает в своем Великом делании различные «первозлементы» и получает на выходе заветную квинтэссенцию — ключ к постижению истины. Примечательна в этом отношении характеристика, которую дает Вахалу Я. Конупек, талантливый график, с которым Вахал состоял в художественном кружке Sursum с 1910 по 1912 годы: *«Будущее оценит его важность для развития чешской графики и, несомненно, поместит интересную личность художника туда,*

куда ему хочется, а именно — *подальше от обыденного пути остальных деятелей чешского искусства*» [Копѣрек, 1947, с. 84].

Очевидно, что вахаловские книги представляют собой воплощение идеи *Gesamtkunstwerk*, универсального произведения, созданного посредством слияния нескольких видов искусства. Концепцию *Gesamtkunstwerk* принято связывать с именем Р. Вагнера. В своей работе «Произведение искусства будущего», как известно, он определяет его в качестве «*великого универсального произведения искусства, которое должно включить в себя все виды искусств, используя каждый вид лишь как средство и уничтожая его во имя достижения общей цели — непосредственного и безусловного изображения совершенной человеческой природы ...*» (в переводе О. Н. Ивановой) [Wagner, 1871, S. 60].

К предпосылкам возникновения концепции *Gesamtkunstwerk* О. Н. Иванова относит главным образом историко-культурную ситуацию в Германии XVII—XVIII веков [Иванова, 2007, с. 196], когда вследствие событий Тридцатилетней войны и подписания Вестфальских соглашений как их итога усилилась децентрализация Германии. Страна распалась на триста отдельных княжеств. Кроме того, ее раздробленность обуславливалась не только территориальными границами, но и границами религиозными (противостояние католицизма и протестантизма), культурными (формирование локальных традиций) и языковыми (обилие диалектов). Первые шаги в сторону создания концепции *Gesamtkunstwerk* предприняло, как ни странно, именно *просвещенное* бюргерство, стремящееся к духовному и территориальному единству Германии, а также к преодолению границ с развитыми европейскими государствами.

В этом смысле умонастроения эпохи окончания Тридцатилетней войны сближаются с умонастроениями эпохи *fin de siècle*. Идея *Gesamtkunstwerk* явилась ключевой идеей для культуры рубежа XIX—XX веков, поскольку она позволяла в некоторой степени нивелировать всеобщее ощущение разрозненности и неустойчивости мира. Если искусство обладало способностью создавать новую реальность, то несколько его видов в своем единстве способны были создавать реальность цельную — то, чего подсознательно не хватало человеку той кризисной эпохи.

Чтобы понять, как именно идея *Gesamtkunstwerk* реализуется у Вахала, в рамках статьи подробнее остановимся на анализе гравюр в «Кровавом романе». Нельзя сказать, что они удачно дополняют содержание или логично продолжают его. Они и есть само содержание, без них рушится целостность авторского замысла.

В оригинальных «кровавых романах» функция читателя сводилась к пассивному восприятию текста и сопровождающих его иллюстраций.

Текст и иллюстрация обычно полностью совпадали по сюжетному наполнению и располагались рядом, что не давало читательской фантазии поучаствовать в процессе интерпретации. Вахал же, наоборот, старается пробудить рецептивную активность. Свои стилизованные гравюры он располагает в произвольном порядке, таким образом, что иногда они предваряют описываемое событие, а иногда появляются уже по его завершении. Например, гравюру, соответствующую эпизоду, в котором действует фальшивомонетчик, мы находим на странице 70, а сам эпизод разворачивается на страницах 118—120. Благодаря этому приему читатель находится в постоянном рецептивном напряжении, поскольку от него теперь требуется не просто «проглатывать» сюжет, как это обычно бывало в произведениях подобного жанра, а внимательно следить за ним, соотнося в памяти образы, воплощенные в тексте, и образы, воплощенные в гравюре.

Иногда гравюры выполняют функцию самого текста. Это заметно, например, по гравюре на странице 176, изображающей печать сберкассы св. Вацлава в Праге. Она возникает в связи с таким контекстом: *«Суд выдал им [иезуитам] заграничную сберегательную книжку. Так что было очевидно, что все огромное имущество князя [дона Педро де Рудибанеры, которого иезуиты отравили, чтобы заполучить его наследство]< ...> содержалось в оной сберегательной кассе. Хранилось там около двух миллионов песет, как было обозначено в сберегательной книжке, которая отмечена была печатью кассы ...»* [Вахал, 2005, с. 175—176] — и далее следует гравюра. При этом словесно она не описывается, ее появление для читателя неожиданно, а в связи с отсылкой к чешским реалиям оно даже производит комический эффект.

Еще одним примером единства гравюры и текста, обуславливающего целостность содержания «Кровавого романа», служит ситуация с двумя одинаковыми гравюрами, изображающими графа Портмона (рис. 2). Первую гравюру мы видим на странице 179, вторую — на странице 195. А затем, в сорок второй главе (стр. 240—247), читаем диалог между Пасекой и девицей Коцоурковой:

— ... Что Вы, однако, намереваетесь делать с предпоследним листом, на котором Вы напечатали по ошибке гравюру с изображением Портмона, глядящего на свой новый замок, дважды?

Пасека жутко расхохотался, после чего ответил:

— < ...> Первое изображение я оставляю таким, какое оно есть, а ко второму пририсую акварелью языки пламени, вырывающиеся из замка. В одной из следующих глав я позабочусь о том, чтобы замок этого самого Портмона был сожжен иезуитами или же масонами; пока я еще не решил, кем из них. А то, что граф стоит и на первом, и на втором изо-

Рис. 2. Граф Портмон, иллюстрация Й. Вахала к «Кровавому роману»

браженин на одном и том же месте и выглядит совершенно одинаково, ничего не значит, кроме того, что это свидетельствует о степени его самообладания и хладнокровия < ... >, а в Литомышле этому только обрадуются [Вахал, 2005, с. 244].

То есть в данном случае гравюра является структурным объектом, вокруг которого происходит построение сюжетной коллизии.

Биография Вахала напрямую связана с событиями и веяниями эпохи, в соответствии с ними складывалась поэтика его произведений. Обратимся к историческим веяниям, нашедшим отражение в чешской литературе рубежа XIX—XX веков. Конец XIX века ознаменовался в Чехии разочарованием в идеологической программе «будителей», при том что в начале века «будителям» — Йозефу Добровскому, Йозефу Юнгману, Франтишеку Палацкому и др. — удалось вызвать колоссальный рост интереса к фольклору, традициям и обычаям своей страны, укрепить позиции чешского языка, разжечь национальные чувства и тем самым поспособствовать формированию чешской нации. «Будители», можно сказать, создали чешский национальный миф, на котором базировалась вся чешская культура XIX века. Процесс создания мифа закономерно сопровождался созданием доказательств величия и самобытности чешской культуры, к которым

относились в том числе научные тексты просветительского характера (например, труды Й. Юнгмана «О чешском языке» и «История чешской литературы») и литературные мистификации (например, «Краледворская рукопись» или хроника Гаека из Либочан).

Программа «будителей» базировалась на представлениях о былом величии чешского народа, наследника древней развитой культуры, то есть ориентировалась на «славное прошлое» в отрыве от «настоящего». В настоящем же все обстояло совершенно иначе. К концу XIX века обострились общественные противоречия, нарастало неравенство между социальными слоями (то есть говорить о том, что чешский народ — это монолитная сила, объединенная языком, традициями и устремлениями, уже было нельзя: «будительские» постулаты себя не оправдали). Помимо этого, возникло недоверие к тезису о древней истории чешской культуры, поскольку некоторые «памятники» (например, «Краледворская рукопись»), служившие его доказательством, были разоблачены как мистификация. В связи с этим философ Х. Г. Шауэр в статье «Два наших вопроса» («*Naše dvě otázky*») 1886 года, как отмечает Й. Марек, *«выразил сомнения в том, обеспечивается ли чешская культура своим существованием существование народа. Вели ли ее усилия до сего момента к сугубому обоснованию существования чешской культуры как отличающейся от любой другой, не является ли ее поддержание и развитие лишь потерей энергии, когда можно примкнуть к большей, более стабильной культуре»* [Бобраков-Тимошкин, 2002]. Это при том, что чешская культура, фактически находясь в подчиненном положении, на протяжении столетий пыталась сохранить свою самобытность и отстоять независимость у культуры немецкой, доминирующей. Мысль, высказанная Шауэром, наглядно иллюстрирует настроения, царившие в сознании чехов конца XIX века. Неудовлетворенность патриотических чаяний как будто бы подталкивала к тому, чтобы вовсе отказаться от них. Более того, открытость Чехии общеевропейским веяниям обусловила проникновение в ее границы декадентских веяний, что воздело присущий чешской интеллигенции того времени пессимизм во вторую степень.

Рассмотрим, как Вахал осмысливает описанные тенденции в «Кровом романе». Произведение, как уже было отмечено, имеет характерный подзаголовок «Трактат по истории культуры и литературы» и складывается из двух частей: «теоретической» и «практической». Есть еще обращение к читателю, которое в «трактате» выполняет, видимо, функцию введения. В нем Вахал пишет следующее: *«Принимаясь за оный не вполне благодарный труд описания так называемого “сора” чешской литературы, отмечу, что берусь за него вовсе не ради какого-либо развлечения читателей, а из потребности реабилитировать данный вид романного творчества, из*

стремления освободить его от наноса предрассудков и указать на великое значение кровавых романов для нашего народа, как и превознести и особо отметить высокие и важные моральные ценности, скрытые в этих порицаемых и гонимых ныне явлениях словесности» [Вахал, 2005, с. 3]. Казалось бы, Вахал, руководствуясь патриотическими чувствами, ставит перед собой благородную цель — внести просветительский вклад в развитие родной культуры. Верить в искренность его намерений, впрочем, не стоит. Позже Вахал, воспользовавшись маской своего alter ego, признается в сожалении о том, что *«потратил столько бумаги на глупейшее предисловие, историю и список кровавых романов в этой книге»* [Вахал, 2005, с. 283]. Признается он и в том, что *«совершил это с умыслом очевидно мошенническим, — с целью ввести публику в заблуждение и посмотреть, не попадет ли кто на удочку «трактата по культурной и литературной истории»* [Вахал, 2005, с. 283]. Это означает, что мы имеем дело с некоей пародией. Но пародией на что? Судя по всему, на «будительские» тексты.

Обращение к «юнгмановскому» дискурсу в ироническом ключе обусловливается при этом памятью о том самом «удвоенном» пессимизме конца XIX века, вызванном, с одной стороны, общеевропейскими упадническими настроениями, а с другой, национальным кризисом, который, к слову, явился следствием разочарования в «будительских» иллюзиях. Логика Вахала, заставшего болезненность периода *fin de siècle* и мечтающего в Первой республике *«восстановить барицину»* [Вахал, 2005, с. 202] и вернуть на трон *«государя-императора»* [Вахал, 2005, с. 202], в этом свете видится такой: если существует потребность придать какой-либо идее значимости, следует представить ее как некое народное или патриотическое явление. А если добавить ей научности, то ее обязательно примут с превеликим удовольствием.

Своеобразным политическим высказыванием является и глубокое увлечение Вахала барочной эстетикой. Дело в том, что в 1620 году так называемое Восстание чешских сословий, направленное против власти императора Фердинанда II и династии Габсбургов, было подавлено в битве у Белой горы под Прагой, следствием чего явилась окончательная потеря Чехией независимости, сопровождающаяся преследованием гуситских реформаторских идей и тотальной рекатолизацией страны. В связи с этими событиями барочная культура, расцвет которой как раз пришелся на 20—30-е годы XVII века, воспринималась в Чехии как культура упадка, прославляющая «эпоху тьмы». В начале XIX века с возрождением национального самосознания и ростом патриотических настроений это убеждение укрепилось и сделалось магистральным. Вахал же со всем общим и магистральным был, разумеется, не согласен.

В рамках статьи не будем подробно останавливаться на особенностях барочной языковой стилизации Вахала, рассмотрим лишь его общее понимание книги как артефакта, связанное с эстетикой барокко. В парадигме культуры барокко книга имеет исключительное значение. Согласно барочной философии, литературное произведение представляет собой смысловой объем энциклопедического характера, охватывающий все явления мира по отдельности и репрезентирующий его во всей его полноте. Книга при этом признается зримой и осязаемой онтологией мироздания, своего рода моделью мира.

Чтобы проиллюстрировать эту идею уже в контексте творчества Й. Вахала, подробнее проанализируем эпизодическую организацию «Кровавого романа». Она восходит к принципу кумулятивности, на котором базируется барочный плутовской роман. Если мы возьмем сюжетный диапазон, охватывающий, к примеру, десять первых глав, то увидим следующую картину: первая глава «Тайны старого дворца» соответствует линиям князя дона Педро де Рудибанеры, его незаконнорожденного сына Курта и его любовницы Эльзевиры; вторая глава «Убийство в доме лесника» соответствует линиям лесника Калины и его дочери Марии; третья глава «Труп в дымоходе» соответствует линиям служителя морга Кубы, отца Бруно и Эльзевиры; четвертая глава «Голос крови» — линиям Калины, Рольфа, комиссара и разбойника Бенды; пятая глава «Среди убийц и висельников» открывает линию Мастера; шестая глава «Отцеубийца» вновь отсылает к линиям Калины, Рольфа, комиссара и Бенды; седьмая глава «Замурованная в мертвецком подвале» возвращается к линиям дона Педро, Курта и Эльзевиры; восьмая глава «Мертвецы в извести» продолжает линии Курта и Кубы; девятая глава «Негодяйство» продолжает (и заканчивает) линию дона Педро, открывая линию иезуитов; десятая глава «Кашляющее полуночное чудовище» открывает линию цыган. И это не считая других сюжетных линий, таких как линии графа Портмона, линии капитана Родригеса, линии доктора Ржимсы и др. Сюжетные линии, во многом благодаря своему небольшому объему, буквально мелькают перед читателем, с молниеносной скоростью сменяя друг друга. Возникнув, они могут надолго «замереть» (например, линия Мастера открывается в пятой главе, а продолжение получает сначала в двенадцатой, а потом только в двадцать шестой) или исчезнуть совсем (как это произошло с линиями Марии, Курта или разбойника Бенды). К слову, если в тех же низовых барочных романах сюжетная линия обрывалась, а персонажи пропадали из повествования преимущественно по причине фабульной запутанности и колоссального объема произведения (то есть авторы о них попросту забывали), то в «Кровавом романе» эта ошибка объясняется элементарной нехваткой

материалов у бедствующего автора. Ближе к концу читаем: *«Теперь, когда < ...> оставался один-единственный чистый лист, невозможно было даже думать о дальнейшем продолжении описания судеб психономов и иезуитов, графа Портмона и комиссара-оборотня»* [Вахал, 2005, с. 283]. Так, сложившаяся барочная традиция обыгрывается в «Кровавом романе» в соответствии с установкой на активное присутствие авторского начала, отсылающее к концепции житнетворчества — ключевой идеи культуры рубежа XIX—XX веков.

Обилие сюжетных линий в «Кровавом романе» подразумевает обилие топосов и связанных с ними персонажей. Все топосы, следует сказать, восходят преимущественно либо вновь к традиции барочного плутовского романа, либо к традиции романа готического. К традиционному «готическим» топосам в «Кровавом романе» относятся такие топосы, как замок, монастырь, морг. С топосами плутовского романа связаны пространства разных стран — «Гишпани», Чехии, Швейцарии, Нидерландов, Германии, Франции и др., а также пространство экзотических островов. Сопреженность перечисленных топосов внутри произведения Вахала именно с барочной традицией объясняется отсутствием у них индивидуальных черт: один может быть с легкостью заменен другим. Путешествуя, герои не преодолевают границы, они преодолевают только расстояния, причем с легкостью (как, например, жена Кубы с отцом Игнатием всего за пять дней при помощи платяных шкафов доплыли с необитаемого острова Дафнии и Хлиса на остров Гонолулу). Потому что карнавальное начало плутовского романа границ не подразумевает. В плутовском романе мир понимается как карнавал, не ограниченный ни пространством, ни временем, а в карнавале все одновременно участники и все друг перед другом равны. Эта идея находит конкретное выражение, например, в том, что герой-пикаро в процессе повествования запросто переходит из одного социального статуса в другой или передвигается по миру как по единому, сплошному пространству, где одна территория никак от другой не отделена.

Что касается персонажей в «Кровавом романе», то они — *«графья и князья, преступники и пираты, доктора и священники, художники и проститутки, убийцы и жертвы»* [Вахал, 2005, с. 205] — весьма различны и представляют мир во всем его многообразии.

Эта барочная идея, преломившись в идеях эпохи рубежа XIX—XX веков о возможности создания новой действительности посредством художественных практик и художнике-демиурге, способном эту возможность реализовать, а также в идее об универсальном художественном произведении, в котором сливаются воедино и более не могут существовать друг без друга несколько видов искусства, и стала краеугольным камнем всей твор-

ческой деятельности Вахала. Не зря в самом конце «Кровавого романа» вся сюжетная раздробленность в виде бесконечного числа персонажей и их сюжетных линий оседает эйдосами и идеями в «подвале, полном ужаса». Подвале, где стоит печатный станок, где пахнет *«удушливым табачным дымом и плесенью стародавних томов»* [Вахал, 2005, с. 281], где стены украшены страшными оккультными картинами и абсурдными изречениями. Подвале, где в итоге собрались предаться полету фантазии издатель Пасека, оккультист Мастер и живописец Фрагонард — три разные ипостаси триединого творца, художника Йозефа Вахала.

Продолжая мысль о том, что книга в понимании Вахала — это модель мира, а самого себя он воспринимает как творца, преобразующего реальность, отметим, что «Кровавый роман» в значительной степени эксплуатирует жанровую форму романа с ключом. Так, в образе графа Портмона из *«старославной красавицы»*, уездного города Л., который живет в доме, где *«в каждом углу и на каждой стене нарисовано какое-нибудь чудовище, привидение или дьявол»* [Вахал, 2005, с. 163], узнается Йозеф Портман, чей дом в Литомышле в начале двадцатых годов расписывал Вахал. За образом отца Якуба, отправившего к Мастеру *«чорта»* с целью вернуть ему веру в *«оного владыку подземного мира»* [Вахал, 2005, с. 285], скрывается, по видимому, Якуб Демл. Влюбленная в Пасеку девица Коцоуркова — это, конечно, Анна Мацкова (которой, к слову, и посвящен «Кровавый роман»). А бросающийся гостям на шею пес Тарзан — это, безо всяких сомнений, обожаемый леонбергер Вахала. Кроме того, в тексте на использование данного приема есть прямое указание: «Пасека [являющийся, как мы помним, вахаловским alter ego] *просматривает до сих пор отпечатанные листы и выискивает, кого бы еще из своих друзей и недругов включить в роман»* [Вахал, 2005, с. 282].

4. Заключение = Conclusions

Йозеф Вахал сочетал в своей творческой деятельности великое множество художественных практик самого разного толка. Он занимался живописью, графикой, фотографией, созданием шрифтов и гравюр, резьбой по дереву, ремеслом переплетчика, был писателем, мистиком, философом. Индивидуализм, в разной степени присущий, наверное, каждому мыслящему человеку того времени, проявлялся в характере Вахала с необыкновенной силой. Вахал был бунтарем везде — в жизни, в политических взглядах, в религиозных убеждениях, но особенно — в искусстве. Он не признавал никаких авторитетов и не ограничивал себя никакими эстетическими догмами, о чем, помимо фактов его биографии, касающихся взаимоотношений с другими художниками, свидетельствует его творческая манера, вобрав-

шая в себя концептуальные идеи и визуальные особенности самых разных движений и стилей конца XIX — начала XX века: модерна, символизма, экспрессионизма и пр. Однако наиболее яростно его бунтующий дух обрушивался на доминирующую в то время форму реализации книгопечатного дела. Вахалу претило массовое производство безликих, уродливых книг, чью функцию промышленность свела до обыденного носителя текста. Но ему также претила и концепция «красивой книги», предложенная Уильямом Моррисом (хотя, конечно, Вахал двигался в русле установки на противостояние унификации книги, Моррисом как раз и заданной, — это было общим местом в эстетической парадигме рубежа XIX—XX веков). Идея «красивой книги» вывела европейскую типографику на совершенно новую ступень развития, установив высочайшие стандарты книгопечатания, которые обеспечили книжной продукции привлекательный вид, базирующийся на балансе оформления и содержания. Но именно в этой компромиссности, когда искусство начинает как будто бы «прислуживать» быту, и коренилось неприятие Вахала. Книги моррисовской концепции были приятны глазу, но до конца за пределы утилитарности они не выходили, а Вахалу было важно возвысить книгу до уровня артефакта, доступного немногим. Этой цели Вахал и посвятил свою жизнь. Он собственными руками от начала и до конца создавал книги, подобные книгам Средневековья и эпохи барокко, мыслившимся в свое время моделями мира.

Таким образом, Йозеф Вахал, выстроивший свой жизненный путь в соответствии с концепцией жизнетворчества и сочетавший в своих творениях черты многих эстетических направлений своего времени, является примером уникального типа творца, возникшего на рубеже XIX—XX веков.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Váchal J.* Кровавый роман / Й. Вахал / Пер. А. Бобракова-Тимошкина. — Тверь : Митин журнал; Kolonna publications, 2005. — 328 с.
2. *Váchal J.* Krvavý roman : studie kulturně a literárně historická / Váchal J. — Praha : Oedon, 1970. — 303 s.

Литература

1. *Агапова А.* Современные переводы чешской прозы на русский язык (социокультурный и транслатологический анализ) : диссертация ... кандидата филологических наук. / А. Агапова. — Оломоуц, 2014. — 199 с.

2. *Артамошкина Л. Е.* Биография поколения : олицетворение истории / Л. Е. Артамошкина — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2012. — 208 с.

3. *Бобраков-Тимошкин А.* «Чешский вопрос» : попытки разобраться в самих себе [Электронный ресурс] / А. Бобраков-Тимошкин // Авторский проект Александра Бобракова-Тимошкина «Чешская культура» — 2002. — 30 августа. — Режим доступа : <http://kultura.prag.ru/litera07.htm>.

4. *Брагинская Н.* Экфрасис как тип текста. (К проблеме структурной классификации) / Н. Брагинская // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. / отв. ред. Г. П. Клепикова. — Москва : Наука, 1977. — С. 259—283.

5. *Бычкова Е. А.* Жизнетворчество как феномен культуры декадана на рубеже XIX—XX веков : диссертация ... кандидата культурологических наук. / Е. А. Бычкова. — Москва, 2001. — 141 с.

6. *Вагнер Р.* Избранные работы / Вагнер Р. / Сост. и коммент. И. А. Барсовой, С. А. Ошерова. — Москва : Искусство, 1978. — 695 с.

7. *Воеводина Л. Н.* Мифотворчество как феномен современной культуры : диссертация ... доктора филологических наук. / Л. Н. Воеводина. — Москва, 2002. — 282 с.

8. *Выготский Л. С.* Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва : Искусство, 1986. — 329 с.

9. *Грякалова Н. Ю.* От символизма к авангарду. Опыт символизма и русская литература 1910—1920-х годов (Поэтика. Жизнетворчество. Историософия) : диссертация ... доктора филологических наук. / Н. Ю. Грякалова. — Санкт-Петербург, 1998. — 355 с.

10. *Иванова О. Н.* «Синтез» в теоретических и художественных практиках XVIII века как философско-теоретический источник концепции Gesamtkunstwerk Р. Вагнера / О. Н. Иванова // Вестник КГУ. — 2007. — № 2. — С. 196—199.

11. *Колесникова А. В.* Жизнетворчество как способ бытия интеллигенции : диссертация ... кандидата философских наук / А. В. Колесникова. — Новосибирск, 2003. — 181 с.

12. *Колянов А. Ю.* Поэтика чешского готического романа 1920—30-х гг. : диссертация ... магистра филологии / Колянов А. Ю. — Санкт-Петербург, 2017. — 101 с.

13. *Лотман Ю. М.* Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств»). — Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. — С. 274—293.

14. *Пигулевский В. О.* Ирония и вымысел : от романтизма к постмодернизму / В. О. Пигулевский. — Ростов-на-Дону : Фолиант, 2002. — 418 с.

15. *Самсонова С. А.* «Fin de siècle» : культурологическая дефиниция и художественные практики : диссертация ... кандидата культурологических наук. / С. А. Самсонова. — Кострома, 2003. — 147 с.

16. *Сапаров М.* Словесный образ и зримое изображение (живопись — фотография — слово) / М. Сапаров // Литература и живопись : сб. статей. — Ленинград : Наука, 1982. — С. 66—93.

17. *Сарычев В. А.* Эстетика русского модернизма : проблема «жизнетворчества» / В. А. Сарычев. — Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1991. — 316 с.

18. *Тимашков А.* Интермедальность как авторская стратегия в европейской художественной культуре рубежа XIX—XX веков : диссертация ... кандидата искусствоведческих наук. / А. Тимашков. — Санкт-Петербург, 2012. — 174 с.

19. *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга / Пер. с нидерландского В. Ошиса. — Москва : Прогресс Академия, 1992. — 452 с.

20. Яценко Е. «Любите живопись, поэты ...» Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель / Е. Яценко // Вопросы философии. — 2011. — № 11. — С. 47—57.
21. Bajerová M. O. Josefu Váchalovi, Pražská imaginace / M. O. Bajerová. — Praha, 1991. — 188 s.
22. Konůpek J. Josef Váchal mezi ostatními, in : Život v umění / J. Konůpek. — Praha : Jan Pohořelý, 1947. — 108 s.
23. Kotek J. Neuchopitelný Josef Váchal. / J. Kotek. — Pelhřimov : Novátiskárna Pelhřimov, 2008. — 119 s.
24. Olič J. Neznámý Váchal: život umělce. 1. vydání. / J. Olič. — Praha — Litomyšl : Ladislav Horáček — Paseka, 2000. — 254 s.
25. Dyrnyk K. Pisma Josefa Váchala. / K. Dyrnyk. — Brno : Arno Sánka, 1930. — 41 s.
26. Wagner R. Das Kunstwerk der Zukunft / R. Wagner // Richard Wagner. Sämtliche Schriften und Dichtungen. 5. Auflage Dritter Band. — Leipzig, 1871. — 334 s.

Статья поступила в редакцию 18.02.2023,
одобрена после рецензирования 10.04.2023,
подготовлена к публикации 24.04.2023.

Material resources

- Váchal, J. (1970). *Krvavý roman: studie kulturně a literárně historická*. Praha: Oedon. 303 s. (In Pol.).
- Váchal, J. (2005). *Bloody romance*. In: Bobrakov-Timoshkin A. (ed.). Tver: Mitin magazine; Kolonna publications. 328 p. (In Russ.).

References

- Agapova, A. *Culture of Russian speech: PhD. Diss.* Olomouc, 2014. 199 p. (In Russ.).
- Artamoshkina, L. E. (2012). *Biography of the generation: the personification of history*. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. 208 p. (In Russ.).
- Bajerová, M. O. (1991). *Josefu Váchalovi, Pražská imaginace*. Praha. 188 s. (In Pol.).
- Bobrakov-Timoshkin, A. (2002). «The Czech Question»: attempts to understand ourselves. Author's project of Alexander Bobrakov-Timoshkin. «Czech Culture». Available at: <http://kultura.prag.ru/litera07.htm>. (In Russ.).
- Braginskaya, N. (1977). *Ekphrasis as a type of text. (On the problem of structural classification)*. Slavic and Balkan linguistics. Carpatho-East Slavonic Parallels. In: Klepikova, G. P. (ed.). Moscow: Nauka. 259—283. (In Russ.).
- Bychkova, E. A. *Culture of Russian speech: PhD. Diss.* Moscow, 2001. 141 p. (In Russ.).
- Dyrnyk, K. (1930). *Pisma Josefa Váchala*. Brno: Arno Sánka. 41 s. (In Pol.).
- Gryakalova, N. Yu. *Culture of Russian speech: Doct. Diss.* St. Petersburg, 1998. 355 p. (In Russ.).
- Huizinga, J. (1992). *Homo ludens. In the shadow of tomorrow*. Moscow: Progress Academy. 452 p. (In Russ.).
- Ivanova, O. N. (2007). «Synthesis» in the theoretical and artistic practices of the XVIII century as a philosophical and theoretical source of the concept of R. Wagner's Gesamtkunstwerk. Vestnik KSU. 2: 196—199. (In Russ.).
- Kolesnikova, A. V. *Culture of Russian speech: PhD. Diss.* Novosibirsk, 2003. 181 p. (In Russ.).
- Kolyanov, A. Yu. *Culture of Russian speech: PhD. Diss.* St. Petersburg, 2017. 101 p. (In Russ.).

- Konůpek, J. (1947). *Josef Váchal mezi ostatními*, in : *Život v umění*. Praha: Jan Pohořelý. 108 s. (In Pol.).
- Kotek, J. (2008). *Neuchopitelný Josef Váchal*. Pelhřimov: Novátiskárna Pelhřimov. 119 s. (In Pol.).
- Lotman, Yu. M. (2002). Abstracts to the problem «Art in a number of modeling systems». *Articles on the semiotics of culture and art (Series «World of Arts»)*. Saint Petersburg: Academic project. 274—293. (In Russ.).
- Olič, J. (2000). *Neznámý Váchal: život umělce. 1. vydání*. Praha. Litomyšl: Ladislav Horáček. Paseka. 254 s. (In Pol.).
- Pigulevsky, V. O. (2002). *Irony and fiction: from romanticism to postmodernism*. Rostov-on-Don: Tome. 418 p. (In Russ.).
- Samsonova, S. A. *Culture of Russian speech: PhD. Diss.* Kostroma, 2003. 147 p. (In Russ.).
- Saparov, M. (1982). Verbal image and visible image (painting — photography — word). *Literature and painting: coll. articles*. Leningrad: Nauka. 66—93. (In Russ.).
- Sarychev, V. A. (1991). *Aesthetics of Russian modernism: the problem of «life-creation»*. Voronezh: Voronezh University Publishing House. 316 p. (In Russ.).
- Timashkov, A. *Culture of Russian speech: PhD. Diss.* St. Petersburg, 2012. 174 p. (In Russ.).
- Voevodina, L. N. *Culture of Russian speech: Doct. Diss.* Moscow, 2002. 282 p. (In Russ.).
- Vygotsky, L. S. (1986). *Psychology of art*. Moscow: Art. 329 p. (In Russ.).
- Wagner, R. (1871). *Das Kunstwerk der Zukunft*. Sämtliche Schriften und Dichtungen. 5. Auflage Dritter Band. Leipzig. 334 s. (InPol.).
- Wagner, R. (1978). *Selected works*. In: Barsova, I. A., Osherova, S. A. Moscow: Art. 695 p. (In Russ.).
- Yatsenko, E. (2011). «Love painting, poets...» Ekphrasis as an artistic and ideological model. *Questions of Philosophy*, 11: 47—57. (In Russ.).

*The article was submitted 18.02.2023;
approved after reviewing 10.04.2023;
accepted for publication 24.04.2023.*

Сердечная В. В. Переводческие стратегии М. Кузмина при переводе Шекспира / В. В. Сердечная, Д. Н. Жаткин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 269—290. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-269-290.

Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N. (2023). Translation Strategies of M. Kuzmin in Translating Shakespeare. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 269-290. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-269-290. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-269-290

Переводческие стратегии М. Кузмина при переводе Шекспира

Сердечная Вера Владимировна¹
orcid.org/0000-0001-8718-3556

доктор филологических наук, доцент,
кафедра зарубежной литературы
и сравнительного культуроведения
rintra@yandex.ru

Жаткин Дмитрий Николаевич²

orcid.org/0000-0003-4768-3518

доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой перевода
и переводоведения
ivb40@yandex.ru

¹ Кубанский
государственный университет
(Краснодар, Россия)

² Пензенский государственный
технологический университет
(Пенза, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках реализации работ по гранту Российского научного фонда № 22-18-00027 «Шекспир и русская литература начала XX века (традиции, реминисценции, переводы, литературно-критическая рецепция)»

Translation Strategies of M. Kuzmin in Translating Shakespeare

Vera V. Serdechnaya¹

orcid.org/0000-0001-8718-3556

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Literature
and Comparative Cultural Studies
rintra@yandex.ru

Dmitry N. Zhatkin²

orcid.org/0000-0003-4768-3518

Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Translation
and Translation Studies
ivb40@yandex.ru

¹ Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

² Penza State
Technological University
(Penza, Russia)

Acknowledgments:

The article was prepared as part of the work under the grant of the Russian Science Foundation № 22-18-00027 “Shakespeare and Russian literature of the early 20th century (traditions, reminiscences, translations, literary critical reception)”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается рецепция произведений Уильяма Шекспира в переводах Михаила Кузмина (1872—1936). Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью рецепции творчества Шекспира в наследии Кузмина, в том числе в его переводческом наследии. Новизна исследования состоит в комплексном осмыслении места Шекспира в творческой деятельности М. Кузмина, в том числе как переводчика и театрального критика; в восстановлении шекспировского контекста в творчестве рассматриваемого автора; в аналитическом осмыслении переводческих стратегий Кузмина в контексте новых переводов Шекспира в СССР; в обращении к недавно обнаруженным переводам Кузминым сонетов Шекспира, а также в уточнении литературно-исторической судьбы этих переводов в контексте оригинального литературного и музыкального творчества самого Кузмина. Особое внимание уделено воссозданию шекспировского контекста в биографии и творчестве Кузмина с использованием архивных документов, а также анализу своеобразия его переводческих приемов и исследованию научной ценности опубликованной в 2022 году рукописи 89 сонетов Шекспира в его переводе. Отмечается, что предпринятая публикация является лишь проектом, о чем свидетельствуют грубые фактические ошибки подготовки издания, отсутствие необходимого научного аппарата.

Ключевые слова:

Михаил Кузмин; Уильям Шекспир; перевод сонетов; раннесоветский театр; переводческие стратегии; принципы перевода; точный перевод; рецепция Шекспира.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the reception of the works of William Shakespeare in the translations of Mikhail Kuzmin (1872—1936). The relevance of the research is due to the insufficient study of the reception of Shakespeare's work in the heritage of Kuzmin, including in his translation heritage. The novelty of the study lies in a comprehensive understanding of the place of Shakespeare in the creative activity of M. Kuzmin, including as a translator and theater critic; in the restoration of the Shakespearean context in the work of the author in question; in the analytical understanding of Kuzmin's translation strategies in the context of new translations of Shakespeare in the USSR; in addressing the recently discovered translations of Shakespeare's sonnets by Kuzmin, as well as in clarifying the literary and historical fate of these translations in the context of the original literary and musical creativity of Kuzmin himself. Particular attention is paid to the reconstruction of the Shakespearean context in the biography and work of Kuzmin using archival documents, as well as the analysis of the originality of his translation techniques and the study of the scientific value of the manuscript of 89 Shakespeare's sonnets published in 2022 in his translation. It is noted that the attempted publication is only a project, as evidenced by the gross factual errors of the editors of the publication, the lack of the necessary scientific apparatus.

Key words:

Mikhail Kuzmin; William Shakespeare; translation of sonnets; early Soviet theater; translation strategies; principles of translation; accurate translation; Shakespeare reception.

УДК 82.091+821.161.1Кузмин.032+821.111Шекспир.03=161.1

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Переводческие стратегии М. Кузмина при переводе Шекспира

© Сердечная В. В., Жаткин Д. Н., 2023

1. Введение = Introduction

Роль Михаила Кузмина в истории русского художественного перевода по определенным культурно-историческим причинам долго оставалась недооцененной. В особенности важно обратить внимание на Кузмина-переводчика и применяемые им стратегии в контексте обнаружения и публикации его переводов шекспировских сонетов, выполненных в 1930-е годы. Эти рукописи, считавшиеся утраченными, были найдены и опубликованы в 2022 году: оказалось переведено 89 сонетов, а не 101 или 110, как считалось ранее [Бабенко, 2022; Шайтанов, 2022].

Воссоздание шекспировского контекста жизни и творчества Кузмина, а также формулировка его переводческих стратегий пока не становились материалом научного исследования. Между тем Шекспир занимал важное место в творческих ориентирах Кузмина, а его перевод «Короля Лира», наряду с переводами Радловой, оказался важнейшим шагом к формированию проблематики разговора о новом советском Шекспире.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили обнаруженные и опубликованные в 2022 году переводы сонетов Шекспира Кузминым, а также его переводы пьес Шекспира, дневники и письма, в том числе архивные, театральная критика Кузминым постановок по Шекспиру и собственные произведения Кузмина, отсылающие к шекспировскому наследию.

Цели исследования состоят в заполнении «белых пятен» русской шекспирианы первой половины XX века на материале творчества М. Кузмина как переводчика и театрального критика; восстановление шекспировского контекста в творчестве рассматриваемого автора, а также осмысление переводческих стратегий Кузмина в контексте новых переводов Шекспира в СССР.

Особое внимание в работе уделено архивным документам, позволяющим подробно воссоздать ландшафт литературного процесса того периода, и аналитическому осмыслению проекта перевода сонетов Шекспира Кузминым.

Только в конце 1980-х годов появились исследования, касающиеся его перевода байроновского «Дон Жуана» [Гаспаров, 1988; Багно, 2006; Богомолов, 2013а], переводов из Гёте [Ратгауз, 1988, с. 52—55; Переписка..., 1993; Donat, 2002], из Тредиаковского [Гардзонио, 2015], из Петрарки [Пильщиков, 2015], а также переводных фрагментов для музыкального театра [Дмитриев, 1995]. О шекспировских же переводах Кузмина (а до 2022 года были доступны переводы девяти пьес Шекспира) написано сравнительно немного: это обобщающая популярная статья А. Н. Горбунова [Горбунов, 1990], а также уточняющие сведения и стилистические наблюдения о переводе «Короля Лира» [Багно, 2006; Куранда, 2015].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Шекспир в жизни Кузмина

Кузмин столкнулся с Шекспиром довольно рано, еще до гимназии. Так, в письме Г. Чичерину он вспоминает, что подслушал в детстве, как его «поэтическая и оригинальная сестра» читала слова Гермiony из «Зимней сказки» Шекспира («тихой, синей отградой повеяло на меня»), и решил сам почитать эту книгу: «Ты знаешь ли чтения ночью, когда весь в жару и трепете пожираешь запрещенные страницы, полные крови, любви, смерти и эльфов, а ночь, как черная лента, тянется долго, долго?» [Богомолов, 2013б, с. 20]. Он и разыгрывал Шекспира: «А первый кукольный театр! Чудо! Даже теперь я весь покраснел от удовольствия. И волшебный фонарь, и китайские тени, и опера, и драма. Оперы я всегда и сочинял, и пел своим тоненьким гибким голосом сам, содержание всегда сам сочинял. Драмы же брал Шекспира, может быть, я смешной и претенциозный мальчуган, но я был так стыдлив, так счастлив и горяч!» [Кузмин, 1977, с. 22].

Кузмин относится к Шекспиру двояко, в контрапункте романтического и гротескно-телесного начал: так, он характеризует стиль Шекспира и Гофмана как «живую поэтичную фантастичность» [Богомолов, 2013б, с. 40], но в дневниковой записи отмечает и «какой-то цинизм Шекспира» [Там же, с. 163]. Когда в письме В. Руслову 1907 года Кузмин пишет: «Я люблю в искусстве вещи или неизгладимо жизненные, хотя бы и грубоватые, или аристократически уединенные» [Там же, с. 168], — то в первой части противопоставления он имеет в виду эстетику Шекспира. Кузмин писал в рецензии на издание Марло о витальности эстетики шекспировской поры: «Эпоха Шекспира в Англии более, чем какая бы то ни было мировая литература, проникнута духом трепетной жизни и пышной экзальтации. Причем эта экзальтированность и страстная напряженность происходит не от мечтательности, не от отвращения от современной жизни, как у не-

мецких романтиков, а от полнокровной, плотской жизненности. У любого третьестепенного автора той эпохи каждое слово полно неискоренимой жизни, общей талантливости и чувственной, “кровяной” радости» [Кузмин, 2000, с. 76]. Таким образом, для Кузмина в Шекспире воплощается полнокровность жизни, сочетание вдохновенной экзальтации и страстной материальности.

В эссе «Дездемона (Красавица и зверь)» в 1920 году Кузмин размышляет над образом шекспировской героини, возводя его к архетипическим образам красавицы и чудовища, отмечая амбивалентность образа: «Фактически Дездемона — оклеветанная добродетель и жертва, но, взглядевшись, видишь, к каким первобытным и странным глубинам восходит этот тип; почти восточными легендами веет от этой венецианской истории» [Кузмин, 2000, с. 186].

Кузмин работает с Шекспиром и как композитор. Так, он написал музыку на ряд сонетов (№ 18—19, 30, 32, 48, 52 и 74) [Malmstad, 1977, с. 73]. Л. Д. Зиновьева-Аннибал просила его написать музыку к ее комедии в стихах по мотивам «Сна в летнюю ночь», что он сделать, однако, так и не собрался [Богомолов, 2013б, с. 163].

Кузмин неоднократно упоминает Шекспира как того, кто повлиял на его собственный стиль [Кузмин, 1977, с. 261]. Ранний рецензент Кузмина Н. Коробка напрямую обвинял его в том, что эстетика его стихов выводится, в частности, из шекспировской «Бури» [там же, с. 411].

Не случайно, очевидно, поэтический дебют Кузмина — это сонеты, которые кончаются «по-шекспировски» двумя смежно зарифмованными строками [Марков, 1977, с. 326]. Кузмин упоминает Шекспира и его героев и в своей прозе: в повести «Крылья» (1906), рассказах «Капитанские часы» (1913), «Федра» (1915) и др.

В творчестве Кузмина активное упоминание имени Шекспира относится к послереволюционному периоду. Так, в стихотворении «Пламень Федры» (1921) он упоминает в характеристике «узкобедного отрока», Ипполита, героев шекспировских сонетов:

Ты — бесплодный,
Ты — плодоносный,
Сеятель мира,
Отец созданий,

По которым томятся сонеты Шекспира [Кузмин, 1978, с. 368].

Сонеты упоминаются и в «Третьем ударе» (1927) цикла «Форель разбивает лед»:

Вы только что ушли, Шекспир
Открыт, дымится папироса...
«Сонеты!» Как несложен мир
Под мартовский напев вопроса! [Кузмин, 1978, с. 450].

В стихотворении «Тот» (1927), вошедшем в цикл «Для августа», английский поэт ассоциируется с модернистским эстетизмом: «Сидит у столика и пишет, — / Тут каждый Бердсли и Шекспир» [Кузмин, 1978, с. 497]. Таким образом, Шекспир соотносится с контекстом эстетизма и модерна.

Кузмин в своей рецепции Шекспира все время включает его в более широкие контексты. Так, например, в его лирическую поэму для музыки «Лесок» (1922) вошли три части — «Шекспировский лесок» (для голоса, фортепьяно, кларнета, валторны, виолончели), «Гофмановский лесок» (для голоса, фортепьяно, двух скрипок, гобоя) и «Апулеевский лесок» (для голоса, фортепьяно, альты, флейты, арфы). В «Шекспировском леске», написанном попеременно стихами и прозой, отражено впечатление о чудесном, радостном и фантазийном содержании шекспировских комедий:

Пристанище свиданьям,
О, лес! о, лес! о, лес!
Взволнованный дыханьем
Шекспировых чудес! [Кузмин, 1978, с. 540].

Однако с этой легкостью и красотой Кузмин совмещает и трагические ноты: в стиле эстетизированной полуиронической миниатюры представлены шекспировские сюжеты о Венере и Адонисе, а также о Ромео и Джульетте: «Графу Парису не стоит жалеть о пышной надгробной надписи, предназначавшейся для пятнадцатилетней невесты. Ромео навеки соединен с нею в памяти и влюбленном искусстве. Капулетти в халате протягивает руку Монтеки, контрабасы режут, почтительно сдерживая радость. Публика может расходиться» [Там же, с. 543]. Для этого текста характерна интертекстуальная и интермедийная игра: так, пухлая Венера лежит на подушках, как у Рубенса, упоминается герой Уайльда Вилли Хьюз; как отмечает Дж. Мальмстад, «“пастушеский король” в “Приглашении”, фокстерьеры в эпизоде Венеры и Адониса, “пышная надгробная надпись” для Джульетты в № 9 к Шекспиру отношения не имеют» [Мальмстад, 1977, с. 699], то есть Кузмин снова расширяет контекст, включая Шекспира в многообразное культурное пространство.

3.2. Кузмин как критик постановок по Шекспиру в СССР

Как драматург, театралный критик и большой знаток Шекспира, в особенности ценитель его комедийного дара, Кузмин писал критику на

его постановки в советской России. Будучи и композитором, и поэтом, он умел судить о постановке разносторонне, в отличие от дореволюционной критики, сосредоточенной на актерской игре [Богомолов, 20136, с. 254]. Свои заметки и статьи по шекспировским постановкам он, в том числе, публикует в сборнике «Условности» (Пг., 1923).

Так, в 1919 году он писал в «Жизни искусства» о постановке «Много шума из ничего» в Большом драматическом театре (режиссер Н. Арбатов) весьма язвительно, отмечая: «Поставлена комедия замечательно банально, напоминая утренники в Суворинском театре в доброе старое время» [Кузмин, 2000, с. 166]. Он также критикует сценографию А. Радакова, его «“феерические” краски очень дешевого пошиба», однако высоко оценивает музыку Ю. Шапорина и игру артистов: «если все прелести, вся свежесть Шекспира доходили до публики, то это заслуга таланта отдельных исполнителей» [Там же, с. 166—168].

Также он в 1921 году пишет о «Двенадцатой ночи», поставленной в том же театре Н. Петровым, приходя к выводу: «Главным недостатком было отсутствие какого-то внутреннего благородства и чувства меры (особенно при наличии музыкального замысла), суетливость и крикливость комических сцен, мелкая раздробленность и эмоциональная тормозливость мест лирических» [Кузмин, 2000, с. 197].

В том же 1921 году в рецензии на постановку Государственной комической оперы «Без козырей» (по «Виндзорским кумушкам» Шекспира) Кузмин отмечает: «Была обычная постановка К. А. Марджанова, несколько более вялая и неподвижная по сравнению с другими <...> Неподвижность и некоторая унылость постановки особенно были заметны в сцене попойки и в заключительной картине, где грязные, серо-зеленые эльфы решительно не знали, что делать с неподвижным и достопочтенным рыцарем. О ритме всей вещи, по-моему, благоразумнее было бы помолчать» [Кузмин, 2000, с. 205]. Будучи композитором и литератором, Кузмин оценивает несколько уровней постановки, от музыкальной части до либретто.

В рецензии на «Двенадцатую ночь» Московской студии Кузмин отмечает, что в пьесах Шекспира есть музыкальное начало: «если разобрать пресловутое слияние в шекспировских пьесах трагического и лирического с комическим и буффонным, мы найдем ту же музыкальную последовательность» [Кузмин, 2000, с. 553]. Он пишет по поводу самой постановки, что упрощение и низведение комедии до бытового театра ее обединило: «Добросовестная, внятная (немного ученическая) читка, естественные движения, натуральная постановка оказались недостаточными <...> Самый же замысел и план постановки шекспировской комедии мне кажется раздробленным, лишенным театральности и поэзии, напрас-

но (хотя и честно) опрошенным, немного стерилизованным» [Там же, с. 553—554].

Также в 1926 году Кузмин пишет актерский портрет Монахова-Шейлока, отмечая, что тот «сделал из венецианского еврея незабываемую, правда, живую и мрачную фигуру на втором плане, как таинственное напоминание, как туча на безоблачном небе» [Кузмин, 2000, с. 448].

Можно сказать, что Кузмин прошел типичный для многих раннесоветских поэтов «из бывших» путь: он все меньше мог печатать собственные произведения, но все больше был вынужден зарабатывать окололитературным трудом, в частности, театральной критикой или переводами, которые в 1930-е годы стали, по всей видимости, составлять основу его заработка.

3.3. Кузмин как переводчик шекспировских пьес

История переводов Кузмина из Шекспира начинается в поздних 1920-х годах, когда зародился проект новых советских переводов Шекспира, позднее прочно ассоциированный с издательством «Academia». Как писал директор издательства (в недавнем прошлом — один из руководителей молодого советского государства) Л. Каменев, «после ближайшего анализа существующих на русском языке переводов Шекспира нам пришлось отказаться от мысли ввести в наше издание хотя бы одно из произведений Шекспира в старом переводе <...> снабжать нового советского читателя старыми поделками было бы преступлением» [Каменев, 1934, с. 8]. Редактор издательства А. Смирнов отмечал, что в СССР выполнены «небывалой до сих пор у нас точности» переводы Анны Радловой, а также М. Кузмина («Король Лир») и М. Лозинского («Гамлет») [Смирнов, 1933, с. 3].

Кузмин в своем предисловии к переводу «Короля Лира» отмечает: «Почему нас не удовлетворяют и никак не могут удовлетворить старые переводы Шекспира? <...> Потому, что с изменением взгляда на творчество Шекспира изменились и требования, предъявленные к передаче его словесного материала» [Кузмин, 2000, с. 515]. Кузмин предъявляет к новым переводам требования, созвучные переводческой стратегии издательства «Academia»: «...конкретность, вещность образов и выражений, полновесность и насыщенность. Не прибегать к смягчениям и замазываниям, хотя бы для современных ушей выражения и казались грубыми и резкими! <...> Желательно, чтобы перевод был удобен для произнесения вслух и передавал с возможною гибкостью интонационные оттенки» [Там же]. В архивной версии этих замечаний от переводчика Кузмин более подробно пишет о принципах своих вынужденно допускаемых переводческих трансформаций: «Чаше всего приходится пропускать местоимения *я, он, она, моя, твоя, своя*, когда этот пропуск не слишком затемняет смысл <...> Часто эти пропуски возмещаются предполагаемыми, но очевидными для всякого

читателя ремарками, и это вполне в духе языка Шекспира, насыщенного потенциальным действием и полного прямых указаний [при отсутствии ремарок] на действия персонажей» [Поправки к переводу ..., с. 98—100].

После «Короля Лира» он перевел еще восемь пьес: «Бесплодные усилия любви», «Веселые виндзорские кумушки», «Укрощение строптивой», «Два веронца», «Много шума попусту», «Буря» и «Генри IV», части 1—2 — две последние совместно с В. Морицем [Malmstad, 1977, с. 301]. Дж. Мальмстад неточно указывает, что все эти пьесы были опубликованы в 1937—1950 годах в полном собрании сочинений (ПСС) Шекспира под редакцией Смирнова и Динамова [Malmstad, 1977, с. 301]; в действительности перевод «Бури» был напечатан только в 1990 году [Шекспир, 1990].

Также эти переводы пьес, даже не будучи еще опубликованными, принимались в репертуары театров. Кузмин пишет в 1934 году, что одним из источников его дохода стали принятые театрами переводы Шекспира [Кузмин, 1998, с. 29]. Лишенный к 1930-м годам возможности публиковаться, Кузмин видел в переводческой работе издательства «Academia» важнейшее содержание жизни. Он писал в 1935 году: «...мне, особенно теперь, ужасно важно от времени до времени получать сведения о ходе дел и издательства, и моих лично. Тогда я чувствую себя в числе живых людей» [Письмо, 1935, с. 101]. В архиве издательства остались письма Кузмина, где он просит поспешить с выплатами. В 1933 году он пишет: «...не откажите передать мою убедительную просьбу о высылке мне счета и денег, так как мне очень трудно, катастрофически трудно в связи с концом квартала» [Письма Кузмина, с. 27]; в 1934 году: «...также, если можно, поторопиться и с начислением (60 %) по этой вещи. Ведь здесь выплаты ужасно задерживаются, так что между ордером и деньгами целая бездна» [Письма Кузмина, с. 37].

Область переводческого интереса Кузмина сосредоточивается в основном на комедиях, «где все — блеск и движение, буффонство, поэзия, гротески и приключения» [Кузмин, 2000, с. 131]. Он сам комментирует это «разделение труда» переводчиков в дневнике 1934 года: «Вроде Шекспировского лабаза: у Ан. Дм. <Радловой> — трагедии, у меня — комедии, как она и мечтала» [Кузмин, 1998, с. 99]; Радлова действительно была знаменита переводами трагедий Шекспира.

Самую суровую критику Кузмин-переводчик, как и другие переводчики Шекспира для изданий «Academia», придерживавшиеся принципов эквилинеарности, получил от К. Чуковского. В статье 1935 года «Единоборство с Шекспиром» тот обрушивался на новых переводчиков: «Никакого Шекспира тут нет» [Чуковский, 1935, с. 182]; в дальнейшем он писал о «приверженцах механистического метода», оставивших после

себя ряд переводов, «исполненных на основе порочной теории и потому непоправимо уродливых» [Чуковский, 1968, с. 60]. О переводе «Короля Лира» Кузминым Чуковский замечает, что «в нем искажение текста производится одиннадцатью различными способами» [Чуковский, 1935, с. 182], определяя их инвективно: «превращение черного в белое»; «идиотизация текста»; «превращать ... стих в некоторое подобие прерывистого собачьего лая»; «противоестественное сжатие слов»; «обесцвечивание» [Там же, с. 182—184]. В архивной рецензии на отредактированный Анной Радловой кузминский перевод «Короля Лира» Чуковский пишет: «Теперь этот перевод неузнаваем ... стал вдвое лучше» [Отзыв о переводе..., с. 61].

Идеологическим фоном споров о стратегиях перевода в конце 1930-х годов стало осуждение «формализма» (как и «натурализма»). Формирование канона советского переводного Шекспира было напрямую связано с определением художественного метода советской литературы, впоследствии названного социалистическим реализмом. Кроме того, «совершенно закономерно, что хороший переводчик был со временем объявлен переводчиком-реалистом, а хороший метод художественного перевода — реалистическим» [Азов, 2013, с. 42]. Очевидно, что переводческие стратегии издательства «Academia» легко укладывались в формулировку «формализма». Так, Д. Мирский в отзыве на один из переводов Кузмина упоминал «формалистические, механистические и объективно вредительские установки недавно еще неограниченно влиятельной школы» перевода [цит. по: Богомолов, 2013б, с. 86].

Переводы М. Кузмина, как и большинство переводов Радловой, после выхода ПСС исчезли из печати — вплоть до 1990-х годов.

Переводы драматургии Шекспира Кузминым отличаются лаконичностью и стремлением добиться максимального соответствия количеству строк и размеру подлинника. Очевидно, что на этом пути несоответствие структуры языка оригинала и языка перевода служило важнейшим, труднопреодолимым препятствием, однако Кузмин это препятствие, как правило, обходит. Текст его начинает звучать суше, но ярче, чем у большинства его предшественников. Сопоставим первые строки «признания» Гонерильи в переводах «Короля Лира» Кузминым и его предшественниками.

Оригинал:

Sir, I love you more than words can wield the matter;
Dearer than eye-sight, space, and liberty... [Шекспир, 1936, с. 10].

А. Дружинин:

Сэр! Вас люблю я больше,
Чем выразить то можно слабым словом,
Чем свет очей, пространство и свободу... [Шекспир, 1857, с. 51]

А. Соколовский:

Вас люблю

Я выше всяких слов! Вы мне дороже,

Чем Божий мир, чем солнца ясный свет!

Люблю я вас как радость, как свободу!.. [Шекспир, 1884, с. 7]

На этом фоне **перевод Кузмина** оказывается наиболее точным и сжатым по мысли:

Я так люблю вас, что сказать не в силах.

Вы мне дороже глаз, свободы, мира... [Шекспир, 1936, с. 11].

Важно отметить, что уже в этом первом переводе из Шекспира Кузмин достаточно близко передает и комические эпизоды. Так, его перевод одной из первых реплик Глостера, о законном сыне Эдгаре, вместе весьма точен и стилистически выдержан на грани скабрезной шутки, что соответствует стилю каламбуров Шекспира: «though this knave came something saucily into the world before he was sent for, yet was his mother fair; there was good sport at his making, and the whoreson must be acknowledged» [Шекспир, 1936, с. 6]. Кузмин переводит: «Хоть этот малый несколько нахально появился на свет божий, раньше, чем его пригласили, но мать его была очень мила. Делать его мне доставило большое удовольствие, так что мне никак нельзя было не признавать его» [Шекспир, 1936, с. 7]. Дружинин в этом месте просто сокращает текст: «Есть у меня еще сын законный, постарше» [Шекспир, 1857, с. 50]; Соколовский стремится передать шутку, но несколько уходит от сути и делает Эдгара также не вполне законным сыном Глостера: «Этот мальчишка, правда, выскочил на свет названный, непрошенный; но мать его заставила бы согрешить хоть кого, а потому и пришлось признать незаконное родным» [Шекспир, 1884, с. 5—6].

Дальнейшие переводы Кузмина, большей частью переводы комедий, также оказываются выдержаны в стратегиях точности и ясности, эквивалентности, — другими словами, в концепции филологически точного перевода.

При этом перевод шуток Шекспира, как и юмора, основанного на языковой игре в целом, является непростой задачей и для Кузмина. Например, не удастся ему передать игру слов в самом начале «Виндзорских кумушек»: так, у Шекспира здесь игра со значениями слова «coat» как «герб» и «плащ», а также с созвучными словами «luses» (геральдические шуки) и «louses» (вши); у Кузмина перевод точен, он не ищет замены, но шутки не получается: «Они имеют право на то, чтоб у них было вшито двенадцать белых шук в мантию <...> Вши-то очень идут к старой мантии, да еще двенадцать штук» [Шекспир, 1937, т. 1, с. 485].

Однако в более простых случаях шуток, основанных на логике, а не на игре слов, Кузмин более коммуникативно успешен; так, в переводе эпизода из «Укрощения строптивой» он вполне обоснованно дает вариант перевода «conserves» как «компот», что позволяет сохранить нужный оксюморный смысл и придает комический оттенок характеристике персонажа: «Хересу я отродясь не пил, а если вы мне компот хотите дать, то дайте компот из говядины» [Шекспир, 1937, т. 2, с. 40]; ср. в оригинале: «I ne'er drank sack in my life; and if you give me any conserves, give me conserves of beef»¹.

Кузмин стремится к передаче разговорно-игрового стиля комедий Шекспира, порой возвышаясь до свойственной ему в его оригинальном и переводном творчестве (можно вспомнить его перевод «Золотого осла» Апулея) изысканной легкости: «...у нее кроме того есть еще на семьсот фунтов монет, да золота, да серебра, которое ее дед на смертном одре (дай бог ему радостного воскресения!) отказал ей, когда она будет в состоянии иметь семнадцать лет от роду; это не плохой куш, если вы, бросив всякие ссоры и пересвары, пожелаете устроить брак...» [Шекспир, 1937, т. 1, с. 485]; ср. в оригинале: «and seven hundred pounds of moneys, and gold and silver, is her grandsire upon his death's-bed--Got deliver to a joyful resurrections! — give, when she is able to overtake seventeen years old: it were a goot motion if we leave our pribbles and prabbles, and desire a marriage». Кузмин стремится передать и ироничный полуофициальный тон («будет в состоянии иметь семнадцать лет от роду»), и аллитерации («ссоры и пересвары»).

Особенно явно направленность Кузмина на точность и легкий тон перевода отражается в передаче стихов. Так, в реплике Валентина, открывающей комедию «Два веронца», он сохраняет и количество строк, и размер, и непринужденность почти афористического выражения: «У домоседа доморощен ум» [Шекспир, 1937, т. 2, с. 40] (ср.: «Home-keeping youth have ever homely wits»); и рифмовку последнего двустушия: «Но раз влюблен — люби. Желая счастья, / Как и себе б желал, познай лишь страсть я» [Там же] (ср.: «But since thou lovest, love still and thrive therein, / Even as I would when I to love begin»).

Среди других переводов — «Буря» в варианте Кузмина была опубликована только в 1990 году. Сравнение ее с переводом Т. Л. Щепкиной-Куперник, который вошел в собрание сочинений «Academia» вместо кузминского, показывает несколько тенденций.

В передаче прозы Кузмин в большей степени следует стремлению к разговорной речи, Щепкина-Куперник — к письменно-литературной. Так, приведем показательный пример. Оригинал: «Do you not hear him?

1 Оригиналы текстов Шекспира здесь и далее, если не указано иное, приводятся по электронному собранию сочинений: <http://shakespeare.mit.edu>.

You mar our labour: keep your cabins: you do assist the storm». Кузмин: «Что ж вы не слышите его? Вы нашу работу на нет сводите. Сидите в каютах. Тут вы шторму на руку» [Шекспир, 1990, с. 328]. Щепкина-Куперник: «Не слышите, что ли, где он? Вы мешаете нам работать. Сидите в своих каютах. Так вы только буре помогаете» [Шекспир, 1949, с. 345]. У Кузмина рубленные, резкие фразы; у Щепкиной-Куперник — литературно правильные; если учесть контекст: боцман прогоняет господ с палубы в бурю — Кузмин оказывается тут интонационно точнее.

В переводе стихов Щепкина-Куперник, в общем достаточно точная, иногда отступает от размера оригинала: так, например, эпилог, написанный у Шекспира четырехстопным хореем, Щепкина-Куперник передает четырехстопным ямбом.

Таким образом, переводы пьес Шекспира были важной частью последнего десятилетия жизни Кузмина, в том числе источником заработка, в частности, при постановке их в театрах: «Король Лир» в театре ГОСЕТ и «Укрощение строптивой» в Театре Красной армии [Горбунов, 1990, с. 14].

3.4. Кузмин как переводчик сонетов

Сонеты Шекспира были объектом внимания и стали предметом перевода Кузмина довольно рано. Он уподоблял сонетам музыку Дебюсси [Кузмин, 1998, с. 128] и вообще воспринимал их в музыкальном контексте, в частности, писал на них музыку.

Над переводами сонетов Кузмин работал эпизодически с 1917 года [Malmstad, 1977, с. 195; Кузмин, 1998, с. 188], о чем косвенно свидетельствует, в частности, вышеприведенная цитата из цикла «Форель разбивает лед». В марте 1931 года сонеты и поэмы Шекспира в переводе Кузмина включаются в издательский план «Academia»; Кузмин активно занимается их переводом, в особенности после 1934 года [Malmstad, 1977, с. 301]. 8 июня 1935 года издательство заключило с Кузминым договор на перевод сонетов Шекспира к 1 января 1936 года; 10 сентября 1935 года он получил аванс [Кузмин, 1998, с. 188]. Однако рукопись так и не была подготовлена к печати полностью, и до 2022 года переводы Кузмина считались утраченными.

Публикация избранных переводов обнаруженных сонетов в «Вопросах литературы» [Шайтанов, 2022], а затем и отдельным изданием [Шекспир, 2022] открывает новую страницу в русской рецепции Шекспира — не только раннесоветской, но, скорее, рецепции Серебряного века, поскольку Кузмин в своем творчестве воплощает, несомненно, традиции дореволюционного модерна.

Тем неприятнее отмечать неточности в публикации столь долгожданных памятников: в издании «Библиохроники» вместо сонетов 5 и 6 ошибочно повторены переводы сонетов 2 и 3; после сонета 24 идет 27-й, вме-

сто сонета 38 вторично напечатан сонет 37; вместо 67-го — повторно 66-й; вместо 73 — повторно 70-й. В более авторитетной публикации Шайтанова ненапечатанные сонеты (5, 6, 25—26, 38, 67, 73) не приведены. Таким образом, пока нельзя говорить о том, что вся рукопись обнародована, и сонеты Шекспира в переводе Кузмина, очевидно, еще ждут академической публикации, — поскольку публикация «Библиохроники» выглядит во многом сомнительной.

Некоторые особенности публикации намекают на возможность простых опечаток, то есть редакторской небрежности, например, окончание в слове «оплаченных» в сонете 30-м: «Я список дней оплаканных держу / И вновь плачу оплаченных уж счет» [Шекспир, 2022, с. 69], — очевидно, по всей логике, здесь должна стоять согласованная с определяемым словом форма «оплаченный». Также предполагаем опечатку (по крайней мере, без редакторского комментария) в одном из стихов 10-го сонета: «Но *лено* — сам не любишь никого» (курсив наш. — В. С., Д. Ж.) [Шекспир, 2022, с. 69].

Впрочем, некоторые выводы можно сделать и на основе даже столь небрежно и с грубыми ошибками опубликованных материалов, за неимением иных.

В первую очередь, обращает на себя внимание незавершенность перевода Кузмина — не только по количеству сонетов, но и по их стилистической структуре. Так, например, обращаясь к адресату, лирический герой в переводе говорит то «ты», то «вы», без видимой мотивации.

Далее, некоторые из сонетов представляют собой отделанные стихи без видимых стилистических неудач; другие же кажутся неловкими и как будто недоредактированными. Приведем в пример перевод знаменитого 66-го сонета. Первые его строки, будучи почти что подстрочным переводом шекспировских «Tired with all these, for restful death I cry / As, to behold desert a beggar born...», на русском выглядят грамматически неверно: «Усталый от всего, я смерть кричу / Что добродетель нищей входит в свет...» [Шекспир, 2022, с. 107]. Из-за этой подачи, нарушающей законы сочетаемости, весь сонет, выстроенный по законам анафоры и с точной рифмовкой, оказывается логически неясным, и лишь последние две строки, сонетный замок, оказываются достаточно адекватны мысли Шекспира, сохраняя важный образ любви: «Усталый от всего, жду смерть, как рая. / Но как любовь оставлю, умирая?» [Там же].

Можно отметить в некоторых сонетах и другие не слишком удачные решения, говорящие, по всей видимости, о том, что переводы не были завершены и даже близки к завершению на разных уровнях.

На уровне ритмики можно отметить довольно редкие нарушения ямбического ритма: «Себя найдешь *после своей* кончины» (сонет 13) (курсив наш. — В. С., Д. Ж.) [Шекспир, 2022, с. 49]; «*Против* тебя веду процесс с искусством» (сонет 35) (курсив наш. — В. С., Д. Ж.) [Там же, с. 75].

Рифмы достаточно простые, часто глагольные и местоименные, и встречаются даже неточные, как будто не отделанные: так, например, используется рифмовка «одно» — «одного» в конце 42-го сонета [Там же, с. 82]. Изысканная рифмовка, почти по законам монорима, выдержана лишь в переводе 87-го сонета (где и в оригинале большинство рифм на -ing):

Ты дал мне добровольное владенье,
Но чем мог заслужить такую дань я?
Причины нет для твоего даренья,
И ты мои отвергнул притязанья [Там же, с. 132].

На уровне лексики можно увидеть введение не очень благозвучных неологизмов: «Что ты стыдишься — горю не цельба» (сонет 34) [Шекспир, 2022, с. 74], просторечных форм типа «выйгрыше» [Там же, с. 133] или «соглашуся», «пущуся» [Там же, с. 134], а также инверсии, предпринятой исключительно для требований размера: «Что от косы нас времени izbavit?» (сонет 12) [Там же, с. 47].

На уровне логики фразы иногда случаются те нарушения, которые отмечал Чуковский, когда говорил о предельном стяжении в переводах Кузмина. Во фразе из переводного 19-го сонета «Пусть, старая, — твой верх» [Там же, с. 57] трудно узнать стих оригинала «Yet do thy worst, old Time». В начале 31-го сонета фраза оригинала «Thy bosom is endeared with all hearts, / Which I by lacking have supposed dead» обращается в непросто понимаемый оборот: «В твоей груди цена сердец, о ком / Я думал, разлучен: в живых уж нет» [Там же, с. 70]. То же замечание касается фрагмента перевода 14-го сонета, где допущена грамматическая неточность: «В твоих глазах все знание таятся / (Вернее звезд) и можно проследить / Красе и чести дать обогатиться, / Когда себя решишься утвердить» [Там же, с. 50].

Порой, в связи с общей редакционной беспомощностью издания, не очень ясно, принадлежат ли огрехи самому Кузмину, наборщику или кому-то еще. Так, в переводе 33-го сонета имеется почти бессвязный фрагмент, появившийся, очевидно, из-за неправильно поставленной запятой: «И лик златой лобзает зелень трав / Ручей, златя алхимией небес» [Там же, с. 73].

Общей стратегией для перевода Кузьминым драм и сонетов Шекспира становится возможная точность. Как правило, он стремится передать

форму (ритм, рифма) и вставить в строку максимум образов оригинала. Первые строки у Кузмина, как правило, отмечены стремлением к точной передаче структуры строки, таких ее частей, например, как восклицание: так, в 7-м сонете у Шекспира: «Lo! in the orient when the gracious light»; у Кузмина: «Глянь: на востоке подняла заря...» [Там же, с. 41]; в 8-м сонете: «Music to hear, why hear'st thou music sadly?» — «Сам музыка, зачем ей грустно внемлешь?» [Там же, с. 42].

Кузмину, с его стремлением к краткости и точности, порой удаются афористически лаконичные переводы сонетных замков, например, в сонете 13-м: «Мой друг, и у тебя / Отец был. Сыну дай в отцы себя» [Там же, с. 49]; в сонете 64-м: «Та мысль — как смерть, и слезы лью опять, / Владея тем, что страшно потерять» [Там же, с. 105]. Однако в целом и заключительные строки сонетов, содержащие важнейшие идеи, часто переведены с грамматическими стяжениями, а следовательно, и смысловыми заменами. Так, например, в заключении 76-го сонета не очень ясен смысл первой строки: «Как солнца старость каждый день нова, / Так сказанные о любви слова» [Там же, с. 121], — в оригинале мысль иная: «Как солнце каждый день бывает молодое и старое» («So as the sun is daily new and old...»). Кузмин как будто насыщает синтаксис Шекспира новым, парадоксально-оксюморонным содержанием.

И на этом пути, хотя и незавершенном, можно отметить настоящие удачи. Такими становятся переводы сонетов 8, 17, 20, 33, 37, 85, дающие образец лаконичной лирики, исполненной единства настроения.

Говоря в целом о принципах перевода Кузминым сонетов Шекспира, следует отметить следующие характеристики его стратегии перевода.

Стремление к соблюдению верности оригиналу в образном и синтаксическом строе. Эта стратегия, однако, из-за различия в строе языков оригинала и перевода постоянно приводит переводчика к сжатым фразам, балансирующим на грани понимания. Он использует эллипсис, парадоксальные связи, вместо глаголов употребляет существительные, делая предложения назывными. Например, сонет 11 начинается у Шекспира «As fast as thou shalt wape» («Как же быстро, как ты увянешь»), а Кузмин это передает с безглагольной стремительностью: «Как быстро склон» [Шекспир, 2022, с. 41]; вообще тяготение к эллиптическому стяжению грамматических и синтаксических конструкций порой выводит его на грань словотворчества, почти авангардной сгущенности, насыщенности языка, неологизмов типа «редкостьность», «круплость» в 21-м сонете [Там же, с. 49], «избытствуя» в 62-м сонете [Там же, с. 62], «смесюсь» (в значении «смешаюсь») в 71-м сонете [Там же, с. 114].

Стремление к подбору адекватной замены игре слов с помощью повторов однокоренных слов, а также к аллитерации. Например, в 78-м

сонете исходные «alien pen», «Have added fethers to the learneds' wing» становятся основой для образов «перья чуждые», «дадут ученым перья к оперенью», а «And arts with thy sweet graces graced be» — «И чары предаешь очарованью» [Там же, с. 123]. В 81-м сонете «Where breath most breathes, even in the mouths of men» переведено как «Живым в устах, где дышит дух дыханья» [там же, с. 126].

4. Заключение = Conclusions

Несомненно, открытие «Сонетов» ведет к уточнению интертекстуальной связи творчества самого Кузмина с Шекспиром: контекст этого уточнения можно увидеть в некоторых существующих публикациях [Панова, 2015].

Сонеты для Кузмина стали поводом для осмысления собственной личной и творческой истории, а также и вызовом, потому что даже по сравнению с пьесами сонеты требовали такого труда для соблюдения переводчиком-Кузминым «законов, им самим над собою поставленных», что он не сумел завершить переводы: не только по количеству, но и по качеству сохранившаяся рукопись (насколько позволяет судить ее публикация) не отвечала, очевидно, обязательствам Кузмина перед издательством.

Общая стратегия на точность, отказ от излишней романтизации и эстетических смягчений были им выдержаны в сонетах, как и в его переводах пьес. И, несмотря на неготовность рукописи, в ней можно отметить отличительные черты тех стратегий, которые вырабатывал Кузмин-переводчик. Если вспомнить утверждение о переводах сонетов Маршаком, что тот использовал в работе поэтику русского романтизма пушкинской поры, лексику Жуковского и молодого Пушкина [Гаспаров, 1997, с. 117], то можно сказать, что Кузмин, будучи наследником золотого века русской поэзии и используя ее достижения, в переводах сонетов пробовал авангардные приемы: словотворчество, оксюморонные сочетания, нетрадиционное стяжение грамматических форм, своеобразную, порой почти абстрактную «усушку» фраз. Все то, что Чуковский считал недостатками перевода «Короля Лира», может быть рассмотрено с точки зрения близости Кузмина, отчасти, к экспериментам литературного авангарда, футуристического и обэриутского, в 1920—1930-х годах отчаянно искавшего нового языка поэзии.

Важно, что Шекспир, контекст творчества которого был актуален для Кузмина с детства, в его творческой судьбе отразился в различных сторонах рецепции: и театрально-критической, и творческой, и переводческой; и эти стороны рецепции необходимо учитывать вместе для создания обоснованного понимания того, как творчество Шекспира было отражено и преломлено Кузминым.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники

1. Каменев Л. Б. Задачи и план Academia / Л. Б. Каменев // Издательство Academia к XVII съезду ВКП(б). Задачи, перечень изданий, план. — Москва-Ленинград : Academia, 1934. — С. 5—44.
2. Кузмин М. А. Дневник 1934 года / М. А. Кузмин. — Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 1998. — 418 с. — ISBN 5-89059-016-2.
3. Кузмин М. А. Проза и эссеистика : В 3-х т. Эссеистика. Критика / М. А. Кузмин. — Москва : Аграф, 2000. — Т. 3. — 768 с. — ISBN 5-7784-0084-5.
4. Кузмин М. А. Собрание стихов II. Послереволюционные книги стихов / М. А. Кузмин. — Munchen : Wilhelm Fink Verlag, 1978. — 600 S.
5. Кузмин М. А. Собрание стихов III. Несобранное и неопубликованное. Приложение. Примечания. Статьи о Кузмине / М. А. Кузмин. — Munchen : Wilhelm Fink Verlag, 1977. — 770 S.
6. Отзыв о переводе «Короля Лира» К. Чуковского // РГАЛИ. Ф. 629 (Издательство «Academia»). Оп. 1. Ед. хр. 225. Л. 61—63.
7. Переписка А. Г. Габричевского и М. А. Кузмина : К истории издания юбилейного собрания сочинений И. В. Гёте (1929—1932) / Вступ. ст., публ. и примеч. Т. А. Лыковой и О. В. Северцевой // Литературное обозрение. — 1993. — № 11/12. — С. 58—75.
8. Письма Кузмина в издательство «Academia», 1933—1935 // РГАЛИ. Ф. 629 (Издательство «Academia»). Оп. 1. Ед. хр. 228. Л. 27—41.
9. Письмо М. А. Кузмина к А. Н. Тихонову от 5 сентября 1935 года // РГАЛИ. Ф. 629 (Издательство «Academia»). Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 101.
10. Поправки к переводу «Короля Лира» М. Кузмина // РГАЛИ. Ф. 629 (Издательство «Academia»). Оп. 1. Ед. хр. 231. С. 89—105.
11. Смирнов А. А. Обновленный Шекспир / А. А. Смирнов // Литературный Ленинград. — 1933. — 30 нояб. — № 17. — С. 3.
12. Чуковский К. И. Высокое искусство / К. И. Чуковский. — Москва : Советский писатель, 1968. — 384 с.
13. Чуковский К. И. Единоборство с Шекспиром / К. И. Чуковский // Красная новь. — 1935. — № 1. — С. 182—196.
14. Шекспир В. Король Лир / В. Шекспир, пер. А. Дружинина. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1857. — 176 с.
15. Шекспир В. Король Лир / В. Шекспир, пер. А. Соколовского. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1884. — 136 с.
16. Шекспир В. Полное собрание сочинений в восьми томах / В. Шекспир. — Москва-Ленинград : Academia, 1949. — Т. 8. — 716 с.
17. Шекспир В. Полное собрание сочинений в восьми томах / В. Шекспир. — Москва-Ленинград : Academia, 1937. — Т. 2. — 648 с.
18. Шекспир В. Полное собрание сочинений в восьми томах / В. Шекспир. — М.-Л. : Academia, 1937. — Т. 1. — 774 с.

19. *Шекспир В.* Трагедия о короле Лире / В. Шекспир, пер. М. Кузмина. — Москва-Ленинград : Academia, 1936. — 392 с.

20. *Шекспир У.* Пьесы в пер. М. Кузмина / У. Шекспир. — Москва : Московский рабочий, 1990. — 432 с. — ISBN 5-239-00753-5.

21. *Шекспир У.* Сонеты (I—LXXXIX) / У. Шекспир ; пер. М. Кузмина. — Москва : Библиохроника, 2022. — 136 с. — ISBN 978-5-6047615-8-8.

Литература

1. *Азов А. Г.* Поверженные буквалисты : Из истории художественного перевода в СССР в 1920—1960-е годы / А. Г. Азов. — Москва : Высшая школа экономики, 2013. — 304 с. — ISBN 978-5-7598-1065-0.

2. *Бабенко А.* Михаил Кузмин. Переводы сонетов Уильяма Шекспира. История / А. Бабенко, А. Бабосов // Шекспир У. Сонеты (I—LXXXIX) / пер. М. Кузмина. — Москва : Библиохроника, 2022. — С. 17—29. — ISBN 5-224-01147-7.

3. *Багно В. Е.* Михаил Кузмин — переводчик / В. Е. Багно, С. Л. Сухарев // XX век. Двадцатые годы : Из истории международных связей русской литературы / Отв. ред. Г. А. Тиме. — Санкт-Петербург : Наука, 2006. — С. 147—183. — ISBN 5-02-026401-6.

4. *Богомолов Н. А.* Из истории переводческого ремесла в 1930-е годы (М. А. Кузмин в работе над «Дон Жуаном» Байрона) / Н. А. Богомолов // Русская литература. — 2013а. — № 3. — С. 42—86.

5. *Богомолов Н. А.* Михаил Кузмин / Н. А. Богомолов, Дж. Малмстад. — Москва : Молодая гвардия, 2013б. — 396 с. — ISBN 978-5-235-03634-5.

6. *Гардзонио С.* Михаил Кузмин — переводчик В. К. Тредиаковского / С. Гардзонио // Михаил Кузмин. Литературная судьба и художественная среда / под ред. П. В. Дмитриева и А. В. Лаврова. — Санкт-Петербург : Реноме, 2015. — С. 132—138. — ISBN 978-5-91918-560-4.

7. *Гаспаров М. Л.* Неизвестные русские переводы байроновского «Дон Жуана» / М. Л. Гаспаров // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1988. — № 4. — С. 359—367.

8. *Гаспаров М. Л.* Сонеты Шекспира — переводы Маршака / М. Л. Гаспаров, Н. С. Автономова // Избранные труды. О стихах. — Москва : Языки славянской культуры, 1997. — Т. II. — С. 105—120. — ISBN 5-7859-0009-2.

9. *Горбунов А. Н.* Кузмин, переводчик Шекспира / А. Н. Горбунов // Шекспир У. Пьесы в пер. М. Кузмина. — Москва : Московский рабочий, 1990. — С. 5—14. — ISBN 5-239-00753-5.

10. *Дмитриев П. В.* «Академический» Кузмин / П. В. Дмитриев // RS : Russian Studies. — 1995. — Т. 1. — № 3. — С. 142—235.

11. *Куранда Е. Л.* «Король Лир» в переводе Михаила Кузмина и Анны Радловой / Е. Л. Куранда // Вестник СПбГУ. Серия 9. — 2015. — Выпуск 2. — С. 28—37.

12. *Мальмстад Дж.* Примечания / Дж. Мальмстад, В. Марков // Кузмин М. А. Собрание стихов III. Несобранное и неопубликованное. Приложение. Примечания. Статьи о Кузмине. — Munchen : Wilhelm Fink Verlag, 1977. — С. 617—741.

13. *Марков В.* Поэзия Михаила Кузмина / В. Марков // Кузмин М. А. Собрание стихов III. Несобранное и неопубликованное. Приложение. Примечания. Статьи о Кузмине. — Munchen : Wilhelm Fink Verlag, 1977. — С. 321—426.

14. *Панова Л.* «Шекспир еще тобою не дочитан...» : Об одном гомозротическом мотиве цикла-поэмы-симфонии «Форель разбивает лед» / Л. Панова // Михаил Кузмин.

Литературная судьба и художественная среда / под ред. П. В. Дмитриева и А. В. Лаврова. — Санкт-Петербург : Реноме, 2015. — С. 105—112.

15. Пильщиков И. А. Традиции «русского петраркизма» и сонеты Петрарки в переводе М. Кузмина / И. А. Пильщиков // Михаил Кузмин. Литературная судьба и художественная среда / под ред. П. В. Дмитриева и А. В. Лаврова. — Санкт-Петербург : Реноме, 2015. — С. 139—157.

16. Ратгауз Г. И. Гёте в русской поэзии XX века / Г. И. Ратгауз // Гете в русской культуре XX века. 2-е изд., доп. — Москва : Наука, 2004. — С. 45—63. — ISBN 5-02-032670-4.

17. Шайтанов И. О. «Сонеты» Шекспира : о переводах новых и вновь обретенных / И. О. Шайтанов // Вопросы литературы. — 2022. — № 3. — С. 118—132. — DOI: 10.31425/0042-8795-2022-3-118-132.

18. Donat S. “Es klang aber fast wie deine Lieder...” : Die russischen Nachdichtungen aus Goethes “West-östlichem Divan” / S. Donat. — Göttingen : [b. i.], 2002. — 504 S.

19. Malmstad J. Mixail Kuzmin : A Chronicle of His Life and Times / J. Malmstad // Кузмин М. А. Собрание стихов III. Несобранное и неопубликованное. Приложение. Примечания. Статьи о Кузмине. — Munchen : Wilhelm Fink Verlag, 1977. — С. 7—319.

Статья поступила в редакцию 19.03.2023,
одобрена после рецензирования 20.04.2023,
подготовлена к публикации 24.04.2023.

Material resources

Amendments to the translation of “King Lear” by M. Kuzmin. *RGALI. F. 29 (Academia Publishing House). Op. 1. Ed. hr. 231. 89—105.* (In Russ.).

Chukovsky, K. I. (1968). *High art*. Moscow: Soviet Writer. 384 p. (In Russ.).

Chukovsky, K. I. (1935). Single combat with Shakespeare. *Krasnaya nov, 1*: 182—196. (In Russ.).

Correspondence of A. G. Gabrichevsky and M. A. Kuzmin: To the history of the publication of the jubilee collection of works by I. V. Goethe (1929—1932). (1993). *Literary Review, 11/12*: 58—75. (In Russ.).

Kamenev, L. B. (1934). Tasks and plan of Academia. In: *Academia Publishing House for the XVII Congress of the CPSU(b). Tasks, list of publications, plan*. Moscow-Leningrad: Academia. 5—44. (In Russ.).

Kuzmin, M. A. (1978). *Collection of poems II. Post-revolutionary books of poetry*. Munchen: Wilhelm Fink Verlag. 600 S. (In Russ.).

Kuzmin, M. A. (1977). *Collection of poems III. Unassembled and unpublished. Application. Notes. Articles about Kuzmin*. Munchen: Wilhelm Fink Verlag. 770 S. (In Russ.).

Kuzmin, M. A. (1998). *Diary of 1934*. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. 418 p. ISBN 5-89059-016-2. (In Russ.).

Kuzmin, M. A. (2000). *Prose and Essay studies: In 3 vols., 3. Essay studies. Criticism*. Moscow: Agraf. 768 p. ISBN 5-7784-0084-5. (In Russ.).

Kuzmin’s letters to the publishing house “Academia”, 1933—1935. *RGALI. F. 629 (Publishing house “Academia”). Op. 1. Ed. chr. 228. L. 27—41.* (In Russ.).

Letter of M. A. Kuzmin to A. N. Tikhonov dated September 5, 1935. *RGALI. F. 629 (Publishing house “Academia”). Op. 1. Ed. hr. 16. l. 101.* (In Russ.).

Review of the translation of “King Lear” by K. Chukovsky. *RGALI. F. 629 (Publishing house “Academia”). Op. 1. Ed. hr. 225. l. 61—63.* (In Russ.).

- Shakespeare, U. (1990). *Plays in M. Kuzmin's lane*. Moscow: Moskovsky rabochy. 432 p. ISBN 5-239-00753-5. (In Russ.).
- Shakespeare, U. (2022). *Sonnets (I—LXXXIX)*. Moscow: BiblioChronika. 136 p. ISBN 978-5-6047615-8-8. (In Russ.).
- Shakespeare, V. (1949). *Complete works in eight volumes*, 8. Moscow-Leningrad: Academia. 716 p. (In Russ.).
- Shakespeare, V. (1937). *Complete works in eight volumes*, 2. Moscow-Leningrad: Academia. 648 p. (In Russ.).
- Shakespeare, V. (1937). *Complete works in eight volumes*, 1. Moscow-Leningrad: Academia. 774 p. (In Russ.).
- Shakespeare, V. (1857). *King Lear*. St. Petersburg: [b. i.]. 176 p. (In Russ.).
- Shakespeare, V. (1884). *King Lear*. St. Petersburg: [b. i.]. 136 p. (In Russ.).
- Shakespeare, V. (1936). *The Tragedy of King Lear*. Moscow-Leningrad: Academia. 392 p. (In Russ.).
- Smirnov, A. A. (1933). Updated Shakespeare. *Literary Leningrad*, 17. 30 Nov. P. 3. (In Russ.).

References

- Azov, A. G. (2013). *Defeated Literalists: From the history of literary translation in the USSR in the 1920s—1960s*. Moscow: Higher School of Economics. 304 p. ISBN 978-5-7598-1065-0. (In Russ.).
- Babenko, A., Babosov, A. (2022). Mikhail Kuzmin. Translations of sonnets by William Shakespeare. History. In: *Shakespeare U. Sonnets (I—LXXXIX)*. Moscow: BiblioChronika. 17—29. ISBN 5-224-01147-7. (In Russ.).
- Bagno, V. E., Sukharev, S. L. (2006). Mikhail Kuzmin — translator. In: *XX century. The Twenties: From the History of International Relations of Russian literature*. St. Petersburg: Nauka. 147—183. ISBN 5-02-026401-6. (In Russ.).
- Bogomolov, N. A. (2013a). From the History of translation craft in the 1930s (M. A. Kuzmin in the work on Byron's Don Juan). *Russian Literature*, 3: 42—86. (In Russ.).
- Bogomolov, N. A., Malmstad, J. (2013b). *Mikhail Kuzmin*. Moscow: Molodaya gvardiya. 396 p. ISBN 978-5-235-03634-5. (In Russ.).
- Dmitriev, P. V. (1995). “Academic” Kuzmin. *RS: Russian Studies*, 1 (3): 142—235. (In Russ.).
- Donat, S. (2002). “*Es klang aber fast wie deine Lieder...*”: *Die russischen Nachdichtungen aus Goethes “West-östlichem Divan”*. Göttingen: [b. i.]. 504 S. (In Germ.).
- Gardzonio, S. (2015). Mikhail Kuzmin — translator of V. K. Trediakovsky. In: *Mikhail Kuzmin. Literary fate and artistic environment*. Saint Petersburg: Renome. 132—138. ISBN 978-5-91918-560-4. (In Russ.).
- Gasparov, M. L., Aytonomova, N. S. (1997). Shakespeare's Sonnets — Marshak's translations. In: *Selected works. About poems, II*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 105—120. ISBN 5-7859-0009-2. (In Russ.).
- Gasparov, M. L. (1988). Unknown Russian translations of Byron's “Don Juan”. *Bulletin AN SSSR. lit. and yaz*, 4: 359—367. (In Russ.).
- Gorbunov, A. N. (1990). Kuzmin, translator of Shakespeare. In: *Shakespeare U. Plays in the lane of M. Kuzmin*. Moscow: Moskovsky rabochy. 5—14. ISBN 5-239-00753-5. (In Russ.).
- Kuranda, E. L. (2015). “King Lear” translated by Mikhail Kuzmin and Anna Radlova. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9*, 2: 28—37. (In Russ.).

- Malmstad, J. (1977). Mixail Kuzmin: A Chronicle of His Life and Times. In: *Kuzmin M. A. Collection of poems III. Unassembled and unpublished. Application. Notes. Articles about Kuzmin*. Munchen: Wilhelm Fink Verlag. 7—319.
- Malmstad, J., Markov, V. (1977). Notes. In: *Kuzmin M. A. Collected Poems III. Unassembled and unpublished. Application. Notes. Articles about Kuzmin*. Munchen: Wilhelm Fink Verlag. 617—741. (In Russ.).
- Markov, V. (1977). Mikhail Kuzmin's Poetry. In: *Kuzmin M. A. Collected Poems III. Unassembled and unpublished. Application. Notes. Articles about Kuzmin*. Munchen: Wilhelm Fink Verlag. 321—426. (In Russ.).
- Panova, L. (2015). “Shakespeare has not yet been read by you...”: About one homoerotic motif of the cycle-poem-symphony “Trout breaks the ice”. In: *Mikhail Kuzmin. Literary fate and artistic environment*. St. Petersburg: Renome. 105—112. (In Russ.).
- Pilshchikov, I. A. Traditions of “Russian Petrarkism” and sonnets of Petrarch translated by M. Kuzmin. In: *Mikhail Kuzmin. Literary fate and artistic environment*. St. Petersburg: Renome. 139—157. (In Russ.).
- Ratgauz, G. I. (2004). Goethe in Russian poetry of the XX century. In: *Goethe in the Russian culture of the XX century. 2nd ed., add.* Moscow: Nauka. 45—63. ISBN 5-02-032670-4. (In Russ.).
- Shaitanov, I. O. (2022). Shakespeare's Sonnets: on Translations of new and newly found. *Questions of Literature*, 3: 118—132. DOI: 10.31425/0042-8795-2022-3-118-132. (In Russ.).

*The article was submitted 19.03.2023;
approved after reviewing 20.04.2023;
accepted for publication 24.04.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(3), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Тулусева Е. С. Бестиарные мотивы в цикле рассказов Павла Крусанова «Царь головы» / Е. С. Тулусева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 291—304. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-291-304.

Tulusheva, E. S. (2023). Bestiary Motifs in Cycle of Stories by Pavel Krusanov “The King of the Head”. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 291-304. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-291-304. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-291-304

Бестиарные мотивы в цикле рассказов Павла Крусанова «Царь головы»

Тулусева Елена Сергеевна ^{1,2}
orcid.org/0000-0001-6374-4662

кандидат филологических наук,

¹ доцент факультета

гуманитарных наук;

² докторант

be-so-happy@yandex.ru

¹ Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

² Московский университет
имени А. С. Грибоедова
(Москва, Росси)

Bestiary Motifs in Cycle of Stories by Pavel Krusanov “The King of the Head”

Elena S. Tulusheva ^{1,2}
orcid.org/0000-0001-6374-4662

PhD in Philology,

¹ Associate Professor,

Faculty of Humanities;

² Doctoral degree seeker

be-so-happy@yandex.ru

¹ National Research University
Higher School of Economics
(Moscow, Russia)

² A. S. Griboyedov
Moscow University
(Moscow, Russia)

© Тулусева Е. С., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется тематика и поэтика сборника рассказов П. В. Крусанова «Царь головы». Сборник рассматривается в качестве цикла с определёнными смысловыми и ассоциативными связями, вторичным структурным единством, жанровыми, образно-метафорическими и стилистическими сближениями, сквозным сюжетом, циклообразующими мотивами. Новизна исследования обусловлена тенденцией современной прозы к созданию указанного сверхтекстового единства и при этом недостаточной изученностью этого явления. Проведен анализ одного из ведущих циклообразующих мотивов «Царя головы» — мотива bestiарного. В каждом из рассказов сборника присутствуют образы животных или метафизических существ. Через них герои произведений соприкасаются с иной реальностью, парадизным или inferнальным миром, mortalным пространством. Герои сборника переходят границы между собственным телом и сознанием и телами и сознаниями животных, либо они одержимы со стороны демонических сил. Образы животных связаны с аллегорией духовного пути, по которому, нисходя или восходя, следуют персонажи рассказов. Также в сборнике задействуется большое число zoomорфных сравнений и метафор, фиксирующих мир, пребывающий в состоянии смещения, со снятыми преградами между живым и мёртвым, телесным и психическим, уровнями сознания.

Ключевые слова:

П. Крусанов; циклообразующий мотив; bestiарный мотив; аллегорическое повествование; mortalное пространство; zoomорфная метафора.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The themes and poetics of the collection of short stories by P. V. Krusanov "The King of the Head" is characterized in the article. The collection is considered as a cycle with certain semantic and associative connections, secondary structural unity, genre, figurative-metaphorical and stylistic rapprochements, a through plot, cycle-forming motives. The novelty of the study is due to the tendency of modern prose to create this supertextual unity and, at the same time, insufficient knowledge of this phenomenon. The analysis of one of the leading cycle-forming motifs of the "King of the Head" — the bestiary motif, has been carried out. Each of the stories in the collection contains images of animals or metaphysical beings. Through them, the heroes of the works come into contact with another reality, paradisiac or infernal world, mortal space. The heroes of the collection cross the boundaries between their own body and consciousness and the bodies and consciousnesses of animals, or they are possessed by demonic forces. The images of animals are associated with the allegory of the spiritual path, along which, descending or ascending, the characters of the stories follow. A large number of zoomorphic comparisons and metaphors that capture the world, which is in a state of confusion, with the barriers between the living and the dead, bodily and mental, levels of consciousness are also used in the collection.

Key words:

P. Krusanov; cycle-forming motive; bestiary motif; allegorical narration; mortal space; zoomorphic metaphor.

Бестиарные мотивы в цикле рассказов Павла Крусанова «Царь головы»

© Тулушева Е. С., 2023

1. Введение = Introduction

Сборник Павла Крусанова «Царь головы» (2014) почти не попадал в сферу внимания отечественного литературоведения. Творчество писателя по большей части анализируется в аспекте изучения его романов. Литературоведы осмысливают философско-политический контекст крусановской прозы [Борода, 2009; Большев, 2015 и др.], исследуют её мифопоэтику [Кротова, 2017; Торосян, 2016; Волк, 2020 и др.], рассматривают специфику организации различных уровней текста [Фролова, 2011; Торосян, 2017; Шейко и др., 2019 и др.].

Сборники же малой прозы Крусанова осмысливаются чаще всего лишь литературными критиками, см.: [Галкина, 2016; Зарифуллин, 2014; Кузьменков, 2014 и др.]. Поэтому в представленной статье кратко характеризуются особенности тематики, проблематики и поэтики обозначенного сборника.

«Царь головы» рассматривается нами в качестве цикла, то есть сверхтекстового единства, предлагающего новый смысловой и художественный результат, получающийся при сложении отдельных элементов, в данный цикл входящих. Такой подход, как и само обращение к этому крусановскому сборнику, обуславливает новизну исследования.

Цель исследования — проанализировать бестиарные мотивы сборника «Царь головы» как принадлежащие к числу ведущих циклообразующих мотивов. В каждом из рассказов сборника присутствуют образы животных или метафизических существ светлой или тёмной природы. Крусанов ориентируется на традицию средневековых бестиариев и варианты её развития в литературе XX века (Х. Л. Борхес, А. Сапковский и др.). Аллегорическая и нравоучительная функция животных образов соединяется у него с эзотерическим подтекстом.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В рамках рассмотрения бестиарных мотивов в исследовании, помимо использования метода мотивного анализа, осуществляется целостный анализ композиции сборника, жанровой трансформации отдельных его

элементов, особенностей его стилистических решений. И, в целом, в статье осмысливается специфика художественного мира, созданного писателем в разбираемом цикле.

Сборник рассказов «Царь головы» собран автором из произведений, написанных в 2012—2014 годах, и, таким образом, является вторичным авторским циклом-сборником, если ориентироваться на классификации циклов, предложенные И. С. Фоменко и С. В. Нестеровой [Фоменко, 1990; Нестерова, 2012].

Сборник рассказов, представляющий собой цикл, обладает рядом свойств. Согласно О. Г. Егоровой, они таковы: между произведениями, входящими в него, имеются внутренние связи, а сам сборник обладает вторичным структурным единством; композиция сборника исходит из определённой авторской концепции и порождает новые смысловые и ассоциативные связи; у сборника рассказов есть сквозной сюжет, построенный на развитии одного или нескольких циклообразующих мотивов; сборник рассказов, понятый как цикл, характеризуется общностью «системных элементов» — «жанровых, стилистических, ритмических, образно-метафорических, лексико-фразеологических, интонационных и звуковых» [Егорова, 2004, с. 5].

«Царь головы» Павла Крусанова посвящён единой теме — пересечению двух миров, этого, обыденного и привычного, и иного, который может иметь парадизное или inferнальное измерение; где наравне с живыми сопresentствуют мёртвые (нередко герои сами полуживы, полумертвы, как герой рассказа «По телам» по фамилии Полуживец, или Варя из рассказа «Это не сыр», чья душа периодически оставляет тело, или герой рассказа «Глина», чья «живая легенда <...> сделалась *полуживой*» [Крусанов, 2014, с. 271]); что предполагает расширение понятия «сознательное» до природного мира — животного и растительного.

В каждом из рассказов сборника повторяются мотивы, связанные с появлением — чаще — демонических или — реже — ангелических существ; с интуицией адской реальности; со снятием границ между телом и сознанием и путешествием по иным формам существования или с одержимостью; с разнообразным эзотерическим подтекстом (алхимия, чаша Грааля, заклинательная магия и проч.).

Писатель поделил сборник на две части, одна из которых имеет подзаголовок «О необычайном», другая — «Узорник». Такое деление оставляет широкое пространство для интерпретаций, поскольку оба слова могут быть приложимы к художественному миру всех рассказов цикла: каждый из них повествует о «необычайном» — о том, что выходит за пределы привычного, и каждый представляет собой отдельный «цветовой» / смысловой элемент внутри «узорника»-калейдоскопа, созданного в фантастической крусановской картине мира.

Вне контекста этих названий можно констатировать, что первая часть сборника посвящена духовным катастрофам героев, которые сами создают для этого причины, поддаваясь своим страстям, вторая часть — как бы успешному преодолению разладов в сознании героев и в окружающей их реальности.

Рассказы, входящие в цикл «Царь головы», можно рассматривать сквозь призму магического реализма и как произведения в жанре хоррор. Причём характерной чертой сборника является трансформация жанра: ужасное не сразу обнаруживается в них, скрываясь под оболочкой другого жанра. Так, например, первый рассказ сборника — «Собака кусает дождь» — начинается как охотничий рассказ, и лишь ближе к концу в сюжете происходит неожиданный слом, когда в подвале Пал Палыча в банке оказываются два неназванных беса — его самого и его супруги. «Как исчезают люди» кажется написанным в жанре подростковой литературы, пока не сбывается смертельное ведьмовское заклинание одного из героев.

Каждый из рассказов погружает читателя в подробно прописанный, в стилистическом отношении «узорочный» миф. Например, это придуманный мальчишками миф о напоминающих гномов «карлышах», угнетаемых в подземном городе следователем-оборотнем («Как исчезают люди»), или миф мёртвых, которых нет на кладбище, но зато много среди живых, внутри живых (отсылающий, возможно, к «Бобку» Ф. М. Достоевского), или миф о вдохновляющем и витализирующем человека Мешке света, восходящем к Якову Брюсу, и т. д.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Рассказы о необычайном»: варианты зооморфизации героя

В сборнике «Царь головы» несколько циклообразующих мотивов. Один из них — это по-разному выражающийся бестиарный мотив. В каком-то смысле этот крусановский сборник можно назвать «бестиарием» или «физиологом». Он рассказывает о существах, природа которых видится в рассказах иной, чем обычно, и об иномирных сущностях, проявляющихся в мире людей. Используя образы животных, Павел Крусанов представляет в «Царе головы» аллегорическую историю о противоборстве светлого и тёмного в человеке и в окружающей его реальности.

Рассказ «Собака кусает дождь», открывающий цикл, вводит мотив одержания человека. У каждого человека есть бес, тварь, которую сложно заметить и ещё труднее изловить. Бесы у Пал Палыча, охотника, что поместил их в банку, живут в подполе, в общем по сути не меняя места своего обитания, перемещаясь из бессознательного, или «подполья», и адского иномирья в тёмный подпол возле котельной. В рассказе у них нет

обозначения, они описаны через «минус-приём» — ни крысы, ни змеи, ни нетопыри, ни пауки, ни пиявки. Лишь слово «гадёныши» косвенно указывает на их природу: не только вредное естество, но и связь с гадом, то есть змеем, дьяволом. Кажется, они похожи на млекопитающих, но являются собой предельно отвратительную их версию с гипертрофированным «срамом» [Крусанов, 2014, с. 32]. И они не грызут друг друга, подобно паукам в банке, а насилуют.

В связи с бесами в рассказе появляется слово «суггестия», похожее «на быструю сороконожку» [Там же, с. 34]. Оно оказывается синонимом морока, якобы наведённого Пал Палычем на Петра Алексеевича. Слово — через графику и фонiku — возвращается к средневековому образу, сквозь буквы просвечивает звериный стиль.

Фоновый персонаж рассказа — пёс по кличке Гарун, который кусал дождь, «хватал ускользающую добычу» [Там же, с. 12], «будто ловил муху» [Там же, с. 35]. Эта собака заставляет вспомнить о «Тысяче и одной ночи», о Гаруне аль-Рашиде и о людях, что злыми волшебницами были превращены в собак, но возвращали себе человеческий облик, когда на них брызгали водой. Образ Гаруна актуализирует мотив превращений: пёс Гарун, выросший в городе (как его арабский прототип — во дворце), открывает для себя мир природы (пространство простолюдинов) и на этом переходе, в этой перемене облика устанавливает подлинную суть реальности. Пёс Гарун пытается укусьть дождь, так же, как Пётр Алексеевич думает поймать своего беса, но тот убеждает себя (убеждается бесом), что увиденное им накануне было лишь мороком, а собака не может схватить каплю.

В рассказе «Собака кусает дождь» звериные образы выполняют аллегорическую функцию: человек, заброшенный в мир (в гностическом подтексте рассказа), оказывается подобен собаке, видящей, но не понимающей свою истинную природу или недостаточно настойчивой в ловле своего беса.

Рассказ «По телам» с эпиграфом из апулеевского «Золотого осла» исследует территорию чужого, звериного сознания. Герой рассказа — таможенный инспектор Полуживец. Фамилия определит его судьбу, он станет путешествовать по телам разнообразных животных, будет играть роль «наездника», обезжающего «лошадь» другого тела (используя терминологию рассказа). При этом он не станет настоящим, всевременным хозяином положения — «жилцом» внутри животного. А с другой стороны, окажется «живцом» — тем, кто «ещё живой, но обречённый», кого «уже приговорили, и жизнь его — не более чем форма казни» [Там же, с. 37]. Наконец, он будет пойман «на живца», обманут, заперт в теле вороны, когда фирма, оказывающая услуги по перемещению сознания, скроется от внимания государства.

Полуживец входит в сознания животных и воспринимает мир через них: ощущает «сотни *душков*» [Там же, с. 64] в теле собаки, смотрит «фасеточным глазом» [Там же, с. 81] махаона, «и немигающим рыбьим глазом, и круглым зраком птицы, и вертикальным змеиным зрачком» [Крусанов, 2014, с. 81]. Этот опыт имеет для него и духовное измерение: он задаётся вопросом: пройдя от «личинки к бабочке» [Там же], претерпит ли сознание преобразование?

Но Полуживец и другие «путешественники», а также руководитель программы, что взял себе псевдоним Сара Ха, экспериментируя подобным образом, скорее, перенимают звериные черты, нежели возвышаются: хозяин автосалона и его подруга, меняясь телами, меняются «шкурками» [Там же, с. 80]; небритый Полуживец становится похож на ежа; Александр Куприянович «отбрасывает хвост» [Там же, с. 84], когда на него выходят спецслужбы. И последнее рано или поздно должно было произойти. Полуживец ощущал момент недолжного в рукотворном метемпсихозе. Так, до первого перемещения сознания он подумал об этом процессе как о вхождении беса в свинью (отсылка к эпизоду из Евангелий). Первый разговор Полуживца с Александром Куприяновичем состоялся у чёртова колеса. Оно в рассказе — и один из образов сансары, и указатель на инфернальную природу происходящего.

В рассказе «По телам» бестиарный мотив показывает, что следует за соблазном возвышения человека через запрограммированный метемпсихоз. Руководитель программы Сара Ха ищет не ответы на вопросы о разнобразии духовного бытия, а бессмертия, ловя искателей широкого опыта и забирая себе их человеческие тела. Человек погружается в тела животных и «звереет», «оскотинивается», его сознание определяется бестиарным бытием, а не наоборот.

Рассказ «Мешок света» близок по тематике к рассказу «По телам», он также про соблазн. Эпиграф к рассказу взят из стихотворения В. Муханкина, реального серийного убийцы. Строфа обозначает дилемму — в контексте последующего повествования: покой цельного бытия или обман человеческих желаний. Главный герой рассказа — кондитер Никодимов — узнаёт о существовании некоего Мешка света — чудесного предмета, преобразующего человека в зависимости от его предрасположенностей. И в финале крадёт его у своего друга, приобретая желание и разумение воровать.

Никодимов — человек понимающий, в начале рассказа он формулирует про себя то, как обманывается человек, подобно насекомому, летящему на свет, за который он принимает то бога, то какой-нибудь его эзотерический симулякр. Но, отбирая Мешок света у алчного Услистого, видя не красоту купленного тем петергофского «рая», возвращаясь к цельности

настоящего момента, он сам распоряжается Мешком света едва ли не хуже. И показательно в этой связи, что в рассказе Никодимов, помимо других своих знаний-умений, ещё и «лаял во сне» [Крусанов, 2014, с. 107]. В финале, когда он украдёт Мешок света, он будет «счастливно тявкать» [Там же, с. 129]. Как и в рассказе «По телам», герой обнаруживает здесь свою звериную, страстную натуру, до времени им (от него) скрытую. Неслучайно собачьи звуки Никодимов издавал только во сне.

Рассказ «Волосатая сутра» повествует о маньяке-таксидермисте Демьяне Ильиче, который занимается то ли магией, то ли алхимией (он «в чучельном деле <...> был алхимик» [Там же, с. 143]), превращая людей в чучела животных. И в его имени, кроме прямых значений связи с плодородием и подчинения, невольно слышится что-то демоническое. Демьян Ильич обладает способностью «схватывать» существо человека, видеть, кто «сидит» в человеке. Так, в одном из студентов он увидел шимпанзе, а в работнице кафедры — самку африканского страуса. Сам Демьян Ильич наделён в рассказе звериными чертами: у него «жалящий» [Там же, с. 145] взгляд, он смотрит «сычом» [Там же, с. 146] (здесь фразеологизм может быть понят у Крусанова буквально), брови у него шевелились, «словно волосатые гусеницы» [Там же].

Звериное проявляется и в других персонажах, по незнанию потворствующих маньяку. У профессора Цукатова нематоды «свили гнёзда в <...> мыслях», и «сами мысли казались ему червями, паразитирующими в человеке» [Там же, с. 136]. Профессор Челноков издавна был прозван студентами «Главптица» за страсть к орнитологии. Это прозвище, кстати, может не только фиксировать научный интерес профессора и его статус, не только вызывать ироническую ассоциацию с советским сложносокращённым названием какого-нибудь заготовительного или продуктового ведомства, но и отсылать к мифологии, например, напоминая о птицеглавах Древнего Египта или Индии. Как и в связи с Демьяном Ильичом, Крусанов, создавая образ профессора Челнокова, использует приём буквализации фразеологизма: по словам Леры, он робел перед хранителем и «поджимал хвост» [Там же, с. 153].

Бестиарность обнаруживается в рассказе и в пейзаже: «Чёрная вода Мойки по-прежнему не давалась зиме в ледяные лапы» [Там же, с. 159]. Зима здесь олицетворяется и приобретает зооморфные черты.

Демьян Ильич, как и Сара Ха из рассказа «По телам», мыслит о духовном характере телесных трансформаций. Однако его адресат — не другой человек, которого он мог бы обманывать, а он сам, поэтому перед собой он честен, говоря, что «Из ангела родится змей, а не обратно» [Там же, с. 144]. Его путь — путь активной инволюции и демонизации: «Чёрные лимурий-

ские глаза» шимпанзе, бывшего студента, «смотрели настороженно и зло» [Там же, с. 162], выдавая присутствие злого духа внутри чучела.

В рассказе «Как исчезают люди» в образе Рухлядьева, вахтёра, который сторожит нелегальное производство азиатских грибов, присутствуют змеиные черты. В кроссворде, который он решает, он отгадывает слово *василиск*; мальчики прозвали его Горынычем; застигнутый им мальчик обмирает перед ним, «как лягушка перед ужом» [Там же, с. 191]; водитель называет его в сердцах «аспидом» [Там же, с. 182]. Рухлядьев преследует все живые существа, что оказываются на подведомственной ему территории. Он устанавливает контакт через глаза, пугает и обездвиживает. Кошка округляет глаза от ужаса, когда он идёт на неё; женщина, что пришла жаловаться, напугавшись, «озябла»; Вова с ужасом глядит на приближающегося вахтёра. Рухлядьев, «глядя на живых, был полностью уверен, что имеет дело с неутомимой формой смерти» [Там же, с. 180]. Именно этот взгляд «василиска» и поражает людей и животных. Вахтёр произносит «ядовитые слова» [Там же, с. 182], ненависть жжёт его огнём, и он «пыхает» «зловредными миазмами» [Там же, с. 174]; он охотится на мышей и крыс; на мальчика с «цыплячьей шеей» [Там же, с. 191] и на другого, что убегает от него «мышкой» [Там же, с. 193].

Рассказ «Как исчезают люди» — сказка, в которой обыденность мерцает фантастикой: подпольный грибной цех оборачивается грибным царством, азиатские гастарбайтеры — мифологическими «карлышами», вахтёр — Змеем Горынычем, драконом-василиском, за которым, в свою очередь, приходит «лютый зверь» [Там же, с. 197] из заклинания, переданного Гере бабкой Кудыкиной. Люди и звери в рассказе соединяют энергии своего неприятия Рухлядьева и уничтожают его.

3.2. «Узорник»: калейдоскоп визионерских освобождений

Рассказ «Царь головы», давший название всему циклу, переиначивает и буквализирует известный фразеологизм «Без царя в голове». «Наладчик» сознания-души Георгий дарует главному герою понимание того, как устроена реальность, возможность видеть «потусторонние объекты» [Крусанов, 2014, с. 214].

В этом рассказе в положительном ключе решаются проблемы, поставленные в предыдущих произведениях цикла. Главный герой видит не ужас и ад, но рай, в который отправляется его убитый кот Аякс. Этот рай «во вкусе» героя, потому что там его ждёт «услужливый хозяин, хлопочущий о блюде с молоком» [Там же, с. 225]. И, возможно, потому что его питомец — его альтер эго: он сам как бы обрёл такого хозяина в своей голове. Герой, которого «налаживают», задаётся ироническим вопросом о пирожках (думая, что Георгий отравил его): «Каких котят туда крошили кухонные ведьмы?!» [Там же, с. 222]. Он словно причащается кошачьей

природе. С Аяксом схож и «наладчик» Георгий, который, подобно этому коту, мог «погружаться в безмятежность» [Там же, с. 208].

В отличие, например, от Полуживца или жертв Демьяна Ильича, которые входят в животных и приобретают их черты, герой «Царя головы», пройдя через огромную физическую боль «наладки», через «звериное состояние» [Там же, с. 209], став на время «скотом», выходит по-настоящему преображённым. Он подчиняет себе страхи и страсти, уменьшает своё неведение. Кошки видят «гостей из иного мира» [Там же, с. 214], и герой рассказа научается видеть мёртвых, которые «рвут в клочки мир живых» [Там же, с. 223].

Кот Аякс изначально ощущается в рассказе тем, кто больше, чем просто кот. Он — особый зверь. Неслучаен и вопрос рассказчика: «Да и кошки ли они? — кто знает, как их звать на самом деле» [Там же, с. 203]. И напротив, бомжи, что убили Аякса, выглядят как животные. Рассказчик характеризует их как «существ» и замечает, что по ночам они «выли, словно изнывающие от тоски больные звери» [Там же, с. 224].

В рассказе «Это не сыр» полуангелическая для главного героя его подруга и бывшая возлюбленная Варя оказывается связана с образами мыши и птицы. Предполагая, что мужчина, который её очаровал, думает о ней как о сыре в мышеловке, она в разговоре с другом это отрицает («Варя — это не сыр» [Там же, с. 246]), хотя затем и признаёт, что всё в жизни, включая любовь, есть мышеловка. О прыжке с парашютом она говорит, что при физическом восторге её душа «затаилась, как мышь под веником» [Там же, с. 249]. Рассуждая о сохранении русской национальной культуры, она вспоминает образы-символы атакующей западной культуры: гаммельнского («гамбургского») крысолова и Микки Мауса. Образ мыши — это образ земного, приземлённого в восприятии реальности. Но подлинная Варя исполняет — «в ином теле и иными средствами — воздушный танец золотисто-голубой шурки» [Там же, с. 231]. Душа Вари — «прозрачный летун»; она, «щебеча, отправлялась в счастливое путешествие» [Там же, с. 266]. Дух Вари, по ощущению Клима, «жаворонком воспарил в полуденные небеса» [Там же, с. 267].

Последний рассказ в сборнике — «Глина» — снова об одержании. В главного героя вселяется «дух чёрного сикырши» [Там же, с. 312] — умершего много сотен лет назад колдуна, с которым он столкнулся во время экспедиции в Казахстан. Этот дух — образ ещё одной паразитической сущности цикла, что подселается к сознанию человека: её вредоносную природу передаёт аллитерированная фраза «зараза грызёт мой разум» [Там же, с. 269]. Герой также приводит сравнение с мухой-паразитом, что осуществила самозахват его тела: «личинка, вышедшая из яйца, росла в моей голове и пожирала рассудок» [Там же, с. 312]. Здесь обратная переключка с рассказом «По телам»: там человек был «наездником», здесь будто бы

муха становится «опытным погонщиком ездовым скотом» [Там же, с. 270]. Паразит, дух сикырши, заставляет героя видеть мёртвых и воплощать их образы в глине, даёт силы глине «одухотвориться» [Там же, с. 291], опираясь на воспоминания героя. Рассказчик использует для этого тандема сравнение с «машиной по производству големов» [Там же].

В реальности, которая открывается главному герою, параллельные миры перестают быть таковыми. Пересекается живое и мёртвое. Мёртвые разгуливают по городу: загробный холод от Маши-Каши пронзает героя «как мотылька булавкой» [Крусанов, 2014, с. 281]; «мёртвый Миша Кашнецов смотрит на мёртвую рыбу. Мёртвыми глазами — в мёртвые глаза» [Там же, с. 283].

В смещении пребывает и природный мир, образ которого создаётся в рассказе олицетворяющими, двойными зооморфными, техническими сравнениями. Капли дождя «срываются вниз змеящимися дорожками» [Там же, с. 291]. Пастбищные клещи — голодные, «точно молодые волки» [Там же, с. 286]. «Ящерицы-круглоголовки срывались с места, оставляя за собой след, точно колёсико с протектором» [Там же, с. 299].

В конце рассказа герой как будто бы освобождается от наваждения-проклятия-кошмара, «переварив» своего «паразита». Мир героя приходит в порядок, он тоже становится «царём своей головы» и по своему желанию, из любви, начинает-продолжает лепить людей. Однако последние страницы книги переворачивают сюжет этого рассказа и всего сборника в целом. Герой повествования оказывается сумасшедшим, получившим травму во время аварии. И выясняется, что все персонажи рассказов сборника — это его субличности (по мнению врача; но, вероятно, здесь возможны и иные интерпретации). Пациент без царя в голове всё это время «призывает в голову царя» [Там же, с. 213]. А в окно его палаты смотрит луна, «словно глаз. Глаз зверя, который сильнее» [Там же, с. 315].

4. Заключение = Conclusions

Сборник рассказов Павла Крусанова «Царь головы» представляет собой цикл, объединивший произведения с различными внутренними связями. Все рассказы повествуют о пересечениях привычного мира и иномирья — в его райском или адском облиии. Герои рассказов выходят за границы своего обыденного осознания, видя мёртвых, вселяясь в животных, впуская в себя разного рода духовных паразитов.

Первая часть цикла посвящена падениям, зооморфизации героев на пути к власти, вторая рассказывает о любви, которая сохраняется, несмотря на расставание героев с близкими. Персонажи претворяют свою животную натуру в тонкое духовное естество, переходят в пространство

гармонии. При этом финал сборника оставляет открытым вопрос о «нормальности» сознания героев (или одного героя) цикла.

Персонажи рассказов цикла «Царь головы» уподобляются животным в аллегорическом смысле, обнаруживают свою истинную, скрытую природу, выражающуюся в звериных, насекомых или птичьих чертах. Животные, напротив, могут вести себя подобно людям, борясь со злом, достигая состояния покоя. Животные в цикле, как правило, связаны с миром мёртвых.

Бестиарные мотивы пронизывают также поэтику цикла: писатель использует множество звериных образов, сравнений, метафор. С помощью этих тропов материальные предметы соотносятся с животными, птицами, насекомыми, и наоборот; животные сопоставляются друг с другом. Мир «Царя головы» пребывает в смещении, границы между уровнями сознания, сознанием и телом, живым и мёртвым в нём относительны.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declare no conflicts of interests.

Источники

1. Галкина В. Диалог с «внутренним покойником» (о книге Павла Крусанова «Царь головы») [Электронный ресурс] / В. Галкина // Литературная газета. — 2016. — № 10—11. — Режим доступа : https://lgz.ru/article/-10-6545-17-03-2016/dialog-s-vnutrennim-rokoynikom/?phrase_id=455373 (дата обращения 16.03.2023).

2. Зарифуллин П. В. Скифское время Царей Головы. Рецензия на новую книгу Павла Крусанова. — 24 апреля 2014 года [Электронный ресурс] / П. В. Зарифуллин // Сайт «Центр Льва Гумилёва». — Режим доступа : <https://www.gumilev-center.ru/skifskoe-vremya-carejj-golovy-recenziya-na-povuyu-knigu-pavla-krusanova/> (дата обращения 16.03.2023).

3. Крусанов П. В. Царь головы : рассказы / П. В. Крусанов. — Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2014. — 314 с. — ISBN 978-5-17-083588-1.

4. Кузьменков А. Низвержение Оккама, или Полный улиям. Рецензия на книгу Павла Крусанова «Царь головы» [Электронный ресурс] / А. Кузьменков // Урал. — 2014. — № 9. — Режим доступа : <http://uraljournal.ru/work-2014-9-1239> (дата обращения 16.03.2023).

Литература

1. Афонина Е. Ю. Поэтика авторского прозаического цикла : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.08 / Е. Ю. Афонина. — Тверь, 2005. — 24 с.

2. Большев А. О. Постмодернистский империализм петербургских фундаменталистов (к вопросу о роли эклектики в современной русской культуре) / А. О. Большев // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. — 2015. — № 2. — С. 47—56.

3. Борода Е. В. Петербургский фундаментализм. Павел Крусанов / Е. В. Борода // Вопросы литературы. — 2009. — № 4. — С. 50—61.

4. Волк Е. А. Неомифологическая эсхатология в романе «Укус ангела» П. Крусанова / Е. А. Волк // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. — 2020. — Т. 31. — С. 131—135.

5. Егорова О. Г. Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / О. Г. Егорова. — Волгоград, 2004. — 44 с.
6. Кадацкая Д. С. Термин «цикл» в отечественном литературоведении / Д. С. Кадацкая // Молодой учёный. — 2017. — № 22 (156). — С. 473—478.
7. Кротова Д. В. Принципы моделирования автобиографического мифа в творчестве П. Крусанова / Д. В. Кротова // Филология : научные исследования. — 2017. — № 3. — С. 18—26.
8. Лихина Н. Е. Бестиарный мотив в русской литературе / Н. Е. Лихина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология. — 2011. — № 8. — С. 149—154.
9. Нестерова С. В. Циклическое текстопостроение в малой эпической прозе : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.08 / С. В. Нестерова. — Тверь, 2012. — 23 с.
10. Пахомова С. С. Проблема выбора, свободы и личной ответственности в романе П. Крусанова «Бом-бом» / С. С. Пахомова // Система ценностей современного общества. — 2011. — № 17—1. — С. 90—94.
11. Торосян А. С. Мифопоэтика Павла Крусанова (генезис и структура) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. С. Торосян. — Москва, 2016. — 22 с.
12. Торосян А. С. Языковая картина мира Павла Крусанова / А. С. Торосян // Россия в мире : проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере : материалы II Международной научно-практической конференции, Пенза, 27—28 марта 2017 года. — Пенза : Пензенский государственный технологический университет, 2017. — С. 414—424.
13. Фоменко И. В. Поэтика лирического цикла : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.08 / И. В. Фоменко. — Москва, 1990. — 32 с.
14. Фролова Т. Г. Понятие метафорического стиля в современной прозе / Т. Г. Фролова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2011. — № 2. — С. 69—78.
15. Шейко Е. В. Категория времени и способы ее выражения в романе П. Крусанова «Укус ангела» / Е. В. Шейко, В. В. Ломшакова // Гуманитарные и социальные науки. — 2019. — № 2. — С. 240—249. — DOI: 10.23683/2070-1403-2019-73-2-240-249.

Статья поступила в редакцию 17.03.2023,
одобрена после рецензирования 18.04.2023,
подготовлена к публикации 24.04.2023.

Material resources

- Galkina, V. (2016). Dialogue with the “inner dead man” (about Pavel Krusanov’s book “The King of the Head”). *Literaturnaya gazeta*, 10—11. Available at: https://lgz.ru/article/-10-6545-17-03-2016/dialog-s-vnutrennim-pokoynikom/?sphrase_id=455373 (accessed 16.03.2023). (In Russ.).
- Krusanov, P. V. (2014). *Tsar of the head: stories*. Moscow: AST: Editorial Office of Elena Shubina. 314 p. ISBN 978-5-17-083588-1. (In Russ.).
- Kuzmenkov, A. (2014). The Overthrow of Occam, or Complete ulyam. Review of Pavel Krusanov’s book “The King of the Head”. *Ural*, 9. Available at: <http://uraljournal.ru/work-2014-9-1239> (accessed 16.03.2023). (In Russ.).

Zarifullin, P. V. The Scythian time of the Kings of the Head. Review of a new book by Pavel Krusanov. April 24, 2014. *Website of the Lev Gumilev Center*. Available at: <https://www.gumilev-center.ru/skifskoe-vremya-carejj-golovy-recenziya-na-novuyu-knigu-pavla-krusanova/> (accessed 16.03.2023). (In Russ.).

References

- Afonina, E. Yu. (2005). *Poetics of the author's prose cycle*. Author's abstract of PhD Diss. Tver. 24 p. (In Russ.).
- Beard, E. V. (2009). Petersburg fundamentalism. Pavel Krusanov. *Questions of literature*, 4: 50—61. (In Russ.).
- Bolshevik, A. O. (2015). Postmodern imperialism of the St. Petersburg fundamentalists (on the role of eclecticism in modern Russian culture). *Bulletin of the Pushkin State University*, 2: 47—56. (In Russ.).
- Egorova, O. G. (2004). *The problem of cyclization in Russian prose of the first half of the XX century*. Author's abstract of Doct. Diss. Volgograd. 44 p. (In Russ.).
- Fomenko, I. V. (1990). *Poetics of the lyric cycle*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 32 p. (In Russ.).
- Frolova, T. G. (2011). The concept of metaphorical style in modern prose. *Bulletin of St. Petersburg State University. Language and literature*, 2: 69—78. (In Russ.).
- Kadatskaya, D. S. (2017). The term “cycle” in Russian literary studies. *Young scientist*, 22 (156): 473—478. (In Russ.).
- Krotova, D. V. (2017). Principles of modeling the autobiographical myth in the works of P. Krusanov. *Philology: scientific research*, 3: 18—26. (In Russ.).
- Likhina, N. E. (2011). Bestial motif in Russian literature. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology*, 8: 149—154. (In Russ.).
- Nesterova, S. V. (2012). *Cyclic text-building in small epic prose*. Author's abstract of PhD Diss. Tver. 23 p. (In Russ.).
- Pakhomova, S. S. The problem of choice, freedom and personal responsibility in P. Krusanov's novel “Bom-bom”. *The value system of modern society*, 17—1: 90—94. (In Russ.).
- Sheiko, E. V., Lomshakova, V. V. (2019). The category of time and ways of its expression in P. Krusanov's novel “Angel Bite”. *Humanities and Social Sciences*, 2: 240—249. DOI: 10.23683/2070-1403-2019-73-2-240-249. (In Russ.).
- Torosyan, A. S. (2017). Pavel Krusanov's linguistic picture of the world. In: *Russia in the world: problems and prospects for the development of international cooperation in the humanitarian and social sphere: proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Penza, March 27—28, 2017*. Penza: Penza State Technological University. 414—424. (In Russ.).
- Torosyan, A. S. (2016). *Pavel Krusanov's Mythopoetics (genesis and structure)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).
- Volk, E. A. (2020). Neomythological eschatology in the novel “Angel Bite” by P. Krusanov. *Scientific notes of the P. M. Masherov*, 31: 131—135. (In Russ.).

*The article was submitted 17.03.2023;
approved after reviewing 18.04.2023;
accepted for publication 24.04.2023.*

Шастина Е. М. Литературная кинематографичность как нарративная стратегия в художественном тексте (на материале заметок Э. Канетти «Голоса Марракеша») / Е. М. Шастина, Ю. К. Казакова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 305—322. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-305-322.

Shastina, E. M., Kazakova, Yu. K. (2023). Literary Cinematography as a Narrative Strategy in a Fiction Text (E. Canetti “Voices of Marrakech”). *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 305-322. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-305-322. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-305-322

**Литературная
кинематографичность как
нарративная стратегия
в художественном тексте
(на материале заметок
Э. Канетти «Голоса
Марракеша»)**

Шастина Елена Михайловна *

orcid.org/0000-0001-9551-5469

доктор филологических наук,
профессор

кафедры немецкой филологии,

*** корреспондирующий автор**

shastina@rambler.ru

Казакова Юлия Константиновна

orcid.org/0000-0002-1406-9899

кандидат филологических наук, доцент

кафедры английской филологии и основ

межкультурной коммуникации

kazakova696@gmail.com

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
(Елабужский институт)
(Елабуга, Россия)

**Literary Cinematography
as a Narrative Strategy
in a Fiction Text (E. Canetti
“Voices of Marrakech”)**

Elena M. Shastina *

orcid.org/0000-0001-9551-5469

Doctor of Philology, Professor,
Department of German Philology,

*** Corresponding author**

shastina@rambler.ru

Yulia K. Kazakova

orcid.org/0000-0002-1406-9899

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of English Philology
and Fundamentals

of Intercultural Communication

kazakova696@gmail.com

Elabuga Institute
of Kazan (Volga region)
Federal University
(Elabuga, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется творчество австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии Элиаса Канетти (1905—1994) в аспекте литературной кинематографичности, указывающей на синтез литературы и кинематографа, в частности, в выборе средств реализации аудиовизуальности в художественном тексте. Исследуемое явление рассматривается на материале книги «Голоса Марракеша. Заметки после одного путешествия» (“Die Stimmen von Marrakesch. Aufzeichnungen nach einer Reise”), в композиции которой использован принцип монтажа, объединивший четырнадцать глав в единое целое. Предпринята попытка выявить своеобразие идиостиля Канетти в ракурсе литературной кинематографичности, что определяет новизну и актуальность проведенного исследования. Авторы исходят из того, что литературная кинематографичность может рассматриваться как нарративная стратегия, включающая в себя не только коммуникацию с читателем, но и «автокоммуникацию» (Ю. М. Лотман). Поднимается вопрос о значимости акустического элемента («акустическая маска») в создании образа чужой культуры, выявляются языковые средства реализации кинематографичности. Методологической основой данной статьи являются исследования отечественных и зарубежных ученых, касающихся как нарративной природы художественного текста, так и литературной кинематографичности.

Ключевые слова:

Канетти; австрийская литература; нарративная стратегия; литературная кинематографичность; монтаж; аудиовизуальность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The work of the Austrian writer, Nobel Prize winner Elias Canetti (1905—1994) is studied in the aspect of literary cinematography, indicating the synthesis of literature and cinema, in particular, in the choice of means for implementing audiovisuality in a literary text. The phenomenon under study is considered on the material of the book “Voices of Marrakesh. Notes after a Journey” (“Die Stimmen von Marrakesch. Aufzeichnungen nach einer Reise”), the composition of which uses the montage principle, which combines fourteen chapters into a single whole. An attempt was made to identify the originality of Canetti’s idiosyle from the perspective of literary cinematography, which determines the novelty and relevance of the study. The authors proceed from the fact that literary cinematography can be considered as a narrative strategy that includes not only communication with the reader, but also “auto-communication” (Yu. M. Lotman). The question is raised about the significance of the acoustic element (“acoustic mask”) in creating the image of a foreign culture, linguistic means of realizing cinematography are revealed. The methodological basis of this article is the research of domestic and foreign scientists concerning both the narrative nature of a literary text and literary cinematography.

Key words:

Canetti; Austrian literature; narrative strategy; literary cinematography; installation; audiovisuality.

Литературная кинематографичность как нарративная стратегия в художественном тексте (на материале заметок Э. Канетти «Голоса Марракеша»)

© Шастина Е. М., Казакова Ю. К., 2023

1. Введение = Introduction

Весной 1954 года Элиас Канетти по приглашению английского режиссера и продюсера А. Максвелла (Aumer Maxwell), с которым его связывали дружеские отношения, вместе с группой кинематографистов отправляется в Марокко — далекую африканскую страну, расположенную в предгорьях Высокого Атласа, на съемки фильма («Another Sky»), натурой для которого был выбран город Марракеш. Канетти не принимал участия в работе над фильмом, напротив, демонстрировал свою непричастность к «созданию этой отвратительнейшей халтуры» (Herstellung des ekelhaftesten Film-Machwerks) [Hanuschek, 2005, S. 530] — так нелюбезно он выскажется об этом фильме спустя годы.

Путешествие в Марокко продлилось недолго — около трех недель, в течение которых Канетти впитывал незнакомую ему культуру, обычаи страны, остававшейся на тот период французской колонией (лишь через два года, в 1956 году, будет провозглашена независимость Марокко). «Тут были события, картины, звуки, смысл которых лишь в тебе *возникает*, которые нельзя ни записать, ни очертить словами, которые существуют по ту сторону слов, глубже и многозначнее их» (курсив Э. Канетти) [Канетти, 1990, с. 359]. Для Канетти было важно оставаться «чистым листом», открывать для себя землю своих предков — испанских евреев, изгнанных из Испании в XV веке и расселившихся по всему миру, в том числе в Марокко.

В то время Канетти вместе с женой — Вецой Канетти (урожд. Таубнер-Кальдерон), пожертвовавшей своей литературной карьерой ради мужа, уже более 16 лет жил в Англии, вынужденная эмиграция была связана с политической ситуацией в Австрии, которая в результате Аншлюса стала частью Германии. На так называемый «английский период» жизни и творчества Канетти (1938/1939—1972) приходится работа над философским исследованием «Масса и власть», которая потребовала от автора полного погружения в материал, отказа от какой-либо другой литературной работы, которая могла бы помешать его magnum opus.

Канетти принимает приглашение присоединиться к британским кинематографистам прежде всего как возможность, с одной стороны, переключиться на что-то другое, новое и неизведанное, что позволило бы преодолеть внутренний кризис, поскольку работа над «Массой и властью» не продвигалась, с другой стороны, вернуться к собственным истокам, попытаться отыскать в Марракеше следы своих предков. Впоследствии Канетти назовет эту поездку «самым странным путешествием» в его жизни (*die merkwürdigste Reise*), это попытка заглянуть в прошлое, из которого нет дороги назад (*eine Reise endlich, die keine Rückkehr war*), все было новым и неизведанным, правильнее было бы начать все заново (*anders, so neu, dass man alles neu anfangen könnte*) [Hanuschek, 2005, S. 529].

Находясь в Марракеше, Канетти не делает никаких записей, лишь фиксирует в памяти отдельные эпизоды, полученные впечатления так сильны, что он намерен, вернувшись в Лондон, в кратчайшие сроки представить «полный литературный отчет» о своем путешествии. Так называемые «путевые заметки», которые, как правило, пишутся практически синхронно, что называется, «по горячим следам», — увлекательное чтение, благодаря которому читатель глазами путешествующего знакомится с новым для себя миром. У Канетти все получилось иначе: ему понадобилось время, почти четырнадцать лет, чтобы «воспоминания из Марокко» легли на бумагу и нашли, наконец, своего читателя. Следует отметить, что в 1956 году несколько глав планируемой книги публиковались в журнале («Wort in der Zeit») [Hanuschek, 2005, S. 528], но это были лишь отдельные фрагменты, которые явились своеобразным анонсом будущего проекта. Лишь в марте 1967 года Канетти отправил законченную книгу издателю — Ф. Арнольду (Fritz Arnold), в сопроводительном письме он напишет, что доволен результатом, особенно композицией, расположение глав в книге дало возможность представить «живой» Марракеш (*eine recht lebendige Vorstellung von Marrakesch*) [Ibid., S. 528—529]. Фактически это работа монтажера в кино, который после съемок склеивает кадры в нужной ему последовательности, добиваясь нужного эффекта.

В российском литературоведении ранее не предпринимались попытки изучения творчества Канетти с позиций литературной кинематографичности, что указывает на новизну работы. Актуальность исследования во многом продиктована тем, что в XXI веке в общем контексте взаимодействия искусств «феномен литературной кинематографичности» в силу объективных причин может по праву претендовать на статус мейнстрима [Асеева, 2010], оставаясь при этом «одним из дискуссионных понятий современной филологии и культурологии» [Мартьянова, 2017, с. 136] также по причине того, что допускается «рассуждение о литературной кинематографичности в докинематографическую эпоху [Овчарова, 2010].

Исследование природы литературной кинематографичности позволяет проследить характер художественной коммуникации, обратить внимание на взаимодействие читателя и литературы. Очевидный клиповый характер мышления повлиял на читателя, ищущего в литературном тексте аудиовизуальные опоры.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, с одной стороны, привлечь внимание к проблеме литературной кинематографичности в контексте нарративных стратегий повествования, с другой стороны, проследить влияние конкретных кинематографических приемов на формирование идиостиля исследуемого автора — австрийского писателя Элиаса Канетти, который в 1981 году стал нобелевским лауреатом по литературе.

Предметом исследования является специфика реализации литературной кинематографичности в заметках Канетти «Голоса Марракеша». Канетти не столько увлекает читателя сюжетом путевых заметок, сколько привлекает внимание к самому повествованию, способу изображения реальности, где есть место кинематографическим приемам, позволяющим фиксировать эту реальность: монтаж, контраст, «работа камеры», конструирующей пространство, «внутрикадровый голос» и др.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве материала для настоящего исследования выбрана книга Элиаса Канетти «Голоса Марракеша. Заметки после одного путешествия» («Die Stimmen von Marrakesch. Aufzeichnungen nach einer Reise») [Canetti, 1980]. Книга состоит из четырнадцати глав, каждая из которых может рассматриваться в качестве отдельного эпизода с характерными элементами литературной кинематографичности. Ранее одним из авторов статьи в соавторстве с Н. Э. Сейбель предпринималась попытка вписать данное произведение в контекст литературы путешествий наряду с Восточными заметками других австрийских писателей — Ф. Верфеля и Ф. Зальтена [Сейбель и др., 2022].

Появление книги «Голоса Марракеша. Заметки после одного путешествия» позволило литературным критикам оценить еще одну грань таланта Канетти, нашедшую выражение в стилистической виртуозности, когда парадоксальным образом фрагментарность и кажущаяся простота повествования способствуют созданию целостности, в которой ощущается глубокий подтекст. Неслучайно Х. Г. Гепферт назвал «Голоса Марракеша» «центральным произведением» (ein zentrales Werk) [Göpfert, 1984, S. 136] в творчестве Канетти. Очевидно, что Канетти не пытался удивить читателя африканской экзотикой, ему практически удалось избежать тех многочисленных клишированных представлений, которые веками склады-

вались цивилизованной Европой по отношению к Востоку, если они и присутствуют в отдельных эпизодах, то только для того, чтобы придать рассказу достоверность, обратить внимание на их «специфическую функцию в контексте повествования» (*nicht die Verwendung des Stereotyps als solche, sondern seine spezifische Funktion im Erzählkontext*) [Görbert, 2009, S. 129]. Тем не менее книга Канетти все же дала повод для дискуссии, автору ставилось в упрек, что он представил взаимоотношения Запада и Востока как «цивилизационное противостояние» [Murphy, 2004, S. 171], при котором доминирует «ориенталистский» взгляд европейца на (пост)колониальный дискурс [Ferguson, 1997, S. 568—594] и др. Можно предположить, что для Канетти данная проблематика была на тот момент не столь актуальна, у этих заметок другая цель — продолжение разговора на волнующие писателя темы: жизнь и смерть, масса и власть, превращение, назначение художника, язык и т. д. Позиция наблюдающего путника, фланера дает возможность зафиксировать все увиденное и услышанное, не совершая никаких усилий над собой, воспринимая реальность в её естественном виде, без «выстраивания декораций», «без распределения ролей». В этом смысле Канетти противопоставляет себя киногруппе, с которой он приехал в Африку и чья работа заведомо предвзята, поскольку подчинена другой, более прагматичной цели — показать цивилизованному Западу мир далекой от этой цивилизации африканской страны.

Теоретической базой данного исследования явились работы российских и зарубежных исследователей, связанные с разработкой различных аспектов теории повествования [Бахтин, 1975; Тюпа, 2011; Шмид, 2003 и др.] и литературной кинематографичности [Асеева, 2010; Ахриева, 2013; Бакирова, 2012; Давыденко, 2020; Куряев, 2021; Лотман, 1973; Маркова, 2017; Мартыанова, 2017; Михайловская, 2015; Можаяева, 2006; Немцев, 2004; Осьмухина, 2021; Размашкин, 2001; Складар, 2013; Соколова, 2013; Солдаткина, 2019; Тарасов, 2006; Adreotti, 2014; Dunz, 1994; Durzak, 1971; Schmnett, 2002; и др.].

В работе использовались сравнительно-исторический метод, метод целостного анализа художественного произведения, а также нарратологический анализ художественного текста, позволивший рассматривать литературную кинематографичность как прагматическую особенность нарратива.

Итак, произведение «Голоса Марракеша» анализируется с позиций литературной кинематографичности как специфической нарративной стратегии, объединяющей два различных вида искусства. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, кинематограф как искусство на разных этапах своего развития в поисках своего собственного языка обращается «к литературе

с целью заимствования повествовательных средств и стилистики» [Михайловская 2015, с. 98], с другой стороны, художественный текст вбирает в себя элементы языка кино, что позволяет говорить о «поэтике кинематографа в современной литературе» [Давыденко, 2020].

Ю. М. Лотман объясняет это с позиций семиотики, указывает на то, что разные виды искусства имеют знаковую природу, в основе литературы — условные знаки, в основе кинематографа — изобразительные (иконические) знаки [Лотман, 1973, с. 96], миры этих знаков находятся в постоянном взаимодействии, характер их «взаимоотношений» амбивалентен, от «взаимоперехода до взаимоотталкивания, отсюда вытекает возможность соотношения законов словесного творчества и киноискусства [Соколова, 2013, с. 9]. Нарративная стратегия, согласно точке зрения В. И. Тюпы, включает в себя нарративную картину мира, нарративную модальность и нарративную интригу, за каждым компонентом нарративной стратегии закреплена определенная компетенция автора / повествователя (референтная / креативная) и компетенция адресата [Тюпа, 2011, с. 8—9]. Иными словами, нарративная стратегия строится на принципах художественной коммуникации, когда авторская интенция через повествователя / нарратора / хроникёра воздействует на читателя таким образом, что «событие рассказа» и «события рассказывания» [Бахтин, 1975, с. 403—404] предстают в качестве неделимого целого, при этом автор задействует различные способы этого воздействия, обращаясь в том числе и к языку кино, демонстрируя «кинематографичность художественного мышления» [Тарасов, 2006].

Поскольку анализируемая книга автобиографична — Канетти описывает свое путешествие в Марракеш, — правомерно вести речь об «автобиографическом нарраторе» [Шмид, 2003, с. 93] и о так называемой «автокоммуникации» [Лотман, 1973], при которой информация передается по каналу «Я — Я», на внутренний монолог оказывают влияние внешние события, часто акустической природы (звуки, голоса и др.), а также цветовая палитра (описание природы, одежды и др.), в результате Я-адресат / Я-адресант претерпевают изменения. Природа классической автобиографии предполагает наличие достаточно большой временной дистанции между повествуемым и повествующим — между событием рассказа и событием рассказывания, поэтому очевидно, что спустя четырнадцать лет после поездки автобиографический нарратор вынужден вернуться в прошлое собственного Я, работа памяти «воскрешает» ассоциативные образы — кадры, часто нарушая хронологический ряд. На первый взгляд, не связанные логикой наррации моменты монтируются в контекст повествования благодаря авторским отступлениям, с позиций авторского видения событий как результат автокоммуникации.

Понятие «литературная кинематографичность» достаточно прочно вошло в научный обиход: это явление исследуется в качестве специфической характеристики национальных литератур [Куряев; 2021; Мартянова, 2002; Немцев, 2004 и др.]; как особенность идиостиля отдельных авторов [Бакирова, 2012; Можаяева, 2006; Размашкин, 2001; Тарасов, 2006 и др.] и т. д.

Общепринятой на сегодняшний день является дефиниция, предложенная И. А. Мартяновой, согласно которой литературная кинематографичность, в первую очередь, «определяется как характеристика текста с преимущественно монтажной техникой композиции, в котором различными, но прежде всего композиционно-синтаксическими средствами изображается динамическая ситуация наблюдения», вторичными признаками могут служить «прямые» отсылки к кино в виде специфической лексики, киноцитат, образов и аллюзий кинематографа» [Мартянова, 2017, с. 137].

В настоящем исследовании литературная кинематографичность трактуется как одна из нарративных стратегий литературного текста, характеризующаяся набором специфических средств аудиовизуальной выразительности и динамизма, используемых автором для достижения того или иного эффекта.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В логике Ю. М. Лотмана, киноискусство включает ряд моментов, таких как иллюзия реальности, проблема кадра, элементы и уровни киноязыка, природа киноповествования, кинематографическое значение, лексика кино, структура киноповествования, сюжет в кино, время и пространство и др. [Лотман, 1973], что, в целом, не противоречит установке относительно кинематографичности художественного нарратива в литературе. В обоих случаях, автор / режиссер создает «свою» реальность, «корректирует» ее в зависимости от творческого замысла, расставляет акценты, задействует весь арсенал художественных средств, чтобы при помощи (кино)повествования не только выстроить диалог с читателем / зрителем, но и достучаться до самого себя, поскольку настоящее искусство предполагает погружение в глубины своего Я. Можно сказать, что Канетти «снимает» в Марракеше свой собственный фильм, он фиксирует в памяти отдельные эпизоды, его «камера» подмечает нюансы, он меняет ракурс, за счет чего удается получить более объективную картину, позднее он занимается монтажом, «накладывает» звук, включает «закадровый голос» — авторские ремарки, внутренний монолог и т. д.

На основании проведенного исследования можно заключить, что литературная кинематографичность является одной из важнейших нарративных стратегий в анализируемом произведении Канетти «Голоса Марраке-

ша. Заметки после одного путешествия», на это, в частности, указывает проведенный авторами достаточно детальный анализ отдельных глав книги, иллюстрирующих различные уровни использования киноязыка.

Открывается книга эпизодом «Встреча с верблюдами» («Begegnungen mit Kamelen»), на примере которого объясняются наиболее часто используемые автором кинематографические приемы. Первое предложение выполняет функцию закадрового голоса: «Трижды я встречался с верблюдами, и всякий раз это заканчивалось трагично» (пер. здесь и далее выполнен Е. М. Шестиной) [Canetti, 1980, S. 7], далее следует прямая речь — новый знакомый предлагает автору-нарратору, путешествующему иностранцу, посетить местную достопримечательность — верблюжий базар: «Я должен показать тебе верблюжий базар», — сказал мой друг <...> [Ibid.]. Описание базара дается короткими предложениями, предельно информативными, действие локализовано, ограничено пространством базара, прописаны отдельные детали, что напоминает стиль киносценария, описание прерывается репликами действующих лиц, среди них знакомые и незнакомые люди, торговцы верблюдами, сам автобиографический нарратор, который является непосредственным участником событий, прямая речь вводится, как правило, глаголами: *сказал, сказал мой английский приятель, спросил я* и др. Реплики действующих лиц встраиваются в диалог, в отдельных случаях даются «уточняющие» характеристики: *объяснил на ломаном французском, улыбнулся, добавил быстро и немного тише, спросил недоверчиво* и т. д. Естественно, что диалог восстановлен автором по памяти, как бы «расписан по ролям».

Автор применяет крупный план, «камера» приближается к объекту, выхватывая, например, лицо погонщика верблюдов, его одежду и т. д. Повторение в тексте одного и того же объекта, так же как и на экране повторение одного и того же кадра, задает определенный ритмический ряд: «молодой погонщик, чья темная кожа отливала синевой, как и его одежда» (*die Farbe seines Gesichtes war Blau, wie die seines Gewandes*) [Canetti, 1980, S. 9]. В дальнейшем синий цвет (*blau*) неоднократно будет фигурировать в повествовании для описания внешности марокканцев: *blaue Männer, die einzige blaue Rasse, der dunkelblaue Bursche* и др.

Иллюзия реальности создается за счет описания природы, создания сиюминутной картины, как на полотнах импрессионистов, картинка в кадре оживает: «Был вечер, *красный отблеск* на городской стене тускнел. Не отрывая глаз от стены, я радовался постепенному *изменению её цвета*. <...> Верблюды *сливались с цветом* стены» [Canetti, 1980, S. 9]. Использование цвета помогает читателю визуализировать текст, добавить достоверности в изображение реальности. Еще большая достоверность возникает

благодаря звуку: в повествование включена сцена с животными — описываются верблюды, которых гонят на бойню и которые чувствуют «запах смерти»; использование глаголов движения и «звуковых» глаголов дополняет общую картину безысходности: «Верблюд дергался и кричал, вскоре громко взревел; наконец он прыгнул» («Das Kamel *zuckte* und *schrie*, bald *brüllte* er *laut*; schließlich *sprang* es <...>») [Canetti, 1980, S. 13].

Остановимся более детально на отдельных кинематографических приемах, которые присутствуют в повествовании.

3.1. Монтаж: организация времени и пространства

Техника монтажа является универсальной для кино и литературы [Dunz, 1994; Durzak, 1971; Schmitt, 2002 и др.], прослеживается как на уровне всего (кино)повествования, так и на уровне отдельных эпизодов / кадров, на композиционном и сюжетном уровнях [Скляр, 2013], при выявлении своеобразия идиостиля отдельных авторов на лингвистическом уровне, когда задействованы различные языковые средства аудиовизуальности [Размашкин, 2001; Немцев, 2004; Тарасов, 2006 и др.].

По мнению И. А. Мартыановой, «монтаж усилил тенденцию лакунарного событийного показа в литературном тексте, усложнил его рецептивную программу» [Мартыанова, 2017, с. 138]. Можно утверждать, что в автобиографическом повествовании прослеживается определенная специфика монтажного принципа, поскольку речь идет о механизмах памяти, которые априори не являются хронологическими, автор выстраивает ассоциативный ряд, выхватывая из памяти наиболее эмоционально окрашенные моменты-кадры, соединяет их авторским видением, следовательно, движение во времени и в пространстве также подчинено авторскому замыслу, одно воспоминание вызывает другое, возникают переключки во времени и пространстве, что выражается в монтажных переходах, при этом неоднократно меняется ракурс, так как процесс «вспоминания» живой и динамичный. Очевидно, что автобиографический герой и автобиографический нарратор не всегда тождественны. Память за четырнадцать лет, прошедших после поездки в Марракеш, стерла отдельные эпизоды и достроила другие. Как в любом автобиографическом тексте или фильме, основанном на реальных событиях, соотношение вымысла и реальности заслуживает отдельного разговора, требует привлечения дополнительного биографического материала.

Главное отличие литературы от кинематографа заключено в визуальности последнего, в возможности вглядываться в лица людей, изменять ракурс, приближать или удалять объект, замедлять или ускорять кадр и т. д., поэтому производство фильма невозможно без оператора, этим объясняются долголетние тандемы великих режиссеров и не менее великих операторов, только в таком союзе фильм может рассчитывать на успех.

Режиссер смотрит на созданную им реальность глазами оператора. Автор литературного текста справляется с этой трудной задачей в одиночку.

Четырнадцать глав книги Канетти через монтажные связи объединяют пространство Марракеша, что находит отражение в названии глав: «Встречи с верблюдами» («Begegnungen mit Kamelen»), «Восточный базар» («Die Suks»), «Возгласы слепых» («Die Rufe der Blinden»), «Слюна Марабу» («Der Speichel des Marabu»), «Тишина в доме и пустота крыш» («Stille im Haus und Leere der Dächer»), «Женщина за решеткой» («Die Frau am Gitter»), «Посещение Меллаха» («Besuch in der Mellah»), «Семья Дахан» («Die Familie Dahan»), «Рассказчики и писцы» («Erzähler und Schreiber»), «Выбор хлеба» («Die Brotwahl»), «Клевета» («Die Verleumdung»), «Наблюдение за ослом, или жажда жизни» («Die Lust des Esels»), «Заведение «Шахерезада» («Schecherezade»), «Невидимый» («Der Unsichtbare»). Движение во времени происходит внутри каждой главы на основе ассоциативных связей.

В главе «Возгласы слепых» автор соединяет два пространства — «Слепой рынок» (Blindenmarkt) в Вене, в котором он оказался «*в прошлом году*, после пятнадцатилетнего отсутствия» [Канетти, 1990, с. 359] и «*в этом году*, попав в Марракеш», среди слепцов испытал похожее чувство. Два временных пласта объединены ретроспекцией, эпизоды следуют один за другим, контекст повествования при этом расширяется за счет рассуждений автора-нарратора, саморефлексия автора касается роли языка, эмоций от контакта с чужой культурой: «Смотришь, слушаешь, увлекаешься даже самым ужасным, потому что оно ново. Хорошие путешественники бессердечны» [Там же]. Авторские отступления также выполняют функцию монтажа, поскольку включают обобщение, тем самым объединяют отдельные сцены.

В главе «Посещение Меллаха» одно место действия сменяется другим, как кадры на киноплёнке: «Я дошел *до перекрестка*, где стояло много евреев», «Я оказался на *маленьком открытом базаре*», «Я шел *мимо* как мог тихо и приглядывался к лицам», «Я шел *по улочке, которая вела от базара при входе в Меллах*» и др. [Там же, с. 361—363]. Читатель вместе с нарратором перемещается в пространстве, что позволяет подчеркнуть важность монтажного принципа в выстраивании сюжета и композиции.

3.2. Звук vs цвет

Название книги — «Голоса Марракеша» (Канетти изменил первоначальный вариант — «Звуки Марракеша») — указывает, как бы парадоксально это ни звучало, на «*акустическое мировидение*» автора, для которого услышать важнее, чем увидеть. Именно «акустическая маска», в логике Канетти, придает её носителю индивидуальность. Еще один персонаж — «слухач» — дал название другой книге писателя — «Недреманное ухо»

(Der Ohrenzeuge. 50 Charaktere). Ключевая фигура среди пятидесяти характеров эпохи [Canetti, 1995] — своеобразный прототип автора. А глава «Учиться слушать» («Die Schule des Hörens»), в которой Канетти пишет о Карле Краусе — известном писателе, публицисте и ораторе, который научил его слушать, является по сути центральной во второй книге автобиографической трилогии «Факел в ухе» («Die Fackel im Ohr») [Canetti, 1996, S. 201—210]. Все это указывает на неоспоримое преимущество акустического восприятия мира австрийским писателем.

Акустическое пространство Марракеша становится реальностью благодаря звучащей речи людей, звукам природы, нередко в повествовании присутствуют «кадры с выключенным звуком», читатель «слышит» тишину, поскольку тишина у Канетти также «звучит». Так в главе «Тишина в доме и пустота крыш» «закадровый голос» поясняет: для того, чтобы почувствовать себя «своим» в чужом городе, чтобы преодолеть растерянность от новых и непонятных звуков, необходимо закрытое пространство, в котором можно остаться одному (Um in einer fremdartigen Stadt vertraut zu werden, braucht man einen abgeschlossenen Raum <...>, in dem man allein sein, wenn die Verwirrung der neuen unverständlichen Stimmen zu groß wird) [Canetti, 1980, S. 30]), также можно подняться на крышу и «вдохнуть тишину» (Man geht auf und ab und atmet die Stille ein [Ibid., S. 31]).

В описаниях Марракеша явно преобладают звуки. Цвет, напротив, используется достаточно сдержанно, повествование тяготеет к черно-белой палитре, на которой лишь время от времени возникают цветовые акценты: «видный мужчина с красивой белой бородой» [Канетти, 1990, с. 383], «голубой или коричневый бархат» [Там же, с. 386] и др.

В главе «Возгласы слепых» Канетти наделяет людей, лишенных зрения, уникальной способностью восприятия мира, общения с Богом через звуки, через тысячекратное обращение к Всевышнему. Именно здесь закадровый голос говорит о главном даре человека: «Я хотел, чтобы звуки коснулись меня сами по себе, не ослабленные недостаточным или искусственным знанием» [Там же, с. 359].

Читатель следует за текстом Канетти, текст получает акустическое наполнение: «Божье имя варьируется во всех их *возгласах*, но *возглас* у каждого свой, однажды заведенный и неизменный. Это *акустические арабески* вокруг Бога, но впечатляют они куда больше *оптических*» [Там же, с. 360].

Марракеш у Канетти оживает акустически: восточный базар, который неизменно ассоциируется с буйством красок, предстает у Канетти в звуках «общий гомон», «верещание» детей, «оглушительный шум», «злобный хор» «хриплые голоса» и т. д. Эпитеты, обозначающие цвет (*farbig, bunt, gefärbt, purpur, dunkelblau, sonnengelb, schwarz* и др.), встречаются доста-

точно редко, они необходимы автору только для крупного плана, чтобы показать, например, многоцветье восточных тканей («Die Suks»), выделить среди толпы торговца апельсинами и т. д.

Своеобразной кульминацией является замыкающая книгу глава «Невидимый», в которой уже с первого предложения есть место интриге, путник направляется к главной достопримечательности — площади Джамаа-Эль-Фна — сердцу Марракеша: «В сумерках я вышел на большую площадь посреди города, и то, что я искал, была не пестрота и всеобщее оживление, это было мне хорошо знакомо, я искал маленький, коричневый куль на земле, который состоял даже не из голоса, а из одного звука. Это было глубокое, протяжное, жужжащее «a-a-a-a-a-a-a-a» (In der Dämmerung ging ich auf den großen Platz in der Mitte der Stadt, und was ich da suchte, waren nicht seine Buntheit und Lebendigkeit, die waren mir wohl vertraut, ich suchte ein kleines, braunes Bündel am Boden, das nicht einmal aus einer Stimme, das aus einem einzigen Laut bestand. Es war ein tiefes, langgezogenes, surrendes „ä-ä-ä-ä-ä-ä-ä-ä“) [Canetti, 1980, S. 104]. Звук не менялся, поражал монотонностью, его было слышно издалека, при этом источник звука оставался неразгаданным — это было какое-то существо, сидящее на земле в одной позе, согнувшись, скрытое под складками ткани. «С чувством бессилия и гордости» (mit einem würgenden Gefühl von Ohnmacht und Stolz) [Ibid., S. 105] повествователь направляется в темноту: от бессилия, что тайна не разгадана, но с гордостью от того, что этот бесформенный куль живет наперекор всему и всем, единственный звук, «переживший» все остальные, может расцениваться как гимн жизни, обращение к Аллаху редуцировано до единственного звука, «пережившего» все другие звуки. Созданная таким образом «акустическая маска» является ключевой для понимания всей книги «Голоса Марракеша», своего рода образ, лишенный визуальности — «невидимый», но «слышимый» всеми.

4. Заключение = Conclusions

Литературная кинематографичность в общем контексте взаимодействия искусств является одной из основных характеристик современной литературы. Рассмотрение литературной кинематографичности в одном ряду с другими нарративными стратегиями позволяет не только расширить терминологический аппарат, используемый при нарратологическом анализе художественного текста за счет понятий, заимствованных из языка кино, — монтаж, работа камеры, крупный / дальний план, титры, закадровый голос и др., но и углубить понимание логики наррации, в данном случае автобиографической наррации. Автобиографический нарратив, как известно, обладает рядом характерных черт, поскольку строится на меха-

низмах памяти, автобиографический нарратор тяготеет к определенной стилизации прежнего Я в результате временной дистанции, отдаляющей его от сегодняшнего Я.

Проведенное исследование подтвердило мысль, что в книге «Голоса Марракеша. Заметки после одного путешествия» кинематографические приемы являются основой индивидуального стиля Канетти, позволяют реализовать авторский замысел, перед читателем не просто рассказ об удивительном событии, само рассказывание истории становится ярким событием.

Таким образом, исследование идиостиля конкретного автора позволяет выявить, с одной стороны, «кинематографический» потенциал художественной литературы, с другой стороны, своеобразие художественного мира писателя, его «кинематографическое мышление». Применительно к Канетти правомерно вести речь о своеобразии организации «акустического» пространства текста — в противопоставлении акустического и визуального.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

Канетти Э. Человек нашего столетия / Э. Канетти ; пер. с нем. / сост. и авт. предисл. Н. С. Павлова ; коммент. Р. Г. Каралашвили. — Москва : Прогресс, 1990. — 474 с. — ISBN 5-01-002099-8.

Canetti E. Der Ohrenzeuge. Fünzig Charaktere / E. Canetti. — Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1995. — 99 S.

Canetti E. Die Fackel im Ohr. Lebensgeschichte: 1921—1931. — Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1996. — 348 S.

Canetti E. Die Stimmen von Marrakesch. Aufzeichnungen nach einer Reise. — Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1980. — 106 S.

Литература

1. *Асеева О. А.* Феномен литературной кинематографичности в современном литературном процессе / О. А. Асеева // Вестник УлГТУ. — 2010. — № 3 (51). — С. 8—11.

2. *Ахриева Л. М.* Кинематографичность как способ динамизации повествования в романе Ю. Н. Тынянова «Кюхля» / Л. М. Ахриева // Язык и культура. — 2013. — № 4. — С. 146—150.

3. *Бакирова Е. В.* Проза Франца Кафки в аспекте кинематографической визуальности : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Е. В. Бакирова. — Санкт-Петербург, 2012. — 30 с.

4. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с.

5. Давыденко Е. Н. Поэтика кинематографа в современной литературе (на материале романа И. Макьюэна «Суббота») [Электронный ресурс] / Е. Н. Давыденко, Т. Ю. Осадчая // Филологический аспект : международный научно-практический журнал. — 2020. — № 06 (62). — Режим доступа : <https://scipress.ru/philology/articles/poetika-kinematografa-v-sovremennoj-literature-na-materiale-romana-i-makyuena-subbota.html> (дата обращения 09.02.2023).

6. Куряев И. Р. Кинематографичность отечественной прозы рубежа XX—XXI веков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. Р. Куряев. — Саранск, 2021. — 23 с.

7. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. — Таллин : Ээсти Раамат, 1973. — 92 с.

8. Маркова Т. Н. Кинематографические приемы как проявление формотворчества современной прозы / Т. Н. Маркова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2017. — № 1. — С. 132—136.

9. Мартыанова И. А. Кинематографичность литературного текста (на материале современной русской прозы) / И. А. Мартыанова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2017. — № 1. — С. 136—141.

10. Михайловская Е. В. Литературная кинематографичность российской и британской прозы XX века: сопоставительный аспект (на примере прозы В. М. Шукшина и Г. Грина) / Е. В. Михайловская, И. А. Тортунова // Научный диалог. — 2015. — № 11. — С. 97—118.

11. Можяева Т. Г. Языковые средства реализации кинематографичности в художественном тексте (на материале произведений Г. Грина, Э. Хемингуэя, М. Этвуд) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. Г. Можяева. — Барнаул, 2006. — 22 с.

12. Немцев М. В. Стиливые приемы кинематографа в литературе русского зарубежья первой волны : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. В. Немцев. — Москва, 2004. — 162 с.

13. Овчарова Е. Э. Рассуждение о литературной кинематографичности в докинематографическую эпоху [Электронный ресурс] / Е. Э. Овчарова. — Режим доступа : <http://www.culturalnet.ru/main/fileex/13> (дата обращения 09.02.2023).

14. Осьмухина О. Ю. Цикл повестей «Смерть на брудершafft» Б. Акунина в аспекте литературной кинематографичности / О. Ю. Осьмухина, И. Р. Куряев // Неофилология. — 2021. — Т. 7, № 25. — С. 102—110.

15. Размашкин И. Ю. Кинематографичность идиостиля Ю. Тынянова: композиционно-синтаксический аспект : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / И. Ю. Размашкин. — Санкт-Петербург, 2001. — 18 с.

16. Сейбель Н. Э. Дихотомия «своего» и «чужого» в структуре Восточных заметок Ф. Зальтена, Ф. Верфеля, Э. Канетти / Н. Э. Сейбель, Е. М. Шастина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 319—335. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-319-335.

17. Скляр Н. В. Монтажность композиционного и сюжетного уровней текста современной немецкой автобиографии / Н. В. Скляр // Балтийский гуманитарный журнал. — 2013. — № 3. — С. 29—32.

18. Соколова Е. К. Литературный художественный образ и кинообраз : проблема соотношения и взаимовлияния : на примере киноинтерпретаций романов Ф. М. Достоевского : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.08 / Е. К. Соколова. — Москва, 2013. — 241 с.

19. Солдаткина Я. В. Литература в звуке, цвете, движении: историко-литературные основы медиасловесности : учебно-методическое пособие / Я. В. Солдаткина. — Москва — Берлин : Директ-Медиа, 2019. — 265 с. — ISBN 978-5-4475-9960-7.
20. Тарасов А. В. Кинематограф М. А. Булгакова : к проблеме кинематографичности художественного мышления писателя : диссертация ... кандидата культурологических наук : 24.00.01 / А. В. Тарасов. — Шуя, 2006. — 185 с.
21. Тюпа В. И. Нарративная стратегия романа / В. И. Тюпа // Новый филологический вестник. — 2011. — № 3 (18). — С. 8—25.
22. Шастина Е. М. Типизация эпохи в «50 характерах» Элиаса Канетти: к проблеме жанра / Е. М. Шастина // Научный диалог. — 2016. — № 8 (56). — С. 84—96.
23. Шмид М. Нарратология / М. Шмид. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с. — ISBN 5-94457-082-2.
24. Andreotti M. Die Struktur der modernen Literatur. Neue Wege in der Textinterpretation: Erzählprosa und Lyrik. Mit einem Glossar zu literarischen, linguistischen und philosophischen Grundbegriffen. 5. überarb. Aufl. / M. Andreotti. — Bern : Haupt, 2014. — 488 S.
25. Dunz Ch. Erzähltechnik und Verfremdung: die Montagetechnik und Perspektivierung in Alfred Döblin „Berlin Alexanderplatz“ und Franz Kafka „Der Verschollene“: Europäische Hochschulschriften: Deutsche Sprache und Literatur / Ch. Dunz. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 1994. — Band 1458. — 200 S.
26. Durzak M. Zitat und Montage im deutschen Roman der Gegenwart / M. Durzak // Die deutsche Literatur der Gegenwart. Aspekte und Tendenzen. — Stuttgart, 1971 — S. 211—229.
27. Ferguson S. Elias Canetti and Multiculturalism / S. Ferguson // Poetica. — 1997. — № 29 (3/4). — S. 532—595.
28. Göpfert H. G. Zu den «Stimmen von Marrakesch» / H. G. Göpfert // Elias Canettis Anthropologie und Poetik / Stefan, H. Kaszynski (Hrsg.). — München : Carl Hanser Verlag, 1984. — S. 135—150.
29. Görbert J. Poetik und Kulturdiagnostik. Zu Elias Canettis „Die Stimmen von Marrakesch“ / J. Görbert. — St. Ingbert : Röhrig, 2009. — 124 S.
30. Hanuschek S. Elias Canetti. Biographie / S. Hanuschek. — München-Wien : Carl Hanser Verlag, 2005. — 800 S.
31. Murphy H. «Gute Reisende sind herzlos»: Canetti in Marrakesch / H. Murphy // A Companion to the Works of Elias Canetti. — Rochester New York : Camden House, 2004. — S. 157—173.
32. Schmitt K. Poetik der Montage. Figurenkonzeption und Intertextualität in der „Kudrun“ / K. Schmitt // Philologischen Studien und Quellen. — Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2002. — Band 174. — 326 S.

Статья поступила в редакцию 22.02.2023,
одобрена после рецензирования 29.03.2023,
подготовлена к публикации 22.04.2023.

Material resources

- Canetti, E. (1980). *Die Stimmen von Marrakesch. Aufzeichnungen nach einer Reise*. Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag. 106 S. (In Germ.).
- Canetti, E. (1990). *Man of our century*. Moscow: Progress. 474 p. ISBN 5-01-002099-8. (In Russ.).

- Canetti, E. (1995). *Der Ohrenzeuge. Fünfzig Charaktere*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag. 99 S. (In Germ.).
- Canetti, E. (1996). *Die Fackel im Ohr. Lebensgeschichte: 1921—1931*. Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag. 348 S. (In Germ.).

References

- Akhrieva, L. M. (2013). Cinematography as a way of dynamization of the narrative in Yu. N. Tynyanov's novel "Kyukhlya". *Language and Culture*, 4: 146—150. (In Russ.).
- Andreotti, M. (2014). *Die Struktur der modernen Literatur. Neue Wege in der Textinterpretation: Erzählprosa und Lyrik. Mit einem Glossar zu literarischen, linguistischen und philosophischen Grundbegriffen*. Bern: Haupt. 488 S. (In Germ.).
- Aseeva, O. A. (2010). The phenomenon of literary cinematography in the modern literary process. *Bulletin of UISTU*, 3 (51): 8—11. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics: studies of different years*. Moscow: Fiction. 504 p. (In Russ.).
- Bakirova, E. V. (2012). *Prose of Franz Kafka in the aspect of cinematic visibility: author's abstract of PhD Diss*. St. Petersburg. 30 p. (In Russ.).
- Davydenko, E. N., Osadchaya, T. Yu. (2020). Poetics of cinema in modern literature (based on the novel by I. McEwan "Saturday"). *Philological aspect: international scientific and practical journal*, 06 (62). Available at: <https://scipress.ru/philology/articles/poetika-kinematografa-v-sovremennoj-literature-na-materiale-romana-i-makyue-na-subbota.html> (accessed 09.02.2023). (In Russ.).
- Dunz, Ch. (1994.). *Erzähltechnik und Verfremdung: die Montagetechnik und Perspektivierung in Alfred Döblin „Berlin Alexanderplatz“ und Franz Kafka „Der Verschollene“: Europäische Hochschulschriften: Deutsche Sprache und Literatur; 1458*. Frankfurt am Main: Peter Lang. 200 S. (In Germ.).
- Durzak, M. (1971). Zitat und Montage im deutschen Roman der Gegenwart. In: *Die deutsche Literatur der Gegenwart. Aspekte und Tendenzen*. Stuttgart. 211—229. (In Germ.).
- Ferguson, S. (1997). Elias Canetti and Multiculturalism. *Poetica*, 29 (3/4): 532—595. (In Germ.).
- Göpfert, H. G. (1984). Zu den «Stimmen von Marrakesch». In: Stefan, H. Kaszynski (Hrsg.) *Elias Canettis Anthropologie und Poetik*. München: Carl Hanser Verlag. 135—150. (In Germ.).
- Görbert, J. (2009). *Poetik und Kulturdiagnostik. Zu Elias Canettis „Die Stimmen von Marrakesch“*. St. Ingbert: Röhrig. 124 S. (In Germ.).
- Hanuschek, S. (2005). *Elias Canetti. Biographie*. München-Wien: Carl Hanser Verlag. 800 S. (In Germ.).
- Kuryaev, I. R. (2021). *Cinematography of domestic prose at the turn of the XX—XXI centuries: author's abstract of PhD Diss*. Saransk. 23 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1973). *Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics*. Tallinn: Eesti Raamat. 92 p. (In Russ.).
- Markova, T. N. (2017). Cinematic techniques as a manifestation of the form-creation of modern prose. *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*, 1: 132—136. (In Russ.).
- Martyanova, I. A. (2017). Cinematographic character of the literary text (on the material of modern Russian prose). *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*, 1: 136—141. (In Russ.).

- Mikhailovskaya, E. V., Tortunova, I. A. (2015). Cinematic Russian and British Prose of XX Century: Contrastive Aspect (by Example of Prose by V. M. Shukshin and G. Greene). *Nauchnyi dialog*, 11: 97—118. (In Russ.).
- Mozhaeva, T. G. (2006). *Language means of realizing cinematography in a literary text (based on the works of G. Green, E. Hemingway, M. Atwood)*: author's abstract of PhD Diss. Barnaul. 22 p. (In Russ.).
- Murphy, H. (2004). «Gute Reisende sind herzlos»: Canetti in Marrakesch. In: *A Companion to the Works of Elias Canetti*. Rochester New York: Camden House. 157—173. (In Germ.).
- Nemtsev, M. V. (2004). Style techniques of cinema in the literature of the Russian abroad of the first wave: author's abstract of PhD Diss. Moscow. 162 p. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Yu., Kuryaev, I. R. (2021). The cycle of stories “Death on brotherhood” by B. Akunin in the aspect of literary cinematography. *Neophilology*, 7 (25): 102—110. (In Russ.).
- Ovcharova, E. E. *Discourse on literary cinematography in the pre-cinematic era*. Available at: <http://www.culturalnet.ru/main/fileex/13> (accessed 09.02.2023). (In Russ.).
- Razmashkin, I. Yu. (2001). *Cinematography of Yu. Tynyanov's idiosyncrasy: compositional-syntactic aspect*: author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 18 p. (In Russ.).
- Schmid, M. (2003). *Narratology*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 312 p. ISBN 5-94457-082-2. (In Russ.).
- Schmitt, K. (2002). Poetik der Montage. Figurenkonzeption und Intertextualität in der „Kudrun“. In: *Philologischen Studien und Quellen, Band 174*. Berlin: Erich Schmidt Verlag. 326 S. (In Germ.).
- Seibel, N. E., Shastina, E. M. (2022). Dichotomy of Friend” and “Foe” in Structure of Eastern Notes of F. Salten, F. Werfel, E. Canetti. *Nauchnyi dialog*, 11 (3): 319—335. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-319-335. (In Russ.).
- Shastina, E. M. (2016). Epoch Typification in “50 Characters” by Elias Canetti: to Problem of Genre. *Nauchnyi dialog*, 8 (56): 84—96. (In Russ.).
- Sklyar, N. V. (2013). Montage of the compositional and plot levels of the text of modern German autobiography. *Baltic Humanitarian Journal*, 3: 29—32.
- Sokolova, E. K. (2013). *Literary artistic image and film image: the problem of correlation and mutual influence: on the example of film interpretations of the novels of F. M. Dostoevsky*: author's abstract of PhD Diss. Moscow. 241 p. (In Russ.).
- Soldatkina, Ya. V. (2019). *Literature in sound, color, movement: historical and literary foundations of media literature: a teaching aid*. Moscow — Berlin: Direct-Media. 265 p. ISBN 978-5-4475-9960-7. (In Russ.).
- Tarasov, A. V. (2006). *Cinematography by M. A. Bulgakov: to the problem of cinematographic artistic thinking of the writer*: PhD. Diss. Shuya. 185 p. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2011). Narrative strategy of the novel. *New Philological Bulletin*, 3 (18): 8—25. (In Russ.).

*The article was submitted 22.02.2023;
approved after reviewing 29.03.2023;
accepted for publication 22.04.2023.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

.....

Анатолий Анатольевич Слезин, д-р истор. наук (Тамбов)
Алевтина Михайловна Сафронова, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Вячеслав Абдулович Ахмадуллин, д-р истор. наук (Москва)
Екатерина Олеговна Муслимова, канд. истор. наук (Тюмень)
Инга Тотразовна Цориева, д-р истор. наук (Владикавказ)
Константин Алексеевич Немудров, аспирант (Москва)
Ксения Борисовна Егорова, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Ксения Сергеевна Барабанова, канд. истор. наук (Сургут, Тюмень)
Михаил Николаевич Барышников, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Надежда Федоровна Шестакова, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Роман Отмарович Райнхардт, канд. экон. наук (Москва)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(3), 2023]

[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Ахмадуллин В. А. Деятельность Совета по делам религий по организации хаджа в 1960-е годы / В. А. Ахмадуллин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 324—340. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-324-340.

Akhmadullin, V. A. (2023). Activities of Council for Religious Affairs to Organize Hajj in 1960s. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 324-340. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-324-340. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-324-340

Деятельность Совета по делам религий по организации хаджа в 1960-е годы

Ахмадуллин Вячеслав Абдулович

orcid 0000-0003-4441-2384

доктор исторических наук,
доцент, профессор
slavaah@yandex.ru

Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Activities of Council for Religious Affairs to Organize Hajj in 1960s

Vyacheslav A. Akhmadullin

orcid 0000-0003-4441-2384

Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor, Professor
slavaah@yandex.ru

Financial University
under the Government
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Ахмадуллин В. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Новизна исследования заключается в опоре на архивные документы, которые неизвестны исследователям. При этом опыт организации выездов в хадж на основе взаимодействия властных структур Советского государства и духовных управлений мусульман (ДУМ) становится всё более востребованным на фоне роста мусульман нашего Отечества по удовлетворению потребности в таком паломничестве. В жизни советских верующих 8 декабря 1965 года произошло важное событие — вышло Постановление СМ СССР № 1043 «О преобразовании Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в Совет по делам религий при Совете Министров СССР». В связи с этим задачи, которые ранее решали два реорганизуемых органа, созданные в 1943 году и в 1944 году, были переданы в ведение нового Совета — Совета по делам религий. Одной из них была организация выезда в хадж представителей имевшихся тогда четырех духовных управлений мусульман.

Ключевые слова:

хадж; Мекка; Совет по делам религий; муфтий; духовное управление мусульман; Египет; Судан.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The novelty of the study lies in the reliance on archival documents that are not known to researchers. At the same time, the experience of organizing trips to the Hajj based on the interaction between the power structures of the Soviet state and the Spiritual Directorates of Muslims (SUM) is becoming more and more in demand against the backdrop of the growth of Muslims of our Fatherland to meet the need for such a pilgrimage. An important event took place in the life of Soviet believers on December 8, 1965 — the Decree of the Council of Ministers of the USSR No. 1043 “On the transformation of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR and the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR into the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers was issued the USSR”. In this regard, the tasks that were previously solved by two reorganized bodies created in 1943 and 1944 became the responsibility of the new Council — the Council for Religious Affairs (CDR). One of them was the organization of departure for the hajj by representatives of the then four Spiritual Administrations of Muslims (DUM).

Key words:

Hajj; Mecca; Council for Religious Affairs; mufti; spiritual administration of Muslims; Egypt; Sudan.

Деятельность Совета по делам религий по организации хаджа в 1960-е годы

© Ахмадуллин В. А., 2023

1. Введение = Introduction

Особый интерес для исследователей хаджей, организованных в период деятельности Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР (СДР), представляют документы, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде «Ф. Р6991, Совет по делам религий при Совете Министров СССР» в описи 6 «Совет по делам религий при Совете Министров СССР. 1966—1991 г.». Последнее дело в этой описи зарегистрировано под номером 4701. Подавляющее большинство дел этой описи не изучено исследователями.

Анализ деятельности Совета по делам религиозных культов (СДРК) за 21 год по организации выездов в хадж и архивных документов середины 1960-х годов показывает, что вряд ли возможно назвать организацию выезда в хадж в 1966 году заслугой только нового органа — СДР.

Одной из особенностей хаджей, которые проводил СДР в первые годы своей деятельности, является полное отсутствие сведений об этих поездках в специализированной литературе. Сегодня широкие массы читателей имеют возможность ознакомиться с трудами отечественных и зарубежных авторов, в которых показаны различные аспекты деятельности Советского государства и взаимодействующих с ним лидеров мусульман по организации выездов в хадж с 1926 года по начало 1930-х годов [Хайрутдинов, 2016а; Хайрутдинов, 2016б; Фархшатов, 2019; Нуриманов, 2021; Христовых, 2021; Башкуев, 2021, с. 366—398; Кейн, 2021, с. 218—258].

Израильский ученый Я. Рои, анализируя ситуацию с выездами на хадж, убедительно доказывает, что из-за невозможности для широких масс советских мусульман выехать для совершения ритуалов в Мекку и Медину они дали новую жизнь традиции, сложившейся задолго до прихода к власти большевиков, — посещению различных мест, расположенных на территории СССР и почитаемых в качестве святых [Ro'i, 2000, p. 363—384]. Он делает вывод, что только небольшому количеству советских мусульман, прошедших жесткий отбор, представлялась возможность совершить настоящее паломничество в Саудовскую Аравию [Рои, 2001, с. 165].

Про хаджи граждан СССР, совершаемые в 1944—1965 годах, вышла монография, в которой не только анализируется их подготовка и проведение, но и дан список более чем двухсот советских хаджи с подробными биографическими данными, взятыми из анкет паломников и других документов [Ахмадуллин, 2016]. Хаджу мусульман СССР в этот период посвящены ряд работ других авторов [Юнусова, 1999, с. 232; Набиев, 2002, с. 101; Усманходжаев, 2008, с. 57].

Паломничество советских мусульман в Мекку и Медину в 1970-е и по начало 1990-х годов анализируют светские и религиозные авторы [Is-mailov, 1976, р. 4—5; Sharafutdin, 1982, р. 6—7; Мухтаров и др., 1983, с. 77; Жуман, 1990, с. 9—11; с. 77; Синенко, 2008, с. 245; Прусакова, 2009, с. 71; Алпатов, 2012, с. 255].

Таким образом, обзор литературы показывает, что исследователи, изучавшие хадж советских мусульман, в силу самых различных причин не анализировали хадж в первые годы деятельности СДР.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Доказательством этого вывода служат документы описи 6 «Совет по делам религий при Совете Министров СССР. 1966—1991 гг.». Например, только 17 марта 1966 года вышло Постановление СМ СССР № 203 «О структуре и штатах центрального аппарата Совета по делам религий при Совете Министров СССР», а вылет паломников из Москвы состоялся 29 марта. Как показывает анализ работы Совета по делам религиозных культов (СДРК) — одного из предшественников СДР, для подготовки таких выездов требовалось около трех месяцев работы специалистов центрального аппарата и уполномоченных этого органа, начиная от областного и заканчивая республиканским. Справедливо будет отметить, что 3 февраля 1966 года вышло Постановление СМ СССР № 87 «О назначении тт. Фурова В. Г. и Маканцева П. В. заместителями председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР» [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 4, д. 119, л. 16; оп. 6, д. 1, л. 1, 2, 5]. Еще одной особенностью этого выезда стали рекордно короткие сроки поездки — вместо обычных 30 дней, паломники находились за границей всего 22 дня и вернулись в Москву 19 апреля 1966 года [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 52, л. 175—176].

Без сомнения, организация такой поездки в 1966 году стала для СДР своеобразным испытанием в вопросах решения возложенных на него задач в условиях, когда новый Совет должен был действовать большую часть времени подготовки хаджа, в ситуации, когда у него с правовой точки зрения не было работников в центральном аппарате, так как не было штата этого аппарата. При этом руководство центрального аппарата должно было

справиться с решением весьма специфической задачи, имеющей внешне-политический характер, — отправить группу советских мусульман в Королевство Саудовская Аравия. Проблема осложнялась отсутствием дипломатических отношений у СССР с КСА.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Первый год деятельности СДР по привлечению институтов Советского государства и духовных управлений мусульман к решению возложенных задач

Анализ отчетных документов по этому хаджу показывает, что, несмотря на трудности, СДР и другим задействованным организациям (например, посольству СССР в Арабской Республике Египет) удалось создать все условия для благополучного проведения хаджа и возвращения всех паломников по местам постоянного проживания. Об этом свидетельствует доклад руководителя группы советских паломников — председателя Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ, Ташкент) муфтия З. Бабаханова в СДРК. Как следует из этого документа, САДУМ по-прежнему было в привилегированном положении: из 17 паломников 13 человек выехали из регионов, подконтрольных именно этому управлению, при четырех действовавших духовных управлениях мусульман (ДУМ) [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 52, л. 175—176].

По докладу одного из областных уполномоченных СДР из Узбекистана, в этот год хаджи прибывали в родные края самостоятельно, вне организованных групп, что позволило избежать пышных встреч местным населением. В 1967 году ситуация вышла из-под контроля этого уполномоченного. Двоих пожилых хаджи в аэропорту г. Андижана встречали почти 200 человек. Из-за уважения к их возрасту им позволили спуститься по трапу первыми. Толпа встречающих окружила трап, и в результате создалась пробка, из-за которой остальные пассажиры самолета, в том числе руководители Андижанской области, прилетевшие этим самолетом из столицы Узбекистана, не могли быстро выйти из самолета. Через сутки, 15 апреля, толпа столь же восторженно встречала еще пятерых хаджи [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 80, л. 130—132].

Несколько дней после возвращения (в течение примерно до двух недель) многие уполномоченные, как в годы работы СДРК — 1944—1965, наблюдали одну и ту же ситуацию в разных регионах страны: большое количество гостей посещало дома хаджиев. Они выражали свое почтение хаджи, интересовались, как проходил хадж и т. д.

Как и в годы работы СДРК, из регионов СССР приходили доклады, в которых показывалось, что одним из проявлений роста интереса к исла-

му после возвращения хаджиев становилось увеличение количества присутствующих на намазах, проходивших до начала и после окончания рабочего дня, также наблюдался рост числа прихожан в мечетях по пятничным дням. Особое внимание обращалось на то, что такое скопление взрослых притягивало школьников.

3.2. Попытки решения старых проблем и работа с мусульманами в 1967—1968 годах

В 1967 году перед руководством СДР встала проблема, которую несколько раз пытал решить СДРК: необходимо было оформить права собственности на недвижимость в Джидде, построенную еще при Российской империи мусульманами Туркестана. Фактически еще первый председатель СДРК И. В. Полянский предпринял несколько попыток вернуть эту недвижимость в распоряжение САДУМ [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 34, л. 235—242; д. 42, л. 118—123; д. 50, л. 53—77, 219; д. 56, л. 92, 93; д. 79, л. 181; д. 83, л. 234]. Но они оказались безуспешными [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 34, л. 24, 83—85, 184—186; д. 42, л. 108—109; д. 45, л. 57, 66; д. 56, л. 92, 233—235; д. 83, л. 234; д. 965, л. 98—99; РГАСПИ. ф. 17, оп. 132, д. 111, л. 73—76]. Сложившаяся ситуация заставила функционеров центрального аппарата СДРК, после возвращения группы паломников с хаджа 1955 года, поддержать вывод Ш. Абдуллаева (старшего этой делегации, жителя ДАССР) о необходимости покупки недвижимости в Мекке для советских мусульман [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 57, л. 36; д. 964, л. 24; д. 965, л. 17, 27; оп. 4, д. 41, л. 41]. Но эта задача также не была решена. В 1965 году председатель САДУМ муфтий З. Бабаханов (избран на эту должность на курултае в 1957 году) вновь попытался решить проблему домов в Джидде [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 126, л. 105]. Но и эта попытка оказалась неудачной.

Аппарат уполномоченного СДР по Узбекской ССР 19 мая 1967 года доложил заместителю председателя СДР И. И. Бражнику о том, что Ш. Бабаханов (сын председателя САДДУМ муфтия З. Бабаханова) привез из хаджа 1965 года письмо от жителя Джидды Яхьи Абдуллы Муссы. Корреспондент напоминал о двух вакуфных домах в Джидде и просил выслать ему доверенность на их ремонт. И. И. Бражник принял решение о необходимости продолжения переписки муфтия З. Бабаханова с Яхьей Абдуллой Муссой для выяснения необходимых данных. Отметим, что 21 декабря 1965 года З. Бабаханов ошибочно сообщал уполномоченному Совету по Узбекской ССР Ш. К. Ширибаеву, что этот человек умер. Это подтверждается и письмом самого Яхьи Абдуллы Муссы, написанного им 5 апреля 1967 года. Его желание было поддержано заместителем председателя СДР П. В. Макарьевым: 6 июня 1967 года он поручил подчиненным найти эти документы [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 4, д. 190, л. 243—244; д. 244; оп. 6, д. 126, л. 55—57].

С нашей точки зрения, муфтий З. Бабаханов и его ближайшие коллеги по руководству САДУМ видели и анализировали проблемы, которые выявились во время выездов советских мусульман в зарубежье, в том числе на хадж. Этот вывод сделан на основе анализа различных документов, подписанных З. Бабахановым. Например, аппарат уполномоченного СДР по Узбекской ССР 26 августа 1967 года выслал в СДР документ «Мероприятия Духовного Управления мусульман Средней Азии и Казахстана по усилению связей с зарубежными мусульманскими религиозными деятелями и организациями в 1967—68 г.» [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 126, л. 153—157]. Важное место в комплексе намеченных мероприятий было отведено тщательному подбору состава делегации паломников, «чтобы большинство членов делегации были лица, понимающие международную политику, образованные и знающие минимальной нормы языка, чтобы вся тяжесть не легла на главу делегации». Один из пунктов документа конкретизировал поведение делегаций советских мусульман в зарубежных выездах, в том числе в ходе хаджа: «Шире использовать и практиковать метод установления знакомств с местными представителями духовенства при помощи устраивания приемов после прибытия Советской духовной делегации в одну из мусульманских стран. Этот метод широко практикуется в Саудовской Аравии различными делегациями в честь местного духовенства» [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 126, л. 156].

Среди документов о хадже советских мусульман важное место занимает «Отчет о работе Отдела международных связей за 1967 г. по линии САДУМа». Для понимания сути Отчета необходимо процитировать его начало: «В отчетном году Отделом оказывалось широкое содействие САДУМу в поддержании и расширении международных связей <...> Придавая большое значение личным контактам Духовное управление посылало своих представителей в зарубежные страны <...> Поездка на паломничество в Мекку была использована для установления дружественных контактов с представителями духовенства Ливана и ОАР» [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 129, л. 20].

В Отчете абсолютно справедливо признано, что хадж использовался не для удовлетворения религиозной потребности мусульман СССР, а для налаживания контактов с руководителями зарубежных единоверцев.

Возможность реализации мусульманами СССР своих прав очень интересовала представителей Запада. Так, например, 23 июня 1967 года САДУМ посетила Шарлотта Куртис, социолог и корреспондент газеты «New York Times». Гостя интересовалась различными аспектами государственно-мусульманских отношений, в том числе тем, как решаются проблемы хаджа советских мусульман. К сожалению, в записи беседы не указано, как

ответил муфтий на эти вопросы [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 126, л. 100—101]. Через месяц, 28 июля 1967 года, муфтий З. Бабаханов принял в резиденции САДУМ 82 американских туриста, которые также интересовались различными вопросами жизни советских мусульман. В ходе беседы председатель САДУМ З. Бабаханов пояснил им, что пять раз был в хадже [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 126, л. 105—106]. Тем самым он хотел показать иностранцам, что у мусульман Советского государства нет проблем с выездом на хадж. Безусловно, многократные выезды на хадж лидеров советских мусульман абсолютно точно отражали качество государственно-мусульманских отношений и показывали невысокий уровень возможностей простых мусульман осуществить мечту и выполнить исламский долг.

Осенью 1967 года САДУМ посетили несколько делегаций по линии ООН. Например, 8 сентября 1967 года в САДУМ побывали представители ООН по мелиорации земель. Гостей принял заместитель председателя САДУМ И. М. Саттиев. Он рассказал о деятельности духовного управления и ответил на вопросы, например, о возможностях советских мусульман совершить хадж и о том, как много граждан СССР его делают каждый год. И. М. Саттиев ответил: «Каждый желающий мусульманин подает заявление о своем желании поехать в Мекку. Потом мы представляем эти заявления в соответствующее учреждение. После оформления документов поедут в Мекку. Каждый год отправляем около 20 человек». В записи беседы сделано важное пояснение: «Слушая этот ответ представитель Судана покачал головой, выражая свое неудовольствие за малое количество паломников» [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 126, л. 197—200].

Участники семинара ООН по ознакомлению с опытом СССР в области финансирования экономического развития посетили САДУМ 9 сентября 1967 года. Делегация состояла из 25 человек, большинство из них представляли государства Африки. Во время беседы гость из Нигерии спросил о возможностях советских мусульман совершать хадж. Муфтий З. Бабаханов ответил крайне лаконично, не называя конкретных статистических данных: «По мере возможности и наши мусульмане совершают паломничество» [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 126, л. 167—172].

Через неделю, 16 сентября 1967 года, САДУМ посетила делегация ученых из Исламской Республики Пакистан (ИРП) во главе с президентом Академии наук ИРП, ректором университета в Равалпинди Мухаммадом Радиитдином Сиддики. Во время беседы муфтий З. Бабаханов рассказал гостям об истории отношений мусульман Средней Азии с единоверцами из Пакистана. Особое внимание он обратил на приезд в СССР в 1957 году, по приглашению САДУМ, представительной делегации мусульманского духовенства Пакистана во главе с Абдул Хамедом аль-Бадаюни. Муфтий

также напомнил и об ответных визитах в ИРП представителей САДУМ, в частности, о приезде заместителя председателя САДУМ Исмаила Саттиева для участия в международной исламской конференции в Лахоре. Напомнил он и о поездке представителя САДУМ — заведующего Отделом по связям с зарубежными странами — Юсупхана Шакирова для участия в 1967 году в конференции чтецов Корана и т. д. В ходе беседы гости задавали вопросы о жизни мусульман СССР. Один из них касался совершения хаджа советскими мусульманами. Председатель САДУМ З. Бабаханов почти дословно воспроизвел ответ, данный им 9 сентября 1967 года участникам семинара ООН: «По мере наших возможностей, не очень много, каждый год 15—20 человек» [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 126, л. 167—172].

Анализ архивных документов показывает стабильное однообразие вариантов ответов руководителей САДУМ на вопросы иностранцев о хадже. Например, 13 октября 1967 года САДУМ посетила группа политических и культурных деятелей из Республики Индонезия. В ходе беседы с принявшим их заместителем председателя САДУМ И. М. Саттиевым поднимались разные аспекты жизни мусульман в СССР. Полковник Сухопутных сил, заместитель директора Телеграфного агентства информации Вооруженных сил, главный редактор газеты «Вооруженные силы», член Парламента и Парламентской комиссии по вооруженным силам и иностранным делам, преподаватель университета имени профессора Мустафы Джое Промото задал вопрос: «Совершают ли советские мусульмане паломничества в Мекку и в каком количестве?». И. М. Саттиев ответил стандартной фразой: «Да, ежегодно группа советских паломников совершают поездку в Мекку для выполнения паломнических обрядов. В этом году паломников возглавлял я, и будучи в Мекке встретился с индонезийскими братьями по вере». Во многом показательным является поведение И. М. Саттиева после этого ответа, облеченного в столь неконкретную форму: он, сославшись на необходимость проведения проповеди, ушел в мечеть [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 127, л. 34—40].

Очередная группа гостей, состоящая из представителей профсоюзов Пакистана, Индонезии, Цейлона и Сингапура, посетила САДУМ 25 октября 1967 года. Делегация была принята заведующим Отделом связи с зарубежными странами Ю. Шакировым. Во время беседы гости задали ему вопрос о возможностях мусульман СССР совершать хадж. Ю. Шакиров, не раскрывая деталей, ответил очень пространно, в стиле руководителей САДУМ: «Да, ездят. Каждый год группа мусульман из Советской Средней Азии совершает паломничество в Мекку» [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 127, л. 50—53].

Делегацию советских мусульман, отправившуюся на хадж 28 февраля 1968 года, возглавлял казый Духовного управления мусульман Европейской

части СССР и Сибири (ДУМЕС) Камал Садреевич Баширов. Паломники в составе 21 человека вылетели из аэропорта Шереметьево в 20:00 на самолете Ил-18 по маршруту Москва — Каир — Хартум. Самолет приземлился в Судане в 5:00 29 февраля. В аэропорту Хартума их встречали советский консул В. Г. Набиев, представители министерства просвещения Судана и казията. Суданская сторона, несмотря на то, что советские граждане вылетали в 15:00, устроила насыщенную программу. Паломники по приглашению казията посетили временно исполняющего обязанности судьи Судана. Группа также посетила мечеть и осмотрела город. В отчете К. С. Баширова даны несколько важных подробностей. Например, в Хартуме каждый советский паломник заплатил за визу КСА \$24,45, всего группа отдала почти \$514. На таможне в Джидде группу подвергли тщательному личному обыску и досмотру багажа. С нашей точки зрения, это можно объяснить скандалом, случившимся в 1965 году из-за попытки ввоза в КСА опиума тремя паломниками из УзССР. Когда саудовцы его обнаружили, поделщиков подвергли суду шариата и посадили в тюрьму, но через несколько дней отпустили, и они благополучно вернулись в СССР. На этот раз все обошлось благополучно, но у советских паломников изъяли: магнитофонные ленты с музыкой, письма, альбомы «Исторические памятники Ислама в СССР» и альбомы с видами Москвы [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 196, л. 12—17].

В ночь с 29 февраля на 1 марта 1968 года группа оделась в ихрам. После уплаты пошлины за въезд в Мекку (1764 реала) и оформления документов группа на автобусе отправилась в Мекку. В пути следования автобус останавливали на четырёх контрольных пунктах для проверки паспортов. К вечеру 1 марта группа приехала в Мекку. Советские паломники разместились возле Запретной мечети и сразу отправились в неё для совершения обрядов. Как и в предыдущие годы, советских граждан посещали родственники, земляки и знакомые. Некоторые из них, рассказывая о своем положении в стране, отмечали, что эмигранты из СССР, несмотря на десятилетия после оставления Родины, не принимаются в КСА на работу в государственные учреждения, поэтому большинство из них занимаются торговлей. Часть выходцев из СССР не решались на такие встречи из-за того, что за ними был установлен контроль. Опасаясь за свое будущее, они воздерживались от встречи с советскими паломниками. Интересно, что старший группы советских паломников К. С. Баширов в докладе после хаджа привел в подтверждение жесткого поведения властей КСА конкретный случай: в 1962 году группа паломников из СССР посетила в городе Тамф квартиру военнослужащего армии КСА Абдулло Фатхутдинова. После этого визита А. Фатхутдинов был уволен из армии и выслен из Таифа в глубь страны — в город Риаз. За общение с советскими паломниками

были лишены государственных пособий эмигранты из СССР Мухамед Махдум Туркестани и Мухтар Махдум. Тем не менее советская группа посетила дом одного из эмигрантов, торговца предметами религиозного культа Мухамеда Хана Махдума, так как в составе группы был его племянник Вахабов [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 196, л. 13—14].

Советская группа провела в Мекке ряд встреч с отдельными паломниками из Турции, США, Афганистана и Финляндии. Делегация хаджиев из Финляндии состояла из 7 человек. Их возглавлял председатель мутаваллиата Осман Али. В составе финских паломников были пять человек, которые в 1966 году приезжали в СССР по приглашению ДУМЕС и САДУМ. С 7 марта по 9 марта 1968 года группа совершала религиозные обряды на горе Арафат, в Муздамеде и Мино. Надо отметить, что паломники в качестве курбана купили три коровы, которые были принесены в жертву в Мекке. Паломники смогли принять участие в ещё одном важном мероприятии: 10 марта они посетили в Мино резиденцию короля Фейсала ибн Абдель Азиза ас-Сауда.

После жертвоприношения в Мекке группа повторно совершила ритуальные обряды в Запретной мечети, переоделась в обычную одежду и возвратилась в Мино. Затем, 10 марта, группа посетила резиденцию короля Саудовской Аравии в Мино. Глава советских хаджи К. С. Баширов выступил с краткой речью, которая транслировалась по каналам радио и телевидения. От имени делегации королю был преподнесен подарок — ковер. Вечером 11 марта группа возвратилась в Мекку, где преподнесла имам-хатыбу Запретной мечети ковер, сотканный женой паломника из Ашхабада Аннамурата Оглы Аннамаксумова. Затем, 13 марта, группа выехала в Медину, где посетила ряд мест, священных для мусульман. К. С. Баширов подарил мечети Пророка ковер от имени всей группы. Затем паломники вернулись в Мекку, где посетили местных жителей, которые в разное время уехали из Российской империи и Советского государства. Среди них был Махмуд Ахмед углы, уроженец Казани. Ему группа подарила два отреза, две пары чувяков (мягкая кожаная обувь без каблуков), папиросы и духи. Отрез на платье и два платка получил за обслуживание делегации местный житель М. Бабаханов и его брат.

Группа выехала из Медины в Джидду 16 марта 1968 года и, оформив документы, 18 марта вылетела в Хартум. Надо отметить, что при выезде из Джидды паломники вновь подверглись тщательному личному обыску и досмотру багажа. У некоторых паломников были изъяты записки и письма эмигрантов своим родственникам, проживающим в СССР. Более того, изъятые у них при прилете в КСА письма, альбомы «Исторические памятники Ислама в СССР» и альбомы с видами Москвы не были возвращены. Им вернули только магнитофонные ленты с музыкальными записями.

Группа вернулась в Хартум 18 марта и находилась в Хартуме, столице Республики Судан (РС), по 22 марта 1968 года. За эти дни паломники знакомились с городом, совершая по нему поездки на автобусе посольства. Руководитель группы К. С. Баширов и два паломника по просьбе посла СССР И. Н. Якушина в РС посетили Советское посольство для информирования служащих советского дипломатического корпуса о хадже. В Хартуме делегация не смогла посетить суданского муфтия, поэтому ковер, который хотела ему подарить делегация советских мусульман, был оставлен в посольстве СССР для последующего вручения.

В качестве выводов по организации паломничества руководитель группы К. С. Баширов в отчете отметил, что группа хаджи была подобрана в основном правильно. Он считал, что по состоянию здоровья группа в целом выдержала хадж, но престарелые паломники не всегда могли участвовать во всех ритуалах из-за того, что у некоторых было серьезное недомогание, прежде всего у пожилых мужчин.

Анализ отчета К. С. Баширова показывает, что врачи, находившиеся в составе группы советских паломников, выполнили свои обязанности очень хорошо. Они не только смогли успешно справиться с болезнями среди членов своей делегации, но активно помогали местному населению. Надо отметить, что и во многих последующих группах были врачи с богатым практическим опытом. Эти специалисты сыграли значительную роль в формировании положительного образа не только мусульман СССР, но и всего Советского государства. В отчете старшего группы советских паломников К. С. Баширова имеются и другие очень важные подробности этой поездки, характеризующие отношение к советским мусульманам со стороны принимающей стороны на протяжении всего времени их нахождения в Королевстве Саудовская Аравия:

— все паспорта советских паломников находились у представителей саудовских властей, а при следовании из города в город у водителей автобусов — лиц, предоставленных саудовскими властями;

— за советской группой был установлен контроль: её постоянным спутником, вплоть до вылета из Джидды, был местный житель — Абдулкадыр, владеющий фарси, узбекским и арабским языками, что позволяло ему быть в курсе разговоров опекаемых мусульман;

— в Мекке группа жила в доме Мутауфа Займи Кушака, при этом место проживания паломников не имело элементарных санитарных условий, оно было грязным и тесным;

— паломники увидели нищенское существование обычных граждан Саудовской Аравии и большую разницу между жизнью в КСА и СССР.

Особого внимания заслуживают выводы К. С. Баширова, адресованные органам власти в СССР:

— просить Совет по делам религий при Совете Министров СССР помочь в защите прав советских паломников силами посольства одного из дружественных государств в Королевстве Саудовская Аравия;

— принять необходимые меры для улучшения жилищных условий паломников в КСА (то есть К. С. Баширов в очередной раз поднял проблему собственности на дома, которая возникла примерно за 20 лет до его приезда в КСА);

— информировать Министерство здравоохранения СССР о недостатках (прививках паломникам) при их въезде в Саудовскую Аравию.

Изучение архивных документов показывает, что паломники и представители руководства духовных управлений мусульман вынуждены были защищать Советское государство и его религиозную политику не только за пределами Родины, но и находясь дома. При этом они это делали не только перед лицом представителей Запада, но и мусульманского Востока. Чуть более чем через два месяца, 28—29 мая 1968 года, СССР посетили корреспонденты финского телевидения и радио Пауль фон Мартенс и Том Вестергаард. В мечети Алма-Аты на их вопросы о положении мусульман в СССР имам-хатыб мечети Фазылов ответил кратко: «... в 1968 году на паломничество в Мекку выезжали из Советского Союза 22 человека» [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 199, л. 57, 64—65]. Но анализ доклада старшего группы паломников муфтия казья ДУМЕС К. С. Баширов показывает, что их было не 22, а 21 человек. Это количество подтверждается и суммой платежа за визы в КСА [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 196, л. 12—17].

Примерно через шесть месяцев после возвращения этой группы в СССР, 9 октября 1968 года, САДУМ посетили девять граждан Греции, Иордании, Ирака, Ирана, Пакистана, Судана и Сирии. Эта группа была направлена ООН в СССР для изучения вопросов механизации лесоводства. Иностранцы встретились с муфтием З. Бабахановым. Муфтий З. Бабаханов рассказал гостям о задачах, которые решало САДУМ, и различных аспектах государственно-мусульманских отношений: как издаётся исламская литература, развивается мусульманское просвещение и образование и т. п. Гражданин Иордании Муса ал-Кудат задал от имени гостей вопрос о хадже. При этом он четко сформулировал вопрос о причинах малого количества советских паломников и понимании им вины СССР в создавшемся положении. Но председатель САДУМ муфтий З. Бабаханов дал абсолютно другое понимание причин, по которым в хадж выезжали малочисленные группы советских мусульман (не более чем 25 человек): «Причиной этому является не отказ Советского государства посылать больше людей. Ос-

новая причина заключается в отсутствии какого-либо дипломатического представительства между Саудовской Аравией и СССР, поэтому нам приходится ежегодно заблаговременно обращаться к посольствам таких стран как ОАР или Судан, через посредство которых мы получаем визы на выезд в Джидду. При такой обстановке, естественно, трудно увеличить число паломников. Иногда бывало, что Саудовское посольство оттягивало выдачу даже таких виз, и наши паломники чуть было не лишались обряда паломничества, как это было со мной в 1964 году в Хартуме. Поэтому по прибытию в Мекку я добился аудиенцию у короля Фейсала и поставил перед ним вопрос разрешить нам поставить в Джидде нашего мусульманского представителя, который занимался бы вопросами увеличения числа паломников из нашей страны. Но мое предложение Фейсал ответил оговорками мол сначала должны улучшиться отношения между двумя государствами». Надо отметить, что Муса ал-Кудат частично согласился с З. Бабахановым, подтвердив, что для властей это привычный ответ [ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 196, л. 55—58].

4. Заключение = Conclusions

Анализ опыта СДР по организации хаджа советских мусульман показывает, что это было очень трудоемкое дело, сопряженное с массой проблем: государственная — коммунистическая — идеология, в советском исполнении ставшая по сути своей агрессивной в отношении верующих людей, не допускала широкого потока верующих для выезда на паломничество. Трудности паломничества были также связаны и с нежеланием саудовской стороны решать бытовые проблемы советских граждан — предоставить им возможность жить в вакуфных домах, на которые советские мусульмане, прежде всего САДУМ, имели законное право. Такая позиция властей КСА, по нашему мнению, была во многом связана с желанием контролировать гостей, прибывших из государства с антиисламской идеологией. Тем не менее советский опыт дает возможность извлечь из него много уроков, в числе которых важность отправки в хадж физически здоровых людей, способных выдержать климатические условия КСА, и важность всестороннего медицинского обеспечения таких поездок, начиная от профилактических прививок и заканчивая нахождением в группе врачей, способных оказать помощь заболевшим, в том числе и обратившимся за помощью иностранцам. Такой подход обязательно благотворно скажется на авторитете не только российских мусульман, но и всего нашего государства.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-6991, Оп. 3. Д. 34. Л. 24, 83—85, 184—186, 235—242; Оп. 3. Д. 42. Л. 108—109, 118—123; Оп. 3. Д. 45. Л. 57, 66; Оп. 3. Д. 50. Л. 53—77, 219; Оп. 3. Д. 56. Л. 92, 93, 233—235; Оп. 3. Д. 57. Л. 36; Оп. 3. Д. 79. Л. 181; Оп. 3. Д. 83. Л. 234; Оп. 3. Д. 964. Л. 24; Оп. 3. Д. 965. Л. 98—99; Оп. 4. Д. 41. Л. 41; Оп. 4. Д. 119. Л. 16; Оп. 4. Д. 190. Л. 243—244; Оп. 6. Д. 1. Л. 1, 2, 5; Оп. 6. Д. 52. Л. 175—176; Оп. 6. Д. 80. Л. 130—132; Оп. 6. Д. 126. Л. 55—57, 100—101, 105—106, 153—157, 167—172, 197—200; Оп. 6. Д. 127. Л. 34—40, 50—53; Оп. 6. Д. 129. Л. 20—24; Оп. 6. Д. 196. Л. 12—17, 55—58; Оп. 6. Д. 199. Л. 57, 64—65; Оп. 3. Д. 965. Л. 17, 27.
2. РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории*. Ф. 17. Оп. 132. Д. 111. Л. 73—76.

Литература

1. *Алпатов В. М.* Языковеды, востоковеды, историки / В. М. Алпатов. — Москва : Языки славянских культур, 2012. — 374 с. — ISBN 978-5-9551-0515-4.
2. *Ахмадуллин В. А.* Деятельность советского государства и духовных управлений мусульман по организации паломничества (1944—1965 гг.) : анализ исторического опыта и значение для современности : монография / В. А. Ахмадуллин. — Москва : Издательский дом «Исламская книга», 2016. — 203 с. — ISBN 978-5-904491-60-4.
3. *Башкуев В. Ю.* «Мягкая сила» советской медицины на зарубежном Востоке. 1920-е — 1940-е гг. / В. Ю. Башкуев ; науч. ред. П. Э. Ратманов. — Хабаровск : Дальневосточный государственный медицинский университет, 2021. — 502 с.
4. *Иордан М. В.* Ислам в Евразии : современные этические и эстетические концепции суннитского Ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России / М. В. Иордан, Р. Г. Кузеев, С. М. Червонная. — Москва : Прогресс-Традиция, 2001. — 516 с. — ISBN 5-89826-071-4.
5. *Кейн А.* Российский хадж. Империя и паломничество в Мекку / А. Кейн ; Перевод с английского Р. Ибатуллин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2021. — 296 с. — ISBN 978-5-4448-1290-7.
6. *Мухаммад Ш. Ж.* Хадж в священные места / Ш. Ж. Мухаммад // Мусульмане Советского Востока. Орган Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана. — 1990. — № 4 (88). — С. 9—11.
7. *Мухтаров А. М.* Академик Бободжон Гафуров : [Историк] / А. Мухторов, Ш. Шарифов. — Душанбе : Ирфон, 1989. — 205 с.
8. *Набиев Р. А.* Ислам и государство : Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке / Р. А. Набиев. — Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 2002. — 244 с. — ISBN 5-7464-0743-7.
9. *Нуриманов И. А.* Мекканский конгресс и хадж 1926 г. : по мотивам путевых записок Абдрахмана Умерова / И. А. Нуриманов // Ислам в современном мире. — 2021. — Т. 17. — № 1. — С. 139—157. — DOI: 10.22311/2074-1529-2021-17-1-139-157.
10. *Прусакова Н. Г.* К 100-летию академика Бободжан Гафуровича Гафурова / Н. Г. Прусакова // Академик Бободжан Гафуров : к 100-летию со дня рождения / ред. Коллегия : Е. П. Челышев (пред.) и др. ; Ин-т востоковедения РАН. — Москва : Восточная лит. РАН, 2009. — 221 с. — ISBN 978-5-02-036389-2.
11. *Синенко С. Г.* Мусульманское духовное собрание : Художественно-документальное повествование / С. Г. Синенко. — Уфа : Башкортостан, 2008. — 271 с. — ISBN 978-5-8258-0247-3.

12. Усманходжаев А. Жизнь муфтиев Бабахановых : служение возрождению Ислама в Советском Союзе / А. Усманходжаев. — Москва — Нижний Новгород : ИД «Медина», 2008. — 266 с. — ISBN 978-5-9756-0046-2.

13. Фархшатов М. Н. Дипломатическая миссия советской делегации на Всемирном конгрессе мусульман 1926 г. / М. Н. Фархшатов // Проблемы Востоковедения. — 2019. — № 4 (86). — С. 19—26. — DOI: 10.24411/2223-0564-2019-10403.

14. Хайрутдинов А. Г. Хаджнаме Мусы Бигеева. «Из России, можно сказать, я один...» / А. Г. Хайрутдинов // Ислам в современном мире. — 2016. — Т. 12. — № 3. — С. 25—50. — DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-3-25-50.

15. Хайрутдинов А. Г. Хаджнаме Мусы Бигеева. «Из России, можно сказать, я один...» (Окончание) / А. Г. Хайрутдинов // Ислам в современном мире. — 2016. — Т. 12. — № 4. — С. 25—44. — DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-4-25-44.

16. Христофоров В. С. Муфтий Крыма хаджи Муслихиддин о Мекканском конгрессе 1926 г. (по материалам журнала «Асрий мусульманлык») / В. С. Христофоров // Гасырлар авазы — Эхо веков. Научно-документальный журнал. — 2021. — № 4. — С. 154—165.

17. Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане / А. Б. Юнусова. — Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 1999. — 352 с. — ISBN 5-85051-130-X.

18. Ismailov A. To Holy Places for Hajj / A. Ismailov // Muslims of the Soviet East. The Journal of the Muslim Religious Board for Central Asia and Kazakhstan. — 1967. — № I (29). — Pp. 4—5.

19. Ro'i Y. Islam in the Soviet Union : From the Second World War to Gorbachev / Y. Ro'i. — London : Hurst & Company, 2000. — 764 p. — ISBN 1-85065-403-4.

20. Sharafutdin M. Haj to Mecca / M. Sharafutdin // Muslims of the Soviet East. The Journal of the Muslim Religious Board for Central Asia and Kazakhstan. — 1967. — № 4 (56). — Pp. 6—7.

Статья поступила в редакцию 02.03.2023,
одобрена после рецензирования 29.03.2023,
подготовлена к публикации 20.04.2023.

Material resources

GARF — State Archive of the Russian Federation. F. R-6991. (In Russ.).

RGASPI — Russian State Archive of Socio-Political history. F. 17. Op. 132. d. 111. l. 73—76. (In Russ.).

References

Akhmadullin, V. A. (2016). *Activity of the Soviet state and spiritual administrations of Muslims on the organization of pilgrimage (1944—1965): analysis of historical experience and significance for modernity: monograph*. Moscow: Publishing House “Islamic Book”. 203 p. ISBN 978-5-904491-60-4. (In Russ.).

Alpatov, V. M. (2012). *Linguists, orientalists, historians*. Moscow: Languages of Slavic cultures. 374 p. ISBN 978-5-9551-0515-4. (In Russ.).

Bashkuev, V. Yu. (2021). *“Soft power” of Soviet medicine in the foreign East. 1920s — 1940s*. Khabarovsk: Far Eastern State Medical University. 502 p. (In Russ.).

Farkhshatov, M. N. (2019). Diplomatic mission of the Soviet delegation at the World Congress of Muslims in 1926. *Problems of Oriental Studies*, 4 (86): 19—26. DOI: 10.24411/2223-0564-2019-10403. (In Russ.).

- Ismailov, A. (1967). To Holy Places for Hajj. *Muslims of the Soviet East. The Journal of the Muslim Religious Board for Central Asia and Kazakhstan*, 1 (29): 4—5.
- Jordan, M. V., Kuzeev, R. G., Chervonnaya, S. M. (2001). *Islam in Eurasia: modern ethical and aesthetic concepts of Sunni Islam, their transformation in the mass consciousness and expression in the art of the Muslim peoples of Russia*. Moscow: Progress-Tradition. 516 p. ISBN 5-89826-071-4. (In Russ.).
- Kane, A. (2021). *Russian Hajj. Empire and Pilgrimage to Mecca*. Moscow: New Literary Review. 296 p. ISBN 978-5-4448-1290-7. (In Russ.).
- Khairutdinov, A. G. (2016). Hadzhname Musa Bigeeva. “From Russia, one can say, I am alone...”. *Islam in the modern world*, 12 (3): 25—50. DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-3-25-50. (In Russ.).
- Khairutdinov, A. G. (2016). Hadzhname Musa Bigeeva. “From Russia, one can say, I am alone...” (Ending). *Islam in the modern world*, 12 (4): 25—44. DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-4-25-44. (In Russ.).
- Khristoforov, V. S. (2021). Mufti of the Crimea haji Muslyakhiddin on the Meccan Congress of 1926 (based on the materials of the magazine “Asriy Moslemlyk”). *Gasyrlar avazy — Echo of Centuries. Scientific and documentary journal*, 4: 154—165. (In Russ.).
- Muhammad, Sh. Zh. (1990). Hajj to sacred places. *Muslims of the Soviet East. The body of the Spiritual Administration of Muslims of Central Asia and Kazakhstan*, 4 (88): 9—11. (In Russ.).
- Mukhtarov, A. M., Sharifov, Sh. (1989). *Academician Bobojon Gafurov: [Historian]*. Dushanbe: Irfon. 205 p. (In Russ.).
- Nabiev, R. A. (2002). *Islam and the state: Cultural and historical evolution of the Muslim religion in the European East*. Kazan: Publishing house of Kazan. un-ta. 244 p. ISBN 5-7464-0743-7. (In Russ.).
- Nurimanov, I. A. (2021). Meccan Congress and Hajj 1926: based on the travel notes of Abdrahman Umerov. *Islam in the modern world*, 17 (1): 139—157. DOI: 10.22311/2074-1529-2021-17-1-139-157. (In Russ.).
- Prusakova, N. G. (2009). To the 100th anniversary of Academician Bobojan Gafurovich Gafurov. In: *Academician Bobojan Gafurov: to the 100th anniversary of his birth*. Moscow: Vostochnaya lit. RAS. 221 p. ISBN 978-5-02-036389-2. (In Russ.).
- Ro'i, Y. (2000). *Islam in the Soviet Union: From the Second World War to Gorbachev*. London: Hurst & Company. 764 p. ISBN 1-85065-403-4.
- Sharafutdin, M. (1967). Haj to Mecca. *Muslims of the Soviet East. The Journal of the Muslim Religious Board for Central Asia and Kazakhstan*, 4 (56): 6—7.
- Sinenko, S. G. (2008). *Muslim spiritual assembly: An artistic and documentary narrative*. Ufa: Bashkortostan. 271 p. ISBN 978-5-8258-0247-3. (In Russ.).
- Usmankhodjaev, A. (2008). *The Life of the Babakhanov Muftis: Service to the revival of Islam in the Soviet Union*. Moscow — Nizhny Novgorod: ID “Medina”. 266 p. ISBN 978-5-9756-0046-2. (In Russ.).
- Yunusova, A. B. (1999). *Islam in Bashkortostan*. Ufa: Ufa Polygraph Combine. 352 p. ISBN 5-85051-130-X. (In Russ.).

*The article was submitted 02.03.2023;
approved after reviewing 29.03.2023;
accepted for publication 20.04.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(3), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Барabanова К. С. Просветительская деятельность Омского медицинского общества в конце XIX — начале XX веков / К. С. Барabanова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 341—360. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-341-360.

Barabanova, K. S. (2023). Educational Activities of Omsk Medical Society in Late XIX — Early XX Century. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 341-360. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-341-360. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-341-360

Просветительская деятельность Омского медицинского общества в конце XIX — начале XX веков

Барabanова Ксения Сергеевна^{1,2}

orcid.org/0000-0001-7667-7104

кандидат исторических наук,
¹ведущий научный сотрудник
лаборатории исторических
исследований;

²старший научный сотрудник
лаборатории междисциплинарных
исследований пространства
barabanova13@gmail.com

¹Сургутский государственный
педагогический университет
(Сургут, Россия)

²Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при поддержке
гранта Правительства РФ,
проект № 075-15-2021-611
«Человек в меняющемся пространстве
Урала и Сибири»

Educational Activities of Omsk Medical Society in Late XIX — Early XX Century

Ksenia S. Barabanova^{1,2}

orcid.org/0000-0001-7667-7104

PhD in History,

¹Leading Researcher, Laboratory
of Historical Research;

²Senior Researcher, Laboratory
for Interdisciplinary Space Studies
barabanova13@gmail.com

¹Surgut State Pedagogical University
(Surgut, Russia)

²University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:

The results were obtained in the framework
of the grant of the Russian Federation
Government, project № 075-15-2021-611
“Human and the changing Space
of Ural and Siberia”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В конце XIX — начале XX веков члены Омского медицинского общества начали выступать с публичными лекциями для горожан. В этот период врачи по всей Российской империи вели активную просветительскую деятельность, целью которой было знакомство общества с новыми санитарными практиками и предотвращение эпидемий. Целью данной статьи является изучение просветительской деятельности омских врачей в конце XIX — начале XX веков, для достижения которой мы обратимся к вопросам, которые затрагивали лекторы в своих выступлениях и к их профессиональной квалификации. Для своих выступлений лекторы выбирали темы, связанные как с общими вопросами развития медицинской науки, так и обращались к местным санитарным проблемам. Так публичные лекции становились площадкой для обсуждения городских проблем. Врачи выступали в качестве экспертов, как для властей, так и для горожан. Омские врачи были хорошо подготовленными специалистами с большим практическим опытом, а также активно занимавшиеся научной деятельностью. Чтение публичных лекций давало им возможность принять участие в просветительской деятельности научных обществ Омска, а также заняться благотворительностью.

Ключевые слова:

Омск; публичные лекции; медицинское общество; врачи.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

At the end of XIX — beginning of XX centuries members of the Omsk Medical Society began to give public lectures to the townspeople. During this period, doctors throughout the Russian Empire carried out active educational activities, the purpose of which was to familiarize society with new sanitary practices and prevent epidemics. The purpose of this article is to study the educational activities of Omsk doctors in the late 19th — early 20th centuries, to achieve which we will turn to the issues that the lecturers raised in their speeches and their professional qualifications. For their presentations, lecturers chose topics related to both general issues of the development of medical science and addressed local sanitary problems. So public lectures became a platform for discussing urban problems. Doctors acted as experts, both for the authorities and for the townspeople. Omsk doctors were well-trained specialists with extensive practical experience, as well as actively engaged in scientific activities. Reading public lectures gave them the opportunity to take part in the educational activities of the scientific societies of Omsk, as well as to do charity work.

Key words:

Omsk; public lectures; medical society; doctors.

Просветительская деятельность Омского медицинского общества в конце XIX — начале XX веков

© Барабанова К. С., 2023

1. Введение = Introduction

В XIX — начале XX веках для Российской империи крайне актуальной проблемой были вопросы санитарии и борьбы с эпидемиями [Barabanova et al., 2018]. Быстрый уровень урбанизации требовал большого притока людей в города империи, усиливал загрязнение пространства. Особенно остро эта проблема рассматривалась относительно городских рек и каналов, выполнявших роль главного источника питьевой воды [Maughan et al., 2018]. Одним из способов улучшения городского пространства и снижения эпидемического уровня было строительство водных инфраструктур [Обертрайс и др., 2019]. Для оздоровления городов империи требовалось не только решить санитарные проблемы, но и развивать медицину, просвещать население. Экспертным мнением в этих вопросах обладали врачи, которые становились наиболее активными акторами.

Первые медицинские общества появились в Российской империи в начале XIX века, но их расцвет пришелся на пореформенный период. Члены медицинских обществ не только изучали практические случаи и эпидемические процессы, но и занимались распространением новых знаний и медицинских практик [Яковенко и др., 2021, с. 112—138; Симонян, 2021].

Следует отметить, что для исследователей особый интерес представляют отдельные кейсы медицинских обществ [Калиниченко, 2017]. Самым знаменитым медицинским обществом Российской империи стало «Общество русских врачей в память Н. И. Пирогова», созданное в 1881 году [Гринёв, 2010; Володин и др., 2010]. Фигура Пирогова является важным местом памяти для отечественного медицинского сообщества. Пироговское общество и его съезды [Злодеева, 2006; Гончарова, 2013; Егорышева и др., 2021] оказывали влияние на другие медицинские общества и были самыми крупными площадками для профессиональной дискуссии.

Важной частью развития медицинских обществ в Российской империи стали региональные общества. Они становились главной площадкой для обмена опытом не только между местными врачами, но и между коллегам

ми из других частей империи. На примерах региональных медицинских обществ авторы рассказывают об общих для таких обществ мероприятиях. Одним из важных направлений деятельности врачей была организация доступной бесплатной медицины, для чего общества открывали лечебницы (амбулатории). Общество же Орловских врачей не только организовало такую лечебницу, но и создало родильный приют [Сосновская, 2008].

Омское медицинское общество было организовано в 1883 году. Годом ранее, в 1882, когда в городе и окрестностях бушевала эпидемия оспы, местные врачи собирались у коллеги В. М. Хаскина и обсуждали способы лечения и интересные случаи. Именно тогда был составлен проект устава общества и отправлен на утверждение [Краткий обзор ..., 1909].

В последующие годы в состав Омского медицинского общества войдут не только местные специалисты в области лечебного дела, но и врачи, практикующие по всей Западной Сибири и Акмолинской области, а также медики из других частей Российской империи [Федорова и др., 2002. с. 156]. Можно отметить, что общество имело широкую сеть корреспондентов и обменивалось информацией не только с российскими коллегами, но и с зарубежными. В фондах библиотеки были книги, поступившие в дар от других региональных обществ.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью данного исследования является изучение просветительской деятельности омских врачей, участников Омского медицинского общества, в конце XIX — начале XX веков. Для достижения поставленной цели необходимо обратиться к вопросам, которые затрагивали лекторы в своих выступлениях, и к их профессиональной квалификации.

Сведения о научно-просветительской деятельности омских врачей сохранились в фонде 86 Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Открытые лекции были организованы Западно-Сибирским отделом Русского географического общества совместно с Омским медицинским обществом, и все врачи, выступавшие с докладами, были членами данного общества. В свете сказанного важным источником для исследования являются протоколы Омского медицинского общества, отражающие научные интересы его членов.

Члены Омского медицинского общества в своих выступлениях на заседаниях обращались к широкому кругу вопросов лечебной теории и практики, выступали в качестве исследователей санитарных проблем Омска и были главными экспертами по проблемам загрязнения городского пространства и качества питьевой воды. Для врачей заседания общества были необходимой площадкой для обмена знаниями, особенно для тех из них,

кто практиковал в отдаленных районах. Медицинское общество в Омске было одним из первых в Сибири.

История медицины в Омске и в Сибири в целом — тема, которая привлекает интерес ученых достаточно давно. В своих исследованиях авторы обращались к истории медицинских учреждений и анализу профессиональной деятельности омских врачей [Палкин, 1967; Черняков, 1976; Лашков, 1990; Федотов, 1975]. Омскому медицинскому обществу посвящено несколько исследований, основным источником для них стали сохранившиеся протоколы заседаний [Легенький, 1970; Федорова, 2004; Федорова и др., 2002]. Эти работы во многом описательны, их авторы перечисляют темы заседаний или группируют их по отдельным проблемам, к примеру, история борьбы с эпидемиями в Омске [Федорова, 2014].

Если обратиться к составу Омского медицинского общества, то можно отметить, что большая часть его членов или были действующими военными врачами, или находились в отставке. О. В. Гефнер отмечал, что военные внесли большой вклад в благоустройство городов Западной Сибири, и в том числе Омска [Гефнер, 2016]. Военные медики, служившие в Омске и бывшие членами Омского медицинского общества выполняли свои профессиональные обязанности, развивали медицину в регионе, работали над улучшением сферы санитарии, гигиены и помощи роженицам [Гефнер, 1999].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Совместная работа Омского медицинского общества и Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества по организации публичных лекций

11 ноября 1899 года на заседании Омского медицинского общества М. О. Шайкевич поднял вопрос о необходимости чтения публичных лекций. Их целью должна была стать «популяризация санитарно-гигиенических сведений» [БУ ИСА, ф. 86, оп. 1, д. 103, л. 3.], а также они должны были служить «для усиления средств Омского медицинского общества или в пользу какого-либо благотворительного общества» [Шайкевич, 1899. с. 31]. Во время обсуждения предложения Шайкевича его коллеги по обществу высказали сомнения в возможности организации лекций на постоянной основе. Ю. И. Текер предположил, что организацию систематических публичных чтений должно взять на себя Омское медицинское общество, так как их организация — крайне сложное предприятие. Он же предложил расширить тематику чтений и указал на то, что Западно-Сибирский отдел императорского Русского географического общества приступил к чтению открытых лекций годом ранее. Они проводились в здании Отдела чтений по общеобразовательным предметам. Так как Географическое общество

обладало хорошим залом и доступным публичным музеем, публика охотно посещала проводимые мероприятия. Собрание постановило согласно с предложением Ю. И. Текера провести переговоры с географическим обществом [Обсуждение предложения ..., 1899, с. 58—59].

Западно-Сибирский отдел императорского Русского географического общества был образован в 1877 году по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова. Общество занималось изучением не только Западной Сибири, но и Средней Азии и Западного Китая. Первым председателем стал И. Ф. Бабков. С 1879 по 1916 годы отдел публиковал исследования сотрудников на страницах «Записок Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества». Западно-Сибирский отдел занимался организацией экспедиций в отдаленные районы Западной Сибири, Акмолинской области, Монголии, Китая и Тибета [Буктугутова, 2007; Скалабан, 1992; Штергер, 2000]. И. М. Майский считал, что местное отделение Русского географического общества было «главным опорным пунктом омской интеллигенции» [Майский, 1964].

В 1898 году в Западно-Сибирском отделе императорского Русского географического общества начались чтения лекций. Разрешение на них было получено от генерал-губернатора и главного инспектора учебного округа. Последний должен был утверждать программы лекций, при этом какой-либо другой цензуры не было. Посещение лекций стоило 30 копеек, а для учащихся — 15 копеек [БУ ИсА, ф. 86, оп. 1, д. 103, л. 2].

Омское медицинское общество выступило с предложением о совместных выступлениях. Для организации публичных чтений общество избрало Соединенную комиссию, в которую вошли М. И. Ляховецкий, Ю. И. Текер, П. А. Соломин и М. О. Шайкевич. Здесь следует отметить, что первые трое не только состояли в медицинском обществе, но и были членами географического общества. Такой состав Соединенной комиссии позволял упростить коммуникацию между двумя омскими обществами. Ляховецкий вступил в медицинское общество еще в 1888 году, а магистр ветеринарных наук Текер присоединился к медикам только в 1899 году. Михаил Иванович Ляховецкий служил младшим ординатором Омского военного госпиталя и принимал активное участие в работе общества, делясь своим опытом работы и различными способами лечения, к примеру, данными об использовании кумыса [Ляховецкий, 1899]. Юлий Иванович Текер, директор Ветеринарно-фельдшерской школы [Весь Омск ..., 1913, с. 57], в свою очередь не делал докладов на заседаниях медицинского общества. Петр Андреевич Соломин в 1898 году был выбран товарищем председателя Омского медицинского общества, а Шайкевича на том же заседании назначили секретарем общества [Выборы должностных лиц ..., 1898, с. 22]. Отметим, что П. А. Соломин

в разные годы занимал в медицинском обществе также должность библиотекаря и был его председателем. Он не только занимался организаторскими вопросами, но и выступал с докладами на заседаниях, где представлял результаты своей работы в качестве руководителя омской санитарно-химической лаборатории по исследованию питьевой воды в городе. Лаборатория начала свою работу в 1885 году в околоте Омской дисциплинарной роты, позднее размещалась в Омском военном госпитале и в помещении аптеки общества. А также Соломин публиковал отчеты метеорологической станции при Омском военном госпитале, где работал старшим ординатором.

Чтение лекций на общественно важные темы давало возможность сделать деятельность омских обществ более продуктивными. Это также позволяло научным обществам более активно включиться в общественную жизнь города и благотворительность.

Первая совместна лекция на тему «География и её место в ряду других наук» состоялась 23 января 1900 года. Лектором выступила действительный член Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества Мария Васильевна Швецова. В своей лекции она обратилась к вопросам описания земли и составления карт, развития физической географии, изучения великих географических открытий и возникновения географических обществ.

8 марта 1900 года с первой лекцией от Омского медицинского общества выступил Мартын Осипович Шайкевич. Тема его доклада звучала так: «Душевные болезни и их предупреждение». В своей лекции он поднял проблему статистики, которая подтверждала рост заболеваемости нервными и душевными болезнями в последние годы. Автор знакомил слушателей со строением и деятельностью нервной системы. Во время лекции была дана краткая характеристика наиболее распространённых форм душевных и нервных расстройств. Надо отметить, что тема душевных болезней была интересна слушателям, поэтому Шайкевич выступил с докладом «Некоторые болезненные типы у Достоевского, Чехова и Потапенко» 2 апреля 1900 года. В этот раз он рассказал о понятии нормальной душевной деятельности, симптомах психических заболеваний и видах болезненных состояний [БУ ИСА, ф. 86, оп. 1, д. 103, л. 66]. В 1901 году он продолжил цикл лекций темой «О гипнозе и внушаемости», где представил публичные лечебные и «общественные» возможности гипноза [Там же, л. 243а]. Сферой профессионального интереса доктора медицины Шайкевича были нервные болезни. В своих более поздних работах он продолжил обращаться к психопатологическим особенностям персонажей русской литературы [Шайкевич, 1904; Шайкевич, 1910] и психозам [Шайкевич, 1913].

Совместная работа двух самых крупных научных обществ Омска позволяла расширить круг тем для публичных лекций и таким образом при-

влечь больше слушателей. Вместе с этим решался и вопрос о помещении для лекций и другие организационные вопросы, которые брало на себя географическое общество, обладавшее большими ресурсами, чем медицинское. Итак, в первой публичной лекции от Омского медицинского общества была затронута проблема душевных болезней, которая была настолько актуальной и популярной темой, что нашла продолжение в последующих выступлениях М. О. Шайкевича.

3.2. Публичные лекции об актуальных проблемах медицины

Рассматривая лекции, которые читались членами Омского медицинского общества, можно выделить несколько основных направлений, оказавшихся интересными не только лекторам, но и слушателям. Во-первых, это общие вопросы о состоянии медицины и санитарии и их уровне развития в начале XX века. Во-вторых, это насущные вопросы для Западной Сибири и Омска, актуальные для местных жителей.

К общим вопросам развития медицины данного исторического этапа можно отнести лекцию о развитии бактериологии. В конце 1901 года ветеринарный врач Сибирского округа военно-медицинского управления В. В. Соколов, вступивший в Омское медицинское общество в 1900 году, предложил тему для лекции «Успехи бактериологии». Сама лекция состоялась в 1902 году. В ней он подчеркнул, что новое направление дает ответы на многие старые вопросы [БУ ИСА, ф. 86, оп. 1, д. 103, л. 301]. Соколов не только выступал с популярными лекциями, но и делился с коллегами по медицинскому обществу своими научными изысканиями, к примеру, данными о мухе Вольфарта Семиреческой области и о личинках родственных ей паразитов степной области [Соколов, 1900].

Отметим, что тема бактериологии оказалась очень интересной слушателям открытых лекций. Это можно объяснить тем, что смена веков совпала с периодом перехода от теории миазмов к микробной теории [Фархутдинова, 2021]. Согласно теории миазмов причиной заболеваний были дурные испарения. Человек, который их вдыхал, заболел, к примеру, чумой или болотной лихорадкой. Распространение же эпидемий связывалось со скученностью населения [Пироговская, 2012, с. 205]. В свете нового взгляда на болезни начался пересмотр объяснений их природы и смена рекомендаций как по предотвращению их распространения, так и по лечению больных.

Доктор медицины, действительный член Омского медицинского общества с 1892 года, Николай Васильевич Берлинский на своем выступлении 29 марта 1902 года «О заразных болезнях» рассказал собравшимся о том, какие болезни понимаются под заразными, о роли бактерий в развитии заболевания и способах борьбы с болезнями [БУ ИСА, ф. 86, оп. 1, д. 103, л. 300]. В другой своей открытой лекции он обратился к теме «Дыхательные органы

человека, их устройство, назначение и наиболее частые заболевания». Во время лекции докладчик рассказал об устройстве органов дыхания и охарактеризовал наиболее распространенные заболевания: острый и хронический насморк, жабу, круп и пр. [Там же, л. 256]. С этой лекцией он выступал дважды. Берлинский также выступил с докладом «О перемежной лихорадке» (то есть болезнях, которые сопровождалась жаром и ознобом, к примеру малярия). Данная проблема была крайне актуальной для Омска из-за природных условий города. Доктор разъяснил слушателям особенности заболеваемости в разные времена года, отличия данного вида лихорадки от других и прокомментировал домашние способы лечения заболевания [Там же, л. 59]. Материал для своих выступлений он собирал, будучи старшим врачом Сибирского кадетского корпуса. Надо отметить, что круг интересов Берлинского был достаточно обширен, так, его диссертация была посвящена обнаружению мышьяка при судебно-химических исследованиях [Берлинский, 1890], а чуть позже он выпустил книгу о заикании и его лечении [Там же].

В свете перехода к микробной теории П. А. Соломин выбрал для своей лекции тему «О вентиляции». В ней он рассказал о составе воздуха, дыхании, естественной вентиляции, окнах и форточках [БУ ИсА, ф. 86, оп. 1, д. 103, л. 50]. Миазматическая теория уделяла особое внимание чистоте воздуха, поэтому вопрос о вентиляции был частью улучшения санитарного состояния пространства. Переход к микробной теории происходил постепенно, и некоторые аспекты миазматической теории нашли новое звучание. Отметим, что теория миазмов привлекла внимание врачей к проблеме санитарного загрязнения и необходимости развития гигиены как одного из инструментов по борьбе с эпидемиями.

В феврале 1902 года младший ординатор Омского военного округа доктор медицины Александр Владимирович Соболевский выступил с докладом под названием «Алкоголизм». Данная проблема была крайне актуальна для Российской империи на рубеже XIX и XX веков. В этот период развернулось множество обществ трезвости и попечительств «О народной трезвости». По всему государству организовывалась антиалкогольная пропаганда, которую вели в первую очередь священнослужители, а вместе с ними лекции о вреде алкоголя читали и врачи [Быкова, 2012; Быкова, 2014].

Соболевский во время лекции привел статистические сведения по алкоголизму. Докладчик рассказал о производстве спирта и его значении для народного хозяйства, а также обратился к способам борьбы с алкоголизмом [БУ ИсА, ф. 86, оп. 1, д. 103, л. 302]. Соболевский уже не первый год изучал этот вопрос и в 1898 году выпустил книгу под названием «Основы трезвости» [Соболевский, 1898]. В центре его научных интересов находилась психиатрия и болезни нервной системы [Соболевский, 1901; Со-

болеватский, 1905; Соболевский, 1911; Соболевский, 1903]. Проблема алкоголизма для Омска была также актуальна, как и для других частей Российской империи. И. М. Майский в своих воспоминаниях утверждал, что для омичей не было никаких серьезных интересов или стремлений и они «не пили, а упивались» [Майский, 1964. с. 41].

Можно выделить еще одну важную не только для Западной Сибири, но и для всей Российской империи тему — голод. 1891 год оказался неурожайным, что привело к голоду в 1892 году. Ситуацию осложняли эпидемии тифа и холеры, которые развились на фоне голода [Пьянков и др., 2015; Рогожина, 2021; Henze, 2011]. В 1901 году голод охватил 49 губерний, в том числе Акмолинскую область, где началась засуха.

В феврале 1901 года В. И. Ишерский знакомил слушателей с «Впечатлениями врача при санитарно-продовольственной деятельности». В лекции автор обратился к актуальной проблеме голода 1901 года и заболеваемости на его фоне. Важную часть лекции занимала история борьбы с цингой. Докладчик рассказал о работе эпидемического отряда. Интересно, что автор обратился и к благотворительности на территории доверенного ему участка [БУ ИсА, ф. 86, оп. 1, д. 103, л. 249]. Несколькими годами ранее, в 1899 году Ишерский стал членом Комитета по исследованию причин голода в Российской империи. В том же году он впервые принял участие в работе медицинско-продовольственного отряда по борьбе с голодом в Тетюшском уезде Казанской губернии. В 1906 году он был избран в Государственную думу от Акмолинской области.

В 1902 году проблема голода все еще не потеряла своей актуальности. Поэтому член Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества П. Н. Скалон посвятил отдельную лекцию теме «Неурожаю в России и причины их». В ней он обратился к истории неурожайных лет, системе земледелия, засухам, распашке новых земель и сурохою [Там же, л. 302]. Таким образом, Скалон предложил рассмотреть проблему голода со стороны естественных наук.

В общей сложности в период с 1900 по 1902 годы 14 лекций Омского медицинского общества были организованы в пользу голодающих и пострадавших от неурожая. Также общество организовало в 1901 году благотворительный литературно-музыкальный вечер [Краткий обзор ..., 1909, с. 98].

3.3. Санитарные проблемы Омска в публичных лекциях местных врачей

На рубеже веков современники описывали Омск как город, который «имел жалкий и унылый вид» [Майский, 1964. с. 39]. Город утопал в грязи, отсутствовали канализация и водопровод. Самой сложной проблемой для омичей являлась вода. Основными источниками питьевой воды для города

были реки Иртыш и Омь, которые протекали через Омск. Осмотр же омских колодцев, проведенный в 1877 году, показал, что из 918 только в 181 была пригодная в употребление вода. Поэтому для оздоровления горожан и предотвращения крупных эпидемий омские врачи рекомендовали улучшить снабжение города чистой водой и построить водопровод.

В 1901 году П. А. Соломин выступил с докладом на тему «Питьевая вода г. Омска». Проблема водоснабжения Омска была одной из тем исследований, которыми занимался Соломин. Свои изыскания он начал еще в 1885 году и пришел к выводу, что воду из Иртыша можно брать только с плотов или при помощи насосов с середины реки, а воду из Оми он охарактеризовал как нечистую, притом с повышенным содержанием аммиака, нитритов и нитратов [Соломин, 1886, с. 133]. Вредное влияние на качество омской воды оказывали госпитальная прачечная, салотопительный завод, бойни и бани, расположенные на берегу рек. Бани были отдельной проблемой для города. Они сбрасывали неочищенные сточные воды в городские реки и были рассадником болезней, к примеру, чесотки или даже оспы [Барabanова, 2022]. К проблеме грязной воды и необходимости ее очистки П. А. Соломин будет возвращаться из года в год. Также в 1899 году он обращался к вопросу о состоянии воды в Павлодаре и по линии Западно-Сибирской железной дороги [Сообщение П. А. Соломина ..., 1899; Чтение сообщения П. А. Соломина ..., 1899].

К способам оздоровления Омска были отнесены также создание новых и реконструкция старых зеленых пространств. Город, расположенный на границе со степью, постоянно испытывал ее воздействие. Летом омичи страдали от пылевых бурь, а зимой от снежных буранов. Озеленение должно было улучшить климат в городе и здоровье горожан. Большая часть проектов, разработанных к началу XX века, была реализована уже после революции, что позволило Омичам называть свой город «городом-садом» [Барabanова, 2022].

В 1901 году управляющий аптечным магазином Сибирского военного округа Ромео Федорович Гундризер поднял тему «О подделке (фальсификации) пищевых продуктов и других предметов первой необходимости». Автор доклада, присоединившийся к Омскому медицинскому обществу еще в 1892 году, защитил диссертацию на степень магистра фармации «О суррогате кофе, приготовляемом из семян синего люпина (*Lupinus angustifolius* L.)» [Гундризер, 1892]. В начале XX века Гундризер занимался изучением санитарного состояния Омска, загрязнения почвы и воды в Иртыше [Гундризер, 1901, с. 135]. Вместе с другим военным фармацевтом И. Я. Верблюнером они проводили изучение популярных фармакологических средств, выявляя неэффективные [Гефнер, 1999].

П. Д. Николас в 1901 году прочел лекцию на тему «Принципы оздоровления городов вообще и в частности по применению к г. Омску в санитарно-техническом и экономическом отношении». В ней он изложил общие приемы оздоровления городов и обрисовал санитарное состояние Омска. Вместе с тем он предложил возможные приемы оздоровления Омска, среди которых были обустройство канализации и разработка способов самоочищения реки, вывоз нечистот, введение правил эксплуатации кладбищ. Также Николас предлагал учредить в городе санитарную комиссию, организовать санитарный надзор, создать морг, городскую аналитическую станцию, лабораторию для исследования пищевых продуктов, городское санитарно-статистическое бюро [БУ ИсА, ф. 86, оп. 1, д. 103, л. 209]. Э. Р. Циммерман считал, что эта лекция была наиболее уместной и полезной. Это было обусловлено тем, что лектор провел очень детальный анализ санитарных условий Омска с его «непролазной грязью и крайне испорченной водой» [Циммерман, 1903, с. 124].

В начале XX века перед жителями Омска представляла удручающая картина грязного, пыльного города с некачественной питьевой водой, что в совокупности являлось причиной многочисленных эпидемий. Обращение к столь близкой для горожан теме в публичных лекциях было важной частью большого обсуждения по улучшению городской инфраструктуры и решению санитарных проблем Омска. Врачи и ранее поднимали проблему грязной воды и неустроенности города на заседаниях Омского медицинского общества. Позже они выступали в качестве экспертов в диалоге с властями. Публичные же лекции создавали площадку для знакомства с городскими санитарными проблемами и способами их решения для еще более широкого круга. Омские медики были наиболее осведомленными в санитарных проблемах города и были признанными властями и местным обществом экспертами, которые могли запустить новую дискуссию, в которой должны были принять участие все горожане.

4. Заключение = Conclusions

Публичные лекции, организованные Западно-Сибирского отделом императорского Русского географического общества совместно с Омским медицинским обществом, стали важной просветительской площадкой в одном из центральных городов Западной Сибири. Просвещение было одним из направлений деятельности медицинских обществ по всей Российской империи. Эта работа имела своей целью познакомить слушателей с последними открытиями в медицине и раскрыть санитарные проблемы и способы их решения. Одной из основных целей медиков-просветителей было улучшение санитарной обстановки в империи, а значит, сокращение эпидемий.

Только с 23 января по 23 марта 1901 года было проведено 15 лекций, которые посетило 1725 человек. Большая часть посетителей, а именно

918 человек, были из числа учащихся. Вместе с пожертвованиями удалось заработать 311 руб. 8 коп. Израсходовано на подготовку к лекциям и на их проведение было 29 руб. 30 коп. Остаток суммы в размере 281 руб. 70 коп. был передан в Омское медицинское общество для оказания помощи пострадавшим от голода в Акмолинской области [БУ ИсА, ф. 86, оп. 1, д. 103, л. 279].

Мы можем отметить, что лекторы, выступавшие от Омского медицинского общества, были высококвалифицированными специалистами. Они обладали широким практическим опытом и занимались исследовательской деятельностью. Результаты своих научных изысканий они представляли на суд коллег внутри медицинского сообщества и в форме лекций излагали широкому кругу слушателей.

Омские врачи читали лекции о развитии медицины в контексте микробной теории, пришедшей на смену теории миазмов. Вместе с этим они затрагивали и насущные для омичей санитарные проблемы. Члены медицинского общества имели широкую сеть корреспондентов по всему миру, а также обменивались новейшей научной литературой с другими медицинскими обществами Российской империи. Это позволяет говорить о высоком уровне экспертного знания омских врачей. Следует отметить, что некоторые проблемы, такие как, например, голод, освещались специалистами разных научных направлений. Это позволяло горожанам взглянуть на данный вопрос под разными углами.

Омские врачи ответственно подходили к выбору тем лекций. Больше всего слушателей присутствовало на лекции М. О. Шейковича «О внушении» — собралось 249 человек. В лидеры также вышли лекции И. М. Шамаева «О солнце», Н. И. Смирнова «О крестьянах» и Н. В. Берлинского «Дыхательные органы человека, их устройство, назначение и наиболее частые заболевания» [БУ ИсА, ф. 86, оп. 1, д. 103, л. 280 об.].

Публичные лекции, которые читали члены Омского медицинского общества, позволили врачам обратиться к широкой аудитории. Как эксперты по санитарным вопросам, медики выступали в качестве инициаторов новых общественных дискуссий по вопросам создания и улучшения городской инфраструктуры, преследуя цели предотвратить эпидемии и снизить смертность в Омске.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Берлинский Н. В.* К вопросу о заикании и о лечении его / Н. В. Берлинский. — Омск : тип. Окр. штаба, 1896. — 38 с.

2. Берлинский Н. В. К вопросу об открытии мышьяка при судебно-химических исследованиях путем электролиза в аппарате Марша : Дис. на степ. д-ра мед. Н. В. Берлинского / Н. В. Берлинский. — Санкт-Петербург : тип. А. Мучника, 1890. — 111 с.
3. БУ Иса — Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области». Ф. 86. Оп. 1. Д. 103.
4. *Весь Омск*. — Омск : Издание газеты "Омский Вестник". Типография «ИРТЫШ», 1913. — 56 с.
5. *Выборы должностных лиц на 1898—1899 гг.* // Протокол Омского медицинского общества. — 1898. — № 2. — С. 21—22.
6. Гундризер Р. Ф. О суррогате кофе, приготовляемом из семян синего люпина (*Lupinus angustifolius* L.) : Дис. на степ. магистра фармации провизора Ромео Гундризера / Р. Ф. Гундризер. — Санкт-Петербург : паровая скоропеч. А. В. Пожаровой, 1892. — 31 с.
7. Гундризер Р. Ф. Результаты исследования воды р. Иртыша за январь 1901 / Р. Ф. Гундризер // Протоколы Омского медицинского общества. — 1901. — № 6. — С. 135—137.
8. Ляховецкий М. И. К вопросу о влиянии кумысного лечения на морфологию крови / М. И. Ляховецкий // Протоколы омского медицинского общества. — 1899. — № 8. — С. 103—108.
9. Майский И. М. Воспоминания советского после. Путешествие в прошлое / И. М. Майский. — Москва : Наука, 1964. — Книга 1. — 462 с.
10. *Обсуждение предложения* М. О. Шайкевича об устройстве систематического ряда общедоступных публичных чтений // Протоколы Омского медицинского общества. — 1899. — № 3. — С. 58—59.
11. Соболевский А. В. Военно-психиатрическое дело в австро-венгерской, германской и французской армиях / А. В. Соболевский. — Казань : типо-лит. Ун-та, 1911. — 96 с.
12. Соболевский А. В. Основы трезвости : опыт руководства для школ / А. В. Соболевский. — Санкт-Петербург : П. П. Сойкин, ценз. 1898. — 167 с.
13. Соболевский А. В. О влиянии кровоизвлечения на черепно-мозговое кровообращение : Дис. на степ. д-ра мед. / А. В. Соболевский. — Санкт-Петербург : типо-лит. "Энергия", 1901. — 194 с.
14. Соболевский А. В. Редкий случай истерических судорог («пляска живота») с самоубийством больного / А. В. Соболевский. — Киев : лито-тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, ценз. 1903. — 16 с.
15. Соболевский А. В. Терапевтическое значение кровоизвлечений при страданиях нервной системы / А. В. Соболевский. — Казань : типо-лит. Ун-та, 1905. — 118 с.
16. Соколов В. В. Заметки о мухе Вольфарта Семиреческой области и о личинках родственных ей паразитов степной области / В. В. Соколов // Протоколы Омского медицинского общества. — 1900. — № 2. — С. 47—56.
17. Соломин П. А. О результатах химического анализа воды, взятой из р.р. Иртыша и Оми и некоторых колодцев г. Омска / П. А. Соломин // Протокол заседания общества омских врачей. — 1886. — № 5. — С. 123—134.
18. *Сообщение* П. А. Соломина результаты анализа воды из колодца Павлодарской местной команды // Протоколы Омского медицинского общества. — 1899. — № 5. — С. 55—56.
19. Циммерман Э. По великой Сибирской железной дороге / Э. Циммерман // Вестник Европы. — 1903. — № 1. — С. 124—128.
20. *Чтение сообщения* П. А. Соломина об источниках водоснабжения по линии Западно-Сибирской железной дороги // Протокол заседания общества омских врачей. — 1899. — № 10. — С. 135.

21. *Шайкевич М. О.* Еще о психозах в войсках / М. О. Шайкевич. — Москва : тип. Штаба Моск. воен. окр., 1913. — 9 с.
22. *Шайкевич М. О.* О введении систематического чтения лекций / М. О. Шайкевич // Протоколы Омского медицинского общества. — 1899. — № 2. — С. 31.
23. *Шайкевич М. О.* Психопатологические черты героев Максима Горького / М. О. Шайкевич. — Санкт-Петербург : тип. Спб. т-ва «Труд», 1904. — 82 с.
24. *Шайкевич М. О.* Психопатология и литература / М. О. Шайкевич. — Санкт-Петербург : тип. Крайз, 1910. — 136 с.

Литература

1. *Барабанова К. С.* Грязь в чистом пространстве бани : омские бани в конце XIX века / К. С. Барабанова // Домашняя повседневность населения России : история и современность. материалы междунар. науч. конф. — Санкт-Петербург : Медиапир, 2022. — Т. 1. — С. 229—233.
2. *Барабанова К. С.* Зеленые пространства Омска в конце XIX — начале XX вв. : проекты и инициативы по озеленению города / К. С. Барабанова // Научный диалог. — 2022. — № 11 (9). — С. 282—300. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-282-300.
3. *Буктугутова Р. С.* Роль Западно-Сибирского отдела Русского географического общества в развитии культурных связей русского и казахского народов (конец XIX — начало XX в.) / Р. С. Буктугутова // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 296. — С. 84—88.
4. *Быкова А. Г.* Исторический опыт общественно-государственного противодействия алкоголизации населения во второй половине XIX — начале XX вв. / А. Г. Быкова // Отечественный журнал социальной работы. — 2012. — № 4 (51). — С. 47—55.
5. *Быкова А. Г.* Попечительства «О народной трезвости» в истории трезвенного движения в России в 1894—1914 гг. / А. Г. Быкова // История в подробностях. — 2014. — № 4 (46). — С. 66—71.
6. *Володин Н. Н.* И. Пирогов и съезды российских врачей его имени / Н. Н. Володин, Ю. П. Лисицын // Вестник Российского государственного медицинского университета. — 2010. — № 5. — С. 11—14.
7. *Гефнер О. В.* Деятельность военного ведомства в сфере благоустройства Западносибирских городов во второй половине XIX — начале XX вв. / О. В. Гефнер // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2016. — № 1. — С. 36—41.
8. *Гефнер О. В.* Медицинская деятельность военных Омска в конце XIX — начале XX вв. / О. В. Гефнер // Вестник Омского университета. — 1999. — Вып. 1. — С. 46—50.
9. *Гончарова С. Г.* Вопросы детской смертности на съездах Пироговского общества (1885—1917) / О. В. Гефнер // Российская академия медицинских наук. Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья. — 2013. — № 1. — С. 120—124.
10. *Гринёв М. В.* Хирургическое общество Пирогова. От его истоков до сегодняшнего дня / М. В. Гринёв // Вестник хирургии. — 2010. — № 169 (5). — С. 22—24.
11. *Егорышева И. В.* Проблемы военной медицины на Пироговских съездах врачей в период Первой мировой войны 1914—1918 гг. / И. В. Егорышева, М. В. Поддубный // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2021. — Т. 29. — № 6. — С. 1624—1628. — DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-6-1624-1628.
12. *Злодеева Е. Б.* Пироговские съезды врачей и их роль в становлении системы государственного здравоохранения в России (конца XIX — начале XX в.) : автореферат

та диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. Б. Злодеева. — Москва, 2004. — 23 с.

13. *Калиниченко В. П.* «Труд наш честен и бескорыстен» общество врачей г. Вятки — Медицинское общество Вятской губернии / В. П. Калиниченко // Вятский медицинский вестник. — 2017. — № 4 (56). — С. 77—83.

14. *Краткий обзор* о деятельности Омского медицинского общества за 25 лет его существования : 1883—1908 г. — Омск : типография Штаба Омского военного округа, 1909. — 111 с.

15. *Лашков К.* Омские врачи конца XIX века / К. Лашков // Прииртышье мое. — 1990. — Книга 2. — С. 99—105.

16. *Легенький И. Г.* Омское медицинское общество (1813—1913) / И. Г. Легенький // Научные труды (Омский медицинский институт). — 1970. — № 90. — С. 64—68.

17. *Обертрайс Ю.* История городов и водных инфраструктур в Российской империи и СССР / Ю. Обертрайс, О. Малинова-Тзиафета // Новейшая история России. — 2019. — Т. 9. — № 1. — С. 173—201. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.111.

18. *Палкин Б. Н.* Очерки истории медицины и здравоохранения Западной Сибири и Казахстана в период присоединения к России (1716—1868) / Б. Н. Палкин. — Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. — 579 с.

19. *Пироговская М. М.* Ветлянская чума 1878—1879 гг. : санитарный дискус, санитарные практики и (ре)формирование чувствительности / М. М. Пироговская // Антропологический форум. — 2012. — № 17. — С. 198—225.

20. *Пьянков С. А.* Голод 1891—1892 гг. в России в советской и современной отечественной историографии / С. А. Пьянков, Н. А. Михалёв // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2015. — № 1. — С. 44—55.

21. *Рогожина А. С.* Голод и продовольственная политика Российской империи в конце XIX — начале XX веков / А. С. Рогожина // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 423—437. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-423-437.

22. *Симонян Р. З.* Медицинские общества в Российской империи : научная и общественная деятельность (вторая половина XIX — начало XX вв.) / Р. З. Симонян // Современная научная мысль. — 2021. — № 5. — С. 48—54. — DOI: 10.24412/2308-264X-2021-5-48-54.

23. *Скалабан И. А.* История Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества : история строительства / И. А. Скалабан // Памятники истории и культуры города Омска. — 1992. — Вып. 1. — С. 48—61.

24. *Сосновская И. А.* Медицинские общества в России во второй половине XIX — начале XX в. (на примере общества Орловских врачей) / И. А. Сосновская // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2008. — Вып. 11 (67). — С. 307—311.

25. *Фархутдинова Л. М.* Из истории изучения внутренних болезней / Л. М. Фархутдинова // Архив внутренней медицины. — 2021. — № 6. — С. 416—423. — DOI: 10.20514/2226-6704-2021-11-6-405-415.

26. *Федорова Г. В.* История Омского медицинского общества (вторая пол. XIX — первая пол. XX вв.) / Г. В. Федорова. — Омск : ОмГМА, 2004. — 210 с.

27. *Федорова Г. В.* Противозидемическое направление в деятельности Омского медицинского общества / Г. В. Федорова // Омский научный вестник. — 2014. — № 1. — С. 11—13.

28. *Федорова Г. В.* Общественная медицина в Омске (к 120-летию основания Омского медицинского общества) / Г. В. Федорова, Л. А. Ахтулова // Омский научный вестник. — 2002. — С. 155—159.

29. Федотов Н. П. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири / Н. П. Федотов, Г. И. Мендрина. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. — 269 с.
30. Черняков Н. М. Омский гарнизонный госпиталь — старейшее лечебное учреждение Сибири / Н. М. Черняков // Сборник научных работ, посвященных 200-летию Омского гарнизонного госпиталя. — 1976. — С. 3—7.
31. Штергер М. В. Научные контакты и издательская деятельность ЗСО ИРГО в конце XIX — начале XX в. (по архивным материалам) / М. В. Штергер // Культура и интеллигенция России : интеллектуальное пространство (провинция и центр). XX век : Материалы Четвёртой Всероссийской научной конференции. — 2000. — Т. 2. — С. 93—97.
32. Яковенко В. А. Медицинские общества / В. А. Яковенко, Е. А. Вишленкова, Е. А. Лисицына // История медицины и медицинской географии в Российской империи / Под редакцией Е. А. Вишленковой и А. Реннера. — Москва : Шико, 2021. — 388 с. — ISBN 978-5-907348-20-2.
33. Barabanova K. The management of cholera epidemics and The Neva River in St. Petersburg in the 19 century / K. Barabanova, A. Kraikovski // Water History. — 2018. — Vol. 10. — Pp. 163—181.
34. Henze C. E. Disease, health care and goverment in late imperial Russia. Life and death on the Volga, 1823—1914 / C. E. Henze. — New York : Routlege, 2011. — 227 с. — ISBN 9780415547949.
35. Maughan N. Living side by side : the water environment, technological control and urban culture in the Russian and Western history / N. Maughan, A. Kraikovski, J. Lajus // Water History. — 2018. — Vol. 10. — Pp. 133—140.

*Статья поступила в редакцию 15.03.2023,
одобрена после рецензирования 16.04.2023,
подготовлена к публикации 24.04.2023.*

Material resources

- Berlinskiy, N. V. (1890). *On the issue of the discovery of arsenic in forensic chemical studies by electrolysis in the apparatus of the March: Dis. on step. Dr. med. N. V. Berlinsky*. St. Petersburg: A. Muchnik's type. 111 p. (In Russ.).
- Berlinsky, N. V. (1896). *On the question of stuttering and its treatment*. Omsk: type. Okr. Headquarters. 38 p. (In Russ.).
- BU IsA — *Budgetary institution of the Omsk region "Historical Archive of the Omsk region". F. 86. Op. I. d. 103*. (In Russ.).
- Discussion of M. O. Shaikevich's proposal on the arrangement of a systematic series of publicly available public readings. (1899). *Protocols of the Omsk Medical Society*, 3: 58—59. (In Russ.).
- Election of officials for 1898—1899. (1898). *Protocol of the Omsk Medical Society*, 2: 21—22. (In Russ.).
- Gundrizer, R. F. (1892). *On the coffee surrogate prepared from the seeds of blue lupine (Lupinus angustifolius L.): Dis. on step. Master of Pharmacy pharmacist Romeo Gundrizer*. St. Petersburg: steam skoropech. A. V. Pozharova. 31 p. (In Russ.).
- Gundrizer, R. F. (1901). The results of the study of the water of the Irtysh River for January 1901. *Protocols of the Omsk Medical Society*, 6: 135—137. (In Russ.).
- Lyakhovetsky, M. I. (1899). On the question of the influence of kumys treatment on blood morphology. *Protocols of the Omsk Medical Society*, 8: 103—108. (In Russ.).

- Maisky, I. M. (1964). *Memoirs of the Soviet post. Journey into the past, 1*. Moscow: Nauka. 462 p. (In Russ.).
- P. A. Solomin's message results of water analysis from the well of the Pavlodar local team. (1899). *Protocols of the Omsk Medical Society*, 5: 55—56. (In Russ.).
- Reading the message of P. A. Solomin about the sources of water supply along the line of the West Siberian Railway. (1899). *Minutes of the meeting of the Society of Omsk doctors*, 10: P. 135. (In Russ.).
- Shaikevich, M. O. (1913). *More about psychoses in the troops*. Moscow: type. The headquarters of Mosk. military okr. 9 p. (In Russ.).
- Shaikevich, M. O. (1899). On the introduction of systematic lecturing. *Protocols of the Omsk Medical Society*, 2: P. 31. (In Russ.).
- Shaikevich, M. O. (1904). *Psychopathological features of Maxim Gorky's heroes*. Saint Petersburg: type. Spb. t-va "Trud". 82 p. (In Russ.).
- Shaikevich, M. O. (1910). *Psychopathology and literature*. St. Petersburg: type. Kreiz. 136 p. (In Russ.).
- Sobolevsky, A. V. (1903). *A rare case of hysterical convulsions ("belly dance") with the suicide of a patient*. Kiev: lito-tip. t-va I.N. Kushnerev and Co., censor. 16 p. (In Russ.).
- Sobolevsky, A. V. (1898). *Fundamentals of sobriety: the experience of leadership for schools*. St. Petersburg: P. P. Soykin, censor. 167 p. (In Russ.).
- Sobolevsky, A. V. (1911). *Military psychiatric case in the Austro-Hungarian, German and French armies*. Kazan: tipo-lit. Unita. 96 p. (In Russ.).
- Sobolevsky, A. V. (1901). *On the effect of hemorrhage on craniocerebral circulation: Dis. on step. Dr. med.* St. Petersburg: tipo-lit. "Energy". 194 p. (In Russ.).
- Sobolevsky, A. V. (1905). *The therapeutic value of hemorrhages in the suffering of the nervous system*. Kazan: tipo-lit. Un-ta. 118 p. (In Russ.).
- Sokolov, V. V. (1900). Notes on the Wolfart fly of the Semirechesky region and on the larvae of related parasites of the steppe region. *Protocols of the Omsk Medical Society*, 2: 47—56. (In Russ.).
- Solomin, P. A. (1886). On the results of chemical analysis of water taken from the Irtysh and Omi rivers and some wells in Omsk. *Minutes of the meeting of the Society of Omsk doctors*, 5: 123—134. (In Russ.).
- The whole of Omsk*. (1913). Omsk: Publication of the newspaper "Omsk Bulletin". Printing house "IRTYSH". 56 p. (In Russ.).
- Zimmerman, E. (1903). By the Great Siberian Railway. *Bulletin of Europe*, 1: 124—128. (In Russ.).

References

- A brief overview of the activities of the Omsk Medical Society for 25 years of its existence: 1883—1908*. (1909). Omsk: Printing House of the Headquarters of the Omsk Military District. 111 p. (In Russ.).
- Barabanova, K. S. (2022). Green spaces of Omsk in the late XIX — early XX centuries: projects and initiatives for greening the city. *Nauchnyj dialog*, 11 (9): 282—300. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-282-300. (In Russ.).
- Barabanova, K. S. (2022). Mud in the clean space of the bath: Omsk baths at the end of the XIX century. In: *The everyday life of the Russian population: history and modernity. materials of the International Scientific conference, 1*. St. Petersburg: Mediapapir. 229—233. (In Russ.).

- Barabanova, K., Kraikovski, A. (2018). The management of cholera epidemics and The Neva River in St. Petersburg in the 19 century. *Water History*, 10: 163—181.
- Bykova, A. G. (2014). Guardianship “On people’s sobriety” in the history of the sober movement in Russia in 1894—1914. *The story in detail*, 4 (46): 66—71. (In Russ.).
- Bykova, A. G. (2012). Historical experience of public-state counteraction to alcoholization of the population in the second half of the XIX — early XX centuries. *Domestic Journal of Social Work*, 4 (51): 47—55. (In Russ.).
- Chernyakov, N. M. (1976). Omsk garrison Hospital — the oldest medical institution in Siberia. *Collection of scientific papers dedicated to the 200th anniversary of the Omsk garrison hospital*. 3—7. (In Russ.).
- Egorysheva, I. V., Poddubny, M. V. (2021). Problems of military medicine at the Pirogov congresses of doctors during the First World War of 1914—1918. *Problems of social hygiene, healthcare and the history of medicine*, 29 (6): 1624—1628. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-6-1624-1628. (In Russ.).
- Farkhutdinova, L. M. (2021). From the history of the study of internal diseases. *Archive of Internal Medicine*, 6: 416—423. DOI: 10.20514/2226-6704-2021-11-6-405-415. (In Russ.).
- Fedorova, G. V. (2014). Antiepidemic direction in the activities of the Omsk Medical Society. *Omsk Scientific Bulletin*, 1: 11—13. (In Russ.).
- Fedorova, G. V. (2004). *History of the Omsk Medical Society (second half. XIX — the first floor. XX centuries)*. Omsk: OmGMA. 210 p. (In Russ.).
- Fedorova, G. V., Akhtulova, L. A. (2002). Public medicine in Omsk (to the 120th anniversary of the founding of the Omsk Medical Society). *Omsk Scientific Bulletin*. 155—159. (In Russ.).
- Fedotov, N. P., Akhtulova, G. I. (1975). *Essays on the history of medicine and healthcare in Siberia*. Tomsk: Publishing House Vol. un-ta. 269 p. (In Russ.).
- Gefner, O. V. (2016). Activity of the military department in the field of improvement of Western Siberian cities in the second half of the XIX — early XX centuries. *Bulletin of Omsk University. The series “Historical Sciences”*, 1: 36—41. (In Russ.).
- Gefner, O. V. (1999). Medical activity of Omsk military in the late XIX — early XX centuries. *Bulletin of Omsk University*, 1: 46—50. (In Russ.).
- Goncharova, S. G. (2013). Issues of child mortality at the congresses of the Pirogov Society (1885—1917). *Russian Academy of Medical Sciences. Bulletin of the National Research Institute of Public Health*, 1: 120—124. (In Russ.).
- Grinev, M. V. (2010). Pirogov Surgical Society. From its origins to the present day. *Bulletin of Surgery*, 169 (5): 22—24. (In Russ.).
- Henze, C. E. (2011). *Disease, health care and government in late imperial Russia. Life and death on the Volga, 1823—1914*. New York: Routledge. 227 p. ISBN 9780415547949.
- Kalinichenko, V. P. (2017). “Our work is honest and unselfish” Society of doctors of Vyatka — Medical Society of Vyatka province. *Vyatka Medical Bulletin*, 4 (56): 77—83. (In Russ.).
- Lashkov, K. (1990). Omsk doctors of the end of the XIX century. *My Priirtyshye*, 2: 99—105. (In Russ.).
- Legenky, I. G. (1970). Omsk Medical Society (1813—1913). *Scientific works (Omsk Medical Institute)*, 90: 64—68. (In Russ.).
- Maughan, N., Kraikovski, A., Lajus, L. (2018). Living side by side: the water environment, technological control and urban culture in the Russian and Western history. *Water History*, 10: 133—140.

- Obertreis, Yu., Malinova-Tziafeta, O. (2019). The history of cities and water infrastructures in the Russian Empire and the USSR. *The Modern History of Russia*, 9 (1): 173—201. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.111. (In Russ.).
- Palkin, B. N. (1967). *Essays on the history of medicine and healthcare in Western Siberia and Kazakhstan during the period of accession to Russia (1716—1868)*. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. ed. 579 p. (In Russ.).
- Pirogovskaya, M. M. (2012). Vetlyanskaya plague of 1878—1879: sanitary discus, sanitary practices and (re) the formation of sensitivity. *Anthropological Forum*, 17: 198—225. (In Russ.).
- Pyankov, S. A., Mikhalev, N. A. (2015). The Famine of 1891—1892 in Russia in Soviet and modern Russian historiography. *Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities*, 1: 44—55. (In Russ.).
- Rogozhina, A. S. (2021). Famine and food policy of the Russian Empire in the late XIX — early XX centuries. *Nauchnyj dialog*, 4: 423—437. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-423-437. (In Russ.).
- Buktugutova, R. S. (2007). The role of the West Siberian Department of the Russian Geographical Society in the development of cultural ties between the Russian and Kazakh peoples (late XIX — early XX century). *Bulletin of Tomsk State University*, 296: 84—88. (In Russ.).
- Shterger, M. V. (2000). Scientific contacts and publishing activities of the ZSO IRGO in the late XIX — early XX century (according to archival materials). *Culture and intelligentsia of Russia: intellectual space (province and center). XX century: Materials of the Fourth All-Russian Scientific Conference*, 2: 93—97. (In Russ.).
- Simonyan, R. Z. (2021). Medical societies in the Russian Empire: scientific and public activity (the second half of the XIX — the beginning of the XX centuries). *Modern scientific thought*, 5: 48—54. DOI: 10.24412/2308-264X-2021-5-48-54. (In Russ.).
- Skalaban, I. A. (1992). History of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society: history of construction. *Monuments of history and culture of the city of Omsk*, 1: 48—61. (In Russ.).
- Sosnovskaya, I. A. (2008). Medical societies in Russia in the second half of the XIX — early XX century. (on the example of the society of Oryol doctors). *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 11 (67): 307—311. (In Russ.).
- Villaineeva, E. B. (2004). *Pirogov congresses of doctors and their role in the formation of the public health system in Russia (late XIX — early XX century)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 23 p. (In Russ.).
- Volodin, N. N., Lisitsyn, Yu. P. (2010). N. I. Pirogov and congresses of Russian doctors named after him. *Bulletin of the Russian State Medical University*, 5: 11—14. (In Russ.).
- Yakovenko, V. A., Vishlenkova, E. A., Lisitsyna, E. A. (2021). Medical societies. In: *History of Medicine and Medical Geography in the Russian Empire*. Moscow: Chicot. 388 p. ISBN 978-5-907348-20-2. (In Russ.).

*The article was submitted 15.03.2023;
approved after reviewing 16.04.2023;
accepted for publication 24.04.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(3), 2023]

[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Барышников М. Н. И. И. Чайковский в управлении черноморско-балтийской судоходной линией в 1894—1896 годах / М. Н. Барышников // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 361—381. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-361-381.

Baryshnikov, M. N. (2023). I. I. Tchaikovsky in Management of Black Sea — Baltic Shipping Line in 1894—1896. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 361-381. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-361-381. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-361-381

**И. И. Чайковский
в управлении
черноморско-балтийской
судоходной линией
в 1894—1896 годах**

Барышников Михаил Николаевич

orcid.org/0000-0002-0636-8864

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории
Института истории и социальных наук
barmini@list.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

**I. I. Tchaikovsky
in Management of Black
Sea — Baltic Shipping Line
in 1894—1896**

Mikhail N. Baryshnikov

orcid.org/0000-0002-0636-8864

Doctor of History, Professor,
Head of the Department of History
of the History and Social Sciences Institute
barmini@list.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

© Барышников М. Н., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется вклад И. И. Чайковского, руководителя петербургского агентства Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ), в развитие торговых отношений Санкт-Петербурга с российскими черноморскими портами в 1894—1896 годах. Итогом выступают сравнительные показатели грузоперевозок между российской столицей и крупными портовыми городами, выявляется количество, номенклатура и направления товарных потоков, их принадлежность конкретным предпринимателям и фирмам. С использованием разнообразных архивных данных показывается, что под руководством Чайковского черноморско-балтийская пароходная линия оказывала положительное влияние на развитие межрегиональных торговых связей. Деятельность агентства рассматривается как пример бизнес-операций, которые изменили динамику большого каботажного, повысив значимость морских грузоперевозок за счет сочетания регулярности рейсов с региональным спросом на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Роль Чайковского как руководителя трактуется в контексте поиска и реализации им баланса между предпочтениями заинтересованных в деятельности черноморско-балтийской линии частных лиц, фирм и правительственных учреждений, с одной стороны, и корпоративными интересами РОПиТ в их стратегическом (обеспечение роста внутрироссийских и трансграничных грузоперевозок) содержании — с другой стороны.

Ключевые слова:

И. И. Чайковский; Петербург; Одесса; межрегиональная торговля; морское судоходство; грузоперевозки; управление; интересы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The contribution of I. I. Tchaikovsky, head of the St. Petersburg agency of the Russian Society of Shipping and Trade (RSST=ROPiT), to the development of trade relations between St. Petersburg and the Russian Black Sea ports in 1894—1896 is analyzed. The result is comparative indicators of cargo transportation between the Russian capital and major port cities, the quantity, range and directions of commodity flows, their belonging to specific entrepreneurs and firms are revealed. Using a variety of archival data, it is shown that under the leadership of Tchaikovsky, the Black Sea-Baltic shipping line had a positive impact on the development of interregional trade relations. The agency's activities are seen as an example of business operations that have changed the dynamics of large cabotage, increasing the importance of sea freight by combining regularity with regional demand for industrial and agricultural products. The role of Tchaikovsky as a leader is interpreted in the context of his search and implementation of a balance between the preferences of individuals, firms and government agencies interested in the activities of the Black Sea-Baltic line, on the one hand, and the corporate interests of RSST (ROPiT) in their strategic (ensuring the growth of domestic and cross-border cargo transportation) content — on the other side.

Key words:

I. I. Tchaikovsky; Petersburg; Odessa; interregional trade; maritime shipping; cargo transportation; control; interests.

И. И. Чайковский в управлении черноморско-балтийской судоходной линией в 1894—1896 годах

© Барышников М. Н., 2023

1. Введение = Introduction

22 января 1891 года Александр III утвердил новый устав Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) [Устав ..., 1891]. Этим документом для крупнейшей отечественной судоходной компании вводились скорректированные параметры реализации государственно-частного партнерства в сфере грузовых и пассажирских перевозок по внутрироссийским и международным линиям [Познер, 1895, с. 315—316; Иловайский, 1907, с. 249]. Имевшиеся к тому времени результаты деятельности фирмы подтверждали значимость управленческих, финансовых и хозяйственных нововведений, а также различных способов сочетания активов (морских судов), необходимых для успешного функционирования пароходства. Вместе с тем операции РОПиТ свидетельствовали об особой важности согласования коммерческих, общественных и государственных интересов в целях развития морского сообщения и торговых связей в межрегиональном и трансграничном формате. В полной мере данная направленность работы компании нашла отражение в организации судоходных рейсов между российскими портами Черного и Балтийского морей. К концу XIX века Петербург прочно занимал одно из ведущих мест в грузообороте страны, его удельный вес в общем вывозе балтийских портов составлял 26—38 % [Под флагом ..., 1995, с. 247]. В свою очередь торговое судоходство Черноморско-Азовского бассейна, ведущую роль в функционировании которого играло РОПиТ, оказывало огромное влияние на развитие не только Северного Причерноморья и Приазовья, но и на экономику всей России [Истомина, 2018, с. 495]. В условиях экономического подъема, переживаемого империей, открытие каботажного судоходства между промышленным Северо-Западом и сельскохозяйственным Югом становилось одним из ключевых элементов складывания единого транспортно-производственного пространства страны.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи — раскрыть процесс оформления и основные результаты деятельности Черноморско-Балтийской линии РОПиТ в 1894—1896 годах.

Вводимые в научный оборот ранее не использовавшиеся исследователями архивные документы позволяют охарактеризовать содержание и направленность развития наиболее значимой по масштабу операций внутрироссийской судоходной линии в начальный период ее истории. Грузопотоки между двумя регионами рассматриваются как пример бизнес-операций, которые изменили динамику большого каботаж, повысив роль морских перевозок за счет сочетания регулярности рейсов с местным спросом на промышленную и сельскохозяйственную продукцию.

Ставится задача показать особенности руководства транспортным делом главы петербургского агентства компании И. И. Чайковского. Хронологически выделяются два периода его работы: до лета 1894 года (в сотрудничестве с распорядительным директором Н. Ф. Фан дер Флитом) и с лета 1894 до конца 1896 года (при наличии делового и личного соперничества с новым директором С. И. Полушкиным). Увольнение Полушкина с поста руководителя одесской главной конторы в 1897 году позволило сбалансировать интересы в среде руководства РОПиТ. Тем самым был открыт новый этап в функционировании петербургского агентства, что предполагает отдельное его изучение в качестве самостоятельной проблемы. Роль Чайковского как руководителя агентства трактуется (в соответствии с теорией заинтересованных сторон [Freeman, 2010, p. 238]) с точки зрения поиска и реализации им баланса между предпочтениями заинтересованных в деятельности черноморско-балтийской линии частных лиц, фирм и правительственных учреждений, с одной стороны, и корпоративными интересами РОПиТ в их стратегическом (обеспечение роста внутрироссийских и трансграничных грузоперевозок) содержании — с другой стороны.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Взаимодействие И. И. Чайковского и Н. Ф. Фан дер Флита в управлении черноморско-балтийской линией

С учреждением Черноморско-Балтийской линии правление РОПиТ решало несколько задач, главная из которых — непосредственно «связать интересы Одессы и других портов Черного и Азовского морей с Санкт-Петербургом» [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1207, л. 1об]. В первую очередь предполагалось сделать ставку на двусторонние перевозки грузов между российскими приморскими городами, а также, при наличии соответствующих возможностей, вывоз отечественных товаров в зарубежные европейские порты. Каботажные перевозки между Одессой и Петербургом демонстрировали оживление еще с середины 1880-х годов, с открытием морского канала в Петербурге. На фоне возрастающего значения столицы как морского порта и сопутствующего развития российского судоходства в Черном и

Средиземном морях наблюдалась активизация межрегиональной торговли. В столицу поставлялись преимущественно рис, соль и виноградное вино, в обратном направлении следовали железные и стальные изделия, картон и стеариновые свечи. При этом перевозки по морю обходились вполровину дешевле, чем по железной дороге. Кроме того, использование железнодорожного транспорта не давало принципиальных преимуществ по времени транспортировки (до трех недель) в сравнении с доставкой пароходами (около месяца) [Русское ..., с. 50].

В начале 1890-х годов фиксировалось «возрастающее участие» каботажного судоходства в развитии торговых связей между российскими портами [Шавров, 1895, с. 112]. Увеличивающиеся объемы доставляемых водным путем грузов связывались, помимо прочего, с сохранявшимися ограничениями в пропускной способности российских железных дорог и действующими на них тарифами. В частности, высота тарифной сетки являлась одной из основных причин значительной разницы между хлебными ценами портов и внутренних рынков страны [Китанина, 2011, с. 36]. На этом фоне в 1891—1892 годах наблюдался заметный рост морских перевозок сельско-хозяйственной продукции из Одессы в балтийские порты (главным образом в Петербург) на отечественных и иностранных судах, в том числе по муке — с 127 до 257 тысяч пудов, рису — с 22 до 42 тысяч, табаку — с 7 до 39 тыс., виноградному вину — с 26 до 37 тысяч (в 1892 году общий грузопоток в этом направлении превысил 600 тысяч пудов) [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1165, л. 10]. Поддержку в своих планах открыть новую каботажную линию руководство компании рассчитывало получить у С. Ю. Витте, занявшего в 1893 году пост министра финансов. Ранее, в начале 1870-х годов, он был начальником движения Одесской железной дороги (магистраль находилась в концессионном управлении РО-ПиТ), завязав в этой должности доверительные отношения с членом правления Ф. Т. Фан дер Флитом. Сын последнего, Николай Федорович, состоял с 1884 года распорядительным директором компании в Одессе. Ему и председателю правления в Петербурге Н. И. Жеванову предстояло утвердить в Министерстве финансов в 1893 году проект функционирования Черноморско-Балтийской линии в его временных, региональных и хозяйственных параметрах. Как подчеркивал глава правления в письме к Витте, при учреждении линии подразумевалась в первую очередь перевозка товаров «русского происхождения» [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1257, л. 27]. Не менее значимой для Жеванова должна была стать поддержка со стороны управляющего Морским министерством Н. М. Чихачева. До 1884 года он являлся распорядительным директором компании. В данном случае большие надежды связывались с контрактами на перевозку казенных грузов

военно-морского и военно-сухопутного назначения. Кроме того, руководству РОПиТ требовалось определить главу петербургского агентства, которому предстояло сыграть ключевую роль в налаживании работы новой судоходной линии.

В ноябре 1893 года, вслед за положительным решением со стороны министерских чиновников, акционеры РОПиТ приступили к обмену мнениями по поводу кандидатуры на должность петербургского агента [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1165, л. 1]. При поддержке членов правления (и лично Н. И. Жеванова) на этот пост был рекомендован Ипполит Ильич Чайковский, брат умершего композитора Петра Ильича Чайковского. Следует отметить, что это назначение последовало по нескольким причинам, в том числе в связи с увлечением Жеванова творчеством П. И. Чайковского. Однако более значимым стал опыт работы И. И. Чайковского на мореходном поприще. Еще в 1854 году, в возрасте 11 лет, он был определен пансионером в Морской кадетский корпус в Петербурге. В 1862—1864 годах гардемарин стажировался на кораблях Каспийской флотилии. В мае 1867 года мичман Чайковский перевелся на службу в РОПиТ. До 1883 года жил в Одессе, с 1883 по 1894 годы — в Таганроге. Здесь же состоял членом, а затем председателем Комитета по заведыванию Таганрогскими мореходными классами. По его инициативе в 1892 году было построено учебное судно «Св. Ипполит» (в 1920 году переименованное в «Ипполит Чайковский») [Киричек, 2008, с. 775—776].

Служба И. И. Чайковского на ответственных должностях в РОПиТ началась в середине 1870-х годов, когда он занял должность капитана судна «Хопер», а после русско-турецкой войны 1877—1878 годов продолжилась в должности капитана одного из крупных пароходов компании — «Великий князь Михаил». В Таганроге он совмещал заведование мореходными классами с руководством местным агентством РОПиТ. В способностях своего подчиненного управлять столичным представительством компании не сомневался Н. Ф. Фан дер Флит, предложивший Чайковскому как можно быстрее принять дела в Петербурге [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1165, л. 8]. Заметим, что знакомство этих двух людей было давним и в начале 1890-х годах имело характер дружбы, сопровождавшейся приглашениями Чайковского на корпоративные праздники, которые устраивались на принадлежавшей Фан дер Флиту яхте «Русалка». Причина торопливости распорядительного директора осенью 1893 года заключалась в сложностях, которые возникли с пробным рейсом парохода «Трувор» в Петербург. Перевозка судном 181,2 тысяч пудов груза, главным образом зерна [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1207, л. 215], сопровождалась проблемами при организации разгрузочных работ в северной столице. В целом же результаты плавания

оказались для РОПиТ неплохими. Фрахт за рейс из Одессы в Петербург составил 18,1 тысяч рублей, в обратном направлении — 19,9 тысяч рублей [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1165, л. 280]

Для оптимизации деятельности петербургского агентства решено было открыть его не в помещениях правления на Невском проспекте (дом № 45), а на Васильевском острове, вблизи порта (Николаевская набережная, дом № 29). В этом же здании И. И. Чайковскому была выделена обширная квартира. Помимо Чайковского, агентство состояло из 6 служащих. Годовой бюджет конторы был определен в 11,1 тысяч рублей, включая оклад ее главы — 3 тысячи рублей, управляющего — 2 тысячи, конторщика — 1 тысяча, секретарши — 480 рублей, приемщика товара — 600 рублей, сторожа — 300 рублей, рассыльного — 240 рублей [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1165, л. 132]. Кроме того, было «установлено», что фрахты из Петербурга и балтийских портов могут назначаться только лично Чайковским, с утверждения председателя правления [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1257, л. 26]. Помимо оклада, петербургскому агенту выплачивались дополнительные суммы с выручки, полученной за перевозки по линии: 2 % — за грузы, вывезенные из Балтийских портов, 2 % — за доставленные грузы из черноморского региона в Петербург, 1 % — за другие грузы, следовавшие в столицу [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1207, л. 125].

В феврале-марте 1894 года И. И. Чайковский налаживал контакты с владельцами петербургских промышленных компаний, оповещая их об условиях транспортировки грузов в черноморские порты. В это же время Н. Ф. Фан дер Флит информировал столичное агентство о возможном партнерстве с представителями деловых кругов Одессы, Севастополя, Новороссийска, Батума и других причерноморских городов. Обсуждались условия, в том числе возможные скидки со стороны РОПиТ, на доставку тех или иных товаров в Петербург. 9 апреля 1894 года была открыта навигация, продолжавшаяся до 27 октября. В первый месяц грузоперевозки осуществлялись на пяти пароходах РОПиТ — «Трувор», «Новосельский», «Азов», «Ростов» и «Царица», а также четырех арендованных — «Екатерина II», «Императрица Мария», «Nordvest» и «Norden». Итоги функционирования линии в 1894 году демонстрировали следующие данные: из портов Черного и Азовского морей было вывезено в Петербург 643,7 тысячи пудов грузов, в обратном направлении — 520,4 тысяч пудов. Помимо этого, за границу отправлено 128,1 тысяч пудов зерна [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1257, л. 398]. Наибольшие партии товаров поступили из Одессы (главным образом мука, а также железный лом, вина, растительное масло, сахарный песок, табак и кожи) и Ростова-на-Дону (мука). Из Новороссийска вывозился табак, Севастополя — железный лом и вино, Николаева — железный лом и ра-

финад, Батума — минеральная вода, медь в слитках, марганец, пальмовое масло, Евпатории и Ялты — вина, Анапы и Керчи — табак [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1165, л. 287—288]. В целом мука, зерно и рис составляли 66,2 % из доставленных в столицу товаров. По подсчетам Чайковского, в 1894 году наибольшие показатели по транспортировке грузов относились к Одессе и Ростову-на-Дону, а также Николаеву, Севастополю, Батуму, Евпатории, Новороссийску, Анапе, Ялте и Таганрогу [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1207, л. 151]. Весомые данные по Севастополю были также подтверждены в навигацию 1896 года. Данный факт свидетельствовал о сохранении значимости этого порта в каботажных перевозках после открытия в 1895 году Феодосийского торгового порта [Марциновский, 2015, с. 34—35].

В Петербурге И. И. Чайковскому удалось заключить контракты с частными лицами и фирмами на отправку товаров, в стоимостном выражении оцененных в 2,620 миллиона рублей. Еще на 1,670 миллиона рублей было заявлено грузов военно-сухопутным и 900 тысяч рублей — военноморским ведомствами [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1165, л. 285—286; д. 1207, л. 152]. Первым ведомством из 79 307 пудов грузов «опасными» были заявлены 52 047 пудов, вторым — из 63 236 пудов — 16 367 [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1165, л. 286]. В числе крупных казенных заказов значились металлические трубы (Ижорский завод), динамит и порох. Одними из первых столичных фирм, заключивших договоры с агентством, стали Товарищества «А. Н. Богданов и К^о» и «Лаферм» (табачная продукция), «Треугольник» (резиновые изделия, главным образом галоши), «Братья Нобель» (смазочные масла) и Невское стеариновое (стеариновые и пальмовые свечи), «Российская бумагопрядильная мануфактура» (хлопчатобумажные ткани), Общество Путиловских заводов и Компания Петербургского металлического завода (металл, проволока, гвозди), Балтийский завод (металлоизделия для строящихся в Севастополе военных кораблей), Северное стекло-промышленное общество (бутылки для вина и минеральной воды). Клиентами выступили также владельцы фабрик: бумажной — К. П. Печаткин и спичечной — В. А. Лапшин. В целом из вывезенных из столицы товаров древесная масса и бумага составляли 21,1 %, металлоизделия — 8,4 %. Наибольший объем грузов был доставлен «Трувором» — 367,2 тысяч пудов, «Царицей» — 264,7 тысяч, «Императрицей Марией» — 172,5 тысяч пудов, а также «Екатериной II» — 135,2 тысяч и «Норденом» — 104,9 тысяч [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1165, л. 347—352; д. 1207, л. 151].

Всю работу по взаимодействию с грузоотправителями и организации доставки продукции в Петербург и черноморские порты (в 1894 году агентством было принято в работу более тысячи различных писем и документов [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1165, л. 125]) ежедневно выполняли И. И. Чайков-

ский, его заместитель А. А. Доманский (на его содержании находились трое малолетних детей), пожилой конторщик Я. Ф. Сусленников и секретарша, «барышня» Н. М. Нетенина. Главными проблемами, сдерживавшими межрегиональную каботажную деятельность РОПиТ, Чайковский считал, помимо малочисленности состава агентства, отсутствие в Петербурге соответствующих портовых «удобств», а также применение таможенных сборов к перевозимым российским товарам как к иностранным. К организационным трудностям, с которыми сталкивалось на первых порах агентство, добавлялись нерасторопные действия подрядной конторы «Турыгин и Мордухович». С этой фирмой еще до учреждения агентства Н. И. Жеванов заключил договор на осуществление работ по погрузке и выгрузке грузов в столичном порту [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1165, л. 87—88]. Чайковский полагал, что более выгодным для РОПиТ, в том числе с финансовой стороны, было бы деловое взаимодействие с представителями одного из столичных земляческих объединений. Подходящим по результатам деятельности он называл рязанское землячество. Подобное предложение не выглядело случайным, если учесть, что одним из видных деятелей этого сообщества был «знаменитый богач» Ю. С. Нечаев-Мальцов [Лурье и др., 1997, с. 422]. В конце XIX века этот промышленник состоял крупнейшим акционером (из числа физических лиц) РОПиТ [Список ..., 1893]. Продукция из стекла и хрусталя, производимая на его заводах, транспортировалась судами компании в российские и зарубежные порты. Впрочем, перспективы ориентации на Нечаева-Мальцова оставались туманными в силу сложных отношений, существовавших между ним и Жевановым. В феврале 1895 года Чайковский был вынужден перезаключить договор с фирмой «Турыгин и Мордухович» [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1207, л. 26—27].

3.2. Функционирование черноморско-балтийской линии в контексте делового соперничества И. И. Чайковского и С. И. Полушкина

По итогам 1894 года результаты работы И. И. Чайковского были оценены, помимо выплаченного оклада, процентным вознаграждением в 4 420 рублей с размера выручки по линии [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1207, л. 219]. Вместе с тем серьезной проблемой, касающейся его лично, стал в мае того же года уход с поста главы одесской конторы Н. Ф. Фан дер Флита. Новым распорядительным директором был избран капитан 1 ранга С. И. Полушкин. С ним Чайковский не имел ранее общих интересов ни в личном, ни в деловом плане. Более того, Полушкин не участвовал в выработке условий функционирования петербургского агентства, в том числе на уровне его финансовых операций. Данное обстоятельство сыграет свою роль в последующих попытках распорядительного директора пересмотреть круг ответственности и размер вознаграждений главы столичного агент-

ства. Речь шла в первую очередь о системе расчета процентных выплат по грузам, зафрахтованным Чайковским в черноморских портах и доставленным в Одессу для дальнейшей отправки в Петербург. По мнению Полущкина, вознаграждение столичного агентства требовалось уменьшить в пользу одесской главной конторы, поскольку в ее управлении находились черноморские судоходные линии, по которым перевозились транзитные грузы для Петербурга. В число таких линий входили Крымско-Азовская, две Крымско-Кавказские (прямая и круговая), Николаевская, Херсонская и Азовская. Чайковский отвергал подобный подход, настаивая на приоритете заключенных им контрактов на местах при соответствующей выплате процентов в полном объеме столичному агентству. Кроме того, он стал добиваться у членов правления дальнейшего расширения сферы своих полномочий, касающихся управления имуществом компании в Петербурге.

8 декабря 1894 года правление РОПиТ обратилось в Петербургскую городскую управу с предложением арендовать на Васильевском острове «Масляной буян» со всеми находившимися на его территории постройками и пристанями за 1,5 тысячи рублей серебром в год. Одновременно компания обязывалась возвести новые складские помещения и модернизировать имеющиеся коммуникации, а также осуществлять их охрану в последующие годы. Не дожидаясь решения городской управы, Н. И. Жеванов инициировал подготовку плана межрегиональных судоходных операций на 1895 год. С учетом предложений петербургских промышленников и запросов клиентов в южном регионе грузоперевозки были ориентированы на 22 города: Одессу, Ростов-на-Дону, Севастополь, Новороссийск, Батум, Таганрог, Николаев, Мариуполь, Херсон, Керчь, Ялту, Алушту, Судак, Феодосию, Анапу, Туапсе, Сочи, Новый Афон, Сухум, Поти, Бердянск, Джубгу. Руководство РОПиТ гарантировало доставку столичных товаров в свои портовые склады, включая пристани на Днепре (до Александровска включительно). Что не менее важно, предлагалось перевозить российские грузы в заграничные приморские города Черного, а также Эгейского и Средиземного морей, в том числе с целью их перегрузки на другие пароходы для дальнейшего следования в порты Индийского океана и Дальнего Востока [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1207, л. 9].

Перспективы работы И. И. Чайковского в Петербурге в значительной мере определялись успешной реализацией контрактов с Обществом пароходства и торговли «А. А. Зевеке» [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1207, л. 10]. Обе фирмы активно взаимодействовали при транспортировке транзитных грузов между Каспийским, Черным и Балтийским морями. В 1894 году брат главы петербургского агентства, Анатолий Ильич Чайковский, находясь в должности вице-губернатора в Нижнем Новгороде, вошел в число акци-

онеров и директоров этого пароходства [Статистика ..., 1897, с. 32]. Вслед за этим, уже при участии А. И. Чайковского, принимается решение о выпуске облигационного займа на 650 тысяч рублей с сопутствующим строительством четырех новых пароходов. Один из них, по предложению нового акционера, был назван «Пётр Чайковский» [История ..., 1912, с. 34]. Итогом деятельности А. И. Чайковского стало достижение с акционерами Петербургской Компании для морского, речного и сухопутного страхования и транспортирования кладей «Надежда» решения о поглощении ею Общества «А. А. Зевеке» [Барышников, 2020, с. 15—16].

В январе 1895 года И. И. Чайковский предпринимал шаги по налаживанию более тесных коммерческих контактов с Компанией «Надежда». В частности, принимается решение предоставить новому деловому партнеру 20%-ю скидку с морского фрахта при транзитных перевозках из Петербурга в Черное море и далее в Закавказье для дальнейшей отправки грузов в Каспийское море и Персию. Подобное соглашение вызвало крайнее недовольство со стороны С. И. Полушкина. В данном случае критике подверглось не само предложение о скидке, а факт отстранения одесской главной конторы от подготовки соответствующего соглашения [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1207, л. 18—19]. Однако протест распорядительного директора не был принят во внимание членами правления в Петербурге. Чайковскому удалось также добиться неприменения в отношении заключаемых им межрегиональных контрактов ранее действовавшего положения одесской конторы. Согласно этому документу, ведение финансовой документации по линиям и пароходам предполагало, что выручка полностью зачисляется тому пароходу, который первоначально принял груз, и относится к валовой выручке той линии, по которой данный пароход содержит сообщение [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1207, л. 82]. Другими словами, груз, зафрахтованный при посредничестве Чайковского для переправки из Ростова-на-Дону в Петербург, требовал двойной перегрузки в пути — в Керчи и Одессе — и должен был доставляться тремя пароходами, при соответствующем отношении выручки в пользу первого судна и линии. Отказ от данного положения, ущемлявшего интересы петербургского агентства, позволял распределять выручку между всеми линиями, включая черноморско-балтийскую.

Сложнее обстояло дело с другим проектом, подготовленным Н. И. Жевановым и И. И. Чайковским с целью организации транспортировки смазочных материалов из Баку в Петербург. Переговоры с коммерческим отделом Департамента железнодорожных дел по поводу стоимости перевозок продвигались с трудом. Предложения взять за образец опыт деятельности Добровольного флота, руководство которого начисляло фрахт с пуда груза, доставляемого из Севастополя в Петербург, от 40 до 50 копеек, не вызы-

мели должного результата. Также не убедил чиновников опыт сотрудничества двух компаний, когда Добровольный флот доставлял в Одессу лесоматериалы с Дальнего Востока, после чего они отправлялись на пароходах РОПиТ в Петербург [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1207, л. 72]. Департамент требовал существенного снижения фрахта, и это, как полагал Жеванов, не ставило «прочно и в интересах русского большого каботаж» судоходство между Черным и Балтийским морями [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1207, л. 41]. Результатом затянувшихся дискуссий стало утверждение Чайковского во мнении о необходимости дальнейшей диверсификации грузоперевозок при взаимодействии как с казенными, так и с частными грузоотправителями.

К числу значимых направлений своей работы И. И. Чайковский относил установление контактов с большим числом правительственных ведомств, а также участие в реализации контрактов между поставщиками и потребителями определенной продукции, в том числе табачной. В 1895 году заявляют о себе как о деловых партнерах петербургского агентства фирмы «Братья Шапшаль», «Саатчи и Мангуби» и «Оттоман». Большим размахом отличалось сотрудничество с владельцами (и одновременно родственниками) двух петербургских табачных предприятий — А. Н. Богдановым и Е. Н. Шапошниковой [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1207, л. 66]. Примечательно, что в состав пайщиков фирмы Богданова входили Дмитрий и Алкивиад Ивановичи Петрокино, также являвшиеся крупными клиентами столичного агентства РОПиТ. Помимо закупок в южных губерниях табака, братья участвовали в поставках в столицу муки, чая и кофе.

Особое внимание руководство компании уделяло доставке в Петербург крымских вин. С начала 1880-х годов, как отмечал Н. Ф. Фан дер Флит, РОПиТ оказывало содействие виноделию Крыма путем закупки в больших размерах местной продукции с последующим ее распространением на своих пароходах [Фан дер Флит, 1888, с. 15]. В середине 1890-х годов одесская контора и петербургское агентство наладили сотрудничество с Л. С. Голицыным с целью доставки в столицу производимых на его заводе вин. Контракты на поставку продукции предприятия в Новом Свете были заключены с крупнейшими гастрономическими фирмами Г. Г. Елисеева, И. С. Крючкова, В. И. Соловьева, Э. Л. Тотина, В. И. Черепенникова. Другой важной сферой деятельности РОПиТ оставалась перевозка в Петербург крупных партий зерна, муки и риса. Заказчиками выступали оптовые фирмы Э. В. Блессига, А. И. Галунова, братьев Полежаевых, А. Я. Прозорова, Н. П. Черенова и др. Стабильности в функционировании черноморско-балтийской линии в 1895 году добавляло заключенное с пе-

тербургской городской управой договора об аренде складских помещений на территории Масляного буяна [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1257, л. 12].

В апреле 1895 года вопрос о диверсификации судоходных операций, осуществляемых в летний период функционирования черноморско-балтийской линии, обсудили при «личном свидании» Н. И. Жеванов и чиновник Министерства финансов П. О. Морозов (к тому времени известный также как историк литературы и театровед). Морозов сообщил председателю правления РОПиТ о желательности посещения судами компании портов Испании и Португалии. Со своей стороны Жеванов просил уведомить его, в чем именно «выражается желание правительства» [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1207, л. 119]. Уклончивый ответ главы правления не был случайным. Ранее министр иностранных дел А. М. Горчаков, а затем его сын М. А. Горчаков, занявший пост чрезвычайного посланника и полномочного министра при Мадридском дворе (одновременно один из крупных акционеров РОПиТ), настаивали на открытии прямой линии между Одессой и Барселоной. Эта идея не была популярной в руководстве компании, и все попытки М. А. Горчакова отстоять ее при поддержке Министерства финансов оказались безуспешными [Барышников, 2022, с. 59]. Жеванов и Чайковский полагали, что заходы пароходов в испанский порт заметно увеличат продолжительность рейсов и эксплуатационные расходы. Положительное решение виделось им только при наличии правительственных субсидий или конкретной коммерческой выгоды для судов черноморско-балтийской линии. Более значимой для петербургского агентства стала перевозка 52,2 тысяч пудов военного груза по контракту с черногорским правительством [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1257, л. 318]. В 1896 году князь черногорский Николай I «за особые услуги, оказанные черногорскому народу», пожаловал И. И. Чайковскому орден князя Даниила I второй степени [РГИА, ф. 20, оп. 2, д. 1152, л. 13].

3.3. Деятельность И. И. Чайковского в 1896 году и результаты трехлетней работы черноморско-балтийской линии

В 1896 году сохранялось противостояние петербургского агентства и одесской главной конторы по поводу определения перспектив развития черноморско-балтийской линии. Что не менее важно, Н. И. Жеванов демонстрировал принципиальную поддержку И. И. Чайковскому при решении как оперативных, так и стратегических вопросов. 7 февраля глава правления обратился к С. И. Полушкину с гневным письмом, в котором потребовал подтвердить ранее заключенное соглашение о сфере полномочий Чайковского. Речь шла о том, что фрахты из столицы и балтийских портов назначаются петербургским агентом, с предварительным утверждением Жеванова. Между тем председателю правления стало известно, что одес-

ская контора непосредственно вошла в переговоры с фирмой «Гельминг и Гримм» о перевозке грузов из Балтийского в Черное море. Жеванов потребовал от Полушкина подтвердить и в дальнейшем беспрекословно выполнять условия соглашения с Чайковским [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1257, л. 26]. Спустя десять дней глава правления отправил распорядительному директору еще одно письмо, в котором проинформировал о том, что «во избежание каких-либо недоразумений» Чайковский будет отправлен в Одессу для решения вопроса о доставке из Петербурга строительных материалов и инструментов. В данном случае Жеванов стремился перестраховаться в ходе выполнения заказа, связанного с завершением строительства шоссе между Новороссийском и Сухумом [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1257, л. 43]. В это время серьезные опасения у него вызывали сообщения Полушкина о крайне «неблагоприятной» ситуации с обеспечением грузоперевозок по черноморско-балтийской линии [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1257, л. 44].

Еще одной сферой соперничества директора одесской конторы и главы петербургского агентства являлось распределение грузопотоков в балтийском регионе. И. И. Чайковский настаивал на использовании Риги в качестве транзитного пункта в перевозках между Петербургом и черноморскими портами. С. И. Полушкин считал более выгодным ориентироваться на Либаву. Позицию Чайковского Полушкин объяснял стремлением петербургского агентства наладить партнерские «отношения» с Рижским проволочным заводом и его владельцем Обществом Вестфальской проволочной промышленности [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1257, л. 63—65]. Впрочем, ориентация Полушкина на Либаву также имела свои причины. Они были связаны с планами распорядительного директора установить деловые связи с Датско-Русским пароходным обществом, ранее учрежденным в Копенгагене. Эту компанию Полушкин надеялся привлечь к осуществлению операций в Балтийском регионе, используя в качестве транзитного пункта Либаву. В 1896 году Жеванов и Чайковский, минуя Полушкина, вступили в переговоры с Либавской городской думой об условиях захода судов РО-ПиТ в местный порт. При этом было достигнуто соглашение о существенном снижении пошлины — с 23 до 7 копеек с ластва [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1257, л. 217—218].

Интерес И. И. Чайковского к привлечению к грузоперевозкам крупных клиентов нашел отражение в ряде договоров с петербургскими предприятиями, в том числе Балтийским заводом и Обществом Русских трубопрокатных заводов. Для возводимого в Николаеве броненосца «Ростислав» были доставлены оборудование и металлические детали, изготовленные на Балтийском заводе. Со своей стороны глава петербургского агентства согласился на стажировку молодых специалистов этого завода на судах ком-

пании [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1257, л. 168; д. 1207, л. 312—313, 388—389]. Значительные объемы казенной продукции переправлялись также в Севастополь. В первую очередь это касалось взрывоопасных грузов (динамита и пороха) и оружия, доставка которых по железной дороге сопровождалась большими рисками. Значительными являлись перевозки разнообразных товаров в Новороссийск — для строящихся здесь цементных заводов. РОПит рассматривалось как одно из немногих отечественных пароходств, способных доставлять в черноморские порты крупногабаритные грузы, включая локомотивы и тендеры [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1207, л. 262].

В 1896 году продолжительность транспортировки зафрахтованных грузов между Одессой и Петербургом составляла от 20 до 25 дней. В это время одним из значимых партнеров петербургского агентства выступает Общество Путиловских заводов. Инициатива в укреплении деловых отношений между транспортной и промышленной компаниями в значительной мере исходила от Н. Н. Анцыфорова. Являясь председателем наблюдательного совета РОПит, он занимал также посты главы правления петербургской корпорации и одного из крупнейших ее акционеров — Петербургского международного коммерческого банка. В свою очередь Н. И. Жеванов входил с 1887 года в наблюдательный совет банка, а член правления РОПит Н. Н. Суцов занял в 1898 году пост председателя этого совета [Лебедев, 2003, с. 116]. Заслуживает внимания и тот факт, что Петербургский международный коммерческий банк оставался в числе крупнейших собственников РОПит вплоть до смерти Н. Н. Анцыфорова в 1899 году. Наличие баланса интересов в среде владельцев компаний и банка обеспечивало необходимое единство действий при решении задач транспортно-производственного характера, в том числе в сфере выполнения заказов Военного и Морского министерств.

Важно отметить, что деятельность агентства в сфере межрегиональных перевозок сельскохозяйственной и промышленной продукции была открыта в годы, сопутствующие экономическому подъему в России. Данный факт объяснял заинтересованность отечественных торговых и промышленных компаний в налаживании каботажного судоходства и, в конечном счете, подтверждался ростом объемов выручки по линии. Изменения в доставке наиболее крупных партий товаров по номенклатуре, объемам (в пудах) и пунктам назначения в период с 1894 по 1896 годы представлены в таблицах 1, 2, 3, 4 [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1257, л. 398]. В таблице 2 отсутствуют данные о доставке отдельных грузов (информация не была представлена правлением компании в итоговых отчетах по линии), в том числе боеприпасов, вагонов, труб, заводского оборудования, продукции телеграфного и телефонного назначения.

Таблица 1

Ввоз грузов в Петербург из черноморских портов

Груз \ Годы	1894	1895	1896
Зерно, мука, крупа	426 042	484 504	452 480
Табак	59 715	79 144	205 198
Лом железный и чугунный	77 574	106 755	18 109
Рафинад и сахарный песок	21 402	30 986	140 619
Патока	—	60 382	66 626
Мед	3 996	31 062	30 793
Вино виноградное	17 835	13 521	29 259
Орехи, изюм	3 981	8 468	29 230
Масло растительное и животное	7 569	3 864	7 524
Минеральная вода	3 333	4 338	3 649
Детали машин	197	—	12 656
Лесоматериалы	5 461	2 054	2 790
Чай, кофе	—	415	5 343
Взрывчатые вещества	—	—	5 240
Всего:	643 703	834 375	1 023 182

Таблица 2

Вывоз грузов из Петербурга в черноморские порты

Груз \ Годы	1894	1895	1896
Древесная масса и бумага	136 952	280 983	282 950
Проволока и гвозди	54 752	148 321	85 114
Грузы военно-морские	63 236	76 290	89 779
Грузы военно-сухопутные	79 307	23 574	31 770
Масло минеральное, свечи	40 156	95 862	24 692
Резиновые изделия (галоши)	28 754	32 132	30 504
Металлоизделия бытовые	—	67 693	3 819
Бутылки порожние	28 240	7 174	48 214
Мешки порожние	18 019	47 161	41 957
Спички	18 311	26 299	8 701
Порох	2 782	7 906	14 411
Бочки порожние	3 688	933	25 000
Хлопчатобумажные и льняные изделия	5 997	5 209	16 394
Химические изделия	15 881	9 839	—
Краски, лак	—	12 489	4 421
Водка	1 748	2 262	2 008

Окончание табл. 2

Груз \ Годы	1894	1895	1896
Аптекарские товары	—	3 635	4 405
Обои	—	—	5 919
Всего:	520 389	946 769	733 782

Таблица 3

Крупнейшие поставщики грузов в Петербург

Порт \ Годы	1894	1895	1896
Одесса	273 611	386 245	431 429
Ростов-на-Дону	165 393	297 089	313 818
Севастополь	42 402	28 632	53 026
Новороссийск	35 899	5 170	69 501
Анапа	12 522	20 131	35 806
Сухум	-	24 478	42 595
Поти	-	31 061	29 873
Керчь	512	537	26 626

Таблица 4

Крупнейшие потребители грузов из Петербурга

Порт \ Годы	1894	1895	1896
Одесса	251 874	434 405	306 604
Ростов-на-Дону	77 942	132 735	127 581
Батум	52 271	157 963	85 910
Севастополь	33 017	34 430	72 672
Николаев	39 708	64 815	31 881
Тифлис	24 542	28 731	16 373
Боржом	-	190	22 999

4. Заключение = Conclusions

Итоги деятельности петербургского агентства нашли непосредственное отражение в росте финансовых показателей. Результатом работы по организации судоходства с 1894 (8 рейсов из Одессы до Петербурга и обратно) по 1896 годы (10 рейсов) стало увеличение выручки по черноморско-балтийской линии с 174,5 до 280,6 тысяч рублей [Объяснительная ..., 1895, с. 1; Объяснительная ..., 1897, с. 1]. Впрочем, Чайковскому послед-

ний показатель представлялся заниженным. Реальной, без перераспределения в пользу одесской главной конторы, выручка линии за 1896 год оценивалась им в 375,9 тысяч рублей. При сохранении в целом объема доставляемых в столицу зерна, муки и риса доходность линии обеспечивалась за счет увеличения перевозок табака, рафинада и сахарного песка, виноградного вина, орехов и изюма. Вывоз из Петербурга поддерживался значительными объемами поставок древесной массы и бумаги, металлоизделий производственного и бытового назначения, военно-морских и военно-сухопутных грузов, а также тканей, стеклянных изделий и разнообразной тары, предназначенной для продукции из черноморского региона. Наиболее крупные партии товаров вывозились в столицу из Одессы, Ростова-на-Дону, Севастополя и Батума. Оценивая итоги деятельности петербургского агентства, члены правления пришли к выводу, что дело черноморско-балтийской линии «развивается и крепнет» [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1257, л. 401]. Положительную оценку высказал также, хотя и довольно своеобразно, С. И. Полушкин. В письме к И. И. Чайковскому глава одесской конторы поздравил его, «одного из главных деятелей по развитию Черноморско-Балтийской линии», с «блестящим успехом» (видимо, себя Полушкин также считал «главным деятелем»). Вместе с тем распорядительный директор вновь счел нужным отметить спорный характер начисления выручки по результатам работы линии [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1257, л. 404]. Высказанная позиция скорее ставила не многоточие, а точку в отношениях этих людей. В 1897 году Полушкин был снят с поста распорядительного директора. Его преемником стал капитан 1 ранга О. Л. Радлов. С ним Чайковскому предстояло определять перспективы развития черноморско-балтийской линии на фоне меняющейся социально-экономической ситуации в стране.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Объяснительная* записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1894 год. Санкт-Петербург : типография Э. Арнольда, 1895. — 57 с.
2. *Объяснительная* записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1896 год. Санкт-Петербург : типография Э. Арнольда, 1897. — 52 с.
3. РГИА — *Российский* государственный исторический архив.
4. *Русское* судоходство: журнал. 1886. Приложение к № 5 и 6.
5. *Список* акционеров Русского общества пароходства и торговли, имеющих право голоса к 2 мая 1893 г. Санкт-Петербург : типография «Общественная польза», 1893. — 4 с.

6. *Статистика* акционерного дела в России / Издание Н. Е. Пушкина. Выпуск 1. Состав директоров правлений на 1897 г. — Санкт-Петербург : Типография Министерства путей сообщения, 1897. — 300 с.

7. *Устав* Русского общества пароходства и торговли. Санкт-Петербург : Типография Товарищества «Общественная польза», 1891. — 53 с.

Литература

1. *Барышников М. Н.* Горчаковы и операции Русского общества пароходства и торговли в Западном Средиземноморье / М. Н. Барышников // *Петербургский исторический журнал*. — 2022. — № 3. — С. 48—63.

2. *Барышников М. Н.* Чайковские и Плеске в деловой жизни России XIX — начала XX века / М. Н. Барышников // *Вопросы истории*. — 2020. — № 10 (3). — С. 11—27.

3. *Иловайский С. И.* Исторический очерк пятидесятилетия Русского общества пароходства и торговли / С. И. Иловайский. — Одесса : Типография акционерного Южно-русского общества печатного дела, 1907. — 369 с.

4. *Истомина Э. Г.* Торговое судоходство в черноморско-азовском бассейне в XIX веке / Э. Г. Истомина // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XIX вв. : сборник материалов Четвертой международной научной конференции / ред.-сост. А. И. Раздорский*. — Нижний Новгород : ИП Якушов Ю. И., 2018. — С. 488—496.

5. *История* торговли и промышленности в России / под ред. П. Х. Спасского. Т. II. Выпуск 8. Санкт-Петербург : типография Гаевского, 1913. — 40 с.

6. *Китанина Т. М.* Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века : стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика / Т. М. Китанина. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланin, 2011. — 608 с.

7. *Киричек М. С.* Чайковский Ипполит Ильич / М. С. Киричек // *Таганрог. Энциклопедия*. — Таганрог : Антон, 2008. — 928 с.

8. *Лебедев С. К.* Санкт-Петербургский международный коммерческий банк во второй половине XIX века : европейские и русские связи / С. К. Лебедев. — Москва : РОС-СПЭН, 2003. — 528 с.

9. *Лурье Л. Я.* Крестьянские землячества в Петербурге / Л. Я. Лурье, В. Г. Тарантаев // *Невский архив : историко-краеведческий сборник* — III. — Санкт-Петербург : Athenium-Феникс, 1997. — С. 389—433.

10. *Марциновский П. Н.* Морские порты и рынок крымского полуострова в последней четверти XIX — начале XX века / П. Н. Марциновский // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «История»*. — 2015. — № 4. — С. 22—36.

11. *Под флагом России : история зарождения и развития морского торгового флота* / В. П. Пузырев, В. Д. Сугарев, А. В. Басов, Н. Ю. Березовский, В. Г. Реданский. — Москва : Согласие, 1995. — 564 с.

12. *Познер М. В.* Исторический обзор правительственных мероприятий для развития русского торгового мореходства / М. В. Познер. — Санкт-Петербург : Типография В. Ф. Киршбаума, 1895. — 369 с.

13. *Фан дер Флит Н. Ф.* Возражение на доклад М. И. Казы «Добровольный флот и Русское общество пароходства и торговли перед государством» / Н. Ф. Фан дер Флит. — Одесса : Типография П. Францова, 1888. — 57 с.

14. *Шавров Н. А.* О мерах для развития русского торгового мореходства в связи с развитием отечественного судостроения, при современном экономическом положе-

нии России : книга первая / Н. А. Шавров. — Москва : Типо-литография В. Ф. Рихтер, 1895. — 523 с.

15. Freeman R. Edward Strategic Management : A Stakeholder Approach / R. Freeman. — Cambridge : Cambridge University Press, 2010. — 292 p.

Статья поступила в редакцию 04.12.2022,
одобрена после рецензирования 29.03.2023,
подготовлена к публикации 15.04.2023.

Material resources

- Explanatory note to the report of the Russian Shipping and Trade Society for 1894.* (1895). St. Petersburg: E. Arngold printing house. 57 p.
- Explanatory note to the report of the Russian Shipping and Trade Society for 1896.* (1897). St. Petersburg: E. Arngold printing house. 52 p.
- List of shareholders of the Russian Shipping and Trade Company who have the right to vote by May 2, 1893.* (1893). St. Petersburg : Public Benefit. 4 p.
- RGIA — Russian State Historical Archive. (In Russ.).
- Russian shipping* (magazine). (1886). Appendix to 5 and 6.
- Statistics of joint-stock business in Russia.* (1897). In: Pushkin, N. E. (ed.). The composition of the directors of the boards for 1897. St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Railways. 300 p.
- The Charter of the Russian Society of Shipping and Trade.* (1891). St. Petersburg: Public Benefit. 53 p.

References

- Baryshnikov, M. N. (2020). Tchaikovsky and Pleske in the business life of Russia of the XIX — early XX century. *Questions of history*, 10 (3): 11—27. (In Russ.).
- Baryshnikov, M. N. (2022). Gorchakov and the operations of the Russian Society of Shipping and Trade in the Western Mediterranean. *St. Petersburg Historical Journal*, 3: 48—63. (In Russ.).
- Fan der Fleet, N. F. (1888). *Objection to the report of M. I. Kazi «The Voluntary Fleet and the Russian Society of Shipping and Trade before the state»*. Odessa: P. Frantsov Printing house. 57 p. (In Russ.).
- Freeman, R. (2010). *Edward Strategic Management : A Stakeholder Approach*. Cambridge University Press. 292 p.
- Ilovaisky, S. I. (1907). *Historical essay of the fiftieth anniversary of the Russian Society of Shipping and trade*. Odessa: printing house of the joint—stock South Russian Printing Company. 369 p. (In Russ.).
- Istomina, E. G. (2018). In Commercial shipping in the Black Sea-Azov basin in the XIX century. In : Razdorsky, A. I. (ed.). *Trade, merchants and customs in Russia in the XVI—XIX centuries. Collection of materials of the Fourth International Scientific Conference*. Nizhny Novgorod: IP Yakushov Yu. I. 488—496. (In Russ.).
- Kirichek, M. S. (2008). *Tchaikovsky Ippolit Ilyich*. Taganrog. Encyclopedia. Taganrog: Anton LLC. 928 p. (In Russ.).
- Kitanina, T. M. (2011). *Grain trade in Russia in the late XIX — early XX century. Survival strategy, modernization processes, government policy*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 608 p. (In Russ.).

- Lebedev, S. K. (2003). *St. Petersburg International Commercial Bank in the second half of the nineteenth century: European and Russian connections*. Moscow: ROSSPEN. 528 p. (In Russ.).
- Lurye, L. Ya., Tarantaev, V. G. (1997). *Peasant communities in St. Petersburg*. Nevsky Archive. Historical and local history collection. St. Petersburg: Athenium-Phoenix. 389—433. (In Russ.).
- Marcinovsky, P. N. (2015). Seaports and the market of the Crimean peninsula in the last quarter of the XIX — early XX century. *Bulletin of Tver State University. The series «History»*, 4: 22—36. (In Russ.).
- Pozner, M. V. (1895). *Historical review of government measures for the development of Russian merchant shipping*. St. Petersburg: V. F. Kirshbaum printing house. 369 p. (In Russ.).
- Puzyrev, V. P., Skugarev, V. D., Basov, A. V., Berezovsky, N. Yu., Redansky, V. G. (1995). *Under the flag of Russia: The history of the origin and development of the merchant marine fleet*. Moscow: Consent. 564 p. (In Russ.).
- Shavrov, N. A. (1895). *On measures for the development of Russian merchant shipping in connection with the development of domestic shipbuilding, in the current economic situation of Russia*. Moscow: typo-lithography V. F. Richter. 523 p. (In Russ.).
- Spassky, P. H. (ed.). (1913). *History of trade and industry in Russia*. Saint Petersburg: Gajewski Printing House. 40 p. (In Russ.).

*The article was submitted 04.12.2022;
approved after reviewing 29.03.2023;
accepted for publication 15.04.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(3), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Егорова К. Б. Беспорядки в Свислочской гимназии в контексте преследования тайных обществ в среде польско-литовской молодежи / К. Б. Егорова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 382—397. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-382-397.

Egorova, K. B. (2023). Riots in Svisloch Gymnasium: Persecution of Secret Societies among Polish-Lithuanian Youth. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 382-397. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-382-397. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-382-397

Беспорядки в Свислочской гимназии в контексте преследования тайных обществ в среде польско-литовской молодежи

Егорова Ксения Борисовна ^{1,2}
orcid.org/0000-0002-4050-6888

¹ кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории русской
и западноевропейской культуры,

² старший научный сотрудник

Отдела редкой книги
xenia.egorova@gmail.com

¹ Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

² Российская национальная библиотека
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РНФ,
проект № 21-78-10052

Riots in Svisloch Gymnasium: Persecution of Secret Societies among Polish-Lithuanian Youth

Kseniia B. Egorova ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-4050-6888

¹ PhD in Philology, Associate Professor,
Department of History of Russian and

Western European Culture,

² senior research scientist,

Rare Book Department

xenia.egorova@gmail.com

¹ St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

² The National Library of Russia
(Санкт-Петербург, Россия)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 21-78-10052

© Егорова К. Б., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы данные о беспорядках в Свислочской гимназии, произошедших после закрытия судебного процесса над филаретами и филоматами (1824), который был инициирован Н. Н. Новосильцевым. Исследуются возможные интерпретационные модели, позволяющие дополнить существующие в польской и европейской историографии знания о причинах, побудивших царское правительство учинить столь жестокую расправу над польской молодёжью. Статья вводит в научный оборот ценный источник по истории тайных обществ в Свислочской гимназии, не учтенный при публикации документов следственного дела, корреспонденции участников студенческих волнений и иных эго-документов. Этот источник, извлеченный из Российского государственного исторического архива (РГИА, фонд 1409, опись 1, ед. хр. 1300, бумаги Его Императорского Высочества цесаревича Константина Павловича), позволяющий судить о беспорядках в Свислочи и сделать вывод о наказании, которые понесли ученики, остался без внимания исследователей, поскольку хронологически не попал в рамки дела филаретов и филоматов, а участники беспорядков не были привлечены к судебному процессу и не оказались в числе высланных в отдаленные регионы империи.

Ключевые слова:

филареты и филоматы; конспирология; история тайных обществ; русско-польские культурные взаимосвязи; Свислочская гимназия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the riots in the Svisloch gymnasium that occurred after the closure of the trial of the Philarets and Philomaths (1824), which was initiated by N. N. Novosiltsev, as well as about possible interpretive models that make it possible to supplement the knowledge existing in Polish and European historiography about the reasons that prompted the tsarist government to carry out such a brutal reprisal against Polish youth. A valuable source on the history of secret societies in the Svisloch Gymnasium, which was not taken into account when publishing documents of the investigative case, correspondence of participants in student unrest and other ego-documents is introduced into scientific circulation. This source, extracted from the Russian State Historical Archive (RGIA = RSHA, Fund 1409, Inventory 1, storage unit 1300, papers of His Imperial Highness Tsesarevich Konstantin Pavlovich), which makes it possible to judge the unrest in Svisloch and draw a conclusion about the punishment that the students suffered, was ignored by researchers, since chronologically fell into the scope of the Filaret and Philomat case, and the rioters were not brought to trial and were not among those exiled deep into the empire.

Key words:

Philaretes and Philomaths; conspiracy theories; history of secret societies; Russian-Polish cultural relations; Svisloch Gymnasium.

Беспорядки в Свислочской гимназии в контексте преследования тайных обществ в среде польско-литовской молодежи

© Егорова К. Б., 2023

1. Введение = Introduction

9 октября 1824 года в Вильно состоялось одно из последних заседаний следственной комиссии по делу об организации тайных обществ в среде польско-литовской молодежи, которую возглавлял Н. Н. Новосильцев [Borowczyk, 2003, s. 729]. На следующий день, 10 октября, осужденные Томаш Зан, Ян Янковский, Адам Сузин и Ян Чечот в сопровождении жандармов отбыли в Сибирь. Адам Мицкевич, который через две недели также будет вынужден покинуть родной край и отправиться в Петербург, оставил следующую дарственную надпись на фолианте «Подражание Христу» немецкого католического монаха-мистика Фомы Кемпийского, предназначавшуюся Томашу Зану: «Томашу 1824 года месяца октября 10 Адам Мицкевич» [Kronika ..., 1957, s. 476].

В тот момент, когда Мицкевич оставил памятную дарственную надпись на книге Фомы Кемпийского, начался новый период в осмыслении польской истории, связанный с формированием представления о роли и значении Польши в историософском ключе, если признать вслед за немецкой философией, что существует некий общий промысел, в рамках которого каждый народ имеет свою миссию и свой дух. В этом символическом жесте Мицкевича впервые со всей полнотой проявляется идея польского мессианизма, отражается представление о Польше как о Христе Европы, распятом в период разделов. Думается, однако, что изучение процессов над студентами — участниками тайных обществ следует рассматривать не только с точки зрения польского профетизма и мессианства, разработанного Мицкевичем. Такая односторонняя позиция не учитывает возможных интересов, страхов и даже социальных паник внутри российского общества, не берет в расчет возможные мотивации поступков Новосильцева вне желания искоренить польскую молодежь.

Финальный аккорд в деле о тайных обществах в среде польско-литовской молодежи прозвучал. Однако в день, когда кибитки с арестантами покинули Вильно, в свислочской гимназии случилось новое тревожное

происшествие: «...в Гродненской гимназии в Свислоче 10 октября в восьмом часу по утру найдено в молитвах принадлежащих пятому и шестому классам слово Государь в четвертой строке молитвы, читаемой перед начатием классов, перемаранное карандашом» [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1300, л. 1 об.]. Рапорт о произошедшем и о наказании, которое понесли гимназисты, попал к Новосильцеву лишь в начале декабря 1824 года, когда дело о филаретах и филоматах уже было закрыто, а потому документы о новых беспорядках в свислочской гимназии не привлекли широкого исследовательского внимания и не попали в сборники архивных документов, позволяющие реконструировать знаменитый судебный процесс над студентами Виленского учебного округа.

В статье пойдет речь о беспорядках в свислочской гимназии после закрытия судебного процесса над филоматами и филаретами, изучаемых на материале новых архивных документов, а также о возможных интерпретационных моделях, которые позволят дополнить существующие в польской и европейской историографии знания о причинах, побудивших царское правительство в лице Новосильцева учинить столь жестокую расправу над польской молодёжью.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Как уже было отмечено, Мицкевич вписал историю высылки студентов из Виленского учебного округа в романтическую, и, по сути, литературную, концепцию народа-Христа. Уточненную формулировку идея польского мессианизма обретает в изданной в 1832 году третьей части поэмы «Dziady», в которой поэт, считавший выход поэмы литературным продолжением борьбы польского народа, вылившейся в восстание 1830—1831 годов [Мицкевич, 1968, с. 713], обратился к виленскому процессу над студентами и предложил интерпретационную модель трагедии своего поколения, сквозь призму которой до сих пор рассматриваются события 1823—1824 годов, когда в Вильно под следствие попали десятки молодых поляков, причастных к обществам лучезарных (променистых), любителей наук (филаретов) и любителей добродетели (филоматов).

Мицкевич предпослал поэтическому тексту короткое вступление, в нем поэт подчеркнул «инстинктивную звериную ненависть царского правительства к полякам» [Мицкевич, 1968, с. 290], которой руководствовался Новосильцев, «задавшись целью уничтожить поляков как нацию» [Там же]. Объясняя судебные процессы над студентами и высылку многих участников вглубь империи, Мицкевич отметил, что «у Новосильцева была своя система — он первым делом принялся за детей и молодежь, чтобы уничтожить в зародыше надежду Польши, ее будущие поколения» [Там же]. Таким обра-

зом, суровая кара, постигшая молодых патриотов Польши, оказалась вписана в контекст многовековой «семейной вражды» (меткое определение Пушкина) и даже взаимной ненависти поляков и русских, а сами действия Новосильцева объяснялись желанием искоренить молодое поколение поляков, чтобы уничтожить всякую надежду польского народа на свободу в будущем.

Именно эта интерпретация государственной реакции на обнаружение тайных обществ в польско-литовской среде, продиктованная уже сформировавшейся к 1830-м годам романтической концепцией польского мессианизма, лежит в основе практически всех исследований, в той или иной мере затрагивающих историю Виленского университета в первой четверти XIX столетия.

Не избежал влияния исторических воззрений Мицкевича и серьезный труд Ежи Боровчика «Реконструкция процесса филоматов и филаретов 1823—1824 годов. История следствия против участников студенческих и молодежных конспираций в Вильне и Виленском учебном округе» [Borowczyk, 2003]. Автор проделал фундаментальную работу по реконструкции деятельности следственной комиссии, привлек широкий пласт архивных материалов (в основном документы Библиотеки Виленского университета, Национальной библиотеки в Варшаве, Литовского государственного архива), проанализировал внушительное количество эго-документов (дневники, мемуары, записные книжки осужденных и свидетелей процесса над студентами). Задавая в предисловии важный вопрос о том, до какой степени реальный ход событий может быть соотнесен с национальной польской мифологией и литературной легендой Мицкевича, Боровчик ушел от ответа и сделал свою хронику судебного разбирательства продолжением существующей хроники жизни и творчества Мицкевича, рассматривая свои изыскания как дополнение, важное ответвление непрекращающейся работы по уточнению научных знаний о жизненном пути польского поэта.

При недавней публикации на русском языке брошюры Иоахима Левеля «Новосильцев в Вильне» [Вильна ..., 2008], отразившей первую отрефлексированную реакцию польского историка на исход судебных процессов в Виленском университете, редактор и составитель этого издания А. И. Федута высказал иную трактовку действий Новосильцева: «В 1823—1824 гг. один из высокопоставленных российских чиновников Николай Новосильцов использовал детскую выходку гимназиста Михаила Платера для того, чтобы свести свои счеты с бывшим другом и товарищем по ближайшему окружению императора Александра — князем Адамом Чарторыйским, занимавшим пост куратора Виленского университета» [Вильна ..., 2008, с. 4]. Подобная интерпретация действий Новосильцева, казавшихся современникам беспрецедентно жестокими, выводит из фоку-

са внимания желание царского правительства уничтожить молодое поколение поляков (так, Лелевель изначально планировал подчеркнуть эмоциональный аспект судебного разбирательства в Вильне и дать книге название «Война царя с детьми», но позже отказался от этого замысла в пользу нейтрального варианта), задушить подрывной дух польского патриотизма на западных окраинах империи и выдвигает на первый план возможный межличностный конфликт товарищей по Негласному комитету.

Отечественные исследования недавнего времени убедительно показали, что русский имперский дискурс начала XIX века содержал устойчивый набор социальных паник и страхов перед возможным распространением европейских революционных настроений через единую сеть тайных обществ. На наличие в сознании российского общества и его элит устойчивой мифологемы всеевропейского заговора указала Т. В. Андреева в докторской диссертации «Тайные общества в России в первой трети XIX века: правительственная политика и общественное мнение» [Андреева, 2010]. По аргументированному мнению Андреевой, Александр I был знаком с трудом аббата А. де Баррюэля (опубликован на русском языке в 1805—1809 годах), в котором выдвигалась концепция тайного общества как всеевропейского заговора революционеров, а страх перед «гидрой европейских революций» становился едва ли не доминирующим мотивом в момент принятия решений внутривластного характера. В частности, это могло выражаться в чрезмерной и необоснованной жестокости к участникам конспиративных общественных объединений.

Современные отечественные исследования рассматривают позицию Российской империи по ряду ключевых внешнеполитических вопросов эпохи (например, неприятие греческой революции) с учетом наличия мифологемы о всеевропейском заговоре как культурной доминанты начала XIX века [Белоусов и др., 2022, с. 79].

Отечественная наука сравнительно мало обращалась к изучению виленских тайных обществ; на русском языке наиболее подробно тема филаретов и филематов разработана в трудах С. С. Ланды, который также выстраивал материал вокруг творческой доминанты Мицкевича [Ланда, 1958]. Виленские беспорядки оказались в тени более масштабного события в российской истории, напрямую связанного с конспиративной деятельностью среди молодежи — восстания декабристов. Основной корпус работ о тайных обществах на русском языке сосредоточен вокруг декабристского движения, виленские события рассматриваются лишь косвенно, только в той мере, в которой они позволяют вскрыть механизм создания и существования тайных объединений в преддверии декабрьского восстания [Абалихин, 1968; Бокова, 2003; Жуковская, 2002; Мироненко, 1989]. Это обусловило доминирование

польской профетической интерпретационной модели при изучении реакции царской власти на открытие студенческих объединений в среде польско-литовской молодежи. Данная модель не учитывает возможное наличие в кругу российской элиты какой-либо устойчивой культурной доминанты, способной оказать влияние на внутривнутриполитические решения, кроме природной ненависти к полякам и польской государственности.

Такой подход к интерпретации и комментарию архивных источников и эго-материалов существенно искажает результаты изучения той ситуации, которая сложилась на западных границах империи после создания Царства Польского. Высылка польских студентов в Сибирь за участие в тайных кружках любителей наук и добродетели становится триггерным моментом в формировании современной польской политики памяти, основанной на романтической объяснительной модели народа-Христа, принесшего себя в лице невинно осужденных молодых польских патриотов в жертву свободе, предложенной Мицкевичем и продолженной целой плеядой польских литераторов (так, свои «поиски отчизны» Чеслав Милош начинает именно с высылки польских студентов в 1824 году [Милош, 2011]).

Представляется необходимым при введении в научный оборот новых источников и анализе уже опубликованных материалов взвешенно подойти к выбору описательной модели и работе с контекстом, чтобы в современных исследованиях учесть всю полифоничность межнациональной и внутривнутриполитической ситуаций, сложившихся в 20-е годы XIX столетия вокруг тайных обществ Виленского учебного округа.

Иохим Лелевель, очевидец виленского процесса, вынудившего его оставить место университетского профессора истории, в разгар ноябрьского восстания опубликовал брошюру «Новосильцев в Вильне в учебном году 1823/4», в которой попытался восстановить ход событий недавнего прошлого. Годом позже вышла в свет третья часть поэмы «Dziady» Мицкевича. Эти два издания, историческое и поэтическое, заложили фундамент дальнейшей публикации документов и материалов о студенческом деле и задали направление для их будущего описания.

Процесс Новосильцева получил освещение в труде Мауриция Мохнацкого «Восстания польского народа», изданном в Париже в 1834 году. Первый том этого труда содержит размышления Мохнацкого о польских тайных обществах в 1820-е годы и ретроспективно встраивает их в некую общую историю польских восстаний от Костюшко до 1831 года, представляя студенческие организации частью борьбы польского народа за свободу, что является некоторым преувеличением, ведь студенты-филареты и филматы не ставили своей целью участие в государственном перевороте или вооруженном восстании.

Вторая половина XIX века отмечена многочисленными публикациями архивных документов по делу о студенческих тайных обществах (не только филоматов, филаретов, но и променистых, а также «черных братьев»). Документы об этом деле многократно копировались для нужд разных канцелярий, а потому сегодня материалы (часто копии одного и того же документа) хранятся в архивах России, Польши и Литвы.

В 1888 году Юзеф Белинский издал ряд делопроизводственных документов из бумаг ректора Виленского университета Твардовского, в 1897 году в серии «Архив истории литературы и просвещения» вышел том документов, давший новый корпус материалов к истории польских патриотических тайных обществ. На русском языке рапорт сенатора Новосильцева и список членов общества филоматов издал в Варшаве Федор Вержбовский в 1898 году [Вержбовский, 1898]. Работа по выявлению и публикации документов не прекращалась и в XX столетии, когда увидели в свет материалы, подготовленные Александром Краусгаром [Kraushar, 1910] и Генриком Мосьцицким [Promienisci ..., 1916]. Важнейшим источником являются также письма участников процесса и очевидцев виленских событий. Переписка Чарторийского и Твардовского в 1822—1824 годы была опубликована в 1900 году [Czartoryski, 1900], а в 1913—1923 годы велась работа по выявлению и подготовке к публикации корреспонденции филоматов [Archiwum Filomatow], продолженная в 1950-е годы А. Витковской [Wybór pism, 1959].

Помимо корреспонденции, существенным материалом для биобиблиографического исследования судеб польских изгнанных является публикация эго-документов (мемуаров, записных книжек). В разное время были изданы воспоминания Станислава Моравского [Morawski, 1924] и Онуфрия Петрашкевича [Pietraszkiewicz, 2006].

При таком обилии публикаций документов и столь скрупулезной работе историков, направленной на выявление в архивохранилищах Литвы и Польши документов по делу филоматов и филаретов, которая ведется уже почти два столетия, сложно предположить, что какой-то пласт материалов, дающих новые подробности о студенческих конспирациях, остался без исследовательского внимания. Однако разыскания показывают, что материалы РГИА, отражающие короткое расследование преступления против власти в Свислочи в 1824 году (слово *Государь* было вычеркнуто из текста молитвы) практически не изучены. Вероятно, этот материал не соотносился с основным делом о филоматах и филаретах, не получил широкой огласки и не вызвал новый виток репрессий против преподавателей и студентов.

История не попала в поле внимания наиболее крупных исследователей виленских процессов 20-х годов XIX столетия Людовика Базилова

[Bazyłow, 1973], Даниэля Бовуа [Beauvois, 1991], Ежи Боровчика [Borowczyk, 2003], Александра Каминского [Kaminski, 1959].

Представляется возможным, продолжая традиции составления много-томного «архива филаретов», расширить границы исследования, привлечь материалы, которые хронологически выходят за рамки судебного процесса над студентами, но отражают те же идейные процессы внутри польской молодежи.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Свислочь глазами Новосильцева

Свислочь и свислочская гимназия фигурировали в документах Новосильцева с самого начала судебного процесса. Так, в рапорте сенатора Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу от 13 мая 1824 года, который подводит итог нескольким годам расследования студенческих конспираций и предлагает официальную точку зрения на логику их развития, дана подробная характеристика «первого Свицлоцкого Общества под названием Учебного» [Вержбовский, 1898, с. 4].

Новосильцев сообщает, что первый протокол собрания этой тайной организации, в которую входили 8 учеников 6-го класса, был найден в бумагах ученика гимназии Ивана Янковского и датировался октябрём 1819 года. Новосильцев указывает, что по завершении расследования стало ясно, что «в свислочкой гимназии составилось между учениками общество под названием наукового пли учебного, председателем которого был один из вышепоименованных учеников Дионисий Шлаевский; в упомянутых же сочинениях или речах заключались патриотические мысли в польском духе, воспоминания о славных мужах бывшей Польши, внушение подражать им» [Вержбовский, 1898, с. 5].

Это преимущественно литературное объединение просуществовало в Свислочи только 3 месяца, однако Новосильцеву стало известно, что в том же 6-м классе гимназии существовала еще одна организация, «общество под названием Морального» [Вержбовский, 1898, с. 11], все члены которого «посещали заседания в черных платьях дабы придать собраниям большей важности» [Вержбовский, 1898, с. 11]. Однако и это общество, просуществовавшее лишь несколько месяцев, было преимущественно литературным и существенной конспиративной базы не имело.

Важным Новосильцеву показалось то, что среди стихотворных произведений членов обоих обществ были найдены строки, воспевающие «деяния некоторых польских королей и славных мужей, как то Жолкевского о сожжении Москвы при Лжедмитрии, Замойского, Тарновского, Льва Сапегу,

Коллонтая, одного из деятелей революционеров в 1793 году, и проч.» [Верховский, 1898, с. 14]. Однако если учесть, какую популярность имел сборник Юлиана Немцевича «Исторические песни» (издан в 1816 году) среди польских читателей, то тематика поэтических опытов гимназистов может быть вполне объяснима желанием подражать думе на исторический сюжет, моду на которую ввел Немцевич (не избежал этого влияния и создатель русской гражданской поэзии К. Ф. Рылеев). Более в бумагах Новосильцева, связанных с процессами филоматов и филаретов, Свислочь не фигурировала.

3.2. Беспорядки в октябре 1824 года

Однако сенатору пришлось вновь столкнуться с беспокойной гимназией уже в качестве Попечителя Виленского учебного округа (на этом посту Новосильцев сменил Чарторыйского). В день, когда осужденные по делу филаретов и филоматов покинули Вильно, «в Гродненской гимназии в Свислоче 10 октября в восьмом часу по утру найдено в молитвах принадлежащих пятому и шестому классам слово Государь в четвертой строке молитвы, читаемой перед начатием классов, перемаранное карандашом» [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1300, л. 1 об.]. Директор гимназии (согласно адрес-календарю на 1824 год им был Гиоцинт Яцек Крусинский, доктор философии, член Варшавского общества любителей наук) также доносил, что «доска с наклеенною молитвою, принадлежащая 6му классу накануне того дня была кем-то из учеников перенесена в 5й класс будто бы для выучения наизусть сих молитв, чего требовал от учеников учитель русского языка» [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1300, л. 1 об.].

Согласно действующим в начале XIX столетия законодательным нормам это действие (а возможно, просто дерзкая выходка гимназиста) могло быть отнесено с правовой точки зрения к преступлениям против Императора. Выявленные участники злодеяния — Антон Глазер и Павел Зенковский, который первым признался в преступлении, но позже отрицал свою вину, когда следствие выяснило, что он не мог в тот день совершить злодеяние, получили суровое телесное наказание: «Ученика Глазера как виновного в преступлении наказать телесно розгами 75тью ударами в присутствии учителей и учеников всех классов и после исключив из училища никуда не принимать. Ученика Павла Зенковича, как ложно показывающего в разное время и не менее справедливо обвиняемого ежели не в первоначальном замарании то по крайней мере во вторичном поправлении перечерчения слова Государю же в молитвах, наказав телесно розгами 50тью ударами в присутствии учителей и всех учеников, исключить вовсе из училищного ведомства» [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1300, л. 11].

Все ученики, которые сидели рядом с Глазером и Зенковичем, видели совершаемое преступление и не объявили о нем, также понесли наказа-

ние: «Наказали 30тью розгами и учеников, сидевших рядом и не выдавших того, что происходит» [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1300, л. 11].

Помимо телесного наказания виновных учеников, были приняты и административные меры, Крусинский произвел ротацию школьных учителей: «Учителя красноречия Пушкаржевич и древней словесности Микульский, из коих первый замечен уже был прежде в назначении ученикам неприличных тем для упражнений, а последний принадлежал к тайному обществу филаретов, оба исключены вовсе из ведомства Виленского Университета» [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1300, л. 11].

Неприличными считались упражнения в красноречии, написание стихотворных произведений на исторический сюжет; некоторые ученики выбрали для выполнения этого задания сюжеты из польской истории и написали стихотворения, в которых угадывался дух польского патриотизма, за что учитель красноречия, магистр философии Семен Лукич Пушкаржевич и вынужден был объясняться перед директором.

Имя преподавателя древней словесности, кандидата философии Карла Микульского действительно фигурировало в документах дела о филоматах и филаретах [РГИА, ф. 735, оп. 10, д. 7]. Однако он не был обвинен в ходе расследования, хоть и оказался в списках участников общества; напротив, Микульский донес ректору Виленского университета Осипу Петровичу Твардовскому о том, что «некоторые ученики в известное время приходили к Кандидату прав Фоме Массальскому» [РГИА, ф. 735, оп. 10, д. 7, л. 225 об.]. Твардовский поручил проследить за этими собраниями и выяснить, нет ли среди участников какой-либо иной цели, кроме беседы на литературные темы: «Ему самому поручил я прийти к Массальскому будто по случаю в то время, когда собираются у него соученики. Таким образом, узнал он, что там собираются для учения и взаимной критики собственной работы стихов приготовленных для помещения в Виленском периодическом издании Журнала» [РГИА, ф. 735, оп. 10, д. 7, л. 226]. Микульский находился на собраниях «как будто по собственному любопытству» и доносил Твардовскому «о присутствующих там лицах и читанных предметах» [РГИА, ф. 735, оп. 10, д. 7, л. 226]. Никакой иной цели, кроме литературной, не вскрылось, и ректор ослабил внимание к этим собраниям.

Наказание, назначенное руководством Свислочской гимназии даже тем ученикам, которые прямо не принимали участия в преступлении, было сурово, однако необходимо принять во внимание, что события разворачивались в год, когда Виленский учебный округ полнился слухами о расправе Новосильцева над студентами.

Новосильцев, будучи новым Попечителем мятежного учебного округа, получил рапорт о произошедших беспорядках в гимназии от исполняюще-

го обязанности ректора Виленского университета Вацлава Пеликана лишь спустя два месяца, в начале декабря 1824 года. Однако новой волны репрессий не последовало. Новосильцев ограничился письмом графу Тадеушу Тышкевичу, в чьи владения входило местечко Свислочь; сама гимназия была устроена стараниями родственника Тадеуша Винцента Тышкевича и с 1805 года являлась академической гимназией Виленского университета [Коўкель, 2001, с. 98].

В письме Тышкевичу Новосильцев отметил, что «часто повторяемая дерзость свислочских учеников может из сего учебного заведения сделать зловредное для юношества училище пороков, и Правительство вместо полезных членов общества будет видеть в них выходящих людей, не имеющих никакой нравственности, что противно Правительству, которое на таковое зло хладнокровно смотреть не может. Входя в причины всего вышесказанного нахожу между прочим главнейшую ту, что в Свислочи не заведена деятельная полиция, с помощью которой можно было бы знать о каждом шаге ученика» [РГИА, ф. 1409, оп. 1, Ед.хр. 1300, л. 19]. Вероятно, Тышкевич принял меры для того, чтобы гимназия более не привлекала внимания царского правительства, но в момент восстания 1830—1831 годов именно он стал председателем временного правительства Литвы, а после подавления восстания был вынужден отправиться в эмиграцию.

Реакция Новосильцева на извещение о новых беспорядках в Виленском учебном округе, связанных с оскорблением Государа, ограничилась гневным письмом и приказом установить слежку за каждым учеником Свислочской гимназии; если следовать объяснительной модели, предложенной Федутой, такая «мягкая» реакция Новосильцева могла быть обусловлена тем, что дело филوماتов и филаретов уже было закрыто, приговор вынесен, авторитет Чарторыйского как Попечителя Виленского учебного округа в глазах Александра I был подорван, а потому новый виток репрессий против молодых польских патриотов не последовал; не прошло и десятилетия, а эти области вновь вспыхнули огнем восстания, которое уже не осталось в стенах гимназий и университетов, но затронуло самые широкие слои польского населения и было подавлено российским правительством.

4. Заключение = Conclusions

В статье рассматривались конкурирующие интерпретационные модели, к которым прибегают историки и литературоведы при обращении к материалу, связанному с процессами против тайных объединений в среде польско-литовской молодежи в 1820-е годы. Подавляющее большинство исследований в той или иной степени опираются на предложенную Мицкевичем концепцию Польши — Иисуса Европы, согласно которой ре-

акция императорской власти в лице Новосильцева на открытие студенческих обществ, жестокость по отношению к польским молодым патриотам объясняются без учета российского контекста, анализа настроений в среде правящей элиты накануне декабрьского восстания, но основывается исключительно на представлении о природной ненависти российской власти к Польше и ее государственности.

Виленские процессы филоматов и филаретов, таким образом, оказываются вписаны в многовековую историю польско-российских взаимосвязей, оказываются продолжением дела Костюшко и первым этапом будущего ноябрьского восстания. Именно эта единая линия борьбы поляков выстраивается в различных трудах, начиная с самых ранних исследований, появившихся практически сразу после неудачи польского восстания 1830—1831 годов. Приведенные в статье неопубликованные материалы, отражающие реакцию руководства гимназии в Свислочи и Новосильцева на преступление ученика 6-го класса Антона Глазера, перечеркнувшего в молитве имя Государя, показывают, что интерпретационная модель, сложившаяся в польской и зарубежной историографии под влиянием поэмы «Dziady» Мицкевича, не совсем верно отражает возможные мотивы Новосильцева при рассмотрении дела филаретов и филоматов, не учитывает российскую сторону этого конфликта, а также наличие возможных социальных паник, не привязанных к попыткам искоренить польскую государственность путем высылки молодых поляков в отдаленные районы империи.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 1409. Оп. 1, Д. 1300. Собственная е.и.в. канцелярия. Бумаги е.и.в. цесаревича Константина Павловича. 1812—1830 годы. О беспорядках, произошедших в Свислочской гимназии (1824—1826 гг.); Ф. 735, Оп. 10, Д. 7. О беспорядках по Виленскому учебному округу.

Литература

1. *Абалихин В. С.* Декабристы и другие тайные общества в России в первой четверти XIX века / В. С. Абалихин // *Революционное и общественное движение в России XIX века*. — Воронеж : Воронежский гос. ун-т им. Ленинского комсомола, 1968. — 114 с.
2. *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в. : правительственная политика и общественное мнение : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.02. — Санкт-Петербург, 2010. — 52 с.
3. *Белоусов М. С.* Греческая революция и мифологема тайных обществ / М. С. Белоусов, Я. С. Абдуллаев // *Российская история*. — 2022. — Т. 5. — С. 78—90. — DOI 10.31857/S0869568722050077.

4. Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. / В. М. Бокова. — Москва : Реалии-Пресс, 2003. — 651 с. — ISBN 5-901976-10-X.
5. Вержбовский Ф. К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи в 1819—1823 гг. / Ф. Вержбовский. — Варшава : тип. Варш. учеб. окр., 1898. — 98 с.
6. Вильна, 1823—1824 : перекрестки памяти / [сост. Александр Федута ; вступ. ст., коммент. — Павел Лавриненц, Абрам Рейтблат, Александр Федута]. — Минск : Лимариус, 2008. — 241 с. — ISBN 978-985-6740-82-7.
7. Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I / Т. Н. Жуковская. — Петрозаводск : Тип. Изд-ва ун-та, 2002. — 217 с. — ISBN 5-8021-0258-6.
8. Коўкель І. І. Свіслацкая гімназія і яе выхаванцы / І. І. Коўкель // Старонкі гісторыі Свіслацкага краю : Матэрыялы навукова-практычнай краязнаўчай канферэнцыі, 23 мая 1998 г. — Гродна : ГрДУ, 2001. — С. 97—105.
9. Ланда С. С. Мицкевич и филоматы 1819—1821 : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.00.00 / С. С. Ланда. — Москва, 1958. — 345 с.
10. Милош Ч. Поиск отчизны / Ч. Милош. — Санкт-Петербург : Польский ин-т : Европейский Дом, 2011. — 231 с. — ISBN 978-5-8015-0286-1.
11. МIRONENKO С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. / С. В. МIRONENKO. — Москва : Наука, 1989. — 238 с.
12. Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы / А. Мицкевич. — Москва : Художественная литература, 1968. — 742 с.
13. Bazyłow L. Cierniste drogi szkolnictwa wyższego / L. Bazyłow. — Wrocław : Spoleczeństwo rosyjskie w pierwszej połowie XIX wieku, 1973. — 505 s.
14. Beauvois D. Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803—1832. T. I—II. Przel. I. Kania / D. Beauvois. — Lublin : 1991. — 459 s.
15. Borowczyk J. Rekonstrukcja procesu filomatów i filaretów, 1823—1824 : historia śledztwa przeciw uczestnikom konspiracji studenckich i młodzieżowych w Wilnie oraz w Wileńskim Okręgu Naukowym / J. Borowczyk. — Poznań : Wydawnictwo naukowe, 2003. — 815 s. — ISBN 83-232-1035-7.
16. Dernalowicz M. Kronika życia i twórczości Mickiewicza. Lata 1798—1824 / M. Dernalowicz, K. Kostenicz, Z. Makowiecka. — Warszawa : Państw. inst. wydawn. 1957. — 552 s.
17. Kaminski A. Polskie związki młodzieży (1804—1831) / A. Kaminski. — Warszawa : Polskie Wydawnictwo Narodowe, 1963. — 259 s.
18. Korespondencja filomatów (1817—1823) / Wybór i oprac. Marta Zielińska. — Warszawa : Państw. inst. wydawn., 1989. — 498 s.
19. Korespondencja filomatów, 1815—1823 / wydał Jan Czubek. — Kraków : Nakładem Akademii Umiejętności i Towarzystwa dla Popierania Wydawnictw Akademii, 1913. — 503 s.
20. Kraushar A. Z tajnego archiwum senatora Nowosilcowa. Związki tajne na Litwie, w Krozach i Swisloczy (1824—1827) / A. Kraushar. — Warszawa : Miscellanea historyczne XLII, 1910. — 215 s.
21. Książę Adam Czartoryski i Józef Twardowski: korespondencja 1822/24. — Poznań : Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Poznaniu, 1900. — T. 26. — 173 s.
22. Morawski S. Kilka lat młodości mojej w Wilnie (1818—1825) / S. Morawski : Opracowali i wstępem poprzedzili Adam Czartkowski i Henryk Mościcki. — Warszawa : Instytut Wydawniczy „Biblioteka Polska”, 1924. — 503 s.

23. Pietraszkiewicz O. Biografia zesłańca / O. Pietraszkiewicz. — Lublin : T-wo nauk. Katolickiego uniwersytetu im. Jana Pawła II, 2006. — 374 s.
24. *Promieniści* : filomaci-filareci / Zebrał i objaśnił Henryk Mościcki. — Warszawa : Nakład Gebethnera i Wolffa. 1916. — 173 s.
25. *Wybór pism filomatów. Konspiracje studenckie w Wilnie 1817—1823* / O. A. Witkowska. — Wrocław : Biblioteka Narodowa, 1959. — 486 s.

Статья поступила в редакцию 22.02.2023,
одобрена после рецензирования 29.03.2023,
подготовлена к публикации 17.04.2023.

Material resources

RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 1409, Op. 1, D. 1300. His Imperial Majesty's Own Chancellery. Papers of His Imperial Majesty Tsarevich Konstantin Pavlovich. 1812—1830 years. About the riots that occurred in the Svisloch gymnasium (1824—1826) ; F. 735, Op. 10, d. 7. About the riots in the Vilna school district.* (In Russ.).

References

- Abalikhin, B. C. (1968). Decembrists and other secret societies in Russia in the first quarter of the XIX century. In: *Revolutionary and social movement in Russia of the XIX century*. Voronezh: Voronezh State University named after Leninsky Komsomol. 114 p. (In Russ.).
- Andreeva, T. V. (2010). *Secret societies in Russia in the first third of the XIX century: government policy and public opinion*. Author's abstract of Doct. Diss. St. Petersburg. 52 p. (In Russ.).
- Bazyłow, L. (1973). *Cierniste drogi szkolnictwa wyższego*. Wrocław: Społeczeństwo rosyjskie w pierwszej połowie XIX wieku. 505 s. (In Polish.).
- Beauvois, D. (1991). *Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803—1832. T. I—II*. Lublin: Przel. I. Kania. 459 s. (In Polish.).
- Belousov, M. S., Abdullaev, Ya. S. (2022). (2022). The Greek revolution and the mythologeme of secret societies. *Russian History*, 5: 78—90. DOI 10.31857/S0869568722050077. (In Russ.).
- Bokova, V. M. (2003). *The Era of secret societies. Russian public associations of the first third of the XIX century*. Moscow: Realii-Press. 651 p. ISBN 5-901976-10-X. (In Russ.).
- Borowczyk, J. (2003). *Rekonstrukcja procesu filomatów i filaretów, 1823—1824: historia śledztwa przeciw uczestnikom konspiracji studenckich i młodzieżowych w Wilnie oraz w Wileńskim Okręgu Naukowym*. Poznań: Wydawnictwo naukowe. 815 s. ISBN 83-232-1035-7. (In Polish.).
- Dernałowicz, M., Kostenicz, K., Makowiecka, Z. (1957). *Kronika życia i twórczości Mickiewicza. Lata 1798—1824*. Warszawa: Państw. inst. wydawn. 552 s. (In Polish.).
- Kaminski, A. (1963). *Polskie związki młodzieży (1804—1831)*. Warszawa: Polskie Wydawnictwo Narodowe. 259 s. (In Polish.).
- Korespondencja filomatów (1817—1823)*. (1989). Warszawa: Państw. inst. wydawn. 498 s. (In Polish.).
- Korespondencja filomatów, 1815—1823*. (1913). Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności i Towarzystwa dla Popierania Wydawnictw Akademii. 503 s. (In Polish.).
- Koykel, I. I. (2001). Svislatskaya gimnasia i yae vykhavants. In: *Staronki gistory Svislatskaga edge: Materyaly navukova-praktychnai krayaznanychai kanferentsy, May 23, 1998*. Grodno: GrDU. 97—105. (In Russ.).

- Kraushar, A. (1910). *Z tajnego archiwum senatora Nowosilcowa. Związki tajne na Litwie, w Krozach i Swisloczy (1824—1827)*. Warszawa: Miscellanea historyczne XLII. 215 s. (In Polish.).
- Książę Adam Czartoryski i Józef Twardowski: korespondencja 1822/24, 26. (1900). Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Poznaniu. 173 s. (In Polish.).
- Landa, S. S. (1958). *Mickiewicz and Philomaths 1819—1821*. PhD Diss. Moscow. 345 p. (In Russ.).
- Mickiewicz, A. (1968). *Poems. Poems*. Moscow: Fiction. 742 p. (In Russ.).
- Milos, Ch. (2011). *Search for the fatherland*. St. Petersburg: Polish Institute: European House. 231 p. ISBN 978-5-8015-0286-1. (In Russ.).
- Mironenko, S. V. (1989). *Autocracy and reforms. Political struggle in Russia at the beginning of the XIX century*. Moscow: Nauka. 238 p. (In Russ.).
- Morawski, S. (1924). Kilka lat młodości mojej w Wilnie (1818—1825). In: *Opracowali i wstępem poprzedzili Adam Czartkowski i Henryk Mościcki*. Warszawa: Instytut Wydawniczy „Biblioteka Polska”. 503 s. (In Polish.).
- Pietraszkiewicz, O. (2006). *Biografia zesłańca*. Lublin: T-wo nauk. Katolickiego uniwersyteckiego Jana Pawła II, cop. 374 s. (In Polish.).
- Promieniści: filomaci-filareci*. (1916). Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa. 173 s. (In Polish.).
- Verzhbovsky, F. (1898). *On the History of secret societies and circles among Lithuanian-Polish youth in 1819—1823*. Warsaw: type. Varsh. studies. okr. 98 p. (In Russ.).
- Vilna, 1823—1824: crossroads of memory*. (2008). Minsk: Limarius. 241 p. ISBN 978-985-6740-82-7. (In Russ.).
- Wybór pism filomatów. Konspiracje studenckie w Wilnie 1817—1823*. (1959). Wrocław: Bibl. Nar. 486 s. (In Polish.).
- Zhukovskaya, T. N. (2002). *Government and Society under Alexander I*. Petrozavodsk: Type. Publishing house of the University. 217 p. ISBN 5-8021-0258-6. (In Russ.).

*The article was submitted 22.02.2023;
approved after reviewing 29.03.2023;
accepted for publication 17.04.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(3), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Муслимова Е. О. Сотрудничество регионов Испании со странами Ближнего Востока и Северной Африки в 1978—2022 годах / Е. О. Муслимова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 398—413. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-398-413.

Muslimova, E. O. (2023). Cooperation between Regions of Spain with Countries of Middle East and North Africa in 1978—2022. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 398-413. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-398-413. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-398-413

Сотрудничество регионов Испании со странами Ближнего Востока и Северной Африки в 1978—2022 годах

Муслимова Екатерина Олеговна
orcid.org/0000-0003-3866-450X
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории
и мировой политики
e.o.muslimova@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-78-10118,
<https://rscf.ru/project/22-78-10118/>

Cooperation between Regions of Spain with Countries of Middle East and North Africa in 1978—2022

Ekaterina O. Muslimova
orcid.org/0000-0003-3866-450X
PhD in History, Associate Professor,
Department of History
and World Politics
e.o.muslimova@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded
by Russian Science Foundation
according to the research project
№ 22-78-10118,
<https://rscf.ru/project/22-78-10118/>

© Муслимова Е. О., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается специфика международных связей регионов Испании со странами Ближнего Востока и Северной Африки. Уделяется внимание повышению парадипломатической активности регионов в условиях глобализации и «нового» регионализма. Представлены результаты сопоставительного анализа международнополитических практик исследуемых территорий, комплексного изучения структуры политического, социально-экономического и иного взаимодействия регионов Испании с территориями стран Ближнего Востока и Северной Африки. Поднимается вопрос об институциональном и конституциональном оформлении международной деятельности регионов. Уделяется внимание площадкам публичной дипломатии, доступным автономиям Испании. Предложен комплексный методологический подход, теоретически основанный на позициях регионализма и теории пространства. Отсутствие системного знания о связанности регионов в контексте трансрегиональной интеграции идет вразрез с потребностями и возможностями изучения внешней политики территорий Евросоюза, Азии и Востока. Указанные обстоятельства диктуют необходимость пристального изучения регионов как территориальных, функциональных и политических единиц с разной степенью влияния в условиях внешнеполитического взаимодействия. Предлагается новое видение межрегиональных связей как ресурса взаимного социально-экономического и ценностного обогащения.

Ключевые слова:

трансрегиональное сотрудничество; регионы; Европейский союз; Испания; Ближний Восток; Северная Африка.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the specifics of the international relations of the regions of Spain with the countries of the Middle East and North Africa is considered. Attention is paid to increasing the paradiplomatic activity of the regions in the context of globalization and the “new” regionalism. The results of a comparative analysis of the international political practices of the studied territories, a comprehensive study of the structure of political, socio-economic and other interaction of the regions of Spain with the territories of the countries of the Middle East and North Africa are presented. The question is raised about the institutional and constitutional design of the international activities of the regions. Particular attention is paid to the platforms of public diplomacy available to the autonomies of Spain. The author’s complex methodological approach is involved, theoretically based on the positions of regionalism and the theory of space. The lack of systematic knowledge about the connectivity of regions in the context of trans-regional integration runs counter to the needs and opportunities for studying the foreign policy of the territories of the European Union, Asia and the East. These circumstances determine the relevance of the research topic and dictate the need for a close study of the regions as territorial, functional and political units with varying degrees of influence in the context of foreign policy interaction. The theoretical scientific significance of solving this problem is substantiated by the formation of a new vision of interregional relations as a resource for mutual socio-economic and value enrichment.

Key words:

transregional cooperation; regions; European Union; Spain; Near East; North Africa.

Сотрудничество регионов Испании со странами Ближнего Востока и Северной Африки в 1978—2022 годах

© Муслимова Е. О., 2023

1. Введение = Introduction

Путь развития регионального сотрудничества как формы партнерства между странами и территориями насчитывает не одно десятилетие. С начала своего формирования Европейские Сообщества опирались на систему взаимодействия различных регионов, сперва — образованных несколькими государствами, затем — внутринациональных, впоследствии — особых трансграничных и еврорегионов. Что касается внешнеполитических стратегий, с 1970-х годов можно наблюдать формирование межгрупповых диалогов на основе крупных региональных объединений: ЕЭС — АСЕАН (Европейское экономическое сообщество стало партнером по диалогу Ассоциации стран Юго-Восточной Азии в 1977 году), ЕЭС — Меркосур (переговоры о заключении торгового соглашения между союзами начались в 1999 году) и т. д.

Феномен «нового регионализма», объединивший глобальный и региональный уровни взаимодействия, способствовал становлению регионов в качестве самостоятельных акторов внешней политики. Мировая практика подтверждает, что развитие современного института кооперации опирается не только на межгосударственное сотрудничество: большая доля взаимодействий приходится на уровень субнациональных регионов как самостоятельных субъектов в рамках партнерства.

Таким образом, региональное сотрудничество нового поколения попадает в фокус двух значимых измерений взаимодействия — трансрегионализма как процесса институционализации сотрудничества между региональными объединениями и государствами из разных регионов мира и парадипломатии регионов, то есть субъектно-территориального участия во внешнеполитической деятельности [Лебедева и др., 2019, с. 73; Акимов, 2016, с. 26]. Меняющиеся тенденции централизации и геополитической ориентации, а также модели экономического роста и стагнации являются факторами, открывающими и закрывающими перед регионами возможно-

сти действовать на международном уровне [Arteev, 2021]. Д. А. Кузнецов указывает, что особенно активно трансрегиональные проекты развиваются на пространстве Евразии, где одновременно происходит усиление конкуренции и возникновение инициатив относительно возможностей их сопряжения [Кузнецов, 2017, с. 163].

Европейские Сообщества и Европейский союз считаются наиболее успешной интеграционной инициативой, где факторы *децентрализации* (многоуровневого управления) и *деволюции* (перераспределения компетенций между центром и регионами) играют важнейшую роль в функционировании мультикультурного сообщества в условиях глобализации. Как отмечает Т. В. Зонова, рост активности европейских регионов шел параллельно с мировым процессом регионализации и внутренними процессами перераспределения полномочий между центром и региональными единицами европейских государств [Зонова, 2011]. В частности, в конце 1970-х — начале 1980-х годов разрабатываются статуты испанских автономных сообществ, далее децентрализация затрагивает систему управления Великобритании, Бельгии. С 1982 года начинаются реформы местного самоуправления во Франции, в 1990-х годах наступает период пересмотра модели центр-локальных отношений в Скандинавских странах [Трофимова, 2011, с. 83—85]. Кроме того, с 1980-х годов европейские регионы начинают самостоятельно привлекать прямые инвестиции [Еремина, 2012, с. 44]. Договор о Европейском союзе (Маастрихтский договор) 1992 года закрепил за субгосударственными единицами право участвовать в европейской интеграции и системе принятия решений (статья 198), позже возможности европейских регионов существенно расширились с появлением в 1994 году Комитета регионов [Treaty on European Union]. К этому моменту в Брюсселе уже были открыты представительства британских, французских, испанских регионов и федеральных земель Германии. Достаточно долгий и результативный путь становления европейских регионов в качестве самостоятельных участников внешнеполитического процесса позволяет рассматривать на их примере опыт продвижения региональных интересов и реализации парадипломатической деятельности, в том числе в контексте трансграничного взаимодействия.

Регионы стран Пиренейского полуострова (Испании и Португалии) представляют отдельный интерес в силу специфики распределения полномочий между центром и субгосударственными единицами в ассиметричных унитарных государствах. Однако в отношении португальских регионов (административно-территориальное деление страны предполагает пять континентальных регионов и два автономных островных региона — Мадейру и Азорские острова) существует слабая тенденция к установлению

международных связей. По оценкам исследователей, регионы Португалии имеют широкие возможности для самостоятельной внешнеполитической деятельности, но в силу меньших территориальных ресурсов и высокой централизации в государстве их используют только островные регионы и крупные города (Порту и Лиссабон) [Tavares, 2016, с. 148].

Целью данной статьи является рассмотрение возможностей и результатов взаимодействия автономных сообществ Испании со странами Ближнего Востока и Северной Африки, что позволяет осветить актуальную научную проблему, связанную с изучением регионального уровня взаимодействия территорий и его результатов в историко-хронологическом ключе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологической основой исследования являются основные научные принципы — историзма, объективности и всесторонности. В ходе анализа стратегий внешнеполитической деятельности регионов исследуемых стран были применены историко-системный, историко-типологический, историко-генетический подходы. Теоретическая рамка исследования предполагает концептуализацию региона с опорой на пространственный подход — в качестве территориального, функционального и политического пространства, продукта изменений общественной жизни в структурном международно-политическом и экономическом пространстве. В ходе исследования также задействованы позиции «нового» и сравнительного регионализма.

В качестве основной единицы исследования выступают регионы уровня NUTS-2 по номенклатуре единиц в целях статистики ЕС (регионы, провинции, административные округа, воеводства, автономные сообщества и т. д.). Изучаемые регионы были выбраны с опорой на следующие качественные и количественные признаки: наличие нормативно закреплённых основ внешнеполитической деятельности, наличие и число зарубежных региональных представительств, а также договоров, соглашений, совместных проектов с партнерами из азиатских и восточных стран. Определение критериев было основано на характеристиках субгосударственных единиц, развивающих свою внешнеполитическую активность, выделенных Н. В. Ереминой: во-первых, такие регионы обращают особое внимание на региональный имидж, связанный с распространением информации о собственной культурной и этнической идентичности, которая может способствовать их продвижению во всех направлениях внешней политики; во-вторых, региональные органы власти на таких территориях рассматривают свою внешнеполитическую деятельность как инструмент для утверждения статуса и закрепления определенной степени автономии [Еремина, 2012, с. 47].

Источниковую базу исследования составили нормативные правовые акты: конституции рассматриваемых государств, статуты об автономии регионов, национальное законодательство, — а также материалы органов государственной власти национального и регионального уровня.

Хронологические рамки охватывают период последней четверти XX — XXI веков, таким образом, были исследованы события, повлиявшие на процесс становления регионов в качестве самостоятельных субъектов международных отношений.

Что касается историографии вопроса, существует значительное число научных работ, посвященных процессам автономизации, децентрализации и деволюции в Испании. Так, доктор исторических наук С. М. Хенкин указывает на наличие признаков федерализма в политическом устройстве Королевства Испания, говоря о способности испанских регионов к политической и институциональной самоорганизации и о поэтапной передаче компетенций и прерогатив от центра к автономным сообществам [Хенкин, 2018, с. 165]. Соотношение политики «центр — регионы» остается одной из важнейших проблем не только для политической системы Испании, но и для других европейских стран, включая Португалию, Францию, Италию, ФРГ, Финляндию и т. д. Актуализация регионализма в ЕС приводит к снижению роли национальных правительств и к повышению значимости региональных органов власти [Троицкий, 2017, с. 126]. С одной стороны, расширение компетенций и повышение самостоятельности регионов способствует их социально-экономическому развитию и позволяет автономиям участвовать в формировании и реализации общеевропейской политики [Шабага и др., 2013, с. 87]. С другой стороны, данный процесс способствует прогрессированию сепаратизма, что отчетливо видно на примере референдума о независимости, проведенного властями Каталонии в 2017 году [Caminals-Heath, 2017]. Тем не менее исследователи подчеркивают важность установления регионами внешних связей как инструмента общего механизма борьбы со сложными внутривнутриполитическими противоречиями с «центром», поскольку они позволяют территориям ощутить себя полноправными участниками международных отношений [Ермакова, 2014, с. 227]. При этом исследование векторов и результатов международной деятельности регионов Испании в отечественном и зарубежном научном поле представлено довольно фрагментарно. Единичные научные публикации дают представление о том, какие приоритеты и стратегии выбирают испанские автономии в самостоятельной внешнеполитической активности. В особенности это касается ближневосточного и североафриканского направления: трансграничное и межрегиональное взаимодействие территорий внутри ЕС гораздо чаще становится предметом исследовательского интереса.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Нормативные основы международной деятельности автономных сообществ Испании

Формирование самостоятельной внешнеполитической стратегии автономных сообществ Испании в последней четверти XX — XXI веках неразрывно связано с историческим контекстом развития испанских регионов. На протяжении нескольких веков они активно отстаивали региональную идентичность и право на политическую, экономическую и культурно-лингвистическую самостоятельность. С началом демократических преобразований в Испанском государстве практически всем регионам был предоставлен режим «предавтономии». В дальнейшем юридические рамки автономии регионов были закреплены Конституцией Испании 1978 года, предусматривающей институциональное оформление полномочий региона в его статуте. Как указывает Т. В. Базаренко, изначально статуты сообществ не закрепляли за автономиями каких-либо полномочий во внешней политике, относя тем самым международную сферу к исключительной компетенции центрального правительства [Базаренко, 2014, с. 116—118]. Также Статья 149 Конституции Испании закрепила исключительную компетенцию в международных отношениях за государством [Constitución Española...]. Однако процесс реформирования статуты автономных сообществ, начавшийся в XXI веке, позволил регионам Испании выйти на новый уровень дипломатической деятельности. К тому же наличие пространной формулировки «международные отношения» в Конституции стало поводом для различных интерпретаций этого понятия в региональных кругах с целью легитимировать свою внешнеполитическую деятельность. Так, в новых поколениях статуты Андалусии, Канарских островов есть отдельные статьи, посвященные трансграничному сотрудничеству в контексте отношений с ЕС [Ley Orgánica 2/2007, 2007; Ley Orgánica 1/2018, 2018]. Каталония, Валенсия, Арагон расширили статуты правом взаимодействовать с другими государствами, заключать международные договоры и иметь представительства за рубежом [Ley Orgánica 6/2006, 2006; Ley Orgánica 5/1982, 1982; Ley Orgánica 5/2007, 2007]. Статут Эстремадуры закрепляет право сообщества на трансграничное и международное сотрудничество в интересах региона в координации с государством, а также право на планирование, переговоры и осуществление собственной политики в области трансграничного сотрудничества с Португалией [Ley Orgánica 1/2011, 2011]. Таким образом, испанские регионы имеют возможность вести международную деятельность в пределах, ограниченных национальным и региональным законодательством. При этом, несмотря на нечеткость формулировки «международные отношения», закрепленной

Конституцией, ее декларирует и использует значительное число автономных сообществ.

3.2. Институциональные возможности публичной дипломатии испанских регионов

Восточные страны, в частности, Израиль и арабские государства южного и восточного Средиземноморья, традиционно входят в число внешнеполитических партнеров Испании и ее регионов благодаря тесным историческим, политико-географическим и культурным связям. Развитие процессов глобализации и регионализации в последней четверти XX века способствовало установлению новых векторов сотрудничества — со странами Персидского залива, южной, юго-восточной и восточной Азии.

Значительное число взаимодействий испанских регионов с зарубежными партнерами реализуется через так называемую «Сеть Домов» («Red de Casas») — объединение площадок публичной дипломатии Испании, включающее латиноамериканское, средиземноморское, азиатское, африканское, ближневосточное направления. Так, например, деятельность «Casa Asia» сконцентрирована вокруг установления тесных и устойчивых связей Испании и ее территорий со странами азиатского макрорегиона в таких сферах, как экономика, политика, образование, культура и межкультурный диалог, коммуникации [Quiénes somos]. Организация была основана в 2001 году и с тех пор реализовала значительное число программ и проектов.

В 2006 году с целью поддержки партнерства Испании и ее регионов с арабскими странами и территориями была открыта некоммерческая организация «Casa Árabe». Наряду с центральными правительственными органами в ее работе активно задействованы региональные властные структуры отдельных автономных сообществ и местные органы власти — Хунта Андалусии, правительство Мадрида, мэрии Мадрида и Кордобы. В качестве основных направлений деятельности консорциум заявляет установление и поддержку открытых каналов коммуникации между испанским и арабским бизнес-сообществом, меры по облегчению доступа молодежи к профессиональному образованию и профессиональной реализации на арабском рынке труда, содействие межкультурному диалогу и взаимопониманию, культурную дипломатию [Casa Árabe...]. Дополнительно при «Casa Árabe» действует центр арабского языка. Стоит отметить, что организация ведет активную просветительскую и информационную работу, организуя семинары, круглые столы, лекториумы и онлайн-мероприятия, посвященные актуальным проблемам арабского мира: развитие гражданской активности в исламском общества, распространение и понимание ориентализма, реализация молодых мусульман в Испании, борьба с исла-

мофобией и радикализацией, миграция, поддержка диаспор, возможности и ограничения отдельных арабских стран.

В качестве отдельной площадки для сотрудничества со странами и регионами Средиземноморья в 2009 году была учреждена организация «Каса дель Медитерранео» (Casa del Mediterráneo). Создание консорциума поддержали Женеалитат Валенсии, мэрии Аликанте и Бенидорма. В задачи организации входят содействие диалогу в Средиземноморском регионе, продвижение и развитие отношений Испании со странами региона в институциональной, социальной, экономической, научной, культурной, технологической сферах, в области предпринимательства и устойчивого развития, борьба с негативными изменениями климата в регионе, реализация транснациональных интересов стран региона. Несмотря на то, что в основном в повестку включена европейская часть Средиземноморья, в совместных проектах также задействованы партнеры из североафриканских и восточсредиземноморских стран [Casa Mediterráneo...]. Особая роль отводится городу Аликанте, где расположена штаб-квартира организации, в силу его географического расположения и исторических, культурных, экономических связей со средиземноморскими регионами.

Установление культурных, социально-экономических и политических связей между регионами Испании и Израилем активно поддерживается Центром «Сефарад-Израэль» (Centro Sefarad-Israel), также входящим в сеть учреждений публичной дипломатии при Министерстве иностранных дел, Европейского союза и сотрудничества Испании. Центр был открыт в 2006 году при активном участии автономного сообщества Мадрид. В число направлений деятельности организации включено развитие культурных связей, просвещение по проблемам Холокоста и антисемитизма, объединение еврейских общин, установление политического и экономического диалога [Objetivos del Centro Sefarad-Israel]. Центр является основной площадкой для мероприятий Испано-израильской торговой палаты.

Обзор структуры и функционирования испанских институтов международнополитической и дипломатической деятельности позволяет сделать вывод о том, что «Сеть Домов» выступает в качестве главного и единственного институционального инструмента продвижения регионами собственной публичной дипломатии и развития политического, экономического и межкультурного диалога. Другие учреждения и площадки: Институт Сервантеса (Instituto Cervantes), Фонд Каролина (Fundación Carolina), сеть Фондов «Советов» (Red de Fundaciones Consejo) и прочие — реализуют интересы Испании в целом, а не ее отдельных территорий. Кроме того, отчетливо видна заинтересованность определенных автономий в конкретных партнерах и векторах сотрудничества, что обусловлено исторически-

ми и географическими факторами развития Испанского Королевства и его регионов, а также их внешнеполитических связей.

3.3. Восточный вектор международной деятельности регионов Испании

Что касается самостоятельной активности автономных сообществ Испании в установлении внешнеполитических связей со странами Ближнего Востока и Северной Африки, стоит отметить деятельность Каталонского региона. Женералитат Каталонии активно сотрудничает с арабскими странами и территориями Средиземноморского региона: Ливаном, Марокко, Тунисом, Западной Сахарой и Палестинской автономией. В частности, Каталония содействует реализации финансируемой Европейским союзом программы «Масар» (MASAR) в Ливане, направленной на укрепление устойчивости местных муниципалитетов и решение проблем перемещенного населения в Ливане. Сотрудничество с Марокко носит более социальную направленность и связано с защитой детства, борьбой с дискриминацией и формированием солидарной экономики [Cooperació catalana].

Отдельного внимания заслуживает внешнеполитическая деятельность автономного сообщества «Арагон», которое активно использует возможности ближневосточных рынков для установления торговых связей. Этому содействует институциональная структура «Арагон Эстерьор» (Aragón Exterior, AREX), специализированный орган правительства Арагона, нацеленный на зарубежные связи. Под эгидой AREX действует сеть иностранных представительств региона, расположенных в более чем ста странах мира, в том числе в Израиле, Объединенных Арабских Эмиратах и Омане [Aragón Exterior...]. Иностранные офисы региона, открытые в разное время, нацелены на общую стратегию — экспертную помощь, продвижение, цифровизацию и повышение инновативности арагонских товаров и услуг, представляемых за рубежом.

Стоит отметить программу средиземноморского сотрудничества со странами Ближнего Востока и Северной Африки «Куэнка Медитерранеа» (Cuencia Mediterránea), в которую активно включено автономное сообщество Валенсия. Программа функционирует под эгидой Европейского инструмента добрососедства (European Neighbourhood Instrument) в Средиземноморском регионе, инициированного в 2007 году, и нацелена на социально-экономическое развитие, поддержку образования, исследований, инноваций и технологического развития, социальную инклюзию и борьбу с бедностью, а также на защиту окружающей среды и климата [Antena del programa...]. Координация программы осуществляется двумя офисами в соответствии с географическим фокусом. Деятельность офиса в городе Акаба (Иордания) направлена на Восточное Средиземноморье, подразделение в Валенсии на-

целено на западную часть региона и соответствующие страны-участницы проектов (Испания, Франция, Италия, Мальта, Португалия и Тунис).

Примеры данных регионов и их международных проектов в ближневосточном и североафриканском регионах подтверждают тенденцию к усилению самостоятельной внешнеполитической деятельности автономий и их стремлению участвовать в процессе принятия решений наравне с центральным правительством. При этом сотрудничество с иностранными партнерами концентрируется в совершенно различных сферах — от прямого товарооборота до гуманитарных и культурных инициатив.

4. Заключение = Conclusions

Методологическая исследовательская база, а также выдвинутые для отбора регионов критерии внесли в содержание исследования ряд ограничений. Во-первых, в территориальные исследовательские рамки были включены только регионы Испании: в Португалии международную деятельность ведут лишь островные регионы, и на Восток они не ориентированы. Конституция, принятая в 1976 году, закрепляет за автономными регионами Мадейра и Азорские острова полномочия устанавливать внешние связи, однако архипелаги реализуют данное право лишь в Атлантическом регионе — в отношении Северной и Латинской Америки, а также африканского архипелага Кабо-Верде. Во-вторых, не рассматривалось сотрудничество испанских автономных сообществ со странами Востока, не входящими в арабский регион, — Индией, Китаем, Японией и другими, данное направление видится в качестве отдельного исследования.

Таким образом, на примере развития испанских автономий наглядно видны различия в уровне активности регионов в самостоятельных внешнеполитических практиках. Очевидно, что регион чаще всего задействует весь спектр доступных внешнеполитических ресурсов: культурную дипломатию, продвижение собственной продукции, достижения науки и технологий. Географический диапазон партнеров испанских регионов достаточно широк и включает страны всего региона Ближнего Востока и Северной Африки. Значительную поддержку в установлении иберийско-восточных связей оказывают площадки публичной дипломатии. Что касается хронологических этапов становления сотрудничества со странами Востока, его активизация приходится на конец XX — начало XXI века, что может объясняться повышением внимания к региональному уровню в повестке Европейского союза и обновлением нормативно-правовой базы регионов.

Дальнейшие перспективы исследования видятся в расширении числа изучаемых регионов Испании и выделении их стратегий внешнеполитического взаимодействия со странами Востока в XX—XXI веках.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Конституция* Португальской Республики [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf> (дата обращения: 08.03.2023).
2. *Antena* del programa "Cuenca Mediterránea" del Instrumento de vecindad y asociación (ENPI CBC MED) [Electronic resource]. — Access mode : <https://presidencia.gva.es/es/web/dg-relaciones-ue/antena-enpi-en-valencia> (accessed 12.03.2023).
3. *Aragón Exterior*. Red de oficinas [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.aragonexterior.es/inicio/red-de-oficinas/> (accessed 12.03.2023).
4. *Basque Trade& Investment*. Red exterior [Electronic resource]. — Access mode : <https://basquetrade.spri.eus/es/red-exterior/> (accessed 13.03.2023).
5. *Casa Árabe*. Quiénes somos. Donde se encuentran España y el mundo árabe [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.casaarabe.es/p/quienes-somos> (accessed 12.03.2023).
6. *Casa Asia* en el programa europeo EU-Japan Region-to-Region Innovation Cooperation [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.casaasia.es/actualidad/casa-asia-en-el-programa-europeo-eu-japan-region-to-region-innovation-cooperation/> (accessed 15.03.2023).
7. *Casa Asia*. Quiénes somos [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.casaasia.es/quienes-somos-casa-asia/> (accessed 15.03.2023).
8. *Casa Mediterráneo*. Sobre nosotros [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.casa-mediterraneo.es/sobre-nosotros/> (accessed 12.03.2023).
9. *Constitución* Española Aprobada por Las Cortes en sesiones plenarias del. Congreso de los Diputados y del Senado celebradas el 31 de octubre de 1978 [Electronic resource] // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. — Access mode : <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1978-31229> (accessed 12.02.2023).
10. *Cooperació* catalana. Mediterrània [Electronic resource]. — Access mode : https://cooperaciocatalana.gencat.cat/ca/que-fem/paisos_i_teritoris/mediterrania/ (accessed 12.03.2023).
11. *CPLP*. Histórico — Como surgiu? [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cplp.org/id-2752.aspx> (accessed 08.03.2023).
12. *El Centre* Català de Kansai (CCK) [Electronic resource]. — Access mode : <http://cckkansai.com/cat/centre.html> (accessed 10.03.2023).
13. *Estatuto* Político-Administrativo da Região Autónoma da Madeira [Electronic resource]. — Access mode : <https://dre.pt/dre/legislacao-consolidada/lei/1999-34496275> (accessed 08.03.2023).
14. *La Comunitat* Catalana a Tòquio [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.casal.tokyo/> (accessed 10.03.2023).
15. *Ley* Orgánica 1/2011, de 28 de enero, de reforma del Estatuto de Autonomía de la Comunidad Autónoma de Extremadura [Electronic resource] // Estatutos de Autonomía. Boletín oficial del estado. Edición actualizada a 10 de febrero de 2023. — Access mode : https://www.boe.es/biblioteca_juridica/codigos/abrir_pdf.php?fich=017_Estatutos_de_Autonomia.pdf (accessed 16.03.2023).
16. *Ley* Orgánica 1/2018, de 5 de noviembre, de reforma del Estatuto de Autonomía de Canarias [Electronic resource] // Estatutos de Autonomía. Boletín oficial del estado. Edición

actualizada a 10 de febrero de 2023. — Access mode : https://www.boe.es/biblioteca_juridica/codigos/abrir_pdf.php?fich=017_Estatutos_de_Autonomia.pdf (accessed 16.03.2023).

16. *Ley Orgánica 2/2007*, de 19 de marzo, de reforma del Estatuto de Autonomía para Andalucía [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2007-5825> (accessed 16.03.2023).

17. *Ley Orgánica 5/1982*, de 1 de julio, de Estatuto de Autonomía de la Comunidad Valenciana [Electronic resource] // Estatutos de Autonomía. Boletín oficial del estado. Edición actualizada a 10 de febrero de 2023. — Access mode : https://www.boe.es/biblioteca_juridica/codigos/abrir_pdf.php?fich=017_Estatutos_de_Autonomia.pdf (accessed 16.03.2023).

18. *Ley Orgánica 5/2007*, de 20 de abril, de reforma del Estatuto de Autonomía de Aragón [Electronic resource] // Estatutos de Autonomía. Boletín oficial del estado. Edición actualizada a 10 de febrero de 2023. — Access mode : https://www.boe.es/biblioteca_juridica/codigos/abrir_pdf.php?fich=017_Estatutos_de_Autonomia.pdf (accessed 16.03.2023).

19. *Ley Orgánica 6/2006*, de 19 de julio, de reforma del Estatuto de Autonomía de Cataluña [Electronic resource] // Estatutos de Autonomía. Boletín oficial del estado. Edición actualizada a 10 de febrero de 2023. — Access mode : https://www.boe.es/biblioteca_juridica/codigos/abrir_pdf.php?fich=017_Estatutos_de_Autonomia.pdf (accessed 16.03.2023).

20. *O Estatuto Político-Administrativo da Região Autónoma dos Açores*, aprovado pela Lei nº 39/80, de 5 de agosto [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.alra.pt/index.php/estatuto-politico-administrativo> (accessed 08.03.2023).

21. *Objetivos del Centro Sefarad-Israel* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.sefarad-israel.es/quienes-somos-centro-sefarad-israel> (accessed 12.03.2023).

22. *Portal do Conselho Mundial das Casas dos Açores* [Electronic resource]. — Access mode : <https://casasdosacores.org/> (accessed 08.03.2023).

23. *Treaty on European Union* [Electronic resource] // Official Journal C 191, 29/07/1992. — P. 0001—0110. — Access mode : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11992M/TXT> (accessed 01.03.2023).

Литература

1. *Акимов Ю. Г.* Парадипломатия как средство выражения региональной идентичности субъектов федераций / Ю. Г. Акимов // *Управленческое консультирование*. — 2016. — № 2 (86). — С. 25—33.

2. *Базаренко Т. В.* Внешнеполитическая деятельность автономных сообществ Испании в контексте концепции «Европа регионов» : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.15 / Т. В. Базаренко. — Москва, 2014. — 238 с.

3. *Ермакова Э. В.* Усиление роли институтов ЕС в продвижении внешней региональной деятельности стран-членов / Э. В. Ермакова // *Вестник МГИМО*. — 2014. — № 4 (37). — С. 222—230.

4. *Зонова Т. В.* Парадипломатия европейских регионов / Т. В. Зонова // *Вся Европа*. — 2011. — № 4 (54).

5. *Кузнецов Д. А.* Дискуссии экспертов о перспективах и роли трансрегиональных проектов в Евразии: проблемы теоретического осмысления и практического воплощения. По итогам круглого стола «Трансрегионализм Евразии», х конвент рами, МГИМО МИД России, 8 декабря 2016 / Д. А. Кузнецов // *Сравнительная политика*. — 2017. — № 2. — С. 163—171.

6. *Лебедева М. М.* Трансрегионализм — новый феномен мировой политики / М. М. Лебедева, Д. А. Кузнецов // *Полис. Политические исследования*. — 2019. — № 5. — С. 71—84. — DOI: 10.17976/jpps/2019.05.06.

7. *Троицкий Е. Ф.* Комитет регионов ЕС : создание и эволюция (1993—2009 гг.) / Е. Ф. Троицкий // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 415. — С. 126—129.
8. *Трофимова И. Н.* Трансформация отношений центральной и местной власти в процессе децентрализации управления (опыт европейских стран) / И. Н. Трофимова // Ars Administrandi. — 2011. — № 2. — С. 80—91.
9. *Хенкин С. М.* Политико-территориальная модель Испании : старые проблемы и новые вызовы / С. М. Хенкин // Полития. — 2018. — № 4 (91). — С. 162—179.
10. *Шаблага А. В.* Внешнеполитический аспект региональной политики Испании / А. В. Шаблага, Т. В. Базаренко // Вестник РУДН. Серия : Международные отношения. — 2013. — № 2. — С. 83—91.
11. *Arteev S.* From Decentralization to Coordination : The Evolution of Russian Paradiplomacy (1991—2021) / S. Arteev, I. U. Kentros Klyszcz // Problems of Post-Communism. — 2021. — № 1. — Pp. 1—12. — DOI: 10.1080/10758216.2021.2009350.
12. *Caminals-Heath R.* Cultural Identity : The Catalan Referendum / R. Caminals-Heath // Cultural Identity : the Catalan Referendum. — Fairfax, VA : George Mason University, 2017. — 9 p.
13. *Dronova S. Yu.* Modern relations between the central and regional authorities of Spain : problems and mechanisms of regulation : dissertation for the degree of candidate of political sciences / S. Yu. Dronova. — Moscow, 2020. — 189 p.
14. *Tavares R.* Paradiplomacy : Cities and States as Global Players / R. Tavares. — Oxford : Oxford University Press, 2016. — 256 p.

*Статья поступила в редакцию 30.02.2023,
одобрена после рецензирования 19.04.2023,
подготовлена к публикации 24.04.2023.*

Material resources

- Antena del programa “Cuenca Mediterránea” del Instrumento de vecindad y asociación (ENPI CBC MED).* Available at: <https://presidencia.gva.es/es/web/dg-relaciones-ue/antena-enpi-en-valencia> (accessed 12.03.2023). (In Spain.).
- Aragón Exterior. Red de oficinas.* Available at: <https://www.aragonexterior.es/inicio/red-de-oficinas/> (accessed 12.03.2023). (In Spain.).
- Basque Trade& Investment. Red exterior.* Available at: <https://basquetrade.spri.eus/es/red-exterior/> (accessed 13.03.2023). (In Spain.).
- Casa Árabe. Quiénes somos. Donde se encuentran España y el mundo árabe.* Available at: <https://www.casaarabe.es/p/quienes-somos> (accessed 12.03.2023). (In Spain.).
- Casa Asia en el programa europeo EU-Japan Region-to-Region Innovation Cooperation.* Available at: <https://www.casaasia.es/actualidad/casa-asia-en-el-programa-europeo-eu-japan-region-to-region-innovation-cooperation/> (accessed 15.03.2023). (In Spain.).
- Casa Asia. Quiénes somos.* Available at: <https://www.casaasia.es/quienes-somos-casa-asia/> (accessed 15.03.2023). (In Spain.).
- Casa Mediterráneo. Sobre nosotros.* Available at: <https://www.casa-mediterraneo.es/sobre-nosotros/> (accessed 12.03.2023). (In Spain.).
- Constitución Española Aprobada por Las Cortes en sesiones plenarias del Congreso de los Diputados y del Senado celebradas el 31 de octubre de 1978. *Agencia Estatal Bo-*

- letín Oficial del Estado*. Available at: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1978-31229> (accessed 12.02.2023). (In Spain.).
- Cooperació catalana. Mediterrània*. Available at: https://cooperaciocatalana.gencat.cat/ca/que-fem/paisos_i_teritoris/mediterrania/ (accessed 12.03.2023). (In Spain.).
- CPLP. Histórico — *Como surgiu?* Available at: <https://www.cplp.org/id-2752.aspx> (accessed 08.03.2023). (In Spain.).
- El Centre Català de Kansai (CCK)*. Available at: <http://cckkansai.com/cat/centre.html> (accessed 10.03.2023). (In Spain.).
- Estatuto Político-Administrativo da Região Autónoma da Madeira*. Available at: <https://dre.pt/dre/legislacao-consolidada/lei/1999-34496275> (accessed 08.03.2023). (In Spain.).
- La Comunitat Catalana a Tòquio*. Available at: <https://www.casal.tokyo/> (accessed 10.03.2023). (In Spain.).
- Ley Orgánica 1/2011, de 28 de enero, de reforma del Estatuto de Autonomía de la Comunidad Autónoma de Extremadura. *Estatutos de Autonomía. Boletín oficial del estado. Edición actualizada a 10 de febrero de 2023*. Available at: https://www.boe.es/biblioteca_juridica/codigos/abrir_pdf.php?fich=017_Estatutos_de_Autonomia.pdf (accessed 16.03.2023). (In Spain.).
- Ley Orgánica 1/2018, de 5 de noviembre, de reforma del Estatuto de Autonomía de Canarias. *Estatutos de Autonomía. Boletín oficial del estado. Edición actualizada a 10 de febrero de 2023*. Available at: https://www.boe.es/biblioteca_juridica/codigos/abrir_pdf.php?fich=017_Estatutos_de_Autonomia.pdf (accessed 16.03.2023). (In Spain.).
- Ley Orgánica 2/2007, de 19 de marzo, de reforma del Estatuto de Autonomía para Andalucía. Available at: <http://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2007-5825> (accessed 16.03.2023). (In Spain.).
- Ley Orgánica 5/1982, de 1 de julio, de Estatuto de Autonomía de la Comunidad Valenciana. *Estatutos de Autonomía. Boletín oficial del estado. Edición actualizada a 10 de febrero de 2023*. Available at: https://www.boe.es/biblioteca_juridica/codigos/abrir_pdf.php?fich=017_Estatutos_de_Autonomia.pdf (accessed 16.03.2023). (In Spain.).
- Ley Orgánica 5/2007, de 20 de abril, de reforma del Estatuto de Autonomía de Aragón. *Estatutos de Autonomía. Boletín oficial del estado. Edición actualizada a 10 de febrero de 2023*. Available at: https://www.boe.es/biblioteca_juridica/codigos/abrir_pdf.php?fich=017_Estatutos_de_Autonomia.pdf (accessed 16.03.2023). (In Spain.).
- Ley Orgánica 6/2006, de 19 de julio, de reforma del Estatuto de Autonomía de Cataluña. *Estatutos de Autonomía. Boletín oficial del estado. Edición actualizada a 10 de febrero de 2023*. Available at: https://www.boe.es/biblioteca_juridica/codigos/abrir_pdf.php?fich=017_Estatutos_de_Autonomia.pdf (accessed 16.03.2023). (In Spain.).
- O Estatuto Político-Administrativo da Região Autónoma dos Açores, aprovado pela Lei nº 39/80, de 5 de Agosto*. Available at: <https://www.alra.pt/index.php/estatuto-politico-administrativo> (accessed 08.03.2023). (In Spain.).
- Objetivos del Centro Sefarad-Israel*. Available at: <http://www.sefarad-israel.es/quienes-somos-centro-sefarad-israel> (accessed 12.03.2023). (In Spain.).
- Portal do Conselho Mundial das Casas dos Açores*. Available at: <https://casasdosacores.org/> (accessed 08.03.2023). (In Spain.).
- The Constitution of the Portuguese Republic*. Available at: <https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf> (accessed: 08.03.2023). (In Russ.).

Treaty on European Union. (1992). *Official Journal C 191*, 29/07. 0001—0110. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11992M/TXT> (accessed 01.03.2023). (In Spain.).

References

- Akimov, Yu. G. (2016). Paradiplomacy as a means of expressing the regional identity of the subjects of federations. *Managerial consulting*, 2 (86): 25—33. (In Russ.).
- Arteev, S., Kentros Klyszcz, I. U. (2021). From Decentralization to Coordination: The Evolution of Russian Paradiplomacy (1991—2021). *Problems of Post-Communism*, 1: 1—12. DOI: 10.1080/10758216.2021.2009350.
- Bazarenko, T. V. (2014). *Foreign policy activity of autonomous communities of Spain in the context of the concept of "Europe of Regions"*. PhD Diss. Moscow. 238 p. (In Russ.).
- Camins-Heath, R. (2017). Cultural Identity: The Catalan Referendum. In: *Cultural Identity: the Catalan Referendum*. Fairfax, VA: George Mason University. 9 p.
- Dronova, S. Yu. (2020). *Modern relations between the central and regional authorities of Spain: problems and mechanisms of regulation*. PhD Diss. Moscow. 189 p.
- Ermakova, E. V. (2014). Strengthening the role of EU institutions in promoting the external regional activities of member states. *MGIMO Bulletin*, 4 (37): 222—230. (In Russ.).
- Henkin, S. M. (2018). The politico-territorial model of Spain: old problems and new challenges. *Politiya*, 4 (91): 162—179. (In Russ.).
- Kuznetsov, D. A. (2017). Expert discussions on the prospects and role of trans-regional projects in Eurasia: problems of theoretical understanding and practical implementation. According to the results of the round table “Transregionalism of Eurasia”, x rami Convention, MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, December 8, 2016. *Comparative Politics*, 2: 163—171. (In Russ.).
- Lebedeva, M. M., Kuznetsov, D. A. (2019). Transregionalism — a new phenomenon of world politics. *Polis. Political studies*, 5: 71—84. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.06. (In Russ.).
- Shabaga, A. V., Bazarenko, T. V. (2013). The foreign policy aspect of the regional policy of Spain. *Bulletin of the RUDN. Series: International Relations*, 2: 83—91. (In Russ.).
- Tavares, R. (2016). *Paradiplomacy: Cities and States as Global Players*. Oxford: Oxford University Press. 256 p.
- Trofimova, I. N. (2011). Transformation of relations between central and local authorities in the process of decentralization of management (experience of European countries). *Ars Administrandi*, 2: 80—91. (In Russ.).
- Troitsky, E. F. (2017). Committee of the EU Regions: Creation and Evolution (1993—2009). *Bulletin of Tomsk State University*, 415: 126—129. (In Russ.).
- Zonova, T. V. (2011). Paradiplomacy of European regions. *All of Europe*, 4 (54). (In Russ.).

*The article was submitted 30.02.2023;
approved after reviewing 19.04.2023;
accepted for publication 24.04.2023.*

Немудров К. А. Советско-американское научно-техническое сотрудничество в 1960-х — начале 1970-х годов : научная дипломатия как фактор разрядки международной напряженности / К. А. Немудров, Р. О. Райнхардт // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 414—429. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-414-429.

Nemudrov, K. A., Reinhardt, R. O. (2023). Soviet-American Scientific and Technical Cooperation in 1960s — Early 1970s: Science Diplomacy as a Factor of Détente. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 414-429. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-414-429. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-414-429

**Советско-американское
научно-техническое
сотрудничество в 1960-х —
начале 1970-х годов: научная
дипломатия как фактор
разрядки международной
напряженности**

Немудров Константин Алексеевич
orcid.org/0000-0002-1651-8563
аспирант кафедры дипломатии
konstantin_nemudrov@mail.ru

Райнхардт Роман Отмарович *
orcid.org/0000-0002-0890-8844
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры дипломатии
* *корреспондирующий автор*
don.reinhardt@mail.ru

Московский государственный институт
(университет) международных отношений
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 18-78-10123-П

**Soviet-American Scientific
and Technical Cooperation
in 1960s — Early 1970s:
Science Diplomacy
as a Factor of Détente**

Konstantin A. Nemudrov
orcid.org/0000-0002-1651-8563
Post-graduate Student
konstantin_nemudrov@mail.ru

Roman O. Reinhardt *
orcid.org/0000-0002-0890-8844
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Diplomacy
* *Corresponding author*
don.reinhardt@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 18-78-10123-П

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются особенности советско-американского сотрудничества в сфере науки и техники в 1960-х — начале 1970-х годов. Рассматривается вопрос об изначально наблюдавшихся дисбалансах в научных обменах и различиях подходов к оценке эффективности реализации основополагающего профильного соглашения Лэйси—Зарубина с позиций взаимности и симметричности. Вводятся в оборот два документальных источника — письма У. С. Лэйси, специального помощника по вопросам обменов между Востоком и Западом государственного секретаря США, и Г. Б. Кистяковского, специального помощника президента США по науке и технологиям, адресованные государственным секретарям Дж. Ф. Даллесу и К. А. Гертеру. На базе анализа документов сделан вывод об отсутствии единого мнения по вопросу измерения результативности и интенсивности научно-технического сотрудничества между СССР и США, равно как и об отсутствии специальной методологии. Выявлено, что имевшиеся на первой стадии реализации соглашения Лэйси—Зарубина к концу 1960-х годов были по большей части устранены. Несмотря на принципиальные различия институциональных и кадровых стратегий проведения научных обменов и связанных с ними мероприятий, которые также выступают предметом анализа, Москва и Вашингтон смогли найти необходимые точки соприкосновения для действенного стимулирования двустороннего научного сотрудничества. Отмечено, что важная роль в процессе достижения консенсуса отводилась самим участникам программ обменов, среди которых было немало ученых с мировым именем. Сделан вывод о том, что исследуемое взаимодействие по научному треку вполне допустимо рассматривать в качестве одного из факторов разрядки международной напряженности эпохи биполярного противостояния.

Ключевые слова:

советско-американские отношения; научная дипломатия; международное научно-техническое сотрудничество; соглашение Лэйси—Зарубина; разрядка международной напряженности.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of the Soviet-American cooperation in the field of science and technology in the 1960s — early 1970s are studied. The issue of initially observed imbalances in scientific exchanges and differences in approaches to assessing the effectiveness of the implementation of the fundamental Lacy—Zarubin agreement from the standpoint of reciprocity and symmetry is considered. Two documentary sources are put into circulation — letters from W. S. Lacy, Special Assistant for East-West Exchanges to the US Secretary of State, and G. B. Kistiakowsky, Special Assistant to the President of the United States on Science and Technology, addressed to Secretaries of State J. F. Dulles and K. A. Herter, respectively. Based on the analysis of these documents, it is concluded that there is no consensus on the issue of measuring the effectiveness and intensity of scientific and technical cooperation between the USSR and the USA, as well as the absence of a special methodology. It was revealed that problems concerning the Lacy—Zarubin agreements implementation that existed at the first stage were largely eliminated by the end of the 1960s. Despite the fundamental differences in institutional and human resources strategies for conducting scientific exchanges and related events, which are also subject to analysis, Moscow and Washington were able to find the necessary points of contact to effectively stimulate bilateral scientific cooperation. It was noted that an important role in the process of reaching consensus was assigned to the participants of the exchange programs themselves, among whom there were many world-famous scientists. It is concluded that the researched interaction along the scientific track can be considered as one of the factors of détente in the era of bipolar confrontation.

Key words:

Soviet-American relations; science diplomacy; international scientific and technical cooperation; Lacy—Zarubin agreement; détente.

Советско-американское научно-техническое сотрудничество в 1960-х — начале 1970-х годов: научная дипломатия как фактор разрядки международной напряженности

© Немудров К. А., Райнхардт Р. О., 2023

1. Введение = Introduction

Несмотря на сложную международную обстановку и периодическое обострение противоречий между СССР и США в 1960-е — первой половине 1970-х годов, научно-техническое сотрудничество двух сверхдержав поступательно развивалось и характеризовалось положительной динамикой. Залогом данного развития, его нормативно-правовой и институциональной базой выступало, в первую очередь, подписанное 27 января 1958 года *соглашение Лэйси–Зарубина* (далее — Соглашение [Agreement, 1958]) [Райнхардт и др., 2023]. Названное Соглашение частично пересматривалось, но неизменно продлевалось каждые два-три года, и продолжало действовать даже тогда, когда советско-американские отношения находились в состоянии кризиса — например, Карибского кризиса в 1962 году. Так продолжалось до тех пор, пока 19 июня 1973 года в Вашингтоне стороны не подписали Общее соглашение о контактах, обменах и сотрудничестве на период до 31 декабря 1979 года, которое открыло уже новую страницу истории научного диалога Кремля и Белого дома [Сазанова, 2007].

В нашей предыдущей работе мы подробно рассмотрели обстоятельства заключения соглашения Лэйси–Зарубина, роль фактора личности переговорщиков с советской и американской стороны в данном процессе, а также особенности имплементации документа в течение первых двух лет после его подписания [Райнхардт и др., 2023]. Было отмечено, что, при предельно конкретном и детальном виде самого Соглашения, в специализированных трудах по данной теме приводится достаточно мало данных о том, как оно реализовывалось. Так, имеющиеся в научном обороте, и особенно в отечественном дискурсе, сведения носят достаточно общий характер. С учетом этого видится интересным и полезным рассмотреть, как именно на практике выглядели научно-технические связи Москвы и Вашингтона в период 1958—1973 годов.

Такой анализ предстает тем более актуальным с точки зрения того, что научная дипломатия соответствующего этапа, импульсом которой стало

подписание соглашения Лэйси–Зарубина, могла выступать одним из факторов разрядки международной напряженности рубежа 1960-х — 1970-х годов (далее — *разрядка*). Согласно выдвигаемой гипотезе, взаимные визиты ученых, академические обмены, а также иные научные мероприятия, предусмотренные Соглашением, могли способствовать смягчению геополитического климата и — пусть в малой, ограниченной степени — но благотворно сказываться на укреплении доверия между советским и американским обществами. Разумеется, отводить такому достаточно узкому полю двустороннего взаимодействия роль основной движущей силы разрядки было бы методологически некорректно. Однако допущение самой возможности его влияния в совокупности с другими факторами на тренды международной жизни исследуемого промежутка времени представляется вполне оправданным.

Таким образом, исследовательский вопрос настоящей работы сводится к тому, как и в какой степени количественные показатели и качественные характеристики советско-американского научно-технического сотрудничества могли коррелировать с налаживанием связей и сглаживанием конфликтов между странами, находившимися в состоянии Холодной войны. Ответ на данный вопрос имеет значение как с позиций вклада в историографию избранной проблематики, так и в контексте анализа современных событий на мировой арене, когда диалог, в том числе научный [Райнхардт, 2022], России и США переживает один из своих наиболее глубоких в исторической ретроспективе спадов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Советско-американское научно-техническое сотрудничество в 1960-е — 1970-е годы неоднократно рассматривалось специалистами в рамках трудов, посвященных истории двусторонних культурных и научных связей [Иванян, 2007; Sher, 2019]. Попадала эта тема и в фокус более узкоспециализированных с точки зрения как хронологического, так и функционального охвата исследований [Крынжина, 2020]. В ряде сочинений российских специалистов, которые были рассмотрены в нашей предыдущей работе [Райнхардт и др., 2023], также раскрываются отдельные аспекты проблематики гуманитарного взаимодействия СССР и США исследуемого периода.

Вместе с тем следует отметить, что имеющиеся в отечественном научном обороте сведения носят фрагментарный характер и не отражают в полной мере динамики научных обменов между двумя полюсами системы международных отношений времен Холодной войны. Структурным недостатком видится то, что они либо посвящены какой-либо частной области сотрудничества, либо, наоборот, призваны дать общую картину без детализации

и, особенно, без анализа количественных показателей. С целью частичного решения данной проблемы нами были подробно рассмотрены зарубежные источники, из которых можно было бы почерпнуть недостающую и представляющую интерес в контексте настоящего исследования информацию.

Среди наиболее объемных и ценных трудов внимания заслуживает монография Й. Ричмонда (1923—2020) «Культурный обмен и Холодная война: приподнимая “железный занавес”» [Richmond, 2003]. В ней автор, имевший богатый практический опыт работы по анализируемому направлению в качестве дипломата и руководителя структур, ответственных за советско-американские научные и культурные обмены, приводит комплексную хронологию и историографию, статистические данные по объекту анализа, их качественную интерпретацию. При гипотетически неизбежной предвзятости за счет личного опыта, его тезисы отличаются взвешенностью и практически лишены субъективных оценок. То же относится и к первой тематической монографии Й. Ричмонда «Американо-советские культурные обмены в 1958—1986 годах. Кто выигрывает?» [Richmond, 1987].

Похожие по своей сути, но более фокусированные сочинения находим и у других американских авторов [Raymond, 1973; Gould-Davies, 2003; Saul, 2015].

Также заслуживают внимания работы двух отечественных исследовательниц, написанные на английском языке и адресованные, видимо, главным образом зарубежной аудитории. Первая статья содержит описание советско-американского научно-технического сотрудничества во взаимосвязи с категорией научной дипломатии [Krasnyak, 2020]. Вторая — фундаментальный анализ указанного феномена на примере музыковедения [Panteleeva, 2020].

Посредством критического анализа, сравнения и систематизации содержащихся в перечисленных трудах сведений были получены результаты, позволяющие частично ответить на исследовательский вопрос.

Еще одним методом, обеспечившим научную новизну работу, стало введение в оборот прежде не публиковавшихся архивных материалов, которые относятся к оценке эффективности реализации соглашения Лэйси–Зарубина на начальной стадии. Речь идет о документах архива государственного департамента США, а именно о двух письмах: У. С. Лэйси в адрес государственного секретаря Дж. Ф. Даллеса [Department ..., 1958] и Г. Б. Кистяковского в адрес государственного секретаря К. А. Гертера [Department ..., 1959].

Таким образом, был проведен системный анализ источников, в том числе ранее не фигурировавших в российском научном дискурсе, и содержащейся в них фактической и статистической информации. Затем были сравнены институциональные и кадровые стратегии проведения научных

обменов советской и американской сторонами. В совокупности эти процедуры позволили во многом решить поставленную задачу.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Дисбаланс в научных и академических обменах и измерение эффективности научно-технического сотрудничества

При поистине прорывном характере Соглашения для стимулирования советско-американского научно-технического сотрудничества, его имплементация естественным образом была сопряжена с определенными трудностями, особенно на начальной стадии [Analysis, 1961]. Даже максимально четко прописанные в нем меры и положения не могли избавить исполнителей и участников научных обменов от технических и административных проблем. Эти сложности и шероховатости были обусловлены расхождениями подходов сторон не только на микроуровне (научные центры, университеты, делегации ученых), но и на государственном, то есть макроуровне. Иначе говоря, сказывалась различия не столько научно-организационного, сколько научно-политического, в некоторой степени даже общеполитического — словом, более высокого уровня.

Изначальный дисбаланс во входящих и исходящих визитах ученых с советской и американской сторон был уже обозначен в качестве одного из краеугольных камней реализации Соглашения [Райнхардт и др., 2023]. Данный сюжет получил отражение в докладе Комитета Сената США по международным отношениям от 20 августа 1959 года [United States Exchange Programs, 1959]. В связи с этим представляет дополнительный интерес письмо государственному секретарю США Дж. Ф. Даллесу его специального помощника по вопросам обменов между Востоком и Западом У. С. Лэйси от 25 июля 1958 года [Department ..., 1958].

В этом письме, включающем предварительные итоги имплементации Соглашения в течение первых шести месяцев после его подписания, У. С. Лэйси указывает на принцип взаимности как основополагающий критерий эффективности работы. По его мнению, именно то, насколько симметрично, в первую очередь в количественном отношении, проходят предусмотренные планом мероприятия, должно выступать мерилom деятельности американско-советской научной дипломатии. Далее по каждой из сфер, подпадавших под действие Соглашения, его подписант приводит соответствующие накопленные данные.

Так, за отчетный период Советский Союз посетили несколько делегаций американских ученых, инженеров и технологов: группа металлургов из 19 человек, 10 специалистов в области пластмассовой промышленности, 4 коллектива агрономов и группа женщин-врачей. Ответные визиты пред-

ставителей аналогичных научных специальностей с советской стороны находились на момент написания письма У. С. Лэйси в процессе согласования. Хотя в тексте это напрямую не сказано, чувствуются сомнения и отчасти даже опасения автора относительно того, что соответствующие мероприятия могли быть реализованы не в той же мере или не в полном объеме.

С другой стороны, приводятся данные об участии советских представителей в одиннадцати научных мероприятиях в США, в то время как американские ученые присоединились лишь к четырем конференциям, проведенным на территории СССР.

Схожие диспропорции наблюдались и в области академических обменов: в общей сложности пять делегаций американских профессоров и других представителей высшей школы за первую половину 1958 года уже посетили Советский Союз, причем эти группы включали специалистов в области как естественных, так и гуманитарных наук. Встречные визиты ожидалось во второй половине того же года, но имплицитно ставились под вопрос. По количеству студентов, вовлеченных в программы обмена, соотношение составляло 40 человек против 20 в пользу американцев. Как показала дальнейшая практика, опасения У. С. Лэйси, неявно выраженные в рассматриваемом письме, оказались небезосновательными и частично оправдались, поскольку не все советские делегаты смогли, согласно изначально намеченному плану, посетить США [United States Exchange Programs, 1959, p. 2].

В другом, не менее интересном письме от 24 ноября 1959 года государственному секретарю США К. А. Гертеру, который сменил Дж. Ф. Даллеса на этом посту в 1959 году, специальный помощник президента США по науке и технологиям Г. Б. Кистяковский предлагает уже иной подход к измерению и оценке эффективности двустороннего научного взаимодействия [Department ..., 1959]. По его мнению, речь должна идти не об абсолютном (арифметическом) сравнении числа проведенных мероприятий и визитов с советской и американской сторон, но о более комплексной и системной методике. Иначе говоря, исчислять равномерность научной дипломатии перечнем precedents в части визитов и конференций — слишком формалистично, примитивно и, в конечном счете, нерепрезентативно. Это не дает полной картины и не отражает действительного характера интенсивности научного сотрудничества. Впрочем, то, что именно выдающийся химик, один из участников Манхэттенского проекта и создателей первой атомной бомбы, выходец из Российской Империи и научный советник президента США Д. Эйзенхауэра, вкладывал в понятие «комплексной методики», в письме госсекретарю он раскрывать не стал.

Помимо этого, в цитируемом письме Г. Б. Кистяковский указывал на необходимость снятия неких ограничений с советских ученых, участво-

вавших в научных мероприятиях в США. Данные ограничения, по мнению автора письма, весьма негативно сказывались на общей динамике реализации Соглашения. В то же время то, какие именно ограничения имелись в виду, вновь осталось за кадром. Остается добавить, что, как и в случае с письмом У. С. Лэйси, послание Г. Б. Кистяковского было получено адресатом (чему имеется подтверждение), принято к рассмотрению, однако так и осталось без подробного содержательного ответа. На этом, судя по имеющимся архивным данным, оба сюжета корреспонденции были исчерпаны и дальнейшего развития не получили.

Как бы то ни было, ни универсальной, ни даже частной методологии оценки эффективности реализации Соглашения ни одной из его сторон на официальном уровне предложено не было, что продолжало вызывать расхождения во мнениях на разных уровнях относительно реальных результатов. Тем не менее сами эти результаты были налицо и получали преимущественно позитивные отзывы. С целью более глубокого понимания и интерпретации представляется уместным рассмотреть их в динамике, равно как и в контексте различий институциональных подходов СССР и США к прикладной научной дипломатии.

3.2. Институциональные и кадровые различия подходов и особенности научно-технического сотрудничества

Принципиальной разницей в общем подходе к реализации Соглашения выступало то, что в американская сторона активно применяла инструменты государственно-частного партнерства, в то время как советская по понятным причинам действовала исключительно с планово-экономических и в целом государственных позиций.

Так, для проведения обменов между представителями высшей школы, включая аспирантов и студентов, в США привлекались следующие частные или около-государственные, но де-юре автономные структуры:

— Межуниверситетский комитет по грантам на поездки и стажировки (Inter-University Committee on Travel Grants) при Индианском университете — до 1968 года;

— Международный совет по научным исследованиям и обменам (International Research and Exchanges Board) — с 1968 года;

— Американский совет ученых сообществ (American Council of Learned Societies);

— Исследовательский совет общественных наук (Social Science Research Council) [Richmond, 2003, p. 68].

С советской стороны операторами выступали Академия наук (АН СССР), заключившая в 1959 году профильное соглашение о сотрудничестве с Национальной академией наук США, а также Министерство выс-

шего и среднего специального образования (Минвуз СССР) [Saul, 2015, p. 234]. В то время как первая курировала обмены ученых и научных работников, занятых в ее институтах, второе занималось отбором потенциальных кандидатов для поездок из числа профессорско-преподавательского состава и студенчества. Очевидно, что такая система отбора жила на строгой дисциплине, контролировалась по партийной и комсомольской линиям, равно как и со стороны спецслужб.

Американские университеты — в большинстве своем частные, — куда приезжали стажироваться советские профессора, доценты, преподаватели, аспиранты и студенты, за счет собственных средств освобождали их от сборов и взносов, предоставляли бесплатные места в общежитиях и иные возможности для кратко- и долгосрочного проживания [Richmond, 2003, p. 19]. Данных об их субсидировании для этих целей нам пока обнаружить не удалось. Зато имеется информация об участии благотворительного фонда Форда в финансировании соответствующих статей расходов [Saul, 2015, p. 229].

Благодаря интересу, проявленному таким образом со стороны американских некоммерческих и неправительственных организаций, уже со второго года реализации соглашения квота на студентов с обеих сторон была повышена с 20 до 30 человек. А начиная с 1960 года она стабильно закрепилась на уровне 50 участников [Ibid., p. 233]. При суммировании общее число лиц, принявших участие в соответствующих мероприятиях с советской и американской сторон, за весь период действия Соглашения только в этой категории приближается к 1500. Это на порядок ниже цифры в 10 тысяч советских студентов, которых изначально хотел увидеть в США президент Д. Эйзенхауэр, что, однако, вызвало опасения в плане возможных отрицательных последствий для внутривнутриполитического климата у руководителя ФБР Дж. Э. Гувера [Richmond, 2003, p. 22].

В масштабах стран оба показателя, естественно, весьма малы, но, думается, что это как раз один из тех случаев, когда значение имеет не количество, а качество. Оно, в свою очередь и в развитие тезиса Г. Б. Кистяковского из рассмотренного выше письма, нуждается в «комплексной и системной оценке» [Department ..., 1959].

В части анализа кадровой составляющей следует прежде всего обратить внимание на то, что средний возраст участников программ обменов составлял 35 лет с советской стороны и 25 лет с американской [Richmond, 2003, p. 24—25]. На первый взгляд, это кажется довольно необычным, учитывая то, что вследствие более длительного обучения в школах и в целом различий систем образования американские специалисты, как правило, позднее начинали свою академическую карьеру по сравнению с советскими. Тем не менее здесь, вероятно, играл роль идеологический и надзира-

тельный элемент: прежде чем оправиться в столь ответственную миссию, советский специалист должен был заслужить доверие со стороны партии и уполномоченных структур. А для этого к нему нужно было присматриваться, причем не один год. Впрочем, и государственный департамент США проверял потенциальных делегатов на предмет «идейной зрелости и эмоциональной устойчивости» [Panteleeva, 2020, p. 5].

Формально участие в соответствующих мероприятиях в США проходило по принципу открытого конкурсного отбора с достаточно высокой конкуренцией: в среднем в 1960-е — 1970-е годы конкурс на участие в программах научно-технического обмена с Советским Союзом составлял три человека на одно место, при этом ежегодно по каждому направлению поступало около 60 заявок [Panteleeva, 2020, p. 6].

В СССР участники программ направлялись по партийным, комсомольским и иным рекомендациям, исходя из потребностей научного и производственного комплексов. Исходный запрос был прежде всего на отpravку в ведущую капиталистическую страну «технарей». Однако именно их кандидатуры чаще всего не одобряла принимающая сторона, особенно в случае близости специальности к оборонному сектору. Это вызывало много споров и трений [Richmond, 2003, p. 28].

США, наоборот, старались отдавать предпочтение гуманитариям — по крайней мере, на словах. В качестве «научного десанта» в «цитадель коммунизма» направлялись эксперты в области русского языка и литературы, слависты и историки. Среди последних эксперты по советскому периоду часто сталкивались с отказом в приеме [Ibid., p. 25]. Таким образом, в первой половине 1960-х годов образовалась неформальная категория «персон нон грата»: ученые, чья сфера деятельности тесно соприкасалась с оборонной промышленностью, с советской стороны, и историки-советологи с американской стороны.

Проводя параллели с миром классической дипломатии и с Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 года, таким кандидатам не выдавали агреманов, то есть согласий государств пребывания на въезд, без объяснения причин. Хотя причины эти были понятны и отражали наиболее чувствительные для каждой из сторон Соглашения сферы.

После длительных переговоров и межведомственных согласований консенсус по данному вопросу все-таки был достигнут. Когда в 1968 году в США Международный совет по научным исследованиям и обменов принял на себя координирующие функции межвузовских обменов, обозначенные неформальные ограничения были сняты. Советские «технари» стали более активно посещать США, а американские «гуманитарии» — СССР, разумеется, до известных пределов [Richmond, 2003, p. 43]. С нашей точки

зрения, это было одним из больших достижений советско-американской научной дипломатии, имевшим не только символическое, но и стратегическое значение в контексте разрядки.

В плане широты и охвата различных научных специальностей на рубеже 1960-х — 1970-х годов советско-американское сотрудничество также достигло впечатляющих результатов: от медицины (совместная успешная борьба с полиомиелитом и малярией) [Raymond, 1973, p. 231—232] до музыковедения [Panteleeva, 2020].

Немаловажную роль, как и в случае заключения соглашения Лэйси–Зарубина [Райнхардт и др., 2023], играл фактор личности участников научных обменов. Среди них было много выдающихся деятелей и впоследствии ученых с мировым именем. Для иллюстрации укажем лишь несколько персоналий, участвовавших в рассматриваемых обменах.

С советской стороны: американист, академик РАН А. Н. Яковлев; физик-оптик, ректор МГУ им. М. В. Ломоносова (1973—1977) Р. В. Хохлов; историк и политик, ректор Московского государственного историко-архивного института (1986—1991), основатель, ректор (1991—2003) и президент (2003—2006) Российского государственного гуманитарного университета Ю. Н. Афанасьев; видный специалист по новой и новейшей истории США Н. В. Сивачев, корифей в области сельского хозяйства, заместитель министра сельского хозяйства СССР (1970—1985), Герой Советского Союза (1945) Б. А. Рунов; космофизик, лауреат Ленинской премии (1976) Ю. И. Стожков.

С американской стороны: историки-советологи А. Даллин, А. Рибер, Г. Эллисон, филолог И. Вейл, журналист Б. Гверцман, юрист П. Мэггс, политолог Р. Шарлет, русист Т. Эммонс, музыковеды Т. Левин и Р. Тарускин.

Оба списка далеко не исчерпывающие и содержат лишь наиболее известные как специалистам, так отчасти и широкой публике фамилии. Каждая из перечисленных фигур может быть рассмотрена отдельно с точки зрения влияния опыта участия в научном обмене на карьерную траекторию. Дополнительные результаты гипотетически может дать и просопографический анализ по очерченной выборке. Такие аналитические процедуры выходят за рамки настоящего исследования, но могут стать предметом последующих.

Завершая текущий анализ в контексте политики разрядки, отметим, что если изначально рамочное соглашение о научно-техническом сотрудничестве было заключено на два года и по их истечении каждый раз продлевалось на такой же срок [Agreement, 1964], то начиная с 1968 года срок его непрерывного действия увеличился до трех лет [Richmond, 2003, p. 15]. В связи с этим уместно заключить, что такая пролонгация стала еще одним

достижением советско-американской научной дипломатии рассматриваемого периода.

4. Заключение = Conclusions

Обобщая результаты проведенного анализа, допустимо отметить, что изначально имевшиеся в конце 1950-х — начале 1960-х годов сложности имплементации соглашения Лэйси–Зарубина как основного проводника советско-американского научно-технического сотрудничества за десять лет последовательной работы были по большей части преодолены. Безусловно, определенные противоречия оставались и давали о себе знать в процессе проведения симпозиумов, конференций, взаимных визитов научных работников, профессоров и студентов. Однако со временем их становилось меньше, и общее движение шло в направлении, с одной стороны, достижения консенсуса и, с другой стороны, расширения сфер научного взаимодействия.

Отмечая в положительном ключе эти процессы интенсификации и экстенсификации, не можем, однако, не обратить внимание на фундаментальную методологическую проблему их единообразной количественной оценки. Попытки выбора системы критериев для определения результативности работы, которые предпринимались еще на начальной стадии имплементации Соглашения, в том числе самим У. С. Лэйси и выдающимся ученым-химиком Г. Б. Кистяковским, так и не увенчались успехом. Вопрос о том, по каким параметрам фиксировать результаты научного диалога — по количеству визитов с каждой из сторон, числу и составу делегаций, их симметричности — так и остался открытым. Впрочем, это касается не только рассматриваемого исторического кейса.

Тем не менее при разных подходах, которые были обусловлены прежде всего различиями общественно-политических формаций СССР и США, *modus vivendi*, необходимый для субстантивного двустороннего сотрудничества в области науки и техники, был найден. В американском случае оно организовывалось в формате государственно-частного партнерства с ведущими вузами (университетами Стэнфорда, Индианы, Колумбии и другими), в советской практике — по линии АН и Минвуза СССР. Благодаря имевшейся заинтересованности эти операторы смогли найти точки соприкосновения, необходимые для успешного проведения мер научного администрирования. Важную роль в этих процессах, конечно же, играли и внешнеполитические ведомства, то есть советский МИД и американский государственный департамент.

Однако главным ресурсом и, по сути, залогом успеха вновь, как и на первом этапе, думается, были отдельные люди из числа не только админи-

страторов, но и самих ученых. Список участников советско-американских программ научных обменов исследуемого периода содержит множество фигур, известных как в узких, так и в широких кругах по обе стороны Атлантики. Есть в этом списке и лица, имевшие, мягко говоря, опосредованное отношение к науке, а также весьма сомнительную репутацию, как, например, бывшие сотрудники КГБ СССР О. Д. Калугин и Б. Н. Южин [Richmond, 2003, p. 32, 36]. Но их появление там видится даже до некоторой степени закономерным в общем контексте эпохи Холодной войны, которая, несмотря на потепление отношений и обозначенные достижения, продолжалась.

Вместе с тем описанный прорыв советско-американской научной дипломатии стоит, с нашей точки зрения, рассматривать именно во взаимосвязи с разрядкой международной напряженности рубежа 1960-х — 1970-х годов. Уже действовавшее к моменту начала разрядки почти десять лет соглашение Лэйси–Зарубина органично вписалось в нее и стало одним из элементов ее матрицы, пусть и далеко не самым главным фактором. Наряду со своим историческим значением, именно этим приведенный пример ценен в привязке к сегодняшним реалиям. Когда на отдельных треках межгосударственных отношений «взорваны все мосты», однако задача сберечь отношения между народами стоит в полный рост, возможно, опыт научной дипломатии может открыть лицам, принимающим решения, равно как и людям доброй воли, дополнительные возможности для нормализации сложившейся ситуации.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Agreement*. Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on Exchanges in the Cultural, Technical and Educational Fields [Electronic Resource]. — 1958. — Access mode : <https://librariesandcoldwarculturalexchange.wordpress.com/text-of-lacy-zaroubin-agreement-january-27-1958/> (accessed 10.03.2023).
2. *Agreement*. Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on Exchanges in the Scientific, Technical, Educational, Cultural and Other Fields in 1964—1965 // International Legal Materials. — 1964. — Vol. 3. — Is. 2. — Pp. 339—358.
3. *Analysis of Our Moscow Link : The U.S.-U.S.S.R. Exchange Program Has Gone on Since 1958 — Despite the Cold War and Differences in the Two Sides' Objectives*. Weintal E. The New York Times. 06.08.1961.
4. *Department of State, Central Files, 511.61/7–2558*. Confidential. Letter From the Secretary of State's Special Assistant for East-West Exchanges (Lacy) to Secretary of State Dulles, Washington, July 25, 1958.

5. *Department of State, Central Files, 511.613/11–2459. Confidential. Letter From the President’s Special Assistant on Science and Technology (Kistiakowsky) to Secretary of State Herter, Washington, November 24, 1959.*

Литература

1. *Иванян Э. А. Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей / И. Э. Иванян. — Москва : Международные отношения, 2007. — 432 с. — ISBN 978-5-7133-1316-6.*

2. *Крынжина М. Д. Возможности научной дипломатии в условиях санкций : опыт советско-американского научно-технического сотрудничества в 1970—1980-е гг. / М. Д. Крынжина // Социология науки и технологий. — 2020. — № 3. — С. 59—73. — DOI: 10.24411/2079-0910-2020-13004.*

3. *Райнхардт Р. О. Научный тупик и санкционная вагонетка [Электронный ресурс] / Р. О. Райнхардт // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 24.08.2022. — Режим доступа : <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nauchnyy-tupik-i-sanktsionnaya-vagonetka/> (дата обращения 10.03.2023).*

4. *Райнхардт Р. О. Соглашение Лэйси — Зарубина 1958 года : у истоков советско-американской научной дипломатии / Р. О. Райнхардт, К. А. Немудров // Научный диалог. — 2023. — № 1. — С. 431—446. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-431-446>.*

5. *Сазанова Н. В. Российско-американские обменные программы : история и современность (1958—2005 годы) / Н. В. Сазанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. — 2007. — № 12. — С. 101—107.*

6. *Gould-Davies N. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy / N. Gould-Davies // Diplomatic History. — 2003. — Vol. 27. — Is. 2. — Pp. 193—214.*

7. *Krasnyak O. Science Diplomacy and Soviet–American Academic and Technical Exchanges / O. Krasnyak // The Hague Journal of Diplomacy. — 2020. — Vol. 15. — Is. 3. — Pp. 398—408. — DOI: <https://doi.org/10.1163/1871191X-BJA10025>.*

8. *Panteleeva O. “Music is an A-Political Subject” : North American Musicologists in the Soviet Union, 1960s—1970s / O. Panteleeva // Music and Politics. — 2020. — Vol. 14. — Is. 2. — DOI: 10.3998/mp.9460447.0014.207.*

9. *Raymond E. A. US-USSR Cooperation in Medicine and Health / E. A. Raymond // Music and Politics. — 1973. — Vol. 32. — Is. 2. — Pp. 229—240.*

10. *Richmond Y. Cultural Exchange and the Cold War : Raising the Iron Curtain / Y. Richmond. — Pennsylvania : Penn State University Press, 2003. — 264 p. — ISBN 0271023023.*

11. *Richmond Y. U.S.-Soviet Cultural Exchanges, 1958—1986. Who Wins? / Y. Richmond. — New York : Routledge, 1987. — 202 p. — ISBN 9780367215583.*

12. *Saul N. The Program that Shattered the Iron Curtain / N. Saul // New Perspectives on Russian-American Relations. — New York : Routledge, 2015. — Pp. 229—239. — ISBN 9781315689777.*

13. *Sher G. S. From Pugwash to Putin : A Critical History of US–Soviet Scientific Cooperation / G. S. Sher. — Bloomington : Indiana University Press, 2019. — 324 p.*

*Статья поступила в редакцию 16.02.2023,
одобрена после рецензирования 29.03.2023,
подготовлена к публикации 15.04.2023.*

Material resources

- Agreement. (1958). *Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on Exchanges in the Cultural, Technical and Educational Fields*. Available at: <https://librariesandcoldwarculturalexchange.wordpress.com/text-of-lacy-zaroubin-agreement-january-27-1958/> (accessed 10.03.2023).
- Agreement. (1964). Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on Exchanges in the Scientific, Technical, Educational, Cultural and Other Fields in 1964—1965. *International Legal Materials*, 3 (2): 339—358.
- Analysis of Our Moscow Link: The U.S.-U.S.S.R. (1961). *Exchange Program Has Gone on Since 1958 — Despite the Cold War and Differences in the Two Sides' Objectives*. Weintal E. *The New York Times*. 06.08.
- Department of State, Central Files, 511.61/7—2558. (1958). *Confidential. Letter From the Secretary of State's Special Assistant for East-West Exchanges (Lacy) to Secretary of State Dulles, Washington, July 25*.
- Department of State, Central Files, 511.613/11—2459. (1959). *Confidential. Letter From the President's Special Assistant on Science and Technology (Kistiakowsky) to Secretary of State Herter, Washington, November 24*.

References

- Gould-Davies, N. (2003). The Logic of Soviet Cultural Diplomacy. *Diplomatic History*, 27 (2): 193—214.
- Ivanyan, E. A. (2007). *When the muses speak. The History of Russian-American cultural ties*. Moscow: International Relations. 432 p. ISBN 978-5-7133-1316-6. (In Russ.).
- Krasnyak, O. (2020). Science Diplomacy and Soviet–American Academic and Technical Exchanges. *The Hague Journal of Diplomacy*, 15 (3): 398—408. DOI: <https://doi.org/10.1163/1871191X-BJA10025>.
- Krynzina, M. D. (2020). The possibilities of scientific diplomacy under sanctions: the experience of Soviet-American scientific and technical cooperation in the 1970s—1980s. *Sociology of Science and Technology*, 3: 59—73. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-13004. (In Russ.).
- Panteleva, O. (2020). “Music is an A-Political Subject”: North American Musicologists in the Soviet Union, 1960s—1970s. *Music and Politics*, 14 (2): DOI: 10.3998/mp.9460447.0014.207.
- Raymond, E. A. (1973). US-USSR Cooperation in Medicine and Health. *Music and Politics*, 32 (2): 229—240.
- Reinhardt, R. O. (2022). Scientific deadlock and sanctions trolley. *International discussion Club “Valdai”*. 24.08. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nauchnyy-tupik-i-sanktsionnaya-vagonetka/> (accessed 10.03.2023). (In Russ.).
- Reinhardt, R. O., Nemudrov, K. A. (2023). The Lacey—Zarubin Agreement of 1958: at the origins of Soviet-American scientific diplomacy. *Nauchnyy dialog*, 1: 431—446. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-431-446>. (In Russ.).
- Richmond, Y. (2003). *Cultural Exchange and the Cold War: Raising the Iron Curtain*. Pennsylvania: Penn State University Press. 264 p. ISBN 0271023023.
- Richmond, Y. (1987). *U.S.-Soviet Cultural Exchanges, 1958—1986. Who Wins?* New York: Routledge. 202 p. ISBN 9780367215583.
- Saul, N. (2015). The Program that Shattered the Iron Curtain. In: *New Perspectives on Russian-American Relations*. New York: Routledge. 229—239. ISBN 9781315689777.

- Sazanova, N. V. (2007). Russian-American exchange programs: history and modernity (1958—2005). *Bulletin of the Volgograd State University. Episode 4: History. Regional studies. International relations*, 12: 101—107. (In Russ.).
- Sher, G. S. (2019). *From Pugwash to Putin: A Critical History of US–Soviet Scientific Cooperation*. Bloomington: Indiana University Press. 324 p.

*The article was submitted 16.02.2023;
approved after reviewing 29.03.2023;
accepted for publication 15.04.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(3), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Сафронова А. М. Федор Санников — учитель Екатеринбургской арифметической школы (1734—1741) / А. М. Сафронова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 430—445. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-430-445.

Safronova, A. M. (2023). Fedor Sannikov — Teacher at Yekaterinburg Arithmetic School (1734—1741). *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 430-445. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-430-445. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-430-445

**Федор Санников — учитель
Екатеринбургской
арифметической школы
(1734—1741)**

Сафронова Алевтина Михайловна

orcid.org/0000-0002-4692-3025

доктор исторических наук, профессор,
кафедра документоведения,
архивоведения и истории
государственного управления
Alevtina.Safronova@gmail.com

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

**Fedor Sannikov — Teacher
at Yekaterinburg Arithmetic
School (1734—1741)**

Alevtina M. Safronova

orcid.org/0000-0002-4692-3025

Doctor of History, Professor,
Department of Documentation,
Archival Science and History
of Public Administration
Alevtina.Safronova@gmail.com

Ural Federal University
named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Сафронова А. М., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассмотрена деятельность учителя Екатеринбургской арифметической школы, сумевшего путем самообразования, большой самоотдачи заслужить чин шихтмейстера, то есть обер-офицера. Раскрыта программа обучения. Показано, что в условиях острой потребности заводов в молодежи, знающей основы математики, ученики распределялись к делам, не окончив полного курса. Установлено число учащихся школы по третьям года, количество коллективных наборов, вычислено общее число обученных Санниковым учеников — не менее 156. Показано, что в школу поступали в возрасте от 9 до 20 лет, среди них были дети офицеров, приказных, большинство — дети мастеров, подмастерьев, заводских работников, были дети солдат. При этом Санников обучал арифметике и учащихся других школ Екатеринбурга, курировал обучение в арифметических школах Уктусского и Верх-Исетского заводов. Охарактеризованы передовые взгляды Санникова на методы воспитания и наказания детей. Представлен широкий круг дополнительных поручений, возлагавшихся на Санникова как квалифицированного специалиста: поиск мест для строительства заводов, поиск серебра, подготовка сотен чертежей заводов, обучение черчению молодежи, контроль над проведением метеонаблюдений в Екатеринбурге и др.

Ключевые слова:

Екатеринбург; арифметическая школа; учитель Санников; ученики; регламентация работы учителя.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The activity of the teacher of the Yekaterinburg arithmetic school, who managed through self-education, great dedication to earn the rank of chief officer, that is, chief officer, is considered. The training program has been disclosed. It is shown that in the conditions of the acute need of the factories for young people who know the basics of mathematics, the students were assigned to cases without completing the full course. The number of school students for thirds of the year, the number of collective enrollments were established, the total number of students trained by Sannikov was calculated — at least 156. It is shown that the school entered at the age of 9 to 20 years, among them were the children of officers, clerks, most of them were the children of masters, apprentices, factory workers, there were children of soldiers. At the same time, Sannikov taught arithmetic to students from other schools in Yekaterinburg, supervised training in the arithmetic schools of the Uktusky and Verkh-Isetsky factories. Sannikov's advanced views on the methods of education and punishment of children are characterized. A wide range of additional assignments assigned to Sannikov as a qualified specialist is presented: searching for places for the construction of factories, searching for silver, preparing hundreds of drawings of factories, teaching drafting to young people, monitoring meteorological observations in Yekaterinburg, etc.

Key words:

Yekaterinburg; arithmetic school; teacher Sannikov; students; regulation of the teacher's work.

Федор Санников — учитель Екатеринбургской арифметической школы (1734—1741)

© Сафронова А. М., 2023

1. Введение = Introduction

Екатеринбургская арифметическая школа сыграла большую роль в подготовке кадров для заводов Урала и Сибири, что стало возможным благодаря наличию учителей, имевших высокую квалификацию и рассматривавших свою деятельность как самоотверженную службу на пользу Отечеству. Одним из ярких представителей учителей этой школы первой половины XVIII века был Федор Иванович Санников, много сил отдавший обучению молодежи в 1735—1741 годах и 1747—1751 годах. Его пример — свидетельство своего рода «высокой социальной мобильности» молодого поколения уральцев того времени, прошедших путь от ученика этой школы, копииста, до горного офицера, видного специалиста. Важно знать особенности деятельности таких представителей учительского корпуса первых школ Урала, их вклад в обучение молодого поколения уральцев.

О Санникове как учителе упоминает В. Н. Будрин, приводит дату окончания им школы и назначения в счетную контору [Будрин, 1950, с. 59]. Нами были установлены даты его работы в качестве учителя, размеры жалованья [Сафронова, 2014, с. 294—295], приведены краткие данные об образовании [Сафронова, 2019, с. 8; 2011, с. 500—501], опубликованы документы о взаимоотношениях с надзирателем школ Н. Бахоревым [Сафронова, 2021, с. 338—339, 341—342]. Краткие сведения о Санникове имеются в биографических справочниках [Козлов, 1981, с. 123—124; Цеменкова, Черноухов, 2022, с. 302—305]. Учитывая большой вклад Ф. Санникова в обучение молодого поколения Екатеринбурга основам математических знаний, мы поставили целью проанализировать его деятельность на должности учителя в первый период, 1735—1741 годы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниками для исследования послужили определения и указы Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов, протоколы ее заседаний; доношения Санникова И. Юдину, члену канцелярии, ответ-

ственному за деятельность школ. Были привлечены ведомости об учащихся, подававшиеся Санниковым по третям года, содержащие ценную информацию о составе учеников, успехах в обучении, временном использовании в интересах заводов, распределении к делам. Анализ содержания ведомостей показал, что учитель зачастую допускал ошибки при их составлении, указывал разные даты коллективных наборов, включал часть принятых учеников в ведомости предшествующей трети или уже последующей, поэтому проводилось тщательное текстологическое изучение содержания ведомостей, чтобы установить правильные даты приема учащихся. Важным источником явился сдаточный список учеников и школьного имущества 1741 года, составленный в связи с передачей дел Санниковым новому учителю, А. Кичигину.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Жизненный путь будущего учителя (1709—1735)

Впервые имя Федора Санникова фигурирует в описи документов Екатеринбургской заводской конторы за июнь 1724 года. В ней зарегистрировано доношение подьячего Ивана Санникова о переводе сына, записанного в словесную школу Каменского завода, в Екатеринбургскую арифметическую и распоряжение о его приеме [ГАСО, ф. 38, оп. 1, д. 2, л. 149 об.]. Поскольку Каменская школа только готовилась к открытию, а Федор освоил грамоту на дому, отец решил, что он вполне подготовлен к изучению арифметики. Так, в возрасте 10 лет Санников начал овладение математической премудростью. Обучал его выпускник Московской артиллерийской школы Петр Рыбников, с сентября 1725 года — выпускник Морской академии Михаил Кутузов [Сафронова, 2019, с. 7]. Через два с половиной года, 31 января 1727 года, Санников был назначен копиистом в контору к счетным делам [Будрин, 1950, с. 50], дослужился до канцеляриста, одновременно «обучился своим исканием тригонометрические, плоские и круглые географические чертежи и проспекты» делать» [Цит. по: Цеменкова, Черноухов, 2022, с. 302]. 31 мая 1734 года Санников стал «молодчим шихтмейстером, получил ранг унтер-офицера». Выполняя поручения начальства, побывал на Иргинских заводах Осокиных, по пути нашел места для строительства пристаней на реке Серге и верховьях Уфы для отправки материалов для Оренбургской экспедиции И. Кирилова, составил чертежи этих мест [Там же, с. 302—303]. По поручению В. И. Геннина «был у сочинения заводским фабрикам планов, профилей и прошпектов и у рисования разных родов руд, камней и прочих найденных в Сибири подземных курьезностей в собиравшуюся книгу» [Козлов, 1981, с. 123] — «Описание Уральских и Сибирских заводов» В. И. Геннина. В мае 1734 года Санников

был назначен надзирателем работ на строящийся Сусанский завод, составлял планы, чертежи, делал расчеты проведения работ при строительстве плотин, показал себя как специалист, не боящийся отстаивать свою точку зрения [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 220, л. 116].

3.2. Назначение Санникова на должность учителя и программа обучения

3 ноября 1735 года В. Н. Татищев «с товарищи» устанавливали сеть школ Екатеринбурга, назначали учителей. В арифметическую школу вместо Н. Каркадинова, отправлявшегося надзирателем в Пермь, учителем арифметики и геометрии был определен Федор Санников с жалованьем 48 рублей в год [Там же, д. 226, л. 11—12]. Начальство хотело видеть Санникова в Екатеринбурге как можно скорее, поэтому освободило от сдачи дел на Сусанском заводе, поручило это Ф. Шеинкову с Уктусского завода. 31 декабря Санникову предписали «быть у определенного ему дела, и с учителем Коркодиновым сменитца по указом, и о том им объявить» [Там же, д. 227, л. 329].

Как раз перед назначением Санникова Игнатий Юдин, член канцелярии, определенный к смотрению за школами, 24 сентября 1735 года заявил: «во училище столы и скамьи ... весьма плохи, также доски, по которым арифметик обучают, ... деревянные черенные и со оных чернь почти сошла, ... для хранения в чистоте книг и ландкарт не имеется шкафов», здесь живет и учитель Каркадинов с семьей, для топления печей и содержания «училищ» в чистоте нужен сторож. Начальство предписало: «Доски исправить, стол, стулья и шкафы поделать, ... учителя выселить в квартиру, сторожа дать из закомплектованных учеников» [Там же, оп. 1, д. 577 а, л. 224—224 об.].

Единственными учебными пособиями школы в это время являлись «Арифметика» Л. Магницкого и «Таблицы логарифмов», учебники геометрии были «письменные, ученические» [Сафронова, 2011, с. 442—444]. Судя по ведомостям, ученики начинали овладение арифметикой с первых действий с числами: сложения, вычитания, умножения, деления, знакомства с мерами и деньгами. Затем переходили ко 2-й части: изучению дробей и действий с ними (в ведомостях отмечалось: «в долях второй части арифметики», «сложении дробных мер и денег»). Третья часть посвящалась тройным правилам, применению арифметики в торговом деле — задачам на прямую и обратную пропорциональность, когда по трем значениям двух величин нужно найти четвертую. Наиболее способные ученики доходили до прогрессий, извлечения квадратных и кубических корней (радиксов, в ведомостях это отмечалось как «правила квадрата», «куб»). В учебнике имелся материал для повторения и закрепления пройденного, в ведомостях окончание обучения отмечалось как «тверждение арифмети-

ки». Большинство учеников переходило к «тверждению» после овладения тройным правилом.

После арифметики полагался переход к геометрии. Но, судя по ведомостям, с 1736 по 1740 год геометрию изучали один-два ученика. Из-за острой потребности в копиистах, в учениках к различным мастерствам, в куренных надзирателях, в учениках к специалистам начальство распределяло учащихся, не дав им приступить к геометрии, в основном из начавших осваивать тройное правило. К тому же из арифметической школы набирали учеников и в знаменованную школу — первую на Урале школу рисования: в ноябре 1736 года было взято четверо, в мае 1739 года — 8 человек [Там же, д. 625, л. 111; д. 816, л. 86]. Но в июле 1736 года Санников сообщает, что в ходе занятий «я своим ученикам арифметические и геометрические члены по возможности охотно толкую и задаю. И кроме меня никто моим учеником не показывает ...» [Сафронова, 2021, с. 341]. Иначе говоря, начала геометрии толковались достигшим определенные успехи в арифметике, но в ведомостях это не оговаривалось. И только в августе 1741 года при передаче школы другому учителю отмечено: геометрию изучают 11 человек, то есть почти каждый пятый из 52-х учеников [Там же, д. 907, с. 297—299].

3.3. Состав школьников, обучавшихся Санниковым

К сожалению, нам неизвестно, сколько учащихся принял Санников от Каркодинова. В ведомости Каркодинова во 2/3 1735 года числилось 39 учеников, из них трое — уже переведенных учиться механике и 10 распределенных к заводским делам, то есть в школе оставалось 26 человек.

Санников впервые подал ведомость об учащихся лишь за 3/3 1736 года, причем в двух экземплярах, отличавшихся по содержанию, в один день, 13 января 1737 года. [Там же, д. 625, л. 107—107 об., 1—1 об.]. Поскольку ведомости других школ за 1/3 и 2/3 налицо, видимо, Санников не составлял их из-за большой загруженности срочными поручениями, связанными с отъездом. По первой ведомости в 3/3 1736 года в арифметической школе из 26 учеников, числившихся у Каркадинова, осталось всего 11, начавших учиться в июне 1732 года (2 человека), январе 1733 года (5 человек), марте и июне 1735 года (4 человека). Из них пятеро изучали тройное правило, столько же «твердили» арифметику, Василий Горшков дошел до начал геометрии. Ясно, что продвижение в овладении арифметикой затягивалось у части учащихся до трех-четырех лет [Там же, л. 107—107 об.]. Отмечено, что в июле 1736 года сразу же семеро бывших учеников Каркадинова из 11 были отправлены куренными надзирателями на Кушвинский, Сылвинский, Алапаевский, Полевской (двое), Северский и Сусанский заводы. Согласно данным из второго экземпляра ведомости, дополнительно к 4 уче-

никам, оставшимся у Санникова, 1 сентября 1736 года 15 новичков были переведены к нему из других школ: один — из механической и 14 — из словесной [Там же, л. 1—1 об.].

Сравнительный анализ текста ведомостей путем выделения фамилий новых учащихся и дат их принятия к обучению позволяет сделать вывод о постоянном пополнении арифметической школы в 1736—1740 годах путем коллективных приемов подростков, завершивших обучение грамоте в словесной школе, зачисления переведенных из школ с других заводов или после домашнего обучения. В ноябре 1736 года школу пополнило 15 новичков, в 1737 году — 32 (коллективный прием состоялся в феврале (9 человек) и октябре (21 человек), двое поступили вне коллективных приемов). Особенно большое пополнение пришло в 1738 году — 48 человек в ходе трех коллективных приемов в течение осени. В составе приступивших к арифметике в сентябре 1738 года был и будущий изобретатель, 9-летний солдатский сын Иван Ползунов. Новички прибывали в школу и в 1739, и 1740 году — по 22 и 10 человек разом.

В арифметическую школу переводили не только обучившихся грамоте в словесной, иногда и непонятливых учеников из механики, из немецкой школы. При этом некоторые подростки, переведенные из словесной школы, по мнению Санникова, плохо владели чтением, и их после года — двух лет пребывания в арифметической школе отправляли на 1—2 месяца доучиваться в словесную школу. В ведомостях 1/3 1739 года напротив 8 фамилий отмечено: «в словесной для науки чтения» [Там же, 816, л. 8—15 об.], отправляли и летом 1739 года, когда большинство учеников отпускались по домам для сенокосных работ. Несколько учеников, имевших хорошие голоса, в основном дети приказных служителей, на месяц-полтора забирались учителем Митеневым в школу пения, где все ученики были приходящими из других школ.

Учащиеся арифметической школы, согласно отметкам в ведомостях, постоянно использовались для «письма» в канцелярии, конторах, таможне в течение недели, нескольких недель, а то и двух месяцев. В ноябре 1736 года шестеро новичков находились «у подписки клеєм» от 8 до 12 дней [Там же, д. 625, л. 1—1 об.], некоторые вызывались для «переплета книг». Один из учеников в 1739 году находился у «выклатки в завоцкой канторе» 7 недель, другой — почти 3 месяца [Там же, д. 857, л. 33 об., 37 об.], видимо, они помогали делать какие-то срочные подсчеты.

Таким образом, общий состав учащихся арифметической школы находился в постоянном движении, одни группы приходили, другие, поменьше, покидали школу: распределялись копиистами, в заводские ученики к мастерам, переводились в знаменованную школу, а имевшие основатель-

ные познания в математике и способности назначались начальством в ученики к маркшейдерскому делу, пробирному, геодезии, механике. В списках учащихся у Санникова в 1736 году числилось 19 учеников, в 1737 году, по третям года — 28, 28, 48; в 1738 — соответственно 57, 52, 81; в 1739 — 73, 70, 72; 1740-м — 70, 80, 102. За 1/3 1741 года ведомость отсутствует, а к сентябрю число учащихся уменьшилось до 52 человек. Поскольку ученики, числившиеся в ведомостях, распределялись к делам, привлекались для временных работ, находились в отпусках домой, болели, в стенах школы пребывало меньшее их число, чем значилось в ведомостях.

Возрастной состав учащихся, которых обучал Санников, как и социальный, был очень «разношерстным». Так, в 1737 году среди 32 новичков были дети 9—14 лет, больше всех — 15—16 лет (23 человека), были и юноши до 20 лет. Среди них — сын поручика В. Суворов 18 лет, уже в начале геометрии, и сын капитана А. Порецкий, 15 лет, учивший тройное правило; большинство — дети мастеров (15 человек), подмастерьев, заводских работников (по 7 человек); 6 детей канцелярских служителей, 4 — солдат и сын попа [Там же, д. 602, л. 56-68 об.].

Всего, по нашим подсчетам, в арифметической школе обучение основам математики у Санникова с 1736 по август 1741 года прошло не менее 156 человек. Безусловно, постоянная смена состава учащихся создавала дополнительные сложности для учителя, ему приходилось контролировать ход обучения индивидуально двигавшихся в освоении основ математики учеников. При этом временное использование их на различных «горящих» участках работ, безусловно, удлиняло сроки их пребывания на школьной скамье.

Наряду с учениками арифметической школы Санников параллельно стал обучать математику и учащихся немецкой. Об этом свидетельствуют его показания в связи с доношением надзирателя екатеринбургских школ механика Н. Бахорева от 10 июля 1736 года, что он мало при школе бывает: «при школе бываю во всякой работной день два раза до полдня часа по полтора и по полудни три часа, а прочие часы употребляются в науках по надписанию ректора господина Штермера», то есть Санников параллельно с пребыванием по 6 часов в день в арифметической школе ходил и в немецкую для занятий с ее учениками [Сафронова, 2021, с. 341].

Но 28 октября 1736 года Татищев «с товарищи» решили учащихся немецкой школы, «дабы ученого не забывали, но более могли натвержатца», обучать арифметике и геометрии по немецким книгам. «Определенной же для обучения арифметика Санников немецкого не знает», поэтому обучение поручили выпускнику Инженерной школы барону Фабиану фон Палену [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 624, л. 695—695 об.].

Весной 1738 года расписание занятий опять подверглось изменению, это ясно из доношения Санникова от 21 марта Юдину: «ко обучению арифметика и геометрии учеников, которые будут приходить из немецкой, латинской и знаменованной, и словесной русской школ потребно мне: 1) досок каменных с грифлями 6; 2) досок деревянных олифленных черных 66; 3) арифметик печатной один, понеже имеющийся здесь весьма обветшал; 4) бумаги на арифметики и геометрии стопа; 5) чернил орешковых осьмина ведра; 6) краткое истолкование математики» [Там же, д. 760, с. 158]. Ясно, что Санников должен был обучать арифметике учащихся всех пяти действовавших в Екатеринбурге школ, даже словесной, их, обучавшихся письму, знакомить с числами.

На следующий же день Юдин распорядился: о каменных досках справиться, присылали ли, если нет, не заказывать; требовать одних деревянных «лакирных»; если арифметики нет, *«сочинить письменной с ветхого и по тому учеников учить, а ветхой беречь и по рукам таскать не давать [как у них завсегда бывало прежде]*; о чернилах и бумаге представить». Под этим распоряжением роспись Санникова, что он «Печатной Арифметик 1703-го года издания Магнитского и Сокращение математики 1728 года ... принял» [Там же, с. 158—159]. Это был «Содержащий арифметику, геометрию и тригонометрию» первый том учебника, написанный Я. Германом для императора Петра II.

Но Юдин сообщает в канцелярию, что «немецкой школы ученики показаны ходить в арифметику и в геометрию, и в протчие [науки] по росписанию часов, и разделенные часы отданы во оную школу ..., токмо они не ходят, и ректор Штермер для чего их в те науки не посылает, о том неизвестно» [Там же, с. 116]. По этому поводу члены канцелярии приказали: «В школы учителей из расписания, чтоб знали, кому у кого и каким наукам и в которые часы учить велено, дать росписи, оным для тех наук в указанные дни и часы приходить безотговорочно и учить неленостно. И для того их, кто какой науке обучится, свидетельствовать учителям ежемесячно» [Там же, с. 117]. Но с 15 июня 1738 года учащихся немецкой школы начал обучать арифметике прибывший из Самары А. Миссет [Там же, с. 238].

На последнем году работы учителем, с января 1741 года, по приказу канцелярии Санников курировал и обучение в арифметических школах, открытых при ближайших к Екатеринбургу Уктусском и Верх-Исетском заводах. Туда посылались с переменою помесечно наиболее подготовленные им учащиеся Екатеринбургской школы [Там же, д. 907, с. 44].

Мнения учителей по поводу воспитания, наказания учеников — большая редкость для первой половины XVIII века, поэтому особый интерес представляют высказывания Санникова по этим вопросам, сделанные в ходе

разбирательства отношений с надзирателем школ механиком Бахоревым (июль 1736 год). Санников упрекает Бахорева в недостойном поведении по отношению к учителям-ссылным словесной школы: бил «пред учениками», покрывал «всякою матерною бранью»; отмечает пагубное влияние Бахорева на этих учеников, переставших слушаться учителей, выполнять их задания, и даже на их отцов, перенявших от Бахорева манеру бранить учителей; сообщает об унижительных наказаниях, применяемых Бахоревым в отношении учеников механики. «А признается мне, что фундамент есть детского учения — порядочное их содержание и всегдашнее прилежное смотрение, а за неисправность можно словесное и лехкое лозное наказание чинить, а не надмерное, яко палкою и протчим, что у него ж водится. Ибо наказание жестокое ученику ничего в пользу придать не может, ежели от мастера смотрения и учения хорошего искусного не будет». Вызывают уважение рассуждения Санникова о роли учителя как примера для подражания: «во училище ... надлежит приходить и всякую чинить добрую учтивость ... Дабы, видя оное, дети присматривались и тщились, к тому ж учителей почитали, как надлежит». Он верно полагает: «...наказание жестокое ученику ничего в пользу придать не может, ежели от мастера смотрения и учения хорошего искусного не будет» [Сафронова, 2021, с. 341—342].

3.4. Использование учителя для выполнения заводских дел

Санникову как ценному специалисту постоянно давали поручения по выполнению срочных заданий, он и сам иногда выступал с инициативными предложениями. Только что назначенный учителем, он подал уральскому начальству доношение «о строениях вновь плотин и заводов, как он по своему мнению за лутчее признавает», приложив к нему свою «записку». Начальство заслушало эти документы 26 ноября 1735 года и решило передать их «в Комисию рассмотрения о заводах и фабриках», собрав в нее «искусных в заводских строениях и тому обученых» механика Бахорева, мастеров плотинных Злобина и других, «плотников искусных». Комиссии предписывалось предложение Санникова рассмотреть, «и о чем за лутче положатца и согласятца, о тех страениях представить ...» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 226, л. 175].

8 января 1736 года начальство решило послать на Кушву бергмейстера Н. Клеопина, механика Н. Бахорева и Санникова, взяв с заводов А. Демидова плотинного мастера Злобина, осмотреть место, где назначено построить плотину Туринского завода, оценить, сколько нужно людей для строительства, пеших, конных, какие припасы [Там же, д. 228, л. 23—24]. В конце января по приказу начальства Санникову пришлось все-таки выехать на Сусанский завод для сдачи дел за время своего правления: назначенный для этого Шеинков внезапно скончался [Там же, л. 182].

29 марта 1736 года Бахореву и Санникову поручили найти кратчайший путь для прокладывания дороги от Екатеринбурга до строящегося Кушвинского завода, при этом часть пути от деревни Пышминской им полагалось идти на лыжах по компасу, Санникову, от деревни Шайдурихи, возвратиться [Там же, д. 230. л. 270—271]. В июле 1736 года серб Д. Милутинович просил об отводе места в Арамильской слободе для строения винокурни и отводе лесов, лугов для сенокоса. Начальство, боясь недовольства жителей, решило «для того осмотра и свидетельства послать на коште просителя учителя Санникова» [Там же, д. 234. л. 206]. В 1736 году Санников трудился и над сочинением плана «Екатеринбургского строения». Ему поручались и археологические изыскания: с А. Кичигиным «искал серебро в старинных копиях Теченской слободы. В архиве сохранился подробный журнал-отчет об этой поездке» [Цеменкова и др., 2022, с. 303]. В сентябре 1737 года Санников, выполнив задание об осмотре в Казанском уезде рудника по реке Кармале и «прииску» места под строение нового завода, объявил в канцелярии описи и чертежи [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 248, л. 312].

В декабре 1737 года Санникову было дано новое важное поручение: делать чертежи уральских заводов для «Исторической книги» в трех экземплярах, перевести уже сделанные его предшественниками в единый масштаб. Работа была задумана Татищевым в июле 1735 года. Санников в январе 1738 года показал, что ему предстоит выполнить 210 чертежей, для этого потребуется 630 листов бумаги. Эта огромная по масштабам работа легла на плечи Санникова, его нового ученика Ивана Бортникова, геодезического ученика Пимена Старцова и учеников механики. В доношении от 17 марта 1738 года он сообщает о трудностях, возникших в работе, о том, что «ныне от них почти никакой помощи нет»: Старцов всегда в отлучках по своим делам, «а механические ученики ныне планы и профили от меня обучаться начинают», то есть пока не готовы к этой работе. Так, мимоходом, мы узнаем о еще одной группе подопечных Санникова — учеников механики, которых он обучал копированию чертежей. Оказалось, что многие чертежи, числившиеся в 1735 году в наличии, утрачены: из 229 осталось 114. Поэтому Санников просил определить к копированию Ивана Княгинкина, изучавшего пробирное дело, поскольку он уже обучен Санниковым чертить планы и профили (опять-таки им!) и может контролировать работу других чертежников во время отлучек учителя. Санников просит дать ему и способных к черчению ученика арифметической школы Василия Суворова и знаменованной — Ивана Борисова, а в помощь им использовать учеников арифметической и знаменованной школ и «к тому временные часы им определить» [Сафронова и др., 2016, л. 345—346]. Но члены канцелярии только через 3 с лишним месяца, рассмотрев просьбу

Санникова, предписали работать «с прежде определенными к тому делу школьниками [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 760, с 156].

Чертежами Санников занимался на протяжении трех с половиной лет, 31 августа 1741 года подал доношение о ее результатах: заводам «троественные равные чертежи на александрийской бумаге ...срисованы», собраны в книги по одному экземпляру, «за не выправкой и неимением некоторых, не на всех подписи сделаны». Общая роспись чертежей для включения в книгу Екатеринбургского ведомства (105) и Пермского горного начальства (22) составляла 127 чертежей, а они подготавливались, как полагается, в трех экземплярах. Начальство 29 сентября предписало: чертежи принять, «освидетельствовать», в Екатеринбурге доделывать Афанасию Кичигину, а на Егошихе — отправлявшемуся туда Санникову [Там же, д. 952, л. 200—205].

В ноябре 1738 года указом Татищева из Самары предписывалось учить опыты от Екатеринбургской заводской конторы к физическому примечанию о железе и ядрах и разъяснялось, как это сделать; к смотрению над опытами были приставлены механик Бахорев и Санников [Сафронова, 2019, с. 8]. В январе 1739 года Санникову поручили сделать 27 копий чертежей 6-фунтовой пушки и мортиры, выполненных членом Канцелярии Н. Клеопиным, «по коим надлежит оные вылить в Оренбургскую комиссию». Санников 1 февраля подал копии, но они «явились во многих частях против подлинных не сходны», начальство объявило, чтоб впредь составлял копии сам, «а не ученикам то вверял». Но и вторые копии «весьма явились несходны». За «оплошное смотрение и небрежение судейских приказов и своей должности» начальство приказало, «другим на страх, поставить ево под ружье на один час и наложить шесть фузей, и для учинения того отослать ево при письменном известии к ротным делам», верные же копии подать «немедленно» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 820. л. 64]. Таким образом, обучение школьников, огромная работа по копированию чертежей дополнялась новыми срочными поручениями.

Постоянной обязанностью Федора Санникова с момента назначения на должность учителя являлось ведение журнала метеонаблюдений. С января 1734 года Екатеринбург стал третьим городом в России после Санкт-Петербурга (с 1726 года) и Казани (с 1733 года), где стали вестись постоянные метеонаблюдения с помощью инструментов. Проезжая через Екатеринбург, профессора Второй Камчатской экспедиции Академии наук под руководством В. Беринга договорились с главой заводов В. И. Генниным, оставили наставление, как с помощью термометра, барометра, флюгера отмечать температуру и давление воздуха утром, в полдень и вечером; состояние неба: пасмурно, солнечно, облачно [Там же, д. 498, л. 1]. Сначала

эти наблюдения были поручены маркшейдеру А. Татищеву, затем учителю арифметики Каркадинову, от него перешли к Санникову. Ежемесячно итоги метеонаблюдений должны были подаваться Юдину, он передавал их для отсылки в Сенат, в октябре 1735 года профессора попросили слать экземпляры им в Сибирь каждые 3 месяца [Там же, оп. 12, д. 225, л. 87]. С 1737 года вместо Сената журналы стали отправляться в Генерал-берг-директориум, один экземпляр оставался в канцелярии [Там же, оп. 1, д. 498, л. 1].

В августе 1736 года Санников подает доношение: метеонаблюдения велено записывать в журнал «с тщанием и верноcтью. а при мне сейчас учеников, которые бы записку содержать могли, нет», — поэтому просит дать из геометрии двух человек: из немецкой школы Афанасия Кичигина, из механической — Ивана Сусорова, «которые содержанию оных записок обучитца скорей могут». Но начальство приказало «оняя наблюдения иметь имеющимися у него учениками, и чтоб записка тому ведена была справедливая, того смотреть ему самому» [Там же, д. 624, л. 527].

3.5. Совершенствование знаний учителем

28 октября 1737 года Санников подал доношение начальству об определении его «при горных е. и. в. межевальных делах, дабы я обученное оно-го искусства туне не потерял, но еще б, быв при том, вящее знание присовокупил». Сообщил, что в 1733 году «по желанию моему обучался я от маркшейдера Андрея Татищева искусства межевального, сочинению чертежей и знанию должности при работах горных употребляющиеся, а от оной науки определен шихтмейстером при заводе Екатеринбургском, и потом при всяких заводских обретаюся делах» [Там же, д. 691, л. 267—268]. Начальство отправило запрос Татищеву в Самару [Там же]. Татищев же предписал выписать «маркшейдера человека искусного» вместо скончавшегося А. Татищева из Петербурга, «а Санникову быть в плотинном мастерстве, для которого ему нужно обучиться столярному и токарному». Видимо, Татищев оценил предложения Санникова 1736 года по строительству плотин и решил, что ему следует совершенствовать свои знания в этом направлении. Определением Канцелярии от 14 января 1738 года ему приказывалось учиться столярному и токарному делу в те часы, когда школьники от науки бывают свободны [Там же, д. 760, л. 13 об.].

Санникова мы видим и одним из читателей Екатеринбургской библиотеки Горного ведомства, в октябре 1737 года взявшим книги для расширения своих познаний. С октября 1737 года за ним числились третий том «Сокращения математического», содержащий фортификацию, Я. Германа (СПб., 1728), и «Новейшее основание и практика артиллерии» Э. Брауна (М., издание 1709 или 1710 год). Эти книги Санников держал на руках до ноября 1741 года [Сафронова, 2011, с. 500—501].

3.6. Перевод шихтмейстера Санникова в Пермское горное начальство

Санников преподавал в Екатеринбургской арифметической школе с конца 1735 по август 1741 года, более пяти с половиной лет. 19 августа 1741 года в связи с заводской необходимостью решено было отправить его в Пермское горное начальство, а учителем назначить маркшейдерского ученика Афанасия Кичигина. 31 августа Санников передал ему все дела, имущество, учеников [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 907, с. 297—306].

«Сдаточный» список позволяет судить о последних учащихся Санникова к сентябрю 1741 года. В реестре числилось 52 человека, из них в «тверждении арифметики» — 8, двое учили «кубик», 9 — тройное правило, 19 — первые действия с числами. К геометрии приступили 11 человек, трое же — углубленно изучали ее. Имелся и список учеников в школах, курируемых Санниковым. В Уктусской арифметику изучали 15 человек, из них в тройном правиле — 8, в «тверждении арифметики» — 6, 1 — в умножении. В школе Верх-Исетского завода — 5 учеников, все «в раздроблении» [Там же, с. 297—299].

Долговременная служба Федора Санникова, его преданность делу были высоко оценены уральским начальством, и по его представлению Генерал-берг-директориум указом от 17 апреля 1741 года присвоил Санникову чин шихтмейстера, то есть обер-офицера, дающий право иметь денщика [Там же, д. 890, л. 212]. В Пермь Санников отправился уже в новом чине.

4. Заключение = Conclusions

На примере Федора Санникова мы видим, как обучение в арифметической школе и приумножение полученных знаний во время исполнения приказной должности, по собственному желанию, с оплатой из своего жалованья — освоение тригонометрии, черчения, искусства межевания, основ маркшейдерского дела — позволили ему, сыну подьячего, воспользоваться этими знаниями в качестве социального лифта и стать горным офицером, специалистом широкого профиля, отличившимся во время исполнения должности учителя самой крупной арифметической школы горнозаводского Урала, обучившим более 150 ее учащихся, не считая учеников других екатеринбургских школ, контролировавшим обучение в Уктусской и Верх-Исетской арифметических школах.

Его деятельность в качестве учителя свидетельствует, что в условиях активного строительства новых заводов, превращения Урала в крупнейший центр металлургического производства в России, при острой нехватке специалистов, Канцелярия Главного заводов правления вынуждена была прибегать к использованию способных учителей в интересах заводов, постоянно давать им различные поручения, требовавшие приложения многих

сил и времени для исполнения. И Санников успешно справился со своими основными и дополнительными обязанностями.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСО — *Государственный архив Свердловской области*. Ф. 24 (Уральское горное управление). Оп. 1. Д. 498. Л. 1; Д. 577а. Лл. 224—224 об.; Д. 624. Оп. 1. Л. 527, 695—695 об.; Д. 625. Л. 111; Д. 691. С. 267—268; Д. 760. Лл. 13 об., 117, 156, 158—159, 238; Д. 816. Л. 86; Д. 820. Л. 64; Д. 890. Л. 212; Д. 907. С. 44, 297—306; Оп. 12. Д. 220. Л. 116; Д. 225. С. 87; Д. 226. С. 11—12, 175; Д. 227. С. 329; Д. 228. С. 23—24, 182; Д. 230. С. 270—271; Д. 234. С. 206; Д. 248. С. 312. Ф. 38 (Екатеринбургская заводская контора). Оп. 1. Д. 2. Л. 149 об.
2. *Сафронова А. М.* Надзиратели горнозаводских школ Урала : круг обязанностей и взаимоотношения с учителями и учащимися (1729—1730-е гг.) // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. — Вып. 21. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2021. — С. 330—344. — ISBN 978-5-7996-3315-8.
3. *Сафронова А. М., Цеменкова С. И.* Подготовка чертежей казенных и частных заводов Урала по заданию В. Н. Татищева в 1735—1738 гг. для «Исторической книги» : публикация документов // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. — Вып. 16. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2016. С. 333—357. — ISBN 978-5-7996-1937-4.

Литература

1. *Будрин В. Н.* Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. / В. Н. Будрин // Материалы 2-й научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска. — Свердловск : [б. и.], 1950. — С. 45—98.
2. *Козлов А. Г.* Творцы науки и техники на Урале XVII — начало XX века : биографический справочник / А. Г. Козлов. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1981. — 224 с.
3. *Сафронова А. М.* Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. / А. М. Сафронова. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2014. — 334 с. — ISBN 978-5-7996-1378-5.
4. *Сафронова А. М.* В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга : опыт исторической реконструкции. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2011. — 552 с.
5. *Сафронова А. М.* Уровень образованности учителей Екатеринбургской арифметической школы первой половины XVIII века / А. М. Сафронова // Педагогическое образование в России. — 2019. — № 8. — С. 6—11.
6. *Цеменкова С. И.* Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е — 50-е гг. XVIII века : биографический справочник / С. И. Цеменкова, А. В. Черноухов. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2022. — 446 с.

*Статья поступила в редакцию 12.02.2023,
одобрена после рецензирования 29.03.2023,
подготовлена к публикации 15.04.2023.*

Material resources

- GASO — *State Archive of the Sverdlovsk region*. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2021). Supervisors of mining schools of the Urals : the range of responsibilities and relationships with teachers and students (1729-1730-ies.). *Document. Archive. History. Modernity : vol. 21*. Yekaterinburg : Ural University Publishing House. 330—344. ISBN 978-5-7996-3315-8. (In Russ.).
- Safronova, A. M., Tsemenkova, S. I. (2016). Preparation of drawings of state-owned and private factories of the Urals on the instructions of V. N. Tatishchev in 1735—1738 for the «Historical Book» : publication of documents. *Document. Archive. History. Modernity : vol. 16*. Yekaterinburg : Ural University Press. 333—357. ISBN 978-5-7996-1937-4. (In Russ.).

References

- Budrin, V. N. (1950). Mining schools of the Urals in the XVIII and early XIX centuries. In: *Materials of the 2nd Scientific Conference on the history of Yekaterinburg-Sverdlovsk*. Sverdlovsk: [s.n.]. 45—98. (In Russ.).
- Kozlov, A. G. (1981). *Creators of science and technology in the Urals of the XVII — early XX century. Biographical directory*. Sverdlovsk : Sredne-Uralsky Book Publishing House. 224 p. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2011). *V. N. Tatishchev and the libraries of early Yekaterinburg : the experience of historical reconstruction*. Yekaterinburg : Ural University Press. 552 p. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2014). *Documents of industrial management bodies of Russia as a source about mining schools of the Urals in the first half of the XVIII century*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 334 p. ISBN 978-5-7996-1378-5. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2019). The level of education of teachers of the Yekaterinburg arithmetic school of the first half of the XVIII century. *Pedagogical education in Russia*. 8. 6—11. (In Russ.).
- Tsemenkova, S. I., Chernoukhov A. V. (2022). *Heads of the apparatus of the mining authorities of the Urals in the 20s — 50s of the XVIII century : biographical reference*. St. Petersburg : Aleteya. 446 p. (In Russ.).

*The article was submitted 12.02.2023;
approved after reviewing 29.03.2023;
accepted for publication 15.04.2023.*

Слезин А. А. Межпоколенческий разлом российской деревни : влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодежи на рубеже 1920—1930-х годов / А. А. Слезин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 446—477. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477.

Slezin, A. A. (2023). Intergenerational Rift in Russian Village: Impact of “Anti-Religious Offensive” of Communist Youth at Turn of the 1920—1930s. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 446-477. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477

**Межпоколенческий разлом
русской деревни:
влияние «антирелигиозного
наступления»
коммунистической
молодежи на рубеже
1920—1930-х годов**

Слезин Анатолий Анатольевич

orcid.org/0000-0002-9559-7553

доктор исторических наук, профессор,
кафедра «История и философия»
anatoly.slezin@yandex.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда
проект № 22-18-00132
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

**Intergenerational Rift
in Russian Village: Impact
of “Anti-Religious Offensive”
of Communist Youth
at Turn of the 1920—1930s**

Anatoly A. Slezin

orcid.org/0000-0002-9559-7553

Doctor of History, professor,
Department of History and Philosophy
anatoly.slezin@yandex.ru

Tambov State
Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-00132,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу взаимоотношений в духовной сфере представителей крестьянского поколения «революционного перелома» (родившихся на рубеже XIX—XX веков) и комсомольцев из поколения «детей революции» (их детство пришлось на первые послереволюционные годы) в начальный период массовой коллективизации СССР. Показаны глубокие демографические изменения в постреволюционной России, усиление роли молодежи на селе. Проведен статистический анализ сельских комсомольских организаций. Молодежь рассматривается как демографическая группа, формировавшая критическое отношение к религии. Комсомол признается организацией, перевернувшей поколенческую иерархию российского села. Большое внимание уделено роли Союза воинствующих безбожников в привлечении молодежи к активной антирелигиозной деятельности. Приоритет отдан изучению реакции крестьян на антирелигиозную деятельность молодежи. Показано, что духовное наследие, которое по правилам преемственности развития поколение «революционного перелома» призвано было передать своим преемникам, в реальной жизни активными представителями младшего поколения было отвергнуто. С точки зрения автора, участие молодежи в «антирелигиозном наступлении» является одним из решающих факторов усиления межпоколенческого разлома, ставшего очевидным еще в предыдущее десятилетие.

Ключевые слова:

поколения; отцы; молодежь; комсомол; село; крестьяне; религия; безбожники; коллективизация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the analysis of the relationship in the spiritual sphere between the representatives of the peasant generation of the “revolutionary turning point” (born at the turn of the XIX—XX centuries) and Komsomol members from the generation of “children of the revolution” (their childhood fell on the first post-revolutionary years) in the initial period of mass collectivization of the USSR. The deep demographic changes in post-revolutionary Russia, the strengthening of the role of youth in the countryside are shown. A statistical analysis of rural Komsomol organizations was carried out. Young people are seen as a demographic group that has formed a critical attitude towards religion. Komsomol is recognized as an organization that turned the generational hierarchy of the Russian village. Much attention is paid to the role of the Union of Militant Atheists in attracting young people to active anti-religious activities. Priority is given to studying the reaction of peasants to the anti-religious activities of youth. It is shown that the spiritual heritage, which, according to the rules of continuity of development, the generation of the “revolutionary turning point” was called upon to pass on to its successors, was rejected in real life by active representatives of the younger generation. From the author’s point of view, the participation of young people in the “anti-religious offensive” is one of the decisive factors in the strengthening of the intergenerational rift, which became apparent even in the previous decade.

Key words:

generations; fathers; the youth; Komsomol; village; peasants; religion; atheists; collectivization.

Межпоколенческий разлом российской деревни: влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодежи на рубеже 1920—1930-х годов

© Слезин А. А., 2023

1. Введение = Introduction

В данной статье выясняется, какое влияние на конфликт поколений в российской деревне оказали отношения между молодыми «безбожниками» и верующими на начальном этапе массовой коллективизации в СССР.

Основное внимание уделялось взаимоотношениям крестьян поколения «революционного перелома» с активными представителями поколения «детей революции».

Понятия «революционный перелом» и «поколение революционного перелома» предложил Ю. А. Левада. Под понятием «революционный перелом» он подразумевает исторический период («условно») 1905—1930 годов. «Активные участники (и жертвы) переломного периода, — утверждает Ю. А. Левада, — люди, родившиеся примерно в 90-х годах XIX века» [Левада, 2001, с. 7]. Обращая внимание на слово «примерно» в определении Ю. А. Левады, считаем правомерным расширение указанных хронологических границ.

«Детьми революции» называем тех, чье детство прошло в России после 1917 года. В юношеском возрасте активные представители этого поколения нередко вступали в комсомол и Союз воинствующих безбожников.

Выявление причин обострения межпоколенческого конфликта в российской деревне (в том числе антирелигиозной деятельности молодежи начального периода массовой коллективизации) имеет важную актуальность в связи с необходимостью поиска соответствующей современным запросам государства и общества модели воспитания.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основополагающими для исследования стали тезис Т. Шанина, считавшего, что без изучения поколенческой истории научная картина прошлого будет не вполне четкой [Шанин, 2005, с. 11], а также утвердившийся в современной историографии вывод о том, что взаимоотношения «отцов» и «детей» в крестьянской среде после революции 1917 года привели к глу-

бокому разлому, разрыву поколений [Асташов, 2022; Левада, 2005; Мищенко, 2020; Рожков, 2016; Слезин, 2023].

Поколения целесообразно воспринимать прежде всего как общности современников, сформировавшиеся в определенных исторических условиях, под влиянием значимых исторических событий, независимо от их хронологического возраста. При этом важно выделение Ю. А. Левадой таких феноменов, как «ключевые» поколения, «разрывы» и конфликты между поколениями. Актуален и вывод М. Мид, связывающей общественное предназначение молодежи с «социальным бульдозированием», расчисткой почвы для будущего общества [Mead, 1970]. Немецкий социолог К. Мангейм резонно утверждал, что в каждом поколении может быть много разных секций (даже антагонистических), но «совместно они составляют “реальное” поколение как раз потому, что ориентированы друг на друга, хотя бы даже в плоскости борьбы друг против друга» [Мангейм, 2000, с. 40].

Для осмысления межпоколенческого разлома большое значение имеют публикации об общественных настроениях крестьянства [Кедров, 2013; Кузнецов, 2013; Надеждина, 2010; Покровская, 2022; Ченская, 2014], о роли молодежи в коллективизации [Андриец, 2016; Игнатьева, 2020; Исаев, 2002; Панарин, 2012; Kuhr-Korolev С., 2005] и в антирелигиозной деятельности [Грищенко, 2017; Дианова, 2020; Каиль, 2010; Сахарова, 2011; Соболева, 2014]. Недавно были опубликованы обзоры современной литературы о роли поколения «революционного перелома» и молодежи в судьбе русской деревни первой трети XX века [Вязинкин, 2022; Слезин, 2022].

Особое внимание обратим на публикацию Д. А. Сафонова [Сафонов, 2022], который убедительно показал, что уже первые комсомольцы вступили в серьезный мировоззренческий конфликт с представителями старших поколений. Ценности, которые для их родителей оставались в массе своей незбылемыми, в сознании их детей теряли свою исключительность. Тем не менее, являясь составной частью поколения «революционного перелома», комсомольцы «первого призыва» составляли в нем малозаметное меньшинство.

Источниковой базой исследования стали как архивные документы, так и материалы печатных изданий конца 1920—1930-х годов, многие из которых ранее находились в режиме специального хранения, были недоступны для широкого использования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Молодежь и комсомол в российской деревне накануне и в начале массовой коллективизации

При анализе межпоколенческих отношений нельзя не учитывать, что Революция и Гражданская война принесли существенные демографические

изменения. В доколхозной деревне молодежь составляла большинство населения. Причем в 1927 году из общего числа юношей и девушек 14—23 лет (29,7 миллиона человек) 7,4 % (около 2 миллионов человек) составляли комсомольцы [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 665а, л. 5]. Вроде бы делать ставку на важную роль комсомола в деревне при такой статистике весьма затруднительно. Однако необходимо учесть, что в начале 1927 года сельских комсомольских ячеек было на 27 950 больше, чем партийных [Справочник ..., 1930, с. 379]. На 1 января 1928 года в союзе насчитывалось 700 ячеек при колхозах, в них числилось 36 468 человек [Итоги ..., 1931, с. 66].

В мае 1928 года VIII съезд ВЛКСМ наиболее острой назвал «проблему переделки людского материала, искоренения старых традиций, навыков и привычек и выработки новых взглядов на труд и взаимоотношения между людьми» [ВЛКСМ ..., 1929, с. 101]. Однако говорить о том, что в это время антирелигиозная работа была одним из приоритетных направлений комсомольской деятельности, было бы неправильным. Из 2 миллионов комсомольцев в Союзе безбожников (СБ) состояло не более 80 тысяч [Воинствующее безбожие ..., 1932, с. 309]. VIII съезд ВЛКСМ поставил цель добиться решительного перелома в антирелигиозной работе, противопоставив деятельности религиозных организаций вовлечение широких масс крестьянства в общественно-политическую жизнь, разумную организацию досуга, борьбу с пьянством, развитие радио и кино. В национальной деревне комсомол к тому же нацеливался на создание препятствий созданию религиозных школ.

По данным 1929 года, 60 % первичных организаций ВЛКСМ находились в селах, где партийных ячеек не было. Сельских комсомольских ячеек было больше партийных на 30 тысяч. Количество комсомольцев в деревне в четыре раза превышало численность коммунистов [Очерки ..., 1991, с. 111]. Линн Виола (Канада), анализируя российскую действительность, справедливо заявляет: «Сельский комсомол представлял активную и для многих взрослых ненавистную силу крестьянской политики, которую, как правило, было слышно и видно лучше, чем сельский актив компартии» [Виола, 2010, с. 67].

Ключевым фактором приема новых членов в деревенские организации с началом массовой коллективизации стало вступление кандидата и его родителей в колхоз. Одновременно расширять состав и сохранять преобладающее бедняцко-батрацкое ядро было весьма затруднительно. Поэтому критерии приема в комсомол были вынуждены дифференцировать в зависимости от темпов проведения в регионе коллективизации. Однако вскоре борьба за темпы роста стала превалировать над опасениями «осереднечить» деревенские ячейки [Ипполитов, 2016, с. 127].

По данным на 1 января 1930 года, всего насчитывалось 2 миллиона 466 тысяч членов и 62,2 тысячи кандидатов в члены ВЛКСМ. 75,4 % со-

ставляли юноши, 24,6 % — девушки. 13,4 % членов ВЛКСМ числились батраками, 32,2 % — бедняками, 1,7 % — середняками [Справочник ..., 1930, с. 382—383]. На 1 апреля 1930 года комсомольские ячейки были созданы при 40 % колхозов. Колхозная молодежь была охвачена комсомолом на 10,5 % [Ежегодник ..., 1931, с. 568].

К тому же обратим внимание на то, что в это время происходило значительное омоложение состава ВЛКСМ. На 1 июня 1930 года в ВЛКСМ насчитывалось 28 885 697 юношей и девушек, из них 16-летних 421 312, 17—20 лет — 1 024 432, 21—22 года — 958 052, 23 и более лет — 481 911 [Островский, 1953, с. 24]. Далее ускоренный рост организации способствовал еще большему ее омоложению. С одной стороны, это тревожило руководство партии и комсомола, так как преобладающие среди младших комсомольцев учащиеся считались менее надежной социальной категорией по сравнению с рабочими и колхозниками. С другой стороны, власть все более рьяно привлекала молодых активистов к участию в «обезбоживании» села на основании того, что у представителей младших поколений меньше предубеждений, их проще вовлечь в конфронтацию с верующими крестьянами.

Разнице в мировосприятии поколений «детей революции» и «революционного перелома» способствовало то, что многие комсомольцы использовали ВЛКСМ как социальный лифт, позволяющий освободиться от тяжелого крестьянского труда. Поэтому к концу 1920-х годов среди крестьян поколения «революционного перелома» бывших комсомольцев можно было встретить очень редко.

Возмужавшие крестьяне поколения «революционного перелома» оказались в положении, когда материальное и духовное наследие, которое по правилам преемственности развития они были призваны передать своим преемникам, в реальной жизни младшим поколением (в первую очередь — новыми комсомольцами) отвергалось. В частности, именно «молодежь становилась той демографической группой, которая формировала критическое отношение к вере» [Чирков, 2019, с. 323].

Негативное влияние насильственной коллективизации проявилось в усилении процессов маргинализации и девиации среди сельской молодежи. В связи с этим в настроениях и действиях молодежи доминирующими становились применение насилия, отношение к альтернативному мировосприятию (в том числе крестьян поколения «революционного перелома») как к враждебному, недопустимому.

3.2. Антирелигиозный аспект «великого перелома»

Коллективизация сельского хозяйства в СССР стала определяющим фактором активизации антирелигиозной деятельности на рубеже 1920—1930-х годов. «Массовый загон крестьян в сталинские колхозы был не-

возможен без подрыва духовной основы самого бытия крестьянина на селе — без массированного удара по религии и Церкви» [Курляндский, 2011, с. 430]. 1929 год стал переломным годом и в церковно-государственных отношениях в СССР.

Печать убеждала, что религиозные организации идеологизируют и усиливают кулачество. Перед комсомольцами ставилась задача «разоблачать духовенство как защитника интересов кулачества» [Воинствующее безбожие ..., 1932, с. 334]. Обращение к Богу называлось «отвратительной картиной унижения человеческого достоинства» [Дорогие братья ..., 1928].

Руководство партии и комсомола было уверено, что комсомол, имеющий более широкую по сравнению с ВКП(б) социальную базу, в значительно большей степени подвержен опасности уклонов от ленинизма. Религиозность комсомольцев напрямую связывалась с правым уклоном. Выявлявшие верующих «чистки» комсомольских рядов завершались массовыми исключениями из союза. Преступными объявлялись как религиозные чувства самих юношей и девушек, так и их связи со священнослужителями. Преследовалось даже пассивное участие в религиозных обрядах.

В духе времени СБ также развернул борьбу с правым уклоном. Под уклонением от ленинской линии вправо понимали прежде всего отказ от борьбы с религией, потворствование кулакам, религиозным и антисоветским элементам. Административные перегибы связывались с левой опасностью. Причем провозглашалось: «Левые загибы укрепляют влияние кулака на массы верующих и в конечном счете создают ту же правую опасность» [Красноармейский антирелигиозный учебник ..., 1931, с. 228].

Именно это время отмечено бурным ростом безбожных колхозов — хозяйств, где отказались не только от церквей, но и от религиозных обрядов и традиций («без бога, но с агрономом») [Воинствующее безбожие ..., 1932, с. 199—217]. Стали также организовывать безбожные совхозы и МТС. Если не удавалось объявить безбожным все хозяйство, создавали безбожные ударные бригады, бравшие обязательства не только по выполнению производства, но и по антирелигиозной работе среди сельчан.

Гулянки молодежи приспособивались к антирелигиозной пропаганде с помощью внедрения в них антирелигиозных песен, игр, юмора, использования специальных библиотек и выставок.

Черты новой религии можно увидеть в публикациях, утверждающих, что священники и попы, как бесы и антихрист, могут вызывать болезни у советского человека. Правы современные исследователи А. Л. Новоселов и А. А. Сальникова, утверждающие, что происходила «замена религиозного чуда “советским чудом”» [Новоселов, 2020, с. 84]. Сами крестьяне похожесть религии и коммунистической пропаганды связывали прежде

всего с обещаниями светлого будущего на фоне суровой реальности [Большаков, 1925, с. 204].

В качестве мощного пропагандистского инструмента безбожники все активнее использовали радио и кино. Центральный совет СБ считал, что радио одним лишь фактом своего существования «оказывает огромное революционизирующее влияние на сознание отсталых слоев трудящихся» [ГАРФ, ф. 5407, оп. 1, д. 25, л. 34]. С 1928 года центральное радио регулярно включало в программы антирелигиозные передачи.

Правда, среди крестьян нередко вызывало серьезное противодействие намерение сельской молодежи установить радиодантные на колокольнях. В селе Ямский Посад Алатырского района дошло, например, до прямых столкновений крестьян с комсомольцами и радиотехником. Подчас неграмотные крестьяне верили священнослужителям, настраивающим их против радио. Например, в Невельском районе Великолукского округа крестьяне в период затяжных дождей поверили слуху о притягивании радио дождей и грозили уничтожить все радиостанции. В ряде мест, например чувашском селе Ивановке, власти организовали суды, где священников обвиняли в препятствовании установке антенн и распространении нелепых слухов [Чудновцев, 1930, с. 12].

Говоря о ценности и доступности кино, к тому же надо учесть, что беднейшая часть деревенских жителей пропускала на киносеансы бесплатно, для подростков цена была минимальной. Эффект кинопропаганды старались усилить лекционными выступлениями перед сеансами. Но из-за нехватки грамотных пропагандистов значительно большее распространение получило групповое чтение газет и журналов на дому, в избах-читальнях и клубах.

Была усилена роль агитационных судов, сценарии которых издавались массовыми тиражами и, как правило, содержали и антирелигиозный материал [Голубь, 1930; Григорьев, 1929; Ершов, 1930; Инденбом, 1929].

В видении руководства комсомола, сплошной характер должна была носить не только коллективизация, но и «атеизация» деревни. Комсомольские лидеры призывали добиться, чтобы везде, где работают комсомольские ячейки, создавались и ячейки Союза безбожников (СБ) [ГАСПИТО, ф. П-1214, оп. 1, д. 31, л. 8]. Руководство СБ ставило вопрос о «более твердой установке» в отношении с крестьянством на «антирелигиозном фронте» [III Всесоюзное совещание ..., 1928].

В соответствии с решением своего II съезда СБ в июле 1929 года был переименован в Союз воинствующих безбожников (СВБ). Материалы съезда рекомендовали изучать во всех сельских школах, ставилась цель уяснить основное положение работы СВБ: «Борьба против религии —

борьба за социализм». Перед школьными ячейками СВБ была поставлена задача создать родительские секции. После съезда обычными стали «добровольно-принудительные вербовки», ставившие целью не оставить без ячеек СВБ ни одного совхоза или колхоза, ни одной школы. Если на 1 января 1926 года в союзе было 87 тысяч членов, то к 1 января 1929 года — 465 тысяч. За 1929 год СВБ вырос до 700 тысяч [Ярославский, 1933, с. 284]. В РСФСР крупнейшими в СВБ стали организации Нижневолжского края и Центрально-Черноземной области.

3.3. Начальный этап воинствующего безбожия

11 июля 1929 года Бюро ЦК ВЛКСМ утвердило новое постановление об усилении антирелигиозной работы, а 2 ноября 1929 года совместно с Центральным Советом СВБ объявило *«всесоюзное антирелигиозное наступление»* [РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 801, л. 103]. Его штаб под руководством Е. Ярославского приверженцев той или иной религии считал классовыми врагами, чем и оправдывался радикальный характер действий.

Целых три месяца отвели кампании по продвижению безбожной книги. Организовывались выставки антирелигиозной литературы, книжные киоски по ее распространению. Однако содержание антирелигиозной литературы, как правило, очень тяжело воспринималось слушателями разных возрастов. Если младшие сельчане обычно воспринимали его на веру, слепо повторяя, взрослые крестьяне пытались задавать вопросы, но чаще всего вразумительных ответов не получали. Не смогла оказать серьезное влияние на крестьянство и стенная печать: селькорам элементарно не хватало ни общих, ни атеистических знаний.

СВБ выпускал 14 антирелигиозных журналов и газет. Тираж газеты «Безбожник» с 1927 по 1931 годы вырос с 62,5 тыс. до полумиллиона экземпляров. Тираж издававшегося с января 1925 года журнала «Безбожник» к 1931 году достиг 200 тысяч экземпляров. Среди рубрик «Безбожника»: «По деревням», «Деревенская тьма», «Молодежь и религия». В 1928—1932 годах выходил журнал «Деревенский безбожник». Его тираж вырос с 5 до 50 тысяч экземпляров [Воинствующее безбожие ..., 1932, с. 391]. Количество антирелигиозного материала по всем издательствам СССР только за 1931 год составило 313 названий тиражом в 12 миллионов экземпляров [Там же, с. 392]. Упор в пропаганде делался на выявление вреда и классовой сущности религии. Рассказывалось, как кулаки и священники подрывали авторитет колхозов, агитировали против советской власти. Создавался отталкивающий образ священнослужителя, беззащитно наживающегося в первую очередь на трудолюбивых крестьянах. Хамский и неуважительный характер обычно имели рисунки, высмеивающие религиозные праздники [Карлявина, 2019].

Комсомольцы настойчиво пытались внедрить в сельскую жизнь самодельные театральные постановки. Так, заведующий избой-читальней в чувашском селе Ходары написал ряд пьес на актуальные темы из жизни деревни. Самодеятельность так заинтересовала местных крестьян, что многие из них в дни религиозных праздников предпочитали смотреть спектакли [Евдокимова, 2019, с. 174]. Впрочем, далеко не всегда спектакли вызывали интерес даже у невзыскательной сельской публики. По крайней мере, на антирелигиозных спектаклях, как правило, среди зрителей преобладала молодежь.

Чуть ли не повсеместно устраивали антирелигиозные красные уголки. А в некоторых селах использовались и передвижные музеи, агитационные поезда, организовывались экскурсии в антирелигиозные музеи (в 1931 году в городах их насчитывалось 77 [ГАРФ, ф. 5407, оп. 1, д. 94, л. 4]).

В школах безрелигиозное воспитание вытеснили антирелигиозным [Шевченко, 2007]. Религиозных учителей комсомольские организации отмечали как «дезертиров антирелигиозного фронта», передавали компрометирующие сведения о них в государственные органы, в том числе и в Наркомпрос. Учителям в методических изданиях рекомендовалось расспрашивать учащихся о «верованиях сельского населения». Занятия спортом тоже преподносились как противовес религии. Крестьянам внушалось, что до революции их нарочно «дурманили религией», а теперь можно будет заниматься полезным отдыхом, в том числе физкультурой и спортом. Неслучайно выступления физкультурников, как правило, стали включать в программы антирелигиозных вечеров.

Происходили большие изменения в повседневной жизни. Термин «праздники» официально был заменен на «революционные дни», их количество кардинально сокращалось. Предпринимались меры по запрету не только массовых празднований, но и просто отдыха в дни религиозных праздников. Комсомольцев обязывали добиваться поголовного выхода родителей на работу в дни религиозных праздников.

Экспериментирование в данном направлении продолжилось введением сначала пятидневной, а затем шестидневной рабочей недели. Е. Замятин отмечал в связи с этим деформации общественного сознания молодежи: «Попробуйте спросить советского школьника: “Какой сегодня день?” — три четверти вам не ответят на этот вопрос» [Замятин, 1990, с. 75].

Была развернута кампания по сбору молодежью металлолома, в разряд которого попадали кладбищенские ограды, снятые с колоколен колокола. Данная кампания демонстрировала отвратительные примеры бесхозяйственности, когда много собранного металла подолгу валялось под открытым небом. Передача на переплавку металлических крестов и памятников

способствовала закреплению в менталитете молодежи отнюдь не соответствующего традиционному мировосприятию крестьянства отношения к смерти. М. В. Пономарев пишет: «Такое надругательство над местами погребений, оправдываемое “производственной необходимостью”, сочеталось с культом “великих могил вождей”, “борцов за революцию”. Таким образом, в Советской России смерть явно окрашивалась в политические тона. Величие смерти признавалось и считалось необходимым лишь в том случае, если из жизни уходил человек, социально значимый в новом обществе» [Пономарев, 2009, с. 219].

Если в период провозглашения политики «лицом к деревне» молодежный актив пытался отказаться от карнавалов из-за частых конфликтов с верующими крестьянами, теперь организаторы новых шествий и карнавалов нарочно провоцировали конфликты. Традиционными стали коллективные катания с гор, лепка из снега фигур служителей культа с их последующим торжественным уничтожением, семейные вечера с коллективным чтением, антирелигиозные детско-молодежные утренники, вечера, беседы с приглашением родителей. Антирождественские мероприятия имели невиданный доселе размах и, как правило, завершались сожжением не только кукол, изображавших святых и священнослужителей, но и икон. Комсомольцы и другие юные члены СВБ наряжались в «попов» и «монахов», пели антирелигиозные частушки. К рождественским дням были приурочены не только конкурсы гармонистов и исполнителей антирелигиозных песен и стихотворений, но и соревнования по сдаче икон, церковных книг.

Комсомольская печать «отчитывалась» о праздниках, сообщая, сколько проведено антирелигиозных мероприятий, скольких людей они обслужили, какую «большую пользу» принесли. В то же время сообщали о том, сколько полезных деревьев вырублено, сколько несознательными гражданами якобы выпито в эти дни вина и самогона, сколько еды употреблено и на сколько ее хватило бы при обычном питании.

В геометрической прогрессии шло в 1927—1929 годах закрытие церквей по упрощенным правилам: от 134 до 1000 [Регельсон, 2007, с. 476]. Нередко закрытиям храмов сопутствовали погромы кладбищ. Продолжение или возобновление функционирования храмов рассматривались как недоработка и комсомольских органов. Устраивали даже «соревнование» между комсомольскими организациями за быстрее закрытие храмов и мечетей.

Постоянная Комиссия при Президиуме ВЦИК по рассмотрению религиозных вопросов 26 января 1930 года признала, что «в связи с развертыванием кампании по закрытию молитвенных зданий закон об отделении церкви от государства подлежит пересмотру в сторону упрощения процесса закрытия и увеличения радиуса прихода» [ГАРФ, ф. 5263, оп. 1, д. 1,

л. 4]. Право окончательного решения вопросов о закрытии было передано в ведение краевых и областных исполкомов. Закрытые храмы обычно превращали в склады и клубы. Мог превратиться бывший храм и в тир, где мишенями служили иконы [Орлов, 2001, с. 87]. Множество храмов разрушалось, в лучшем случае их останки использовались в качестве стройматериалов. Причем «в представлениях очевидцев событий и их потомков сложилось устойчивое представление о взрослых — противниках разрушения церквей и молодых людях — сторонниках и активных участниках “святоотчества”» [Гайлит, 2012, с. 291]. Эти представления усиливались благодаря тому, что многие комсомольские организации использовали культовые сооружения под свои нужды. Селькор из Стародубского уезда Брянской губернии, например, писал: «Что выдвигает молодежь в деревне? Материалы говорят о том, что в большинстве ставят вопросы постройки клубов, изб-читален, а в селе Ново-Млынка Вороновской волости молодежь постановила отобрать молельню под клуб и сейчас проводит в этой области работу» [Бельчук, 1929, с. 44].

Политика коллективизации с самого начала включала в себя и многочисленные меры, направленные против священнослужителей и вообще верующих. Коммунистические идеологи в один ряд ставили понятия «верующий», «кулак», «враг». Как говорил В. В. Маяковский, «мы можем уже безошибочно за поповской рясой различать образ кулака» [Маяковский, 1959, с. 376]. В марте 1929 года только что избранный Генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев подчеркнул в своем выступлении, что задача комсомола заключается не в перевоспитании кулака, а в том, как «добывать кулака, каким образом его добить, причем добить в возможно скорейший срок» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 2, д. 68, л. 20]. В статье «Год великого перелома» И. В. Сталин, говоря про «отчаянное противодействие всех и всяческих темных сил», в первую очередь среди «темных сил» называл «кулаков и попов» [Сталин, 1949, с. 125]. СВБ в сентябре 1929 года прямо нацеливало «разоблачать блок кулачества с церковниками и сектантами» [РГАСПИ, ф. П-89, оп. 4, д. 122, л. 19 об.]. Е. Ярославский заклеил как правых оппортунистов тех, «кто думает, что антирелигиозная пропаганда может вестись без обостренной классовой борьбы» [Ярославский, 1931, с. 217.]. Он утверждал, что одним из убежищ или прикрытий для крестьянина, не желающего идти в колхоз, «остается религиозная организация с гигантским аппаратом» [Ярославский, 1929]. Понятия «контрреволюционер» и «священнослужитель» в правовом сознании молодежи становились синонимами.

В январе 1929 года ЦК ВКП(б) призывал изжить недооценку комсомолом важности с борьбы с религией, бороться со всякими колебаниями в своих рядах, в том числе с участием в религиозных праздниках и обрядах

[РГАСПИ, ф. П — 17, оп. 3, д. 723, л. 9—11]. Наркомпросу предписывалось «взять более решительный курс по преодолению элементов нейтрализма школы к религии» [ГАРФ, ф. Р — 5263, оп. 2, д. 7, л. 2]. На места была разослана директива ЦК ВКП(б) за подписью Л. М. Кагановича, в которой подчеркивалось, что религиозные организации являются единственной легальной контрреволюционной силой. Массовыми становились аресты духовенства и церковных служащих в деревне. В соответствии с инструкцией НКВД от 1 октября 1929 года служители культа зачислялись в категорию «лишенцев», то есть граждан, лишенных избирательного права. Все, кто сочувственно относился к Русской православной церкви, в это время, как правило, объявлялись, если не кулаками, то подкулачниками. Детей «лишенцев» часто изгоняли не только из пионерии и комсомола, но и из организаций безбожников и даже из школ. Дискриминационным по отношению к детям служителей религиозных культов стало постановление Народного комиссара просвещения РСФСР, приравнявшее их к лицам, живущим на нетрудовые доходы. С них также взималась плата за обучение, которая многим оказалась не по карману. В Постановлении от 11 февраля 1930 года ЦИК и СНК при регистрации органов церковного управления предписывалось исключать из них кулаков, лишенцев и иных враждебных советской власти лиц.

К лету 1930 года Центральный Совет СВБ отработал о трех миллионах членов в составе союза. В деревне ряды СВБ пополнялись в основном за счет прагматиков, желающих изменить свой социальный статус в советском обществе (без разрыва с религией это становилось невозможным). Во многих отчетах СВБ содержались пометки, что организация пополняется только из числа молодежи.

Некоторые первичные организации СВБ занимались не только антирелигиозной деятельностью. Например, ячейка деревни Малая Валяевка Пензенского округа участвовала в хлебозаготовках, распространяла облигации займа укрепления крестьянского хозяйства. Ново-Лимаревская ячейка организовала запашку 70 десятин земли беднейшему крестьянству. Члены Неплюевской ячейки Средне-Волжской области приняли участие в создании 3 сельхозартелей, приобрели на льготных условиях и раздали бедноте 20 голов крупного рогатого скота. Свои усилия они объясняли желанием, подняв крестьянское благосостояние, показать верующим, что оно зависит не от молебнов, а от культурных методов ведения хозяйства [Просвещенец..., 1929, с. 56—57]. Помимо 50 % членских взносов, остававшихся по Уставу СВБ в распоряжении первичек, некоторые ячейки изыскивали дополнительные средства для работы, организуя платные вечера и спектакли, закладывая своими силами сады и поля и т. п.

В ходе социалистического соревнования по борьбе с религией некоторые ячейки взяли обязательства многократно увеличить свои ряды, охватить безбожным движением все совхозы и колхозы своих районов. Якутская организация СВБ включила в договор о соревновании обязательства к 1 мая 1930 года отобрать половину имеющихся церквей [Олещук, 1929, с. 32]. Членам СВБ предписывалось засеивать «безбожные гектары», обследовать с целями разгона монастырские и сектантские лжеколхозы. Утвержденный в начале 1930 года план «безбожной пятилетки» одной из целей провозглашал полное «обезбоживание» села.

Планировалось, что хотя бы каждый десятый колхозник станет членом СВБ, к 1937 году ячейками СВБ охватят все населенные пункты СССР, будет насчитываться 5 миллионов юных безбожников, а общая численность СВБ вырастет до 22 миллионов [Воинствующее безбожие ..., 1932, с. 344]. Борьба с религией связывалась со стиранием граней между городом и деревней, «колоссально ускоренным безбожным движением в деревне». Е. Ярославский всерьез заявлял: «Через несколько лет у нас исчезнет само название “крестьянин”. Мы будем иметь людей с совершенно другой психологией» [Ярославский, 1935, с. 93].

3.4. Влияние «антирелигиозного наступления» на семейные и межпоколенческие отношения

Официальные лица все чаще говорили о недопустимости индивидуального воспитания юных строителей коммунизма в крестьянских семьях. Так, М. Н. Лядов цели воспитания видел в «коллективном мыслящем ребенке», говорил, что сформировать его можно «только в общественной среде». По мнению М. Н. Лядова, родители «губят своих детей, если воспитывают их дома» [Лядов, 1989, с. 311].

Даже в методических рекомендациях для учителей говорилось о необходимости «более крутых мер против семьи» [Антирелигиозное воспитание..., 1929, с. 55]. По словам Н. Л. Лопатиной, «у советской молодежи формировалось отношение к верующим родителям как к чужеродному элементу, так как они делают нечто порицаемое любимой народной советской властью» [Лопатина, 2018, с. 55]. Крестьян старших поколений в свою очередь крайне раздражали популяризируемые властью новые обряды, попытки по-новому регламентировать семейно-брачные отношения. На селе даже в рядах партии находилось мало людей, одобрявших превращение похорон или свадеб в митинги. Показателен крестьянский монолог, записанный А. М. Большаковым: «Религия не нами начата. Кругом будут креститься, отпеваться, венчаться, — а мы без всего этого? Таких дел пока еще нигде не слышать в нашей округе. Что же мы, первыми что ли будем?» [Большаков, 1927, с. 407].

Даже официальные публикации тех лет свидетельствуют о крайнем возмущении родителей демонстративным непочтением со стороны представителей младших поколений. «Теперь в семье сын и дочь сплошь и рядом говорят родителям: отстань от меня, что ты ко мне пристала, ты ничего не понимаешь — а раньше это считалось позором» [Ривес, 1930, с. 92].

Руководитель СВБ Е. Ярославский, наоборот, регулярно отмечал успехи антирелигиозного влияния молодежи на родителей. По его мнению, если укрепить новую мораль «в сознании каждого ребенка, каждого юноши, каждой девушки», советская власть будет непобедима: «Мы гигантски ускорим муки родов нового общества» [Ярославский, 1932, с. 191].

Опросы живших в годы коллективизации в сельской местности, проводившиеся на рубеже XX—XXI веков, показывают, что именно в это время крестьяне стали остерегаться вести религиозные разговоры при детях. Все чаще они тайно молились, держали иконы, но детей молиться не приучали. По их словам, антирелигиозная активность во многом способствовала падению нравственности, разнузданности обыденного поведения сельчан [Зленко, 2012; Лопатин, 2009; Трушнович, 2004].

Еще большему дистанцированию крестьян старших поколений от молодых активистов способствовала кардинальная разница в подходах к организации быта, в том числе в праздничной культуре поколений. Так, с декабря 1929 года празднования с использованием елок официально были запрещены, но в некоторых крестьянских семьях все равно праздновали рождество с установкой елки. Поэтому во многих комсомольских организациях создали специальные патрули, ходившие по домам с целью выявить «религиозные, контрреволюционные деревья». Для расширения круга сторонников антирождественских мероприятий организовали экологическую всероссийскую акцию «Спасём лес!».

О межпоколенческом разломе в религиозной сфере красноречиво свидетельствуют следующие случаи. В Баландинском районе Нижневолжского края престарелые родители прокляли 20—25-летних детей за вступление в Ликбез, на занятиях которого твердили, что Бога нет [Яковлева, 2020, с. 54]. В селе Сухоложском Шадринского района в ответ на несогласие местных жителей с резолюцией за закрытие церкви подростки выбили 17 окон в церкви. Увидев бездействие сельсовета, повторили погром [Яшина, 2013, с. 106].

Для крестьян старших поколений, воспитанных на незыблемости религиозных ценностей, событием, показывающим, что власть в достижении своих целей не остановится ни перед какими авторитетами и традициями, стало закрытие церквей и мечетей. Межпоколенческие отношения

осложнялись при использовании культовых сооружений под школы, дома пионеров, клубы, в которых отдыхала прежде всего молодежь.

С конца 1928 года власть официально признавала рост протестных выступлений на религиозной почве, в первую очередь — из-за закрытия храмов. Нередко поводом для крестьянских протестов становились бесчинства комсомольцев [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 2, д. 81, л. 32; Алексеев, 1991; Строганов, 2021 и др.], их радикализм в осуждении любых проявлений религиозности. Из 13 754 массовых крестьянских выступлений, зафиксированных ОГПУ в 1930 году, 1487 возникли на религиозной почве [Трагедия ..., 2000, с. 787]. Их обстоятельства подробно описаны в современной литературе [Безгин, 2019; Кабытов, 2020; Козлов, 2013].

Именно на защиту интересов верующих зачастую были направлены «бабьи бунты». В 1929 году из 1307 массовых выступлений 486 были чисто женскими, в 67 большинство участниц составили женщины. 223 выступления были вызваны закрытием храмов и другими антирелигиозными действиями [Совершенно..., 2008, с. 1408—1409]. По сведениям ОГПУ, «почти во всех выступлениях, имевших место в 1930 году, женщины составляли или большинство, или значительную часть участников» Из учтенных 2897 выступлений с участием женщин в первом полугодии 1930 года 778 составили бунты на религиозной почве [Там же, с. 1409]. Например, в одном из сёл Нижне-Волжского края полторы тысячи женщин несколько суток дежурили у храма, охраняя колокол, который якобы хотели снять комсомольцы. В селе Белоголовое Жуковского района Брянского округа женщины избили комсомольцев, пытавшихся снять колокола. Затем при появлении комсомольцев женщины били в набат [Там же, с. 1414]. В дагестанском селе Батаюрт в декабре 1929 года группа из почти 300 женщин, частично вооруженных палками, топорами и кинжалами, устроила демонстрацию под лозунгом: «Долой колхозы! Да здравствует духовенство» [Разаков, 2016, с. 306]. В январе 1930 года в с. Карели Моршанского района Центрально-Чернозёмной области молодежное собрание решило использовать под школу местную церковь. В ответ толпа женщин из 500 человек с кольями врывается в дома молодежных активистов и избивала их. Возмущенные женщины разошлись по домам только после обещания представителями власти церковь не закрывать [Совершенно..., 2008, с. 1410—1411]. В с. Бардинке Пензенского района местные жительницы также воспротивились намерению властей передать церковные земли школе. Главный контраргумент звучал следующим образом: «Учитель только развращает детей, он не велит ходить детям в церковь» [Гущин, 2017, с. 35]. В отдел расследования и читки редакции газеты «Правда» в августе 1930 года пришло письмо из Крыма: «Величайший удар и развал колхозного строя по

всему Советскому Союзу произвели женщины полной прицепкой к церквям и попам. Женщинам внушили: “Нас насильно загнали в колхозы, а потом загонят и в коммуны, где начнется постыдная половая, развратная жизнь”» [Трагедия, 200, с. 587].

Как заметил А. В. Топоров, «гонения приводили к обратному эффекту: вместо того, чтобы запугивать, они сплывали народ вокруг Церкви» [Топоров, 2005, с. 239—240.] Верующие размышляли примерно так: «Я религиозен, потому что все Божественные предписания почти что исполняются, а беседы антирелигиозников основываются на безалаберном хулиганстве» [Коноплев, 1929, с. 42].

Молодые «безбожники» действительно далеко не всегда проявляли сдержанность даже при применении тех форм антирелигиозной работы, которые подавались как умеренные и разумные. Так, в с. Дюрки Атяшевского района был устроен диспут между церковниками и молодым кандидатом в члены ВКП(б) Кортиковым. Доказывая, что чудотворная икона — обман духовенства, Кортиков выстрелил в нее из нагана. Присутствовавшие, возбужденные таким поступком, набросились на парня и пытались его резать [Совершенно..., 2004, с. 226].

В сообщениях с мест регулярно можно было прочесть сообщения об антирелигиозных молодежных выходках хулиганского характера. Например, «в Юхнове комсомольцы возглавили снятие икон у крестьян, собрали шесть подвод икон, облили керосином и сожгли» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 2, д. 81, л. 32]. Как писал В. П. Булдаков, «когда период самоутверждения личности приходится на разлом исторического времени, от молодежи можно ожидать каких угодно сюрпризов» [Булдаков, 2012, с. 350].

Еще больший негативный резонанс в крестьянской среде вызывали надругательства над мощами святых. Молодежные активисты игнорировали рост крестьянского недовольства. На изъятие мощей Митрофания Воронежского они, например, приглашали, как на развлечение, обещая участие в киносъемках.

В некоторых селах комсомольцы совсем не имели авторитета. Пермский окружной отдела ОГПУ докладывал в октябре 1929 года секретарю Пермского окружкома ВКП(б): «По-прежнему ненормальности находят место в комсомольских организациях, борьба же с ними ведется слабая и местами совершенно отсутствует. Имеются факты, когда сами представители руководящих организаций комсомола являют собой пример разгильдяйства и разнузданности. Некоторые комсомольские ячейки совершенно не руководятся. Члены ячеек предоставлены сами себе». Неслучайно крестьяне Сергинского района говорили: «Вы сами вести себя не можете и мы за Вами не пойдем [Общество ..., 2008, с. 625]».

4. Заключение = Conclusions

Многочисленные свидетельства дают повод сомневаться в правдоподобности всех успехов антирелигиозной деятельности, о которых заявляла официальная пропаганда. Многие местные антирелигиозные издания, не сумев завоевать хоть какую-то популярность, быстро умирали или превращались в странички партийных изданий [Шеримет, 2022, с. 94]. Д. Перис считает, что в СВБ «членство обычно сводилось к занесению имени в список». Он называет СВБ «карточным домиком», «атеистической потёмкинской деревней в национальном масштабе» [Peris, 1998, p. 225—226.]. Причем очевидно, что на селе количество активно участвующих в антирелигиозной работе было значительно меньше, чем в городах, а в национальных районах безбожное движение подчас почти отсутствовало. Против налаживания серьезной атеистической пропаганды работало и то, что в некоторых регионах число лиц с низшим образованием в СВБ доходило до 90 %.

Даже секретариат ЦК ВЛКСМ в марте 1930 года отмечал, что СВБ «совершенно слабо организует работу среди молодежи и неудовлетворительно руководит секцией молодежи при советах СВБ» [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 4, д. 43, л. 70]. Многие комсомольцы не торопились с вступлением в СВБ. Так, в начале 1930 года только 8,6 % членов ВЛКСМ Елецкого округа состояли в СВБ, в Дагестане этот показатель составлял лишь 2 % [Ярославский, 1935, с. 127—128]. Хотя устав СВБ гласил: «Всю работу Союз Безбожников проводит в полном контакте и согласованности с местными партийными и комсомольскими организациями, политпросветами и культотделами профсоюзов» [Устав ..., 1931, с. 3], комсомолу не удалось наладить тесное взаимодействие с СВБ.

Тем не менее именно к началу 1930-х годов безбожное движение достигло своего пика, и влияние его на ситуацию в российской деревне игнорировать нельзя. Прав И. И. Янушевич: «Пусть членство в СВБ многих и было формальным, а то и совсем мнимым, отраженным только в отчетах, но и это было уже серьезное достижение, которое в дальнейшем не повторится» [Янушевич, 2017, с. 181]. Взаимные упреки руководства комсомола и СВБ были прекращены ЦК ВКП(б), потребовавшим конструктивного сотрудничества перед лицом общего врага. Был разработан комплекс совместных антирелигиозных мероприятий [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 4, д. 47, л. 5].

Нельзя отрицать случаи, когда комсомольцы оставались верны патриархальной традиции подчинения старшим. Однако в целом приходится признать, что коллективизация разрушала институт патриархальной семьи, так как комсомольцы и другие молодые колхозники переставали зависеть от своих родителей. При этом прав Р. В. Рыбаков: «Формируемые ценности часто вступали в серьезное противоречие с господствующей

культурой, что приводило или к серьезному личностному разногласию, или к конфликту целых поколений: силовое решение возникающих социальных конфликтов было достаточно частым явлением эпохи» [Рыбаков, 2016, с. 125]. В лице комсомола создавался социальный институт, успешно конкурирующий с семьей. Более того, в небывалых масштабах разворачивался процесс вытеснения «родительской семьи как института социализации» [Рожков, 2014, с. 39].

Конфликты между крестьянами разных поколений стали обыденностью сельской жизни. Родители не только применяли физические наказания, сжигали или портили антирелигиозные костюмы, но и угрожали выгнать детей из дома. Партийные наставники призывали юношество не бояться преследований «приверженцев старого» из числа родственников, настойчиво доказывать им свою правоту. Лояльность к религиозным родителям непримиримо осуждалась и в комсомоле, и в СВБ. А среди крестьян это приводило к росту настроений нетерпимости по отношению к ячейкам ВЛКСМ и СВБ.

Вскоре после описываемых в данной статье событий французский журналист Поль Шарль Вайян-Кутюрье писал, что мир, в котором живет советская молодежь, не имеет ничего общего с жизнью прошлых поколений, что в советском обществе происходит конфликт «не между молодым и старым поколениями, а между молодыми людьми и старыми идеями...» [Вайян-Кутюрье, 1935, с. 1]. Однако борьба с идеями напрямую предусматривала почитание лишь отцов коллективизированных и классово-сознательных, других же отцов даже с позиций медицины призывали перевоспитывать («а если они не перевоспитываются, дети этически вправе покинуть таких отцов, так как интересы революционного класса выше блага отца» [Залкинд, 1924, с. 54—55]).

Антирелигиозная деятельность молодых безбожников стала одним из мощнейших факторов углубления межпоколенческого конфликта российского села. У большинства молодежи и большинства представителей поколений «отцов» и «дедов» налицо был огромный разрыв между восприятием действительности и перспектив развития российского села, в том числе в духовной сфере.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Антирелигиозное воспитание в школах повышенного типа.* — Москва ; Наркомпрос РСФСР ; Ленинград : Госиздат, 1929. — 60 с.

2. Бельчук. Массовая работа по проведению переыборной кампании советов (Стародубский уезд) / Бельчук // Коммунар. — 1929. — № 1. — С. 44—45.
3. Большаков А. М. Деревня 1917—1927 / А. М. Большаков ; с предисл. М. И. Калинина и акад. С. Ф. Ольденбурга. — Москва : Работник просвещения, 1927. — 471 с.
4. Большаков А. М. Советская деревня (1917—1925 гг.) : экономика и быт / А. М. Большаков. — 2-е изд., знач. доп. — Ленинград : Прибой, 1925. — 263 с.
5. Вайян-Кутюрье П. Несчастье быть молодым / П. Вайян-Кутюрье // Юный пролетарий. — 1935. — № 11. — С. 1—3.
6. ВЛКСМ в резолюциях его съездов-конференций / Под ред. Г. Лебедева, А. Шохина и Г. Ярцева. — Москва—Ленинград : Молодая гвардия, 1929. — 354 с.
7. Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917—1932 / Центральный совет Союза воинствующих безбожников и Институт философии Коммунистической академии ; под редакцией М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. — Москва : ОГИЗ : Государственное антирелигиозное издательство, 1932. — 525 с.
8. ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р — 5263. Оп. 1. Д. 1. Л. 4. Оп. 2. Д. 7. Л. 2. Ф. Р — 5407. Оп. 1. Д. 25, Л. 34. Д. 94. Л. 4.
9. ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. Ф. П-1214. Оп. 1. Д. 31. Л. 8.
10. Голубь П. Приводные ремни : Агитсуд : (К отчетной кампании Ленингр. сов.) / П. Голубь ; Ленинград. обл. кабинет политпросветработы. — Ленинград : Тип. Облфо им. т. Котлякова, 1930. — 29 с.
11. Григорьев В. Суд над дезертиром похода за урожай / В. Григорьев. — Москва ; Ленинград : Молодая гвардия, 1929. — 102 с.
12. «Дорогие братья и сестры!» — Правда молодёжи. 1928. 8 янв.
13. Ежегодник деревенского работника на 1931 год / [сост. тт. Азаренко и др. ; ред. : Х. Н. Кантор и В. А. Нодель]. — Москва : Московский рабочий, 1931. — 640 с.
14. Ершов А. Агитсуд над врагами коллективизации / А. Ершов. — Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. — 44 с.
15. Залкинд А. Б. Революция и молодежь / А. Б. Залкинд. — Москва : Издание Коммунистич. ун-та им. Свердлова, 1924. — 144 с.
16. Замятин Е. Советские дети / Е. Замятин // Литературная учеба. — 1990. — № 3. — С. 74—76.
17. Инденбом Л. А. Агросуды : Суд над вредителями. Суд над сорняками. Суд над бескормичей... и другие : [Указания к проведению и примерные разработки] / Л. А. Инденбом ; Агрономич. редакция С. А. Ершова. — Москва : Крестьянская газета, 1929. — 46 с.
18. Итоги девятого съезда ВЛКСМ : Материалы для докладчиков. — Москва : Молодая гвардия, 1931. — 87 с.
19. Коноплев Н. На школьном участке безбожного фронта / Н. Коноплев // На путях к новой школе. — 1929. — № 11. — С. 39—46.
20. Красноармейский антирелигиозный учебник / составлено Г. Берлиным и др. ; под общей редакцией Ф. Родионова ; Центральный совет союза воинствующих безбожников СССР и ПУРККА СССР. — 2-ое перераб. изд. — Москва : Безбожник, 1931. — 241 с.
21. Летняя работа городского и деревенского отряда юных пионеров. — Кострома : 2-я гос. типо-лит. Полиграфтреста, 1927. — 29 с.
22. Лядов М. Н. Вопросы быта / М. Н. Лядов // Партийная этика (Документы и материалы дискуссии 20-х годов). — Москва : Политиздат, 1989. — С. 304—326.

23. *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений. — Москва : Госполитиздат, 1959. — Т. XII. — 746 с.
24. *Общество и власть.* Российская провинция. 1917—1985 : Документы и материалы в 6 т. Пермский край. — Пермь : Банк культурной информ., 2008. — Т. 1. — 683 с. — ISBN 978-5-7851-0708-3.
25. *Олещук Ф.* Первые итоги социалистического соревнования на антирелигиозном фронте / Ф. Олещук // *Антирелигиозник.* — 1929. — № 9. — С. 30—36.
26. *Просвещенец* на антирелигиозном фронте / под ред. А. Коростелева, А. Лукачевского, И. Флерова. — Москва : Работник просвещения; Ленинград : [б. и.], 1929. — 115 с.
27. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. М — 1. Оп. 2. Д. 68. Л. 20. Д. 81. Л. 32. Оп. 4. Д. 43. Л. 70. Д. 47. Л. 5. Оп. 23. Д. 665а. Л. 5. Ф. П — 17. Оп. 3. Д. 723. Л. 9—11. Оп. 113. Д. 801. Л. 103. Ф. П-89. Оп. 4. Д. 122. Л. 19 об.
28. *Ривес С. М.* Религиозность и антирелигиозность в детской среде / С. М. Ривес ; Предисловие : В. Н. Шульгин. — Москва : Работник просвещения, 1930 (тип. "Гудок"). — 120 с.
29. *Русское и советское* молодёжное движение в документах 1905—1937 гг. — Москва : ОМПИ-Пресс, 2002. — 384 с.
30. «*Совершенно секретно*» : Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.) : Сб. док. В 10 т. — Москва : Ин-т российской истории Российской акад. наук [и др.], 2001. — Т. 2. — 510 с. — ISBN 5-8055-0067-1.
31. СБ — *Союз безбожников.*
32. СВБ — *Союз воинствующих безбожников.*
33. *Справочник* партийного работника. — Москва — Ленинград : Гос. изд-во, 1930. — Выпуск 7. — Ч. 2. — 384 с.
34. *Сталин И. В.* Год великого перелома : К XII годовщине Октября / И. В. Сталин // *Сочинения.* — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1949. — Т. 12. — С. 118—135.
35. *Товарищ комсомол* : документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. В 2-х т. 1918—1941 / Сост. : В. Десятерик и др. — Москва : Молодая гвардия, 1969. — Т. 1. — 606 с.
36. *Трагедия* советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы. — В 5-ти тт. — Москва : РОССПЭН, 2000. — Т. 2 : Ноябрь 1929 — декабрь 1930. — 925 с. — ISBN 5-8243-0131-X.
37. *III Всесоюзное* совещание корреспондентов «Учительской газеты» // *Учительская газета.* — 1928. — 13 сентября.
38. *Устав* Союза Воинствующих Безбожников. — Москва : Безбожник, 1931. — 13 с.
39. *Чудновцев М. И.* Церковники и сектанты в борьбе против культурной революции / М. И. Чудновцев. — Москва : акц. изд-ское о-во "Безбожник", 1930 (Ленинград : гос. тип. им. Евг. Соколовой). — 108 с.
40. *Ярославский Е.* Против религии и церкви : в 5 т. Октябрьская революция, религия и церковь / Е. Ярославский. — Москва : Гос. антирелигиоз. изд-во, 1932. — Т. I. — 416 с.
41. *Ярославский Е.* Соцсоревнование и антирелигиозная пропаганда / Е. Ярославский // *Правда.* — 1929. — 1 мая.

Литература

1. *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы / В. А. Алексеев. — Москва : Политиздат, 1991. — 398 с. — ISBN 5-250-01242-6.
2. *Андреец У. М.* Комсомольские организации как политический ресурс в коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока / У. М. Андреец // Россия и АТР. — 2016. — № 1. — С. 250—260.
3. *Асташов А. Б.* Крестьянско-молодежный мир в эпоху «великого перелома» / А. Б. Асташов // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». — 2022. — № 9. — С. 101—119. — DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-101-119.
4. *Безгин В. Б.* Политика коллективизации и крестьянское сопротивление (по материалам Козловского округа Центрально-Черноземной области) / В. Б. Безгин, В. П. Николашин // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 243—259. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-243-259.
5. *Булдаков В. П.* Утопия, агрессия, власть : психосоциальная динамика постреволюционного времени, Россия, 1920—1930 гг. / В. П. Булдаков. — Москва : РОССПЭН, 2012. — 756 с. — ISBN 978-5-8243-1720-6.
6. *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина : коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Л. Виола ; [пер. с англ. А. В. Бардина]. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 366 с. — ISBN 978-5-8243-1311-6.
7. *Вязинкин А. Ю.* Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в. : проблемы историографии / А. Ю. Вязинкин // Вопросы истории. — 2022. — № 7—2. — С. 153—165. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46.
8. *Гайлит О.* Религия в «молодом» обществе : заметки о становлении советской повседневности / О. Гайлит // Антропологический форум. — 2012. — № 16. — С. 288—308.
9. *Грищенко И. А.* Борьба с религией как идейная составляющая коллективизации (по архивным материалам Гомельского региона) / И. А. Грищенко // 1917—2017 : уроки столетия : Материалы международной научно-исторической конференции. — Гомель : Белорусский государственный университет транспорта, 2017. — С. 304—313.
10. *Гущин А. А.* Взаимоотношения советской власти и церкви в сельской местности в конце 1920-х — начале 1930-х гг. : (На материалах Пензенского округа Средне-Волжской области) / А. А. Гущин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. — 2017. — № 1. — С. 32—39.
11. *Дианова Е. В.* Антирелигиозное воспитание и обучение в школах Карелии в 1920-е годы / Е. В. Дианова // Государство, общество, Церковь в истории России XX—XXI веков : Материалы межд. научн. конф. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2020. — С. 239—245.
12. *Евдокимова А. Н.* Формы антирелигиозной деятельности Союза воинствующих безбожников в Чувашской Республике в 20—30-е годы / А. Н. Евдокимова, А. Л. Ляпина // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева) : сб. тр. Всерос. науч. конф. с междунар. участием. — Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. — С. 172—177. — ISBN 978-5-6042436-6-4.
13. *Зленко И. А.* Старец земли Кузнецкой : (опыт церковно-исторического и культурологического исследования) / И. А. Зленко, Л. Лопатин, Н. Лопатина. — Кемерово : КемГУКИ, 2012. — 319 с. — ISBN 978-5-8154-0244-7.
14. *Игнатьева Е. А.* Молодежь Сибири как мобилизационный ресурс региональной властей период «великого перелома» : аспекты исследования / Е. А. Игнатьева // Реформы в повседневной жизни населения России : история и современность. Материалы

международной научной конференции. — Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2020. — Т. 3. — С. 58—63.

15. *Ипполитов В. А.* Факторы регулирования социального состава комсомола в 1931—1935 годах / В. А. Ипполитов // Социодинамика. — 2016. — № 3. — С. 126—136. — DOI: 10.7256/2409-7144.2016.3.17789.

16. *Исаев В. И.* Молодежь Сибири в социально-политических конфликтах в годы «великого перелома» / В. И. Исаев // Молодежь России : история и современность. — 2002. — № 3. — С. 59—62.

17. *Кабытов П. С.* Енганаевское дело : "Не трогайте землю, оставьте имамов, коммуна нам не нужна..." / П. С. Кабытов, А. В. Кобзев // Центр и периферия. — 2020. — № 4. — С. 25—35.

18. *Каиль М. В.* Антирелигиозная агитация и пропаганда 1920-х годов : провинциальная практика, формы, динамика (на примере Смоленской губернии) / М. В. Каиль // Известия Смоленского государственного университета. — 2010. — № 1. — С. 205—217.

19. *Карлявина А. И.* Антирелигиозная карикатура в советской периодической печати 1920-х гг. (по материалам газеты «Безбожник») / А. И. Карлявина // Клио. — 2019. — № 4. — С. 34—39.

20. *Кедров Н. Г.* Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы / Н. Г. Кедров. — Москва : РОССПЭН, 2013. — 280 с. — ISBN 978-5-8243-1815-9.

21. *Козлов Ф. Н.* Молодежные реакции на инновационный концепт советского безбожия : историко-психологический аспект / Ф. Н. Козлов // PolitBook. — 2014. — № 3. — С. 68—79.

22. *Козлов Ф. Н.* "Женский вопрос" как элемент социальной политики советского государства в 1920-е — первой половине 1930-х годов (в контексте государственно-церковных отношений в национальных регионах Среднего Поволжья) / Ф. Н. Козлов // Вестник Чувашияского университета. — 2013. — № 4. — С. 29—37.

23. *Кузнецов И. А.* Политическая культура крестьянства и политический режим в СССР в 1920—1930-е гг. / И. А. Кузнецов // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века. — Коломна : Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2013. — С. 482—484.

24. *Курляндский И. В.* Сталин, власть и религия (религиозный фактор во внутренней политике советского государства в 1922—1953 гг.) / И. А. Курляндский. — Москва : Кучково поле, 2011. — 701 с. — ISBN 978-5-9950-0150-8.

25. *Левада Ю. А.* Заметки о проблеме поколений / Ю. А. Левада // Отцы и дети : Поколенческий анализ современной России. — Москва : Новое лит. обозрение, 2005. — С. 235—244. — ISBN 5-86793-370-9.

26. *Левада Ю. А.* Поколения XX века : Возможности исследования / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2001. — № 5. — С. 7—14.

27. *Лопатин Л. Н.* Коллективизация и раскулачивание : (очевидцы и документы свидетельствуют) / Л. Н. Лопатин, Н. Л. Лопатина. — Кемерово : Аксиома, 2009. — 445 с. — ISBN 978-5-9901476-1-4.

28. *Лопатина Н. Л.* Социокультурная трансформация религиозных ценностей в СССР в первой половине XX в. / Н. Лопатина // Идеи и идеалы. — 2018. — Т. 1. — № 4. — С. 49—62.

29. Мангейм К. Очерки социологии знания : Проблема поколений-сопоставительность — экон. Амбиции / К. Мангейм ; [Пер. с англ. Е. Я. Додина]. — Москва : ИНИОН РАН, 2000. — 162 с. — ISBN 5-248-01334-8.

30. Мищенко Т. А. Молодое поколение в конструировании новой политической идентичности в 1920-е гг. в деревне Юго-Запада России / Т. А. Мищенко // Манускрипт. — 2020. — Т. 13. — № 10. — С. 34—40.

31. Надеждина В. А. Эволюция общественно-политических настроений рабочих и крестьянства Оренбургской губернии в годы НЭПа (1921—1929 гг.) / В. А. Надеждина, П. М. Кайбушева. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. — 147 с. — ISBN 978-5-7477-2752-6.

32. Новоселов А. Л. «Поп с кулаком сварганил «чудо» : антирелигиозная пропаганда на страницах детского журнала «Юные безбожники» / А. Л. Новоселов, А. А. Сальникова // Современная научная мысль. — 2020. — № 2. — С. 84.

33. Орлов И. Б. Лозунги и реалии «безбожной пятилетки» / И. Б. Орлов // Армагеддон. — 2001. — № 11. — С. 87—92.

34. Островский В. Б. Комсомол — помощник партии в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (в годы первой пятилетки) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.00 / В. Б. Островский. — Саратов, 1953. — 30 с.

35. Очерки истории ВЛКСМ : в поисках истины : в 2 ч. / науч. ред. А. А. Галаган, В. К. Криворученко. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. — Ч. 1. — 195 с. — ISBN 5-292-01357-9.

36. Панарин А. А. Молодежь в переустройстве сельского хозяйства в СССР на рубеже 20—30-х годов XX века / А. А. Панарин, Ю. А. Стецура // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 : Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2012. — № 2. — С. 56—62.

37. Покровская Т. Ю. Религиозная память крестьянства в 30-х годах XX века в селах Черномезья России / Т. Ю. Покровская // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. — 2022. — Т. 8. — № 1. — С. 108—117.

38. Пономарев М. В. Борьба с религией как составляющая политической культуры советского общества 1917—1930-х гг. (на материалах Нижней Волги) / М. В. Пономарев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7 : Философия. Социология и социальные технологии. — 2009. — № 2. — С. 215—221.

39. Разаков Р. Ч.-М. Политика сплошной коллективизации в Дагестане / Р. Ч.-М. Разаков // Научный диалог. — 2016. — № 11. — С. 304—316.

40. Регельсон Л. Л. Трагедия Русской церкви, 1917—1945 / Л. Л. Регельсон. — Москва : Изд-во Крутицкого подворья : О-во любителей церковной истории, 2007. — 640 с.

41. Рожков А. Ю. В кругу сверстников : Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов / А. Ю. Рожков. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 630 с. — ISBN 978-5-4448-0216-8.

42. Рожков А. Ю. Трансформация ценностных ориентаций сельской молодежи Кубани в условиях межпоколенческого разрыва (1920-е гг.) / А. Ю. Рожков // Голос минувшего. — 2016. — № 3—4. — С. 164—182.

43. Рудюк О. Г. Начальный период атеистического воспитания среди детей и молодежи в БССР / О. Г. Рудюк // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. — 2019. — № 1. — С. 126—136.

44. Рыбаков Р. В. «Социалистической культуре недостает каких-то добродетельных начал» : из опыта воспитания советской молодежи в 1920-е гг. / Р. В. Рыбаков // Истори-

ческие, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 11—1. — С. 122—126.

45. Сафонов Д. А. Комсомольцы Российской провинции первого призыва : мироощущение и политическая активность / Д. А. Сафонов // История : факты и символы. — 2022. — № 4. — С. 39—57. — DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-39-57.

46. Сахарова Л. Г. Особенности атеистической политики среди марийской молодежи в Вятском регионе в 1920—1930-е гг. / Л. Г. Сахарова // История народов России. — Москва : РУДН, 2011. — С. 331—338. — ISBN 978-5-209-03617-3.

47. Слезин А. А. Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей / А. А. Слезин // Вопросы истории. — 2022. — № 8—2. — С. 106—128. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi32.

48. Слезин А. А. Противостояние крестьян и комсомольцев в духовной сфере русской деревни начала 1920-х годов / А. А. Слезин // Аграрная история. — 2023. — № 13. — С. 22—42. — DOI: 10.52270/27132447_2023_13_22.

49. Соболева А. Н. Участие молодежи БМАССР в модернизационных процессах 1920-х — 1930-х гг. / А. Н. Соболева. — Улан-Удэ : Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2014. — 184 с. — ISBN 978-5-7925-0419-6.

50. Строганов А. В. Роль духовенства в крестьянском протесте в период коллективизации / А. В. Строганов // Власть. — 2021. — Т. 29. — № 3. — С. 235—240. — DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8189>.

51. Строганов А. В. Феномен женского протеста на селе в Московской области в период коллективизации / А. В. Строганов // Власть. — 2021. — Т. 29. — № 1. — С. 144—149. — DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7929>.

52. Топоров А. В. Е. А. Тучков. Портрет на фоне эпохи / А. В. Топоров // Церковно-исторический ежегодник. — 2005. — Выпуск 4. — С. 239—240.

53. Трушнович А. Р. Воспоминания корниловца (1914—1934) / А. Трушнович. — Москва : Посев, 2004. — 334 с. — ISBN 5-85824-153-0.

54. Ченская Т. В. Общественные настроения советского крестьянства в российской деревне в 1926—1932 гг. на примере Орловского округа и источники их изучения (по материалам окротдела ОГПУ) / Т. В. Ченская // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 4. — С. 40—44.

55. Чирков М. С. Религия в условиях модернизации российского общества : православие в русской деревне 1920-х годов / М. С. Чирков // Традиционные общества : неизвестное прошлое. — Челябинск : Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2019. — С. 319—325.

56. Чистякова Д. П. Типологизация поколений по Ю. Леваде : социолого-культурологический аспект / Д. П. Чистякова // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция : теория и практика. — 2016. — № 9. — С. 99—103.

57. Шанин Т. История поколений и поколенческая история / Т. Шанин // Человек. Сообщество. Управление. — 2005. — № 3. — С. 6—25.

58. Шевченко В. А. Советская школа : переход от безрелигиозного воспитания к антирелигиозному (1927—1929 гг.) / В. А. Шевченко // Новый исторический вестник. — 2007. — № 2. — С. 207—213.

59. Шеримет А. Г. Идеологическое воздействие в провинции 1920-х годов : монополизация процесса / А. Г. Шеримет // История : факты и символы. — 2022. — № 3. — С. 86—101. — DOI: 10.24888/2410-4205-2022-32-3-86-101.

60. Яковлева Ж. В. «Марш отсюда... Церковь закрыта! Верующие теперь неверующие!» : Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х — начало 1940-х гг.) / Ж. В. Яковлева. — Саратов : Техно-Декор, 2020. — 250 с. — ISBN 978-5-907175-42-6-2.

61. Янушевич И. И. Проблемы взаимоотношений Союза безбожников и Коммунистического союза молодежи по вопросам организации антирелигиозной работы (1926—1932 гг.) / И. И. Янушевич // Романовские чтения — 12 : сборник ст. Междунауч. науч. конф. / под общ. ред. А. С. Мельниковой. — Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2017. — С. 180—181.

62. Яшина М. А. Роль Союза безбожников" в антирелигиозной политике советского государства в 1920—1930-е годы : на материалах Урала / М. А. Яшина // Известия Алтайского государственного университета. — 2013. — № 4—2. — С. 104—108.

63. Kirschenbaum L. A. Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917—1932 / L. A. Kirschenbaum. — New York and London : Routledge Falmer, 2001, xi. — 232 p. — ISBN-10: 0815339453 ISBN-13: 978-0815339458.

64. Kuhr-Korolev C. "Gezähmte Helden". Die Formierung der Sowjetjugend 1917—1932 / C. Kuhr-Korolev. — Essen : Klartext Verlag, 2005. — 365 p. — ISBN 978-3-89861-349-1.

65. Mead M. Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap / M. Mead. — New York : Natural History Press, 1970. — 113 p. — ISBN 10: 0385041128 ; ISBN 13 : 9780385041126.

66. Peris D. Storming the Heavens / D. Peris. — Ithaca and London : Cornell university Press, 1998. — 237 p. — ISBN 0 -8014-3485-8.

Статья поступила в редакцию 16.02.2023,
одобрена после рецензирования 29.03.2023,
подготовлена к публикации 15.04.2023.

Material resources

Anti-religious education in advanced schools. (1929). Moscow; People's Commissariat of the RSFSR; Leningrad: Gosizdat. 60 p. (In Russ.).

Belchuk. (1929). Mass work on the reelection campaign of the Soviets (Starodubsky uyezd). *Kommunar*, 1: 44—45. (In Russ.).

Bolshakov, A. M. (1925). *The Soviet village (1917—1925): economy and life. 2nd ed., significant additional.* Leningrad: Priboy. 263 p. (In Russ.).

Bolshakov, A. M. (1927). *Village 1917—1927.* Moscow: Worker of Education. 471 p. (In Russ.).

Chudnovtsev, M. I. (1930). *Churchmen and sectarians in the struggle against the cultural revolution.* Moscow: acc. publishing house "The Godless". 108 p. (In Russ.).

Comrade Komsomol: documents of congresses, conferences and the Central Committee of the Komsomol. In 2 volumes 1918—1941, 1. (1969). Moscow: Molodaya gvardiya. 606 p. (In Russ.).

"Dear brothers and sisters!" — *The Truth of youth. 8 Jan.* (1928). (In Russ.).

Ershov, A. (1930). *Agitsud over the enemies of collectivization.* Novosibirsk: Sibkraizdat. 44 p. (In Russ.).

GA RF — *State Archive of the Russian Federation. F. R-5263. Op. 1 D. 1. L. 4. Op. 2. D. 7. L. 2. F. R-5407. Op. 1. D. 25, L. 34. D. 94. L. 4.* (In Russ.).

- GASPITO — *State archive of socio-political history of the Tambov region. F. P-1214. Op. 1. D. 31. L. 8.* (In Russ.).
- Golub, P. (1930). *Drive belts: Agitsud: (For the reporting campaign of the Leningr. sov.)*. Leningrad: Tip. Oblfo named after T. Kotlyakov. 29 p. (In Russ.).
- Grigoriev, V. (1929). *The trial of the deserter of the campaign for the harvest*. Moscow; Leningrad: Molodaya gvardiya. 102 p. (In Russ.).
- Handbook of a party worker; 7 (2).* (1930). Moscow — Leningrad: State Publishing House. 384 p. (In Russ.).
- III All-Union meeting of correspondents of “Uchitelskaya gazeta”. (1928). *Uchitelskaya gazeta. September 13.* (In Russ.).
- Indenbom, L. A. (1929). *Agrosudy: The trial of pests. The trial of weeds. The trial of beskor-mitsa... and others: [Guidelines for conducting and approximate developments]*. Moscow: Peasant Newspaper. 46 p. (In Russ.).
- Komsomol in the resolutions of its congresses and conferences.* (1929). Moscow—Leningrad: Molodaya gvardiya. 354 p. (In Russ.).
- Konoplev, N. (1929). On the school site of the godless front. *On the way to a new school, 11:* 39—46. (In Russ.).
- Lyadov, M. N. (1989). Questions of life. In: *Party ethics (Documents and discussion materials of the 20s)*. Moscow: Politizdat. 304—326. (In Russ.).
- Mayakovsky, V. V. (1959). *Complete works, XII*. Moscow: Gospolitizdat. 746 p. (In Russ.).
- Militant atheism in the USSR for 15 years. 1917—1932.* (1932). Moscow: OGIZ: State Anti-religious Publishing House. 525 p. (In Russ.).
- Oleshchuk, F. (1929). The first results of the socialist competition on the antireligious front. *Antireligious, 9:* 30—36. (In Russ.).
- Results of the Ninth Congress of the Komsomol: Materials for speakers.* (1931). Moscow: Molodaya gvardiya. 87 p. (In Russ.).
- RGASPI — *Russian State Archive of Socio-Political History.* (In Russ.).
- Rives, S. M. (1930). *Religiosity and antireligiousness in the children's environment*. Moscow: Worker of Education. 120 p. (In Russ.).
- Russian and Soviet youth movement in documents of 1905—1937.* (2002). Moscow: OMP-Press. 384 p. (In Russ.).
- SB — *Union of Atheists.* (In Russ.).
- Society and power. Russian province. 1917—1985: Documents and materials in 6 vols. Perm Region, 1.* (2008). Perm: Bank of Cultural Inform. 683 p. ISBN 978-5-7851-0708-3. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1949). The Year of the Great turning point: To the XII anniversary of October. In: *Essays, 12*. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 118—135. (In Russ.).
- Summer work of the city and village detachment of young pioneers.* (1927). Kostroma: 2nd state type-lit. Polygraphrest. 29 p. (In Russ.).
- SVB — *Union of Militant Atheists.* (In Russ.).
- The Charter of the Union of Militant Atheists.* (1931). Moscow: Godless. 13 p. (In Russ.).
- The Enlightener on the anti-religious front.* (1929). Moscow: Worker of Enlightenment; Leningrad: [b. i.]. 115 p. (In Russ.).
- The Red Army anti-religious textbook.* (1931). Moscow: Atheist. 241 p. (In Russ.).
- The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927—1939. Documents and materials. In 5 tt., 2.* (2000). Moscow: ROSSPEN. 925 p. ISBN 5-8243-0131-X. (In Russ.).

The yearbook of a village worker for 1931. (1931). Moscow: Moskovsky rabochy. 640 p. (In Russ.).

“Top secret”: *Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922—1934): Sat. doc. In 10 vols., 2.* (2001). Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences [et al.]. 510 p. ISBN 5-8055-0067-1. (In Russ.).

Vayyan-Couturier, P. (1935). Misfortune to be young. *Young proletarian, 11:* 1—3. (In Russ.).

Yaroslavsky, E. (1932). *Against religion and the Church: in 5 vols. The October Revolution, religion and the Church, I.* Moscow: State Antireligious. publishing house. 416 p. (In Russ.).

Yaroslavsky, E. (1929). Social competition and antireligious propaganda. *Pravda. May 1.* (In Russ.).

Zalkind, A. B. (1924). *Revolution and youth.* Moscow: Kommunistich Publishing House. un-ta im. Sverdlova. 144 p. (In Russ.).

Zamyatin, E. (1990). Soviet children. *Literary studies, 3:* 74—76. (In Russ.).

References

Alekseev, V. A. (1991). *Illusions and dogmas.* Moscow: Politizdat. 398 p. ISBN 5-250-01242-6. (In Russ.).

Andriets, U. M. (2016). Komsomol organizations as a political resource in the collectivization of agriculture in the Far East. *Russia and the Asia—Pacific Region, 1:* 250—260. (In Russ.).

Astashov, A. B. (2022). The peasant-youth world in the era of the “great turning point”. *Bulletin of the Russian State University. The series “Literary studies. Linguistics. Cultural studies”, 9:* 101—119. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-101-119. (In Russ.).

Bezgin, V. B., Nikolashin, V. P. (2019). The policy of collectivization and peasant resistance (based on the materials of the Kozlovsky district of the Central Chernozem region). *Nauchnyy dialog, 6:* 243—259. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-243-259. (In Russ.).

Buldakov, V. P. (2012). *Utopia, aggression, power: psychosocial dynamics of post-revolutionary time, Russia, 1920—1930.* Moscow: ROSSPEN. 756 p. ISBN 978-5-8243-1720-6. (In Russ.).

Chenskaya, T. V. (2014). Public sentiments of the Soviet peasantry in the Russian countryside in 1926—1932 on the example of the Oryol district and sources of their study (based on the materials of the OGPU department). *Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences, 4:* 40—44. (In Russ.).

Chirkov, M. S. (2019). Religion in the conditions of modernization of Russian society: Orthodoxy in the Russian village of the 1920s. In: *Traditional societies: the unknown past.* Chelyabinsk: South Ural State Humanitarian Pedagogical University. 319—325. (In Russ.).

Chistyakova, D. P. (2016). Typologization of generations according to Yu. Levada: socio-cultural aspect. *Socio-economic research, humanities and jurisprudence: theory and practice, 9:* 99—103. (In Russ.).

Dianova, E. V. (2020). Antireligious education and training in Karelian schools in the 1920s. In: *State, society, Church in the history of Russia of the XX—XXI centuries: Materials of the International Scientific Conference.* Ivanovo: Ivanovo State University. 239—245. (In Russ.).

Essays on the history of the Komsomol: in search of truth: in 2 hours, 1. (1991). Saratov: Sarat Publishing House. un-ta. 195 p. ISBN 5-292-01357-9. (In Russ.).

- Evdokimova, A. N., Lyapina, A. L. (2019). Forms of antireligious activity of the Union of Militant atheists in the Chuvash Republic in the 20—30s. In: *Paradigms of Russian history through the prism of biographistics (to the 140th anniversary of Alexei Ivanovich Yakovlev): collection of tr. All-Russian Scientific conference with international participation*. Cheboksary: Chuvash Publishing House. un-ta. 172—177. ISBN 978-5-6042436-6-4. (In Russ.).
- Gaylit, O. (2012). Religion in a “young” society: notes on the formation of Soviet everyday life. *Anthropological Forum*, 16: 288—308. (In Russ.).
- Grishchenko, I. A. (2017). Struggle with religion as an ideological component of collectivization (according to archival materials of the Gomel region). In: *1917—2017: lessons of the century: Materials of the International scientific and historical conference*. Gomel: Belarusian State University of Transport. 304—313. (In Russ.).
- Gushchin, A. A. (2017). The relationship of the Soviet government and the church in rural areas in the late 1920s — early 1930s: (Based on the materials of the Penza district of the Middle Volga region). *News of higher educational institutions. Volga region*, 1: 32—39. (In Russ.).
- Ignatieva, E. A. (2020). Youth of Siberia as a mobilization resource of regional power during the “great turning point”: aspects of research. In: *Reforms in the daily life of the Russian population: History and Modernity. Materials of the international scientific conference*, 3. St. Petersburg: Leningrad State University named after A. S. Pushkin. 58—63. (In Russ.).
- Ippolitov, V. A. (2016). Factors of regulation of the social composition of the Komsomol in 1931—1935. *Sociodynamics*, 3: 126—136. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.3.17789. (In Russ.).
- Isaev, V. I. (2002). Youth of Siberia in socio-political conflicts during the years of the “great turning point”. *Youth of Russia: history and modernity*, 3: 59—62. (In Russ.).
- Kabytov, P. S., Kobzev, A. V. (2020). Enganaev case: “Don’t touch the earth, leave the imams, we don’t need the commune...” *Center and Perefiria*, 4: 25—35. (In Russ.).
- Kail, M. V. (2010). Antireligious agitation and propaganda of the 1920s: provincial practice, forms, dynamics (on the example of the Smolensk province). *Proceedings of the Smolensk State University*, 1: 205—217. (In Russ.).
- Karlyavina, A. I. (2019). Antireligious caricature in the Soviet periodical press of the 1920s (based on the materials of the newspaper “Godless”). *Klio*, 4: 34—39. (In Russ.).
- Kedrov, N. G. (2013). *Bast shoes of Stalinism. Political consciousness of the peasantry of the Russian North in the 1930s*. Moscow: ROSSPEN. 280 p. ISBN 978-5-8243-1815-9. (In Russ.).
- Kirschenbaum, L. A. (2001). *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917—1932*. New York and London: Routledge Falmer. xi. 232 p. ISBN-10: 0815339453 ISBN-13: 978-0815339458.
- Kozlov, F. N. (2013). “Women’s issue” as an element of the social policy of the Soviet state in the 1920s — the first half of the 1930s (in the context of state-church relations in the national regions of the Middle Volga region). *Bulletin of the Chuvash University*, 4: 29—37. (In Russ.).
- Kozlov, F. N. (2014). Youth reactions to the innovative concept of Soviet atheism: historical and psychological aspect. *PolitBook*, 3: 68—79. (In Russ.).
- Kuhr-Korolev, C. (2005). *“Gezähmte Helden”. Die Formierung der Sowjetjugend 1917—1932*. Essen: Klartext Verlag. 365 p. ISBN 978-3-89861-349-1.

- Kurlandsky, I. V. (2011). *Stalin, power and religion (the religious factor in the internal policy of the Soviet state in 1922—1953)*. Moscow: Kuchkovo Pole. 701 p. ISBN 978-5-9950-0150-8. (In Russ.).
- Kuznetsov, I. A. (2013). The political culture of the peasantry and the political regime in the USSR in the 1920s—1930s. In: *State power and the peasantry in the XIX — early XXI century*. Kolomna: Moscow State Regional Socio-Humanitarian Institute. 482—484. (In Russ.).
- Levada, Yu. A. (2001). Generations of the XX century: Research opportunities. *Monitoring public opinion: economic and social changes*, 5: 7—14. (In Russ.).
- Levada, Yu. A. (2005). Notes on the problem of generations. In: *Fathers and children: Generational analysis of modern Russia*. Moscow: Novoe lit. review. 235—244. ISBN 5-86793-370-9. (In Russ.).
- Lopatin, L. N., Lopatina, N. L. (2009). *Collectivization and dispossession: (eyewitnesses and documents testify)*. Kemerovo: Axiom. 445 p. ISBN 978-5-9901476-1-4. (In Russ.).
- Lopatina, N. L. (2018). Socio-cultural transformation of religious values in the USSR in the first half of the twentieth century. *Ideas and ideals*, 1 (4): 49—62. (In Russ.).
- Mannheim, K. (2000). *Essays on the Sociology of Knowledge: The Problem of Generations-Competitiveness — economy. Ambitions*. Moscow: INION RAS. 162 p. ISBN 5-248-01334-8. (In Russ.).
- Mead, M. (1970). *Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap*. New York: Natural History Press. 113 p. ISBN 10: 0385041128; ISBN 13: 9780385041126.
- Mishchenko, T. A. (2020). The young generation in the construction of a new political identity in the 1920s in the village of the South-West of Russia. *Manuscript*, 13 (10): 34—40. (In Russ.).
- Nadezhdina, V. A., Kaibusheva, P. M. (2010). *Evolution of socio-political sentiments of workers and peasantry of the Orenburg province during the years of the NEP (1921—1929)*. Ufa: RIC BASHGU. 147 p. ISBN 978-5-7477-2752-6. (In Russ.).
- Novoselov, A. L., Salmikova, A. A. (2020). “A priest with a fist cooked up a miracle: anti-religious propaganda on the pages of the children’s magazine “Young Atheists”. *Modern scientific thought*, 2: P. 84. (In Russ.).
- Orlov, I. B. (2001). Slogans and realities of the “godless five-year plan”. *Armageddon*, 11: 87—92. (In Russ.).
- Ostrovsky, V. B. (1953). *Komsomol — assistant to the party in the struggle for the collectivization of agriculture (during the first five-year plan)*. Author’s abstract of PhD Diss. Saratov. 30 p. (In Russ.).
- Panarin, A. A., Stetsura, Yu. A. (2012). Youth in the restructuring of agriculture in the USSR at the turn of the 20—30s of the twentieth century. *Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: philosophy, history, Sociology, law, political science, cultural studies*, 2: 56—62. (In Russ.).
- Peris, D. (1998). *Storming the Heavens*. Ithaca and London: Cornell university Press. 237 p. ISBN 0 -8014-3485-8.
- Pokrovskaya, T. Y. (2022). Religious memory of the peasantry in the 30s of the twentieth century in the villages of the Chernozem region of Russia. *Scientific result. Social and humanitarian studies*, 8 (1): 108—117. (In Russ.).
- Ponomarev, M. V. (2009). The struggle with religion as a component of the political culture of Soviet society in the 1917—1930s (based on the materials of the Lower Volga).

- Bulletin of the Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies*, 2: 215—221. (In Russ.).
- Razakov, R. Ch.-M. (2016). The policy of continuous collectivization in Dagestan. *Nauchnyy dialog*, 11: 304—316. (In Russ.).
- Regelson, L. L. (2007). The Tragedy of the Russian Church, 1917—1945. Moscow: Publishing house of the Krutitsky metochion: About lovers of church history. 640 p. (In Russ.).
- Rozhkov, A. Yu. (2014). *In the circle of peers: The life world of a young man in Soviet Russia of the 1920s*. Moscow: New Literary Review. 630 p. ISBN 978-5-4448-0216-8. (In Russ.).
- Rozhkov, A. Yu. (2016). Transformation of value orientations of rural youth of Kuban in the conditions of intergenerational gap (1920s). *Voice of the past*, 3—4: 164—182. (In Russ.).
- Rudyuk, O. G. (2019). The initial period of atheistic education among children and youth in the BSSR. *Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary*, 1: 126—136. (In Russ.).
- Rybakov, R. V. (2016). “Socialist culture lacks some virtuous principles”: from the experience of educating Soviet youth in the 1920s. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. *Questions of theory and practice*, 11—1: 122—126. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2022). Komsomol members of the Russian province of the first draft: attitude and political activity. *History: facts and symbols*, 4: 39—57. DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-39-57. (In Russ.).
- Sakharova, L. G. (2011). Features of atheistic politics among the Mari youth in the Vyatka region in the 1920s—1930s. In: *History of the peoples of Russia*. Moscow: RUDN. 331—338. ISBN 978-5-209-03617-3. (In Russ.).
- Shanin, T. (2005). The history of generations and generational history. *Man. Community. Management*, 3: 6—25. (In Russ.).
- Sherimet, A. G. (2022). Ideological influence in the province of the 1920s: monopolization of the process. *History: facts and symbols*, 3: 86—101. DOI: 10.24888/2410-4205-2022-32-3-86-101. (In Russ.).
- Shevchenko, V. A. (2007). Soviet school: transition from non-religious education to anti-religious (1927—1929). *New Historical Bulletin*, 2: 207—213. (In Russ.).
- Slezin, A. A. (2022). Rural youth of the first third of the XX century and its influence on society in the assessments of modern researchers. *Questions of History*, 8—2: 106—128. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi32. (In Russ.).
- Slezin, A. A. (2023). The confrontation of peasants and Komsomol members in the spiritual sphere of the Russian village of the early 1920s. *Agrarian History*, 13: 22—42. DOI: 10.52270/27132447_2023_13_22. (In Russ.).
- Soboleva, A. N. (2014). *Participation of BMASRR youth in modernization processes of the 1920s—1930s*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 184 p. ISBN 978-5-7925-0419-6. (In Russ.).
- Strogonov, A. V. (2021). The phenomenon of women’s protest in rural areas in the Moscow region during collectivization. *Power*, 29 (1): 144—149. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7929>. (In Russ.).
- Strogonov, A. V. (2021). The role of the clergy in the peasant protest during collectivization. *Power*, 29 (3): 235—240. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8189>. (In Russ.).

- Toporov, A. V. (2005). E. A. Tuchkov. Portrait against the background of the epoch. *Church Historical Yearbook*, 4: 239—240. (In Russ.).
- Trushnovich, A. R. (2004). *Memoirs of kornilovets (1914—1934)*. Moscow: Posev. 334 p. ISBN 5-85824-153-0. (In Russ.).
- Viola, L. (2010). *Peasant revolt in the Stalin era: collectivization and the culture of peasant resistance*. Moscow: ROSSPEN. 366 p. ISBN 978-5-8243-1311-6. (In Russ.).
- Vyazinkin, A. Yu. (2022). Generation of “revolutionary turning point” in the fate of the Russian village of the first third of the XX century: problems of historiography. *Questions of History*, 7—2: 153—165. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46. (In Russ.).
- Yakovleva, Zh. V. (2020). “March from here... The church is closed! Believers are now unbelievers!”: Anti-religious campaign in the Saratov Volga region (late 1920s — early 1940s). Saratov: Techno-Décor. 250 p. ISBN 978-5-907175-42-6-2. (In Russ.).
- Yanushevich, I. I. (2017). Problems of the relationship between the Union of Atheists and the Communist Youth Union on the organization of anti-religious work (1926—1932). In: *Romanov readings — 12: collection of the International Scientific Conference*. Mogilev: Kuleshov Moscow State University. 180—181. (In Russ.).
- Yashina, M. A. (2013). The role of the Union of “Atheists” in the anti-religious policy of the Soviet state in the 1920s—1930s: on the materials of the Urals. *Proceedings of the Altai State University*, 4—2: 104—108. (In Russ.).
- Zlenko, I. A., Lopatin, L., Lopatina, N. (2012). *The Elder of the land of Kuznetsk: (experience of church-historical and cultural research)*. Kemerovo: KemGUKI. 319 p. ISBN 978-5-8154-0244-7. (In Russ.).

*The article was submitted 16.02.2023;
approved after reviewing 29.03.2023;
accepted for publication 15.04.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(3), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Цориева И. Т. Национальная школа Северной Осетии в контексте советской культурной политики 1920—1930-х годов / И. Т. Цориева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 478—496. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-478-496.

Tsorieva, I. T. (2023). National School of North Ossetia in Context of Soviet Cultural Policy of 1920s—1930s. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 478-496. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-478-496. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-478-496

Национальная школа Северной Осетии в контексте советской культурной политики 1920—1930-х годов

Цориева Инга Тотразовна
orcid.org/0000-0002-8977-973X
WoS Researcher ID: HSF-4564-2023
доктор исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
отдела истории
tsorin@mail.ru

Северо-Осетинский институт
гуманитарных и социальных
исследований им. В.И. Абаева —
филиал

Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Федерального научного центра
Владикавказский научный центр
Российской академии наук
(Владикавказ, Россия)

National School of North Ossetia in Context of Soviet Cultural Policy of 1920s—1930s

Inga T. Tsorieva
orcid.org/0000-0002-8977-973X
WoS Researcher ID: HSF-4564-2023
Doctor of History, Associate Professor,
Leading Researcher,
Department of History
tsorin@mail.ru

V. I. Abaev North Ossetian Institute
for Humanitarian and Social Studies —
the Filial of the Vladikavkaz
Science Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Vladikavkaz, Russia)

© Цориева И. Т., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена вопросу создания национальной школы в Северной Осетии в ходе форсированной модернизации 1920—1930-х годов. Подчеркивается актуальность постановки сегодня темы, обусловленной общественным запросом на школу, способную адекватно отвечать стратегическим вызовам времени и обеспечить жизнеспособность многонационального культурного сообщества страны. Выделены этапы реформирования системы образования в национальном регионе в контексте культурной политики 1920—1930-х годов, подчеркнуты социально-политические и организационные аспекты формирования научно-технических, методических, кадровых основ новой советской школы. Прослежен поэтапный подход со стороны органов власти и управления к реализации планов национализации школы, к преодолению ошибок, неизбежных в революционных по содержанию трансформациях в сфере культуры. Сделан вывод о том, что эволюция национальной школы в 1920—1930-е годы отразила социально-психологическую переоценку в высших органах власти роли национальных культур. Как следствие, повысился политический прагматизм в развитии национальной школы. В заключение отмечено, что опыт и итоги формирования национальной школы в Северной Осетии к концу 1930-х годов определили стратегический вектор образовательной политики в республике вплоть до распада СССР.

Ключевые слова:

советская культурная политика; национальная школа; национализация; коренизация; Северная Осетия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the issue of creating a national school in North Ossetia during the forced modernization of the 1920—1930s. The relevance of raising the topic today is emphasized, due to the public demand for a school that can adequately respond to the strategic challenges of the time and ensure the viability of the country's multinational cultural community. The stages of reforming the education system in the national region in the context of the cultural policy of the 1920—1930s are highlighted, the socio-political and organizational aspects of the scientific, technical, methodological, personnel foundations of the new Soviet school formation are emphasized. A phased approach on the part of the authorities and administration to the implementation of plans for the nationalization of the school, in overcoming the mistakes that are inevitable in the revolutionary content of the transformations in the field of culture, is traced. It is concluded that the evolution of the national school in the 1920s—1930s reflected the socio-psychological reassessment in the highest authorities of the role of national cultures. As a consequence, political pragmatism in the development of the national school increased. In conclusion, it is noted that the experience and results of the formation of the national school in North Ossetia by the end of the 1930s determined the strategic vector of educational policy in the republic until the collapse of the USSR.

Key words:

Soviet cultural policy; national school; nationalization; indigenization; North Ossetia.

Национальная школа Северной Осетии в контексте советской культурной политики 1920—1930-х годов

© Цориева И. Т., 2023

1. Введение = Introduction

В настоящее время образование как составная часть российской культуры становится одним из главных участков борьбы государства за свое будущее [О стратегии национальной безопасности..., 2021]. Поэтому роль национальной школы как важнейшего института, осуществляющего социализацию подрастающих поколений, существенно возрастает. Формирующийся общественный запрос на современную школу, не только выполняющую образовательные функции (передача знаний, подготовка кадров), но и решающую задачи воспитания, формирования национального самосознания подрастающих поколений, делает весьма актуальным обращение к государственному опыту организации и регулирования процессов в образовательной сфере в национальных регионах СССР, в частности на Северном Кавказе. Прикладной задачей становится осмысление практики формирования образовательного пространства в условиях общественной модернизации 1920—30-х годов с целью освоения этого опыта при разработке новой образовательной политики Российской Федерации в соответствии со стратегическим вызовом времени, которое содержит угрозу жизнеспособности многонационального культурного сообщества страны. В контексте современных социально-политических, экономических и этнокультурных запросов более глубокой проработки требует история создания национальной школы. В представленном исследовании эта тема рассматривается на материалах Северной Осетии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В историческом кавказоведении последних десятилетий в трудах, посвященных историографии национальной школы, отчетливо прослеживаются две тенденции в контексте культурной политики 1920—1930-х годов. Первая формировалась на рубеже XX—XXI веков на фоне отказа от прежних идеологических догм и освоения новых методологических приемов. В ней доминировал критический подход при оценке результатов культурной революции в автономиях Северного Кавказа, ее последствий

для развития национального языка и национальной школы [Герандоков, 2003; Мамси́ров, 2004; Бза́ров, 2005]. Вторая отличается социально более ответственным подходом к интерпретации и определению содержания советской национально-культурной политики в анализируемое время. Она обусловлена новым этапом разработки проектов и программ постсоветского реформирования системы образования, актуализацией задач создания и функционирования национальных школ в регионе, подготовки профессиональных кадров из представителей местных народностей [Гобети, 2006; Цориева, 2009; Кобахидзе, 2018].

Что касается непосредственно истории осетинской национальной школы в 1920—30-е годы, то следует признать, что специальных исследований по теме нет. Отчасти она получила отражение в работе Р. Бзарова «Очерки истории осетинской школы», посвященной истории создания и развития осетинской школы на протяжении XVIII — начала XXI веков.

В советской историографии вопросы создания и функционирования национальной осетинской школы рассматривались как составная часть строительства и реформирования советской общеобразовательной школы в контексте осуществления национально-культурной политики [Черджиев, 1958; Галазов, 1970; Кулов, 1979; Текиев, 1989]. Накопленный фактический материал позволял проследить основные вехи развития национально-образовательного образования. Однако идеологизированность исторической науки, обязательность следования утвержденным теоретическим построениям вынуждали оценивать любые изменения в национальной школе — от ее создания в 1920—30-е годы до разрушения в 1950—60-е годы — как позитивный результат поиска оптимальной модели системы школьного образования. В настоящее время наметился отход от упрощенной трактовки истории национальной школы. В частности, кардинально пересмотрены причинно-следственные основания денационализации осетинской школы в условиях языковой реформы 1950—60-х годов [Цориева, 2009]. Существенно изменена методологическая трактовка определения национальной школы как ключевого фактора сохранения национального языка, самобытных этнокультурных и духовных ценностей народа [Гобети, 2006; Карпов, 2017].

Оценка национального содержания школьного образования в рамках современных исследовательских подходов (в частности, «новой локальной истории») позволяет определить его достаточность при решении поставленных советской властью первичных задач выравнивания уровней социально-экономического и культурного развития национальных окраин страны на начальном этапе государственного строительства.

Проблемно-хронологический метод исследования делает возможным обозначить ступенчатый характер масштабной социальной новации,

в частности, проследить в специфически многонациональном регионе динамику социально-ориентированной культурной политики, нацеленной на преодоление неграмотности коренного населения, массовое обучение азам наук на родных языках, формирование социалистического мировоззрения.

Исследование строится на различных по типу опубликованных и архивных источниках. Постановления, распоряжения, циркуляры партийно-советских органов власти дают представление об особенностях реализации государственной образовательной политики в национальном регионе. Важную информацию об условиях и основных этапах реформирования системы образования и создания национальной школы содержат документы из фондов Центрального государственного архива РСО-Алания (ЦГА РСО-А) и Научного архива Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева (НА СОИГСИ). Протоколы заседаний органов образования, переписка, докладные записки, другие документы позволяют с достаточной достоверностью воспроизвести картину формирования единой советской трудовой школы в целом и оценить степень влияния политико-идеологических факторов на развитие национальной школы, в частности. Отдельного упоминания заслуживают опубликованные Отчеты о деятельности Осетинского историко-филологического общества [Хроника ..., 2007]. Они несут информацию о предпосылках и начальном этапе национализации школы, о позиции национальной интеллигенции в этом вопросе и определении ее вклада в разработку научно-методических и организационных основ создания осетинской школы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Становление новой советской школы

В Северной Осетии создание новой советской школы на основании декрета Совнаркома РСФСР «Об организации дела народного образования в Российской республике» от 23 апреля 1918 года было прервано вторжением Добровольческой армии Деникина в первых числах февраля 1919 года в Терскую республику. Но оно продолжилось практически сразу после восстановления советской власти в конце марта 1920 года. Решением Северо-Осетинского училищного совета от 4 апреля 1920 года был создан специальный Отдел народного образования Осетинского окружного ревкома (ОкрОНО). Одним из основных направлений его деятельности стала организация национальной школы [Цориева, 2009, с. 2].

Проблемы народного образования, которые советская власть связывала со строительством новой школы, были рассмотрены на IV съезде учителей Осетинского округа, проходившем в мае 1920 года во Владикавказе. Главным вопросом повестки дня был переход к единой трудовой школе —

новому типу общеобразовательной школы. Ближайшие задачи школьного строительства в Северной Осетии были определены на съезде заведующих отделами народного образования Терской области, который состоялся 22—26 июня 1920 года. При этом наряду с обсуждением общих проблем на съездах рассматривались вопросы управления и инструктирования осетинских школ. Особое значение придавалось выработке принципов подготовки программы по осетиноведению для школ первой и второй ступени [История ..., с. 124]. Директивной основой для открытия национальных школ явилось постановление Наркомпроса РСФСР от 31 октября 1918 года «О школах национальных меньшинств» [Собрание узаконений ..., 1942, с. 1101—1102].

Важную роль особенно на начальном этапе становления национальной системы образования сыграло Осетинское историко-филологическое общество. Его деятельное участие положило начало стратегическому курсу на строительство национальной школы, о необходимости создания которой было заявлено еще на Первом Всеосетинском учительском съезде в июле 1917 года [Кобахидзе, 2018, с. 153]. В ходе совместных обсуждений в 1920—1921 годы с представителями Южной Осетии члены Общества пришли к заключению, что национализация необходима «по соображениям политическим, педагогическим и национально-культурным; но ввиду технических затруднений, как-то отсутствие учебных руководств на родном языке и отсутствие достаточного количества квалифицированных работников просвещения, способных национализировать школу, постановлено национализацию проводить постепенно путем усиления преподавания осетиноведения» [Хроника ..., 2007, с. 152—153]. Что же касается вопроса о языке преподавания, то было решено: «1) первый год обучения вести на родном языке и параллельно практиковать лексические уроки на русском языке, 2) создать терминологическую комиссию для выработки научно-литературных терминов для облегчения преподавания на родном языке» [Там же, с. 153].

В соответствии с избранным курсом Общество приступило к разработке учебных программ преподавания осетиноведения и составлению учебных планов, в частности для Горского института народного образования, в создании которого оно принимало активное участие; проводило конкурс на лучшие учебные пособия для школ. Члены ОИФО совместно с Окружным отделом народного образования работали над созданием осетинской грамматики, осетинского букваря, обсуждали принципы разработки терминологии, дискутировали по вопросам совершенствования осетинской графики [Там же, с. 166, 172—175]. В соответствии с политикой коренизации активно обсуждался и переход в осетинских общественных учреждениях с русского на осетинский язык. По итогам продолжительных прений Правление Общества постановило: «принимая во внимание, что одной из

мер для развития языка и литературы является ведение делопроизводства на родном языке, принципиально признать необходимым такой переход» [Там же, с. 176].

Следует помнить, что практическая реализация намеченных планов по созданию национальной школы, как и новой школы в целом, проходила в условиях тяжелейшего экономического и финансового кризиса, в котором страна оказалась к концу гражданской войны. Резкое ограничение в 1922 году отпуска средств из центра в связи с разрухой в народном хозяйстве, усугубившейся засухой и неурожаем 1921 года, которая повлекла приток огромного количества беженцев из центральных районов России, перевод всех школ 1-й ступени на местное финансирование и другие причины привели к значительному сокращению численности школ. По отчетным данным Совнаркома Горской республики, с 1921 по 1922 годы число школ в Осетинском округе сократилось со 115 до 56, в городе Владикавказ — с 27 до 19 [Черджиев, 1958, с. 34; Рехвиашвили, 1967, с. 9].

Существенно сократилась численность учительских кадров. Почти все члены правящей партии большевиков были привлечены к работе в партийно-советских, хозяйственных органах Северной Осетии и Горской республики. Оставшиеся учителя находились в крайне незавидном положении. В связи с перебоями в выплате зарплаты, неустойчивостью курса рубля и другими трудностями часть учителей покинули школу, другие работали без особого энтузиазма. Были и те, кто не принял нововведений в советской школе. Некоторые, в отчаянии, подстрекаемые активизировавшимися контрреволюционными силами, пытались провести акции протеста [Кулов, 1979, с. 22—26]. С учетом протестного потенциала этой категории работников школ повсеместно в системе образования формировалась практика «чистки учительского состава» [Стрекалова, 2012, с. 244; Рубаева, 2021, с. 38].

3.2. «Решительный поворот» к созданию осетинской школы

Постепенная стабилизация экономической ситуации с 1923 года положила начало проведению планомерной и систематической работы в области народного образования. Приостановилось сокращение школьной сети, началось внедрение учебных планов и программ Государственного учебного совета Наркомпроса РСФСР, были сделаны первые шаги в создании национальной школы в национальной периферии России. В осуществление задач организации обучения на родных языках развернулась работа по подготовке учебной литературы. В 1925—1927 годах было издано 15 тыс. экземпляров букварей на языках кавказских народов [Гобети, с. 17]. В январе 1925 года в осетинские школы направили 4000 экземпляров букваря Г. К. Гуриева на иронском диалекте и 2000 экземпляров букваря М. К. Гарданова на дигорском диалекте, количество еще «весьма незначительное,

не позволяющее развернуть работу по обучению грамоте во всех первых группах на родном языке» [НА СОИГСИ, ф. История ..., д. 40, л. 22]. Одновременно в созданных в начале 1920-х годов Горском институте народного образования и Горском педагогическом техникуме готовились учительские кадры [Культурное строительство ..., 1974, с. 178, 186].

В современной историографии «решительный поворот к созданию осетинской школы с родным языком обучения» расценивается как главное достижение начала 1920-х годов в реализации программы строительства новой советской школы. Такая оценка опирается на материалы местных партийных конференций и съездов Советов, в которых осуждалось «насаждение» в Осетии русской школы [Бзаров, 2005, с. 48]. Более того, в основу перспективной концепции развития народного образования была положена идея создания «трудовой национальной школы» с преподаванием на родном языке. На проходивших в феврале 1926 года Окружных съездах Советов Северо-Осетинской автономной области основной задачей для Окружных исполкомов определялось скорейшее проведение национализации осетинской школы с приданием ей профессионального уклона, наиболее отвечающего «хозяйственно-экономическому и культурному развитию осетинского народа» [Окружные ..., с. 588—594]. Эти решения принимались в соответствии с итогами инспекторской проверки Наркомпроса РСФСР, проводившейся в рамках проверки состояния системы просвещения в северокавказских автономиях. По ее результатам 13 мая 1925 года было принято постановление «по докладу инспектора НКП т. Чаплиева В. П. о положении народного образования в Северо-Осетинской автономной области». Постановление подчеркнуло необходимость усилить работу по осетинизации школ [НА СОИГСИ, ф. История ..., оп. 1, д. 40, л. 2—3].

Для выполнения задания Наркомпроса РСФСР в Северной Осетии была разработана протокольная форма «Договора о социалистическом соревновании», которая включала пункт об «интенсификации проведения национализации школ». Договор подразумевал закрепление тезиса о том, что «ребенка необходимо обучать на родном языке, на котором он лучше воспринимает окружающие его явления как в общественной жизни, так и в природе» [ЦГА РСФСР, ф. Р. 124, оп. 1, д. 144, л. 4; д. 193, л. 1—4].

Опытная апробация в системе образования проходила достаточно успешно. Поэтому Методическое бюро и Коллегия Северо-Осетинского отдела народного образования (ОНО) постановлением от 5 ноября 1925 года утвердили осетинский язык в осетинской школе в качестве языка преподавания. Однако руководство ОНО учитывало неготовность осетинской школы к введению преподавания на родном языке во всех ее группах. Требовалась серьезная работа по подготовке учителей, повышению квали-

фикации имевшихся кадров, по изданию учебников, учебных и наглядных пособий на осетинском языке. Исходя из этого, Коллегия Северо-Осетинского ОНО постановила провести перевод всего преподавания на родном языке в осетинской школе поэтапно. Было намечено с 1925/26 учебного года «безусловно и безоговорочно всю учебную работу проводить на родном языке учащихся» в 1-й и 2-й группах школ первой ступени. В течение трех последующих лет на родной язык преподавания предстояло перевести следующие три группы школы I ступени. Перевод 1-й группы школы II ступени предполагалось осуществить в 1929/1930 учебном году [ЦГА РСО-А, ф. Р. 124, оп. 1, д. 829, л. 2]. Между тем по итогам планового обследования массовой школы Северо-Осетинской АО от 28 апреля 1927 года было установлено, что фактически перевод на родной язык осуществлен только в 1-й группе и отчасти во 2-й группе школы I ступени [ЦГА РСО-А, ф. Р. 124, оп. 1, д. 29, л. 72].

3.3. Трудности формирования национальной школы

Причин крайне медленного выполнения планов национализации школы было немало. На стадии обсуждения был вопрос о едином осетинском литературном языке. Возникли трудности, созданные переводом осетинской письменности с кириллицы на латинскую графику. Ограниченными были бюджетные источники финансирования оплаты труда учителей, издания учебников на родном языке для второго и третьего года обучения. Решения требовали вопросы подготовки новых кадров учителей, разработки методических пособий по изучению родного языка в школе.

Тем не менее разработанные планы были вполне осуществимы, поскольку они входили в общегосударственные программы политики коренизации с поддержкой подавляющей части национальной интеллигенции. Однако следует отметить, что они не учитывали общего психологического настроения населения на ускоренную реализацию возможностей, которые предоставляла советская власть благодаря образовательным лифтам, созданным русскоязычной школой. В итоге оказалось, что часть в основном сельского населения неблагоприятно относится к политике коренизации. Осетинизация школы вызывала настоячивые возражения многих родителей и некоторой части учителей. Они утверждали, что преподавание на родном языке лишает детей возможности овладения русским языком, знание которого до революции было привилегией состоятельных слоев общества. Были случаи, когда крестьяне-родители приходили в школу и требовали: «учите моего ребенка по-русски, осетинскому языку он сам научится» [Черджиев, 1958, с. 41].

Объяснение этому факту организаторы национальной школы видели в «оторванности этой группы от трудовой массы», в нежелании и недооценке ими принципа национализации «как отвечающего идее советской

трудовой школы и запросам массы» [ЦГА РСО-А, ф. Р. 124, оп. 1, д. 29, л. 72—73]. Заметим, что такое объяснение вполне соответствовало стремлению национальной интеллигенции посредством национализации школы сформировать прочную языковую основу для освоения богатств осетинской культуры. Сужая социальную базу возражавших до уровня «группы», сторонники национализации школы игнорировали явно проявившийся конфликт между социальными запросами и культурными интересами разных слоев общества. Их позицию оправдывали директивные методы проведения «национализации школы» как образовательного «почина», подкрепляемые решениями органов власти.

Как отмечал руководитель Северо-Осетинского ОблОНО Г. Дзагуров на заседании Методбюро 10 июня 1925 года, «в силу национальной политики советской власти нам необходимо быстрыми темпами провести национализацию нашей школы, а это можем сделать только при помощи знатоков родного языка. До сих пор же этот вопрос нами еще не разрешен, почему центральным НКП указано нам на это, как на крупный дефект в нашей общей культурной и политико-просветительной работе» [ЦГА РСО-А, ф. Р. 124, оп. 1, д. 6, л. 5].

Обращение к помощи «знатоков родного языка» на заседании Методбюро вслед за прозвучавшими пожеланиями изучать осетинский язык посредством самообразования примечательно. Оно выявило критически низкий уровень квалификации преподавателей осетинского языка и недоверие родителей к национальной школе. Для разрешения вопроса и повышения авторитета родного языка предлагалось наметить «особую группу знатоков осетинского языка» и поручить им преподавание языка во всех школах, «имеющих областной характер, а также школах семилетках, на рабфаке и педтехникуме». С целью привлечения на работу учителей осетинского языка методбюро постановило «поставить их в лучшие условия против других учителей, путем повышения зарплаты на 100 %» [ЦГА РСО-А, ф. Р. 124, оп. 1, д. 6, л. 5].

Во второй половине 1920-х годов принятые меры дали реальные результаты для отчетов районных подразделений Северо-Осетинского ОблОНО и повысили среди национальной интеллигенции привлекательность преподавания на осетинском языке. К началу 1930-х годов сложился требуемый костяк учительских кадров, преподававших на родном языке. Это позволило органам власти Северной Осетии пересмотреть кадровую политику в отношении работавших учителями бывших офицеров царской армии, священнослужителей, лишенных избирательных прав. О практике освобождения школ от «социально чуждых элементов» газета «Власть труда», орган Владикавказского и Сунженского Окружкомов ВКП(б), Окри-

сполкомов и Советов профсоюзов, помещала заметки под громкими заголовками: «Лишенец учительствует», «Не пора ли убрать бывшего», «Защищая чужого», «Белогвардеец в рясах учителя». Зачастую публикации служили сигналом для чиновников системы образования «учесть желание народа» и удалить неблагонадежных из советской школы [ЦГА РСО-А, ф. Р. 124, оп. 1, д. 254, л. 7, 21, 28, 72].

К этому времени в области в основном закончилось формирование разветвленной сети народного образования. На 1 января 1928 года в ней работало 460 учителей. Из них с высшим образованием — 50 человек, 55 — с незаконченным высшим, 294 — с средним, остальные — с незаконченным средним и низшим образованием. Доступность образования обеспечила к 1930 году повышение общего уровня грамотности населения Осетинской автономной области по сравнению с 1923 годом почти в два раза. Она составила 27,5 %. Среди осетин уровень грамотности вырос с 14,6 до 23,7 % [Черджиев, 1958, с. 35, 44, 45, 52].

3.4. Национальная школа в условиях реформы 1930-х годов

Достигнутые результаты создали в системе образования страны возможности для выполнения в течение 1930-х годов двуединой задачи развития программы подготовки национальных советских и хозяйственных кадров в соответствии с потребностями социалистического строительства и активного вовлечения коренного населения в реализацию планов советской модернизации. Помимо образовательных, утилитарно-хозяйственных и кадровых задач, такой подход удовлетворял политический запрос прогрессивных слоев национальной интеллигенции, в поддержке которой нуждалась советская власть на местах. Система образования была нацелена на профессионализацию средней школы по сельскохозяйственному, промышленному, педагогическому, кооперативно-колхозному и другим профилям. В школах Северной Осетии, в частности, в соответствии с программой создания трудовой школы рекомендовалось «по возможности» содействовать открытию пришкольных участков, школ шелководства, пчеловодства, столярных, ткацких и других мастерских. К налаживанию политехнического обучения, подготовке учителей труда привлекали специалистов из отраслей народного хозяйства [ЦГА РСО-А, ф. Р. 124, оп. 1, д. 189, л. 26, 29].

Важным организационным стимулом дальнейшего развития системы школьного образования в Северной Осетии в 1930-е годы был закон о всеобщем обязательном начальном образовании. Закон на новой правовой основе кардинально расширил общий массив образовательных учреждений, поскольку почти четверть детей школьного возраста в области пока оставалась вне школы. Масштаб новой школьной реформы предполагал запрос на сотни учителей, на расширение площадей для ученических мест.

Особое внимание уделялось строительству школ-интернатов в горной полосе, без которых осуществление всеобщего признавалось невозможным [Культурное строительство ..., 1974, с. 96; История ..., 1966, с. 265].

В реформе приняли активное участие научно-педагогические кадры области, получившие задание на разработку новых эффективных программ обучения неграмотных и малограмотных. В рамках постановлений ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» (5 сентября 1931 года), «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (25 августа 1932 года), «Об учебниках для начальной и средней школы» (12 апреля 1933 года) и постановления СНК ССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года «О структуре начальной и средней школы в СССР» была создана научно-методическая база развития национальной осетинской школы. К 1934 году в области уже функционировали 164 школы с более чем 45 тыс. учащихся [Черджиив, 1958, с. 54—55]. Успешное завершение этапа включило издание полного комплекта учебников для осетинской школы, что создало предпосылки для перехода к следующему этапу — к всеобщему семилетнему образованию. Более того, грамотная методическая подготовка реформы позволила параллельно с осетинскими школами перевести на родной язык грузинскую и армянскую школы в Орджоникидзе (Владикавказе). Таким образом, национализация школы в Северной Осетии шла с учетом многонационального состава населения, что имело в дальнейшем большое политическое значение в контексте общесоюзной тенденции к унификации общеобразовательной практики.

В этой связи, на наш взгляд, необходимо отметить наличие сформулированной в начале 2000-х годов оценочной версии по реформе системы образования Северной Осетии 1920—1930-х годов, согласно которой национализация школы, системы образования в целом «подразумевала лишь облечение в национально-языковые формы единой унифицированной структуры образования» [Бзаров, 2005, с. 57]. Анализируя последствия принятия постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» от 16 мая 1934 года, сторонники данной версии высказывали мнение, что введение единообразия в советской школе совпало с заменой «национализации» на «коренизацию» и привело к вытеснению из осетинской школы дисциплин осетиноведения (родиноведение, история, география Осетии). Их общий вывод состоит в утверждении, что первая половина 1930-х годов ознаменовалась принципиально важным порождением — отказом от изучения в школе истории своего народа и природы своей родины [Там же].

Однако анализ темы позволяет с меньшим политическим пристрастием указать на крайне важные общественно-политические задачи государ-

ства в условиях нарастания внешней угрозы безопасности. Документом, свидетельствовавшим об отходе от национализации к середине 1930-х годов, стало Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 марта 1938 года. На его основе директивно вводилась единая централизованная система преподавания русского языка с 1 сентября во всех нерусских начальных и средних школах, увеличивалось количество часов преподавания, расширялась подготовка учителей, активизировалось издание учебной и методической литературы. Изменения в полной мере отвечали запросам обороны страны, были обусловлены необходимостью укрепления, в частности, многонациональной Красной армии. Идеологическим прикрытием корректировки языковой и образовательной политики стала стратегическая цель приобщения всех народов СССР к социалистической культуре и сплочения их в новой «зональной» (впоследствии названной «новой исторической») общности людей [Вдовин, 2019, с. 219—221].

Фактическим обоснованием данного тезиса является событийный ряд в сфере образования, который свидетельствует о том, что отход от национализации школы не снизил, а повысил требования к качеству образования, улучшив условия их выполнения. В августе 1931 года состоялось решение об организации на базе Осетинского отделения Горского педагогического института самостоятельного Осетинского пединститута, который стал главным центром подготовки учителей для осетинской школы. За 1930—1936 годы число учителей в Северной Осетии выросло более чем в 2 раза и составило 2118 человек. Среди них 90 % были уже выпускниками советских вузов и техникумов. Две трети общего числа педагогов общеобразовательной школы составляли осетины [Черджиев, 1960, с. 110].

Научным подспорьем качественного развития школы можно признать и объединенную конференцию Северной и Южной Осетии по вопросам языкового строительства, которая состоялась 15 мая 1934 года. Конференция предложила проводить последующую работу по «коренизации» школы на едином литературном языке, в качестве которого был принят иронский диалект осетинского языка. Приверженцы пристрастных политических оценок, исходя из абсолютизации «страшного десятилетия культа личности», склонны видеть в утвержденных на бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б) 8 июля 1934 года решениях отмеченной конференции отправную точку для наступления на диалекты как на этап в государственной языковой политике [Бзаров, 2005, с. 57—58]. Однако и в данном случае невозможно игнорировать материалы, свидетельствующие, например, о сохранении преподавания в начальных школах на дигорском диалекте, печатание районной газеты «Сурх Дигора», возможности молодым лите-

раторам публиковаться на своем диалекте (хотя справедливости ради следует признать, что их призывали скорее овладевать литературным языком). Причем по всем вопросам языкового строительства и издательской работы предписывалось осуществлять широкие контакты с Южной Осетией [Карпов, 2017, с. 295—296].

Доказательством служит и «согласованная» рекомендация указанной объединенной конференции 1934 года о завершении сохраняющей смысла коренизации неполной средней школы в 1937/38 учебном году и всей осетинской средней школы к 1940/41 учебному году. В целом, как бы то ни было, фактом остается коренизация 1930-х годов как реализованный курс на национализацию образования и ликвидацию неграмотности на национальной территории.

При этом мы ни в коей мере не можем не учитывать свидетельства, указывающие на нарастание с середины 1930-х годов «рекомендательных» форм осуществления нового курса в образовательной и языковой политике. На Межобластной конференции по языковому строительству 1936 года были публично представлены предложения об увеличении сроков изучения русского языка, расширении объема часов по учебным планам «для наилучшего усвоения русского языка». В этой связи неслучайными оказались приведенные факты преподавания в отдельных местах предметов «на каком-то смешанном русско-осетинском языке-жаргоне» [Бзаров, 2005, с. 58]. Как организационные издержки языковой составляющей политики коренизации, они отчасти послужили переводу в 1938 году осетинской письменности с латиницы на русскую графику. Имеющиеся материалы показывают положительную реакцию школ на этот перевод, поскольку русская графика облегчила параллельное обучение детей на двух языках. В то же время в осетиноведении был зафиксирован «перерыв в традиции», который замедлил распространение грамотности на родном языке. Кроме того, реформа графики приобрела в Южной Осетии национально-политический окрас из-за перевода осетинской письменности на грузинскую графику, отдалив две части Осетии в перспективах культурной самоидентификации.

Принятые в исследуемый период решения и их последствия для осетинской культуры заслуживают глубокого анализа, так как отдаленные следствия, свидетелями которых стали поколения осетин конца XX — начала XXI века, имеют общенациональное значение. Поэтому в качестве одного из аргументов для изучения темы следует поддержать сложившееся среди исследователей мнение о том, что отказ от латинской графической основы для осетинской письменности был неизбежным в ходе развития национальной культуры и национальной школы в условиях советской действительности тех лет. Он знаменовал смену части политических установок советской вла-

сти в сфере развития национальных культур. Специалисты рассматривают данный шаг как предтечу свертывания коренизации, которая создала условия для административного и культурного разделения единого осетинского народа. Развивая данный тезис, приверженцы радикальных оценок считают, что в итоге осетины в числе других малочисленных народов исполнили роль «материала для этнической ассимиляции» [Бзаров, 2005, с. 59].

Безусловно, их оценки частично оправдываются экстраполированным контекстом событий 1990-х годов. Еще большую актуальность эти шаги в области культурной политики 1930-х годов имеют в настоящее время в качестве предостережений при разработке новых программ развития национальной культуры. Следует отметить, что предостережения звучали и в конце 1930-х годов в ходе систематических обсуждений, критики содержания методических, учебных пособий в ОблОНО, в профильных учебных заведениях. Но начавшийся в 1940 году очередной этап национализации школьного образования, согласно постановлению бюро обкома ВКП(б) и СНК СОАССР от 6 декабря 1940 года ориентированный на коренизацию 5—7 классов с последующим переходом на родной язык в 8—10 классах с 1944/45 учебного года, был сорван Великой Отечественной войной [Черджиев, 1958, с. 60—61]. Последствия войны для североосетинского общества, для образования и культуры Осетии были таковы, что отвели на второй план многие предвоенные проекты.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, этапы реформирования системы образования в Северной Осетии в контексте культурной политики 1920—1930-х годов имеют не только хронологические рамки, но и, что значительно важнее, социально-политические и организационные контуры. Анализ развития системы образования позволяет определить методики разработки планов и программ формирования научно-технических, методических, кадровых основ новой советской национальной школы.

Сама поэтапность подхода к возникавшим проблемам обусловила гибкость органов власти и управления в преодолении промежуточных издержек, неизбежных в революционных по содержанию трансформациях в сфере культуры. Национальная школа стала отчасти лабораторией формирования новой национальной интеллигенции. Благодаря соединению усилий прогрессивной части интеллигенции, учителей, ученых, просветителей, представителей советской власти была создана система образования, выполнившая задачи преодоления всеобщей неграмотности, формирования советской «трудовой» интеллигенции, подготовки на базе трудовых школ кадров для различных отраслей народного хозяйства.

На фоне социально-политических и экономических процессов 1920—1930-х годов осетинская школа развивалась в соответствии с директивными решениями органов управления. От национализации школ на основании постановления Наркомпроса РСФСР от 31 октября 1918 года развитие страны привело систему образования Северной Осетии к коренизации согласно решению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года. Эта трансформация отражала сложнейший социально-психологический перелом в высших эшелонах власти в отношении национальных культур и, как следствие, повысила политический прагматизм в развитии национальной школы.

История последующего развития осетинской национальной школы подтвердила, что наблюдавшиеся в ней к концу 1930-х годов изменения определили стратегический вектор образовательной политики советской власти вплоть до распада СССР.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Культурное* строительство в Северной Осетии (1917—1941) : сборник документов и материалов / сост. Л. Д. Бирюкова и др. — Орджоникидзе : Ир, 1974. — Том 1. — 546 с.
2. НА СОИГСИ — *Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных исследований*. Ф. История. Народное образование. Оп. 1. Д. 40. Л. 2—3, 22.
3. *О стратегии национальной безопасности Российской Федерации* [Электронный ресурс] // Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. — Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/1e2b5c5fc29c839c457c3d876e9cc7b475bc7d45/ (дата обращения 21.11.2022).
4. *Окружные съезды советов Северо-Осетинской автономной области (резолуции по народному образованию)* // Известия Осетинского научно-исследовательского института. — 1926. — Вып. 2. — С. 587—597.
5. *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг.* / Упр. делами Совнаркома СССР. — Москва : [б. и.], 1942. — 1483 с.
6. *Хроника*. Отчеты о деятельности Осетинского историко-филологического общества за время его существования (28 апр. 1919 — 1 мар. 1925 г.) // Известия СОИГСИ. — 2007. — Вып. 1 (40). — С. 146—192.
7. ЦГА РСФСР-А — *Центральный государственный архив РСФСР-А*. Ф. Р. 124. (Северо-Осетинский областной отдел народного образования) Ф. Р. 124. Оп. 1. Д. 6. Л. 5; Ф. Р. 124. Оп. 1. Д. 29. Л. 72, 73; Ф. Р. 124. Оп. 1. Д. 144. Л. 4; Ф. Р. 124. Оп. 1. Д. 189. Л. 26, 29; Ф. Р. 124. Оп. 1. Д. 193. Л. 1—4; Ф. Р. 124. Оп. 1. Д. 254. Л. 7, 21, 28, 72; Ф. Р. 124. Оп. 1. Д. 829. Л. 2.

Литература

1. *Бзаров Р. С.* Очерки истории осетинской школы / Р. С. Бзаров // Историко-филологический архив. — 2005. — № 3. — С. 30—77.

2. Вдовин А. И. Русская нация в XX веке. Русское, советское, российское в этно-политической истории России / А. И. Вдовин. — Москва : РГ-Пресс, 2019. — 712 с. — ISBN 978-5-9988-0738-1.
3. Галазов А. Х. Народное образование в Северной Осетии / А. Х. Галазов // Известия Северо-Осетинского НИИ. — 1970. — Т. 28. — С. 29—47.
4. Герандоков М. Х. Культурная революция в национальных регионах : миф или реальность / М. Х. Герандоков, В. З. Герандокова. — Нальчик : Эль-Фа, 2003. — 199 с. — ISBN 5-88195-564-1.
5. Гобети З. Б. Становление и развитие народного образования на Северном Кавказе (20-е годы XX века) / З. Б. Гобети // Вестник Владикавказского научного центра. — 2006. — Т. 6. — № 4. — С. 14—16.
6. История Северо-Осетинской АССР. Советский период / отв. ред. М. С. Тотоев. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1966. — 431 с.
7. Карпов Ю. Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20—30-е гг. XX века : эволюция проблем и решений / Ю. Ю. Карпов. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2017. — 400 с. — ISBN 978-5-85803-505-3.
8. Кобахидзе Е. И. Первый Всеосетинский учительский съезд и задачи осетинской начальной школы / Е. И. Кобахидзе // Известия СОИГСИ. — 2018. — № 30 (69). — С. 147—174. — DOI: 10.23671/VNC.2018.69.22437.
9. Кулов Б. С. К высотам культуры / Б. С. Кулов. — Орджоникидзе : Ир, 1979. — 184 с.
10. Мамсиров Х. Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е гг. XX в. / Х. М. Мамсиров. — Нальчик : Эльбрус, 2004. — 328 с.
11. Рехвиашвили И. И. Культурное строительство в Горской республике (1920—1924 гг.) / И. И. Рехвиашвили. — Орджоникидзе : [б. и.], 1967. — 33 с.
12. Рубаева Э. М. Взаимодействие институтов власти и образования в Северной Осетии в 1920—1930-х гг. / Э. М. Рубаева, З. Б. Гобети // Вестник Владикавказского научного центра. — 2021. — Т. 21. — № 4. — С. 37—43. — DOI 10.46698/VNC.2021.25.80.001.
13. Стрекалова Е. Н. Интеллигенция Ставрополя в 1920 г. : принимая новую социальную реальность / Е. Н. Стрекалова // Новая культурно-интеллектуальная история российской провинции. — Ставрополь : ООО «Бюро новостей», 2012. — С. 242—252. — ISBN 978-5-904693-41-1.
14. Текиев В. Д. К сияющим вершинам / В. Д. Текиев. — Орджоникидзе : Ир, 1989. — 136 с.
15. Цориева И. Т. «Языковая» реформа и осетинская национальная школа : от «коренизации» до денационализации / И. Т. Цориева // Вестник Владикавказского научного центра. — 2009. — Т. 9. — № 1. — С. 2—5.
16. Черджиев Х. С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии / Х. С. Черджиев. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1958. — 91 с.
17. Черджиев Х. С. Решающие успехи культурной революции в Северной Осетии (1933—1941) / Х. С. Черджиев // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. — 1960. — Т. 22. — Вып. 4. — С. 108—121.

*Статья поступила в редакцию 14.03.2023,
одобрена после рецензирования 19.04.2023,
подготовлена к публикации 24.04.2023.*

Material resources

- Chronicle. Reports on the activities of the Ossetian Historical and Philological Society during its existence (28 Apr. 1919 — 1 Mar. 1925). (2007). *Bulletin SOIGSI*, 1 (40): 146—192. (In Russ.).
- Collection of legalizations and government orders for 1917—1918*. (1942). Moscow: [b. i.]. 1483 p. (In Russ.).
- Cultural construction in North Ossetia (1917—1941): collection of documents and materials*, 1. (1974). Ordzhonikidze: Ir. 546 p. (In Russ.).
- District congresses of councils of the North Ossetian Autonomous Region (resolutions on public education). (1926). *Bulletin Ossetian Research Institute*, 2: 587—597. (In Russ.).
- ON SOIGSI — Scientific Archive of the North Ossetian Institute of Humanitarian Studies. F. History. Public education. Op. 1. d. 40. L. 2—3, 22. (In Russ.).
- On the National Security Strategy of the Russian Federation. *Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021*, 400. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/1e2b5c5fc29c839c457c3d876e9cc7b475bc7d45/ (accessed 11/21/2022). (In Russ.).
- TSGA RSO-A — *Central State Archive of RSO-A. F. R. 124. (North Ossetian Regional Department of Public Education)*. (In Russ.).

References

- Bzarov, R. S. (2005). Essays on the history of the Ossetian school. *Historical and philological Archive*, 3: 30—77. (In Russ.).
- Cherdjiev, H. S. (1960). Decisive successes of the cultural revolution in North Ossetia (1933—1941). *Bulletin of the North Ossetian Research Institute*, 22 (4): 108—121. (In Russ.).
- Cherdzhiev, H. S. (1958). *Essays on the history of public education in North Ossetia*. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House. 91 p. (In Russ.).
- Galazov, A. H. (1970). Public education in North Ossetia. *Bulletin of the North Ossetian Research Institute*, 28: 29—47. (In Russ.).
- Gerandokov, M. H., Gerandokova, V. Z. (2003). *Cultural revolution in national regions: myth or reality*. Nalchik: El-Fa. 199 p. ISBN 5-88195-564-1. (In Russ.).
- Gobeti, Z. B. (2006). Formation and development of public education in the North Caucasus (the 20s of the XX century). *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center*, 6 (4): 14—16. (In Russ.).
- History of the North Ossetian ASSR. The Soviet period*. (1966). Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House. 431 p. (In Russ.).
- Karpov, Yu. Yu. (2017). *The national policy of the Soviet state on the North Caucasian periphery in the 20—30s of the XX century: the evolution of problems and solutions*. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies. 400 p. ISBN 978-5-85803-505-3. (In Russ.).
- Kobakhidze, E. I. (2018). The First All—Ossetian Teacher's Congress and the tasks of the Ossetian primary school. *Bulletin SOIGSI*, 30 (69): 147—174. DOI: 10.23671/VNC.2018.69.22437. (In Russ.).
- Kulov, B. S. (1979). *To the heights of culture*. Ordzhonikidze: Ir. 184 p. (In Russ.).
- Mamsirov, H. B. (2004). *Modernization of cultures of the peoples of the North Caucasus in the 20s of the XX century*. Nalchik: Elbrus. 328 p. (In Russ.).
- Rekhviashvili, I. I. (1967). *Cultural construction in the Mountain Republic (1920—1924)*. Ordzhonikidze: [b. i.]. 33 p. (In Russ.).

- Rubaeva, E. M., Gobeti, Z. B. (2021). Interaction of institutions of power and education in North Ossetia in the 1920s—1930s. *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center*, 21 (4): 37—43. DOI 10.46698/VNC.2021.25.80.001. (In Russ.).
- Strekalova, E. N. (2012). The intelligentsia of Stavropol in 1920: accepting a new social reality. In: *New cultural and intellectual history of the Russian province*. Stavropol: LLC “News Bureau”. 242—252. ISBN 978-5-904693-41-1. (In Russ.).
- Tekiev, V. D. (1989). *To the shining peaks*. Ordzhonikidze: Ir. 136 p. (In Russ.).
- Tsorieva, I. T. (2009). “Language” reform and the Ossetian national school: from “korenization” to denationalization. *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center*, 9 (1): 2—5. (In Russ.).
- Vdovin, A. I. (2019). *The Russian nation in the XX century. Russian, Soviet, Russian in the ethno-political history of Russia*. Moscow: RG-Press. 712 p. ISBN 978-5-9988-0738-1. (In Russ.).

*The article was submitted 14.03.2023;
approved after reviewing 19.04.2023;
accepted for publication 24.04.2023.*

Шестакова Н. Ф. Панкельтизм как форма культурного сотрудничества кельтских народов во второй половине XIX — начале XX веков / Н. Ф. Шестакова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 497—513. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-497-513.

Shestakova, N. F. (2023). Pan-Celticism as a Form of Cultural Cooperation of Celtic Peoples in Second Half of 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 497-513. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-497-513. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-497-513

Панкельтизм как форма культурного сотрудничества кельтских народов во второй половине XIX — начале XX веков

Шестакова Надежда Федоровна

orcid.org/0000-0003-2129-6325

кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
и методики преподавания
исторических дисциплин
shestakovanf@mail.ru

Уральский государственный
педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 21-78-00038
««Кельтское возрождение»
(середина XVIII — начало
XX веков): панкельтицизм
и конструирование национальной
идентичности народов
Британских островов»

Pan-Celticism as a Form of Cultural Cooperation of Celtic Peoples in Second Half of 19th — Early 20th Centuries

Nadezhda F. Shestakova

orcid.org/0000-0003-2129-6325

PhD in History, Associate Professor,
Department of World History and
Methods of Teaching
Historical Disciplines
shestakovanf@mail.ru

Ural State Pedagogical University
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 21-78-00038
The “Celtic Renaissance”
(mid-18th — early 20th centuries):
pan-Celticism and the construction
of the national identity
of the peoples of the British Isles

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализировано становление и развитие панкельтизма как движения за солидарность и сотрудничество кельтских народов в возрождении их языков и культуры, а также как средства борьбы регионов британской периферии за автономию. Особое внимание уделяется анализу деятельности Кельтской ассоциации и Кельтского конгресса, а также идеологической составляющей этих организаций. Новизна исследования видится в том, что автор впервые в отечественной историографии обратился к проблеме панацональных движений как возможной форме сохранения, поддержания и популяризации культуры и языка малых народов. Сделан вывод о том, что панкельтизм на рубеже XIX—XX веков имел как политическую, так и культурную направленность. Однако в результате последовавшей за Пасхальным восстанием 1916 года реакции британского правительства панкельтисты на время вынуждены были отказаться от политических целей. Результатом почти столетней деятельности панкельтских организаций можно считать рост самосознания кельтских народов, обретение независимости Ирландией в 1922 году и автономии Уэльсом и Шотландией в 1997 году, а также всплеск небывалого интереса к кельтскому наследию в мире в последнее десятилетие XX века.

Ключевые слова:

панкельтизм; кельтский национализм; Кельтская ассоциация; Кельтский конгресс; сотрудничество; идентичность; язык; культура.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the formation and development of pan-Celticism as a movement for solidarity and cooperation of the Celtic peoples in the revival of their languages and culture, as well as a means of struggle for autonomy in the regions of the British periphery. Particular attention is paid to the analysis of the Celtic Association and the Celtic Congress activities, as well as the ideological component of these organizations. The novelty of the study is seen in the fact that the author, for the first time in Russian historiography, turned to the problem of pan-national movements as a possible form of preserving, maintaining and popularizing the culture and language of small peoples. It is concluded that pan-Celticism at the turn of the XIX—XX centuries had both a political and a cultural dimension. However, as a result of the reaction of the British government that followed the Easter Rising of 1916, the Pan-Celists were temporarily forced to abandon their political goals. The growth of self-awareness of the Celtic peoples, the independence of Ireland in 1922 and autonomy by Wales and Scotland in 1997, as well as the surge of unprecedented interest in the Celtic heritage in the world in the last decade of the 20th century can be considered as a result of almost a century of activity of pan-Celtic organizations.

Key words:

Pan-Celticism; Celtic nationalism; Celtic Association; Celtic Congress; cooperation; identity; language; culture.

Панкельтизм как форма культурного сотрудничества кельтских народов во второй половине XIX — начале XX веков

© Шестакова Н. Ф., 2023

1. Введение = Introduction

В результате принятого в 2016 году Великобританией решения о выходе из ЕС у лидера валлийской национальной партии «Плэйд Камри» Адама Прайса возникла идея создания Кельтского союза, который бы способствовал установлению тесного экономического и культурного сотрудничества между народами британской периферии. Выступая в Дублине, он предложил создать кельтский банк, совместно развивать инфраструктурные и инвестиционные проекты в области энергетики, транспорта, а также создать условия для сохранения и развития кельтских языков [Welsh party leader...]. Его поддержали шотландские и ирландские политики, у которых даже возникло предложение о создании в долгосрочной перспективе нового Соединенного королевства, включающего в себя Шотландию, Уэльс и всю Ирландию [David Hamill...]. Однако такой расклад возможен только при условии, если каждый из обозначенных регионов получит независимость от английской короны. Несмотря на то, что их выход из состава британского королевства выглядит маловероятным, тем не менее подвижки в этом направлении есть, учитывая, что Шотландия планирует провести референдум в 2023 году, а партия Шинн Фейн, одержавшая победу на выборах в Ассамблею Северной Ирландии в 2022 году, набирает политическую силу и выступает за объединение с остальной частью острова. Поэтому не исключено, что наступит время, когда вопрос относительно кельтского воссоединения будет поставлен на голосование [David Hamill...].

На самом деле идея сотрудничества кельтских наций и создания соответствующих для этого организаций не является чем-то новым. Своими корнями она уходит в Эпоху кельтского возрождения (середина XVIII — начало XX веков). Стоит заметить, что на сегодняшний день существует ряд действующих организаций, которые специализируются на сохранении и продвижении кельтских языков и самобытной культуры данных народов. Особый вклад в дело культурного сотрудничества вносят такие организации, как Кельтская лига, которая была основана в 1961 году, а также Кель-

тский конгресс, возникший в 1917 году. Деятельность последней структуры направлена на обеспечение сохранности языков и развитие культур шести кельтских регионов: Шотландии, Бретани, Уэльса, Ирландии, Корнуолла и острова Мэн [International Celtic Congress...]. В этих целях Кельтский конгресс организует ежегодную конференцию, посвященную одному из аспектов кельтской культуры, истории и окружающей среды. Кельтская лига ставит перед собой те же самые задачи, что и ранее упомянутая организация, но ее главным отличием является то, что она носит еще и политическую направленность, так как главными целями данного учреждения являются борьба мирными средствами за обеспечение политической, культурной, социальной и экономической свободы независимых кельтских наций, а также их активное сотрудничество в этих сферах.

В уставе организации указано, что ее деятельность направлена, во-первых, на содействие сотрудничеству между кельтскими народами и осознанию солидарности между ними, во-вторых, на освещение за рубежом их национальной борьбы, в-третьих, на объединение народов британской периферии после получения ими независимости; наконец, на использование национальных ресурсов каждого кельтского региона на благо своего народа [Costitution of The Celtic League...].

Кельтская лига и Кельтский конгресс являются важнейшими составляющими единого политического, социального и культурного движения, известного как *панкельтизм*. Начало ему было положено в Эпоху кельтского возрождения, а именно во второй половине XIX — начале XX веков, когда на территории Британских островов наблюдался рост националистических настроений и стремление народов периферии получить право на самоуправление или даже обрести независимость. Наиболее радикально настроенной являлась Ирландия, в которой существовало три политических направления: во-первых, юнионизм, сторонники которого поддерживали союз с Великобританией, во-вторых, реформаторское направление, в рамках которого Ирландская парламентская партия конституционным путем боролась за гомруль (самоуправление), в-третьих, революционное движение, представленное Шинн Фейн, Ирландским республиканским братством, Ирландской социалистической республиканской партией и др. Целью этих политических партий являлось достижение независимости Ирландии силовым способом [Дуров, 2018, с. 352].

В отличие от ирландского, валлийский и шотландский национализм рубежа XIX—XX веков носил более спокойный и мирный характер. В Уэльсе наиболее явно было представлено реформаторское направление, в рамках которого в 1886 году в Лондоне возникло движение «Молодой Уэльс». Его целью являлась борьба за получение валлийцами права на

самоуправление, упразднение англиканской церкви как государственной, развитие образования и др. [The Cymru Fydd conference...]. Что касается северного региона Британии, то там в 1885—1886 годах, как и в Ирландии, возникло движение за гомруль.

Росту национализма на территории Британских островов способствовал «кельтский ренессанс», а именно движение кельтских народов за восстановление своей культурной самобытности и сохранение родных языков. Источником вдохновения для писателей, художников и музыкантов Ирландии, Шотландии, Уэльса являлись традиции и мифологические сюжеты древних кельтов [Hunter, 2015, p. 4]. К этому движению пренебрежительно относились английские и французские соседи, которые окрестили данное явление «Кельтскими сумерками», а за регионами британской периферии закрепили название «кельтской окраины» [Ellis, 1993, p. 11]. Однако в ходе культурного возрождения в 1866 году Вестминстером было признано право жителей острова Мэн на самоуправление, а в 1922 году в результате национально-освободительной войны возникла республика Ирландия. Что же касается других регионов, то «кельтский ренессанс» дал импульс началу процесса деволюции в Уэльсе и Шотландии, который в итоге закончился референдумом 1997–1998 годов и учреждением Национальных Ассамблей.

Во второй половине XIX — начале XX веков, несмотря на рост национального самосознания, остро стояла проблема сохранения и поддержания кельтских языков, которые находились на краю гибели. Главной причиной этому был процесс англизации кельтской периферии, а также преподавание в школах английского языка, употребление которого представлялось более перспективным для подрастающего поколения представителей высших социальных категорий, так как занять какую-либо важную должность в политических и экономических структурах можно было только владея данным языком. Положительная языковая динамика наблюдалась только в Уэльсе. Например, в период 1841—1901 годов население этого края удвоилось и составило более 2 млн человек, из которых 50 % говорили на валлийском. В отличие от западного региона Британии население Ирландии в данный период сократилось почти вдвое с 8 175 000 до 4 459 000 человек, из которых только 19 % употребляли гэльский язык [Brinley, 1986, p. 422]. В Шотландии в 1891 году численность населения составила 4 млн, из которых примерно только 254 415 жителей региона признали себя гэлами [Hutchinson, 2017, p. 55]. Однако в последующее время, а именно в период с 1901 до 1931 года на севере Британии число носителей гэльского языка сократилось с 202 700 до 29 419 (2,7 % населения) [Hutchinson, 2011, p. 48].

Реакцией на сложившийся кризис стало возникновение организаций, деятельность которых была направлена на спасение кельтских языков. Та-

кие структуры, как Гэльская лига (основана в 1893 году), Общество молодых шотландцев, Молодой Уэльс и Союз бретонских регионалистов, являлись культурными учреждениями отдельных регионов, в то время как Кельтское литературное общество, Панкельтский конгресс и Кельтская ассоциация были нацелены на сотрудничество всех народов британской периферии [Stover, 2012, p. 286]. Это движение за солидарность и сотрудничество кельтских наций получило название *панкельтизм*. В данном исследовании мы обратимся к проблеме паннациональных движений как возможной форме борьбы за сохранение и поддержание культурной самобытности и языка. В статье будет предпринята попытка раскрыть сущность и значение данного политического и культурного феномена, обозначить его главных основоположников и проследить историю возникновения панкельтских организаций.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В отечественной и зарубежной историографии исследуемая нами проблема не получила должного освещения. Среди работ по данной теме можно отметить труды ирландского историка Питера Берресфорда Эллиса. В книге «Кельтский рассвет: история панкельтизма» впервые представлена попытка обрисовать историю панкельтизма и проанализировать его различные философские концепции. Автор также выделил основные успехи этого движения и его влияние на жизнь населения британской периферии [Ellis, 1993]. Другая его книга «Кельтская революция» представляет собой «панкельтский букварь», который включает в себя обзор культурной и политической истории всех шести народов — наследников древней цивилизации, а также анализ значения их революционного самосознания в борьбе против централизма [Ellis, 1985]. В сборнике «Кельтизм» под редакцией Теренса Брауна рассматривается развитие кельтизма как культурного национализма в Европе с XVIII века и по сей день [Brown, 1996]. Американский же историк Дж. Д. Стовер сосредоточился на изучении панкельтизма в период Первой мировой войны [Stover, 2012]. В коллективном труде «Модернизм и раса» также была затронута проблема зарождения культурного и политического движения и роль в этом процессе ирландского ученого французского происхождения Эдмунда Эдварда Фурнье Д'Альба [Platt, 2011, p. 63]. Тем не менее, несмотря на выше обозначенные нами труды, до сих пор нет фундаментального исследования по истории паннационального движения в кельтских регионах, которое бы охватывало все аспекты этого феномена начиная с его истоков в XVIII веке и по настоящее время. Стоит отметить, что в отечественной историографии отсутствуют труды, посвященные панкельтскому движению в Британии, поэтому наше

исследование, возможно, станет первым шагом в исследовании данной проблематики.

Источниковую базу исследования составили такие виды письменных источников, как актовый материал, источники личного происхождения, периодика. В статье был использован текст устава Кельтской Лиги, который позволил обозначить основные цели существования данной организации [Costitution of The Celtic League...]. На основе речи барона Каслтауна, произнесенной им в Карнавоне в 1904 году, удалось выделить идеологическую составляющую панкельтского движения [Inaugural Address...]. Британские средства массовой информации «The Scotsman» [David Hamill...], «RTE» [Welsh party...] предоставили сведения о влиянии панкельтизма на планы политиков британской периферии относительно будущего кельтских регионов после брекзита. Наконец, на основе публикаций в газете «The Llangollen advertiser» удалось раскрыть программу движения «Молодой Уэльс» [The Cymru Fydd conference...].

Методология исследования основана на принципе историзма, а также на применении системного и компаративистского подходов. В связи с этим были использованы историко-сравнительный, историко-системные и историко-генетический методы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Идеологическая составляющая панкельтизма

Панкельтское движение сформировалось к концу XIX века. В рамках него обозначились три отдельных направления. Первое включало в себя ряд лиц (среди них был У. Б. Йейтс), рассматривавших кельтскую культуру как историческую сокровищницу, из которой можно черпать сюжеты для литературного творчества. Второе направление было представлено коллективом деятелей, которые, осознав, что кельтские языки находятся в опасности, направили свои усилия на их спасение от исчезновения, оказывая воздействие на британскую политику. Наконец, представители третьего направления считали, что сохранение и восстановление кельтских языков и культуры могут быть достигнуты только политическими средствами и созданием независимых государств [Ellis, 1993, p. 68].

Первым шагом к установлению связей и сотрудничества между кельтскими народами стало их участие в эйстетовде — валлийском фестивале музыки и поэзии. С 1834 года это мероприятие, которое было проведено в Абергавенни, стало излюбленным местом встреч представителей Уэльса, Бретани и других кельтских регионов. На основе эйстетовда в 1838 году в Абергавенни был проведен первый Панкельтский конгресс [Haywood, 2014, p. 189]. Стоит отметить, что эйстетовд был возрожден

в конце XVIII века валлийским антикваром Эдвардом Уильямсом с помощью красочной бардо-друидической церемонии Горседда [Charnell-White, 2007, p. 79]. В 1901 году эта церемония была заимствована бретонцами, а в 1928 году она была впервые проведена корнуолльцами. В 1971 году Горседды Уэльса, Бретани и Корнуолла объединились в единый Горседд бардов острова Британия, возглавляемый верховным друидом из Уэльса [Ellis, 1993, p. 56]. В свою очередь в Шотландии под влиянием эйстетвода в 1892 году возник фестиваль гэльской песни, искусства и культуры под названием «Mod» (*Mod* — ‘конгресс’). В Ирландии же с 1897 года организуют «Feis Ceoil» — конкурсный фестиваль традиционной и классической музыки, созданный Энни Паттерсоном и Эдвардом Мартином. Таким образом, вышеобозначенные фестивали можно считать прообразом и основой возникновения в дальнейшем главных панкельтских организаций.

Среди основоположников панкельтизма в первую очередь стоит назвать Шарля де Голля и Бернарда Эдварда Барнаби Фицпатрика. Бретонского писателя Шарля де Голля (1837—1880), дядю первого президента Пятой Французской Республики, можно считать идеологом панкельтизма, так как он одним из первых обозначил цели этого движения. Он изложил их на втором Кельтском конгрессе, который состоялся в Сен-Бриё в Бретани в 1867 году. Именно им было предложено учредить ежегодный Кельтский конгресс и федерацию независимых кельтских стран.

Сформулировать же общую идею панкельтизма удалось Б. Фицпатрику, второму барону Каслтауну из Верхнего Оссори (1849—1937). Он был убежденным юнионистом и в то же время вместе с лордом Лонгфордом являлся основателем Ирландского патриотического союза (1885). Свое видение панкельтизма он изложил на Панкельтском конгрессе в Карнарвоне в 1904 году. Восхищаясь Британской империей, он в своей речи отметил, что над ее строительством трудилось множество народов и меньшую роль в этом процессе сыграли англосаксы. Барон Каслтаун, задаваясь вопросом о пользе объединения кельтских наций, выделил четыре аспекта: национальный, социальный, политический и религиозный. Первый аспект он раскрывает, ссылаясь на то, что ирландцы и бретонцы могут многому поучиться у валлийцев и шотландцев в плане противостояния англизации. Малочисленные кельтские нации, объединившись, смогут выстоять перед интеграционной политикой британской короны и успешно бороться за свои права. Значение второго аспекта этот деятель видел в обмене социальным опытом и взаимодействии путем организации различного рода культурных фестивалей (по примеру валлийского эйстетвода), которые представляют большую ценность для изучения филологии, сравнительного анализа языков, поэзии, музыки и искусства. Барон Каслтаун отмечал,

что Кельтская ассоциация не имеет политической направленности. Тем не менее было бы неплохо предоставить кельтским регионам возможность влиять на политику государства [Inaugural Address...]. Наконец, под религиозным аспектом барон подразумевал непоколебимость кельтских наций в своей христианской вере (валлийцы — неконформисты, ирландцы — католики, шотландцы — пресвитериане или католики). Требование этих народов состоит в предоставлении неоспоримого права свободы жить собственной национальной жизнью, развиваться по тому пути, который заложен в их природе.

Таким образом, панкельтизм был направлен главным образом против омертвляющего и деморализующего влияния современного англосаксонства, на внушение самоуважения и укрепление сплоченности кельтской расы. Это движение противопоставлялось экспансионистскому проекту Британской империи как совокупности «пяти наций» или федерации англоязычных колоний (Британия, Южная Африка, Канада, Австралия и Новая Зеландия). В отличие от англосаксонства, стремившегося ассимилировать малые народы, панкельтизм был нацелен на восстановление кельтской расы и предоставление ей свободы выбора своего пути развития.

В отличие от Мэтью Арнольда, который отмечал женоподобность кельтов, гармонично дополняющих англосаксов, барон Каслтаун характеризовал их как «крепкую» расу с долгой историей миграции и нацстроительства [Platt, 2011, p. 63]. Он восхваляет духовность и воображение потомков этого древнего народа, считая, что с их помощью можно противостоять дегенеративным эффектам современной жизни, связанным с индустриализацией и техническим прогрессом. Он призывает кельтские народы ценить и культивировать свое духовное, языковое и культурное наследие и рассматривать это как акт, соответствующий «высшей форме патриотизма».

3.2. Возникновение Кельтской ассоциации и Кельтского конгресса

Действительно, к концу XIX века становился все более очевидным тот факт, что, если кельтские языки окажутся за гранью возможной реанимации, то и сама культура их носителей исчезнет. В связи с этой угрозой возникает ряд панкельтских организаций, которые должны были вывести кельтские языки из состояния кризиса. Самыми значимыми среди них были Кельтская ассоциация и Кельтский конгресс. В 1899 году была создана Кельтская ассоциация с целью организации совместных фестивалей и собраний представителей науки, литературы и искусства. Вдохновителем этого нового панкельтского движения и ее лидером являлся барон Каслтаун. Он стал президентом Кельтской ассоциации, в то время как секретарем был назначен физик Ф. Д'Альба, французский гугенот по происхождению, уехавший жить в Ирландию и выучивший гэльский язык [Ibid, p. 75].

Идея создания данной структуры появилась у Ф. Д'Альба во время второго фестиваля «Feis Ceoil» в Белфасте, в котором впервые приняли участие представители Хайленда, Уэльса, Бретани и острова Мэн. Он воспользовался этой возможностью, чтобы сформировать предварительный Комитет по организации Кельтского конгресса в Дублине [Ibid, p. 60]. Вместе с бароном Каслтауном доктор Ф. Д'Альба работал над организацией Кельтской ассоциации и проведением Кельтского конгресса в Дублине в 1900 году. В марте этого же года началась публикация ежеквартального журнала под названием «Celtia» [Celtia...]. Главной целью ассоциации являлось «содействие кельтским исследованиям и поощрение сотрудничества между различными ветвями кельтской расы во всех вопросах, затрагивающих язык и национальные особенности». Организация также стремилась объединить все кельтские нации в рамках единого государства, противопоставив его «периферийной» Англии [Stewart, 2018, p. 4].

В 1900 году в Дублине был учрежден ежегодный Кельтский конгресс, в рамках которого организовывались лекции ученых, посвященные изучению различных аспектов кельтских языков и культуры. Несмотря на то, что на первой встрече присутствовали представители Корнуолла, считалось, что этот регион сильно англизирован, а его жители, утратившие родной язык еще в конце XVIII века, не могут считаться одним из кельтских народов по «лингвистическому критерию». В состав же конгресса входили только те регионы, в которых население говорило на родном языке. На втором конгрессе, состоявшемся 15 августа 1901 года, официальная заявка Корнуолла на членство была отклонена. В ответ на это было создано Кельтское корнуолльское общество, в результате деятельности которого началось возрождение корнуолльского языка. Жители этого края смогли продемонстрировать своим собратьям-кельтам, что их язык не мертв и на нем говорит достаточное количество людей. Наконец, 31 августа 1904 года члены конгресса приняли корнуолльцев в свой состав после того, как Генри Дженнер, один из основоположников «возрождения корнуолльского языка», выступил с речью под названием «Корнуолл: кельтская нация», которая убедила большинство делегатов поддержать заявку [Ellis, 1993, p. 78].

Кельтская ассоциация получила известность благодаря организованным ею трем Кельтским конгрессам: первый состоялся в августе 1901 года в Дублине, другой был проведен в Карнарвоне в 1904 году, и, наконец, в 1907 году еще один состоялся в Эдинбурге. Примечательно, что каждый Конгресс открывался «причудливой церемонией закладки «Lia Cìneil», или «Камня Расы». Изначально он представлял собой конструкцию, которая состояла из пяти гранитных блоков, символизирующих пять кельтских наций: шотландцев, ирландцев, валлийцев, мэньцев и бретонцев. На

Конгрессе 1904 года, когда Корнуолл был признан еще одной кельтской нацией, к «Lia Cineil» был добавлен еще один. В ходе церемонии представители каждой нации по очереди устанавливали свой камень. По завершении создания конструкции валлийский архидруид, в соответствии с обрядами церемонии Горседда, подняв частично вынутый из ножен меч, трижды восклицал по-гэльски: «Есть ли мир?», на что все собравшиеся отвечали: «Мир». Затем он снова вставлял меч в ножны в знак того, что между народами воцарился мир. Создание «Lia Cineil» символизировало объединение разделенных морем кельтов [Platt, 2011, p. 62]. На каждом камне была отмечена начальная буква названия одного из кельтских регионов: E — Ирландии (Eire), C — Уэльс (Cymru), A — Шотландия (Alba), B — Бретань (Breizh), K — Корнуолл (Kernow).

Кельтская ассоциация пользовалась поддержкой многих видных членов Гэльской лиги, таких как Дуглас Хайд, Патрик Пирс и Майкл Девитт. Леди Грегори, мечтавшая о том, чтобы Ирландия стала душой великой панкельтской империи [Fleming, 2001, с. 206], вошла в состав Панкельтского комитета, а известный ирландский писатель У. Б. Йейтс посетил первый Кельтский конгресс в Дублине.

3.3. Раскол в панкельтском движении

Кельтская ассоциация нашла широкую поддержку в регионах британской периферии, однако в Ирландии среди представителей националистического движения были и те, кто отвергал панкельтизм и подвергал его критике. Кельтский конгресс с его торжественными церемониями и шествиями, в которых участвовали кельты со всей Британии и Бретани, облачившись в свои национальные костюмы, стал легкой мишенью для насмешек. Например, в статье «Панкельтский фарс», опубликованной в ирландском еженедельнике «Лидер», конгресс сравнивался с пантомимой: «Шесть арлекинов сложили друг на друга куски гранита, или какие-то каменные плиты, и назвали это творение “Lia Cineil”». Представители оппозиции считали, что ирландцы не должны иметь ничего общего ни с англо-ирландскими аристократами, ни с «британскими» кельтами, которые являлись сторонниками империи. На рубеже XIX—XX веков националистическая Ирландия была антимонархически настроена и открыто выступала в поддержку буров в англо-бурских войнах. Наиболее ярким противником панкельтизма и барона Каслтауна была Гэльская лига (Conradh na Gaeilge) — движение за сохранение ирландского языка, возникшее в 1893 году. Ее лидером был будущий первый президент Ирландии (с 1937 года) доктор Дуглас Хайд (1860—1949), который, высказываясь в поддержку панкельтизма, получил приглашение присоединиться к работе комитета Кельтского конгресса. Это приглашение он вынес на обсуждение в комитете исполнительной власти

Гэльской лиги. Его члены не стали накладывать никаких ограничений на посещение им в частном порядке Кельтского конгресса. Однако они заявили, что им «было бы жаль, если бы кто-либо из членов их организации уделял время или деньги предприятию, которое не может помочь выжить ирландскому языку». Доктор Д. Хайд из-за возможной критики в его сторону решил отказаться от поддержки конгресса, однако продолжал оставаться сторонником панкельтизма.

Центром раскола движения за сохранение гэльского языка стали два журнала, такие как еженедельник «Caoilfhionn Nic Phaidin» (1898—1900) под редакцией панкельтиста Бернарда Дойла и еженедельник «An Claidheamh Soluis» (с 1899 года) под редакцией Оуэна Макнейла, который поддерживал связь с Гэльской лигой [Ellis, 1993, p. 76].

В июле 1899 года поэт, драматург и учитель П. Пирс, который в дальнейшем будет объявлен президентом временного правительства Ирландской республики и казнен в 1916 году за участие в Пасхальном восстании, был отправлен Гэльской лигой на валлийский эйстетвод в качестве своего представителя. Он, будучи сторонником панкельтизма, стал катализатором разрешения конфликта, возникшего между сторонниками и противниками сотрудничества кельтских народов. Поэт дал два-три интервью барону Каслтауну, что привело в ярость членов Гэльской лиги, которые без явного одобрения редактора О. Макнейла обрушились на поэта с критикой в публикациях журнала «An Claidheamh Soluis». Это заставило П. Пирса отправить телеграмму протеста редактору. Затем доктор О. Макнейл написал письмо в ирландскую националистическую ежедневную газету «Freeman's Journal», в которой он отрицал участие в нападках на поэта. 19 августа 1899 года в «Fainne an Lae» была опубликована редакционная статья в поддержку О. Макнейла. Именно этот инцидент привел к поражению антипанкельтского лобби, в чьих руках сосредотачивалась исполнительная власть Кельтской лиги. Таким образом, П. Пирс, О. Макнейл и Д. Хайд вынудили их уйти в отставку, сформировав новую исполнительную власть, а также приняв декларацию, направленную на установление тесной связи между Гэльской лигой и Кельтской ассоциацией [Ibid, p. 77].

С течением времени Кельтский конгресс набирал силу. Среди его первых энтузиастов-участников был ирландский поэт и писатель Альфред Персеваль Грейвс (1846—1931 годы), который был основателем лондонского отделения Кельтской лиги и членом Ирландского литературного общества. Секретарь Грейвса, фольклорист Мона Дуглас с острова Мэн также стала ведущей панкельтской фигурой [Ellis]. На страницах журнала «Celtia» обсуждалась дальнейшая судьба Кельтского конгресса, а также цели и концепция панкельтизма.

3.4. Влияние Первой мировой войны на панкельтское движение

В 1914 году началась Первая мировая война, которая на время превратила культурные движения и борьбу кельтской периферии за автономию. В мае 1914 года, после второго чтения в Палате общин, обсуждение вопроса о шотландском самоуправлении было отложено. Деятельность Валлийского национального движения, которое до 1914 года было сосредоточено на решении проблем, связанных с развитием промышленности и образования, а также упразднением англиканской церкви в Уэльсе, во время войны была приостановлена, а продвижение билля о самоуправлении этого края потерпело крах.

Тем не менее война стала облегчением для тех, кто пытался решить ирландский вопрос. Все больше нарастала угроза гражданской войны между вооруженными и обученными ирландскими добровольцами, поддерживавшими идею самоуправления, и ольстерскими добровольцами, отвергавшими ее. Вскоре, в 1916 году, радикализм ирландцев по отношению к политике Вестминстера вылился в открытое восстание на улицах Дублина во время пасхальной недели. Пасхальное восстание представляло собой не только акт неповиновения, оно также стимулировало рост сепаратистского радикализма на кельтской периферии сразу после Великой войны [Stover, 2012, p. 286].

Во время Великой войны (1914—1918) заседания Кельтского конгресса перестали проводиться, они не состоялись в 1915—1917 годах. Однако конгресс был организован в 1917 году в Беркенхеде, неподалеку от Ливерпуля. Собрание проходило в разгар войны, через год после Пасхального восстания, в связи с чем ирландских участников было мало, так как многие из них были казнены или заключены в тюрьму за участие в мятеже. По очевидным причинам во время заседания Конгресса темам, посвященным национализму, было уделено мало внимания. Начиная с Кельтского конгресса в Беркенхеде 1917 года и по сей день данная организация регулярно проводит встречи. Однако на них больше не обсуждаются темы, посвященные политике. Отныне деятельность этой организации сосредоточилась на чтении ведущими учеными лекций по филологии, культуре и истории [Ellis, 1993, p. 86].

Панкельтисты, осознав, что Кельтский конгресс больше не является местом встречи для выражения политических взглядов, начали искать возможность для создания других структур. После войны писатель и политический активист-националист Руарайд Эрскин (Ruairaidh Erskin) предпринял попытку создать движение по объединению гэльских наций (ирландцев, мэнцев и шотландцев) и выступил за создание «гэльской конфедерации». Он также верил в идею построения Шотландской социалистической

республики. В связи с этим Эрскин поддерживал отношения с революционером Джоном Маклином (1879—1923), пионером марксизма в Шотландии и главным архитектором концепции «Красного Клайда», которому удалось сформировать Шотландскую рабочую республиканскую партию.

Поэт и основатель Шотландской национальной партии (1928 год) Хью Макдиармид (Кристофер Мюррей Грив, 1892—1978) также вынашивал идею создания на Британских островах Кельтского союза социалистических советских республик. Он стал одним из первых, кто придал политическому панкельтизму радикальный характер, считая, что это движение не только должно выступать за культурное сотрудничество между регионами британской периферии, но также обязано служить организацией, объединяющей партии, борющиеся за независимость и имеющие социалистическую направленность. Панкельтизм, по мнению Макдиармида, должен быть связан не только с борьбой за национальную независимость, но и за социальную свободу. Однако всем этим социалистическим проектам не было суждено осуществиться. Кельтский конгресс продолжал поддерживать только культурное сотрудничество между регионами британской периферии. Никому так и не удалось создать политически ориентированный панкельтский орган вплоть до 1947 года. В этом году в Дублине во время заседания Кельтского конгресса будет принято решение об организации Кельтского союза. Его возникновение положит начало деятельности политически ориентированных панкельтских изданий и учреждений, а также основанию в 1961 году современной Кельтской лиги, выступающей за политические, языковые, культурные и социальные права народов британской окраины [Ibidem].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, подводя итоги, стоит отметить, что возрождение кельтской культуры, которое началось в середине XVIII века в отдельно взятых регионах Британских островов, способствовало на рубеже XIX—XX веков сплочению усилий всех кельтских наций в борьбе за сохранение своих родных языков. Признание валлийцами, шотландцами, ирландцами, мээнцами, корнуолльцами и бретонцами своего культурного и языкового родства привело к развитию панкельтизма. Это движение также возникло из-за желания этих народов чувствовать поддержку союзников в борьбе за сохранение своей самобытности. Панкельтизм, как и другие паннациональные движения в XIX веке, имел политическую направленность и был нацелен на получение большей свободы в рамках Британской империи или даже выход кельтских регионов из ее состава. Однако в дальнейшем акцент постепенно сместился с политической сферы на сферу культурную. Причи-

ной этому послужило ужесточение реакции британского правительства на всплеск национализма в период Первой мировой войны, который перерос в 1916 году в Пасхальное восстание. Стоит заметить, что обретение Ирландией в 1922 году независимости также способствовало спаду стремления панкельтистов к достижению политических целей. Поэтому в дальнейшем они будут нацелены в первую очередь на сотрудничество в сфере культуры вплоть до послевоенного периода, когда вновь жителями британской периферии будет поставлен вопрос о необходимости проведения деволуции. В последнее десятилетие XX века наметился новый «кельтский ренессанс», обусловленный всплеском интереса мировой общественности к историческому наследию древнего народа и его потомков. Это привело к созданию Кельтских обществ в Индии и Японии, а также проведению различных выставок, лекций, конференций и фестивалей во многих странах мира. Из этого можно сделать вывод о том, что начался новый виток в развитии панкельтизма и его выход на международную арену. Таким образом, выработанные кельтскими народами на рубеже XIX—XX веков формы сотрудничества могут служить хорошим примером по налаживанию культурного диалога между братскими народами и способствовать популяризации их культуры в мире.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Celtia* ; a Pan-Celtic monthly magazine. — Dublin : Dublin Celtic Associaton, 1901. — 246 p.
2. *Costitution* of The Celtic League [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.celticleague.net/constitution-of-the-celtic-league/> (accessed 16.01.2023).
3. *David* Hamill : A Celtic Union as a Brexit alternative? [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.scotsman.com/news/politics/david-hamill-celtic-union-brexit-alternative-1451572> (accessed 18.01.2022).
4. *Inaugural* Address on the The Pan-Celtic Idea, By Lord Castletown // Transactions of the Liverpool Welsh National Society. Nineteenth session, 1903—1904. — 1904. — Pp. 11—19.
5. *The Cymru* Fydd conference // The Llangollen advertiser. — 1894. — P. 3.
6. *Welsh* party leader calls for Celtic political union [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.rte.ie/news/2019/0110/1022489-welsh-party-leader-calls-for-celtic-political-union/> (accessed 08.01.2023).

Литература

1. *Дуров В. И.* Ирландский национализм и великая война : начало раскола Ирландии / В. И. Дуров // Известия Саратовского университета. — 2018. — Т. 18. — Вып. 3. — С. 351—355. — DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-351-356.

2. *Brinley T.* Cauldron of Rebirth, A : Population and the Welsh Language in the Nineteenth Century / T. Brinley // *Welsh History Review*. — Cardiff : Routledge, 1986. — T. 13. — P. 422. — ISBN 9780429228896.
3. *Brown T.* Celticism / T. Brown. — Amsterdam : Rodopi, 1996. — 299 p. — ISBN 90-5183-998-7.
4. *Charnell-White C. A.* Bardic Circles : National, Regional and Personal Identity in the Bardic Vision of Iolo Morganwg / C. A. Charnell-White. — Cardiff : University of Wales Press, 2007. — 296 p. — ISBN 978-0-7083-2195-9.
5. *Ellis M.* A short history of the Celtic Congress [Electronic resource] / Ellis. M. — Access mode : <https://web.archive.org/web/20110725151845/http://www.celtic-congress.org/cc-hist-mellis.html> (accessed 10.01.2023).
6. *Ellis P. B.* The Celtic Dawn / P. B. Ellis. — Talybont : Y Lolfa, 1993. — 206 p. — ISBN 0094727708.
7. *Ellis P. B.* The Celtic Revolution. A Study in Anti-Imperialism / P. B. Ellis. — Talybont : Y Lolfa, 1985. — 224 p. — ISBN 978-0862430962.
8. *Fleming D. W. B.* Yeats ad Postcolonialism / D. Fleming. — New York : Locust Hill Press, 2001. — 338 p. — ISBN 978-0933951884.
9. *Haywood J.* The Celts. Bronze Age to New Age / J. Haywood. — New York : Taylor and Francis, 2014. — 248 p. — ISBN 0-582-50578-0.
10. *Hunter F.* Celts : Art and Identity / F. Hunter. — London : British Museum Press, 2015. — 304 p. — ISBN 978-0714128351.
11. *Hutchinson R.* A Waxing Moon. The Modern Gaelic Revival / R. Hutchinson. — Edinburgh : Mainstream Publishing, 2011. — 272 p. — ISBN 978-1840187946.
12. *Hutchinson R.* The Butcher, the Baker, the Candlestick-Vaker / R. Hutchinson. — New York : Little, Brown Book Group, 2017. — 352 p. — ISBN 978-1408707012.
13. *International Celtic Congress* [Electronic resource]. — Access mode : <https://internationalcelticcongress.org/en/> (accessed 11.01.2023).
14. *Platt L.* Modernism and Race / L. Platt. — Cambridge : Cambridge University Press, 2011. — 219 p. — ISBN 978-0-521-51944-1.
15. *Stewart I. B.* Celticism and the Four Nations in the Long Nineteenth Century / I. B. Stewart // *Four Nations Approaches to Modern British History*. — London : Palgrave Macmillan, 2018. — 23 p.
16. *Stover J. D.* Modern Celtic Nationalism in the Period of the Great War : Establishing Transnational Connections / J. D. Stover // *Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium*. — 2012. — Vol. 32. — Pp. 286—301.

*Статья поступила в редакцию 12.02.2023,
одобрена после рецензирования 29.03.2023,
подготовлена к публикации 15.04.2023.*

Material resources

Celtia; a Pan-Celtic monthly magazine. (1901). Dublin: Dublin Celtic Associaton. 246 p.
Constitution of The Celtic League. Available at: <https://www.celticleague.net/constitution-of-the-celtic-league/> (accessed 16.01.2023).
David Hamill: A Celtic Union as a Brexit alternative? Available at: <https://www.scotsman.com/news/politics/david-hamill-celtic-union-brexit-alternative-1451572> (accessed 18.01.2022).

Inaugural Address on the The Pan-Celtic Idea, By Lord Castletown. (1904). *Transactions of the Liverpool Welsh National Society. Nineteenth session, 1903—1904*. 11—19.
The Cymru Fydd conference. (1984). The Llangollen advertiser. P. 3.
Welsh party leader calls for Celtic political union. Available at: <https://www.rte.ie/news/2019/0110/1022489-welsh-party-leader-calls-for-celtic-political-union/> (accessed 08.01.2023).

References

- Brinley, T. (1986). Cauldron of Rebirth, A: Population and the Welsh Language in the Nineteenth Century. In: *Welsh History Review*, 13. Cardiff: Routledge. P. 422. ISBN 9780429228896.
- Brown, T. (1996). *Celticism*. Amsterdam: Rodopi. 299 p. ISBN 90-5183-998-7.
- Charnell-White, C. A. (2007). *Bardic Circles: National, Regional and Personal Identity in the Bardic Vision of Iolo Morganwg*. Cardiff: University of Wales Press. 296 p. ISBN 978-0-7083-2195-9.
- Durov, V. I. (2018). Irish nationalism and the Great War: the beginning of the split of Ireland. *Bulletin Saratov University*, 18 (3): 351—355. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-351-356. (In Russ.).
- Ellis, M. *A short history of the Celtic Congress*. Available at: <https://web.archive.org/web/20110725151845/http://www.celtic-congress.org/cc-hist-mellis.html> (accessed 10.01.2023).
- Ellis, P. B. (1993). *The Celtic Dawn*. Talybont: Y Lolfa. 206 p. ISBN 0094727708.
- Ellis, P. B. (1985). *The Celtic Revolution. A Study in Anti-Imperialism*. Talybont: Y Lolfa. 224 p. ISBN 978-0862430962.
- Fleming, D. (2001). *W. B. Yeats ad Postcolonialism*. New York: Locust Hill Press. 338 p. ISBN 978-0933951884.
- Haywood, J. (2014). *The Celts. Bronze Age to New Age*. New York: Tay-lor and Fracis. 248 p. ISBN 0-582-50578-0.
- Hunter, F. (2015). *Celts: Art and Identity*. London: British Museum Press. 304 p. ISBN 978-0714128351.
- Hutchinson, R. (2011). *A Waxing Moon. The Modern Gaelic Revival*. Edinburgh: Mainstream Publishing. 272 p. ISBN 978-1840187946.
- Hutchinson, R. (2017). *The Butcher, the Baker, the Candlestick-Vaker*. New York: Little, Brown Book Group. 352 p. ISBN 978-1408707012.
- International Celtic Congress*. Available at: <https://internationalcelticcongress.org/en/> (accessed 11.01.2023).
- Platt, L. (2011). *Modernism and Race*. Cambridge: Cambridge University Press. 219 p. ISBN 978-0-521-51944-1.
- Stewart, I. B. (2018). Celticism and the Four Nations in the Long Nineteenth Century. In: *Four Nations Approaches to Modern British History*. London: Pal-grave Macmillan. 23 p.
- Stover, J. D. (2012). Modern Celtic Nationalism in the Period of the Great War: Establishing Transnational Connections. *Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium*, 32: 286—301.

*The article was submitted 12.02.2023;
approved after reviewing 29.03.2023;
accepted for publication 15.04.2023.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Издается с 2012 года. Язык публикации — русский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в WoS (Emerging Sources Citation Index)
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Включен в Global Serials Directory Ulrichs Web.
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ	
Область наук: Социальные и гуманитарные науки	
Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Язык публикации — русский.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОРЯНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив Свердловской области*. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел рукописей* Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;
рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
<https://www.sciencedirect.com/>
<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>
<https://doaj.org/>
<https://mjl.clarivate.com/home>
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G. Hedges* : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или

диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

Bekoeva, M. T., Tsalikova, M. A. Parenthetic Constructions in Text of Alan Cherchesov's Novel "A Wreath on the Grave of the Wind".....	9
Bodnaruk, E. V., Astakhova, T. N. Evidential Markers in German Scientific and Popular Science Discourse: Comparative Analysis.....	28
Glushak, V. M., Shevyakova, K. V. Qualia-Structure of German From-Ethnonymic Adjectives (based on <i>deutsch</i> Lexeme).....	47
Zavyalov, V. N., Song Yong H. Constructive Properties of Union CHTO... CHTO... and Its Semantics.....	65
Rabenko, T. G., Nurzet, Ts. S.-B. Ordinary Semantics of Bionym <i>Orel</i> and <i>Ezir</i> [<i>Eagle</i>] in Russian and Tuvan Language (Results of a Linguistic Experiment).....	82
Seagal, K. Ya. Separation of Sub-substantive Infinitive as a Phenomenon of Syntax and Punctuation.....	100

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Gukosyants, O. Yu. Implementation of Speech Tactics of Persuasion Strategy in Virtual Communication during COVID-19 Pandemic: Communication Moves.....	117
Kochetova, L. A., Ilyinova, E. Yu. Linguocultural Specifics of Cybersecurity Discursive Practices Representation in Russian Media Communication: Corpus-Assisted Approach.....	134
Nikonova, E. A. Editorial as a Discursive Genre.....	153
Rebrina, L. N. Current Socionyms in German Internet Communication in 2000—2023: Semantic Dichotomies POOR — RICH, LOCAL — ALIEN.....	171

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Bagautdinova, G. G. Stylistic Factors of "Ornamental Prose" in Work of I. A. Goncharov.....	191
Bogdanova, O. V., Baranova, T. N. Potential Energy of Pretext: Structural and Compositional Features of "Isaac and Abraham" by Joseph Brodsky.....	206
Zhamankozova, A. T., Tusupbekova, M. Z., Kazhikenova, N. K. Sociocultural Aspect of Functioning of Toponymic Legends in Central Kazakhstan (Expeditions Materials 2012, 2017).	234
Zudina, D. A., Sharypina, T. A. Josef Váchal's Authorial Intentionality as a Manifestation of Aesthetic Trends in Culture at Turn of 19th—20th Centuries.....	248
Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N. Translation Strategies of M. Kuzmin in Translating Shakespeare.....	269

Tulusheva, E. S. Bestiary Motifs in Cycle of Stories by Pavel Krusanov “The King of the Head”.....	291
Shastina, E. M., Kazakova, Yu. K. Literary Cinematography as a Narrative Strategy in a Fiction Text (E. Canetti “Voices of Marrakech”).....	305

HISTORY

Akhmadullin, V. A. Activities of Council for Religious Affairs to Organize Hajj in 1960s.....	324
Barabanova, K. S. Educational Activities of Omsk Medical Society in Late XIX — Early XX Century	341
Baryshnikov, M. N. I. I. Tchaikovsky in Management of Black Sea — Baltic Shipping Line in 1894—1896.....	361
Egorova, K. B. Riots in Svisloch Gymnasium: Persecution of Secret Societies among Polish-Lithuanian Youth.....	382
Muslimova, E. O. Cooperation between Regions of Spain with Countries of Middle East and North Africa in 1978—2022	398
Nemudrov, K. A., Reinhardt, R. O. Soviet-American Scientific and Technical Cooperation in 1960s — Early 1970s: Science Diplomacy as a Factor of Détente	414
Safronova, A. M. Fedor Sannikov — Teacher at Yekaterinburg Arithmetic School (1734—1741).....	430
Slezin, A. A. Intergenerational Rift in Russian Village: Impact of “Anti-Religious Offensive” of Communist Youth at Turn of the 1920—1930s	446
Tsorieva, I. T. National School of North Ossetia in Context of Soviet Cultural Policy of 1920s—1930s	478
Shestakova, N. F. Pan-Celticism as a Form of Cultural Cooperation of Celtic Peoples in Second Half of 19th — Early 20th Centuries.....	497
TO AUTHORS.....	514

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий

Global Serials Directory Ulrichs Web
(**www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/**)

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 28.04.2023. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 30,44. Тираж 500 экз. Заказ 28/04-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2023
Свободная цена

